

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

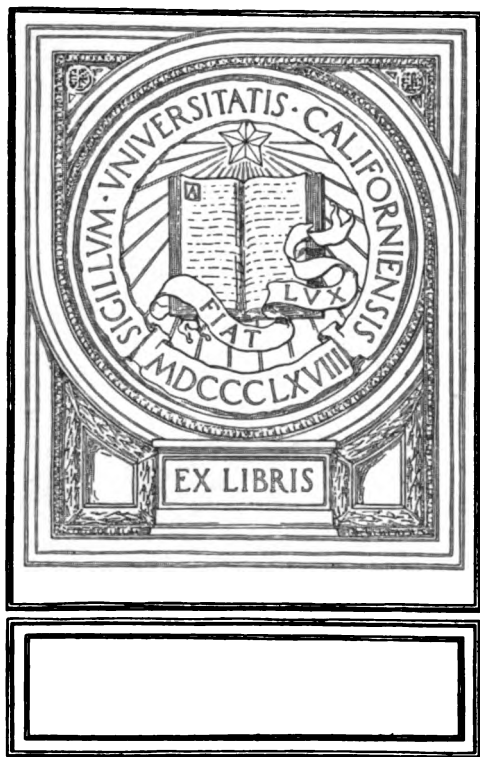
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1845
11.8
1791-4

Годъ VIII-й.

№ 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. БОМАРШЕ. (Къ столѣтію его смерти). Евгенія Дегена.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) СНЫ УЗНИКА. (Изъ Чезаре Николини).	
2) ТЮРЕМНАЯ МЕЛОДІЯ. (Изъ Чезаре Николини). 3) НА	
ЧУЖБИНѢ. (Изъ ирландскихъ пѣсень О'Ковнора). П. Я.	22
3) ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). (Продол-	
женіе). Н. Манасеиной.	26
4. АЛХИМІЯ И АЛХИМИКИ. (Страничка изъ исторіи науки). Приватъ-доцента кіевскаго университета Н. Н. Володмевича.	47
5. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРИИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. (Окончаніе). Проф. Р. Виллера.	62
6. ПРОЧЬ. Разсказъ Афъ Г. Гейерстама. (Переводъ со швед-	
скаго И. Л.)	78
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. * * * Allegro.	110
8. НОВЫЙ ЭТЮДЪ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢ-	
ЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. Л. Сѣдова.	111
9. ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. (Продолженіе). А. Вербицкой	134
10. РѢСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Пер.	
съ франц. Т. Богдановичъ. (Продолженіе). Часть третья.	164
11. УЧЕНІЕ О ЛОКАЛИЗАЦІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНО-	
СТЕЙ. (Исторія и современное состояніе). Проф. Г. Челпанова.	183
12. МОЦЬ КООПЕРАЦІИ. В. Тотоміанца.	197
13. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КИТАЯ. К. Кауѣснаго. Пе-	
реводъ съ нѣмецкаго Вик. Мазуренко.	209
14. ДУШНАЯ НОЧЬ. (Степные очерки). Юліи Безродной.	219

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. ГАЗЕТА ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Замѣтка). С. Ашевскаго.	1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Временныя правила.—Изъ поѣздки къ голодающимъ. — Экономическое значеніе грамот-	
ности.—Духоборы въ Квебекъ.—Изъ хроники переселенія.— Что читаетъ народъ.—На нефтяныхъ промыслахъ.	9
17. За границей. Американскіе университеты. — Религіозный кри-	
зисъ въ Англии. — Чествованіе памяти венгерскаго поэта.— Выставка Арміи Спасенія.—Швейцарскія дома для рабочихъ.	21

Годъ VIII-й.

№ 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ

1899 г.

Мотивы...
 18195
 21.8
 1899-1
 Пор. №

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)

1899.

ГО УЧЕБ
ДИДАКТИКА

Доведено цензурою 24-го августа 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

AP50
M47
1889:9
MAIN

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. БОМАРШЕ. (Къ столѣтію его смерти). Евгенія Дегена. . .	1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) СНЫ УЗНИКА. (Изъ Чезаре Николини). 2) ТЮРЕМНАЯ МЕЛОДІЯ. (Изъ Чезаре Николини). 3) НА ЧУЖБИНѢ. (Изъ ирландскихъ пѣсенъ О'Коннора). П. Я. . .	22
3. ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). (Продол- женіе). Н. Манасеиной.	26
4. АЛХИМІЯ И АЛХИМИКИ. (Страничка изъ исторіи науки). Приватъ-доцента кіевскаго университета Н. Н. Володнєвича. .	47
5. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. (Окончаніе). Проф. Р. Вилпера. .	62
6. ПРОЧЬ. Разсказъ Афъ Г. Гейерстама. (Переводъ со швед- скаго И. Л.)	78
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. * * * Allegro.	110
8. НОВЫЙ ЭТЮДЪ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢ- ЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. Л. Сѣдова.	111
9. ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. (Продолженіе). А. Вербицкой . . .	134
10. РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Пер- съ франц. Т. Богдановичъ. (Продолженіе). Часть третья. . .	164
11. УЧЕНІЕ О ЛОКАЛИЗАЦІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНО- СТЕЙ. (Исторія и современное состояніе). Проф. Г. Челпанова. .	183
12. МОЦЬ КООПЕРАЦІИ. В. Тотоміанца	197
13. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КИТАЯ. К. Каутскаго. Пе- реводъ съ нѣмецкаго Вик. Мазуренко.	209
14. ДУШНАЯ НОЧЬ. (Степные очерки). Юліи Безродной.	219

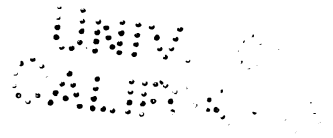
ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. ГАЗЕТА ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Замѣтка). С. Ашевскаго.	1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Временныя правила.—Изъ поѣздки къ голодающимъ. — Экономическое значеніе грамот- ности.—Духоборы въ Квебекѣ.—Изъ хроники переселенія.— Что читаетъ народъ.—На нефтяныхъ промыслахъ.	9
17. За границей. Американскіе университеты. — Религіозный кри- зисъ въ Англій. — Чествованіе памяти венгерскаго поэта.— Выставка Арміи Спасенія.—Швейцарскія дома для рабочихъ. .	21

	стр.
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Psychological Review». — «Deutsche Revue». — «Revue de Paris». — «Nineteenth Century». — «Nouvelle Revue».	28
19. ДАРОВОЙ ОБЪДЪ ДЛЯ БЪДНЫХЪ УЧЕНИКОВЪ ВЪ БОРО. Чарльса Морлей. Перев. съ англійскаго Н. Кургановой.	35
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Ботаника. Выдѣленіе тепла въ цвѣтахъ <i>Victoria regia</i> . — Бактеріологія. Къ вопросу о взаимодѣйствіи между бактеріями и зараженнымъ ими организмомъ. — Зоологія. 1) О движеніи инфузорій. — 2) Обоеніе птицъ. — Физика. Телеграфированіе безъ проволокъ. Д. Н. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.	42
21. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «М. Е. Салтыковъ», А. Н. Пыпина. — Публицистическая дѣятельность Щедрина въ 60-ые годы. — Его общественные взгляды. — Мнѣніе о реформѣ печати и о «направленіяхъ». — Взглядъ на молодое поколѣніе вообще. — Его отрицательное отношеніе къ Писареву и «вислоухимъ». — «Ома Гордѣевъ» г. Горькаго. А. Б.	59
22. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Соціологія. — Философія. — Естествознаніе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	71
23. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. О политикѣ и соціологіи въ современной Франціи. Ив. Иванова	100
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	122

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

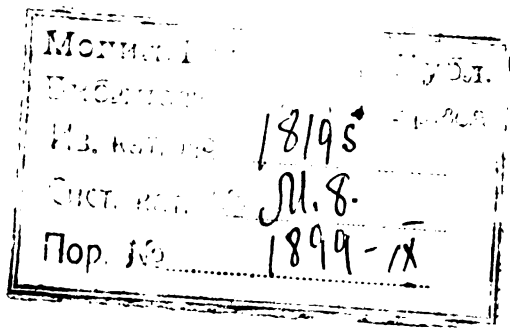
25. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. Эдмонда де-Амичиса. Переводъ съ итальянскаго Ел. Колтоновской. (Продолженіе).	51
26. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный Морицомъ Вильномомъ, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Могилянскаго и Д. Н. Нелюбова. Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Окончаніе).	247
27. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕРЦОГА СЕНТЬ-СИМОНА. Пер. съ франц. Со статьей Сентъ-Бэва о герцогѣ Сентъ-Симонѣ.	1

278
1881

Бомарше.

ВОМАРШЕ.

(Къ столѣттю его смерти).

Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,
Откупори шампанскаго бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».

Пушкинъ.

...Un jeune homme ardent au plaisir; ayant tous les goûts pour jouir; faisant tous les métiers pour vivre; maître ici, valet là, selon qu'il plaît à la fortune! ambitieux par vanité, laborieux par nécessité, mais paresseux... avec délices! orateur selon le danger, poète par délassement; musicien par occasion, amoureux par folles bouffées; j'ai tout vu, tout fait, tout usé.
«Figaro».

I.

Въ обыденномъ разговорѣ, въ газетныхъ фельетонахъ, въ юбилейныхъ спичахъ нерѣдко говорится о національномъ характерѣ, о духѣ народа, какъ о чемъ то вполне опредѣленномъ, постоянномъ и всѣмъ извѣстномъ. Если вы заинтересуетесь ближе узнать, каковъ же собственно характеръ данной нации, вы можете услышать отвѣтъ, что англичанинъ практиченъ и предприимчивъ, нѣмецъ аккуратенъ и склоненъ къ философи, французъ остроуменъ, болтливъ и легкомысленъ, итальянецъ влюбчивъ и музыкаленъ и такъ далѣе до безконечности. На основаніи такихъ опредѣленій рѣшаются и политическіе вопросы: какой, напр., можетъ быть споръ между «кичливымъ ляхомъ» и «вѣрнымъ россомъ»? И напрасно бы вы стали указывать на извѣстнѣйшіе примѣры непрактичности англичанъ, неаккуратности нѣмцевъ и кичливости россовъ,—вамъ возразятъ, что исключенія только подтверждаютъ правило. Если же мы обратимся къ этнологической наукѣ, единственной инстанціи, компетентной въ рѣшеніи вопросовъ по народной психологіи,—то мы не только не услышимъ опредѣленнаго утвержденія, но усомнимся, пожалуй, въ самой возможности ставить подобныя задачи. Какая бы психологическая черта ни показалась намъ характерной для

данной народности, въ необъятныхъ массахъ накопленнаго наукой матеріала мы непремѣнно натолкнемся на сотни доказательствъ, что та же черта встрѣчается и у другихъ націй, на сотни фактовъ, не позволяющихъ видѣть въ ней общаго признака данной національной группы. То, что ходячее мнѣніе приписываетъ народу, какъ цѣлому, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается присущимъ лишь данной національной средѣ въ данную историческую эпоху. Словныя, классовыя черты внутри той или иной народности, можетъ быть, поддаются болѣе точной формулировкѣ, но и тутъ ни одна характеристика до сихъ поръ не можетъ претендовать на значеніе безапелляціоннаго приговора. Единственно, что мы можемъ утверждать съ достовѣрностью, это то, что извѣстный складъ личности въ опредѣленной средѣ повторяется въ продолженіи цѣлаго ряда поколѣній. Такую цѣпь типовъ, какъ извѣстно, можно подмѣтить въ русской литературѣ. Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, Бельтовъ, Рудинъ и всѣ дальнѣйшіе ихъ нисходящіе потомки,—все это интеллигенты, которымъ извѣстная идеальность мѣшаетъ слиться съ растительною жизнью окружающей среды, а отсутствіе воли и сознательной цѣли мѣшаетъ вести побѣдоносную борьбу съ этою средою. Французской литературѣ также знакомы такіа преемственныя типы, при чемъ не трудно указать ихъ родство съ дѣйствительно существующими личностями. Возьмемъ, напр., аристократическій типъ, порожденный реакціоннымъ романтизмомъ: начиная отъ Рене Шатобріана и кончая «врагомъ законовъ» Мориса Барреса, можно подобрать одинъ сплошной рядъ субъектовъ, впитавшихъ въ себя глубокое убѣжденіе, что отношеніе между ними и обыкновенными смертными такое же, какъ между единицей и безконечно малыми величинами, что они вправѣ отдаваться наслажденію, красотѣ, не спрашивая себя, на чей счетъ они забрались такъ высоко. Въ реальной жизни этотъ типъ также живучъ и устойчивъ, несмотря на значительныя колебанія и варіаціи. Шатобріанъ, Мюссе, Боделеръ, Флоберъ, Ренанъ, включительно до послѣдняго поэта, который пузырится въ кабачкахъ Латинскаго квартала,—все они претендуютъ на феноменальность и невидимость гения.

Другой типичный герой игралъ въ жизни Фронціи гораздо болѣе видную роль. Въ то время, какъ демоническій «врагъ законовъ» будировалъ на своихъ парнасскихъ высотахъ или въ матовомъ свѣтѣ алькововъ и съ невыразимой гримасой отворачивался отъ дѣловой жизни, этотъ захватилъ въ свои руки всѣ бразды, душой и тѣломъ окунувшись въ аферы, спекуляціи, грондерство, агитируетъ, ведетъ политику и именуется себя носителемъ принциповъ великой революціи. Въ литературу этотъ герой попалъ сравнительно поздно. Ихъ превосходительства Эженъ Ругонъ и Нума Руместанъ казались новыми людьми, зато они до сихъ поръ не сходятъ со сцены: Зола, Мопассанъ, А. Доде, Барресь (*La journée parlementaire*, *Les déracinés*) не устаютъ варіировать

все тотъ же типъ бозшабашнаго «борца за существованіе» и считаютъ его—одни дѣтищемъ второй имперіи, другіе—порожденіемъ парламентарной республики. Въ дѣйствительности онъ гораздо старше, хотя до 1848 г. его далеко еще нельзя назвать героемъ времени. При реставраціи онъ заявляетъ о своемъ существованіи довольно невиннымъ образомъ, нюхая изъ табакерки, на крышкѣ которой написанъ текстъ великой хартіи вольностей. При іюльской монархіи онъ уже ставитъ затрудненія министерству при бюджетныхъ дебатахъ, а подъ конецъ становится во главѣ всѣхъ недовольныхъ элементовъ страны. Наконецъ, наступаетъ день его торжества, когда онъ съ великими словами на устахъ разстрѣливаетъ тысячи своихъ наивныхъ согражданъ, повѣрившихъ въ серьезность этихъ громкихъ многообѣщающихъ словъ. Узурпація 2-го декабря какъ будто снова ставитъ его въ тѣнь, но онъ быстро приспосабливается къ обстоятельствамъ. Потерявъ политическую власть, онъ тѣмъ ожесточеннѣе борется за матеріальное преобладаніе. Въ этомъ направленіи на его пути нѣтъ никакихъ преградъ, и его алчность находитъ полное удометвореніе. Когда же наконецъ разразился всеобщій крахъ, когда послѣ перваго момента ошеломленія и новой кровавой ванны можно было оглядѣться, нашъ герой оказался уже у самого кормила. Отнынѣ онъ является то избирателемъ, то депутатомъ, то министромъ; онъ ведетъ съ виду лихорадочную политическую дѣятельность, въ результатѣ которой являются перетасовки личностей, а общественная машина стоитъ все на томъ же мѣстѣ; онъ все еще продолжаетъ оглашать воздухъ словами—свобода, равенство... но больше всего дорожитъ ненарушимостью догмата о свободѣ конкуренціи; онъ бряцаетъ саблей и очень храбръ на воинственныхъ парадахъ, надѣясь ими запугать нѣмца; онъ ни одному народу на свѣтѣ не хочетъ позволить опередить Францію въ культурныхъ предпріятіяхъ и для пушаго возвеличенія своей обожаемой родины устраиваетъ Панаму; онъ же, наконецъ, изъ патріотизма фальсифицируетъ судебные приговоры и честь свою полагаетъ въ неприкосновенности вопіющихъ злодѣяній, лишь бы они оставались подъ густымъ покрываломъ.

Мы начали съ конца, вернемся къ началу. Біографія нашего героя начинается гораздо ранѣе XIX вѣка, и надо сказать, что при старомъ режимѣ ему волей-неволей приходилось быть несравненно порядочнѣе, чѣмъ въ наши дни. Здѣсь намъ не придется говорить объ отвлеченномъ персонажѣ, синтезированномъ изъ отдѣльныхъ чертъ,—передъ нами живой *striggler for life*: Пьеръ Огюстенъ Каронъ, ставшій знаменитымъ подъ именемъ Бомарше.

II.

Если мы возстановимъ въ своей памяти всю поразительную картину этой необычайной жизни, исполненной униженій и славы, жуированія

*

и смертельныхъ опасностей, богатства и нищеты, тайныхъ интригъ и смѣлыхъ вызововъ сильнымъ міра сего, громкихъ фразъ и безпринципности, мы увидимъ, что герой современнаго натуралистическаго романа, при несомнѣнной родственности основныхъ чертъ, есть только блѣдная копія блестящаго рагвечи прошлаго вѣка. Оставляя пока въ сторонѣ геніальныя писательскія способности Бомарше, которыя составляютъ конечно капитальную разницу между нимъ и его мизерными преемниками, обратимъ вниманіе на то, что біографія Бомарше заключаетъ въ себѣ столько «человѣческихъ документовъ», что изъ нихъ можно было бы выкроить не одинъ, а десятокъ романовъ по репету Зола.

Почти всѣ видные писатели XVIII вѣка были далеко не аристократическаго происхожденія, всѣ они прошли тяжелую жизненную школу, нѣкоторые изъ нихъ вполне удовлетворили своему честолюбію и достигли весьма обезпеченнаго матеріальнаго положенія, какъ, напримѣръ, Вольтеръ, другіе наоборотъ всю жизнь чувствовали себя въ нравственныхъ и матеріальныхъ тискахъ, какъ напр., Руссо, но ни одинъ изъ нихъ не испыталъ такихъ рѣзкихъ и многочисленныхъ поворотовъ фортуны, какъ Бомарше. Судьба предназначала ему карьеру искуснаго часовыхъ дѣлъ мастера. Мало того, что онъ въ мастерской отца изобрѣлъ какое-то усовершенствованіе въ часовомъ механизмѣ и доказалъ свое первенство противъ конкурента Лепота передъ судомъ Академіи: изобрѣтатели часто сидятъ безъ хлѣба,—Бомарше сдумѣлъ создать моду на свое искусство. Онъ получилъ заказъ и угодилъ М-ше Помпадуръ и Людовику XV, а потомъ, конечно, вся придворная клика стала заказывать себѣ у молодого Карона часы, точь въ точь такіе, какъ у короля и его любовницы. Менѣе предприимчивый часовщикъ ограничился бы такимъ успѣхомъ и всю жизнь положилъ бы на поддержаніе своей коммерческой репутаціи, но Бомарше видѣлъ въ этомъ только возможность поставить ногу на первую ступеньку той лѣстницы, которая оканчивалась для него самого неизвѣстно гдѣ. Его мастерство по части часовыхъ дѣлъ позволило ему извлечь пользу изъ другого своего таланта—музыкальности: онъ сдѣлался учителемъ гитары и арфы у дочерей Людовика XV. Неизвѣстно впрочемъ, насколько тутъ играли роль музыкальныя дарованія молодого часовщика, но несомнѣнно, что его веселый нравъ, остроуміе, почтительный тактъ и его «авантажная» наружность, какъ онъ впоследствии самъ сознавался, оказала ему въ данномъ случаѣ важную услугу. Онъ не только училъ принцессъ и участвовалъ въ ихъ домашнихъ концертахъ, гдѣ иногда присутствовалъ самъ король и дофинъ, но и исполнялъ городскія порученія своихъ высочихъ ученицъ, для чего требовалось иногда много находчивости, ловкой деликатности и покладливости. Странные дебюты для человѣка, который впоследствии прослылъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ глашатаевъ и вдохновителей идей великой революціи.

Въ то самое время, когда Бомарше искалъ въ Версалѣ почестей

или того, что тогда считалось почестями, онъ успѣлъ уже разбогатѣть, женившись на своей заказчицѣ, купить званіе ея перваго мужа—«контролера кухни короля» и вновь обѣднѣть, овдовѣвъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы и потерявъ процессъ изъ-за наслѣдства жены съ ея родственниками. Молодой авантюристъ не унывалъ. Богатство было ему необходимо во что бы то ни стало. Понятіе о чистоплотности въ средствахъ успѣха было знакомо Бомарше менѣе, чѣмъ кому бы то ни было въ ту эпоху. Онъ не пренебрегалъ никакими связями. Такъ онъ сдѣлался другомъ дома у смиреннаго мужа М-ше Помпадуръ. Здѣсь онъ сошелся съ извѣстнымъ финансистомъ и богачемъ Дюверне, который обѣщала составить его счастье, если онъ черезъ принцессу выхлопочетъ, чтобы король посѣтилъ основанную на деньги Дюверне военную школу. Бомарше былъ бы непохожъ на себя, если бы не взялся за такое порученіе и не сумѣлъ бы его выполнить. Отнынѣ онъ становится крупнымъ аферистомъ за счетъ Дюверне, купивъ себѣ, за его же счетъ, должность смотрителя королевской охоты,—званіе болѣе почетное, чѣмъ контролеръ кухни. На поприщѣ финансовыхъ аферъ Бомарше нашелъ, кажется, свое настоящее призваніе, такъ какъ трудно рѣшить, какая изъ многочисленныхъ его специальностей, связанныхъ съ рискомъ, интригой и наживой, привлекала его больше всего.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ жизни Бомарше является его экскурсія въ Мадридъ. Здѣсь впервые онъ соединяетъ роль благороднаго заступника оскорбленной невинности съ весьма двусмысленными коммерческими спекуляціями и съ попыткой вмѣшаться въ международную политику. Въ своихъ мемуарахъ Бомарше увѣряетъ, что единственной причиной его поѣздки въ Испанію было желаніе отомстить за свою сестру, обманутую обѣщаніемъ жениться со стороны довольно извѣстнаго испанскаго писателя Клавихо, и что «очень интересное» коммерческое порученіе Дюверне пришлось только кстати. На дѣлѣ, повидимому, было наоборотъ: миссія нѣжнаго брата, оскорбленнаго въ своихъ принципахъ чести и нравственности, очень кстати отвела глаза отъ главной задачи экспедиціи Бомарше, которая должна была носить секретный характеръ. За это говорить и самая хронологія событій. Получивъ извѣстіе о горѣ сестры въ февралѣ 1764 г., Бомарше такъ былъ взволнованъ и раздраженъ, что, не теряя ни минуты времени, добылъ необходимыя свѣдѣнія и рекомендаціи и, по его словамъ, «однимъ скачкомъ» перелетѣлъ изъ Парижа въ Мадридъ. Скачокъ этотъ однако занялъ время до 18 мая. Свое семейное дѣло онъ велъ также ловко и энергично, какъ и всѣ дѣла, за которыя брался, и окончилъ его ровно въ одинъ мѣсяць (дата послѣдняго письма Клавихо 17 іюня 1764 г.), но изъ Испаніи уѣхалъ только въ мартѣ слѣдующаго года. Хотя планы Дюверне не имѣли никакой удачи, нельзя сказать, чтобы Бомарше праздно проводилъ время своего путешествія. Онъ пробовалъ всевозможныя аферы и спекуляціи, между прочимъ, даже хотѣлъ взять на

себя снабженіе испанскихъ колоній неграми, что не мѣшало ему впоследствии стать союзникомъ Штатовъ въ войнѣ ихъ за свободу противъ Англіи. Кромѣ того, подготовлялъ почву для французскаго вліянія на Испанію. Въ средствахъ для столь благой цѣли Бомарше оказался опять вполнѣ вѣрнымъ себѣ. Свою любовницу, жену французскаго генерала на испанской службѣ, при помощи камердинера короля Карла III, онъ подsunулъ послѣднему, снабдивъ ее надлежащими инструкціями. Это считалось тогда настоящей политикой.

III.

Только послѣ испанскаго путешествія начинается, наконецъ, литературная дѣятельность Бомарше. До сихъ поръ онъ сочинялъ забавныя пьески для свѣтскихъ и придворныхъ вечеровъ, писалъ куплеты, пѣсенки, сегодилы, рондо и т. п. Все это, конечно, не могло считаться литературой. Даже послѣ постановки своей первой серьезной драмы Бомарше говоритъ, что онъ «не считаетъ себя писателемъ, — для этого ему никогда не хватало времени и талантовъ». «Я былъ всегда слишкомъ серьезно занятъ, — продолжаетъ онъ, — чтобы искать въ литературѣ что-либо иное, кромѣ отдыха». То же самое онъ говоритъ еще и въ *Свадьбѣ Фтаро* устами своего героя. Оказывается, что все, чѣмъ Бомарше заслужилъ благодарную память потомства, было простымъ дилетантствомъ, зигзагами пера дѣловаго человѣка. Въ произведеніяхъ его дѣйствительно есть нѣкоторыя черты, подтверждающія это признаніе. Дилетанты обыкновенно избираютъ одинъ изъ двухъ путей: они или стремятся поразить міръ необычайною новизною своихъ созданій, при чемъ чаще всего идутъ безсознательно по давно проторенной дорожкѣ, или наоборотъ — боятся отступить на шагъ отъ признанныхъ образцовъ, при чемъ опять-таки по невѣдѣнію иногда сохраняютъ лишь внѣшнее сходство со своими оригиналами. Бомарше, который въ литературѣ, какъ и во всемъ, стремился прежде всего къ успѣху, пошелъ по второму пути, избравъ за образецъ самый модный тогда литературный жанръ — слезливую драму въ прозѣ. Онъ самъ указываетъ, что слѣдуетъ по стопамъ Дидро, написавшаго уже своего *Отца семейства*. Критика относилась очень строго къ этому литературному роду, зато публикѣ онъ очень нравился. *Новая Элоиза* и англійскій сентиментальный романъ создали повѣтріе на чувствительность. По существу психологія оставалась такая же грубая и жесткая, но глаза стали источать обильныя слезы. Одинъ сатирикъ описываетъ дамъ, плачущихъ надъ страдающей собачкой или бабочкой, но спокойно идущихъ насладиться зрѣлищемъ смертной казни. Такое настроеніе создало слезливый успѣхъ первой драмѣ Бомарше *Eugénie*, несмотря на полное отсутствіе въ ней художественныхъ достоинствъ. Для насъ это произведеніе интересно только тѣмъ, что Бомарше вос-

пользовался въ немъ отчасти исторіей своей сестры (хотя есть и литературный источникъ, откуда взята авторомъ тема), и многія наиболѣе трогательныя мѣста въ послѣдствіи вошли въ мемуаръ объ испанскомъ путешествіи.

Запутанныя авантюры, которыя до того времени пережили Бомарше, дѣтская игра въ сравненіи съ тѣмъ, что его ожидало теперь. Женившись вторично на богатой вдовѣ, онъ черезъ три года вновь овдовѣлъ, не только потерявъ при этомъ все состояніе жены, но навязавъ себѣ на шею упорныя, хотя совершенно неосновательныя подозрѣнія въ отравленіи, что впрочемъ имѣло мѣсто и послѣ смерти первой жены. Однако, лишь теперь враги, которыхъ въ изобиліи создала быстрая карьера Бомарше, нашли случай утилизировать эти негѣныя слухи. Еще нѣсколько ранѣе умеръ старикъ Дюверне, не приведя своихъ дѣлъ въ полный порядокъ. Наслѣдникъ его, графъ Лаблашъ, изъ самодурства и ненависти къ Бомарше, началъ противъ послѣдняго безконечный процессъ изъ-за 15.000 ливровъ, которые Бомарше долженъ былъ получить по долговому обязательству изъ наслѣдства Дюверне. Бомарше былъ юридически правъ, но Лаблашъ былъ вліятеленъ и не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы погубить противника. Бомарше былъ ославленъ извергомъ, поддѣльвателемъ и убійцей. Дворъ отвернулся отъ него. Къ довершенію несчастія, вслѣдствіе скандальной ссоры съ однимъ герцогомъ изъ-за общей любовницы, Бомарше былъ посаженъ въ тюрьму въ тотъ самый моментъ, когда ему надо было усиленно хлопотать по своему дѣлу съ Лаблашемъ.

Тогдашній судъ во Франціи представлялъ злѣйшую пародію на правосудіе. Это было дѣтище всемогущаго канцлера Мопу. Прежніе «парламенты», въ которыхъ должности покупались или переходили по наслѣдству, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, имѣли одно достоинство: они были въ значительной степени независимы отъ правительства и послѣ смерти Людовика XIV завоевали себѣ крупныя прерогативы. Они имѣли право «ремонастрацій», т. е. могли не соглашаться съ мѣропріятіями правительства. Общество привыкло видѣть въ этихъ парламентахъ единственныхъ представителей своихъ интересовъ. Мопу, желавшій имѣть полную свободу для беззапѣтливой финансовой политики Людовика XV, въ одну прекрасную ночь арестовалъ всѣхъ членовъ парламента, а черезъ нѣкоторое время выкупилъ въ казну парламентскія мѣста и учредилъ новый парламентъ, въ которомъ всѣ судьи назначались правительствомъ. Этотъ знаменитый «парламентъ Мопу» оказался на дѣлѣ организованной шайкой грабителей. Выигрывалъ тотъ, кто больше давалъ. Бомарше далъ судѣ Гезману меньше, чѣмъ Лаблашъ, и потерялъ процессъ.

Приговоромъ суда Бомарше былъ разоренъ окончательно. Всѣ отъ него отвернулись,—онъ очутился одинокииъ и, казалось, безсильнымъ. Но тутъ то онъ и обнаружилъ всѣ силы своей цѣпкой и гибкой на

туры. Терять ему было рѣшительно нечего, но и выиграть не было, повидимому, никакой надежды. По крайней мѣрѣ ни одинъ адвокатъ не соглашался вести дѣло противъ Гезмана за то, что тотъ или, точнѣе говоря, жена его не полностью возвратила Бомарше взятку. Даже при невѣроятномъ предположеніи, что судъ признаетъ со стороны М-ше Гезманъ присвоеніе 15 луидоровъ, дѣло обѣщало мало чести той и другой сторонѣ: брать взятки преступно, но давать взятки, т. е. пользоваться преступленіемъ въ своихъ интересахъ, при всей обыденности такого явленія, было также не особенно доблестно. Бомарше, однако, не остановился передъ подобнымъ соображеніемъ. Онъ поставилъ свое дѣло, по существу некрасивое и никому неинтересное, на такую почву, на которой приговоръ суда подлежалъ суду всего парижскаго общества. Въ своихъ неподражаемыхъ мемуарахъ, которые Бомарше выпускалъ по мѣрѣ хода процесса, онъ такими чертами изобразилъ ненавистное всѣмъ судилище, что общественное мнѣніе, забывъ о ничтожествѣ повода, увидѣло въ Бомарше мстителя за поруганную произволомъ справедливость.

Странная повторяемость историческихъ событій: на разстояніи больше столѣтія два судебныхъ процесса, не заключающіе въ себѣ никакихъ общественныхъ элементовъ, дали поводъ раскрыть поразительную картину злоупотребленій, коренящихся въ самомъ существѣ современныхъ общественныхъ и соціальныхъ условий. Но то, что въ наши дни могла достигнуть лишь равнодѣйствующая огромнаго числа отдѣльныхъ силъ, совокупность дѣйствій массы писателей, адвокатовъ, политическихъ дѣятелей,—сто двадцать пять лѣтъ назадъ было выполнено однимъ частнымъ человѣкомъ съ помощью таланта и безграничной энергіи въ борьбѣ за свое существованіе. Легко современнымъ французамъ доискиваться въ дѣлѣ Дрейфуса затерявшейся истины, когда къ ихъ услугамъ почти ничѣмъ не стѣсняемая свобода слова и печати, тогда какъ Бомарше долженъ былъ дѣйствовать въ эпоху, когда, по словамъ Фигаро, «подъ условіемъ не задѣвать въ своихъ писаніяхъ ни власти, ни религіи, ни политики, ни морали, ни должностныхъ лицъ, ни акредитованныхъ посольствъ, ни оперы, ни иныхъ спектаклей, ни вообще кого бы то ни было, кто имѣетъ отношеніе къ чему бы то ни было,—можно было свободно печатать все, подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ».

Извѣстенъ результатъ тяжбы между Бомарше и Гезманами. Судъ, не найдя средствъ облить М-ше Гезманъ, приговорилъ и ее, и Бомарше къ позорящему наказанію (порипанію), при чемъ не забылъ постановить, чтобы всѣ четыре мемуара Бомарше, касающіеся этого процесса были сожжены рукой палача. Впослѣдствіи, адвокатъ Бомарше при пересмотрѣ процесса, слѣдующимъ образомъ оцѣнивалъ юридическую сторону приговора: судьи,—говорилъ онъ,—побоялись объяснить проступокъ, за который они обвинили Бомарше. Это былъ актъ

мести, а не правосудія; обвиненный не вѣдаетъ своего преступленія, а общество можетъ предположить какое угодно; подобнаго рода судебная практика наводитъ ужасъ на честныхъ и нисколько не устрашаетъ злыхъ.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, напрасно было упоминать объ обществѣ: оно не было введено въ заблужденіе судебнымъ приговоромъ. Бомарше сталъ популярнѣйшимъ человекомъ, его привѣтствуютъ, какъ героя. Принцъ де-Конти говорилъ о заслугахъ его передъ Франціей. Вольтеръ былъ въ восторгѣ, онъ восхищался мемуарами Бомарше и находилъ, что такой шутникъ не можетъ быть отравителемъ *). Болѣе того, маститый писатель, гремѣвшій на всю Европу, сдѣлалъ честь Бомарше, опасаясь его соперничества: «Я думаю всетаки,—писалъ Вольтеръ, прочтя мемуары,—что нужно кое-что большее, чтобы создать *Заиру* и *Меропу*». Теперь, послѣ столькихъ переворотовъ въ литературныхъ оцѣнкахъ, мы бы выразили ту же мысль иначе:—какъ ни блестящи, какъ ни разрушительны были мемуары Бомарше, въ отношеніи благороднаго безкорыстія, принципиальности и гуманнаго чувства они не идутъ въ сравненіе съ тѣми, что Вольтеръ писалъ по поводу процессовъ Каласа и Лабара. Быть можетъ, лучшимъ доказательствомъ увлекательности мемуаровъ Бомарше служить то, что даже такой неповоротливый критикъ, какъ Лагарпъ, заплѣсневѣвшій со своими классическими ярлычками, не можетъ не допустить въ данномъ случаѣ изъятія изъ общаго правила. Правда, онъ находитъ въ нихъ много ошибокъ противъ вкуса, шокирующія выраженія, недопустимые переходы отъ разговорнаго стиля къ возвышенному, онъ вообще не рекомендуетъ никому слѣдовать подобнымъ «образцамъ ораторскаго искусства», но признаетъ, что при данныхъ исключительныхъ условіяхъ Бомарше обнаружилъ много писательскаго таланта, логики и діалектическихъ способностей.

IV.

Какъ ни блестяще разрослась репутація Бомарше благодаря негѣ-пому приговору суда, положеніе его съ грозящимъ впереди позорнымъ наказаніемъ было далеко не завидно. Рукоплескавіи толпы и лестныхъ отзывовъ Вольтера не разиѣняешь на звонкую монету, а безъ нея Бомарше всегда чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ. Казалось бы теперь, когда его литературный талантъ обнаружился съ такимъ фейерверочнымъ блескомъ, когда уже написана была такая талантливая комедія, какъ *Севильскій Цирюльникъ*, оставалось только посвятить себя этому поприщу, обѣщавшему въ будущемъ дѣйствительно благо-

*) Ce Beaumarchais n'est point un empoisonneur, il est trop drôle. Это соображеніе Пушкинъ вставлялъ въ уста Сальери:

Онъ слишкомъ былъ смѣшонъ для ремесла такого.

родный успѣхъ. Но для Бомарше скромный удѣлъ писателя казался черезчуръ мелкимъ; онъ еще не былъ утомленъ авантюрами и не испробовалъ всѣхъ положеній. Снова не безъ помощи королевскаго камердинера, Бомарше добываетъ себѣ «дипломатическую» миссію въ Лондонъ—сторговаться съ авторомъ брошюры, неприятной для М-ше Дюбарри. Въ случаѣ успѣха ему уже грезится новая близость ко двору въ награду за столь крупную заслугу передъ Франціей, но неудача слѣдуетъ за нимъ по пятамъ: все, что добыло его патріотическое рвеніе, злой рокъ стеръ однимъ взмахомъ. Людовикъ XV умеръ! По ироніи судьбы Бомарше былъ однимъ изъ того ничтожнаго числа людей, для которыхъ день смерти позорнѣйшаго изъ французскихъ королей не былъ праздникомъ. «Все пропало!» — восклицаетъ будущій творецъ *Свадьбы Фигаро*.

Однако предаваться унынію было не въ характерѣ Бомарше. Новый курсъ не хуже стараго допускалъ патріотическія услуги. На этотъ разъ приходилось выкупать пасквиль на королеву. Кому же поручить такое деликатное дѣло, какъ не испытанному и преданному слугѣ трона! И Бомарше опять скачетъ въ Лондонъ, орудуетъ, хлопочетъ, торгуется и достигаетъ успѣха. На этотъ разъ онъ также не вкусилъ въ полной мѣрѣ плодовъ своего искусства по своей собственной винѣ: онъ перехитрилъ. Преодолевъ дѣйствительныя затрудненія и преграды, онъ, чтобы увеличить цѣнность своихъ подвиговъ, выдумалъ совершенно небывалыя осложненія, сочинилъ цѣлую разбойничью исторію, скакалъ сломя голову въ Амстердамъ и Нюренбергъ, на свой страхъ пытался разыграть важнаго дипломатическаго агента при дворѣ Маріи Терезіи. Въ результатѣ онъ получилъ брилліантовый перстень, но не завоевалъ себѣ довѣрія при Людовикѣ XVI. Надо было начинать сначала. Новая миссію въ Лондонъ, новая рискованная шахматная игра заразъ на нѣсколькихъ доскахъ: торгъ съ темными личностями, жуированіе, салонная жизнь, изученіе англійской политики и общества, настойчивые совѣты королю вмѣшаться въ англо-американскую войну тайною помощью возставшимъ колоніямъ. Французское правительство наконецъ повѣрило генію интригъ, который Бомарше уже столько разъ предлагалъ къ продажѣ, и поручило ему организацію тайной помощи американскимъ Штатамъ. Основывается фирма *Родриго Горталезъ и К°*, которая будто бы ведетъ частную торговлю съ Америкой, продавая Штатамъ пушки, порохъ, амуницію. Первоначально въ этомъ предпріятіи не участвовало ни одного су частныхъ капиталовъ,—весь оборотъ производился на милліонную субсидію отъ казны; торговля должна была служить только маской для политики, но Бомарше вовсе не желалъ упускать обѣщанное Штатами возмѣщеніе издержекъ фиктивной компаніи. Американцы однако не торопились съ уплатой. Бомарше не терялъ надежды и проявлялъ небывалую энергію. За израсходованиемъ казенной субсидіи, послѣ гибели французскихъ кораблей,

онъ обратился къ частнымъ силамъ, организовалъ національную подписку, агитировалъ въ коммерческихъ палатахъ, взывалъ къ національной гордости и великодушію французовъ, доказывалъ баснословныя выгоды предпріятія, словомъ эксплуатировалъ тѣ же самыя чувства, которыя такъ недавно заставляли французскихъ гражданъ нести свои сбереженія въ бездонныя карманы Панамы. Въ результатъ получилось лишнее подтвержденіе извѣстной истины, что великодушныя, челоуколюбивыя идеи выгоды не приносятъ: самоотверженная фирма *Родриго Горталезъ и К°* потеряла три миліона... казенныхъ денегъ. Но при этомъ какъ-то вышло, что самъ Бомарше, имѣвшій въ моментъ смерти Людовика XV «пустой кошелекъ», уже черезъ три года оказался однимъ изъ самыхъ богатыхъ гражданъ Парижа, при чемъ его счета и книги сохранили полную коммерческую корректность.

Не надо, впрочемъ, думать, что дѣло освобожденія американцевъ поглощало всего Бомарше. Мы не успѣли рассказать, что еще въ 1775 г. онъ, наконецъ, поставилъ на сцену *Севильскаго Цирюльника*, котораго за всякими недосугами три года не могъ показать публикѣ. Исторія этой комедіи весьма характерна для писательской манеры Бомарше. Первоначально онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей пьесы итальянскую оперу, но актеры не приняли ея, тогда авторъ передѣлалъ ее въ комедію, въ какомъ видѣ она и появилась на сценѣ *Comédie Française*. Когда же она въ первомъ представленіи не имѣла никакого успѣха, онъ вторично перекромсалъ свое дѣтище, значительно урѣзавъ его, согласуясь съ указаніями зрителей перваго представленія. Публика вполнѣ оцѣнила покорность автора, и второе представленіе *Севильскаго Цирюльника* было уже триумфомъ.

Кромѣ того Бомарше добился отъ короля отиѣны приговора суда по своему старому дѣлу и пересмотра своей претензіи къ Лаблашу, съ котораго и было присуждено въ пользу Бомарше 12.000 ливровъ. Парламентъ Мопу былъ уже уничтоженъ, и старая магистратура была восстановлена. Процессъ этотъ, происходившій теперь въ провинціальномъ городкѣ, былъ сплошнымъ торжествомъ Бомарше, котораго громадная толпа привѣтствовала, какъ героя.

Наступало время, когда все удавалось ему. Всѣ завѣтныя мечты его были осуществлены: онъ былъ баснословно богатъ, его громадная популярность могла удовлетворить самому взыскательному самолюбію, министры совѣщались съ нимъ и давали ему порученія государственной важности, хорошее общество болѣе не чуждалось его, и важные господа не только благосклонно принимали участіе въ его обѣдахъ, но въ трудныхъ обстоятельствахъ оказывали честь его кошельку. Щедрость его, впрочемъ, не знала въ это время сословныхъ и классовыхъ предразсудковъ. Достигнувъ личнаго изобилія, Бомарше давалъ полную волю своей природной добротѣ. Теперь онъ имѣлъ возможность и время дѣлать добрыя дѣла совершенно безкорыстно. Въ этомъ отношеніи онъ

продолжалъ роль недавно умершаго фернейскаго патріарха, расточавшаго на всѣ стороны свою любезность, умъ, деньги, совѣты и силу своего пера. Бѣдные литераторы, обманутыя дѣвушки, обанкротившіеся банкиры, безвѣстные изобрѣтатели, начинающіе актеры и актрисы—всѣ находили поддержку словомъ и дѣломъ въ нѣсколько безвкусномъ, но комфортабельномъ домѣ Бомарше въ Антуанскомъ предмѣстьи. На 54-мъ году онъ позволилъ себѣ даже роскошь жениться на бѣдной женщинѣ, отъ которой у него уже ранѣе была дочь. По отношенію къ этой любимой дочери Евгеніи и къ своей третьей женѣ онъ до конца жизни оставался нѣжнымъ и заботливымъ семьяниномъ. Впрочемъ, по понятіямъ XVIII вѣка, которымъ Бомарше оставался вѣренъ въ любви и въ литературной дѣятельности, самое строгое отношеніе къ супружескимъ обязанностямъ вовсе не обуславливало отказа отъ эпизодическихъ развлеченій на сторонѣ. Бомарше до самой старости сохранилъ способность увлекаться женской красотой и внушать къ себѣ самую пылкую взаимность.

V.

Но и въ моментъ наивысшихъ милостей фортуны, Бомарше ни на одну минуту не прекращалъ своей лихорадочной предпринимательской дѣятельности. Трудно перечислить десятки крупныхъ и мелкихъ дѣлъ, коммерческаго, общественнаго, государственнаго или литературнаго характера, въ которыхъ онъ принималъ участіе, въ большинствѣ случаевъ въ качествѣ инициатора или организатора. Тутъ мы встрѣчаемъ и союзъ драматурговъ для борьбы съ нахальною алчностью актеровъ, и учетныя кассы, и устройство водопровода въ Парижѣ, которое впервые привело Бомарше въ столкновение съ представителями идей будущаго, въ лицѣ Мирабо, тутъ-же, наконецъ, и грандіозное предпріятіе изданія полнаго собранія сочиненій и переписки Вольтера. Убѣждая министра Морепа въ томъ, что нельзя уступать Екатериинѣ II честь посмертнаго изданія величайшаго французскаго писателя того вѣка, Бомарше, какъ во всѣхъ своихъ планахъ, имѣлъ въ виду личныя и общія соображенія. Въ данномъ случаѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, онъ хотѣлъ оказать услугу національной гордости французовъ, но его манила эта трудная задача, конечно, потому, что этимъ путемъ его имя связывалось неразрывно съ всемірно знаменитымъ именемъ, а также потому, что и на матеріальный успѣхъ можно было основательно надѣяться. Плачевный результатъ этого предпріятія доказалъ, что для успѣха такой серьезной работы мало одного коммерческаго генія. Характерною чертою аферъ Бомарше была всегда смѣлость замысла и широкая постановка. Такъ онъ принялся и за изданіе Вольтера. Затраты издателя были поистинѣ изумительны. Ни одно изданіе во Франціи до тѣхъ поръ не было обставлено съ такою роскошью. Изъ Англій

были выписаны лучшія въ Европѣ типографскія формы и шрифты Баскервилля; специально для этого изданія была построена въ Вогезахъ бумажная фабрика; у собственника прежнихъ изданій, Панкука, пришлось скупить всѣ его склады, а у наследницы Вольтера, М-те Дени, приобрѣтены были рукописи, при чемъ и тотъ, и другая, по свидѣтельству современниковъ, содрали съ Бомарше небывалую цѣну. Никакіе расходы и затрудненія не пугали издателя. Печатать Вольтера во Франціи было немислимо. Хотя произведенія его наводняли страну, но официально на нихъ лежало строгое запрещеніе духовенства. Такимъ образомъ, несмотря на покровительство новому изданію министра Морена, его приходилось печатать за-границей, для чего Бомарше купилъ обширное помѣщеніе у маркграфа баденскаго. Послѣдній, впрочемъ, также ставилъ всякія цензурныя затрудненія, которыя лишь съ большими усиліями можно было преодолѣвать. Изданіе было задумано двойное: одно главное in—8° въ количествѣ 15.000 экземпляровъ по 15 лудровъ, другое дешевое въ маленькомъ форматѣ. Матеріальные расчеты Бомарше совершенно не оправдались: онъ потерялъ на изданіи цѣлый милліонъ ливровъ своихъ личныхъ денегъ. Дорогое изданіе не расходилось, а дешевое не давало прибыли. Литературныя достоинства изданія также не отвѣчали израсходованнымъ на него деньгамъ и труду. Къ тому, что было извѣстно при жизни Вольтера, прибавилось весьма немногое, кромѣ писемъ, да и эти были напечатаны весьма неполно, отчасти по затруднительности собиранія ихъ, отчасти по настоянію Екатерины II. Общая редакція текста была поручена маркизу Кондорсе, весьма почтенному философу и ученому, но оказавшемуся не на высотѣ своей задачи. При мародерской системѣ печатанія злободневныхъ сочиненій, которая существовала въ XVIII вѣкѣ, когда текстъ искажался по различнымъ соображеніямъ отчасти самими авторами, но еще болѣе безсовѣстными плагиаторами, которые крали у авторовъ рукопись, препарировали ее по своему и въ такомъ видѣ печатали ее гдѣ-нибудь въ Амстердамѣ или Лондонѣ, необходимо было много труда, знаній и чутья, чтобы возстановить первоначальный текстъ такого многогрѣшнаго писателя, какъ Вольтеръ. Кондорсе не сумѣлъ установить вариантовъ, а во многихъ мѣстахъ давалъ даже менѣе исправный текстъ, чѣмъ предыдущее изданіе Дидо. Любопытно, что Бомарше не могъ даже оцѣнить впередъ всю трудность предпріятого дѣла,—лишнее подтвержденіе того, насколько онъ былъ диллетантомъ въ той области, которой онъ обязанъ лучшею стороною своей славы.

Диллетантизмъ этотъ однако какъ разъ въ это время создалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ шедевровъ французской литературы вообще и въ частности почти единственное художественное произведеніе своего вѣка. Среди особенностей французской литературы XVIII столѣтія, до сего времени вызывающихъ такой законный интересъ, именно художественная сторона занимаетъ мизерное мѣсто. Даже романы Руссо

и Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера, которымъ болѣе, чѣмъ кому-либо изъ современниковъ, знакомо было поэтическое настроеніе, читаются въ настоящее время съ трудомъ, если не смотрѣть на нихъ, какъ на историческіе памятники когда-то господствовавшей психологіи. Но *Свадьба Фигаро* вѣроятно еще долго способна будетъ вызывать искренное веселье, независимо отъ характера современной театральной моды. Признакъ истинно классическаго произведенія, что изображеніе дѣйствительной жизни заслоняетъ въ немъ всѣ случайныя черты литературной школы, въ высшей степени присущъ комедіи Бомарше. Какъ въ лучшихъ комедіяхъ Мольера, такъ и въ *Свадьбѣ Фигаро* зритель можетъ совершенно забыть, что оба автора имѣли желаніе или по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, будто желаютъ «почувать его забавляя»,— онъ видитъ передъ собою просто une tranche de nature. Обыкновенно говорятъ, что комедія не можетъ обойтись безъ извѣстной дозы шаржа. На примѣрѣ Бомарше мы какъ разъ въ состояніи провѣрить это мнѣніе. Развѣ жизнь автора не представляетъ десятки положеній, гораздо болѣе рискованныхъ въ своемъ комизмѣ? Развѣ среда, въ которой ему приходилось нестолько вращаться, сколько изворачиваться, не состояла изъ бесконечно многочисленной коллекціи типовъ, гораздо болѣе утрированныхъ, чѣмъ Альмавива, донъ Базилю и Бридуазонъ? Наконецъ, развѣ самъ Бомарше не изворотливѣе, не умнѣе, не безперемоннѣе, словомъ не ярче, чѣмъ Фигаро? Вольтеръ высказался по поводу мемуаровъ Бомарше, которые были вѣдь только протоколами дѣйствительности, что «не существуетъ болѣе забавной комедіи, болѣе трогательной трагедіи», чѣмъ эти мемуары. Насчетъ трагедій Вольтеръ имѣлъ дурной вкусъ и смѣшивалъ декламацию съ трагизмомъ; что касается комедіи, то его приговоръ совершенно справедливъ.

Въ сущности и *Севильскій Цирюльникъ* обнаруживаетъ уже ту силу и мѣткость характеристики, которыя составляютъ лучшее качество *Свадьбы Фигаро*. Главное преимущество этой комедіи передъ ея предшественницей заключается въ эволюціи героя или, что одно и то же, самого автора. Фигаро *Севильскаго Цирюльника* еще слишкомъ поглощенъ заботой о личномъ преуспѣяніи, онъ плутуетъ, интригуетъ, выслуживается, но не видитъ особенной связи между своею судьбою и общимъ порядкомъ вещей, онъ еще не догадывается, что ему гораздо труднѣе просто существовать, чѣмъ другому управлять Испаніей. Ко времени своей свадьбы Фигаро выросъ на цѣлую голову. Онъ все также напряженно борется за свое личное благополучіе,—впрочемъ въ этой борьбѣ для него вся приманка существованія,—но онъ теперь находитъ, что въ конкуренціи всѣ должны были бы стоять въ равномъ положеніи, и что кромѣ личныхъ качествъ и талантовъ несправедливо создавать еще искусственныя привилегіи. Въ этой «философской» постановкѣ чисто личнаго вопроса заключалось все общественное значеніе комедіи, поэтому то такъ трудно было провести ее на

спену при старомъ режимѣ и въ этомъ также видѣли позднѣе провозглашеніе принциповъ революціи. Самъ авторъ, впрочемъ, до извѣстнаго времени не вполне ясно видѣлъ всю революціонную силу идей своего героя. Творчество Бомарше было такъ мало сознательно, что онъ былъ сильно удивленъ и не особенно доволенъ, когда друзья и враги въ одинъ голосъ стали кричать о сходствѣ Фигаро съ авторомъ,—онъ находилъ, что въ этомъ для цирюльника «слишкомъ много чести». Онъ также усиленно защищался отъ обвиненія въ потрясеніи основъ общественной жизни. Въ письмѣ королю, который слышать не хотѣлъ о постановкѣ пьесы, Бомарше смиренно рассказываетъ, что онъ готовъ подчиниться «трибуналу, составленному изъ академиковъ, цензоровъ, литераторовъ, свѣтскихъ людей и придворныхъ, столь же справедливыхъ, сколь просвѣщенныхъ, которые бы въ присутствіи министра обсудили идею, содержаніе, форму и выраженія этой пьесы, сцена за сценой, фраза за фразой, слово за словомъ». Онъ увѣряетъ, что подобный трибуналъ, составленный министромъ, не нашелъ въ его комедіи ничего предосудительнаго, кромѣ отдѣльныхъ выраженій и словъ, которыя онъ безпрекословно и выкинулъ. На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, онъ не измѣнилъ ни одной іоты. Въ предисловіи, написанномъ къ печатному изданію *Свадьбы Фигаро*, Бомарше всѣми силами старается убѣдить, что онъ имѣлъ въ виду исключительно моральную цѣль и писалъ сатиру противъ злоупотребленій, а отнюдь не противъ общаго порядка. Да и какая почва для общей сатиры? «Въ благодатную эпоху, при справедливомъ королѣ и умѣренныхъ министрахъ, писатель можетъ громить угнетателей, не боясь никого оскорбить... Чѣмъ мудрѣе, чѣмъ просвѣщеннѣе правительство, тѣмъ менѣе угнетается свобода слова: всякій исполняетъ свой долгъ и никто не боится намековъ; такъ какъ ни одно должностное лицо не страшится того, что слѣдуетъ уважать, то у насъ не стремятся притѣснять ту самую литературу, которая составляетъ нашу славу за-границей и даетъ намъ извѣстнаго рода первенство, недостижимое для насъ другимъ путемъ». Положимъ, что въ этихъ словахъ заключается злѣйшій сарказмъ; черезъ страницу Бомарше мысленно представляетъ себѣ, какъ различно будетъ положеніе писателя черезъ восемьдесятъ лѣтъ: «наши дѣти,—говоритъ онъ уже съ горечью,—будутъ знать, какую цѣною можно было увеселять ихъ отцовъ». Но когда онъ говоритъ о привилегіяхъ аристократіи, его слова звучатъ довольно искренно. Бомарше цитируетъ отрывокъ изъ собственной рѣчи по дѣлу съ Лабланшемъ: «Не только не слѣдуетъ забывать, чѣмъ мы обязаны высшимъ классамъ,—напротивъ того, справедливо, чтобы преимущества рожденія были безспорны болѣе, чѣмъ всякія инныя». Они не могутъ оскорблять ничьего самолюбія, потому что основанія ихъ восходятъ къ заслугамъ предковъ. Кромѣ того, «если бы уничтожить промежуточные сословія въ монархіи, то было бы слишкомъ большое разстояніе между монархомъ и подданными; скоро

остались бы только деспотъ и рабы: въ сохраненіи постепенной гѣстницы отъ земледѣльца до самодержца одинаково заинтересованы люди всѣхъ состояній, и въ этомъ, быть можетъ, самая крѣпкая опора монархической государственности». Такая логика казалась въ XVIII вѣкѣ убѣдительною не одному Бомарше. Это были ходячія фразы, подобныя тѣмъ, которыми въ наши дни французскіе премьеры восхваляютъ республиканскій режимъ, когда ихъ упрекаютъ, что они опираются на правую.

VI.

Разумѣется, всё, кромѣ автора, видѣли гораздо яснѣе дѣйствительные выводы, вытекавшіе изъ комедіи Бомарше. Совершенно понятна и послѣдовательна была упорная оппозиція Людовика XVI, долго не уступавшаго общественному мнѣнію, жаждавшему увидѣть *Свадьбу Фигаро* на общественной сценѣ. Бомарше, со свойственнымъ ему чутьемъ биржевого дѣльца, прекрасно утилизировалъ въ свою пользу королевское veto. Любопытство придворной знати и салонной публики было такъ возбуждено, что авторъ не въ силахъ былъ отказываться отъ безчисленныхъ приглашеній прочесть свое произведеніе, хотя по тонко рассчитанной скромности онъ уступалъ этимъ просьбамъ съ видимою неохотою. Результатъ борьбы, гдѣ на одной сторонѣ стоялъ слабохарактерный и неумный король, а на другой неподражаемый ажіотаторъ, мобилизовавшій себѣ въ поддержку всё слои парижскаго населенія, не могъ быть сомнительнымъ. Послѣ многихъ колебаній, уступокъ и безтактностей со стороны власти, *Свадьба Фигаро* появилась наконецъ 27 апрѣля 1783 года на сценѣ *Comédie Française*. Побѣда эта досталась Бомарше, быть можетъ, съ большимъ напряженіемъ силъ, чѣмъ всё другія, зато грандіозность успѣха превышала все, о чемъ могъ мечтать пылкій и честолюбивый авторъ. Мы впрочемъ не будемъ повторять описанія этого великаго въ исторіи французскаго театра дня, которое дѣлалось десятки разъ. Характеръ этого праздника общественнаго мнѣнія понятенъ самъ собою. Если аристократія, которая должна была бы, собственно, негодовать на притчу Бомарше, ломилась въ театръ и бѣшено аплодировала автору, то восторгъ демократическаго партера былъ гораздо болѣе основателенъ. Для него театръ давно уже игралъ роль форума, гдѣ онъ по каждому поводу выражалъ свое оппозиціонное настроеніе и жажду реформъ. Чуткій и остроумный партеръ умѣлъ подчеркивать даже у Расина отдѣльные стихи, соответствовавшіе злобѣ даннаго дня. Что же удивительнаго, что представленіе *Свадьбы Фигаро* въ значительной степени неожиданно для самаго автора обратилось въ сплошной митингъ протеста. Вѣдь веселый цирюльникъ, несмотря на свой испанскій костюмъ, былъ плотъ отъ плоти и кость отъ кости той парижской улицы, которая черезъ

нѣсколько лѣтъ снесла Бастилію и вѣшала на фонаряхъ дворянъ. Всякая сентенція Фигаро казалась родившейся на рынкѣ. Друзья порядка, какъ тогда назывались сторонники злоупотребленій стараго режима, отлично понимали это и только ахали, какъ могло правительство допустить, чтобы ему дали публично такую грандіозную пощечину! Бомарше на это только подсмѣивался: «Вы думаете, господа,—говорилъ онъ,—что у меня былъ какой-нибудь талисманъ, чтобы обмануть, соблазнить и связать руки цензурѣ и властямъ, когда я отдавалъ на ихъ усмотрѣніе свое произведеніе?» Состояніе духа этихъ властей, которые чувствовали себя одураченными безъ талисмана, было самое непріятное. Король въ досадѣ попробовалъ было посадить Бомарше подъ замокъ, но только подогрѣлъ этимъ симпатіи общества къ герою момента.

Этотъ моментъ былъ самымъ блестящимъ, но и послѣднимъ крупнымъ торжествомъ Бомарше. Вскорѣ послѣ постановки *Фигаро* начались непріятности, затѣмъ пошла неудача, богатство стало таять быстрой, чѣмъ оно нарастало, затѣмъ стали угрожать опасности, наконецъ наступило забвеніе, самое тяжелое испытаніе для такой натуры, какъ Бомарше, но онъ все еще возлагалъ надежду на свой выносливый характеръ.

Dans mon printemps
J'eus du bon temps.
Après l'été
Trop ballotté,
Si mon automne
Est monotone,
Puisse un bon esprit encor vert
Me garantir du triste hiver *).

Такъ сжато характеризировалъ Бомарше свою біографію на старости лѣтъ. Мы подошли къ послѣднему періоду его бурнаго лѣта. Онъ еще не думалъ сдаваться передъ натисками грозъ, но силы его уже замѣтно начинаютъ слабѣть.

Первый серьезный ударъ былъ нанесенъ челоѣкомъ, который вскорѣ долженъ былъ стать такимъ же героемъ момента, какъ Бомарше. По своей одаренности, по идейному оппортунизму, по страстному тщеславію, Мирабо не уступалъ своему посѣдѣлому противнику. Но характеръ его рѣчи былъ иной, болѣе подходящій къ наступающему историческому моменту. Сезонъ насмѣшки, каламбуровъ, остротъ кончался; отъ вожака толпы теперь требовались величественные жесты и патетическій голосъ трибуна. Поводъ для столкновенія былъ весьма прозаическій. Бомарше, какъ одинъ изъ директоровъ водопроводной компаніи, былъ заинтересованъ въ высокой котировкѣ водопроводныхъ

*). Моя весна была погожая. Если послѣ слишкомъ бурнаго лѣта моя осень монотонна, пусть бодрая душевная свѣжесть мнѣ скраситъ печальную зиму.

акцій, а катовской паеюсть Мирабо, загізшаго по уши въ долги, былъ взятъ на откупъ финансистами, игравшими на пониженіе этихъ акцій. Но Мирабо поставилъ споръ на почву общественную и нравственную, почти тоже, что дѣлалъ когда-то Бомарше: онъ оплакивалъ несчастныхъ отцовъ семейства, которые ввѣрили свои сбереженія сомнительнымъ аферистомъ, онъ копался въ прошлыхъ грѣхахъ Бомарше, тогда какъ послѣдній на этотъ разъ почему-то держался исключительно на почвѣ ариеметики. Оружіе было неравное, и Бомарше первый разъ въ жизни спасовалъ и умолкъ.

Затѣмъ всплыла исторія супруговъ Корнманъ, въ которой Бомарше принадлежала безусловно великодушная и безкорыстная роль. Когда-то онъ вступился за несчастную беременную женщину, которую мужъ посадилъ въ тюрьму, вымогая отъ нея приданое въ возмѣщеніе за ея невѣрность. Невѣрность эта совсѣмъ не шокировала щепетильнаго супруга, пока любовникъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ военнымъ министромъ. Но нашелся новый Катонъ, безвѣстный и честолюбивый пасквилянтъ Бергассъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ происшествія написалъ громовую брошюру отъ имени оскорбленнаго супруга. Въ этой брошюрѣ Бомарше обвинялся въ пособничествѣ адюльтеру, въ потрясеніи священной власти мужа, снова разбирались по косточкамъ всѣ прошлые некрасивые поступки и небывалыя преступленія прославленнаго писателя. Бомарше энергично защищался своимъ испытаннымъ оружіемъ—мемуарами и жаловался въ судъ. Но въ этихъ мемуарахъ уже нѣтъ и слѣда прежняго увлекательнаго веселья *quand mѣme*. Они все также доказательны, но, въ то время какъ въ прежнихъ мемуарахъ главная ихъ прелесть заключалась въ томъ, что авторъ относился ко всѣмъ своимъ противникамъ и къ ихъ свидѣтелямъ, какъ къ персонажамъ веселаго фарса, теперь Бомарше впадалъ въ серьезный тонъ Бергасса и на этой почвѣ не выдерживалъ съ нимъ соперничества. Публика, всегда равнодушная къ существу дѣла и жадная къ побочнымъ скандальнымъ обстоятельствамъ, столько разъ аплодировала Бомарше, когда его правота была безупречна,—теперь эта самая публика игнорировала фактическія доказательства и всецѣло симпатизировала низкому клеветнику. Едва ли Бомарше удовлетворенъ былъ судебнымъ приговоромъ, произнесеннымъ чуть не наканунѣ созыва генеральныхъ штатовъ въ 1789 г., по коему всѣ обвиненія Корнмана и Бергасса объявлялись «лживыми, оскорбительными и клеветническими» и оба они присуждались къ денежному штрафу. Въ этотъ моментъ общественному мнѣнію было уже не до частныхъ тяжбъ и препирательствъ. Бомарше старался вознаградить себя тѣмъ, что вывелъ своего противника въ роли новаго Тартюфа подъ прозрачной анаграммой Бежарссъ въ неудачной драмѣ *Преступная мать*. Приѣмъ этотъ когда-то съ большимъ успѣхомъ принимался Вольтеромъ, но тогда театральные зрители хорошо знали издателя журнала *Année littéraire* Фрерона, ко-

котораго Вольтеръ отдавалъ въ посѣщенище подъ именемъ Frélon (трутень), тогда какъ партеръ 1792 года не зналъ и не интересовался Бергассомъ.

Впрочемъ, популярность Бомарше оживилась еще на моментъ до революціи. Слава прежнихъ комедій навела его на мысль вернуться къ серьезному театру. Онъ задумалъ преобразовать оперу, которая отличалась полною безсодержательностью и скукой. Фигаро неожиданно попалъ въ политики, поэтому Бомарше хотѣлъ пойти еще дальше и поставить въ своей оперѣ новыя идеи на философскую почву. Онъ обратился даже къ Глюку съ предложеніемъ написать музыку къ *Tartare*, но тотъ вѣжливо отказался и передалъ неблагодарную работу своему ученику Сальери. Правительство теперь подозрительнѣе, чѣмъ когда-либо относилось къ театральнымъ пьесамъ Бомарше, и разрѣшеніе долго не получалось. Въ миниатюрѣ повторилось то же, что было со *Свадьбой Фигаро*. Новая опера читалась въ салонахъ, интересъ къ ней муссировался слухами, публика пошла на эту удочку и по старой памяти хорошо приняла первое представленіе, состоявшееся въ 1787 году. Бомарше пишетъ теплое благодарственное письмо Сальери, немножко преувеличивая восторги слушателей. Но увлеченіе послѣднихъ быстро охладѣло. Музыка была посредственная, да и текстъ совсѣмъ не поддавался музыкальной обработкѣ. Самая же драма была ниже посредственности: какъ философъ, Бомарше стоялъ на равномъ уровнѣ съ Фигаро, т. е. знакомъ былъ съ нею лишь постольку, поскольку ею въ тѣ времена пропитанъ былъ воздухъ. Поэтому вся затѣя ни къ чему не привела. Опера осталась безсодержательной и скучной, а писательская слава Бомарше потерпѣла значительный ущербъ.

VII.

Зная характеръ Бомарше и его прошлое, можно было безошибочно предвидѣть, какую роль онъ будетъ играть при революціонномъ режимѣ. Намъ извѣстно, что онъ всегда такъ домогался королевскаго вниманія и такъ цѣнилъ малѣйшую ласку великихъ міра сего. Онъ носилъ на шеѣ въ золотомъ футлярѣ нѣсколько строкъ, собственноручно написанныхъ Людовикомъ XVI, «какъ самую большую драгоценность изъ всего, что ему принадлежитъ». Мы слышали, какъ онъ распинался за привилегіи дворянства, не говоря уже о томъ, что онъ еще въ молодости сочинилъ себѣ дворянскую фамилію де-Бомарше, по имени, котораго никогда не существовало. Но было бы странно заподозрить, что его преданность династіи, его лояльныя, монархическія чувства приведутъ его на эшафотъ, какъ несчастнаго и честнаго поэта Андре Шенье. Если бы Бомарше повѣсили или гильотинировали,—перспектива, которая на самомъ дѣлѣ ему нерѣдко грозила,—можно быть увѣреннымъ, что это случилось бы не по его винѣ. Онъ всѣми силами

*

старался приспособиться къ новымъ условіямъ и утилизировалъ для этого всю революціонную силу рѣчей Фигаро, отъ которой прежде онъ такъ отрецивался. Онъ присочинилъ въ своей комедіи даже цѣлую сцену, которая должна была подогрѣть симпатіи революціонной публики къ полузабытой пьесѣ. Въ новой своей драмѣ, дѣйствіе которой приурочено къ 1790 году, выводится «молодой человѣкъ, влюбленный въ свободу, какъ всѣ пылкія и неисторченныя души». Эта пылкая душа читаетъ въ какомъ-то собраніи трактатъ «о злоупотребленіи монашескими обѣтами». Во всѣхъ случаяхъ отнынѣ Бомарше исповѣдуетъ такую же преданность «народному дѣлу», какъ прежде интересамъ королевскаго дома. Не можетъ быть сомнѣнія, что, если бы Бомарше-Фигаро былъ не такъ старъ, если бы онъ не успѣлъ еще составить себѣ состояніе, то онъ съ удовольствіемъ надѣлъ бы фригійскій колпакъ, затянулъ бы карманъюлу и пошарилъ бы въ отелѣ какого-нибудь знатнаго барина, «врага народа». Теперь, когда у него у самого былъ прекрасный домъ недалеко отъ Бастиліи, онъ также не прочь былъ спести ее, и даже самъ предлагалъ исполнить эту обязанность, лишь бы не повредить «сосѣднихъ домовъ». Кромѣ того, Бомарше попытался даже по старому пуститься въ коммерческія предпріятія, теперь, конечно, подъ флагомъ народнаго блага. Оказалось, однако, что ему уже не по силамъ взвѣшивать обстоятельства: вмѣсто того, чтобы упрочить свое пошатнувшееся состояніе и приобрести репутацію радѣтеля на пользу свободнаго отечества, Бомарше былъ обвиненъ въ обманѣ и предательствѣ, и весьма малаго не доставало, чтобы его постигла жестокая и несправедливая казнь. Бомарше храбрился, упорствовалъ, писалъ по прежнему оправдательные мемуары и хотѣлъ во что бы то ни стало довести дѣло до конца. Но старые враги не дремали, доносили конвенту, подстрекали уличную чернь, которая и безъ того подозрительно поглядывала на пышный домъ въ предмѣстьѣ С-тъ Антуанъ; обыскамъ, арестамъ, угрозамъ по-видимому, не предвидѣлось конца. Когда Бомарше удавалось заставить себя выслушать, ему не стоило большого труда реабилитироваться: неутомимый старикъ опять скакалъ за-границу въ качествѣ «коммиссара республики», но новый негѣпный доносъ опять колебалъ подъ нимъ зыбкую почву. Директорія застала его эмигрантомъ. Его семья, жена, сестра, дочь сидѣли въ тюрьмѣ, его имущество было конфисковано. Наконецъ, послѣ трехъ лѣтъ жизни въ Гамбургѣ, Бомарше могъ вернуться въ свой любимый Парижъ, въ свой ограбленный домъ. Позабытый и утомленный, онъ старался скоротать въ кругу семьи свою «монотонную осень», не покидая надежды на «бодрую старость».

Но, несмотря ни на что, тихая жизнь ветерана не у дѣлъ не могла его удовлетворить. Его неудержимо тянуло въ водоворотъ общественно-коммерческой дѣятельности. Онъ въ директорію обращался съ проектами грандіозныхъ предпріятіи. Въ проектахъ *этихъ замѣчательнымъ

образомъ предуказаны пути, по которымъ чуть не черезъ сто лѣтъ суждено было идти излюбленнымъ годамъ во Франціи. Самые крупные факты общественной исторіи Франціи послѣ 1871 года—это несомнѣнно Панама и франко-русское сближеніе. Въ запискѣ, которую Бомарше подалъ директоріи, заключались проекты прорытія Панамскаго перешейка и развитія торговли съ Чернымъ моремъ.

Бомарше умеръ въ послѣдній годъ вѣка просвѣщенія, какъ Расинъ умеръ въ послѣдній годъ вѣка Людовика XIV. Обѣ во многихъ отношеніяхъ служатъ блестящими образцами своихъ эпохъ, но если Расинъ завершалъ собою извѣстный кругъ явленій, то Бомарше нѣкоторыми своими чертами являлся прѣдгочей нашихъ современниковъ. Какъ всякая борющаяся за преобладаніе сила въ исторіи прогрессивна и, выражаясь субъективно, симпатична, поскольку она побѣждаетъ отжившую силу и разрушаетъ устарѣвшія формы жизни, такъ и Бомарше, какія бы чувства, монархическія или республиканскія, онъ ни высказывалъ, одинаково достоинъ вниманія историка, потому что однимъ своимъ существованіемъ, преслѣдованіемъ исключительно своихъ личныхъ интересовъ онъ служилъ общественному прогрессу. Въ его лицѣ выступалъ на историческую арену классъ, которому предназначена была такая крупная роль въ истекающемъ нынѣ столѣтіи. Промышленная и торговая буржуазія, предприимчивая, живучая, себялюбивая и неунывающая, въ моментъ разрушенія прогнившаго и изъѣденнаго червями феодализма порождала гениальныхъ рагвенус, которые съ одинаковой стремительностью и успѣхомъ дѣйствовали въ политикѣ, въ индустріи, въ финансахъ и въ литературѣ. Теперь тотъ же самый классъ можетъ выставить только Мелиновъ и Дюпюи, которые также пассуютъ и теряются передъ новыми задачами времени, передъ молодыми элементами общества, какъ министры Людовика XVI передъ генеральными штатами.

Евгеній Дегень.

СНЫ УЗНИКА.

(Изъ Чезаре Николлини).

1.

Все золотые сны о волѣ...
О, сколько муки, сколько боли
Въ тѣхъ сновидѣньяхъ золотыхъ!

Вотъ шорохъ дальняго движенья,—
Не съ неба ль ангель утѣшенья?
Не другъ ли, вѣстникъ избавленья?
Увы! то—смѣна часовыхъ.
И, какъ въ гробу, все тихо снова...

Но, чу! шаги... звучнѣй, звучнѣй..
Запоры прочные дверей
Гремятъ... И выразить ли слово,
И передасть ли сердца крикъ?
О радость! О блаженства мигъ—
Она!.. Какъ мученика слава,
Вошла—прекрасна, величава.

Но что съ тобою? Ты блѣдна,
Ты молчалива, ты грустна?
Съ какой безстрастностью нѣмою
Твоя рука лежитъ въ моей,
Какъ странень блескъ твоихъ очей...
О другъ мой, другъ мой, что съ тобою?!

2.

Мнѣ снилось—ты навѣкъ уснула,
Но друга не забыла ты
И въ часъ ночной къ нему впоххнула,
Неслышнѣй тѣни изъ мечты.

Не загремѣлъ затворъ тяжелый,
 Не распахнулась дверь тюрьмы,
 Но, какъ въ былые дни, веселый
 Мнѣ голосъ прозвучалъ изъ тьмы:

„Я порвала земныя цѣпи!
 Передо мной—весь Божій міръ.
 Небесъ лазуревыя степи,
 Свобода вѣчная и миръ...
 Иди за мной!..“

ТЮРЕМНАЯ МЕЛОДИЯ.

(Изъ Чезаре Николини).

Не уснуть!
 Пышетъ грудь,
 Будто пламенная,
 И растутъ,
 И гнетутъ
 Стѣны каменные...

Вотъ, волной
 Грозовой
 Подступающая,
 Рвется вонъ —
 Сердца стонъ —
 Пѣснь рыдающая.

О, зачѣмъ?
 Гробъ твой нѣмъ.
 Боль растравленную
 Схорони, —
 Не кляни
 Жизнь раздавленную,

Ни за что,
 Ни про что
 Жизнь загубленную,
 Не за кровь —
 За любовь
 Неподкупленную!

Нѣтъ, не спать,
 Все болитъ
 Грудь плающая,
 И поеть
 И растеть
 Пѣснь рыдающая.

НА ЧУЖБИНѢ.

(Изъ ирландскихъ пѣсенъ О'Коннора).

Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти
 О черныхъ дняхъ бѣды, нависшей надъ страной;
 Во снѣ и на яву зоветъ къ борьбѣ и мести
 Изнеможенный ликъ Ирландіи родной.
 И въ сердцѣ крикъ встаетъ: „О, гдѣ жь друзья свободы?
 Чего молчатъ они? Чего еще онъ ждетъ,
 Правдивой битвы мечъ?“

Мелькають дни и годъ...

О Боже! Кто спасетъ покинутый народъ?

Туманная весна... Одѣтый первымъ пухомъ,
 Недвиженъ сонный лѣсъ; въ заброшенныхъ поляхъ
 Не ходитъ острый плугъ, и пахарь, павшій духомъ,
 Надъ мертвой влячею стоитъ съ слезой въ очахъ.
 И видитъ онъ вдали погнувшуюся хату,
 Больныя личики дѣтей полунагихъ
 И знаетъ—каждый день сулитъ ему утрату,
 Обиду новую, отраву слезъ живыхъ.

Не плачь, несчастный братъ! Не думай, что мольбою
 Ты тронешь гнѣвъ небесъ, пославшихъ чашу бѣды,
 Не думай, что вампирь, взлелѣянный тобою,
 Захочетъ винуть самъ изсохшій твой скелетъ!
 Отъ чуда ли ты ждешь желаннаго спасенья?
 Избавитъ Римъ тебя отъ гнета хищныхъ лапъ?
 Защиты въ небѣ нѣтъ! Надежды нѣтъ въ тершнѣи!
 Иль самъ себя спасай, иль погибай, какъ рабъ!
 Но хуже ль ты другихъ? Изъ полного бокала
 Не можешь радость пить со смѣхомъ на устахъ?
 Зеленый Эринъ мой, воспрянь! Пора настала
 Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ!

Вставай—ударилъ часъ! Живой огонь тревоги
Воспламени въ сердцахъ, народы всколыхни,
Всели холодный страхъ въ бездушные чертоги,
Затворы отомкни!.. И изъ своей могилы
И мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества и силы,
Воспрянувъ, явимся—среди бойцовъ бойцы.
И если лучшій сокъ пожралъ огонь страданья,
И если лучшихъ силъ назадъ не возвратимъ,
То кровь послѣднюю, послѣднее дыханье
Тебѣ, о родина, съ восторгомъ отдадимъ!

П. Я.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ.

(Очерки и наблюденія).

(Продолженіе *).

Приближалось Рождество. Черезъ нѣсколько дней должны были окончиться занятія и Вѣра Павловна не безъ удовольствія подумывала объ отдыхѣ. По утрамъ она все чаще и чаще поднималась разбитой и утомленной, но собирались дѣвочки и желаніе дать какъ можно больше этимъ дѣтямъ, для которыхъ она была единственнымъ источникомъ свѣта и всякаго знанія, охватывало дѣвушку. Удачные уроки, во время которыхъ чувствовалось, что ей удалось захватить дѣтей и добиться успѣха, безконечно радовали новую учительницу, но зато неудачные приводили ее въ уныніе. Винила она въ такихъ случаяхъ только одну себя и вмѣстѣ съ сознаніемъ собственнаго несовершенства въ ней пробуждалось стремленіе наверстать то, что было ею упущено въ долгіе годы непосильнаго изводящаго труда. На Рождество она возлагала большія надежды: ей хотѣлось отдохнуть, почитать и позаняться самой. Минутами она чувствовала себя заржавѣвшей и запыленной машиной и ей страстно хотѣлось стряхнуть пыль прошлаго, чтобы съ новыми силами отдаться живому, настоящему дѣлу, выпавшему ей на долю послѣ долгихъ лѣтъ томительнаго ожиданія.

Что касается дѣвочекъ, то большинство изъ нихъ было недовольно тѣмъ, что наступаютъ каникулы. По сравненію съ ихъ собственными жилищами школа казалась имъ особенно просторной, свѣтлой и уютной и онѣ неохотно раставались съ ней.

Вѣра Павловна всѣми силами старалась придать помѣщенію наиболѣе привлекательный видъ. На классныхъ окнахъ и въ рекреационной она какъ-то поставила горшки съ цвѣтами и нужно было видѣть съ какой любовью дѣвочки ухаживали за растеніями и какъ огорчались, когда цвѣты, несмотря на заботливый уходъ, гибли одинъ за другимъ, не вынося усиленнаго провѣтриванія и ѣдкой, густой пыли.

По мѣрѣ того какъ приближались праздники, разговоры о предстоящей на Рождествѣ въ школѣ елкѣ становились все оживленнѣе. Въ

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

переѣмны объ этой елкѣ говорилось во всѣхъ углахъ и стоило Вѣрѣ Павловнѣ появиться въ рекреационный, чтобы ее тотчасъ же забросали разспросами: «Будетъ ли въ этомъ году волшебный фонарь? Когда же начнутъ одѣвать куколъ для маленькихъ? Пора ли писать на билетикахъ про подарки?..» Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ были непонятны для новой учительницы, но дѣвочки, ходившія въ школу еще при старой учительницѣ охотно рассказывали ей, какъ устраивалась елка въ прежніе годы.

Обыкновенно на билетикахъ дѣвочки писали, какой именно подарокъ желаетъ получить каждая изъ нихъ. Маленькія всегда записывали куколъ и этихъ куколъ учительница покупала не одѣтыми, а одѣвали ихъ старшія.

Вѣрѣ Павловнѣ понравилась мысль о билетикахъ и она предложила дѣвочкамъ написать свои желанія.

Дѣвочки взволновались ужасно, потомъ разомъ наступила необыкновенная тишина: каждая придумывала про себя, но это оказалось довольно затруднительнымъ. Чернокова, наприимѣръ, такъ ничего и не придумала. Она положительно не знала, чего пожелать, да и писать не умѣла. Настюшка Савина тоже совсѣмъ растерялась. Брусенцева захотѣла ей помочь и посовѣтовала записать гребенку или чулки, но она въ отвѣтъ только замотала головой. И гребенка, и чулки все это такъ просто, обыкновенно, а ей хотѣлось придумать что-нибудь совсѣмъ необычайное...

Вечеромъ Вѣра Павловна очень смѣялась, перебирая билетки и тщетно стараясь разобрать нѣкоторые изъ нихъ. Какихъ только желаній не было здѣсь! Бортгаузенъ просила красную ленту, Крылова молитвенникъ, а Савина «большущій шаръ». Просили мячиковъ, скакалокъ, сумокъ для книгъ, пеналей, рабочихъ корзинокъ. Ильина написала—очки для бабушки, Люша Александрова—«ничѣго нѣ нада». Попадались билетки, на которыхъ были записаны теплыя платки, кашоши, ватныя пальто и платья. Эти билетки Вѣра Павловна съ грустью откладывала въ сторону. На елку отпускалось всего 20 рублей, а у самой учительницы не было ничего кромѣ 45 рублей въ мѣсяцъ, и билетки приходилось вернуть съ предложеніемъ желаніе переѣменить.

Ожиданіе елки отражалось на ученіи и поведеніи ученицъ самымъ благоприятнымъ образомъ. Даже лѣнивая Чернокова какъ-то особенно старательно выводила свои каракули, а слова «безъ елки останешься» умиряли самыхъ шумныхъ и непокорныхъ. Вѣра Павловна рѣдко прибѣгала къ нимъ, но Татьяна и дежурныя пользовались ими въ самомъ широкомъ смыслѣ.

За это время дѣвочки какъ-то ближе сошлись между собой. Даже Бортгаузенъ и Зина Богданова какъ-будто совсѣмъ привыкли къ школѣ.

Бортгаузенъ совершенно отдѣлилась отъ маленькихъ и подружилась со старшими. За послѣднее время она сильно поблѣднѣла и похудѣла,

а весь ви́шній видъ ея производилъ впечатлѣніе бѣдности и неряшества. Вѣра Павловна, разговорившись съ дѣвочкой, узнала, что ея семьѣ приходится совсѣмъ плохо. Деньги, заработанныя отцомъ въ Зоологическомъ саду, пришли къ концу; думалъ онъ на Рождество въ балаганы наняться, но простудился и пропустилъ всѣ мѣста.

— Въ лавочкѣ больше въ долгъ не даютъ,—глотая слезы, говорила дѣвочка.

Вѣра Павловна убѣдила дѣвочку завтракать въ кухнѣ. Бортгаузенъ долго упиралась, но въ концѣ-концовъ голодъ побѣдилъ и она съ наслажденіемъ ѣла горячій супъ и даже просила прибавки. Деньги на завтраки перестали отпускать съ 1-го декабря, но Вѣра Павловна продолжала кормить дѣвочекъ на свой счетъ. Такъ поступала и Марья Михайловна, такъ дѣлали почти всѣ учительницы. Даже Ольга Ивановна, затрунившаяся, чѣмъ кормить собственныхъ дѣтей, и та не прекращала выдачи завтраковъ.

Вѣра Павловна спрашивала старыхъ учительницъ о причинахъ такой странной экономіи, и ей объяснили, что это дѣлается съ цѣлью усиленія средствъ на устройство лѣтнихъ колоній для дѣтей. Цѣль сама по себѣ прекрасная, но способъ достиженія ея показался въ высшей степени страннымъ. Почему дѣти должны были постомъ обезпечивать себѣ кандидатуру на дачу,—этого не понимала ни Вѣра Павловна, ни другія учительницы.

Однажды, войдя какъ-то въ кухню во время завтрака, Вѣра Павловна замѣтила, что Зина Богданова сидитъ особнякомъ на ларькѣ, а ея порція супа остается на столѣ нетронутой.

— Ты почему не ѣшь?—спросила она дѣвочку.

Та насупилась еще больше и ничего не отвѣтила. Вѣра Павловна стала наблюдать за Зиной и замѣтила, что дѣвочка опять одичала и дѣти какъ-будто сторонятся ея. Какъ-то въ пережѣну Вѣра Павловна услышала, какъ Савина отгоняла Зину, подошедшую къ кружку маленкихъ.

— Ну проходи, проходи! Около меня не застаивайся,—грубо говорила Настюшка.

— Что она тебѣ сдѣлала? Почему ты ее гонишь?—придерживая дѣвочку за плечо и строго заглядывая въ ея бѣгающіе глаза, спросила Вѣра Павловна.

— Мы изъ-за нихъ безъ хлѣба сидимъ,—буркнула Савина.

— Безъ хлѣба изъ-за Зины?—съ удивленіемъ переспросила Вѣра Павловна.

— Мать ея на фабрикѣ изломала машинку, а изъ-за нея всѣхъ работницъ разсчитали. Она озорничаетъ, а мы безъ хлѣба сидимъ,—злбно поглядывая на Зину, говорила Савина.

Зина молчала. Она стояла потупивъ глаза и Вѣра Павловна не добилась отъ нея ни слова, а Настюшка упорно повторяла одно и то же.

Пришлось обратиться за объясненіемъ къ взрослымъ. Въ подобныхъ случаяхъ Вѣръ Павловнѣ часто помогала Татьяна. И на этотъ разъ она уже знала всю исторію отъ Настюшкиной матери, съ которой она встрѣтилась на улицѣ.

И Савина, и Богданова были щипалками на табачной фабрикѣ и обѣ зарабатывали по 30 копѣекъ въ день. Савина своимъ заработкомъ была довольна и не мечтала ни о чемъ болѣе выгодномъ, Богданова же все надѣялась перейти въ другой болѣе выгодный отдѣлъ, но у нея вышли непріятности съ приказчикомъ и лучшаго мѣста ей такъ и не дали, несмотря на то, что она была хорошая работница.

И вотъ въ одно темное декабрьское утро, когда работницы при огнѣ сидѣли уже за работой, въ комнату, гдѣ они щипали табакъ, принесли какую-то машинку.

Оказалось, что эта машинка продѣлываетъ ту же работу, что и щипалки, только исполняетъ ее много чище и притомъ несравненно быстрѣе ихъ.

Въ первую минуту новинка такъ заинтересовала женщинъ, что онѣ, побросавъ работу, залюбовались на ея ловкость. Но потомъ ихъ взяло раздумье. Онѣ сообразили, что какъ ни работай, а за машинкой никому не угнаться. Зинина мать расшумѣлась первая.

— Этакъ насъ и расчитать недолго: она, проклятая, человекъ за 50 работаетъ,—заговорила она.

Въ завтракъ Богданова куда-то исчезла, потомъ вернулась и говоритъ:

— Теперь хозяйнѣ ни одной щипалкѣ больше 20 копѣекъ платить не станетъ.

Горе взяло бабъ. А Зинкина мать все не унимается:

— Изломать ее, проклятую, только одно и остается,—говоритъ.

— Что же изломать, такъ изломать,—говорятъ и другія.

— Пока тамъ еще другую машинку вышлютъ, а мы праздникъ сытыя встрѣтимъ.

— Ну и изломала она машинку,—разсказывала Вѣръ Павловнѣ Татьяна.—Что она тамъ съ этой самой машинкой сотворила—неизвѣстно, а только стала машинка: ни взадъ, ни впередъ нейдетъ. Сначала всѣ было обрадовались, что аглицкую штуку перехитрить удалось, а къ вечеру всѣхъ работницъ какъ есть безъ расчета уволили. Многія теперь къ празднику совсѣмъ безъ хлѣба остались, а Зининой матери просто прохода не даютъ. Побить собираются... Да ей хоть бы что,—только отругивается. Дѣвчонку по вечерамъ побираться посылаетъ... Сама ночью бродяжничаетъ...

Зининой матери, несмотря на всю ея прославленную отчаянность, приходилось между тѣмъ очень плохо. Женщины, оставшіяся безъ работы, не давали прохода ни ей, ни дочери. Настюшка смотрѣла на Зину настоящимъ волчонкомъ. Ея отношеніе виѣстъ съ доходившими

въ школу разказами о бѣдствіяхъ, виновницей которыхъ была мать Зины, отражалось и на дѣтяхъ. Дѣвочки сторонились Богдановой и Вѣра Павловна видѣла съ грустью, что Зина съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе сумрачный и дикій видъ. Ея вмѣшательство только обостряло отношенія и она рѣшила предоставить дѣвочекъ самимъ себѣ въ твердой надеждѣ, что за время праздниковъ все сгладится и забудется.

Зина ходила въ школу грязная, оборванная и нечесанная. Теплый платокъ, подаренный ей Вѣрой Павловной, исчезъ безслѣдно. Несмотря на сильные морозы, дѣвочка бѣгала въ одномъ ситцевомъ платкѣ на головѣ.

Вѣра Павловна пыталась вызвать въ школу мать Зины, но та не явилась. Наконецъ, и сама дѣвочка перестала ходить въ школу. Вѣра Павловна отправилась навѣстить ее, думая, что она больна, но на квартирѣ ей сказали, что Богдановы переѣхали.

Адресъ ихъ былъ неизвѣстенъ, потому что онѣ отѣтились за городъ.

Долго не могла Вѣра Павловна отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго исчезновеніемъ дѣвочки.

Всѣ справки съ цѣлью отыскать ее не повели ни къ чему. Дѣвочка исчезла безслѣдно.

За пять дней до Рождества окончилось занятія въ городскихъ школахъ и по утрамъ Шурка напрасно поджидала Настю.

Пользуясь свободнымъ временемъ, Вѣра Павловна собиралась навѣстить кое-кого изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Но ей нигдѣ не сидѣлось, ее тянуло домой въ маленькія уютныя комнатки, гдѣ все напоминало ей о жизни, которая съ каждымъ днемъ становилась ей болѣе близкой и дорогой. Ей нравилось проводить вечера въ полномъ одиночествѣ. Скуки она не знала: работы у нея было всегда достаточно. Она читала, оканчивала шитье дѣвочекъ, готовила елочныя украшенія и въ видѣ отдыха отправлялась бродить по пустому классу, гдѣ каждая вещь говорила ей о временно притихшей жизни, на которой постепенно сосредоточивался весь смыслъ ея существованія.

Какъ то рано утромъ въ передней послышался робкій едва слышный звонокъ.

— Меня мама прислала. Она проситъ васъ за нея жалованье и награду въ Думѣ получить,—сказала отворившей дверь Вѣрѣ Павловнѣ дѣвочка лѣтъ восьми съ выраженіемъ недѣтской озабоченности на худощавомъ миловидномъ личикѣ. Это была Люба, дочь учительницы Орловой. Вѣрѣ Павловнѣ стоило большого труда убѣдить дѣвочку войти въ комнату. Ей хотѣлось разспросить ее о матери.

Ольгу Ивановну Вѣра Павловна видѣла очень рѣдко. Раза два ей пришлось побывать у Орловой и каждый разъ она уходила съ сознаніемъ, что той совсѣмъ не до нея и гости только мѣшаютъ ей.

Люба сообщила Вѣрѣ Павловнѣ, что мама больна и что у нихъ родился новый братецъ.

— Мамѣ самой никакъ нельзя поѣхать въ Думу, а деньги очень нужны, самой же Любѣ необходимо торопится домой, потому что прислуги у нихъ нѣтъ и мама съ дѣтьми совсѣмъ одна,—говорила озабоченно дѣвочка.

— Ну тогда бѣги скорѣй,—согласилась Вѣра Павловна.—А мамѣ скажи, чтобы она не беспокоилась. Я все устрою.

Въ тотъ же день Вѣра Павловна отправилась въ Думу.

Стояла оттепель и несмотря на то, что было всего около трехъ часовъ, начинало уже темнѣть, а въ казначействѣ было и совсѣмъ темно.

Эта мрачная комната съ ея грязью, полутьмою и спертымъ удушливымъ воздухомъ всегда вызывало уныніе въ Вѣрѣ Павловнѣ, и тоска окватывала дѣвушку едва, только она ходила въ нее.

На скамейкахъ вдоль стѣны сидѣли сѣрыя печальныя фигуры бѣдняковъ, хлопотавшихъ о пособіяхъ къ празднику. Преобладали женщины; по ихъ фигурамъ и лицамъ было видно, что они ждутъ кого-то и давно ждутъ. Утомленіе отъ напраснаго ожиданія сказывалось въ ихъ удрученныхъ позахъ и въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ онѣ встрѣчали каждаго входившаго въ комнату. Но входили главнымъ образомъ сторожа, не то сонные, не то пьяные; нѣкоторые изъ нихъ, безцѣльно пройдясь по комнатѣ, уходили назадъ, другіе подходили къ просителямъ и лѣниво предлагали имъ разойтись. «Не прійдетъ ужъ теперь»,—объяснялъ сторожъ старушкѣ въ салопѣ съ большимъ саквояжемъ въ рукахъ. Лицо старушки, маленькое, сморщенное, съ заискивающей растерянной улыбкой, невольно бросилось въ глаза Вѣрѣ Павловнѣ, когда она пробиралась къ рѣшетчатой желѣзной загородкѣ, на которой крупными буквами стояло: «сборъ съ лошадей» и «выдача жестянокъ».

Передъ этой рѣшеткой каждое двадцатое число собирались учительницы. Лошадей у нихъ не было, жестянокъ имъ не выдавали и Вѣра Павловна долго не могла сообразить, какое отношеніе къ городскимъ учительницамъ имѣютъ эти надписи. Потомъ ей объяснили, что эти дощечки касаются только проходящихъ сюда извозчиковъ, но каждый разъ она невольно улыбалась, машинально прочитывая эти бросавшіяся ей въ глаза надписи. Передъ загородкой уже стояла цѣлая толпа женщинъ. Это все были городскія учительницы, явившіяся получить жалованье и награду.

Вѣра Павловна стала позади всѣхъ. Знакомыхъ среди учительницъ у нея было очень мало и стоять позади всѣхъ этихъ закутанныхъ фигуръ было довольно томительно. Въ толпѣ не замѣчалось никакого движенія. За рѣшеткой въ пространствѣ, освѣщенномъ газомъ, чиновники усердно щелкали счетами и что-то писали, не обращая никакого вниманія на собравшихся женщинъ.

Выдача жалованья почему-то не начиналась и по всему было

видно, что ждать еще придется довольно долго. Разговоры въ толпѣ съ каждой минутой становились все оживленнѣе.

Было жарко и душно. Учительницы снимали платки, разстегивали шубы...

Говорили объ елкѣ, о даровыхъ билетахъ въ театръ, о прогулкѣ съ дѣтьми на балаганы.

— Я каждый годъ на Царицынъ лугъ путешествую. Хлопотливо и утомительно, но для дѣтей это такое удовольствіе!—говорила одна изъ учительницъ.

— Хорошо бы еще билеты въ циркъ раздобыть!—подхватила другая.—Въ театрѣ такъ и не достала билета, всѣ уже разобраны,—жалѣла третья.—А у васъ елка на который день? Я къ вамъ за волшебнымъ фонаремъ пришлю, можно? Новыя картины въ этомъ году изъ Соляного Городка удалось достать,—долетали до Вѣры Павловны изъ общаго гула отрывочныя фразы.

— Превосходные коньки подъ Лаврой за 40 копѣекъ продаютъ,—сообщила своей ссѣдкѣ молоденькая хорошенькая учительница въ сѣхавшей на сторону барашковой шапочкѣ.

— Ну, для насъ это дорого. Попечитель ничего не даетъ на елку и больше 20 копѣекъ на подарокъ нельзя тратить,—отозвалась съ сожалѣніемъ худая истощенная учительница съ нервнымъ подергиваньемъ глаза.

— Коньки за 40 копѣекъ? Гдѣ же это? Адресъ скажите!—подхватили близко стоявшія учительницы и молодая дѣвушка, отвѣчая имъ, принялась подробно рассказывать, какъ найти лавку.

— Жаль, что такъ далеко,—сказала блѣдная дѣвушка съ подвѣзанной щекой.

— А вы по конкѣ: это очень удобно,—посоветовала ей брюнетка съ энергичнымъ лицомъ.—Мнѣ въ этомъ году тоже порядочно путешествовать пришлось. Не знаю почему, но почти всѣ на рабочія корзиночки записались; въ гостинномъ ихъ по четвертаку продаютъ, а корзинщикъ по 12 копѣекъ работаетъ, ну и отправилась я за ними въ Гавань. Двадцати рублей на елку мажовато, приходится всячески выгадывать.

Всѣмъ рѣшительно, кромѣ тѣмъ немногихъ счастливицъ, которымъ прибавляли попечителя, приходилось страшно рассчитывать. Никому не хотѣлось оставлять дѣтей безъ подарковъ и за этими подарками бѣгали, не жалѣя ни времени, ни ногъ, чтобы выгадать лишніе гроши на лакомства для дѣтей.

Въ тѣсной толпѣ съ каждой минутой становилось все болѣе душно. Почти всѣ остались въ верхнемъ платьѣ, никакъ не ожидая, что выдача жалованья затянется до такой степени. Всѣмъ было невыносимо, но никто не рѣшался спуститься въ переднюю, чтобы раздѣться, изъ боязни пропустить очередь.

Въ толпѣ слышались жалобы на задержку; учительницы, стоявшія у самой рѣшетки, стали спрашивать чиновниковъ, когда же, наконецъ, начнется выдача жалованья.

— Бумага еще у городского головы. Ждемъ съ минуты на минуту,—раздалось изъ за рѣшетки.

Разговоры въ толпѣ возобновились, но черезъ нѣсколько времени опять раздались нетерпѣливые раздраженные голоса.

— Неслыханный беспорядокъ! Возмутительно! Никто не имѣетъ права такъ задерживать!—горячились женщины, а за рѣшеткой въ пространствѣ, освѣщенномъ газомъ, было попрежнему тихо. Мужчины что то писали, шелкали счетами и только тогда, когда толпа ужъ очень расшумѣлась, какой то сѣденый старичокъ, подойдя къ рѣшеткѣ, добродушно посовѣтовалъ всѣмъ теперь разойтись и явиться завтра.

Это предложеніе вызвало цѣлую бурю. Приходить вторично никто не хотѣлъ: у cadaго было много хлопотъ передъ праздниками, а главное всѣмъ безъ исключенія были необходимы деньги.

— Да я ничего, ждите, стойте, если хотите,—бормоталъ совсѣмъ сконфуженный старичокъ.

Зажгли газъ и въ громадной комнатѣ стало еще непригляднѣе. Черный отъ пыли и копоти потолокъ, грязныя стѣны и затоптанный полъ производили отталкивающее впечатлѣніе грязи и неряшливости.

У Вѣры Павловны отъ долгаго стоянья занули ноги. Она хотѣла уйти, но вспомнила, что Орлова ждетъ денегъ, и осталась.

Теперь толпа уже молчала. Лица у всѣхъ были утомленныя, глаза усталыя.

Одна изъ учительницъ вздумала было воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы собрать подписи для какого то юбилея.

— Подпишитесь: юбилей Аносова,—усиленно предлагала она, раскладывая на выступѣ у рѣшетки бумагу для подписей.

Но Аносова, одного изъ попечителей, знали мало, любили и еще того меньше, да и время для собиранія подписей было выбрано неудачно... Подписалась учительница, стоявшая рядомъ съ предлагавшей, да и та расписалась отъ неожиданности, вторая поставила свою фамилію изъ вѣжливости, чтобы не отказывать предлагавшей, а третья потому, что ей было рѣшительно все равно, и она ставила свою подпись вездѣ, гдѣ ей только предлагали. Остальныя въ отвѣтъ только отрицательно качали головой или просто отворачивались. Учительница разсердилась, сложила подписной листъ и, видимо сконфуженная, безслѣдно исчезла, затерявшись въ толпѣ.

— Г-жа Лунина!—вдругъ раздалось за рѣшеткой.

Толпа всколыхнулась и подалась впередъ. Одной изъ учительницъ сдѣлалось дурно, она выбралась изъ толпы и вся блѣдная опустилась на скамейку у стѣнки.

Въ углу, какъ разъ позади толпы за маленькимъ столикомъ между

тѣмъ пристраивались двѣ учительницы. Одна изъ нихъ завѣдывала похоронной кассой, другая кассой взаимной помощи.

— И я къ вамъ, можно?—спросила, подходя къ нимъ, Марья Михайловна Кунина.—Хочу учительницамъ о сапожномъ обществѣ напомнить.

Почти всѣ учительницы, получивъ жалованье, подходили къ столу; у всѣхъ имѣлись какія-нибудь дѣла въ кассахъ, только напоминанія Куниной оставались безплодными.

— Съ учительницъ много не наберешь, даже и наставлять какъ то стыдно, а въ обществѣ сочувствія мало,—пожаловалась она подошедшей къ ней Вѣрѣ Павловнѣ.

Когда очередь получать жалованье дошла, наконецъ, до Вѣры Павловны, она совсѣмъ изнемогала отъ жары и усталости. Въ ухахъ у нея шумѣло, ноги дрожали. Росписываться въ полученіи денегъ нужно было у окошечка съ надписью «сборъ съ лошадей», а деньги получали тамъ, гдѣ стояло «выдача жестянокъ». Она все перепутала и вздохнула съ облегченіемъ, когда очутилась наконецъ на улицѣ.

Прямо изъ Думы Вѣра Павловна отправилась къ Орловой.

На ея звонокъ дверь отворила Люба.

— Можно маму повидать?—спросила Вѣра Павловна.

— Можно, только мама въ постели,—отвѣтила нерѣшительно дѣвочка.

Вѣра Павловна раздѣлась и прошла за Любой въ комнату, гдѣ на кровати сидѣла похудѣвшая и окончательно осунувшаяся Ольга Ивановна.

— Спасибо вамъ большое,—съ растерянной и смущенной улыбкой сказала она, протягивая руку гостьѣ.

Вѣра Павловна присѣла на стулъ у кровати и стала разспрашивать Орлову объ ея здоровьѣ.

Двое маленькихъ дѣтей, мастерившихъ что-то на полу изъ кубиковъ, бросили свою работу и молча разсматривали гостью. На одной изъ дѣтскихъ кроватокъ, стоявшей у постели матери, лежалъ какой-то свертокъ, прикрытый съ одного конца кисейкой.

— Здоровье ничего себѣ. Поправляюсь. Хорошо, что все это...—Ольга Ивановна указала глазами на свертокъ—случилось, когда я школу уже распустила, отпуска брать не пришлось.

Теперь, когда она лежала больная въ комнатѣ, служившей спальней для цѣлой семьи, убожество всей ея жизни бросалось особенно въ глаза. Она видимо сознавала это и присутствіе человѣка въ этой убогой неприбранной комнатѣ, съ остатками какой то ѣды на столѣ, болѣзненно тяготило ее.

Вѣра Павловна замѣтила это и поспѣшила уйти, сославшись на усталость. Когда она проходила въ переднюю, изъ кухни выбѣжала Люба съ озабоченнымъ лицомъ.

— Ты, кажется, хозяйничаешь?—спросила ее Вѣра Павловна.

— Прислугѣ помогаю. Одной ей ни за что не справится, боюсь, какъ бы опять не ушла,—серьезно отвѣтила дѣвочка.

Въ первый день Рождества, какъ только стало темнѣть, въ ворота дома, гдѣ помѣщалась школа, прошмыгнула первая закутанная дѣтская фигурка. Быстро сѣменя ноженками, она пробѣжала по двору, однимъ духомъ взбѣжала въ четвертый этажъ и робко позвонила у дверей школы.

— Елку, Татьянашка, скоро зажигать будутъ?—спросила она у отворившей ей дверь женщины.

— Ну, до елки еще далеко, да ничего раздѣвайся, коли пришла.

— Нася!—радостно взвизгнула Шурка. Она уже начинала ходить и, пресмѣшно растопыривъ рученки, ребенокъ сдѣлалъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ навстрѣчу дѣвочкѣ, которая въ эту минуту напрасно старалась освободиться отъ большого байкового платка, туго затянутого узломъ на спинѣ.

Когда Татьяна помогла раздѣться пришедшей и Шурка убѣдилась, что это была совсѣмъ не Настя, то въ первую минуту она оторопѣла, но въ потомъ опять улыбнулась и захопала рученками. Она такъ соскучилась безъ дѣвочекъ, что готова была радоваться каждой изъ нихъ.

Вслѣдъ за первой маленькой гостьей явилась вторая, потомъ третья и въ самомъ непродолжительномъ времени вся кухня наполнилась празднично разодѣтыми дѣвочками.

Дѣвочки шуршали накрахмаленными юбками; ихъ тщательно вымытыя лица дажо лоснились и пахло отъ нихъ смѣсью помады, душистаго мыла, деревяннаго масла и новыхъ башмаковъ.

— Въ рекреационную проходите! [Въ рекреационную! — торопливо проговорила, показываясь въ кухонныхъ дверяхъ раскрасѣвшаяся и видимо захопотававшаяся Вѣра Павловна.

Дѣвочки бросились къ ней.

— Съ праздникомъ, Вѣра Павловна! Съ праздникомъ!—пумѣли онѣ.

— Некогда, некогда!—замахала на нихъ Вѣра Павловна.—Въ рекреационную проходите!—повторила она и скрылась за дверьми класса, которыя плотно захопнулись за нею.

Въ рекреационной дѣвочки, старательно оправивъ платья, чинно разсѣлись по скамейкѣмъ. Говорить никому не хотѣлось; всѣхъ охватило ожиданіе чего-то необыкновеннаго; особенно волновались маленькія; ихъ было большинство и очень многія изъ нихъ никогда не видѣли зажженной елки.

Дѣвочки постарше съ видимымъ интересомъ занимались изученіемъ нарядовъ. Ни одинъ бантикъ, ни одна оборочка не ускользнули отъ ихъ внимательныхъ любопытныхъ взоровъ.

— У тебя новое платье?—Нѣтъ, мама подержаное на рынкѣ ку-

*

пила.—А совсѣмъ какъ новое!—А тебѣ кто шилъ?—Это намъ готовое, господа подарили,—раздавалось среди старшихъ.

Разсолова въ пышномъ кисейномъ платьѣ съ необыкновеннымъ количествомъ оборочекъ и бантиковъ, сознавая собственное великолѣпіе, ни за что не хотѣла садиться на скамейку, несмотря на любезное предложеніе подругъ потѣсниться, чтобы ей было мѣсто. Важно откинувъ голову съ заплетенными на ночь въ мелкія косички и потому удивительно пушистыми волосами и держа въ рукахъ скатанный въ комочекъ носовой платокъ, дѣвочка ходила по комнатѣ, предоставляя сидящимъ всестороннее изученіе безукоризненнаго наряда и бронзовыхъ туфель съ помпонами. Эффектъ былъ полный.

Ни одно платье не выдерживало сравненія съ ея нарядомъ. Были розовыя и голубыя платья, было даже нѣсколько шерстяныхъ, но всѣмъ имъ было далеко до пунцоваго великолѣпія Разсоловой. Бронзовыя туфли были тоже единственными въ своемъ родѣ и тѣ, кто думалъ поразить новыми лайковыми башмаками на пуговкахъ, потерпѣли полнѣйшее разочарованіе, а дѣвочки въ заплатаной обуви, разглядѣвъ золотистыя щегольскія туфельки, совсѣмъ сконфузились и скромно поджали ноги.

— Пойдемте ходить,—предложила Разсолова, которой въ концѣ концовъ все-таки стало скучно разгуливать въ одиночествѣ, но въ эту минуту въ дверяхъ показалась Люша Александрова и всѣ взоры устремились на нее. По шопоту одобренія, которымъ дѣвочки встрѣтили Люшу, было замѣтно, что и ея нарядъ произвелъ впечатлѣніе, и дѣвочка, почувствовавъ это, нахально вздернула свой курносый, покрытый веснушками носикъ.

Все дѣло испортила Лиза дворника.

Шумя туго накрахмаленнымъ розовымъ платьемъ, она подскочила къ Люшѣ и, тыча пальцемъ въ низко подвязанный пунцовый кушакъ, съ самымъ искреннимъ изумленіемъ спросила Люшу:

— А ты себѣ зачѣмъ этакъ-то животь затянула?

Очарованіе было нарушено. Люша фыркнула и собралась было выругаться, но не успѣла: дружный хохотъ дѣвочекъ огласилъ комнату. Всѣмъ сразу стало ужасно весело.

Еще больше развеселила всѣхъ явившаяся Настюшка. Она показала въ дверяхъ въ сопровожденіи неуклюжаго мальчика гѣть шести въ красной кумачевой рубашкѣ и валенкахъ. На самой Настюшкѣ было розовое не очень свѣжее, но довольно затѣйливое платье. Ей его подарила барышня, жившая съ ней въ одномъ домѣ. Барышня была выше и толще Настюшки; дѣвочка пробовала собственными силами уладить платье, но вышло довольно неудачно: сзади оно оказалось длиннѣе, чѣмъ спереди. Настюшкѣ надоѣло возиться и она рѣшила больше не передѣлывать. Волосы для праздника она вымазала русскимъ масломъ; это было не особенно красиво, но зато гладко, и На-

стюпка, не обращавшая обыкновенно ровно никакого вниманія на свой туалетъ, на этотъ разъ осталась собою очень довольна.

— Это твой братъ? Какъ его зовутъ? Сколько ему лѣтъ? Какой смѣшной!—зашумѣли дѣвочки, обступая Настюшку съ ея спутникомъ.

— Да не братъ онъ мнѣ! Это просто мальчишкѣ съ фатеры,—съ комичной досадой объясняла заторможенная дѣвочка.—Вѣра Павловна мнѣ велѣла безпремѣнно на елку съ братомъ приходите, а его мамка еще вчера на ту сторону увела, да такъ и не возвращалась. Ну, я и подумала: чѣмъ мѣсту-то зря пропадать, дай-ка я хоть Кирюшку съ собой захвачу.

Дѣвочки опять разсмѣялись, а Настюшка разсердилась.

— Чего зубы то скалите?—огрызнулась она, но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ и сама разсмѣялась.

Почти всѣ дѣвочки любили Настюшку и въ смѣхѣ ихъ не было ничего злого; но трудно было не смѣяться, глядя на дѣвочку, а въ особенности на ея спутника. Смущенный вниманіемъ наступавшихъ на него задорныхъ маленькихъ женщинъ, онъ громко сопѣлъ носомъ и былъ готовъ разревѣться.

— А ты не робѣй!—бросила ему въ видѣ ободренія Настя и по своему обыкновенію затараторила съ дѣвочками.—На фатерѣ у насъ почитай что всѣ пьяные. Утромъ мальчишки приходили Христа славить, звѣзду этакую большущую приволокли... Хозяйка щи мясныя варила и свинину жарила. Мамка съ самаго сочельника куда-то запропала, ну, да я и не горюю объ этомъ. Меня для праздника такого большого всѣ кругомъ на угощенье зовутъ. Такъ наѣлась, что даже дышать больно...—раздавался ея бойкій оживленный говоръ.

Приползла и Шурка въ рекреационную.

— Нася!—закричала она съ порога, и Настя бросилась къ ней.

Кто-то изъ маленькихъ вздумалъ было подсматривать въ замочную скважину у классныхъ дверей. Преступницу изловили на мѣстѣ; она пробовала кусаться, но получила за это должное возмездіе. Поднялся шумъ. Дѣвочки раскричались, чуть не подрались. Становилось душно, въ воздухѣ пахло елью, помадой и башмаками.

— Отворяютъ, отворяютъ!—вдругъ закричалъ кто-то.

Всѣ глаза устремились на двери; онѣ распахнулись, дѣвочки, тѣсня и давя другъ друга, бросились въ классъ и остановились, пораженные великолѣпіемъ того, что увидѣли. Онѣ положительно не узнавали такъ хорошо знакомой имъ комнаты. Классъ былъ залитъ потоками свѣта и весь этотъ свѣтъ шелъ какъ разъ съ того мѣста, на которомъ обыкновенно помѣщался учительскій столъ. Теперь этого стола не было: онъ вмѣстѣ съ другими столами и скамейками исчезъ куда-то безслѣдно, а какъ разъ на его мѣстѣ, на самой срединѣ класса возвышалось блестящее сверкающее великолѣпіе, живое воплощеніе красоты въ глазахъ этихъ чердачныхъ и подвальныхъ обитателей.

Маленькія видѣли елку въ первый разъ. Овѣ стояли совсѣмъ пораженныя съ глазами, поднятыми кверху, и съ раскрытыми ртами.

— Какъ хорошо!—вдругъ громко вырвалось изъ глубины чьего-то переполненнаго дѣтскаго сердца.—Красиво! Блеститъ! А огоньки точно звѣздочки! Ангелъ совсѣмъ какъ живой!—послышалось въ толпѣ.

«Рождество Твое, Христе Боже Нашъ»,—начала по знаку Вѣры Павловны Брусенцева и къ ея красивому мягкому голосу дружно присоединились всѣ дѣтскіе голоса. Вѣръ Павловнѣ казалось, что никогда еще ея дѣвочки не пѣли такъ хорошо, какъ въ этотъ Рождественскій вечеръ.

«Христось на землѣ», звонко пѣли дѣти, всѣмъ существомъ ощущая присутствіе невидимаго Христа, въ день Рождества Котораго загорѣлась для нихъ эта чудесная елка. Каждый звукъ пѣсни отдавался въ сердцѣ Вѣры Павловны и непрошенныя слезы туманили глаза дѣвушки.

Волна радости и какого-то ликованія подхватила и унесла съ собою дѣтей. Въ сіяющихъ отъ восторга раскраснѣвшихся лицахъ Вѣры Павловна не узнавала своихъ безцвѣтныхъ, блѣдныхъ и болѣзненныхъ ученицъ. Въ играхъ и въ общемъ весельѣ принимали участіе даже самыя дикія, молчаливыя и забытыя дѣвочки.

Въ этотъ вечеръ Вѣра Павловна поняла, что ничто не сближаетъ такъ сильно, какъ общая радость, и она невольно пожалѣла бѣдную Зину. Можетъ быть, въ этотъ вечеръ разогрѣлось бы и ея застывшее сердце и она навсегда перестала бы чувствовать лишней и одинокой на бѣломъ свѣтѣ.

Елка удалась на славу. Игры прошли очень весело. Играя въ коршуна, дѣти такъ визжали, что прохожіе во дворѣ съ испугомъ поднимали головы къ освѣщеннымъ окошкамъ школы.

Даже дичившійся Кирюшка къ концу вечера разошелся во всю. Изображая кошку, онъ до такой степени вошелъ въ свою роль, что ни за что не хотѣлъ выпустить пойманную мышку и та чуть не разревѣлась, стараясь выскользнуть изъ цѣпкихъ пальцевъ, охватившихъ ее.

Потомъ Вѣра Павловна показывала волшебный фонарь.

Лампы были потушены и дѣти усѣлись прямо на полъ передъ спущенной съ потолка простынкой. Картины вызвали шумный восторгъ зрителей. Особенно понравились олени съ необыкновенными по своей величинѣ даже для этихъ животныхъ рогами. Какъ живые пронеслись они по снѣжной пустынѣ прямо навстрѣчу великолѣпному сѣверному сіянію. Очень хорошиъ былъ поварь, которому пѣтухъ вцѣпился прямо въ носъ. Не дурны были и клоуны... Дѣти смѣялись надъ ними до слезъ. Потомъ Вѣра Павловна раздавала подарки.

Здѣсь не обошлось безъ маленькихъ недоразумѣній. Климова, сред него отдѣленія, изъ важности написавшая на билетикѣ корзинку для рукодѣлія, теперь горько раскаивалась и чуть не плакала, съ завистью

разглядывая великолѣпно разодѣтыхъ куколъ съ настоящими волосами. Чернокова предлагала всѣмъ дать ей что-нибудь въ обмѣнъ на пеналь. Господа къ празднику подарили ей тоже пеналь и теперь у нея было ихъ два. Кирюшка, получившій лошадь и грубу, продолжалъ тянуться за всѣмъ, что только оставалось на столѣ и на елкѣ. Лицо у него было потное, красное и весь онъ дрожалъ, охваченный жаждой получить и унести съ собой какъ можно больше изъ всего этого великолѣпія. «Мнѣ, мнѣ, мое все!» бормоталъ мальчикъ въ какомъ-то экстазѣ.

Счастливыя и довольныя, съ полученными подарками въ рукахъ, дѣвочки успѣли отдохнуть подъ елкой. Оставшіеся гостинцы бережно увязывались въ носовые платки.

Становилось поздно и за нѣкоторыми изъ маленькихъ пришли матери, чтобы вести ихъ домой.

Первою собралась уходить Маня Николаева; ея маленькая сестренка совсѣмъ засыпала и еле держалась на ногахъ. Вслѣдъ за Николаевой стали собираться и другія дѣвочки. «Спасибо, спасибо! Благодарствуйте!» раздавалось вокругъ Вѣры Павловны.

Настюшка ушла послѣдняя. Она долго завязывала свои и Кирюшкины гостинцы.

«Скажи: благодарствуйте, тетенька!» учила она мальчика, подводя его за руку къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Но тотъ молчалъ, хотя его сонная блаженно улыбающаяся рожица говорила краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Вѣра Павловна нагнулась и крѣпко поцаловала мальчика.

Въ кухнѣ, разметавшись въ корзинкѣ и крѣпко прижимая къ груди только что полученныя красныя туфли, спала Шурка. Сонъ ея былъ тревожный. Ея худое истощенное тѣлце было не въ силахъ выдержать всѣхъ яркихъ впечатлѣній минувшаго вечера и радость, слишкомъ большая для ея маленькаго существа, переходила въ страданіе.

Довольная и счастливая заснула Вѣра Павловна. Засыпая она какъ-то невольно вспомнила далекое дѣтство, вспомнила себя маленькой дѣвочкой, вначалѣ безпечной и веселой, потомъ задумчивой и грустной. Все дѣтское веселье связано было въ ея памяти съ воспоминаніемъ о рождественской елкѣ: перестали зажигать елку и дни потянулись тоскливыя, безрадостныя, семья распалась, обѣднѣла, было не до елки. Это Рождество безъ елки тянулось долго, мучительно долго, и въ послѣдніе годы, когда съ наступленіемъ праздника и сознаніемъ собственнаго одиночества обострялось все, что накопилось горькаго на душѣ, Вѣра Павловна чувствовала себя особенно тоскливо. Вспомнилось все, что осталось невыполненнымъ въ жизни, просыпалась жажда ласки и дружескаго привѣта. И вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ томительныхъ лѣтъ она испытала, что значить имѣть возможность радовать другихъ. Въ этотъ вечеръ оттаяло ея сердце, застывшее въ

одинокствѣ жизни: она поняла, что она не одна, что она нужна всѣмъ этимъ обездоленнымъ дѣтямъ... Ей казалось, что и для нея вернулось, наконецъ «Рождество съ елкой», котораго она была лишена долгіе годы.

Пришли рождественскіе каникулы и вмѣстѣ съ ними кончилось непривычное затишье въ школѣ Вѣры Павловны. Она ждала начала занятій съ радостью. Отдохнувшая и болѣе бодрая, чѣмъ когда-либо, она съ увлеченіемъ принялась за уроки; даже голосъ за праздники у нея поправился и въ немъ не замѣчалось смущавшей ея хрипоты. И опять въ школѣ все пошло попрежнему или, вѣрнѣе, даже лучше прежняго. Опять, какъ и раньше, черноволосыя и бѣлокурыя головки прилежно наклоняются надъ тетрадами и книгами во время самостоятельныхъ работъ или же не спускаютъ внимательныхъ, осмысленныхъ глазъ съ учительницы, жадно ловя ея каждое слово въ то время, когда она начинаетъ что-нибудь объяснять. Опять, какъ и прежде, въ перемѣны во всѣхъ уголкахъ копошатся и возятся дѣти, слышенъ смѣхъ, веселая болтовня, а временами раздаются и пѣніе. Все идетъ какъ и раньше, по виду не измѣнилось ровно ничего и попечитель, изрѣдка наѣзжающій въ школу, находитъ, что у Вѣры Павловны дисциплина страдаетъ попрежнему; но это мало огорчаетъ ее: она радуется тому, что между нею и дѣтьми образовалась, наконецъ, прочная внутренняя связь. Дѣвочки дѣтскимъ инстинктомъ поняли, что для блѣдной тихой дѣвушки онѣ самыя близкія существа, и это сознаніе вмѣстѣ съ чувствомъ благодарности уничтожило послѣднюю тѣнь отчужденія между учительницею и ученицами. Каждый новый день приноситъ Вѣрѣ Павловнѣ все новыя и новыя доказательства довѣрія. Теперь ей нѣтъ надобности подстергать чью-нибудь нужду и волноваться мыслью о томъ, что она узнаетъ о чьемъ-нибудь горѣ поздне всѣхъ. Дѣвочки ей первой рассказываютъ о всемъ сколько-нибудь важномъ въ ихъ бѣдной радости, но богатой огорченіями жизни.

Вѣра Павловна узнала, что болѣзнь и безработица—два главныхъ несчастія, которыя тяготѣютъ надъ ними и служатъ источникомъ всякихъ бѣдствій. Присмотрѣвшись къ дѣвочкамъ, она теперь безошибочно по внѣшнему виду ученицъ узнавала, что въ семьѣ не все благополучно. Изъ своего жалованья Вѣра Павловна кое-что удѣляла на обувь и одежду бѣднѣйшимъ ученицамъ, а въ случаяхъ заболѣваній посылала дѣвочкамъ молоко, яйца, масло. Теперь ей достаточно было подмѣтить стыдливое отщипываніе кусочковъ изъ ситцеваго мѣшочка для завтрака, чтобы понять, что ребенокъ голодаетъ. Въ чулкахъ у Татьяны для такихъ случаевъ всегда припасалась лишняя мисочка супа и не одна дѣвочка во время безденежья родителей кормилась школьными завтраками. Походить нѣсколько дней на кухню, а потомъ и сама изъ дома булку приносить. «Спасибо, мы теперь поправились», говоритъ. Случаевъ пользованія завтраками безъ особой нужды не бывало. Дѣвочки поражали Вѣру Павловну даже излишней щепетильностью на этотъ счетъ.

Все чаще и чаще заходили теперь въ школу родители, чтобы поговорить съ учительницей о своихъ дочеряхъ.

Приходили, главнымъ образомъ, матери; между ними были и такія, которыя приходили совѣтоваться по поводу своихъ домашнихъ дѣлъ, инныя просили что-нибудь почитать. Ученьемъ дочекъ почти всѣ были довольны, хотя и не скрывали, что больше строгости никогда не мѣшаетъ. Одна изъ матерей какъ-то явилась къ учительницѣ съ покорнѣйшей просьбой выпороть дочку за какую-то домашнюю провинность и была очень недовольна отношеніемъ Вѣры Павловны къ ея предложенію.

Въ числѣ недовольныхъ учительницей была кухарка Чернокова, хвалившаяся осенью на пріемѣ, что «ея дѣвочка такъ ужъ тиха, такъ тиха, что безъ ея позволенія и съ табуретки не сойдетъ».

— Избаловали дѣвчонку,—укоризненно отчитывала она Вѣру Павловну.—Сладу съ ней нѣтъ никакого. Надняхъ вздумала пѣсни запѣть. У меня отъ страха сердце даже упало, что думаю, какъ барыня услышаетъ... И кабы еще хоть божественное что изъ школы принесла, а то про цаплю какую-то затянула... Сократите вы ее, сдѣлайте такую милость,—упрашивала она учительницу.—Сами вы при вашей учености понимать должны, что въ нашемъ званіи бойкости отъ нея не требуется...

Но Вѣра Павловна не стала сокращать дѣвчонку; напротивъ, она радовалась, замѣтивъ, что у той пропадало лѣνιαвое, сонное выраженіе и что-то осмысленное загоралось въ заплывшихъ глазахъ. Но разубѣдить мать ей не удалось; кончилось тѣмъ, что кухарка взяла дѣвчонку и помѣстила ее въ мастерскую, гдѣ готовили золотыя и серебряныя кисти для украшенія гробовъ. Вѣра Павловна продолжала уговаривать мать, чтобы та оставила въ школѣ дочь хотя бы до конца учебнаго года, но безуспѣшно.

— Нѣтъ, ужъ по всему видно, что добра отъ этого ученья не будетъ, баловство одно,—упрямо отвѣчала Чернокова въ отвѣтъ на всѣ доводы учительницы.

Вѣра Павловна винила себя въ томъ, что не умѣла поладить съ матерью, но это непріятное впечатлѣніе вскорѣ сгладилось другими болѣе крупными несчастіями, которыя одно за другимъ неожиданно свалились на школу.

Одна изъ дѣвченокъ въ день посѣщенія докторшей школы пожаловалась на головную боль.

Дарья Ивановна приложила руку ко лбу дѣвочки и заглянула ей въ горло. Голова была горячая, а горло красное.

— Глаза все что-то чешутся,—сказала дѣвочка.

Дарья Ивановна велѣла ей растегнуться.

— Сейчасъ же удалите изъ школы. У дѣвочки, по всей вѣроятности, корь,—взволнованнымъ голосомъ обратилась она къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Вѣра Павловна перепугалась не менѣе докторши.

Мигомъ собрали тетради и книги больной, сунули ей въ руки сумку и послали въ кухню одѣваться, чтобы идти домой.

Дѣвочка расплакалась. Ей очень не хотѣлось отправляться домой и она молчала, пока ей сильно нездоровилось, перемогалась всячески, чтобы ходить въ школу, а теперь, когда ей стало значительно лучше, ее вдругъ отсылаютъ.

— Я найду навѣститъ тебя,—сказала ей въ видѣ утѣшенія Вѣра Павловна.

— Раньше шести недѣль въ школу не показывайся,—напутствовала ее взволнованная Дарья Ивановна.

Дѣвочка расплакалась громче прежняго. Татьяна пошла провожать ее до дома.

— Неприятно, очень неприятно,—повторяла Дарья Ивановна.—Если это окажется корью, придется продезинфицировать всю школу. А теперь-пока послѣ занятій провѣтрите хорошенько все помещеніе: полы велите вымыть, скамейки суемой оботрите... Я вамъ сейчасъ же пришлю цѣлую бутылъ.

Все было сдѣлано, какъ приказала Дарья Ивановна. Татьяна потрудилась насовѣсть. Вечеромъ, когда она покончила съ уборкой, на ней просто не было лица.

— Устали вы очень, Татьяна?—участливо спросила ее Вѣра Павловна.

— Сердце болитъ, барышня, — отвѣтила та. — Вѣдь корь, говорятъ, пристаесть сильно. Боюсь я, какъ бы Шурка не свалилась. Куда я тогда съ нею дѣнусь—ума не приложу.

— Ну, Богъ дастъ, ничего не будетъ, а если и случится что, больница подъ бокомъ,—стараясь успокоить женщину, сказала Вѣра Павловна.

— Въ больницѣ-то, говорятъ, давнымъ давно мѣстовъ нѣтъ. Коревою баракъ надняхъ новый открыли и тамъ уже все полно... По нѣскольку дѣтей на одну кровать кладутъ, а матери, которыя при грудныхъ состоятъ, въ повалку на полу спятъ... У Климовой нашей тамъ братишка лежалъ. Я съ матерью какъ-то на улицѣ повстрѣчалась, она мнѣ все и рассказала. Просто адъ кромѣшный тамъ, говорить.

Вѣра Павловна всѣми силами старалась успокоить Татьяну, но смутное безпокойство охватило и ее самое. Дѣйствительно, что дѣлать съ Шуркой въ случаѣ ея болѣзни?

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки домой больной дѣвочки, нѣсколько ученицъ одна за другой перестало ходить въ школу.

Дѣвочки рѣдко пропускали уроки по-болѣзни. Ихъ часто задерживали дома разныя хозяйственныя дѣла: матери уходили на работу и нужно было понянчить грудного, или въ семьѣ ктонибудь расхворался и нуждался въ уходѣ. Нѣкоторыя изъ дѣвочекъ по субботамъ всегда оставались дома, такъ какъ на ихъ обязанности лежало мытье половъ и уборка квартиры. Матерямъ было некогда: онѣ работали на сторонѣ и прибиратъ собственный уголъ у нихъ не хватало ни времени,

ни силъ. Вѣра Павловна привыкла къ такимъ манкировкамъ и относилась къ нимъ снисходительно. Легкое недомоганіе у дѣтей не считалось за болѣзнь. Необыкновенно терпѣливыя и выносливыя, онѣ перемогались до послѣдней возможности.

Отсутствіе дѣвочекъ въ виду недавняго случая кори испугало Вѣру Павловну. Она вызывала матерей, ходила справляться сама.

Мать одной изъ ученицъ даже расплакалась въ отвѣтъ на настойчивые разспросы, чѣмъ больна ея дочь.

— Помяните, Вѣра Павловна, у дѣвочки голова болитъ, горло чуть-чуть захватило, а вы меня безъ ножа рѣзать собрались. Вѣдь, если про корь слухи пойдутъ, у меня всѣ наготовленные къ вербамъ цвѣты пожгутъ, а я на одинъ матеріалъ больше 40 рублей затратила...

Женщина приготавлила къ Рождеству и къ Пасхѣ бумажные цвѣты. Вѣра Павловна знала какимъ подспорьемъ является для нея этотъ заработокъ и понимала, что потеря сорока рублей грозитъ разореніемъ для цвѣточницы, бравшей деньги на матеріалъ обыкновенно въ долгъ.

Вообще болѣзни, а заразные въ особенности были страшнымъ бѣдствіемъ для рабочаго люда.

Дворникъ Часовниковъ, громадный широкоплечій мужикъ, чуть не повалился въ ноги Вѣрѣ Павловнѣ, когда она сказала, что попросить школьнаго врача навѣстить его заболѣвшую дочку.

— Ослобоните! Ради Самого Христа ослобоните, — взмолился онъ. — Въ больницу вѣдь все равно дѣвченку не примутъ, тамъ ужъ давно всѣмъ отказываютъ, потому что мѣстовъ нѣтъ, а дома держать тоже не позволяютъ, когда огласка выйдетъ. Только всего и будетъ, что съ мѣста сгонять. Помилосердуйте, барышня!

Почти на всѣхъ, съ кѣмъ приходилось разговаривать Вѣрѣ Павловнѣ, слово «больница» наводило ужась.

Жена приказчика въ бумажномъ магазинѣ сама пришла заявить, что у ея дѣвочки корь.

Вѣра Павловна знала, что въ этой семьѣ много дѣтей.

— Если больную оставить дома, всѣ перехвораютъ, — предупредила она.

— Пусть ужъ лучше хвораютъ, а въ больницу ни за что не отдамъ. У меня тамъ мальчика въ прошломъ году уморили, — отвѣтила мать достаточная и не глупая женщина, бывшая ученица профессиональной школы.

— Уморили? — переспросила Вѣра Павловна.

— Да, именно уморили, — подтвердила женщина. — Мальчику четыре года было; хорошенькимъ, здоровенькимъ, да веселенькимъ такимъ росъ. Глѣ-то корь захватила. Пригласила я думскаго доктора и тотъ велѣлъ мнѣ немедленно ребенка въ больницу отправить. Квартира у насъ при магазинѣ и кромѣ того, что всѣ дѣти перехворали бы, можно было и покупателямъ сразу передать. Поплакали мы съ мужемъ, по-

горевали и ребенка въ больницу свезли, потому что сами видѣли, что иначе нельзя. Болѣзнь у него самая легкая оказалась и его уже черезъ четыре недѣли къ выпискѣ готовили. Только прїѣзжаю это я за нимъ въ назначенный день, а мнѣ и говорятъ: у вашего мальчика скарлатина объявилась.

Голосъ женщины дрогнулъ, но она справилась съ волненіемъ и продолжала:

— Чуть я ума тогда не лишилась. Отъ скарлатины мальчикъ тоже поправился, только худенькій да слабенькій сдѣлался, на ножкахъ послѣ этой второй болѣзни совсѣмъ не стоялъ... Лучше ему стало. Я дня два пропустила, не ѣздила: больница далеко, сама я простудилась и лежала. Мужу тоже никакъ нельзя было магазинъ бросить. Поправилась я, прїѣзжаю... Умеръ, говорятъ, мальчикъ вашъ... Онъ у нихъ тамъ еще дифтеритомъ послѣ всего заразился...

Женщина замолчала, молчала и Вѣра Павловна. Всякія слова утѣшенія въ данномъ случаѣ были бесполезны, и у нея вдругъ пропала всякая охота давать совѣты относительно помѣщенія дѣтей въ больницу.

Какъ разъ во время переполоха, вызваннаго болѣзью, Шурка еще больше сдружилась съ Настюшкой. Обѣ дѣвочки были почти неразлучны въ свободное отъ уроковъ время, а нерѣдко случалось, что и во время урока открывалась дверь въ классъ и въ щель просовывалась лохматая головенка съ глазами, пытливо выглядывавшими пчезнущаго друга. Обыкновенно подоспѣвавшая Татьяна быстро подхватывала дочку, но и черезъ закрытыя двери еще долго доносился въ классъ требовательный настойчивый крикъ ребенка, звавшаго Настю.

Дѣвочки смѣялись. Улыбалась и Настя и въ улыбка ея сквозило маленькое тщеславіе, вслѣдствіе пріятнаго сознанія, что Шурка любить ее больше, чѣмъ всѣхъ другихъ дѣвочекъ.

Однажды оба друга показались подозрительными Вѣрѣ Павловнѣ.

Вмѣсто нѣжныхъ отношеній и тихихъ разговоровъ они поминутно ссорились. Настюшка была какая-то вялая и то и дѣло отталкивала лънувшую къ ней даже болѣе обыкновеннаго Шурку.

Кончилось все это тѣмъ, что Шурка пребольно укусила за плечо своего друга. На крикъ прибѣжали Вѣра Павловна и Татьяна. Татьяна, не долго думая, здѣсь же отхлопала дочку.

Настюшка неистово ревѣла. Вѣра Павловна велѣла ей показать укушенное плечо.

— Да у тебя сыпь! — испуганно проговорила она, когда дѣвочка спустила рукавъ.

Послали за Дарьей Ивовоной.

Ждать пришлось довольно долго. Дарья Ивановна еще путешествовала по школамъ.

Настюшка, печально опустивъ голову, покорно ожидала рѣшенія своей судьбы. Дѣвочка сидѣла на диванѣ въ пріемной, куда Вѣра Павловна помѣстила ее, чтобы отдѣлится отъ другихъ дѣтей.

На душѣ у Настюшки было довольно скверно. Особеннаго нездоровья она не чувствовала, но мысль очутиться дома казалась ей въ высшей степени непривлекательной.

Ея мать, лишившись работы на фабрикѣ, не имѣла постоянного заработка и перебивалась случайной работой: нанималась мыть полы и стирать бѣлье. Мальчика ей удалось пристроить въ ясли, но и за него приходилось платить въ день десять копѣекъ. Мать кормилась у тѣхъ, кто бралъ ее работать, а дѣвочка завтракала супомъ и старалась оставаться въ школѣ какъ можно дольше, чтобы захватить обѣдъ у Вѣры Павловны и Татьяны. Шурка служила благовиднымъ предлогомъ для такихъ задержекъ. Обыкновенно передъ самымъ уходомъ Настюшка выдумывала какую-нибудь интересную забаву и оставалась одна послѣ ухода дѣвочекъ, наслаждаясь просторомъ и свѣтомъ въ опустѣвшей школѣ.

«Вотъ придетъ докторша и навѣрное домой отправить. А дома то грязь, духота и не только обѣда, а и супа теперь долго къ завтраку въ глаза не увидишь»...—проносилось въ головѣ дѣвочки.

Пришла Дарья Ивановна и дѣйствительно вегѣла Настюшкѣ отправляться домой. Показала ей Вѣра Павловна и Шурку.

— Что-то плохо смотреть она сегодня,—сказала Татьяна и Вѣра Павловна, взглянувши на нее въ эту минутку, замѣтила въ ея глазахъ опасливое выраженіе собаки, которая ждетъ и боится удара. Вѣра Павловна перевела глаза на ребенка и испугалась. Вѣки Шурки покраснѣли, распухли и совсѣмъ закрыли глаза.

— Сними съ нея платье!—приказала матери докторша.

Испугалась ли Шурка чужого голоса или ее вдругъ охватилъ безсознательный ужасъ передъ чѣмъ-то непонятнымъ, невыносимо страшнымъ, но она забилась и затрепетала на рукахъ матери, какъ подстрѣленная птица.

— У-у-у!—кричала она, отмахиваясь руками и, вытянувъ впередъ шею, старалась раскрыть запухшія вѣки. Но это ей не удалось, она ничего не видѣла и ужасъ охватывалъ ее все сильнѣе и сильнѣе...

— У-у!—не переставая разносилось по школѣ.

Сыпи на тѣлѣ не оказалось, но она могла выступить каждую минуту.

Дарья Ивановна написала на своей карточкѣ нѣсколько словъ.

— Въ больницѣ рядомъ съ вами открытъ баракъ для коровыхъ. Пошлите туда вашу прислугу съ ребенкомъ. По этой карточкѣ ее должны немедленно принять.

— У-у! — кричала надрываясь Шурка, которую Татьяна уносила въ кухню.

— Вотъ вамъ и неудобство брать прислугу съ дѣтьми, — укоризненно замѣтила Вѣрѣ Павловнѣ докторша.—Завтра какъ разъ праздникъ, занятій не будетъ, такъ я къ вамъ дезинфекторовъ приплю.

— Это почти бесполезно: корь перебрала теперь всѣхъ, у кого ее еще не было,—отвѣтила Вѣра Павловна.

Между тѣмъ Татьяна собирала затихшую Шурку. Она одѣлась и сама, а дѣвочку закутала всѣмъ теплымъ, что только нашлось у нея.

Лицо 7 Татьяны за эти нѣсколько часовъ осунулось, стало какое то желтое, глаза ввалились.

— До свиданія, барышня,—тихо проговорила она, низко поклонилась Вѣрѣ Павловнѣ и, взявъ закутаннаго ребенка на руки, набросила на него еще сверху байковый платокъ.

— У-у!—опять закричала Шурка.

И долго этотъ испуганный, душу раздирающій крикъ больно отдавался въ душѣ Вѣры Павловны каждый разъ, какъ ей приходилось вспоминать о Шуркѣ.

Татьяна осталась въ больницѣ вмѣстѣ съ дочкой и Вѣрѣ Павловнѣ, не хотѣвшей брать на время новую прислугу, пришлось управляться одной. Дѣвочки наперерывъ предлагали ей свои услуги и, еслибы не тревожныя мысли о хворавшей Шуркѣ, которую всѣ очень любили, онѣ готовы были радоваться этой непривычной вознѣ. Мести полъ и вытирать пыль всегда было много охотницъ, а топить плитку и варить супъ для казенныхъ дѣвочекъ и того больше. Всѣ эти неожиданныя хозяйственныя хлопоты нисколько не мѣшали ученью: никогда дѣвочки не учились еще такъ охотно, какъ теперь, когда вмѣсто пѣнія, игры и возни онѣ въ перемѣны съ озабоченными лицами суетились по школѣ, съ наслажденіемъ отдаваясь врожденной женской потребности устраивать и хлопотать въ любимомъ углу.

— Дома, какъ тамъ ни прибирай, все грязно,—говорила одна изъ маленькихъ, съ увлеченіемъ вытирая полотенцемъ классный столъ.—А здѣсь только чистой тряпкой проведешь и все заблеститъ.

— Вѣра Павловна, позвольте у васъ въ пріемной прибрать?—просили часто дѣвочки.

— Нѣтъ, спасибо, ужъ я сама,—обыкновенно отказывалась въ первую минуту Вѣра Павловна, но въ концѣ концовъ она все-таки уступала настойчивымъ просьбамъ.

И нужно было видѣть, какъ хлопотали дѣвочки. Съ какой заботливостью убирали онѣ письменный столъ учительницы, старались поставить стулья, какъ она любила...

Послѣ дезинфекціи новыхъ заболѣваній не было. Всѣ перехворали до дезинфекторовъ.

Черезъ пять дней послѣ того какъ Шурку отправили въ больницу, Вѣра Павловна узнала, что дѣвочка умерла, а еще черезъ недѣлю въ школьной кухнѣ опять водворилась Татьяна, сильно осунувшаяся и похудѣвшая въ лицѣ.

Н. Манасейна.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛХИМІЯ И АЛХИМИКИ.

(Страничка изъ исторіи науки).

Привать - доцента кievскаго университета Н. Н. Володкевича.

Πάντα κωρεί *).

(Гераклитъ).

Всякому образованному челоуѣку знакомо слово алхимія, но далеко не у всякаго связывается съ нимъ вѣрное представленіе. Всѣмъ извѣстно, что алхимія—это наука о превращеніи неблагородныхъ металловъ, напр., свинца, въ благородные, т. е. въ серебро и золото; всѣ знаютъ, что алхимики, на ряду съ этой цѣлью, добивались также полученія жизненнаго элексира, служащаго для продленія жизни. Когда наука о природѣ выступила на настоящій путь,—путь опытнаго изслѣдованія,—естественно было, что, въ виду поразительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ ею, стали относиться съ пренебреженіемъ къ алхиміи и алхимикамъ; наука эта была объявлена ложною, а ея адепты—обманщиками. Въ особенности такой взглядъ получилъ распространеніе въ публикѣ, среди неспециалистовъ. Алхимію стали сравнивать съ астрологіей; можно часто встрѣтить ту мысль, что алхимія стоитъ въ такомъ же отношеніи къ химіи, какъ астрологія къ астрономіи. Наибольшей заслугой, которую рѣшались признать за алхиміей,—было случайное, попутное открытіе алхимиками нѣкоторыхъ веществъ, имѣющихъ большое значеніе въ химіи, и нѣкоторыхъ химическихъ фактовъ.

Внимательное изученіе вопроса показываетъ, однако, что такое ходячее мнѣніе объ алхиміи далеко невѣрно. Алхимія—не сознательный обманъ, не магическое искусство; алхимики—не обманщики, а настоящіе ученые, терпѣливо и упорно изучавшіе природу. Конечно, и въ ихъ средѣ встрѣчались низкіе шарлатаны, сдѣлавшіе изъ науки средство для обиравія легковѣрныхъ людей; но они появились въ то время, когда алхимія, какъ наука, уже сослужила свою службу и замѣнилась новыми направленіями. Большинство же алхимиковъ усердно занима-

*) «Все течетъ», т. е. жизнь есть непрерывное движеніе.

лись своимъ дѣломъ, одушевленные только идеей, только жаждой знанія. Всю жизнь они проводили окруженные таинственными въ глазахъ профановъ приборами, манускриптами; они отдавали излюбленному дѣлу всю свою душу, и не искали себѣ никакой награды, ни богатства, ни славы. Таковы великіе для своего времени ученые—Роджеръ Бэконъ, Василій Валентинъ, Раймондъ Люлли, Бернгардъ Тревизскій, Альбертъ Великій и другіе алхимики, о которыхъ читатель найдетъ свѣдѣнія ниже.

Неужели же трудъ этихъ фанатиковъ былъ бесплоденъ? Какъ могла зародиться въ ихъ умахъ такая химерическая идея, какъ превращеніе въ золото другихъ малоцѣнныхъ металловъ? Какъ объяснить ихъ упорство въ преслѣдованіи этой обманчивой цѣли, въ невозможности достиженія которой ихъ убѣждалъ постоянный опытъ? Какое значеніе имѣютъ ихъ труды для современной науки? Вотъ вопросы, на которые послышный отвѣтъ предлагается въ настоящемъ очеркѣ.

Вопросъ о происхожденіи алхимическихъ взглядовъ имѣетъ двѣ стороны. Во-первыхъ, необходимо опредѣлить, подъ совокупнымъ вліяніемъ какихъ условій могли возникнуть теоріи, руководившія алхимиками въ ихъ занятіяхъ, и во-вторыхъ—установить тѣ факты, которые служили опорой теоріи и объяснялись ею. Для рѣшенія перваго вопроса необходимо заглянуть въ глубокую древность.

Египетъ—древнѣйшая культурная страна. Его культура такъ стара, что о ея началѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ, никакихъ воспоминаній. На зарѣ исторіи мы видимъ Египетъ съ установившимся правленіемъ, обычаями, религіей, письменностью; самъ древній Египетъ помнитъ себя только такимъ, и своей цивилизаціи, своему устройству приписываетъ божеское начало. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что Египетъ дебютируетъ на аренѣ исторіи такими сооруженіями, какъ пирамиды Хеопса, Менефа, воздвигнутыми за 3.000 лѣтъ до Р. Х.? Такими научными трактатами, какъ сочиненіе Амеца (за 2.000 л. до Р. Х.), въ которомъ рѣшаются уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ, опредѣляются площади геометрическихъ фигуръ, вычисляется величина π ? Такими практическими свѣдѣніями, какъ бальзамировка мумій, приготовленіе различныхъ красокъ, добываніе металловъ, полученіе стекла и т. п.? Египетъ не зналъ молодости: онъ самъ себя помнитъ только старцемъ, опытнымъ, мудрымъ и многознающимъ. И какъ старецъ, онъ почти не зналъ прогресса; всѣ его вѣрованія, наука, искусство—все сохраняло не тотъ же объемъ, но тотъ же духъ, то же направленіе, что и въ глубочайшей древности. Его пирамиды возвышались уже 2.000 лѣтъ на границѣ пустыни, когда греки только начинали полагать основанія своей гражданственности; онѣ считали себѣ уже 2500 лѣтъ, когда свойственная грекамъ любовь къ спекулятивному мышленію нашла себѣ выраженіе въ ученіи перваго греческаго философа Фалеса милетскаго. Въ VII в. до Р. Х. Псамметихъ I открылъ иностранцамъ доступъ въ Египетъ; тогда-то начались путешествія лю-

Бознательныхъ грековъ въ Египетъ и ознакомленіе ихъ съ этой загадочной страной. Все, что они видѣли здѣсь, не могло не поражать ихъ воображенія: пирамиды, хранившія муміи фараоновъ, колоссальныя статуи, звучащія при восходѣ солнца, аллеи сфинсовъ, іероглифы, столь древніе, что ихъ смыслъ былъ затерянъ даже жрецами; могущественная власть жрецовъ, предъ волю которыхъ склонялись даже цари, направлявшіе арміи рабочихъ для постройки пирамидъ; глубокія познанія жрецовъ въ наукахъ,—въ астрономіи, математикѣ, медицинѣ; религія, выражавшаяся въ рядѣ величественныхъ, полныхъ тайнаго смысла символовъ—для посвященныхъ, и грубое суевѣріе массы; искусство, измѣрившее всѣ части человѣческаго тѣла, точно опредѣлившее ихъ соотношенія и неизблѣмыми законами стѣснившее свободу творчества. Сама природа не менѣе загадочна, не менѣе величественна: Нилъ, съ неизбѣжностью рока, въ извѣстные мѣсяцы переполнявшійся невѣдомо откуда берущейся водой и затѣмъ постепенно входившій въ берега; яркая звѣзда, правильно появлявшаяся на горизонтѣ передъ каждымъ разливомъ и возвѣщавшая тѣмъ его приближеніе; климатъ, не знавшій ни засухи, ни дождя, никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ; природа тамъ вылилась въ такія же неизмѣнныя формы, какъ и духовная жизнь народа.

Въ этой-то загадочной странѣ, странѣ глубокаго и тайнаго знанія, впервые начала развиваться алхимія. На Египетъ, какъ на родину алхиміи, указываютъ и всѣ преданія, и всѣ данныя, добытыя въ наше время изученіемъ памятниковъ. Но не одинъ Египетъ, не одна тайная мудрость египетскихъ жрецовъ положили начало алхиміи; эта наука—дѣтище совокупной мысли многихъ народовъ древности: египтянъ, персовъ, евреевъ и грековъ. Какія же историческія событія поставили лицомъ другъ къ другу, въ одной странѣ, въ Египтѣ, философскія воззрѣнія этихъ различныхъ народовъ? Походы Александра Македонскаго по своимъ послѣдствіямъ имѣютъ не меньшее значеніе для исторіи человѣческой мысли, тѣмъ и для политической исторіи. Этотъ воспитанникъ Аристотеля, величайшаго и разностороннѣйшаго ума древности, былъ не чуждъ любви къ наукамъ; распространивъ свою власть надъ всѣми культурными народами древности, онъ тѣмъ самымъ способствовалъ и распространенію греческой цивилизаціи; вслѣдствіе его завоеваній, облегчился обихъ идей между спекулятивнымъ грекомъ, склоннымъ къ символизму, и глубокимъ египтяниномъ, вдохновеннымъ іудеемъ, мистическимъ персомъ. Отъ народовъ, различавшихся и направленіемъ ума, и характеромъ, и традиціями, и религіей—воспринималъ пылливый умъ грека новыя идеи и перерабатывалъ ихъ во всеобъемлющія спекуляціи. Новая столица, Александрія, сдѣлалась центромъ новаго умственнаго движенія, и знаменательно было то, что новый періодъ культуры начался все въ томъ же старомъ Египтѣ. Государство Александра распалось послѣ его смерти, но умственный центръ

остался въ томъ же городѣ, и новое, еще сильнѣйшее значеніе было ему придано преемниками Александра, именно Птоломеемъ Лагидомъ, основавшимъ здѣсь знаменитый Александрійскій музей за 250 л. до Р. Х. Трудно оцѣнить вполне все значеніе, которое имѣлъ этотъ музей для умственного развитія европейскихъ народовъ. Никогда впослѣдствіи ни одинъ городъ, ни одинъ народъ не имѣлъ подобнаго учрежденія; здѣсь одно время было до 14.000 ученыхъ, занимавшихся всѣми извѣстными тогда науками. Здѣсь было собрано до 700.000 рукописей; такимъ образомъ, здѣсь были воплощены результаты умственной дѣятельности всего человѣчества, достигнутые имъ къ тому времени.

Вотъ здѣсь-то и родилась алхимія.

До насъ дошли многіе греческіе манускрипты, посвященные алхиміи; это древнѣйшіе манускрипты; они составлены, какъ показываетъ ихъ критическое изученіе, въ періодъ времени отъ II до IV в. послѣ Р. Х. Эти рукописи служатъ главнѣйшимъ основаніемъ нашихъ выводовъ о происхожденіи и первоначальномъ развитіи алхиміи. Мы безпрестанно находимъ въ нихъ слѣды египетскихъ вліяній. Вотъ, напр., списокъ мѣстъ, гдѣ занимаются алхиміей: «Узнай, о другъ, мѣста, гдѣ совершаютъ божественное дѣло; это Египетъ, Александрія, Фракія, Кипръ и храмъ Мемфиса». Или вотъ списокъ алхимиковъ: «имена философовъ науки и божественнаго искусства: Моисей, Демокритъ, Синезій, Паузерій, Пибихій, Ксенофонтъ, Африканъ, Лука, Діогенъ, Гиппась, Стефанъ, Химесь, Христіаникъ, Марія, Петазій, Гермесь, Θεοσεβίη, Агатодемонъ, Θεοφίλη, Исидоръ, Θαλεςъ, Гераклитъ, Зосима, Филаретъ, Юліана, Сергій». Въ другомъ спискѣ, кромѣ многихъ изъ этихъ именъ, встрѣчаемъ имена Діоскора, жреца въ храмѣ Сераписа въ Александріи, Останеса мидійца, Комарія египтянина; «это адепты вездѣ знаменитые и почтенные, продолжатели Платона и Аристотеля»,—сказано въ манускриптѣ. Многія изъ этихъ именъ египетскія, напр., Пибихій, Паузерій, Гиппась, Химесь, Петазій, или эллинизированные египетскія, напр., Исидоръ (дары Изиды), Гермесь; при другихъ именахъ прибавлены указанія на египетское происхожденіе (Комарій, Діоскоръ) алхимика. Многіе знаки, употребляющіеся въ алхимическихъ трактатахъ для обозначенія различныхъ веществъ, тождественны съ ихъ іероглифами; такъ, іероглифъ, означавшій воду—нѣсколько волнистыхъ линій—тождественъ съ ея алхимическимъ знакомъ; также одинаковы алхимическій знакъ и іероглифъ солнца и др. Есть одинъ трактатъ, написанный въ видѣ обращенія Изиды къ ея сыну Гору; вообще, имена египетскихъ божествъ очень часто встрѣчаются въ алхимическихъ сочиненіяхъ. Числу 4, игравшему большую роль въ религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ египтянъ, придается большое значеніе и въ первыхъ алхимическихъ трактатахъ. Ихъ символизмъ имѣетъ много общаго съ символизмомъ египетской религіи. Тайна, которую дѣлали изъ своей науки адепты,—прямое продолженіе той таинствен-

ности, въ которую облекли свое ученіе египетскіе жрецы. Особенно важно, что преданія настойчиво приписываютъ изобрѣтеніе великаго дѣла или алхиміи Гермесу Трисмегисту, т. е. трижды великому,—эллинизированному богу Тоту древняго Египта. Этотъ богъ считался основателемъ всѣхъ вообще наукъ и искусствъ; Ямвлихъ приписываетъ ему составленіе 20.000 книгъ различнаго содержанія, а жрецъ Манефонъ—даже 36.525. Позднѣе, Климентъ Александрійскій, описывая египетскія мистеріи въ александрійскій періодъ, сообщаетъ о существованіи 42 книгъ Гермеса; 36 первыхъ заключали все необходимое для жреческой науки—всю египетскую философію и весь жреческій ритуаль, а въ 6 послѣднихъ содержались свѣдѣнія по медицинѣ и естественнымъ наукамъ. Соотвѣтственно преданіямъ о происхожденіи алхиміи изъ Египта и самое слово «химія» производили отъ древняго названія Египта—Кеми, или черная земля.

Не менѣе ясныя указанія сохранились и относительно халдейскихъ и вавилонскихъ вліяній. Одинъ изъ часто упоминаемыхъ алхимиковъ—мидіецъ Останесъ; онъ считался учителемъ апокрифическаго Демокрита, сочиненія котораго очень цѣнились первыми алхимиками. Халдеи въ древности считались особенными знатоками магическаго искусства; самое слово магія происходитъ отъ названія халдейскихъ жрецовъ, или маговъ. Халдеямъ принадлежитъ взглядъ, что металлы образуются въ нѣдрахъ земли подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ планетъ: подъ вліяніемъ солнца образуется золото, подъ вліяніемъ луны—серебро, и т. д.; всего семь планетъ и семь металловъ. Эта предполагаемая связь планетъ и металловъ очень интересовала алхимиковъ; отсюда идетъ обозначеніе металловъ знаками соотвѣтствующихъ планетъ, принятое уже у первыхъ алхимиковъ, и вообще идея химическихъ символовъ или знаковъ. Мистицизмъ халдейскихъ ученій оставилъ большіе слѣды въ сочиненіяхъ первыхъ алхимиковъ.

Обращаясь къ евреямъ, мы находимъ слѣды и ихъ вліяній. Въ древнихъ манускриптахъ встрѣчаются имена Авраама, Исаака и Иакова; Моисей считался однимъ изъ наиболѣе успѣвшихъ алхимиковъ; въ одной древней рукописи есть рецептъ «диплозиса», приписываемый Моисею (операція диплозиса имѣла цѣлью увеличеніе вѣса взятаго золота, что достигалось сплавленіемъ золота съ мѣдью или другимъ подходящимъ металломъ). Въ числѣ авторовъ встрѣчается Марія-еврейка; французское названіе водяной выпарительной бани, bain marie, происходитъ отъ имени этой женщины-алхимика, которой приписываютъ изобрѣтеніе названнаго прибора, и теперь употребляющагося въ химической практикѣ.

Символизмъ алхимическихъ трактатовъ въ значительной мѣрѣ долженъ быть приписанъ вліянію гностиковъ; первые алхимики, о которыхъ сохранились историческія свѣдѣнія, были гностики. Благодаря именно имъ, въ первыхъ алхимическихъ сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ обрывки христіанскихъ ученій; часто упоминаются имена лицъ св. Троицы, апо-

столовъ; Іоаннъ Богословъ считался выдающимся алхимикомъ. Одинъ изъ наичаще встрѣчающихся алхимическихъ символовъ—змѣя, кусающая свой хвостъ. Это изображеніе обоготворялось одной гностической сектой. Взглядъ на необходимость участія мужского и женскаго начала въ совершеніи «дѣла» (т. е. превращенія металловъ) алхимики заимствовали у гностиковъ.

Наконецъ, что касается греческихъ вліяній, то они настолько сильны, что отдѣльно здѣсь я не буду останавливаться на этомъ вопросѣ; вся философія алхимиковъ основана, какъ увидимъ дальше, на ученіяхъ греческихъ философовъ іонійской школы.

Приведенныя данныя (число которыхъ можно было бы значительно увеличить) позволяютъ опредѣлить мѣсто и время возникновенія первоначальныхъ алхимическихъ взглядовъ, т. е. начало алхиміи. За начало алхиміи, какъ науки, мы должны принять тотъ періодъ, въ который были составлены первыя сочиненія, трактующія объ алхимическихъ вопросахъ; появленіе подобныхъ сочиненій знаменуетъ собою первую попытку сведенія вмѣстѣ до того времени разрозненныхъ фактовъ и взглядовъ, сведенія, указывающаго на то, что уже сознана и поставлена опредѣленная цѣль, къ достиженію которой будутъ затѣмъ стремиться адепты новой науки.

Когда же появились эти трактаты? Слѣды гностическихъ идей указываютъ, что это было не раньше II—III вѣка нашей эры; мѣсто же ихъ составленія—Египетъ, именно Александрія и другіе города, имѣвшіе греческія школы, напр., Оивы, Мемфисъ, Гелиополисъ. Изъ вышеизложеннаго можно уже видѣть, какую удобную почву для разработки новой науки представлялъ Египетъ александрійскаго періода, съ его традиціями, древней наукой, съ его учеными центрами, гдѣ сталкивались идеи всего древняго культурнаго человѣчества; изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что Египетъ же далъ фактическія основанія для новой науки, а греческая философія снабдила ихъ теоретическими объясненіями. Прежде всего мы и рассмотримъ тотъ фактическій матеріалъ, который могъ послужить для алхимиковъ исходной точкой въ производствѣ ихъ опытовъ. Для этого намъ необходимо ознакомиться съ состояніемъ химическихъ знаній у древнихъ египтянъ.

Наибольшимъ количествомъ химическихъ свѣдѣній обладали въ глубокой древности именно египтяне. Выше упомянуто о преданіяхъ, указывающихъ на существованіе герметическихъ книгъ, заключавшихъ свѣдѣнія по естествознанію и медицинскимъ наукамъ; но и помимо преданій у насъ есть факты, въ видѣ письменныхъ и вещественныхъ свѣдѣтельствъ, дошедшихъ до насъ отъ древняго Египта.

Неизвѣстно, когда возникло искусство полученія металловъ изъ ихъ рудъ; во всякомъ случаѣ, наиболѣе легко добываемые металлы и получены были раньше другихъ. Прежде всего—золото, затѣмъ серебро, встрѣчающіяся почти исключительно въ самородномъ состояніи; даль

ше—мѣдь и ея сплавы съ цинкомъ и оловомъ, т. е. латунь и бронза; эти послѣднія получались вслѣдствіи примѣси свинцовыхъ и цинковыхъ рудъ къ мѣдной рудѣ. Желѣзо, выплавка котораго болѣе затруднительна, было получено гораздо позже. Древнимъ египтянамъ были извѣстны слѣдующіе металлы и минералы, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ изображенія и надписи на архитектурныхъ памятникахъ: 1) нубъ—золото, 2) аземъ или электрумъ—сплавъ золота съ серебромъ. 3) хать—серебро, 4) хестебъ—синій минералъ, 5) мафекъ—зеленый минералъ, 6) хомтъ—бронза или мѣдь, 7) менъ—желѣзо, 8) тать—свинецъ. Впослѣдствіи къ этимъ металламъ присоединилась ртуть, неизвѣстная въ древнемъ Египтѣ. Въ приведенномъ спискѣ прежде всего обращаетъ вниманіе то, что египтяне не различали металловъ отъ ихъ сплавовъ; аземъ, т. е. сплавъ серебра и золота, стоитъ на ряду съ металлами—нубъ, хать, тать; и мѣдь, и ея сплавъ съ оловомъ обозначаются однимъ названіемъ—хомтъ. Это смѣшеніе не удивительно, такъ какъ египтяне не умѣли получать металловъ въ чистомъ состояніи, особенно мѣди, къ рудамъ которой часто примѣшиваются въ природѣ руды цинка и олова. Во-вторыхъ, изъ того же списка видно, что египтяне не дѣлали различія между металлами и минералами, сопоставляя ихъ вмѣстѣ; наконецъ, они не различали и отдѣльныхъ минераловъ; слово «мафекъ» означало всякій зеленый минералъ,—и изумрудъ, и малахитъ, и мѣдную зелень; слово хестебъ—всякій синій минералъ—и ляписъ-лазури, и сапфиръ. Сближеніе металловъ и драгоценныхъ камней, вродѣ сапфира, изумруда, могло произойти вслѣдствіе общности нѣкоторыхъ свойствъ, напр., блеска, неизмѣняемости на воздухѣ, окраски, твердости. Мы не должны удивляться этому сближенію; пока не выработаны рациональныя основанія классификаціи, люди часто относятъ въ одну группу предметы, имѣющіе весьма мало общаго между собою; вспомнимъ, какое множество предметовъ сбивается въ общезитіи подъ терминомъ «земля» или «камень», вслѣдствіе чего крайне трудно и даже невозможно дать точное опредѣленіе подобному понятію. На ряду съ металлами и минералами египтяне ставили также и искусственные драгоценные камни; они умѣли готовить стекло и сообщать ему, прибавленіемъ различныхъ веществъ, окраску, вслѣдствіе чего получалась имитация драгоценныхъ камней.

Теперь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и коснуться современныхъ взглядовъ на вещество, съ тою цѣлью, чтобы въ свѣтѣ существующихъ теорій яснѣе представилось намъ коренное заблужденіе алхимиковъ.

Весь окружающій насъ видимый міръ представляетъ различные виды вещества. Подъ этимъ терминомъ, не опредѣляя его ближе, мы понимаемъ все то, что имѣетъ вѣсъ; такимъ образомъ понятіе «вещество» очень широко. Минералъ, растение, животное—различные виды вещества; какъ ни разнообразны по свойствамъ тѣ предметы и ихъ

части, которые относятся къ каждому изъ этихъ трехъ классовъ,—безконечно много предметовъ, которые не могутъ быть отнесены къ одному изъ нихъ. Такимъ образомъ, виды вещества безконечно разнообразны. Одинъ изъ наиболѣе широкихъ выводовъ, которые открываются при наблюдении видовъ вещества—это ихъ способность видоизмѣненія, превращенія. Минералъ, напр., гранитъ, вывѣтривается и превращается въ песокъ и глину; изъ этого матеріала и ругихъ образуется почва; растеніе развивается и выростаетъ, перерабатывая въ себя вещества почвы и воздуха; животныя усваиваютъ вещества растенія. Наша промышленность основывается на превращеніи однихъ видовъ вещества въ другіе; растеніе превращаетъ вещества почвы въ хлѣбныя зерна; ихъ крахмалъ превращается въ спиртъ, спиртъ—въ уксусъ, уксусъ съ мѣдью образуетъ краску. Первобытныя растенія образовали въ земныхъ нѣдрахъ толщи каменнаго угля; при сухой перегонкѣ каменнаго угля получается свѣтильнй газъ, деготь и щелочная жидкость; изъ этой жидкости получаютъ амміачныя соли; свѣтильнй газъ освѣщаетъ улицы и, сгорая, превращается въ воду и углекислоту, которая затѣмъ, въ свою очередь, приметъ участіе въ образованіи растительныхъ тканей; изъ каменноугольнаго дегтя, рядомъ превращеній, образуютъ безчисленное множество красокъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, идущихъ на окраску шерстяныхъ и шелковыхъ тканей. До безконечности разнообразно превращеніе вещества; въ рукахъ химика вещество—что мягкій воскъ въ рукахъ скульптора; и если не всѣ возможныя въ теоріи превращенія вещества осуществлены въ настоящее время, то нѣтъ основанія сомнѣваться, что они будутъ произведены впоследствии.

Второй главнѣйшій выводъ, добытый изученіемъ превращенія вещества, состоитъ въ томъ, что при всѣхъ этихъ превращеніяхъ масса вещества остается безъ перемѣны; качество мѣняется, количество—постоянно. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вещество, повидимому, исчезаетъ, напр., при горѣнн топлива, свѣчи, оно только измѣняетъ свой видъ, подвергается превращенію; вещество свѣчи, сгорая, превращается въ углекислоту и воду, масса которыхъ даже больше массы свѣчи, потому что при горѣнн свѣчи къ ея веществу присоединялся еще кислородъ воздуха. Если опредѣлить сумму массъ веществъ, бывшихъ до превращенія, то окажется, что она точно равняется суммѣ массъ веществъ, образовавшихся вслѣдствіе этого превращенія; этотъ законъ не представляетъ ни единого исключенія; такимъ образомъ, нельзя ни вновь создать, ни уничтожить даже малѣйшаго количества вещества,—*вещество не создается и не разрушается.*

Что же остается неизмѣннымъ при всѣхъ этихъ видимыхъ превращеніяхъ вещества? Масса чего остается постоянной, если вещества, получающіяся вслѣдствіе превращенія, представляютъ ту или другую массу, и только *сумма* ихъ массъ остается постоянной? Въ теченіе долгаго періода своего развитія, химія дала отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Громадное большинство веществъ оказалось возможнымъ разложить на болѣе простыя составныя части; въ концѣ такихъ послѣдовательныхъ разложеній были получены вещества, которыхъ не удалось разложить на простѣйшія примѣненіемъ даже наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, находящихся въ распоряженіи науки. Эти-то вещества, или *элементы*, число которыхъ не превышаетъ 70, и изъ которыхъ широко распространены въ природѣ не болѣе 15, эти-то вещества составляютъ материалъ, служащій для постройки всего видимаго міра, и они-то оказываются не создаваемыми, неразрушаемыми и качественно неизмѣняемыми. Сами по себѣ или въ соединеніи между собою они образуютъ всѣ окружающія насъ вещества; превращенія, которымъ подвергаются различныя вещества, состоятъ въ образованіи новыхъ комбинацій между собою простыхъ или неразлагаемыхъ веществъ. Такимъ образомъ, искусственно или же въ природѣ совершается разрушеніе или образованіе только *сложныхъ* веществъ, *простыя* же вещества только вступаютъ въ соединеніе или выходятъ изъ него, не уменьшаясь и не увеличиваясь въ массѣ и не измѣняясь качественно, не создаваясь и не уничтожаясь.

Этихъ представленій у первыхъ изслѣдователей вещества не было. Поэтому, превращеніе вещества казалось имъ настоящимъ превращеніемъ, кореннымъ измѣненіемъ природы вещества. Съ другой стороны, различіе веществъ, именно сложныхъ, для нихъ не могло состоять въ различіи ихъ составныхъ частей, подобно тому, какъ мы различаемъ изумрудъ, малахитъ или зеленое стекло: существенныя части перваго—алюминій и бериллій, втораго—мѣдь, третьяго—кремній и кальцій и небольшое количество окиси мѣди или хрома, придающій зеленую окраску. Для первыхъ химиковъ различіе веществъ состояло поэтому въ различіи наиболѣе рѣзкихъ физическихъ свойствъ, напримѣръ, тяжести (плотности), блеска, особенно цвѣта; поэтому всѣ однопцѣтныя минералы относились въ одинъ классъ. Они не знали, подобно намъ, что изъ металлической мѣди можно получить зеленый малахитъ, а изъ него обратно то же количество мѣди, но что изумруда изъ мѣди получить нельзя. Сплавы они не представляли себѣ состоящими изъ веществъ, взятыхъ при сплавленіи; образованіе сплава казалось имъ кореннымъ измѣненіемъ, образованіемъ совершенно новаго вещества. Выплавку металла изъ руды они не представляли себѣ какъ выдѣленіе металла, предсуществовавшего въ рудѣ, но понимали этотъ процессъ какъ новообразованіе металла, превращеніе въ него земли или руды. Извѣстны, напримѣръ, свинцовыя руды, не имѣющія, благодаря примѣсямъ, металлическихъ свойствъ; обжиганіемъ изъ нихъ можно выдѣлать свинецъ, металлъ, но неблагородный, и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ сколько было руды; но затѣмъ изъ полученнаго свинца можно выдѣлать и нѣкоторое количество серебра, благороднаго металла, притомъ въ значительно меньшемъ количествѣ сравнительно со свинцомъ. Мы знаемъ,

что въ рудѣ находились и свинець, и серебро; мы знаемъ также, что полученіе свинца основывается на отдѣленіи его отъ землистыхъ частей руды и удаленіи (въ случаѣ свинцоваго блеска) сѣры, соединенной прежде со свинцомъ, въ видѣ сѣрнистаго газа; намъ извѣстно, наконецъ, что при этомъ остается въ свинцѣ и серебро, предсуществовавшее въ рудѣ; но первыми изслѣдователями должно было казаться, что здѣсь происходитъ постепенное облагораживаніе сначала руды (т. е., по ихъ понятіямъ, земли) въ благородный металлъ, и затѣмъ этого послѣдняго въ благородный, т. е. они полагали, что здѣсь имѣетъ мѣсто коренное измѣненіе природы вещества.

Древними были извѣстны и другіе опыты, которыхъ они не могли, толковать иначе, какъ въ приведенномъ смыслѣ. Напримѣръ, мѣдь растворяясь въ сѣрной кислотѣ, образуетъ вещество синяго цвѣта, такъ называемый мѣдный купоросъ, способный растворяться въ водѣ; если въ такой растворъ, въ которомъ они, конечно, не подозрѣвали присутствія мѣди (такъ какъ превращеніе мѣди въ купоросъ казалось имъ полнымъ уничтоженіемъ мѣди, какъ таковой), если въ такой растворъ опустить желѣзную пластинку, то она покроется красноватымъ налетомъ выдѣлившейся мѣди; здѣсь произошло вытѣсненіе желѣзомъ мѣди изъ мѣднаго купороса и образованіе, взамѣнъ послѣдняго, желѣзнаго купороса; но первые химики понимали образованіе красноватаго налета, какъ превращеніе желѣза въ мѣдь, благороднаго металла въ болѣе благородный. Ртуть образуетъ нѣкоторыя соединенія, напримѣръ, съ хлоромъ, способныя растворяться въ водѣ; если въ такой безцвѣтный растворъ опустить мѣдную пластинку, то выдѣлится ртуть и взамѣнъ ея вступитъ въ соединеніе съ хлоромъ мѣдь; выдѣлившаяся ртуть образуетъ съ мѣдью амальгаму бѣлаго, серебристаго цвѣта, вслѣдствіе чего мѣдная пластинка принимаетъ бѣлый цвѣтъ; и эта реакція понималась первыми изслѣдователями какъ процессъ облагораживанія мѣди—превращеніе ея въ серебро. Если въ растворъ серебряной соли ввести нѣсколько капель ртути, то выдѣлится серебро въ видѣ красивыхъ, вѣтвистыхъ кристалловъ, такъ называемого діаминна дерева; не зная, что въ растворѣ предсуществуетъ серебро, можно толковать и этотъ опытъ, какъ превращеніе ртути въ серебро. Если сплавить мѣдь съ цинкомъ, то получится сплавъ болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ мѣдь; и этотъ фактъ можно толковать въ смыслѣ кореннаго измѣненія вещества мѣди и приближенія по свойствамъ къ серебру.

Такимъ образомъ, не имѣя понятія о простыхъ и сложныхъ веществахъ, первые химики должны были постоянно ошибаться и принимать за превращенія, за полное, коренное измѣненіе вещества тѣ случаи, гдѣ происходитъ самая простая химическая реакція, и вотъ почему въ ихъ умахъ могла зародиться мысль о возможности взаимнаго превращенія металловъ.

Выше сказано, что древніе не дѣлали различія между металлами, сплавами и минералами; по сходству съ послѣдними, они относили въ эту же группу и искусственные минералы — окрашенные стекла. Небольшое количество солей окиси мѣди окрашиваетъ стекло въ зеленый цвѣтъ, солей закиси мѣди или кассіева пурпура (соединеніе золота) — въ красный цвѣтъ, солей кобальта — въ синій и т. д. Этому измѣненію цвѣта придавалось большое значеніе: оно сильно поражало воображеніе; черезъ окраску пріобрѣталось важнѣйшее, повидимому, свойство драгоценныхъ камней. Возможность искусственнаго полученія природныхъ продуктовъ — минераловъ или драгоценныхъ камней — могла наводить на мысль, что окажется возможнымъ получать искусственно и другіе природные продукты — металлы, тѣмъ болѣе, что египтяне не проводили строгаго различія между металлами и минералами; какъ при полученіи вторыхъ нужно сообщить безцвѣтному стеклу окраску, такъ и при полученіи первыхъ наиболѣе существеннымъ казалось сообщеніе благородному металлу цвѣта и блеска благороднаго. Вообще, не зная существенныхъ, химическихъ признаковъ, виды вещества различимы по признакамъ внѣшнимъ, физическимъ, особенно по цвѣту; поэтому, при полученіи сплавовъ, пріобрѣтеніе сплавомъ болѣе бѣлой окраски, свойственной серебру, или болѣе желтой, свойственной золоту, считалось существеннымъ приближеніемъ къ серебру или золоту; часто встрѣчаются въ манускриптахъ и рецепты приготовленія сплавовъ цвѣта золота или серебра. Вслѣдствіе такого большого значенія, придаваемого окраскѣ, и самая наука первоначально носила названія λευκοσις, ξανθοσις (отъ λευκός, бѣлый, ξανθός, желтый), наряду съ χρυσοποιία (дѣланіе золота).

Выяснивши нѣкоторые факты, которые послужили опытнымъ основаніемъ для алхимическихъ стремленій, необходимо разсмотрѣть и теоріи, которыми оправдывалось и объяснялось предположеніе о возможности взаимнаго превращенія металловъ.

Эти теоріи происхожденія греческаго. Что греческая философія имѣла существеннѣйшее вліяніе на взгляды алхимиковъ, видно не только изъ анализа ихъ теорій, но также и изъ прямыхъ указаній самихъ первыхъ алхимиковъ. Многіе трактаты приписываются Демокриту; Зосима Панополитанскій — послѣдователь философіи Платона; Синезій, Олимпіодоръ, Стефанъ — неоплатоники.

Разсмотримъ воззрѣнія греческихъ философовъ на природу вещества.

Впервые *Талесъ* изъ Милета въ Іоніи за 640 лѣтъ до Р. Х. поставилъ вопросъ: откуда произошло все, что насъ окружаетъ? что такое вещество? и отвѣтилъ: вода начало всѣхъ вещей; все состоитъ изъ воды. Въ самомъ дѣлѣ: и животныя, и растенія содержатъ воду; безъ воды ничто живущее не можетъ жить; испаряя воду, мы находимъ землистый остатокъ, значить и земля произошла изъ воды; наконецъ, вода можетъ дѣлаться твердой, какъ камень, и легкой, какъ воздухъ.

По *Анаксимену* (VI в. до Р. Х.) такимъ всеобщимъ началомъ слѣдуетъ считать воздухъ; разрѣженный воздухъ—это огонь; сгущаясь, воздухъ образуетъ облака, воду, землю, камни.

Гераклитъ (около 500 года) этимъ началомъ признавалъ огонь; постепеннымъ его сгущеніемъ образуются всѣ остальные виды веществъ. Отъ огня происходитъ свѣтъ, тепло и самая жизнь; отъ него происходитъ все, и все, сгорая, превращается въ огонь. Все непрерывно измѣняется, но мѣняется только форма, а душа, сущность, остается; это огонь.

Эмпедоклъ (450 г.) принялъ существованіе четырехъ элементовъ: земли, воды, воздуха и огня; эта теорія исчезла всего сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ. Три элемента являются представителями трехъ физическихъ состояній или свойствъ: земля—твердости, вода—влажности, воздухъ—летучести. Четвертый элементъ—огонь—принципъ дѣятельный по преимуществу, а другіе элементы относятся пассивно, инертно. Дѣленіе элементовъ на пассивные и активные тоже сохранялось очень долгое время.

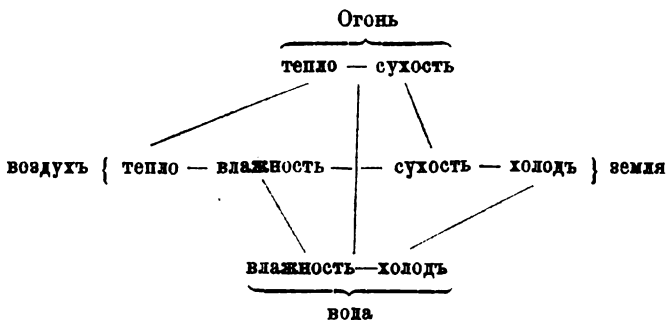
Пифагоръ съ учениками составилъ своеобразную теорію. «Начало всего—число»; числу придается здѣсь очень широкій смыслъ: величины, количества, объема, отношенія. Четныя числа—несовершенныя, нечетныя—совершенныя; самое совершенное число—десять, потому что оно заключаетъ въ себѣ всѣ единицы и потому также, что оно представляетъ сумму первыхъ четырехъ единицъ. Отъ глубокой мысли о томъ, что числа управляютъ вселенной, что въ числахъ выражаются законы явленій, пифагорейцы переходятъ къ представленію о томъ, что число—единственная реальность; что земля есть кубъ, огонь—тетраэдръ, воздухъ—октаэдръ и т. д. и т. д.

Левкиппъ и *Демокритъ* — творцы атомической теоріи. Демокриту принадлежитъ много свѣтлыхъ взглядовъ, раздѣляемыхъ современной наукой; но атомистическій взглядъ на вещество не привился у первыхъ алхимиковъ.

Платонъ (420 г.) признавалъ существованіе первичной матеріи, которая не есть ни огонь, ни воздухъ, ни вода, ни земля, но которая способна принимать всѣ эти формы. Весь міръ состоитъ изъ этихъ ближайшихъ составныхъ частей: изъ огня образованы боги, изъ воздуха—птицы, изъ воды—рыбы, изъ земли—все живущее на землѣ. Вода, сгущаясь, превращается въ землю и камень, плавясь и раздѣляясь—въ вѣтеръ и воздухъ; зажатый воздухъ образуетъ огонь; огонь, сгущенный и погасшій, дѣлается воздухомъ; воздухъ, сгустившись, даетъ туманъ, а потомъ и воду; изъ воды происходятъ земля и камни. Таковъ круговоротъ всѣхъ четырехъ элементовъ; всѣ они взаимно превращаются другъ въ друга, именно потому, что они составляютъ лишь видоизмѣненія первичной матеріи.

Аристотель развилъ взгляды Платона. Онъ признавалъ реальное

существованіе физическихъ свойствъ, главнѣйшими изъ которыхъ считалъ слѣдующія четыре: холодъ, тепло, влажность, сухость. Соединяясь попарно, они образуютъ четыре элемента, какъ ближайшія составныя части всѣхъ веществъ: тепло и сухость образуютъ *огонь*, тепло и влажность—*воздухъ* или *паръ*; холодъ и сухость образуютъ *землю*, холодъ и влажность—*воду*; такимъ образомъ, четыре элемента Аристотеля являються носителями физическихъ свойствъ, а не представляютъ элементы въ современномъ смыслѣ, т. е. вещества, не разлагаемыя на простѣйшія и получаемыя въ изолированномъ состояніи. Тотъ тонкій субстратъ, присоединеніемъ къ которому основныя физическія свойства образуютъ названныя четыре элемента, Аристотель называлъ *essentia quinta* (отсюда квинтэссенція). Взаимныя превращенія элементовъ основываются на отнятіи одного изъ двухъ физическихъ свойствъ и замѣнѣ его противоположнымъ, каждыя два элемента обладаютъ однимъ общимъ и однимъ противоположнымъ свойствомъ; кромѣ того, двѣ пары элементовъ обладаютъ только противоположными свойствами:

Такимъ образомъ, замѣняя въ воздухѣ влажность сухостью, получаемъ огонь; замѣняя въ огнѣ тепло холодомъ, превращаемъ его въ землю; замѣняя въ землѣ сухость влажностью, получаемъ воду; наконецъ, отъ послѣдней переходимъ къ воздуху, замѣняя холодъ тепломъ.

Таковы теоріи греческихъ философовъ, имѣвшія большое вліяніе на взгляды алхимиковъ. Нужно замѣтить, что многіе изъ этихъ философовъ посѣщали Египетъ и Востокъ (между прочимъ, Демокритъ ставитъ себѣ даже въ особенную заслугу свои путешествія); такимъ образомъ они знакомились съ восточными философскими ученіями. Но важное преимущество древнихъ грековъ—ихъ способность, обобщать систематизировать и доходить до конечнаго логическаго вывода изъ своихъ посылокъ, не останавливаясь на полудорогѣ; поэтому то, что у другихъ народовъ выражалось только намекомъ, символомъ, смутнымъ представленіемъ, у грека облекалось въ живые образы и получало законченную форму въ стройной системѣ. Этимъ объясняется вліяніе древнихъ грековъ на умы современниковъ и всего послѣдующаго человѣчества.

Прежде всего пытливый умъ грека желаетъ опредѣлить то постоянное, что скрывается за видимымъ разнообразіемъ матеріальнаго міра; и онъ отвѣчаетъ, что міръ состоитъ изъ одного общаго принципа, изъ воды (Фалесъ), воздуха (Анаксименъ), огня (Гераклитъ); всѣ вещества представляютъ видоизмѣненіе одного основного начала. У каждаго изъ трехъ философовъ этотъ принципъ дѣлается все болѣе утонченнымъ—повидимому, легче понималось превращеніе, вслѣдствіе сгущенія, чѣмъ вслѣдствіе разрѣженія. Но самая сущность и причина превращенія все-таки остается непоятной: теорія Эмпедокла старается уяснить это, принимая три элемента, представляющіе три физическихъ состоянія тѣлъ; такимъ образомъ, каждый изъ трехъ элементовъ превращается въ вещества, ему подобныя по физическому состоянію; въ то же время, принятіемъ четвертаго элемента, огня, какъ активнаго принципа, теорія опредѣляетъ и причину превращеній. Въ теоріи Эмпедокла мы видимъ отвлеченіе движущаго принципа отъ инертной матеріи; это отвлеченіе пошло еще дальше у Пифагора и приняло чисто мистическій характеръ. Эмпедоклъ принимаетъ во вниманіе свойства веществъ (именно, наиболѣе убого бросавшееся въ глаза физическое состояніе), и объясняетъ превращенія веществъ сходствомъ свойствъ элемента и образующагося изъ него вещества; у Платона эта мысль развивается еще яснѣе. Онъ вполне отвлекаетъ свойства отъ вещества; такъ какъ виды вещества, лишенаго свойствъ, ничѣмъ не могутъ различаться между собою, то вещество дѣлается единой матеріей, субстратомъ, способнымъ принимать тѣ или другія свойства, какъ нѣчто существующее помимо матеріи. Эти взгляды были еще яснѣе сформулированы и надолго закрѣплены Аристотелемъ. Въ его теоріи выразилось окончательное раздѣленіе матеріи и свойствъ, такъ сказать, объективизація свойствъ; матерія—едина; она только носитель свойствъ, притомъ физическихъ; отнимая одни изъ четырехъ главныхъ свойствъ и сообщая другія, получаемъ четыре основные элемента, какъ ближайшія составныя части всѣхъ веществъ; остальные же виды вещества отличаются между собою присутствіемъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, или же полнымъ отсутствіемъ другихъ второстепенныхъ физическихъ свойствъ, какъ, напр., тяжести, блеска, цвѣта и т. п.

Такой именно взглядъ на вещество былъ воспринятъ алхимиками. Основныя положенія—матерія едина; виды вещества отличаются по различію физическихъ свойствъ; эти послѣднія существуютъ помимо матеріи, могутъ быть ей приданы и отъ нея отняты. Вотъ золотая статуя; всякій видитъ, что это Ахиллесъ, но мастеръ перелилъ эту статую въ плевальницу, и та же матерія, что была прежде Ахиллесомъ, теперь стала плевальницей. Подобно тому, какъ можно перемѣнить форму, можно перемѣнить и свойства. Но какъ же придать матеріи новыя свойства? Для этого нужно отнять одни и замѣнить ихъ другими. Вотъ что говоритъ одинъ изъ алхимиковъ: «Наблюдая всѣ ка-

чества золота, мы видимъ, что оно имѣетъ желтый цвѣтъ, большой удѣльный вѣсъ, что оно ковко; и тотъ, кто будетъ знать всѣ формулы и операціи, необходимыя для того, чтобы по желанію произвести желтый цвѣтъ, большой удѣльный вѣсъ и ковкость, кто будетъ знать средство вызывать всѣ эти свойства въ желаемой степени, тотъ соединить ихъ въ надлежащемъ веществѣ и такимъ образомъ получить золото». Превращеніе осуществить тѣмъ легче, чѣмъ меньшее число свойствъ подлежатъ перемѣнѣ; поэтому, по словамъ Альберта Великаго (позднѣйшаго алхимика), изъ серебра легче дѣлать золото, чѣмъ изъ другихъ металловъ, такъ какъ для превращенія нужно перемѣнить въ этомъ случаѣ только цвѣтъ.

Позднѣе выясняется мысль о необходимости отнять сначала всѣ свойства, а затѣмъ уже сообщить желаемыя; такъ высказывается, напр., Арнольдъ Вилланованскій: «истинно говорю тебѣ, что если ты не получишь первичную матерію, то не сумѣешь получить и золото».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. Р. Вишпера.

(Окончаніе *).

XII Поворотъ къ натурализму въ общественныхъ и историческихъ ученіяхъ.

Въ рядѣ разсмотрѣнныхъ социальныхъ и философско-историческихъ теорій отъ Вико и Монтескье до Конта и Гегеля, за время приблизительно полутора столѣтій, можно сначала различить эпоху ученій, какъ бы отражающихъ болѣе спокойныя и устойчивыя общественныя отношенія; позднѣе, приблизительно съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, общественная и историческая мысль испытываетъ сильный подъемъ, словно вступаетъ въ полосу религіознаго увлеченія. Главнымъ продуктомъ этого настроенія была теорія прогресса человѣчества.

Первая характерная черта этой теоріи заключалась въ томъ, что прогрессъ человѣка и человѣческаго общества на землѣ понимался не только какъ соединеніе извѣстной группы фактовъ въ послѣдовательности времени, но какъ безусловный законъ, какъ необходимое, неизбежное движеніе отъ начала культуры до ея современнаго момента.

Въ исторической демонстраціи поэтому старались показать, что прогрессъ былъ непрерывенъ для человѣчества, какъ дѣлаго. Остановка, прекращеніе мѣстныхъ культуръ у отдѣльныхъ народовъ или на большихъ территоріальныхъ полосахъ, разрушеніе націи, класса, здороваго элемента общества, и даже самая крупная гибель, прекращеніе античной культуры, не смущала, или не должна была смущать вѣры историка въ непрерывность и не вліяла на изображеніе общей судьбы человѣчества. Каковы бы ни были остановки, отклоненія,—въ цѣломъ все, казалось, шло на пользу.

Теорія прогресса получила крайне оптимистическую окраску. Она требовала отъ историка вѣры, что въ исторіи нѣтъ невозвратныхъ потерь, что проигрышъ націи, общества, культурной среды и, наконецъ, всей человѣческой породы, проигрышъ въ одномъ направленіи необходимо заполняется и перевѣшивается выигрышемъ въ другомъ, что изъ самаго зла вырабатываются средства противъ него или элементы новаго культурнаго приобрѣтенія. Въ картинѣ общаго прогресса совершенно исчезали

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

скачки, перерывы и пробѣлы. Все прошлое выстраивалось сообразно послѣдней цѣли, торжеству объединеннаго культурнаго человѣчества, по одной линіи, хотя и колеблющейся, слагаемой изъ разныхъ отрѣзковъ, но въ концѣ концовъ образующей одну равнодѣйствующую.

Послѣдній достигнутый моментъ, культурная Европа, которому такъ легко давали заголовокъ «всего міра», закрывала все предшествующее, все «введеніе», какъ выражался Контъ; этотъ моментъ, представляясь послѣдней цѣлью, заставляла забыть о томъ, что человѣчества, какъ органическаго связаннаго цѣлаго, прежде не было, что это—наша современная фикція. Забывалось, что вѣдь именно только въ нашей мысли мы составляемъ это цѣлое изъ разбросанныхъ элементовъ; забывалось, что эти элементы могутъ имѣть для насъ научную цѣну и интересъ въ извѣстныхъ сопоставленіяхъ и соединеніяхъ, но что въ дѣйствительности они составляли группы и общества, которыя жили для себя и часто ничего не имѣли общаго между собою.

Любопытно замѣтить, что система идей, изъ которой состоитъ теорія непрерывнаго и необходимаго прогресса человѣчества, никогда не подвергалась во всей своей полнотѣ открытому опроверженію. Она принималась сначала, какъ воспламеняющій догматъ, потомъ какъ трюизмъ, какъ безспорная очевидность. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ масса историческихъ наблюденій прошла мимо ея затѣйливыхъ сводовъ и фасадовъ, ея значеніе стало блѣднѣть, меркнуть само собою: она стала вывѣтриваться изъ общаго сознанія.

Представленія, связанныя съ теоріей непрерывнаго прогресса человѣчества, стали распатываться и измѣняться въ разныхъ направленіяхъ. Прежде всего среди идей, заключенныхъ въ теоріи, начинаетъ смущать мысль о планомѣрности прогресса, о томъ, что въ его ходѣ должна быть выполнена великая просвѣтительная, воспитательная система. Эта мысль была въ сущности продолженіемъ старыхъ религіозныхъ направленій, искавшихъ въ исторической жизни путей Провидѣнія.

Вглядываясь внимательнѣе въ разныя всемірно-историческія построенія, въ планировку ли исторіи по отдѣламъ древности, среднихъ вѣковъ и новаго времени въ качествѣ трехъ возрастовъ человѣчества, или въ стройный чертежъ трехъ религіозно-научныхъ періодовъ у Конта, мы узнаемъ въ нихъ нѣчто, близко напоминающее четыре монархіи пророчества Даниила, въ которыя старались включить историческій матеріалъ встарину. Недаромъ же иные послѣдователи теоріи прогресса человѣчества выражались, что всемірная исторія непонятна, немислима безъ «всемірнаго управленія», а болѣе горячіе требовали даже демонстраціи всемірнаго суда и возмездія въ исторіи человѣчества. Теперь чѣмъ дагѣе, тѣмъ менѣе удовлетворяла эта мысль, эта драматическая постановка историческихъ вопросовъ, эта формулировка предустановленнаго плана.

Другая черта теоріи прогресса, которая постепенно стала вызы-

вать недовір'є, состояла въ томъ, что она выдѣляла въ исторіи ростъ человѣческаго сознанія въ качествѣ особаго, почти чудеснаго ряда творческихъ силъ, что она представляла идеи какимъ-то правящимъ, руководящимъ, организующимъ началомъ, которое царитъ надъ историческимъ матеріаломъ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, которому принадлежатъ вышеприведенное выраженіе о всемірномъ управленіи, представлялъ поэтому идеи чѣмъ-то сверхъестественнымъ: онъ видѣлъ въ идеяхъ—обнаруженные концы непознаваемаго, пути къ раскрытію чуда въ исторіи.

Наконецъ, въ теоріяхъ прогресса всегда имѣли въ виду человѣчество, человѣческое общество въ единственномъ числѣ. Старые мыслители, Вико, Монтескье, были скромнѣе и осторожнѣе: они говорили о группахъ людей, объ обществахъ въ исторіи. Когда распространились полныя религіознаго увлеченія теоріи о предстоящемъ, близкомъ, безконечно счастливомъ и разумномъ періодѣ, о своего рода тысячелѣтнемъ царствѣ Христа на землѣ, весь родъ человѣческой смѣшался мысленно въ одну массу: совершенно такъ бывало и во всѣхъ религіозныхъ системахъ, открывавшихъ всемірную пропаганду. Созерцаніе послѣдняго момента широкихъ культурныхъ сношеній на земномъ шарѣ положило печать и на представленія о прошломъ. Ничего не повторялось въ исторіи,—думали вѣровавшіе въ непрерывный прогрессъ,—было только одно восхожденіе одной группы, сначала небольшой, потомъ постепенно сдѣлавшейся всесвѣтной.

Между тѣмъ слабѣлъ и отодвигался вглубь образъ революціи, запечатлѣвшей эту грандіозную идею, и новыя реальныя впечатлѣнія вызывали новое направленіе мысли. Пройдя нѣкоторую общую полосу космополитическихъ увлеченій и переворотовъ, европейскія общества почувствовали себя опять каждое въ своеобразной средѣ, связанной со своимъ исконнымъ ростомъ и развитіемъ, со своими какъ бы основными свойствами.

Все болѣе и болѣе опредѣлялись въ Европѣ условія, которыя выдвигали интересъ къ изученію развитія многихъ обществъ, сходныхъ между собою, а не одного единственнаго общества. Выросшая изъ революціи объединенная французская нація, энергичная, притязательная и воинственная, своей политической пропагандой и своими захватами вызвала къ жизни другія національности—нѣмецкую, итальянскую, испанскую. Движеніе передалось дальше—въ славянскій міръ.

Національная война становится въ XIX вѣкѣ возвышеннымъ освободительнымъ лозунгомъ, начиная со времени борьбы противъ Наполеона. Національно-политическое объединеніе представляется теперь единственно достойной формой для крупной народности. Насколько рѣзко перемѣнились условія въ какія-нибудь 50 лѣтъ, можно судить, сопоставивъ настроеніе воинственныхъ рѣчей Фихте «къ нѣмецкой націи» съ заявленіемъ Лессинга, что особенность нѣмца состоятъ именно въ томъ,

чтобы сознавать себя космополитомъ и не нуждаться въ политическомъ отечествѣ.

Важную роль въ объединеніи народовъ Европы и въ обособленіи ихъ другъ отъ друга сыграли экономическія перемѣны. Населеніе растетъ, потребности питанія не могутъ быть покрыты мѣстными продуктами, возникаетъ необходимость расширенія индустріи и широкаго сбыта фабрикатовъ въ другія страны. Ради этого каждая страна хочетъ цѣльнѣе организовать свои промышленныя силы и оградить ихъ. Наполеоновская континентальная система, направленная противъ Англіи, заключала чисто диктаторскую попытку круто, желѣзомъ и приказомъ, рѣшить вопросъ: пока англичанамъ были заперты ходы, на материкѣ должна была успѣть сложиться крупная самостоятельная французская индустрія. Когда кончилась война противъ Наполеона, ходы на континентѣ открылись, и когда дружественная Англія наводнила раздробленную экономически и политически Германію своими товарами, — нѣмецкій купецъ и фабрикантъ стали великими патриотами: они заговорили объ единомъ и мощномъ отечествѣ. И не даромъ первой формой единенія Германіи за 40 лѣтъ почти до образованія военной и парламентарной имперіи явился «Таможенный союзъ» германскихъ государствъ.

Вопреки ожиданіямъ поклонниковъ новой индустріи, развитіе промышленности и торговли не упразднило войны. Со времени великой революціи европейскія государства все болѣе и болѣе вооружаются: ожившіе старые народные счеты въ родѣ того, чей долженъ быть Рейнъ, или на чемъ должно остановиться «отмщеніе Италіи», соединяются съ экономическими мотивами въ большія національныя программы, и сначала для проведенія этихъ притязаній и программъ, потомъ для защиты себя отъ раздраженнаго противника и обезпеченнаго сосѣда націи создаютъ военныя громады.

Одновременно поднимается и растетъ другая война, — война тарифовъ, возникаютъ своего рода крѣпостные валы пошлинъ и торговыхъ запретовъ. Оба вида вооруженнаго мира, милитаризмъ и протекціонизмъ, сплетаются вмѣстѣ: для охраны торговыхъ преимуществъ всегда въ глубинѣ, какъ послѣдняя угроза, стоятъ штыки, съ другой стороны, огромныя капиталы страны вложены въ поддержаніе войска и военныхъ сооруженій и, слѣдовательно, національная промышленность обратно заинтересована въ существованіи или, лучше сказать, затянута въ интересы военнаго колосса. Такимъ образомъ индустріальный вѣкъ пока оказался вдвойнѣ воинственнымъ.

Неисчерпаемый запасъ человѣческаго оптимизма далъ возможность идеализировать даже эти явленія народной вражды. Народъ въ оружіи, это — поэтическая тема въ XIX вѣкѣ. Соблюденіе вѣрности расовымъ свойствамъ, культъ своей національности вплоть до самыхъ исключительныхъ чувствъ, стали своего рода добродѣтелью, облеклись у самыхъ спокойныхъ и гуманныхъ умовъ въ этическія формы. Люди стали

приписывать своей націи или націямъ родственными особия нравственныя качества, придавать миссіонерскія черты; многіе готовы противопоставлять свой народъ, свою расу, съ одной стороны, и чужія народности, чужія расы, съ другой, — почти какъ спасителя, искупителя, и заблудшихъ, погибающихъ или обреченныхъ на историческую казнь. Понятіе о націи, о расѣ, какъ нравственномъ цѣломъ, какъ характерѣ и личности, было перенесено и на прошлое, и собственно въ наукѣ, въ искусствѣ оно дало раньше опредѣленные результаты, чѣмъ въ политикѣ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка романтики углублялись въ изученіе народнаго духа, отыскивая его въ сказкахъ, повѣрьяхъ, легендахъ, въ чертахъ обычнаго права, въ старинномъ языкѣ. Они добивались въ этихъ источникахъ не послѣдовательной индивидуальной работы выдающихся личностей, а какой-то мистической творческой силы всего народа и представляли себѣ народъ точно многоголовое цѣлое съ единой душой.

Исторія стала для нихъ разлагаться на жизнь и борьбу рѣзко очерченныхъ коллективныхъ индивидуальностей. Формы собственности, черты судебного строя, религиозныя понятія историки сводили на созданіе или воздѣйствіе той или другой расы, германцевъ или римлянъ, норманновъ или англосаксовъ, вѣмцевъ или славянъ. Учрежденія и понятія тѣхъ странъ, гдѣ произошло соединеніе двухъ народностей въ государствѣ, гдѣ одна поработила другую, стали представлять себѣ въ видѣ сплетенія или борьбы двухъ рядовъ идей, созданныхъ двумя разными національными геніями; каждая національная или расовая линія вытягивалась мысленно черезъ нѣсколько вѣковъ отъ темныхъ началъ средневѣковья до нашего времени. Современныя сословія, дававшія битвы другъ другу въ эпоху революціоннаго періода, выводились историками и политиками прямо отъ народовъ, которые дѣлили Европу между собою въ началѣ нашей эры и тогда въ борьбѣ забирали землю или отгѣснялись на подневольный трудъ.

Когда-то теоретики соціальной неподвижности, какъ напримѣръ Монтескье, находили въ сведеніи сословій на расы оправданіе вѣчной іерархіи и несдвигаемаго неравенства современнаго общества. Теперь, въ XIX вѣкѣ, въ объясненіи сословій изъ расъ историки получили доказательства, формулы и картины историческаго движенія, активности соціальныхъ группъ, непрерывности соціальныхъ перестановокъ и соціального прогресса.

Такъ у Огюстена Тьерри представлена исторія Франціи: это—четырнадцативѣковая борьба вонтегей-франковъ, обратившихся въ дворянство, съ галло-римлянами, которые стали третьимъ сословіемъ; порабощенные сначала галлы, этотъ народъ культуры и труда, медленно организуются; въ силу переворотовъ, въ началѣ которыхъ стоитъ освобожденіе городовъ, а въ концѣ—великая революція, они берутъ

верхъ. Въ XIX вѣкѣ потомки галловъ, въ качествѣ торжествующей буржуазіи, поворачиваютъ исходъ старой національной борьбы; они занимаютъ теперь положеніе какъ разъ обратное тому, какое выпало на ихъ долю въ V вѣкѣ, когда пришли предки дворянъ, франки. Основная галлоримская буржуазная и мѣщанская народность, на сторонѣ которой—всѣ симпатіи историка, постепенно націонализировала,—какъ онъ думалъ,—всѣ учрежденія, особенно королевскую власть: она освободила эту власть отъ ложныхъ влеченій къ завоеваніямъ, указала ей социальную роль, она скрѣпила эту власть органически съ народною жизнью. Историкъ имѣлъ несчастье дожить до революціи 1848 года и видѣть, что королевская власть, окончательно и навсегда, по его мнѣнію, націонализированная, оказалась ненужной націи. Но націоналистическая теорія жила и еще живетъ, несмотря на такіе жестокіе уроки дѣйствительности.

Позднѣйшія изслѣдованія стали разрушать ее съ другой стороны. Они показали, во-первыхъ, что нѣтъ чистыхъ расъ и націй, что въ лицѣ современныхъ народностей мы имѣемъ группы весьма сложныя, образовавшіяся поздно, что не нація родитъ культуру, а культура образуетъ націю.

Далѣе, они показали, что сословія невозможно свести къ народностямъ, потому что условія труда и владѣнія не сообразуются съ рѣчью на томъ или другомъ языкѣ, съ тою или другою физической наружностью; они выяснили притомъ, что нынѣшнія сословія слагались въ эпоху, сравнительно весьма поздною, и представляютъ собой нѣчто подвижное и текучее въ своемъ составѣ; они отучили гордиться расовой чистотой, показавши, напримѣръ, что французское дворянство въ 1789 году было не только не потомствомъ несокрушимыхъ франковъ V—VI вѣковъ, но даже не происходило и отъ военной феодальной аристократіи X—XI вѣковъ, что оно было по преимуществу новаго происхожденія и образовалось изъ выслужившихся, произведенныхъ въ дворянство людей съ XV, XVI, XVII вѣковъ.

Но націоналистическая точка зрѣнія въ исторіи дала важный и сильный толчокъ научной работѣ. Она заставила расчленять историческій матеріалъ иначе, чѣмъ это дѣлалось въ эпоху революціонно-религіознаго энтузіазма, не сбивать его въ одну массу общечеловѣческаго движенія. Изученіе множества національныхъ процессовъ, множества такихъ раздѣльныхъ коллективныхъ жизней заставило изслѣдователей замѣтить фактъ повторяемости историческихъ явленій въ определенныхъ рядахъ.

При такомъ сравненіи историкъ получалъ впечатлѣніе, что каждая народная группа, каждое національное общество пробѣгаетъ опредѣленные ступени развитія, которыя повторяются у всякой другой. Обнаруживалось сходство и въ моментахъ движенія, и въ порядкѣ ихъ слѣдованія другъ за другомъ. Явилась возможность дѣлать за-

*

ключеніе отъ судьбы одной народности, одного національнаго общества къ развитію другой. Разъ были извѣстны всѣ ступени, пройденныя одной группой, отсюда можно было выводить наличность такого-то неизвѣстнаго или неяснаго момента у изслѣдуемой другой группы, можно было стараться угадать, что ожидаетъ эту другую группу, если она отстала въ своемъ ходѣ отъ первой. Французы стали склоняться къ такимъ заключеніямъ о своемъ настоящемъ и будущемъ по урокамъ исторіи Англіи; нѣмцы приобрѣли наклонность и сейчасъ не могутъ отвыкнуть, чтобы не искать отвѣтовъ и поученія къ своей исторіи въ XIX вѣкѣ, къ своему освобожденію и объединенію—въ исторіи древней Греціи, въ возникновеніи демократіи изъ національной войны съ персами, въ паденіи греческой демократіи при новыхъ попыткахъ объединенія подъ властью военной монархіи македонской и т. д.

Постепенно новыя явленія европейской жизни внесли существенную поправку въ историческія представленія и историческія сравненія, вытекавшія изъ націонализма. Націи имѣютъ одно военное знамя, одну столицу, обыкновенно одинъ законодательный сводъ и также обыкновенно одинъ языкъ. Но этимъ ли она держится? У англичанъ и англо-американцевъ—одинъ языкъ и даже происхожденіе общее; но это—двѣ націи. Обратнo, въ швейцарской націи, по крайней мѣрѣ, три языка, что не мѣшаетъ ей крѣпко держаться. Знамя есть разгорячающій воображеніе символъ, который самъ не объясняетъ покрываемаго имъ чувства. Законодательный кодексъ—нѣкоторымъ образомъ произведеніе искусства, которое предполагаетъ уже соединенныхъ, связанныхъ людей. Все это—знаки, иллюстраціи какого-то факта, продукты какой-то силы. А что-же такое самый этотъ фактъ, сама эта сила? Мы называемъ этотъ фактъ и эту силу обществомъ.

Въ понятіи этомъ можно предполагать разные отгѣнки смысла, но оно насъ удовлетворяетъ, какъ исходный пунктъ въ нашихъ разсужденіяхъ. Въ старину науку о человѣческихъ союзахъ и ихъ развитіи называли «политикой», т. е. ученіемъ о гражданствѣ или государствѣ; мы называемъ соотвѣтственную науку недаромъ «соціологіей», т. е. наукой объ обществѣ или точнѣе объ обществахъ.

Общество можетъ совпадать или не совпадать съ государствомъ и съ націей. Правда, оно, повидимому, прочнѣе, если оно въ національномъ отношеніи однородно; правда, оно стремится быть государствомъ, т. е. или старается соединиться въ политическій союзъ, если было политически разбито, или государство можетъ расколоться, если состоитъ изъ очень энергичныхъ и самостоятельныхъ общественныхъ цѣлыхъ. Но все это именно и показываетъ, что общество существуетъ отдѣльно отъ государственнаго союза, что оно именно первое, болѣе глубокое, хотя и менѣе замѣтное образованіе.

Есть факты, которые какъ будто говорятъ, что общество—фисція,

что это только вмѣстилище, арена столкновѣнія извѣстныхъ интересовъ. Такимъ фактомъ является происходящая въ общественной средѣ борьба различныхъ классовъ, напримѣръ земледѣльцевъ и промышленниковъ, помѣщиковъ и крестьянъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, капиталистовъ и рабочихъ. Однако совместное существованіе въ обществѣ борющихся классовъ заставляетъ всмотрѣться въ ихъ отношенія и открыть въ нихъ не только антагонизмъ, но и взаимодействіе. Профессиональныя группы, личности ищутъ улучшенія своей участи, но въ цѣломъ, они работаютъ въ предѣлахъ одной общественной организаціи.

Нѣтъ нужды здѣсь развивать это положеніе. Наша задача состояла въ томъ, чтобы указать, какое направленіе получила общественная и историческая мысль къ половинѣ XIX вѣка. Наука съ этого времени преимущественно исходитъ отъ представленія объ общественныхъ типахъ, изучаетъ въ исторіи не единый процессъ, а множество сходныхъ процессовъ. Она отправляется отъ мысли о повторяемости извѣстныхъ историческихъ явленій и комбинацій тамъ, гдѣ повторяются соответствующія условія, отъ мысли о существованіи нѣкоторыхъ нормъ и нѣкоторой нормальности общественнаго развитія; поэтому она идетъ путемъ сравненія. И она до тѣхъ поръ будетъ дѣлать новыя заключенія и открытія на этомъ пути, пока общественную мысль будутъ удовлетворять эти общія представленія.

Поворотъ къ изученію сходныхъ группъ съ аналогичными степенями повторяющихся явленій, къ изученію социальныхъ типовъ, на которые распадается собирательное имя человечества, повлекъ за собою естественно разрушеніе того предполагаемаго плана, въ рамкахъ, подъ руководство котораго прежде соединяли мысленно всѣ человѣческія группы. Можно ли было по прежнему искать единого принципа движенія человѣческой массы на землѣ, искать одной цѣли, собирающей въ себѣ въ концѣ концовъ всѣ человѣческія усилія?

Вмѣстѣ съ этимъ поворотомъ не могло не измѣниться и отношеніе къ тому элементу въ историческомъ процессѣ, въ которомъ предшествовавшія теоріи видѣли направляющую силу почти сверхъестественнаго свойства, къ «идеямъ».

Великій историческій чертежъ разстраивался, его линіи теряли свою связь, вмѣсто прежнихъ будто бы гармоническихъ взаимныхъ соотношеній между ними выступала на видъ ихъ своеобразность для отдѣльныхъ историческихъ моментовъ. Наконецъ, поколѣнія, удалявшіяся отъ революціи, освобождались отъ обаянія или отъ гнетущей мысли о человѣческомъ фатумѣ событій, неустрашимомъ, но постигаемомъ въ его символахъ, «идеяхъ». Со вступленіемъ въ болѣе спокойное русло общественныхъ явленій ослабѣвалъ и головокружительный антропоцентризмъ, который во всемъ мірѣ видѣлъ только систему, вращающуюся кругомъ потрясеннаго и возрожденнаго революціей европейскаго ума. Есте-

ственно было желаніе теперь ввести «идеи» въ общее теченіе историческихъ явленій, разсматривать ихъ не въ качествѣ путеводныхъ свѣточей, поставленныхъ указаніемъ высшей силы, а прежде всего, какъ продукты и какъ выраженіе извѣстныхъ жизненныхъ отношеній въ разнообразныхъ соціальныхъ группахъ.

Это стремленіе повело къ попыткамъ воспользоваться въ объясненіи хода историческаго развитія аналогіей тѣхъ процессовъ, которые изучаются естественными науками. Мы не спрашиваемъ, какія цѣли осуществлялись въ образованіи земной коры и въ развитіи формъ растительнаго и животнаго міра. Если мы наблюдаемъ тамъ извѣстную прогрессию, усложненіе, усовершенствованіе, то мы не добиваемся узнать, въ какихъ видахъ, съ какими цѣлями обитатели гѣса, воздуха, воды организуютъ качества и строй жизни будущихъ своихъ поколѣній. Мы ищемъ лишь выясненія факторовъ совершающихся перемены. Мы спрашиваемъ, какія условія дали возможность выжить однимъ формамъ и погубили другія, какія условія повели у извѣстныхъ видовъ къ выработкѣ такихъ-то органовъ и атрофированію другихъ и т. д.

Не должно ли было казаться теперь приѣмомъ болѣе осторожнымъ поставить вопросъ и здѣсь, въ сферѣ историческаго развитія, на такую натуралистическую почву вмѣсто того, чтобы искать цѣлей въ исторіи человѣчества, зажигать постоянно переливающуюся игру «идей», и стараться въ сочетаніи ихъ свѣтовыхъ эффектовъ схватить смыслъ совершающагося? Человѣческій міръ можно также разсматривать, какъ царство природы. Нельзя ли было извлечь новыя поученія, изслѣдуя его судьбу, какъ самопроизвольный естественный ходъ вещей, въ которыхъ люди выполняютъ функціи, намѣченные природой, гдѣ качества ихъ вырабатываются изъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ? Нельзя ли было попытаться взглянуть на общество, какъ на одно изъ органическихъ явленій общей природы, какъ на организацию, подобную животнымъ организмамъ?

Термины «органическій», «организмъ» въ примѣненіи къ обществу были пущены въ ходъ еще реакціонерами, когда они приглашали личность смириться, отречься отъ святотатственныхъ и безумныхъ попытокъ перестраивать дѣло природы, и когда они требовали, чтобы личность заняла свое мѣсто рабочей, слѣпо подчиненной частицы въ общественномъ цѣломъ. Но они остались лишь при формулировкѣ какъ бы таинственнаго мистическаго закона, который они связывали съ сверхъестественной творческой силой.

Къ половинѣ нашего вѣка мысль объ органическомъ характерѣ общества приняла болѣе спокойную научную форму. Въ то же время рядъ открытій въ области біологіи какъ бы указывалъ общественно-исторической мысли болѣе точную и плодотворную аналогію; таково было въ особенности открытіе растительной и животной кѣточки, въ качествѣ основной единицы въ образованіи тканей, въ ростѣ и раз-

множеніи органическихъ существъ. Это открытіе давало возможность разсматривать организмъ въ видѣ сложнаго соединенія однородныхъ первоначально частицъ, между которыми распредѣлены разныя функціи, раздѣлень трудъ, направленный къ сохраненію цѣлаго, а въ этомъ цѣломъ видѣтъ какъ бы колонію, общество тѣсно связанныхъ между собою мельчайшихъ тѣлъ.

Не могъ ли социологъ при помощи этого открытія развить дальше свою аналогію человѣческаго общества? Быть можетъ, уподобленіе отдѣльнаго человѣка или первоначальной семьи клѣточкѣ помогло бы открыть законы соотношенія личности и общества, законы роста самого общественнаго союза?

Эта попытка была сдѣлана Гербертомъ Спенсеромъ, типичнымъ натуралистомъ человѣческаго общества и его исторіи, по своему энциклопедическому интересу напоминающимъ Конта.

Общество для Спенсера есть особое живое существо. Оно похоже на животный организмъ по условіямъ своего строенія и роста. Оно слагается и растетъ путемъ размноженія своихъ частицъ, которыя въ то же время сами являются живыми существами, какъ, напримѣръ, въ колоніи полиповъ. Цѣлый рядъ сходныхъ условій допускаетъ такую аналогію: общество также начинается съ мелкой группы и можетъ вырастать въ 10.000 разъ больше своихъ первоначальныхъ размѣровъ; дажѣ, въ первыхъ шагахъ его развитія связь между составляющими его частицами лишь очень слаба, но по мѣрѣ роста и усложненія она становится все тѣснѣе, пока, наконецъ, частица приходитъ въ полную и всестороннюю зависимость отъ цѣлаго; наконецъ, жизнь общества, какъ и животнаго организма или колоніи, продолжительнѣе жизни частей, т. е. въ данномъ случаѣ людей, которые живутъ, растутъ, работаютъ, производятъ новыя частицы и умираютъ, между тѣмъ какъ политическій союзъ, образуемый ими, переживаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, возрастая въ массѣ, сложности своей организаціи и въ разнообразіи своей дѣятельности.

Разсматривая строеніе общественнаго организма, Спенсеръ замѣчаетъ въ немъ ту же группировку клѣточекъ, какъ въ животномъ. Такъ же какъ въ животномъ, выдѣляется одинъ внѣшній слой клѣтокъ, эктодермъ, который служитъ къ тому, чтобы задерживать или пропускать воздѣйствіе на организмъ внѣшней среды, воды, воздуха и т. д.; въ это время другой внутренній, энтодермъ, служитъ къ усвоенію и переработкѣ веществъ, необходимыхъ для жизни организма. Уже въ первобытной человѣческой ордѣ Спенсеръ находитъ это раздѣленіе; первый слой образуется воинственной группой свободныхъ, которые отражаютъ внѣшнія нападенія, второй—женщинами, военноплѣнными, рабами, которые осуществляютъ работу, необходимую для питанія. Совершенно такъ же, какъ на высшихъ ступеняхъ въ развитіи животнаго организма изъ эктодерма, внѣшняго слоя клѣтокъ, образуется

регулирующая нервная система, и въ первоначальномъ общественномъ организмѣ изъ военного класса образуется правящая группа, правительство.

Аналогія идетъ еще дальше: между эктодермомъ и энтодермомъ постепенно вдвигается средній слой, мезодермъ, который вырастаетъ въ систему, служащую распредѣленію соковъ въ организмѣ, въ кровеносную систему. Такъ и въ обществѣ: между правящимъ и производящимъ классомъ вдвигается новый, который служитъ торговлѣ, поддерживая сношенія и распредѣляя продукты.

Спенсеръ находитъ далѣе аналогію между развитіемъ питанія въ организмѣ, распредѣленіемъ въ немъ питательныхъ соковъ—и движеніемъ обмѣна, распредѣленіемъ продуктовъ въ обществѣ. Ростъ органа только тогда возможенъ, когда продукты, получаемые въ обмѣнѣ, превышаютъ то, что отдано, что израсходовано. Такому перевѣсу усвоенія надъ потерей въ живомъ тѣлѣ отвѣчаетъ въ жизни общественнаго союза барышъ въ торговлѣ. Спенсеръ показываетъ, какъ усложненіе обмѣна въ обществѣ, выработка въ немъ все болѣе совершенныхъ средствъ, кончая установленіемъ денежной и кредитной системы, отвѣчаетъ развитію въ совершенствующихся видахъ организмовъ кровеносной системы.

Онъ беретъ для сравненія одинъ изъ низшихъ организмовъ, гидру. Въ ней нѣтъ крови, нѣтъ аппарата для приготовленія концентрированнаго и очищеннаго питанія; слабо связанные кѣтки, изъ которыхъ составляется гидра, вбираютъ непосредственно питательныя вещества. Совершенно тоже самое происходитъ въ неорганизованной первоначальной народной ордѣ, гдѣ всѣ члены индивидуально, обособленно приобрѣтаютъ или готовятъ все необходимое для своей грубой жизни.

По мѣрѣ того какъ совершенствуется живой организмъ и общество, съ развитіемъ особыхъ функцій органовъ, особыхъ аппаратовъ, масса питательнаго вещества становится лучше по качеству входящаго матеріала и дѣлается болѣе разнообразной по составу. Наконецъ, и въ организмѣ, и въ обществѣ къ этой массѣ присоединяется элементъ, который самъ по себѣ непитателенъ, но необходимъ для процесса питанія. Это въ одномъ случаѣ кровяные шарики, въ другомъ—деньги.

То же самое относительно путей, по которымъ идетъ движеніе продуктовъ, въ одномъ случаѣ кровеносныхъ сосудовъ, въ другомъ—каналовъ, дорогъ, рельсовыхъ путей и т. д. Въ низшихъ организмахъ въ каждой части тѣла кровь течетъ извѣстное время въ одномъ направленіи, потомъ останавливается и идетъ назадъ. Такъ точно въ слабо развитыхъ обществахъ распредѣленіе товаровъ совершается медленно на большихъ ярмаркахъ, куда періодически направляются и откуда выходятъ теченія продуктовъ.

Въ болѣе совершенныхъ тѣлахъ мѣстныя и измѣнчивыя теченія

исчезаютъ, когда образуются большіе центры объѣма; эти центры создаютъ болѣе могущественныя теченія посредствомъ развитія устойчиваго ритма, который завершается установленіемъ быстрого и правильнаго пульса. Спенсеръ указываетъ на теченіе крови большими послѣдовательными массами въ крупныхъ артеріяхъ высшаго животнаго организма и въ соотвѣтствіе этому — на движеніе нѣсколькихъ десятковъ поѣздовъ въ одномъ направленіи по большимъ желѣзнымъ дорогамъ. На менѣе значительныхъ рельсовыхъ линіяхъ, на подѣздныхъ путяхъ, на прилегающихъ шоссейныхъ дорогахъ, проселкахъ, улицахъ селеній и, наконецъ, на проѣздахъ къ отдѣльнымъ домамъ замѣчается все менѣе сильное біеніе, совершенно такъ, какъ это замѣтно въ развѣтвляющихся и дробящихся по органамъ мелкихъ артеріяхъ и волосныхъ сосудахъ.

Другой рядъ аналогій внушенъ Спенсеру сопоставленіемъ, съ одной стороны, развитія нервной системы, а съ другой — развитія государственнаго руководительства въ обществѣ, развитія политическаго единства и политической активности народа. Спенсеръ находитъ аналогію между феодальнымъ обществомъ, гдѣ государственная власть раздроблена, и мѣстныя группы почти независимы, и тѣми животными организмами, у которыхъ нервные узлы, хотя и связаны между собою нервами, но почти не зависятъ отъ какой-либо направляющей силы и даютъ самостоятельно рефлекторное движеніе на то или другое раздраженіе.

Объединеніе территоріи, уничтоженіе верховенства бароновъ и развитіе центральнаго правительства, совершающееся въ концѣ Среднихъ Вѣковъ и началѣ Новой Исторіи Спенсеръ сравниваетъ съ развитіемъ центральной нервной системы, головного мозга. Онъ говоритъ: «свойство большихъ нервныхъ узловъ, развившихся всего позднѣе и въ высшихъ животныхъ формахъ — истолковывать и комбинировать многообразныя впечатлѣнія, которыя передаются имъ со всѣхъ концовъ животной системы, и вмѣстѣ съ тѣмъ регулировать дѣятельность организма такимъ образомъ, чтобы всѣ ея виды принять во вниманіе; совершенно также основная черта большихъ законодательныхъ собраній, лишь недавно развившихся и отличающихъ болѣе передовыя общества, — истолковывать и комбинировать желанія всѣхъ классовъ и мѣстностей и составлять законы въ согласіи съ общими нуждами».

Прилагая къ общественному союзу аналогію животнаго организма, Спенсеръ наблюдаетъ въ ростѣ общественнаго тѣла и общій органическій законъ. Спенсеръ формулируетъ этотъ законъ, какъ размноженіе мелкихъ недѣлимыхъ частицъ и переходъ отъ жизни массы несвязанныхъ между собою однородныхъ существъ къ сложной цѣльной организаціи, въ которой разнообразная, но служащая одной цѣли работа распредѣляется между существами, выдѣлившимися по своимъ

спеціальностямъ. Эти шаги дробленія, движенія вшарь, и гармонизаціи, движенія къ единству, онъ называетъ дифференціаціей и интеграціей.

Въ спенсеровскихъ двухъ стадіяхъ процесса общественно-историческаго развитія и ихъ смѣнѣ можно узнать отголоски дѣленія историческихъ эпохъ на критическія и органическія, динамическія и статическія, отрицательныя и положительныя, дѣленія, опредѣлявшаго основную мысль въ теоріяхъ сенсимонистовъ, Конта, Гегеля. Мы находимъ у Спенсера очень ослабленное, очень стертое въ своихъ конкретныхъ чертахъ, но все еще то же самое представленіе о смѣнѣ прогресса и порядка, движенія и системы, распадѣнія и единенія, которое сложилось подъ впечатлѣніемъ революціонной катастрофы, крушенія стараго общества и возникновенія новаго. Спенсеръ ищетъ аналогій во внѣчеловѣческой природѣ, но къ своимъ сравненіямъ онъ подступаетъ уже съ готовой схемой, съ бессознательно-привычнымъ методическимъ разрѣзомъ, въ свое время скопированнымъ съ великаго образа недавнихъ судебъ европейскаго общества.

Спенсеръ признаетъ однако и существенную разницу между животнымъ и общественнымъ организмомъ. Между тѣмъ какъ кѣтъчки, органы животнаго не имѣютъ отдѣльнаго сознанія и направляются изъ одного нервнаго центра,—въ обществѣ сознаніе дробится между отдѣльными членами, составляющими его: въ то же время раздробленное въ обществѣ сознаніе обнаруживаетъ извѣстную однородность, гармонию. Различіе это затрудняетъ аналогію. Далѣе, животному организму сознаніе помогаетъ лучше воспользоваться лишь извѣстными, уже присущими ему свойствами. Въ обществѣ мы имѣемъ дѣло съ сознательной стройкой и перестройкой, отъ которыхъ видоизмѣняется само общество, измѣняется его общее строеніе, мы встрѣчаемся съ законодательствомъ, реформами, воспитаніемъ поколѣній; далѣе мы наблюдаемъ передачу идей отъ одного общества къ другому, воздѣйствіе одной культурной среды на другую. Животный міръ не представляетъ аналогій этимъ процессамъ. Спенсеру остается теперь угадывать законъ этихъ высшихъ формъ жизни на основаніи разъ усвоеннаго общаго принципа, въ согласіи съ принятой общей конструкціей явленій.

Сознательные акты людей, работа мысли, все это въ его глазахъ—продолженіе естественнаго, природнаго процесса. Противоположности между натурой и культурой, между природой и духомъ для Спенсера нѣтъ. Онъ думаетъ, что природа путемъ борьбы и отбора даетъ выжить или развиться болѣе совершеннымъ формамъ общества. Спенсеръ убѣжденъ, что удовольствія и страданія, испытываемыя человѣкомъ при тѣхъ или другихъ ощущеніяхъ и дѣйствіяхъ, стоятъ въ прямомъ отношеніи къ пользѣ или вреду этихъ ощущеній и дѣйствій. Чтò полезно для продолженія и укрѣпленія жизни, то должно быть пріятно, и наоборотъ, чтò пріятно, то полезно для жизни. А полезное для жизни тѣмъ самымъ и нравственно. Такимъ образомъ наши дѣйствія, напра-

вляющія къ полезному и нравственному, совпадаютъ съ дѣломъ природы, которая доставляетъ намъ удовольствія и отпугиваетъ страданіями для проведенія своихъ жизненныхъ цѣлей.

Нравственный законъ поэтому есть продолженіе и исполненіе естественнаго закона. Мало того: такъ какъ въ человѣческомъ обществѣ нравственное и разумное скорѣе всего ведетъ къ цѣлямъ природы, то нравственные поступки—самыя цѣлесообразныя и планомѣрныя, самыя прочныя для общежитія. Спенсеръ увѣренъ, что безнравственное поведение лишено плана, неустойчиво. Оно какъ бы брошено даромъ въ общей экономіи или же оно, ломая естественный порядокъ, заключаетъ въ себѣ потерю силъ.

Идеаль поэтому состоитъ въ томъ, чтобы личность, какъ органъ, исполняла свою функцію и сохраняла наибольшую способность къ исполненію ея. Чѣмъ лучше она приспособлена, чѣмъ больше трата силъ въ ней сообразована съ возмѣщеніемъ ихъ и чѣмъ согласнѣе ея пульсъ съ общимъ біеніемъ или ея дѣйствія съ общимъ ходомъ большаго общественнаго организма, тѣмъ выше, здоровѣе культура. Природа насъ подстрекаетъ, отвращаетъ, увлекаетъ, удовлетворяетъ и всѣми этими средствами направляетъ наши дѣйствія. Такъ она сама все болѣе приспособляетъ насъ. Всѣ недостатки общества сводятся къ недостаточной приспособленности людей, и ростъ культуры есть ростъ приспособленія.

Спенсеръ представляетъ себѣ, что въ обществѣ будущаго, согласованномъ изъ приспособленныхъ людей, исчезнуть имѣющіяся теперь противорѣчія, работа будетъ исключительно пріятна, счастье будетъ цѣлкомъ опираться на натуру, не будетъ вражды и столкновенія между личнымъ влеченіемъ и общественной пользой, примирится эгоизмъ и альтруизмъ. Въ обществѣ будущаго должно установиться идеальное спокойствіе, спокойствіе однако не мертвой точки, а, по выраженію Спенсера, «подвижнаго равновѣсія» и соразмѣреннаго движенія. Такимъ образомъ Спенсеръ кончаетъ картиной приближенія общественнаго организма къ механизму.

Спенсеръ пришелъ къ результатамъ, повидимому, противоположнымъ тому, на чемъ стояли теоріи прогресса первой половины вѣка. Согласно представленіямъ Конта и Гегеля, въ движеніи человѣчества, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше развивается организующая сила человѣческой мысли, тѣмъ выше и совершеннѣе цѣли, которыя она ставитъ. Спенсеръ какъ бы отказывается вовсе отъ исканія цѣлей и ограничивается исканіемъ факторовъ, естественныхъ условій, вырабатывающихъ и матеріалъ, и формы общежитія, и само сознаніе людей.

Всматриваясь ближе, мы замѣчаемъ однако, что онъ лишь перенесъ созданіе плановъ и цѣлей съ представителей человѣческаго общества на великую творящую и приспособляющую силу природы. Въ то же время Спенсеровская формула «подвижнаго равновѣсія», какъ конца вещей на землѣ, его характеристика послѣдней ступени усовершенствован-

ванія общественнаго организма, превращающагося въ механизмъ—звучить слишкомъ ясно повтореніемъ Контовскаго «финальнаго состоянія» или Гегелевской «бодрой старости всемірнаго духа». Не слышится ли здѣсь та же самая мечта о примиреніи произвольнаго и необходимаго, личности и общества, порядка и свободы, объ остановкѣ рода человѣческаго въ вѣчномъ упокоеніи и блаженствѣ на землѣ съ помощью открытія всеспасающаго единаго научнаго и практическаго принципа? Въ этомъ смыслѣ Спенсера можно было бы назвать послѣднимъ представителемъ системы идеи, сложившейся подъ впечатлѣніемъ революціи и подъ настроеніемъ реакціи.

И все-таки, несмотря на олицетвореніе природы, несмотря на копированіе формулъ «окончательнаго состоянія», ученіе Спенсера знаменуетъ собой существенный поворотъ въ изученіи развитія человѣческаго общества. Этотъ поворотъ, это измѣненіе выражается для насъ смѣной термина, «прогрессъ» въ примѣненіи къ росту человѣческаго общества—терминомъ «эволюція». Въ теоріяхъ, искавшихъ формулы прогресса, перевѣшивала мысль объ опредѣленіи сознательныхъ усилій людей, направляющихъ, организующихъ движеніе согласно извѣстному плану, согласно болѣе или менѣе отдаленному идеалу. Въ теоріяхъ, ищущихъ формулъ эволюціи, люди и ихъ мнѣнія, формы ихъ сознанія разсматриваются не столько, какъ двигающій, сколько какъ движимый элементъ, не столько въ смыслѣ факторовъ переменъ, сколько—свидѣтелей и выразителей происходящаго, не столько въ качествѣ причинъ событий, сколько въ видѣ симптомовъ процесса.

Въ этой точкѣ зрѣнія заключенъ новый разрѣзъ явленій, другая постановка соціальныхъ и историческихъ вопросовъ. Можно ли примирить два названные взгляда и соединить результаты двухъ родовъ изученія историческихъ фактовъ, результаты примѣненія того и другаго умственнаго приѣма—иное дѣло, и разрѣшеніе этой задачи доставило много хлопотъ слѣдующимъ поколѣніямъ. Отсюда получился споръ, который тянется до нашего времени подъ разными названіями противниковъ: то это—противоположность субъективной и объективной школы социализма, то борьба идеализма и матеріализма въ исторіи, то защита творческой роли личности и провозглашеніе фатальнаго движенія массы, то наконецъ признаніе первенствующей роли въ исторіи «идеи» противъ первенства «интересовъ».

Натуралистическая теорія Спенсера проводила очень односторонне одну изъ двухъ точекъ зрѣнія, одинъ изъ двухъ приѣмовъ, какъ бы въ видѣ отпора полурелигіознымъ системамъ, примыкавшимъ къ революціи и реакціи. Можно отвергать ея заключенія о благотѣльномъ приспособленіи людей, совершаемомъ природой, можно не принимать самой аналогіи общества съ организмомъ и видѣть въ сравненіи этомъ лишь метафору, но за ученіемъ Спенсера во всякомъ случаѣ остается

значеніе важнаго общаго толчка въ пріемахъ историческаго изученія человѣческаго общества.

При всей связи Спенсера съ тѣмъ наклономъ мысли, который остался отъ революціи и реакціи, онъ является для насъ типичнымъ представителемъ новаго настроенія въ истолкованіи социальной современности и ея историческаго прошлаго. Это настроеніе кажется намъ болѣе спокойнымъ, чѣмъ тотъ кругъ понятій и чувствъ, который господствовалъ въ теченіе приблизительно столѣтія отъ 1760 года до 1850 года, который поднялся до высшаго напряженія своего въ большомъ европейскомъ переворотѣ и потомъ черпалъ въ воспоминаніи о немъ новыя и новыя вдохновенія. Мы ушли изъ этой своеобразной какъ бы религіозной полосы. Она оставила намъ свои формулы, термины, свои антитезы и символы, но ея бурные и восторженные порывы, ея властные и нетерпѣливые приказы обратились въ спокойныя методическія пріемы, въ способы мысленнаго опыта; ея проблемы завоеванія или организаціи всего міра замѣнились невидной борьбой ученаго съ неподатливымъ матеріаломъ, ея призывы съ церковной кафедры или публичной трибуны перешли въ тишину лабораторіи. Рядомъ съ научными привычками и орудіями, которыя остались намъ въ наслѣдіе отъ этой эпохи, накаплиются новыя впечатлѣнія общественной жизни, а подъ ихъ вліяніемъ намѣчаются, идутъ ощупью и съ сомнѣніемъ, набѣгаютъ и борются между собою новыя историческія теоріи и истолкованія.

К о н е ц ъ .

П Р О Ч Ъ .

Разказъ Афъ Г. Гейерстама .

(Переводъ со шведскаго И. Л.).

Отецъ ея, какой-то неизвѣстный пьяница и драчунъ, былъ убитъ на попойкѣ въ сосѣдней волости, а мать, какъ разъ беременная въ то время, получивъ извѣстiе о смерти мужа, внезапно заболѣла и поплатилась жизнью за жизнь мертворожденнаго ребенка. Эмма Персонъ, оставшiйся трехлѣтней сироткой, была бы безъ крова и безъ призора, но ея тетка, жена богатаго крестьянина, взяла ее къ себѣ и воспитала какъ родную дочь.

Ей хорошо жилось у тетки. Правда, мадамъ Ольсонъ при случаѣ никому спуска не давала, но у нея было доброе, любящее сердце, что и обнаруживалось во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. А дѣти отлично это чувствуютъ.

Родителей своихъ она, собственно говоря, и не могла оплакивать, такъ какъ неясное воспоминанiе о нихъ не могло возбудить въ ней тоски или горя, да кромѣ того, какъ для сироты, ей, дѣйствительно, жилось хорошо. Тетка съ малолѣтства приучила ее къ труду. Ей пришлось носить ведра съ водой изъ ключа, какъ только позволили возрастъ и силы. Она же помогала доить коровъ, полоть огородъ, чистить котлы, кормить куръ. Въ свободное время она играла съ мальчуганами въ селѣ, съ собакой, съ кошкой, или же молча забивалась куда-нибудь въ уголокъ, и голубые, мечтательные глаза ея безцѣльно глядѣли въ пустое пространство, или въ вечернiй сумракъ, тяжело опускавшiйся на просторъ полей и на полъ избы.

Эмма не принадлежала къ числу тѣхъ, что всегда веселы, и принимала все очень близко къ сердцу. Когда, бывало, тетка побранить ее, она долго спустя стоитъ передъ нею, не сводя съ нея большихъ, влажныхъ глазъ, и не уймется до тѣхъ поръ, пока не искупить своей вины. Ребенкомъ она часто одна-одинешенька ходила по садику, гдѣ росли кусты сирени, два высокихъ куста боярышника, маленькiя яблони и много картофеля, и копошилась съ какою-то своею выдумкою, но никому не говорила, что она дѣлаетъ. Про себя она говорила, что это

она гуляетъ по пастбищу. Во время этой игры она всегда принимала необыкновенно серьезный видъ и складывала ротъ бантикомъ. И радость выражалась у ней какъ-то по-своему,—спокойно и негромко. Она никогда не шумѣла, но все лицо ея свѣтилось и глазки ея сияли какъ-то тепло и радостно. Она не похожа была на сверстницъ, такъ какъ ко всему относилась чрезвычайно серьезно.

Во время конфирмаціи она не ходила съ другими на игры и танцы, а большею частію бродила одна и все о чемъ-то думала. Дѣла по хозяйству она справляла попрежнему и за это время была очень кротка и добра ко всѣмъ. На публичномъ испытаніи люди обратили вниманіе на то, что она не плакала, а съ высоко-поднятымъ челомъ и безъ дрожи въ голосѣ отвѣтила «да» на всѣ вопросы священника. И это показалось людямъ страннымъ. Вѣдь, Эмма Персонъ обыкновенно все принимала такъ близко къ сердцу. Причастившись въ первый разъ Святыхъ Таинъ, она тотчасъ же вернулась домой и, хотя никто не просилъ ее объ этомъ, спокойно начала собирать къ обѣду. Въ этотъ день она, какъ всегда, ко всемъ принимала участіе и все исполняла добросовѣстно, но тетка замѣтила по глазамъ ея, что мысли ея были гдѣ-то далеко, далеко.

Послѣ обѣда она вышла одна погулять по дорогѣ, окаймленной старыми ивами. Эта дорога тянется между двумя каменными стѣнами и ведетъ къ лужайкѣ, откуда открывается видъ на море, которое при вечернемъ солнцѣ темно-синимъ кольцомъ окружаетъ низменную, плоскую землю.

На сѣверномъ концѣ села, которое, какъ водится на островѣ Эландъ, узкою и длинною лентою тянется по обѣимъ сторонамъ дороги, жилъ морякъ, по имени Кануть. Онъ унаслѣдовалъ отъ отца маленькую мызу, гдѣ обыкновенно одиноко жила его мать во время частыхъ отлучекъ сына. Онъ уже много лѣтъ былъ въ отсутствіи, и люди говорили, что въ послѣдній разъ онъ уѣхалъ съ горя, не получивъ себѣ въ жены любимой дѣвушки. Говорили также, что эта дѣвушка—тетка Эммы, теперь мадамъ Ингридъ-Ольсонъ. Въ то время эти двое бывали неразлучны на посѣдкахъ и во время сѣнокоса; они гуляли вдвоемъ въ лѣтніе вечера, когда сельская молодежь по окончаніи работъ искала веселья, и частенько въ темные зимніе вечера они тайкомъ сходились и никто не видалъ, съ какою нѣжностью они ласкали другъ друга, когда разставались у воротъ ея родителей.

Но Ольсонъ посватался къ дѣвушкѣ, пока Канута не было дома и Ингридъ не осмѣлилась отказать ему. Она жила въ то еще время, когда дѣти во всемъ повиновались своимъ родителямъ. Она написала Кануту, и послѣ того письма онъ только разъ, и то не надолго, заглянулъ домой и въ тотъ свой пріѣздъ онъ никогда не доходилъ до родного села, а пристроился въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ, куда мать приходила навѣщать его. Старушка была старая и хворая, и никто не

думалъ, что она доживетъ до возвращенія сына. Но говорили также, что другая причина побуждала его жить въ томъ селѣ и, что, когда онъ уѣхалъ, дожидаться его стала покинутая имъ дѣвушка съ ребенкомъ.

Весьма возможно, что онъ поступилъ легкомысленно. Но онъ былъ молодъ и статенъ, здоровъ и силенъ. Всѣмъ нравилось его удалое веселье и та сила, съ какою онъ принимался за всякую работу. Жадность и лѣность были ему чужды. Онъ всегда весело разговаривалъ или пѣлъ. Это-то съ такой силой и заполонило когда-то сердце Ингридъ. Но теперь его не было, а она замужемъ. Какъ ей было знать, думалъ ли онъ о ней, да она и узнать-то этого не стремилась. Она почти-что совсѣмъ позабыла о немъ.

А какъ сердце щемило у нихъ, у обоихъ, когда они навсегда разставались, какъ безотрадно и несхоже съ прежнимъ казалось имъ все на свѣтѣ.

Въ одинъ прекрасный день отецъ Ольсона пришелъ къ ея родителямъ сватомъ отъ сына, который долженъ былъ получить его мызу, когда онъ самъ умретъ. До тѣхъ поръ сынъ, женившись, долженъ былъ остаться въ домѣ и управлять всѣмъ хозяйствомъ. У нихъ, слава Богу, мѣста много, а старикъ уже начиналъ чувствовать приближеніе старости.

Между родителями молодыхъ свадьба эта давно уже была рѣшена. Но теперь, когда отъ Ингридъ потребовали отвѣта на сватовство, признаніе стало необходимымъ. Она собралась съ духомъ, рассказала все матери, плакала и просила, но ничего не помогло. Мать ей отвѣтила, что она не понимаетъ своей же пользы и что родители ея, проживши дольше ея на свѣтѣ, лучше ея самой сумѣютъ устроить ея жизнь. Не стоило выходить замужъ за человѣка, у котораго ничего за душою нѣтъ. Когда она выйдетъ за Ольсона и будетъ хозяйничать на собственной мызѣ, она и думать забудетъ о томъ, другомъ. И мать рассказала ей, что въ молодости и ей также приглянулся парень, служившій на сосѣдней мызѣ, но она была рада, что послушалась родителей, такъ какъ онъ потомъ сталъ пить водку, а теперь онъ уже много лѣтъ тому назадъ женился; она сама была у него въ избѣ и видала, какъ они живутъ. И она ни за что не хотѣла бы помѣняться съ его женой.

Но дочь не сдавалась. Она говорила, что у одной чувство можетъ пройти, но это еще не значитъ, что для всѣхъ оно пройдетъ также легко. Она напрямикъ объявила, что никогда не выйдетъ за Ольсона. Этому никогда не бывать. Легче ей будетъ утопиться. Она плакала, говорила про себя и не хотѣла даже слушать матери.

Тогда отецъ присоединился къ матери и заявилъ ей, что, если она желаетъ упорствовать, она можетъ идти, куда хочетъ со своимъ прекраснымъ женишкомъ. Но къ отцу, чтобы она и не думала приходить. Ни гроша онъ ей не дастъ, посмотритъ онъ, какъ-то она за-

живетъ тогда съ нимъ, съ мальчишкой, которому и самому-то жить нечѣмъ.

Позже вечеромъ пришла мать, по-хорошему уговаривала, просила ее не огорчать своихъ престарѣлыхъ родителей и утѣшала ее тѣмъ, что все будетъ хорошо.

И, Богъ его знаетъ, любовь ли ея не имѣла особенно глубокихъ корней, или то было слѣдствіемъ поразительной способности нашей природы гнуться и примѣняться ко всевозможнымъ обстоятельствамъ, какими бы противными они ни казались намъ сначала, фактъ тотъ, что дѣйствительно, все стало хорошо. Она вышла замужъ за Ольсонъ и рожала ему дѣтей. Нѣсколько лѣтъ спустя его родители умерли, и она могла все въ домѣ устроить по своему, безъ свекрови, которая прежде непрочъ была заявить и свое словечко. Она была замужемъ за самымъ богатымъ крестьяниномъ въ этой мѣстности. Домъ ея былъ полная чаша, у нея было все, чего она могла желать: большой домъ, въ которомъ она была полной хозяйкой, хлѣвы, гдѣ было больше коровъ, чѣмъ дома, три служанки и четыре работника, которыхъ она должна была прокормить. Былъ у нея сынъ, который, въ свою очередь могъ принять всю мызу, когда настанетъ смертный часъ мужа, а Ольсонъ самъ ее ничѣмъ не обижалъ. Онъ былъ исправный крестьянинъ и ладно велъ все свое хозяйство. Онъ пилъ, когда подойдетъ случай, но рѣдко черезъ мѣру. Пьянымъ, собственно говоря, никогда и не бывалъ. Развѣ только по окончаніи сѣнокоса, да иногда въ Рождество. Но этого никто и не осуждалъ. Въ такіе дни пьянство разрѣшалось всякому.

Роста онъ былъ скорѣе всего невысокаго, ходилъ немножко въ наклонку, у него была маленькая, черная голова, острый носъ, сѣрые умные—многіе говорили лукавые—глаза, узкіе, маленькіе баки и длинной ротъ, выраженіе котораго мало внушало довѣрія. Сначала ей было трудно привыкнуть къ нему и въ первые полгода ихъ брака случилось, что она плакала тайкомъ безъ всякаго повода и ей приходило въ голову, что не такой ей нуженъ былъ бы мужъ. Но у нея было много дѣла, и дневная работа мало давала ей досуга задумываться о своей жизни. У нея не было длиннаго утра, когда бы она оставалась одна со своими мыслями, или вечеромъ, когда бы она, сидя за роялемъ, могла фантазировать о своей несчастной судьбѣ.

Иногда въ лѣтній вечеръ, когда солнышко тепло пригрѣвало сухую почву и синее море широко разстигалось передъ глазами, медленно прибывая къ берегамъ, или въ холодный, зимній вечерокъ, когда она на минутку присядетъ отдохнуть и устанетъ на огонь, гдѣ сухой хворостъ трещалъ подъ котелкомъ или кофейникомъ, случалось, что на нее нападала какая-то госка, до причины которой она и не хотѣла доискиваться. Но она быстро стряхивала съ себя это настроеніе и чѣмъ старше она становилась, тѣмъ рѣже она испытывала это чув-

ство. Ея глубокое убѣжденіе было, что мать и отецъ ея въ свое время были совершенно правы. До этого сознанія ее довелъ жизненный опытъ. Ей хорошо жилось во всѣхъ смыслахъ и ей и въ голову не приходило считать себя жертвой.

Она жила день за день, не разсуждая, и знала навѣрно, что, впрочемъ, ежедневно снова подтверждалось на ея глазахъ, что ни одному человѣку не удастся устроить своей жизни такъ, какъ бы хотѣлось.

По селу пошелъ слухъ, что Кануть скоро вернется и что онъ возвращается домой не такимъ, какъ уѣхалъ. Утверждали, что онъ скопилъ деньги, самъ сдѣлался вродѣ барина, знаетъ все то, чему бѣдному люду нѣтъ случая научиться, сумѣетъ постоять за себя и можетъ, коли на то пошло, купить любой хуторъ во всей волости. Впрочемъ, никто не зналъ навѣрно насколько онъ измѣнился, но всѣ его друзья заранѣе уже относились къ нему недовѣрчиво. Всѣ данныя говорили, вѣдь за то, что онъ долженъ былъ набратъ спѣси. Деньги всякаго вѣдь мѣняють. Скоро все село узнало, что онъ пріѣхалъ. Случилось это среди лѣта, въ воскресенье, и всѣ выстроились на пригоркѣ у церкви, чтобы поглазѣть на него, когда онъ пройдетъ. Скоро онъ, дѣйствительно, показался вдали; онъ шелъ не спѣша и немного волоча за собою ноги; одѣтъ онъ былъ въ синюю куртку, а галстухъ былъ повязанъ морскимъ узломъ. На головѣ была низкая черная шляпа, а прямая бородака его была острижена по-американски. Часто онъ останавливался и озирался по сторонамъ. Дойдя до церковнаго пригорка, онъ подошелъ къ двумъ, тремъ молодымъ парнямъ, съ которыми былъ знакомъ, и скоро около нихъ столпилась цѣлая кучка любопытныхъ.

Говорили о погодѣ, объ урожаѣ, о томъ, сколько времени Кануть былъ въ отсутствіи, о строѣ жизни въ Америкѣ и о томъ, лучше-ли тамъ, чѣмъ здѣсь.

Кануть объяснялъ, что это какъ случится. Многимъ тамъ везло, другимъ же нѣтъ. Частью это зависѣло отъ удачи, частью отъ умѣнья работать. Но тамъ научишься лучше понимать весь міръ. По крайней мѣрѣ съ нимъ такъ было.

Что онъ этимъ хочетъ сказать?

Разъясненіе это, пожалуй, потребуетъ слишкомъ много времени. Дѣло въ томъ, что тамъ ни одинъ человѣкъ не считается лучше другого, развѣ что онъ способнѣе, искуснѣе или лучше понимаетъ свое дѣло.

Всѣ согласились, что Кануть не сталъ спѣсивымъ. Онъ ласково говорилъ со всѣми и всѣхъ помнилъ.

Кануть стоялъ и слѣдилъ за тѣмъ, какъ одна темноодѣтая группа за другой входила въ ограду кладбища, медленно двигалась по посыпанной пескомъ дорожкѣ и исчезала за низкими воротами, ведущими въ церковь. Старушки бережно несли въ рукахъ носовой платокъ, сло-

женный на молитвенникѣ, а на головѣ у нихъ были головные уборы изъ чернаго шелка. Онѣ присѣдали, какъ только послышались колокола и медленно входили въ низкія ворота. Старички слегка приподнимали шляпы при звонѣ колоколовъ и, дойдя до церковной паперти, они всѣ оставаивались, снимали шляпу и рукой смахивали волосы со лба.

Наконецъ раздались звуки органа, сначала длинная, заунывная жалобная прелюдія, потомъ псаломъ. Двери закрыли, а за дверьми, собралась небольшая кучка, готовая войти въ церковь при началѣ слѣдующаго псалма.

Кануть замѣтилъ, что у нихъ новый органъ. Да, органъ выписалъ изъ Стокгольма и стоитъ три тысячи кронъ.

Въ это время подошли Ольсоны и Ингридъ и Эмма, и остановились у церковныхъ дверей. Кануть подошелъ къ нимъ и поздоровался съ Ингридъ. Всѣ вѣдь знали, что они были хорошо знакомы и добрые друзья. Они пожали другъ другу руку и Ингридъ поздравила его съ прїѣздомъ домой. Ей было какъ-то не по себѣ, и онъ тоже ничего не говорилъ. Онъ молча стоялъ, не сводя глазъ съ Эммы, которая недоумѣвающими глазами разсматривала его. Онъ примѣтилъ ея сходство съ Ингридъ и спросилъ:

— Это твоя дочь, да?

— Нѣтъ, это дочь моей сестры; она пришла къ намъ, когда сестра моя умерла. Да, она все же похожа на меня,—добавила она.

Минуту спустя она сказала:

— Ее зовутъ Эммой.

— Теперь тебѣ живется хорошо,—сказалъ онъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь нарушить томительное молчаніе.

— Да, мы всѣ здоровы, слава Богу. Ольсонъ остался дома: онъ хотѣлъ пойти взглянуть на жеребятъ.

Онъ постоялъ немного, глядя въ землю и поворачивая, въ песокъ свою ногу взадъ и впередъ. Ему хотѣлось пошутить, но ничего нешло на умъ. Вмѣсто этого онъ опять посмотрѣлъ на Эмму такъ, что она покраснѣла и отвела глаза.

— Я заверну къ вамъ надняхъ,—сказалъ онъ.

Въ эту минуту распахнулись церковныя двери и до пригорка ясно донесся псаломъ: «Одинъ Господь на небесахъ». Онъ хотѣлъ отойти, но Эмма взглянула на него, точно спрашивая, отчего онъ не хочетъ войти съ ними въ церковь.

— Я почти-что никогда не хожу въ церковь,—сказалъ онъ, прощаясь, и на лицѣ его чуть мелькнула улыбка. Она посмотрѣла на него широко открытыми отъ изумленія глазами и тотчасъ послѣдовала за теткой и за другими.

Какъ странно. Онъ не пошелъ за всѣми въ церковь. А между тѣмъ онъ видомъ не похожъ на тѣхъ, что проводятъ воскресное утро за

*

водкой и за игрой въ карты. Она думала объ этомъ во время всей проповѣди, и, по выходѣ изъ церкви, она почему-то не чувствовала себя такой веселой, какъ всегда.

Вскорѣ за этимъ Кануть навѣстилъ Ингридъ и опять встрѣтился съ Эммой. Она сидѣла въ избѣ и молча слушала, пока онъ бесѣдовалъ съ Ингридъ. Она занята была ческой шерсти и ни на минуту не отвлекала своего вниманія отъ того, что у ней было подъ руками. Но по выраженію лица ея Кануть хорошо видѣлъ, что она прислушивается къ каждому слову. И это возбуждало его.

Онъ рассказывалъ, какъ онъ сначала пріѣхалъ въ Америку. Онъ нанялся матросомъ на судно, такъ что самый переѣздъ ему ничего не стоилъ, и у него было столько денегъ съ собой, что онъ могъ обойтись ими первое время. Ему удалось-таки пробить себѣ дорогу, хотя подчасъ туго приходилось и хотя сначала ему не повезло.

Чѣмъ замѣтнѣе ему было, съ какимъ вниманіемъ Эмма слушаетъ его, тѣмъ оживленнѣе онъ начиналъ описывать свои собственные впечатлѣнія и воспоминанія. Его взяла охота высказаться, подѣлиться своими мыслями, найти кого-нибудь, кто понялъ бы чувство, испытываемое имъ теперь, когда онъ вернулся на родину и когда воспоминанія о быломъ тѣснились въ его головѣ.

Что прежде всего пришлось ему по душѣ въ Америкѣ, такъ это то, что всѣ называли его по англійски господиномъ или мистеръ и что въ какомъ бы отчаянномъ положеніи онъ ни былъ, никому и въ голову не приходило такъ, здорово живешь, говорить ему ты. И это нравилось не потому, чтобы онъ гонялся за чинами. Но здѣсь дома никто и не подозрѣваетъ, увѣрялъ онъ, какъ усиливается желаніе работать, когда не приходится опасаться, что ты отъ рожденія уже обреченъ пребывать въ низшемъ сословіи, откуда ни работа, ни способности не могутъ высвободить тебя, развѣ только въ очень рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Да и живутъ-то тамъ люди проще. Если двое хотятъ повѣнчаться, имъ стоитъ только сходить къ нотаріусу и подписать контрактъ и бракъ ихъ считается вполнѣ законнымъ. Если они потомъ не живутъ счастливо между собою, ничто не мѣшаетъ имъ опять разойтись. И это ничуть не служитъ поводомъ къ болѣе частымъ прелюбодѣйствамъ, какъ увѣряютъ люди. Вовсе нѣтъ. А если двое любятъ другъ друга, но средства не позволяютъ имъ свить свое гнѣздышко, они не принимаютъ выжидать, какъ это дѣлается у насъ, пока успѣетъ пройти и любовь и молодость, выжидать до тѣхъ поръ, пока средства позволятъ имъ зажить своимъ домкомъ, нѣтъ, тамъ люди женятся, если только есть самое необходимое, а потомъ уже сообща стараются свить гнѣздышко. Незамужнія женщины могутъ тамъ съ такимъ же успѣхомъ прокормиться, какъ и мужчины, и часто занятія ихъ совершенно одинаковы. Тамъ оба пола не составляютъ двухъ раз-

личныхъ кастъ, находящихся въ постоянномъ раздорѣ между собой: они воспитываются въ одной школѣ, учатся одному и тому же и прежде всего учатся звать и понимать другъ друга

— А религія? Что можно сказать о религіи?

Да объ этомъ никто никогда и не говоритъ; каждый держитъ при себѣ свое мнѣніе. Кануть познакомился тамъ съ массой людей, но онъ объ очень немногихъ могъ бы сказать, лютеране ли они, или методисты, или католики, вообще христіане ли они даже. Его же личное мнѣніе таково, что у большинства людей въ душѣ нѣтъ никакой опредѣленной религіи, что они только привыкли называть этимъ именемъ извѣстный рядъ чувствъ, по существу своему вовсе не сверхъестественныхъ.

Когда Кануть пересталъ говорить объ этомъ, онъ замѣтилъ, что Эмма разсматривала его большими, ясными глазами, точно желая изслѣдовать его до самой глубины его сердца. Ему хотѣлось спросить ее, что она думаетъ, но онъ такъ и не собрался, потому что, когда она глядѣла на него такимъ образомъ, у него было только одно отчетливое желаніе: встать со стула, подойти къ ней и погладить ее по волосамъ.

Потомъ они часто встрѣчались и постоянно опять возвращались къ тѣмъ же темамъ. Говорили про то, что онъ видалъ за моремъ и какъ онъ себя чувствуетъ здѣсь дома, среди, всѣхъ этихъ людей, большинство которыхъ такъ и умираетъ въ полной увѣренности, что міръ таковъ и есть, какимъ онъ имъ представляется.

Эмма испытывала такое чувство, точно она прежде жила въ избушкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ, гдѣ деревья заграждали ей весь видъ, и вдругъ кто-то пришелъ и сдѣлалъ просѣку, такъ что она сразу увидала клочокъ неба и волнующееся за лѣсомъ море. Около того мѣста, гдѣ она стояла, она едва-едва различала кое-что, но чѣмъ дальше переносились взоры ея, тѣмъ шире становилось поле зрѣнія, свободнѣе круглился синій сводъ небесъ, больше становилась поверхность плещущихъ волнъ и дальше заносились ея мысли, далеко, далеко за предѣлы плещущихъ волнъ и за высокія небеса.

Встрѣчались они все чаще и разговаривали обо всемъ и ни о чемъ. Потомъ она начала спрашивать, а онъ давалъ ей отвѣты на все, на что могъ отвѣтить. Медленно, тихо и прочно крѣпли ихъ отношенія, пока они, наконецъ, для нея не стали вмѣщать всего міра, всего того міра, о которомъ онъ говорилъ, стали той просѣкой, черезъ которую она глядѣла на все, воспринимала все и догадывалась обо всемъ—о небѣ, волнахъ, чужихъ краяхъ, о новой жизни и о новыхъ людяхъ.

Кануть въ это время много и усиленно думалъ, когда для него стало ясно, что онъ любитъ Эмму. Было одно обстоятельство, сильно

мучившее его, хотя онъ раньше и не предполагалъ, чтобы онъ сталъ такъ мучиться изъ-за этого. Мысли его все снова и снова возвращались къ тому, что существовалъ ребенокъ, имѣющій права называть его отцомъ, и что онъ, женись на Эммѣ, можетъ быть, помимо ея воли ставить ее на мѣсто, по праву первенства уже принадлежащее другой.

Не могъ онъ отказаться отъ своей любви къ Эммѣ. Когда его первая любовь была разбита, ему казалось, что ему безразлично, что бы не унесли съ собою житейскія волны. А потомъ, въ тотъ разъ, когда онъ пріѣхалъ домой и завелъ эту злополучную связь, которую онъ теперь почти-что забылъ, онъ тоже не очень-то много задумывался о подобныхъ вещахъ. Никто не научилъ его лучшему, а про себя онъ думалъ, что если только ребенокъ не будетъ нуждаться, то его ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Но теперь ему казалось, что однѣ деньги дѣла не поправятъ. Его иногда пронизывало какое-то злобщее, острое чувство вродѣ страха, дурное предчувствіе, что его прошедшее таитъ въ себѣ призракъ, могущій обратитъ въ бѣгство всѣхъ добрыхъ духовъ. А Эмма была такъ щепетильна въ такихъ вещахъ: она вѣдь ко всему относилась по-своему.

Но онъ сообщить ей все при первомъ же случаѣ; вѣдь рассказалъ же онъ ей столько другихъ эпизодовъ изъ своей жизни. Она узнаетъ объ этомъ раньше, чѣмъ онъ скажетъ ей что-либо иное. Она такъ непохожа на другихъ дѣвушекъ изъ ея сословія. Ни одна изъ другихъ знакомыхъ ему дѣвушекъ даже и вниманія-то не обратила-бы на это обстоятельство.

Онъ непремѣнно все скажетъ. Безъ обмана. Онъ, по крайней мѣрѣ, поступитъ честно и открыто.

Такъ дни шли за днями, пока сентябрь былъ уже на дворѣ и срокъ подходилъ уже къ концу. На зиму онъ опять долженъ былъ уѣхать. А слова все не шли съ языка, какъ только онъ собирался коснуться этого вопроса.

Подоспѣло послѣднее воскресенье въ августѣ мѣсяцѣ; день близился къ вечеру, и сумерки тихо и незамѣтно окутали море и землю. Эмма и Кануть шли по узкой дорожкѣ, ведущей мимо стѣнъ церкви къ морю. Кое-гдѣ одинокая пташка заливалась въ мелкихъ кустахъ, которые, словно отшельники, раскинулись по обширной, топкой равнинѣ, а нагѣво надъ небольшой трясиной бѣлесоватою вуалью висѣлъ холодный, влажный туманъ. Громкій стонъ моря гулко разносился отъ берега, къ которому они шли; они уже оставили за собой всѣ сельскія строенія, среди которыхъ высилась колокольная и гдѣ большія, четырехугольныя, обнесенныя изгородью мызы большими, темными пятнами выдѣлялись среди цѣлаго ряда маленькихъ низкихъ избушекъ.

— Можно взять тебя за руку?—спросилъ Кануть немного спустя, и звукъ его голоса сдѣлался какимъ-то необычайно густымъ.

Эмма безмолвно подала ему руку, и такъ они прошли еще немного. Она безъ умолку говорила, а онъ разсѣянно слушалъ, обдумывалъ то, что собирався сказать, и никакъ не могъ рѣшить, говорить ли. Было свѣжо и Эмма отняла свою руку, потому что она мерзла. Онъ опять взялъ ее, опустилъ ее въ карманъ своего кафтана и больше уже не выпускалъ.

Онъ былъ слегка раздраженъ; цѣлая масса чувствъ нахлынула на него; все было такъ богато, такъ прекрасно, такъ тепло и все же онъ не могъ отдѣлаться отъ тревоги, внушающей ему страхъ. Что-то связывало ему языкъ. Ему хотѣлось заставить замолчать Эмму, которая шла рядомъ съ нимъ мелкими, припрыгивающими шажками и открыто глядѣла ему въ лицо, болтая о разныхъ пустякахъ. Ему казалось необходимымъ ощутить въ себѣ окружающее въ природѣ безмолвіе, чтобы собраться съ мыслями. И въ то же время ему сдавалось, что они уже женихъ съ невѣстой, и онъ не могъ понять, чего это онъ такъ мучаетъ себя безъ причины.

Вдругъ онъ весь вздрогнулъ при словахъ Эммы:

— Взгляни-ка въ трясину. Взгляни-ка!

Голосъ ея звучалъ и мечтательно, и шутливо.

— Что-жъ тамъ такое?

— Тамъ я вижу своего жениха.

— Какъ же онъ выглядитъ?

Онъ отнялъ свою руку и весь поблѣднѣлъ.

Она засмѣялась.

— О, точь-въ-точь какъ всѣ другія ольхи.

Тогда онъ стиснулъ ей руку такъ крѣпко, что она испугалась.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

Она испуганно взглянула, но не отодвинулась отъ него.

— Да я ничего особеннаго не хочу сказать. Ну, какое же особенное тутъ можетъ быть значеніе?

— Ну, а если я скажу, что люблю тебя?

— Ахъ, Кануть!..

Говоря это, она была такъ красива, что ему захотѣлось поцѣловать ее, и какой-то тонъ въ ея голосѣ, какъ эхо, отозвался въ немъ самомъ.

Все тѣло его задрожало и немного спустя онъ спросилъ:

— Ну, что же ты отвѣтишь?

Она отвела глаза, но по всему лицу ея разлился какой-то мягкій свѣтъ, какого Кануть прежде никогда не замѣчалъ.

— Не теперь, не теперь, Кануть! Не теперь.

Онъ сталъ настойчивѣе.

— Не говори, что ты этого не знала. Ты не могла не замѣтить этого.

— Да, да! Но я не могу отвѣтить. Это слишкомъ неожиданно.

Черезъ нѣсколько дней. Дай срокъ подумать. Я не знаю, люблю-ли я тебя такъ, какъ хотѣлось бы.

Они повернули и пошли опять къ селу.

Кануть сталъ совсѣмъ спокоенъ. Всякая мысль о ребенкѣ покинула его. Онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ счастіи, что ему теперь казалось ничемъ перешагнуть черезъ все прошлое. Онъ отгонялъ отъ себя всякій помыслъ объ этомъ. Не стоило же заговаривать объ этомъ теперь, когда она еще даже и не дала опредѣленнаго отвѣта. Рука за руку они опять прошли мимо стѣнъ кладбища на большую дорогу и вплоть до высокихъ, черныхъ воротъ, ведущихъ во дворъ Ольсона. Вокругъ нихъ сумерки все сгущались. Тамъ и сямъ въ маленькихъ окнахъ зажигался блѣдный свѣтъ, издали мерцающій на темной, пустынной равнинѣ.

Эмма взяла его за руку раньше чѣмъ уйти домой, но никто изъ нихъ ни слова не говорилъ. Два дня спустя все село уже знало и Кануть также, что Эмма и онъ помолвлены и обвѣнчаются, какъ только пройдетъ зима и онъ вернется изъ Америки, чтобы взять ее.

Кануть часто думалъ, что Эмма все же знаетъ про него, хотя она никогда ничего не говорила. Вѣдь, рѣшительно все село знало объ этой связи. Но онъ ошибался. Эмма была такой человѣкъ, что ей, вообще, какъ-то неохотно рассказывали о томъ, что было дурно, и потому она рѣшительно ничего и не слыхала.

Но пока Кануть колебался, время все шло и приближался тотъ день, когда ему надо было вернуться назадъ въ портъ кораблестроенія, гдѣ онъ служилъ въ Нью-Йоркѣ. Наканунѣ отъѣзда онъ сидѣлъ у Ольсонъ и бесѣдовалъ съ Эммой. Онъ все еще ничего не сказалъ.

Онъ хотѣлъ было воспользоваться минутой, пока они одни, и уже нѣсколько разъ признаніе вертѣлось у него на языкѣ, по Эммѣ, видимо, такъ много надо было сказать ему, что ему жаль было прервать ее. Когда же онъ въ концѣ концовъ совсѣмъ было собрался привести покаяніе, вошла мадамъ Ольсонъ и помѣшала ему.

На слѣдующій затѣмъ день онъ уѣхалъ и для Эммы настала зима. Сначала придутъ осеннія бури и холоднымъ дыханіемъ своимъ обхватятъ голую равнину, потомъ морозы убьютъ всю зелень, а тамъ, куда ни взглянешь, повсюду земля побѣлѣетъ, и снѣгъ да вьюга почти не дадутъ имъ возможности выходить.

До весны еще далеко. Но она не горевала. Она навѣрно знала, что весна придетъ, а съ нею и Кануть. И онъ возьметъ ее съ собою и та полоска свѣта, которую онъ показалъ ей, расширится, такъ что она свободно и ясно увидитъ все вокругъ.

Она уѣдетъ съ нимъ. Прочь отсюда. Какъ странно и радостно думать объ этомъ.

Однажды она сидѣла дома одна. Тетка была на дворѣ и возилась

со скотиной. Изъ окна она глядѣла во дворъ, который, по эландскому обычаю, занималъ четырехугольникъ; въ глубинѣ его стоялъ жилой домъ, службы выходили на улицу, а ворота шли сквозь сѣвной сарай. Былъ ясный осенній день. Два поросенка нѣжились на солнышкѣ, переваривая пищу; нѣсколько печальныхъ утокъ старались обмакнуть свои крылья въ лужахъ около большого колодца, длинный шестъ котораго косо торчалъ кверху, а терпѣливые, выносливые гуси, успѣвшіе на сухой почвѣ эландской степи почти совсѣмъ отвыкнуть отъ потребности въ водѣ, громко гоготали и шлепали по лужамъ, вытягивая шею и усердно отыскивая въ землѣ пищу. Два годовалыхъ жеребенка пытались, насколько позволяло имъ мѣсто, сдѣлать нѣсколько жизнерадостныхъ прыжковъ и трясали гривами на своихъ нескладныхъ шеяхъ.

Эмма стояла у окна и глядѣла на все это; наконецъ, она устремила свой взглядъ на маленькій клочокъ голубого неба, виднѣвшійся надъ крышами строеній. Слезы навернулись на глаза ея, но она поспѣшно вытерла ихъ, такъ какъ ворота заскрипѣли и по двору къ кухонному крыльцу прошла какая-то старушка.

То было жена торпера, хорошо знакомая ей. Она взяла къ себѣ въ домъ свою старую больную мать, но, такъ какъ ей не хватало той ржи, которую она въ видѣ вспомошествованія получала отъ общины, она частенько приходила къ Ольсонъ и жаловалась на свое горе. И всегда она получала отъ нихъ помощь,—то картофеля, то хлѣба, то немного селедки, какъ придется.

Эмма знала, что мужъ ея теперь въ Стокгольмѣ на заработкахъ во время лѣтнихъ мѣсяцевъ. Старушка остановилась у дверей и поздоровалась съ тою смѣсью снисходительности и фамиллярности, что свойственна бѣднякамъ по отношенію къ тѣмъ, «кто только крестьянинъ».

Эмма ласково кивнула головой и спросила, не получила ли она извѣстій отъ мужа.

— Нѣтъ, я никакихъ вѣстей не получала. Онъ не писалъ и денегъ тоже не высылалъ.

— Войдите и присядьте. Нѣтъ, не стойте тамъ у дверей. Такъ онъ ничего не присылалъ?

— Нѣтъ, вотъ уже 14 дней прошло съ того срока, когда онъ обыкновенно посылаетъ, а онъ еще ни словечка не далъ о себѣ знать. У насъ въ домѣ ровно ничего нѣтъ, да кромѣ того еще и не знаешь, что съ нимъ могло случиться.

Она присѣла на деревянный диванъ и глядѣла прямо передъ собой усталыми, грустными глазами; потомъ она вздохнула и поправила волосы подъ головнымъ уборомъ.

— О, навѣрно, съ нимъ ничего не случилось. Онъ тогда написалъ-бы. Какъ поживаетъ бабушка? Съ нею трудно теперь будетъ.

— Да, конечно, трудно будетъ. Онъ всегда былъ такъ удивительно ласковъ къ ней. Онъ даже ни слова не сказалъ, что пришла къ намъ

въ домъ старушка-мать, которую надо кормить и нянчить. Подумайте, въ послѣднемъ своемъ письмѣ онъ просилъ меня узнать, нѣтъ ли чего-нибудь такого, чего бы ей очень ужъ хотѣлось, и велѣлъ мнѣ достать ей это. Всякъ знаетъ, каковы другіе. Но ей всего только и захотѣлось немного шафранной булки къ кофе, что я и купила ей.

Эмма, стала собирать старушкѣ кое-что: хлѣбъ, молоко и даже кусокъ окорока. Разсказъ о томъ, какъ ласково человѣкъ этотъ относился къ своей тещѣ, тронулъ ее. Въ деревнѣ чрезвычайно рѣдко хорошо относятся къ тому, кто получаетъ вспомошествованіе отъ общества призрѣнія о бѣдныхъ, безразлично, кѣмъ бы данное лицо ни приходилось — тещей ли, или чужой.

Затѣмъ она взяла кофейникъ, стоявшій на плитѣ, и налила ей чашку кофе.

— Выпейте глоточекъ кофе, матушка.

Жена торпера для виду нѣсколько разъ слабо отпѣкивалась, но по ея манерѣ ѣсть видно было, что она отнюдь не относилась къ этой трапезѣ единственно только какъ къ угощенію. Она ѣла медленно и сначала молча. Потомъ она сказала:

— Да, Эмма собирается замужъ къ веснѣ. Да еще за такого молодца. Теперь, пооди, скучно, когда жениха нѣтъ?

— О, эти мѣсяца скоро пройдутъ.

— Ну, да, что и говорить. Вотъ она ни при чемъ и осталась. дѣвушка въ Голью, хоть и болтала много про то, что она выйдетъ за Канута Блюмквиста, или за Блюма, какъ его теперь стали называть. Такъ ей и надо. Кто отдастся мужичиѣ, тотъ и сиди потомъ со стыдомъ.

— Про кого вы говорите, матушка? — спросила Эмма низкимъ голосомъ.

Видъ ея былъ спокоенъ, но вся комната заплясала у ней передъ глазами: печка, часы, столъ и женщина, сидящая за нимъ. Свѣтъ, что проходилъ въ окно, казался ей чернымъ.

— Ну да, извѣстное дѣло про ту, съ которой у него мальчишка. Она всегда гонялась за парнями, а что мужчина можетъ получить, отъ того онъ никогда не отказывается: это всякъ знаетъ.

Эмма почувствовала въ груди жгучую пустоту какъ разъ въ томъ же мѣстѣ, которое прежде всегда дрожало отъ радости при мысляхъ о Канутѣ. Какъ во снѣ она сложила всѣ съѣстные припасы, предназначенные старушкѣ. Все, до чего она дотрагивалась или что видѣла передъ глазами, причиняло ей боль, точно все это находилось въ какой-то невидимой связи съ тѣмъ большимъ горемъ, что такъ внезапно нахлынуло на нее. Когда она прощалась съ женщиной, что-то въ ея глазахъ заставило старушку вздрогнуть.

— Ахти, Господи, не наговорила-ли я чего лишняго!

Эмма не шевельнулась.

— Нѣтъ, ничуть...

Она крѣпко заперла дверь и, обхвативъ голову обѣими руками и чувствуя непреодолимое дикое желаніе испытать чисто физическую боль, она беспомощно стукнулась объ стѣну, и мучительное рыданіе безъ слезъ потрясло всѣ ея члены. Она корчилась, какъ въ судорогахъ, стонала отъ боли, стискивала руки такъ, что косточки трещали и, наконецъ, изъ груди ея вырвался громкій, острый крикъ, который испугалъ ее самое. Ей показалось, что закричалъ кто-то другой. Она вскочила въ ужасѣ, оглянулась, ей показалось, что она не одна, и отъ страха морозъ пробѣжалъ по кожѣ, такъ что зубы во рту застучали.

— Ну да, извѣстное дѣло, про ту, съ которой у него мальчишка.

Она схватила шаль, закуталась въ нее и бросилась вонъ. Она шла быстрыми шагами, а въ мозгу ея что-то стучало, точно вся голова собиралась лопнуть; шла, не глядя куда, все впередъ по дорогѣ, которая длинной, изломанной линіей тянется по восточной сторонѣ острова. Она опомнилась, стоя передъ движущейся вѣтряной мельницей. Большія крылья медленно, мучительно однообразно описывали въ воздухѣ большую окружность. Она не могла понять, почему она такъ уставилась на нее. Машинально глаза ея слѣдили то за однимъ, то за другимъ крыломъ. Вотъ оно высоко въ воздухѣ, вотъ медленно поворачиваетъ книзу, а вотъ уже чуть-чуть не касается земли.

Она вздрогнула и пошла далѣе. Жгучая пустота опять вернулась, а съ нею страшное чувство одиночества. Она оглянулась и побѣжала, какъ, бывало, въ дѣтствѣ еще ребенкомъ бѣгала въ темнотѣ, сама не зная, чего боится. Такъ она все бѣжала впередъ, едва переводя духъ, такъ что сердце стучало и слезы готовы были брызнуть изъ глазъ. Она свернула съ дороги и побѣжала прямо по сухой пустынной степи, все бѣжала, не останавливаясь. А страшный испугъ все не покидалъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, кто-то преслѣдуетъ ее. О Боже, Боже! Зачѣмъ она одна бѣжитъ въ темнотѣ по тусклой пустой степи, простирающейся на много, много миль кругомъ? Она зябла, хотя на лбу выступили капли пота. Она опять вскрикнула. Ей казалось, что чьи-то сильныя руки сзади пригнули ее къ землѣ, и, падая въ изнеможеніи, она залилась горькими слезами. Затѣмъ она почувствовала новый притокъ воздуха, почувствовала, что она, наконецъ, опять можетъ свободно вздохнуть, и долго, долго плакала такъ, прижавшись горячимъ лицомъ къ холодной землѣ.

На другой день Эмма одна тихонько вошла въ избу. Она подошла къ старому желтому комоду, открыла ларь и вынула оттуда перо и чернила. Потомъ она хотѣла писать, но все тѣло ея такъ сильно задрожало, что она должна была отложить перо въ сторону. Она перевела духъ и, немного спустя, опять взялась за бумагу, положила ее передъ собою и медленно написала большими холодными буквами:

«Тяжело писать тебѣ объ этомъ. Но теперь все кончено между нами. Ты самъ знаешь, что ты обманулъ меня и что другая имѣетъ на тебя право. Не возвращайся,—это ни къ чему не приведетъ. Можетъ быть, я могла бы простить тебѣ, но та великая любовь, что я питала къ тебѣ, исчезла и никогда уже не вернется, что бы я ни думала.

«Какъ могъ ты молчать, Кануть? Молчать до тѣхъ поръ, пока стало уже поздно. Никогда я не отдала бы тебѣ своего сердца, еслибъ я знала, что я этимъ причиняю несчастье другой.

«Прощай навѣкъ! опять остаюсь я здѣсь одна. Впрочемъ, нѣтъ ужъ для меня иной судьбы въ этомъ мірѣ.

Эмма».

Она сложила письмо, написала адресъ, пошла въ маленькую почтовую контору и отдала его. Но, возвращаясь, она на мгновеніе остановилась взглянуть на море, покрытое тяжелымъ осеннимъ туманомъ. Вздрогнувъ, она вытащила засовъ у воротъ, вошла и закрыла ихъ за собой. При этомъ раздался глухой звукъ, и съ чувствомъ безнадёжнаго отвращенія ко всему она вернулась къ своимъ дѣламъ по хозяйству.

И это чувство не мѣнялось. Оно гнетомъ лежало на душѣ, какъ сѣрый туманъ надъ моремъ. Черезъ пять недѣль пришло письмо изъ Америки къ дѣвицѣ Эммѣ Персонъ. Письмо было отъ Канута.

Эмма цѣлый день продержала письмо нераспечатаннымъ въ карманѣ. Вечеромъ она взяла съ собой фонарь и пошла на чердакъ. Тамъ она усѣлась на балку и распечатала письмо.

Когда она успокоилась настолько, что могла различать буквы, она прочла слѣдующія строки, написанныя яснымъ, бѣглымъ почеркомъ, почти такъ же хорошо, какъ писалъ учитель:

«Я знаю, что у меня нѣтъ права защищаться передъ тобой, но я скажу тебѣ только одно, а именно, что я раньше каждый день собирался сказать тебѣ это. И если я ничего не сказалъ, когда сватался, такъ это оттого только, что любовь моя къ тебѣ была такъ велика, что я тогда позабылъ рѣшительно обо всемъ. А потомъ я каждый день откладывалъ это объясненіе, пока стало уже поздно. Послѣдній вечеръ я собрался было признаться тебѣ во всемъ, но вошла твоя тетка, и я такъ ничего и не сказалъ. Не хочу говорить въ свою защиту, что много, много другихъ поступало точно такъ же, какъ я. Но если ты меня любишь, ты такъ же не имѣешь права говорить такъ. Счастье не часто встрѣчается въ жизни и я всегда думалъ, что если любишь другъ друга, такъ не затѣмъ, чтобы мучить другъ друга, а чтобы создать взаимное счастье. И если я даже провинился передъ тобой, ты не имѣешь права, слышишь, не имѣешь права отталкивать меня, коль скоро я сознаюсь въ своей винѣ.

«Неужели же ты думаешь, что я чувствовалъ себя счастливымъ, зная то, что ты теперь знаешь, и думая цѣлыми днями все о томъ же?»

Но мы, вѣдь, встрѣчались всего только недѣлю и я сталъ думать, что потомъ всегда можно будетъ написать тебѣ объ этомъ. Я думалъ, что если любовь твоя такова, какъ ты говорила, то чувство твое не уменьшится, если ты узнаешь, что на моей совѣсти вина. Если бы я не былъ такъ увѣренъ въ твоей любви, я раньше бы навелъ справки; но я объ этомъ никогда и не думалъ, ибо я знаю, что, если человѣкъ *не дурной* сдѣлалъ что-либо дурное, онъ особенно сильно нуждается въ поддержкѣ другого. И теперь я прошу тебя, Эмма, хоть письмо твое и было такъ сурово, подумай объ этомъ еще разъ и помни, что если я провинился передъ тобою, такъ вѣдь это можно еще поправить. Но если ты оттолкнешь меня, такъ *этого* уже никогда не поправишь.

«И никакъ я не могу повѣрить, что ты останешься при томъ, что писала. Вѣдь, ты сдѣлала бы насъ обоихъ несчастными на всю жизнь.

«Я думаю о тебѣ постоянно и днемъ, и ночью, и остаюсь твоимъ другомъ

Капутомъ Блюмомъ».

Эмма уронила письмо на колѣви и молча оглянулась. Огонь въ фонарѣ вспыхивалъ отъ сквозняка и бросалъ слабый, дрожащій свѣтъ на сучковатый полъ, подъ строила потолка, вверхъ подъ черепицы кровли, на сундуки, старыя одежды, на разобранный ткацкій станокъ, стоящій въ одномъ углу, и внизъ на лѣстницу съ узкими, покатыми ступеньками.

Она отрицательно покачала головой и маленькія губы ея плотно сжались. Первое чувство испуга исчезло давнымъ давно и уступило мѣсто, или вѣрнѣе, пожалуй, переродилось въ другое. Ей было совершенно ясно, хотя она не въ состояніи была бы сказать почему, что она *не можетъ* принадлежать Капу. Она отдалась ему въ той увѣренности, что она для него не только есть, но и была постоянно единственной женщиной въ мірѣ. Что касается до его юношеской любви къ теткѣ, такъ она въ мысляхъ своихъ какъ-то бессознательно все умаляла и умаляла это чувство, пока оно, наконецъ, не стало казаться ей мимолетнымъ увлеченіемъ, которое не могло даже претендовать на имя любви. Она въ своихъ мысляхъ совершенно отодвинула эту связь, такъ что никогда не видала ея такой, какой она была въ дѣйствительности, но съ чисто женскою непослѣдовательностью ей и въ голову не приходило отнестись такимъ же образомъ къ той, другой, къ ней, которую онъ и вправду никогда не любилъ, и съ которою только въ силу плотскаго влеченія прижилъ ребенка. Она вообразила, что и онъ, такъ же, какъ и она, прожилъ жизнь съ заранѣе уже созданнымъ образомъ того, кого онъ полюбитъ, и съ извѣстною гордостью она себя увѣрила, что въ теткѣ ея онъ любилъ только то, въ чемъ она сама на нее походила. Когда онъ потомъ встрѣтился съ нею самой, она для него стала единственной и больше уже ни одной жен-

пины для него не существовало. Его любовь была точно вѣками накопленное сокровище, которое онъ подарилъ ей, и она была счастлива.

А теперь?! Нѣтъ!.. Она не могла снова увидѣть его. Та картина счастья, до которой она домечталась, сидя длинными, теплыми лѣтними вечерами передъ окномъ, глядя на богатую красками однообразную степь съ полями, засѣянными пшеницей, съ сухою травою, со скорченными кустарникомъ и верескомъ, съ высокими вѣтрянными мельницами, стоящими въ рядъ, и засматриваясь на безбрежное синее море, свободно и вольно, шумѣвшее вокругъ; то счастье, до котораго она додумалась, сидя зимнимъ вечеромъ одна одинешенька въ избѣ, уставясь глазами въ огонь на очагѣ и прислушиваясь къ завыванію вьюги въ трубѣ— эта картина такъ вѣлась ей въ душу, что она не могла уже вообразить иного счастья. Она никогда не повѣритъ въ другое счастье. Никогда. Она могла обойтись вовсе безъ него, но если ей суждено получить счастье, она хотѣла владѣть имъ сполна.

Послѣ этого она не могла любить Канута.

Она обдумывала это съ мучительною точностью, терзавшею ей грудь. Пройдутъ дни и годы, и горе убьетъ ее. Но она не можетъ дать ему иного отвѣта.

Она вошла къ себѣ и машинально легла съ письмомъ подъ подушкой. Она лежала въ комнатѣ на чердакѣ и одна изъ служанокъ, которая спала съ нею въ одной комнатѣ, уже громко и ровно всхрапывала. Эмма не могла спать. Она нетерпѣливо вертѣлась на кровати и холодный потъ покрылъ всѣ ея члены. Она встала и босыми ногами принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, пока все тѣло ея не стало мерзнуть. Тогда она закуталась въ шаль, взяла въ руки свѣчу и тихо стала спускаться по лѣстницѣ.

Внизу въ избѣ никто не спалъ. Она сняла ключъ, который лежалъ надъ дверною рамою, тихо перевернула его въ замкѣ и вошла.

Затѣмъ она вынула почтовую бумагу, положила ее на столъ и написала.

«Лучше пусть все останется такъ, какъ есть. Я не могу отвѣтить иначе. Между нами все кончено, и теперь прощай.

Эмма».

Затѣмъ она запечатала письмо, написала адресъ, взяла его съ собой и со свѣчою въ рукѣ отправилась той же дорогой.

Никто не слышалъ ея и, очутившись снова въ кровати, она тяжело заснула и увидала во снѣ, что какія-то невидимыя руки уносятъ ее по воздуху куда-то далеко, далеко за горы и лѣса. Она содрогнулась отъ ужаса и притаила дыханіе; вдругъ она почувствовала себя безъ опоры, упала и, дрожа отъ страха, съ крикомъ проснулась.

Разсвѣло. Другая дѣвушка только что встала.

— Что случилось?

— Мнѣ только приснилось что-то.

Она опять закрыла глаза и вся съежилась въ постели. Она боялась безконечнаго рабочаго дня, за которымъ ей не предвидѣлось ни единаго часа праздничнаго отдыха.

Псаломъ прозвучалъ, священникъ стоялъ передъ алтаремъ и сухимъ, однообразнымъ голосомъ читалъ слова текста:

„Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ; возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко».

Эмма сидѣла на одной изъ скамеекъ, посрединѣ, рядомъ съ теткой и слушала слова священника. Прежде случалось, что она, сидя въ церкви, раздумывала о постороннемъ, а послѣ знакомства съ Канутомъ какія-то странныя мысли всегда бродили у нея въ головѣ, когда она была тамъ. Ей казалось, что ей не надо всего этого, чтобы прожить свою жизнь и умереть въ положенный часъ своею смертью. Иногда она оставалась дома, такъ какъ ничего ей не надо было, пока она была счастлива.

Но сегодня она воспринимала все иначе. Съ какимъ-то горькимъ сладострастіемъ она упивалась каждымъ словомъ священника про то иго, что налагается жизнью на каждого человѣка.

«Ибо всѣ вы знаете, слушатели мои, вы знаете изъ ежедневнаго и ежечаснаго опыта, что тотъ міръ, въ которомъ мы всѣ въ грѣхѣхъ рождаемся, гдѣ жизнь проводимъ въ грѣхахъ, и отъ котораго мы всею душою и всѣми силами должны отрѣшиться, этотъ міръ—вовсе не храмъ радости. Это юдоль печали. Не даромъ же священное писаніе примѣняетъ это выраженіе. Но, слушатели мои, иго бываетъ двухъ родовъ. Ибо всѣ мы рабы подъ игомъ. Но одно иго отъ міра сего, и про тѣхъ, кто служитъ міру, про тѣхъ Господь отнюдь и не говоритъ, что иго ихъ благо и бремя ихъ легко. Ибо имъ уготовано то мѣсто, гдѣ плачь не умолкаетъ и огонь не угасаетъ.

«Но, друзья мои, есть и другое иго, и отъ того, кто добровольно возьметъ его на себя, отнимется то иго, что отъ міра сего. И онъ будетъ свободенъ. Ибо то иго, которое онъ несетъ на себѣ, взято имъ по доброй волѣ и иго сіе отъ Господа нашего, Иисуса Христа. Про это-то иго Господь и говоритъ: Иго Мое благо и бремя Мое легко».

Слова проникали ей въ душу, какъ хлѣбныя зерна въ только что вспаханную, плодородную землю. Развѣ не иго она взяла на себя? Но было ли то иго Христа, о которомъ говорилъ священникъ? Развѣ же это не самое горькое, самое тяжелое изъ всего пережитаго ею?

Съ напряженнымъ вниманіемъ она слушала дальше.

А священникъ говорилъ о небѣ. «Почему же иго Христа благо, а бремя Его легко? Прежде всего потому, что это это иго Христа, что иго это возлагается на наши плечи Его кроткою рукою. Но благимъ и

легкимъ оно всегда было и будетъ потому уже, что муки, вынесенныя нами здѣсь, ничто въ сравненіи съ радостью, ожидающей насъ въ послѣдствіи тамъ, на небѣ. Упираясь, какъ дѣти, противъ воли отца, мы, можетъ быть ропщемъ на это иго и въ безуміи своемъ жалуемся на страданія, которыя, однако, ничтожны, ибо они открываютъ намъ доступъ въ блаженную страну, гдѣ исчезаетъ всякое горе и умолкаютъ всѣ жалобы при звукахъ арфы вѣчной радости. Блаженны тѣ, кто не устаетъ, блаженны тѣ, кто съ покорностью и со смиреніемъ несетъ не иго міра сего, а то иго, которое возложено на него Господомъ. Блаженны тѣ, кого Господь застанетъ бодрствующимъ, когда придетъ. Блаженны во вѣки. Аминь».

Вздохъ облегченія пронесся по всему приходу, послышался шумъ отъ всѣхъ этихъ людей, которые теперь ради удобства разомъ перемѣнили мѣсто, звуки прочищаемыхъ носовъ и не громкихъ перешептываній. Тамъ и сямъ виднѣлось лицо, украдкой выглядывавшее изъ-за носового платка или руки и разсматривавшее съ любопытствомъ всю эту массу наклоненныхъ головъ. А сверху, съ кафедры, опять раздался голосъ священника, глухой, сухой, измѣненный и равнодушный, такъ что его съ трудомъ можно было узнать.

— Славимъ Тя, Господи, и благословляемъ во вѣки вѣковъ.

Благодарственные слова эти были произнесены такимъ тономъ точно всѣ обрадовались, что дошли, наконецъ, и до этого. Но для Эммы все то, что говорилось потомъ, о Словѣ и о Святыхъ Таинствахъ, о королѣ и о родственникахъ королевскаго дома, о государственномъ управленіи и о Божьемъ Промыслѣ, формула обрученія, объ усопшихъ по волѣ Божьей, «Отче нашъ», псаломъ и «Благослови насъ, Господи»,— все это для нея не имѣло никакого значенія.

Всею силою души она уцѣпилась за одну мысль: было-ли то иго, что она взяла на себя, отъ Бога или же нѣтъ? И съ чувствомъ какого-то оцѣпняющаго мира она дала мыслямъ своимъ успокоиться въ сознаніи, что она затѣмъ и родилась на свѣтъ, чтобы страдать, и что придетъ время, когда и для нея откроются врата рая, и она вкуситъ блаженство, вѣчное блаженство. Она въ какой-то полудремотѣ съ легкимъ содроганіемъ все снова и снова повторяла это слово. И въ мысляхъ ея возстало все ея однообразное дѣтство, надежда на достиженіе того счастья, которое она теперь съ мучительнымъ самообладаніемъ силилась называть счастьемъ міра сего, ей грезилось пустынная степь, гдѣ она лежала въ слезахъ въ тотъ первый, ужасный вечеръ, рисовалась безотрадная жизнь, ожидающая ее въ будущемъ, гдѣ ни единый день радости уже не смѣнитъ вѣчные будни, и, желая, чтобы звуки органа убаюкали ее, она закрывала глаза и слышала, какъ таяли тревожные крики сердца о счастьѣ въ мечтѣ о какомъ-то неопредѣленномъ блаженствѣ, сіявшемъ передъ нею такъ

же, какъ красноватые отблески заката дрожать на короткой травѣ и на густомъ верескѣ однообразной степи.

Когда служба кончилась, она пошла за теткой домой, помогла ей во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ и, когда настала вечерь, она заснула, уставъ работать, уставъ думать и безсознательно радуясь, что она нашла, наконецъ, хоть слабый свѣтъ въ темнотѣ, лишенной яснаго дневнаго солнца.

Тетка, какъ и всѣ другіе, конечно, отлично знала о прошломъ романѣ Канута и, будь Эмма въ этомъ случаѣ похожа на другихъ дѣвушекъ ея среды, она давнымъ давно коснулась бы этого вопроса и постаралась-бы уговорить ее. Она про себя думала, что прошлаго уже не воротить, что измѣнить случившееся невозможно, а если дѣвушка не хочетъ любить его такимъ, каковъ онъ есть, такъ и не надо. Не требовать же, чтобы весь міръ вдругъ наполнился мужчинами—ангелами въ угоду какой-то дѣвчонкѣ. Но такъ какъ она знала про пришедшее изъ Америки письмо и послѣ того ни разу не видала дѣвушки веселой и не слышала отъ нея ни единого лишняго слова, кромѣ самаго необходимаго, ея честное и благоразумное сердце крестьянки распалилось гнѣвомъ, и въ одинъ прекрасный день она обратилась вдругъ къ Эммѣ съ вопросомъ, что съ ней такое случилось.

Тетка была маленькая и тщедушная и у ней были крошечные, сѣрые, умные глазки, которые, когда слѣдовало, зорко умѣли все подмѣтить. Теперь же все ея маленькое тѣло возмутилось.

— Что съ тобой приключилось такое, дитя? Скажи-же, ради Бога, что съ тобой попричилось? Виданное-ли дѣло ходить изо дня въ день и вѣшать носъ, какъ ты?

Эмма ничего не отвѣтила, а вмѣсто этого только усѣлась какъ можно дальше отъ тетки.

— Что съ тобой приключилось такое, дитя? Бѣда что-ли какая-нибудь случилась?

— Бѣда тутъ какъ тутъ, когда ее меньше всего ожидаешь.

— Чтонибудь съ Канутомъ? Ужъ не захворалъ-ли онъ? Ты ни слова не говорила объ этомъ.

Эмма подняла глаза.

— Да, пожалуй, лучше за одно ужъ сказать вамъ, тетя. Между нами все кончено, и этого ужъ никогда не поправить.

Мадамъ Ольсонъ замѣтила, что ей надо сначала дѣйствовать осмотрительно. Тутъ строгостью ничего не подѣлаешь.

— Ты, надо полагать, услышала что-нибудь про ребенка и про все это,—сказала она немного низкимъ, но спокойнымъ голосомъ.

Эмма кивнула.

— Не говорите объ этомъ,—запальчиво сказала она,—я все знаю. Мнѣ не втерпѣжъ больше думать объ этомъ.

«Миръ вои», № 9, сентябрь. отд. 1.

Но тутъ мадамъ Ольсонъ тоже всплыла, она съ такой силой пвырнула ложку, бывшую у ней въ рукѣ, на столъ, что по всему дому раздавался грохотъ.

— Какое тебѣ до этого дѣло?—начала она.—Да, еслибъ это случилось послѣ, тогда, пожалуй, было-бы хоть съ чѣмъ нибудь сообразно. А теперь, когда прошло уже столько лѣтъ и эта старая исторія уже давнымъ давно забыта, тебѣ вдругъ пришло въ голову раздуть такую исторію, точно онъ ни вѣсть Богъ какое зло натворилъ. Ты, я полагаю, стала такъ привередлива оттого, что ты всегда дѣлала, что хотѣла, и сладу съ тобой не было, когда ты, бывало, вобъешь себѣ что-нибудь въ голову. Но теперь конецъ этому, ручаюсь. Неужели-же ты думаешь, что и берусь сказать Ольсону, что ты надумала поступить, какъ шальная, теперь, когда явилась возможность такъ честно и хорошо пристроить тебя? Мнѣ-то и говорить это, когда я же и уговорила его взять тебя въ домъ и дать тебѣ волю, точно ты была намъ родное дитя. Нѣтъ, чортъ возьми, конецъ этому и въ этотъ разъ не быть по твоему! Неужто ты думаешь, что всегда получаешь того, кого хочется? Нѣтъ, сунься да попробуй, такъ увидишь. Ну, да и такъ проживешь, хотя въ молодости и не вѣрится этому. Но, если ужъ выпадаетъ такое счастье, что, дѣйствительно, получаешь того, кого любишь, такъ надо быть безумной, чтобы вести себя такъ, какъ ты теперь. Что ты, собственно говоря, намѣрена дѣлать? Не собираешься ли остаться у насъ на хлѣбахъ, пока сдѣлаешься старой бабой?

Эмма встала.

— Я не сдѣлаю вамъ никакого ущерба или неприятности. Я могу пойти на мѣсто.

— Пххх..! Пойдешь на мѣсто? Уши вянутъ слушать. Чтобъ люди стали говорить, что мы даже и прокормить-то тебя не могли! Ужъ не носи ты лучше вздора. Вѣдь, ты, кажись, не дочь какого-нибудь торпера.

Но тутъ у Эммы развязался языкъ и она высказалась объ этомъ вопросѣ такъ спокойно, такъ холодно, такъ сурово, такъ неумолимо, что тетка почти испугалась. Она говорила, что она не могла сама себя приневодить, и никто во всемъ мірѣ не въ состояніи будетъ это сдѣлать. Она отлично знала, что тетка для нея сдѣлала и этого она никогда не забудетъ. Но она также знала, что въ этомъ дѣлѣ она сама себѣ госпожа и, если они прибѣгнутъ къ насилію, такъ лучше ей сразу уйти отъ нихъ, а если они ее запрутъ, такъ можно, вѣдь, отказаться передъ алтаремъ. Да и, впрочемъ, каковъ бы тамъ ни былъ Кануть, а не такой онъ человекъ, чтобы силкомъ взять за себя дѣвushку.

Съ этими словами Эмма вышла изъ комнаты, и онѣ больше не заводили разговора на эту тему.

А тетка подумала немного, ей пришло было на умъ, каково ей са-

мой приходилось все изъ-за того же парня. Но потомъ она въ негодованіи стиснула зубы, вспомнивъ о всѣхъ толкахъ, которые теперь пойдутъ по селу. И ей стало досадно, когда она подумала, сколько они уже истратили на дѣвушку и что, пожалуй, и дѣлали-то они это зря и что останется она теперь при нихъ въ старыхъ дѣвкахъ.

Миновало полгода, и по селу пошелъ слухъ, что Эмма выходитъ замужъ за сына богатаго Ларса Эрсона, Иоанна Эрсона, и что старикъ на старости лѣтъ будетъ находиться на иждивеніи у дѣтей. Никто не могъ бы сказать, какъ все это случилось. Нѣкоторые говорили, что она, очевидно, польстилась на то, что станетъ богатой хозяйкой, нѣкоторые, что тетка приневолила ее, а еще нѣкоторые (но немного было тѣхъ, кто такъ говорилъ), что она рѣшилась на это съ горя, такъ какъ для нея теперь стало безразлично, что станется съ нею, разъ ужъ не судьба ей была получить того, кого она когда-то любила.

И, наконецъ, нашлись немногіе, которые утверждали, что всѣ эти причины вкупѣ и воздѣйствовали на нее.

Достоверно то, что Эмма была уже не такой, какъ раньше. У нея прежде была кроткая, спокойная улыбка, которая совсѣмъ исчезла. Когда она теперь улыбалась, выраженіе рта ея было какое-то суровое и въ улыбкѣ ея сквозила насмѣшка. Ей не часто уже случалось смотрѣть на людей такъ привѣтливо и хорошо, какъ прежде, и она совсѣмъ ушла въ себя. И ходила-то она не прежней легкой и увѣренною поступью.

Нѣтъ, она сильно измѣнилась.

Особенно упорно она даже и не сопротивлялась, когда тетка предложила ей взять его, Иоанна Эрсона. Сначала она только головой покачала и сказала нѣтъ. Но тогда мадамъ Ольсонъ принялась говорить, и много, и пространно толковала о томъ, что когда-нибудь да надо же выйти замужъ, потому что внѣ брака нѣтъ настоящаго счастья, что если получишь хорошаго мужа и будешь хозяйкой въ богатомъ домѣ, такъ не на что будетъ жаловаться, что Иоаннъ Эрсонъ такой человѣкъ, что лучшаго и пожелать невозможно и что, если она долго будетъ артачиться и браковать все, что ей предлагаютъ, она, пожалуй, и останется въ дѣвкахъ на всю жизнь. Конечно, говорили про Иоанна, что онъ скупъ и суровъ со своими людьми. Но, вѣдь, говорили такъ много, а вѣрить нельзя и половинѣ того, что говорятъ. Иначе ловко обойдутъ тебя люди, да впрочемъ, нѣтъ, вѣдь человѣка безъ недостатковъ.

И какъ-то случилось, что Эмма приняла въ концѣ концовъ предложеніе. Но потомъ ее вгоняло и въ потъ и въ дрожь, и она выговорила себѣ право не видѣть его до свадьбы. Свадьбу рѣшили справить весною.

О Иоаннѣ Эрсонѣ многое можно было сказать. Люди говорили, что

*

съ азбукой онъ нѣсколько знакомъ, но что «Отче Нашъ» онъ вовсе не знаетъ, много носилось всевозможныхъ слуховъ о томъ, какъ онъ соблазнялъ дѣвушекъ, забивалъ животныхъ до полусмерти, и какъ скупю онъ отмѣрялъ рожь для вспомошествованія бѣднымъ, когда ему приходилось этимъ заниматься. Какіе-то люди утверждали, что онъ по истеченіи срока аренды велѣлъ снести ихъ избушку и выгналъ ихъ изъ дому, такъ что жена арендатора, лежавшая въ родахъ, принуждена была родить на улицѣ. А бѣдняки еще добавляли, что крестьянинъ для бѣдныхъ все равно, что волкъ. Если онъ можетъ съ нихъ что-нибудь собрать, такъ не задумается. Никто и не повѣритъ, какіе они могутъ быть изверги.

Фактъ оставался на лицо, что окрестные жители терпѣть не могли Іоанна Эрсона. Онъ былъ не глупый человѣкъ, но жестокъ и ладить съ нимъ было не легко. Къ счастью, онъ не пилъ. И тутъ люди говорили, что потому только онъ и не пьетъ, что душа не лежитъ къ веселью.

Но какъ бы то ни было, а онъ собрался жениться на Эммѣ Персонъ, она приняла его предложеніе, и, въ одно прекрасное утро, онъ съ поѣзжанами прикатилъ изъ сосѣдняго села, гдѣ жилъ, чтобы справить свою свадьбу у Ольсоновъ, которые замѣняли Эммѣ родителей и сами хотѣли сыграть свадьбу.

Пили и ѣли, невѣста вышла въ коронѣ и въ вѣнчѣ изъ миртъ, а бѣлая фата была слегка прикрѣплена къ гладко и туго собраннымъ волосамъ. Глаза ея что-то покраснѣли, и лицо было блѣдное, но это не имѣло значенія. Невѣсты почти всегда такія, говорила мадамъ Ольсонъ, а кому же и знать, какъ не ей, опытному и старому человѣку. Ужъ красива-то невѣста была несомнѣнно—это вѣрно, широка въ бедрахъ и тонка въ талии, со здоровой и пышной грудью и съ маленькими, необыкновенно маленькими ножками, спрятанными въ изящныхъ городскихъ ботинкахъ изъ лакированной кожи и на резинкахъ. Женихъ засматривался на нее и сказалъ кому-то изъ близъ стоящихъ острогу, при чемъ его плутоватые глазки сверкнули, а ротъ раздвинулся широкой улыбкой.

И двинулся поѣздъ вверхъ по церковному пригорку въ церковь, а колокола гудѣли и заунывные звуки органа далеко разносились подъ церковные своды. Когда женихъ у алтаря взялъ руку невѣсты, она вздрогнула, какъ отъ удара. А когда она сказала «да», она произнесла это слово съ такимъ взглядомъ, что священникъ опустилъ глаза, точно устыдившись, что вѣнчаетъ ихъ. Но она держалась прямо и гордо, и всякъ въ церкви могъ ясно слышать, какъ она отвѣтила «да». Не могло быть сомнѣнія въ томъ, повѣнчала ли она, потомъ благословили ихъ, молодая чета наклонила головы, старушки плакали, а старички откашливались. А когда кончился псаломъ, всѣ ушли опять домой, и тамъ задали большой пиръ, который длился

до ночи. Подъ вечеръ завели хороводъ и сняли съ нея корону, и корона эта досталась Стинѣ изъ Вестергорда, той дѣвушкѣ, что была такъ весела и всю жизнь носилась, какъ ураганъ, такъ бывало во время конфирмаціи, такъ было и теперь, когда она играла въ любовь съ парнями. Когда корону сняли, Іоаннъ взялъ свою невѣсту и посадилъ ее въ экипажъ. Онъ выпилъ и водки и вина, онъ былъ веселъ и пѣлъ.

Такъ они и уѣхали со двора, всѣ проводили ихъ крикомъ ура, Калле выстрѣлилъ изъ пистолета, всѣ махали шляпами, а дворовый песъ опустилъ хвостъ и завылъ.

Люди сказали, что это дурное предзнаменованіе. Это къ покойнику. Но когда экипажъ выѣхалъ на проселочную дорогу въ темноту, невѣста закрыла лицо обѣими руками и зарыдала, но не могла проорать ни единой слезинки.

Теперь Эмма была замужемъ, и никто не замѣчалъ, что не все такъ, какъ должно, и какъ люди ни старались вывѣдать что-нибудь, Эмма никому не рассказывала, каково ей живется, и всегда уклончиво отвѣчала всѣмъ, кто пускался въ разспросы.

Ей жилось хорошо, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Только мужъ ее иногда недоумѣвалъ, о чемъ это она постоянно задумывается. Онъ иногда почти боялся этой женщины, молча и спокойно повиновавшейся ему во всемъ, такъ какъ онъ чутьемъ догадывался, что у нея есть своя собственная воля и что какъ только проснется эта воля, она окажется гораздо сильнѣе его собственной.

Ясно, что сначала у Эммы было очень много хлопотъ и заботъ. А непрерывная работа развлекаетъ мысли. Но среди всѣхъ заботъ, что за день заполняли все ее время, она постоянно испытывала какую-то все возрастающую горестъ. Эту горестъ можно было заглушить, отодвинуть, забыть про нее, но она упрямо возвращалась. И возвращалась она уже сильнѣе прежняго и разрасталась въ какую-то тревогу, преслѣдовавшую и томившую ее, и тревога эта становилась настоящимъ бичемъ. Она все время поддерживала ее душевную энергію и не давала ей возможности свыкнуться и сродиться съ тою жизнью, какую она вела. Одно страшное воспоминаніе преслѣдовала ее.

Въ первое же утро, когда мужъ ушелъ, а она уже встала, она долго, долго просидѣла неподвижно на краю кровати, и румянецъ жгучаго стыда заливалъ ей щеки. Она взглянула на свои члены и одѣлась съ лихорадочною поспѣшностью. У ней явилось непреодолимое желаніе скрыть свое поруганное тѣло, скрыть его отъ собственныхъ глазъ, чтобы они и не видали того позора, о которомъ знала только она, одна она и больше никто. Вѣдь, всѣ другіе считали законную жену этого человѣка за честную женщину.

Когда она подошла къ зеркалу, чтобы причесаться, она увидала

на одной сторонѣ шен большое блѣдно-красное пятно. Она густо вспыхнула и съ безпокойствомъ стала застегивать платье до самаго ворота. И она долго простояла передъ зеркаломъ, борясь со всѣми тѣми мыслями, что возникали и пропадали въ ея душѣ.

Она его жена? Она честная? Она?!...

Когда она вошла въ кухню, ей показалось, что прислуга какъ-то оскорбительно глядеть на нее. Она вышла изъ дому, взглянула на скотный дворъ, посмотрѣла на садъ, картофельное поле, кусты крыжовника, на капусту, прошла за ворота и бросила взглядъ вдоль сельской улицы, гдѣ строенія вытянулись длинной, одвообразной лентой, всѣ съ красными стѣнами и стѣроватыми воротами, точь въ точь, какъ дома. Напротивъ, на холмикѣ кружилась вѣтряная мельница. Большія крылья обдѣлывали большую, медленную окружность. Мучительное воспоминаніе проснулось въ ней, и она не могла отвести глазъ отъ мельницы. Машинально она слѣдила глазами то за однимъ крыломъ, то за другимъ. Вотъ сейчасъ оно высоко, высоко взлетало на воздухъ, теперь медленно поворачиваетъ книзу, теперь почти касается самой земли.

Чудилось ей, что она у чужихъ, гдѣ ей не по себѣ, и она равнодушнымъ взглядомъ обводила все это, до чего ей не было ровню никакого дѣла.

Въ то же утро, немного попозже, пришли свадебные гости, и пиршество продолжалось.

Воспоминаніе объ этомъ днѣ была для нея крайне мучительно, и она боялась его.

Эмма себя не понимала. Она снова стала думать о Канутѣ. О Канутѣ, котораго она давно уже считала умершимъ для себя. О Канутѣ, котораго она забыла, котораго она оттолкнула. Она думала о немъ, она грезила о немъ. Однажды ей приснилось, что его голова лежитъ рядомъ съ нею на подушкѣ, и ей пришлось закусить одѣяло, чтобы не вскрикнуть, когда проснувшись, она увидала, что это другой.

Кануть вдругъ снова ожилъ для нея. За что бы она ни принялась, всюду онъ чудился ей, малѣйшій пустякъ напоминалъ ей о немъ, когда она шла куда-нибудь, ей казалось вполне возможнымъ увидѣть слѣды его ногъ. Она не тосковала по немъ, и ни за что на свѣтѣ не захотѣла бы снова встрѣтиться съ нимъ. Но самыя сокровенныя мысли ея принадлежали ему и, когда она раздумывала о своемъ бракѣ, какая-то щемящая душу тоска говорила ей, что она его обокрала.

Стина изъ Вестергорда, бывшая подружкой ея на свадьбѣ и сдѣлавшаяся ея единственнымъ, истиннымъ другомъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онѣ обѣ вмѣстѣ ходили къ священнику, однажды пришла навѣстить ее. Тогда Эмма была уже замужемъ цѣлый мѣсяць.

Стина была веселый ребенокъ, шалунья и проказница, жива и про-

ворна, какъ котенокъ, и рѣзва, какъ щебещущая пташка. Она увела Эмму съ собой въ свѣтлку и тамъ началась задушевная бесѣда.

Стина сказала, что очень, должно быть, чудно быть замужемъ. Она обняла подругу, поцѣловала ее, и кружилась съ нею до тѣхъ поръ, пока у Эммы не занялось дыханіе.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь теперь? Какъ ты себя чувствуешь? Расскажи мнѣ, каково быть замужемъ. Каково тебѣ? Скажи. Очень, должно быть, чудно?

Наружность Эммы была невозмутимо спокойна и она отвѣтила только:

— О-о! придетъ срокъ, успеешь сама узнать.

— А, такъ ты думаешь, я не знаю? Такъ я, видишь ли, могу великолѣпно себѣ это представить. Когда я была невѣстой Ионссона, такъ, знаешь ли, когда онъ, бывало, придетъ, и я его увижу, что то странно какъ-то ёкнетъ въ груди моей, и ничего мнѣ не остается, только глядѣть въ сторонку. А когда онъ потомъ, бывало, придетъ и обвинитъ меня, такъ я прямо таки чувствую, какъ вся кровь моя остановится у самага сердца... вотъ тутъ какъ разъ...—Она коснулась извѣстнаго пункта на своемъ лифѣ.

— И когда ему потомъ захочется поцѣловать меня, я не могу противиться ему, какъ бы ни желала этого, и онъ, бывало, такъ цѣлуетъ меня, что я готова прыгать и плясать. Такъ я рада. Ну, теперь конецъ этому. Хо-хо-да-да! Онъ мнѣ измѣнилъ, уродъ этакій, а теперь онъ женатъ на своемъ сокровищѣ. Да что мнѣ-то до этого? Подожди-ка, будетъ и на моей улицѣ праздникъ.

— Что, ты опять завела себѣ жениха?—сказала Эмма и улыбнулась.

— Опять?

Лицо ея приняло обиженное выраженіе.

— Да, такъ моя ли въ томъ вина? Развѣ я покончила съ нимъ? Неужели же мнѣ всю жизнь ходить отшельницей по его милости. Нѣтъ, покорно благодарю.

Она сняла шарфикъ и провела пальцами по волосамъ.

— Но, скажи, что съ тобой, Эмма? О чемъ ты задумалась? Вѣдь, у тебя видъ такой, точно ужасное горе обрушилось на тебя. Что случилось? Скажи же мнѣ. Я никому на всемъ свѣтѣ не скажу ни слова

Эмма стала серьезна. Она не могла дольше владѣть собой; ей надо было поговорить съ кѣмъ-нибудь, кто могъ бы ее выслушать. Она знала, что другая, собственно говоря, и не пойметъ ее, но она не могла ничего подѣлать. Съ трудомъ, глухо, но ясно, она произнесла:

— Я безгранично несчастна. Ты не знаешь. Ты не можешь знать этого.

И, рыдая, она упала головой на столъ. Другая встала, подошла къ ней и заговорила безсвязно и добродушно, какъ ребенокъ, желающій утѣшить взрослого.

— Маленькая моя, милая моя Эмма, скажи мнѣ, что съ тобой?

Успокоившись немного, Эмма принялась рассказывать, сначала отрывисто и горячо, потомъ спокойнѣе. И чѣмъ больше она говорила, тѣмъ легче становилось у ней на душѣ. Точно у нея явилась опора, и все какъ-будто теперь стало яснымъ для нея, понятнымъ, страшно понятнымъ, такъ думалось ей. И когда подруга ушла, она стала такъ спокойна, какъ давно уже не бывало. Но она поняла, что поступила несправедливо, оттолкнувъ отъ себя Канута. Вѣдь всегда наши собственные недостатки учатъ насъ относиться снисходительно къ чужимъ. Теперь ей представился прекрасный случай вдуматься, каково сожительствовать съ кѣмъ-нибудь безъ любви. Что Кануть сдѣлать? Онъ только, будучи вполнѣ свободнымъ, опрометчиво завелъ связь, отъ которой онъ потомъ во что бы то ни стало хотѣлъ отдѣлаться.

А она сама что сдѣлала? Она холодно и обдуманно, несмотря на свою любовь къ Кануту, сначала оттолкнула его отъ себя, а потомъ, хотя она еще любила его, вышла замужъ за другого, съ которымъ теперь и сожительствоуетъ; она законная жена этого человѣка, тогда какъ всѣ мысли ея вертятся около Канута. Она ѣсть его хлѣбъ, управляетъ его дѣломъ, она богата, всѣ почитаютъ и уважаютъ ее. И какъ ни возмущалась гордость ея, а пришлось самой себѣ сознаться, что она совершила такой же точно проступокъ. Только еще хуже, еще постыднѣе. То, что сдѣлала она,—преступленіе, наложившее на нее постыдное клеймо. И съ упорною склонностью къ самобичеванію, всегда имѣющей у такихъ характеровъ, какъ ея, она теперь уже ясно сознавала, что если она и будетъ когда-либо свободна, то не можетъ уже никогда принадлежать Кануту.

Даже если онъ проститъ ее, она не согласится на это. Никогда.

Послѣ этого она еще меньше прежняго стала разговаривать съ мужемъ. Но время шло и въ спутанныхъ мысляхъ ея назрѣвало рѣшеніе. Вся тревога ея скопилась, какъ призывъ о помощи, и помощь была уже не за горами. Она сдѣлалась достижимой для нея и уже не представлялась ей чѣмъ-то такимъ, чего даже представить невозможно. Она хотѣла уйти отъ всего, уйти прочь. Она только не знала, какъ взяться за это, какъ сдѣлать это возможнымъ. Когда она приходила въ церковь, тревога ея иногда умирала, и она склоняла голову при мысли о словахъ, слышанныхъ отъ священника въ то воскресенье, которое представлялось ей такимъ далекимъ, далекимъ прошлымъ. Но она не могла совсѣмъ успокоиться на этой мысли. Въ ней зарождалось упорство, по ея мнѣнію, содержащее въ себѣ зародышъ чего-то хорошаго. Смириться, можетъ быть, подчасъ и хорошо и справедливо, но иногда въ смиреніи скрывается смерть или даже хуже смерти.

А этому она не хотѣла покориться. Это зло наложено на нее не Богомъ. Она сама его на себя накликала. Она рвалась прочь, прочь отсюда. Въ головѣ ея медленно зародился планъ. Но она никому не довѣрялась. Да и развѣ нашелся бы кто-нибудь, кто не отсовѣтовалъ бы

ей? Она молчала и, идя какъ-то вечеромъ одна по полямъ, гдѣ не поднималось вверхъ ни единое деревцо, гдѣ низкія, каменные стѣны заграждали нивы, и гдѣ за стѣною безпредѣльно широко раскинулась сухая обширная степь,—она, вдругъ почувствовала себя сильной, сознавая, что она одна только знаетъ объ этомъ и что никто, никто даже и не подозрѣваетъ ея мыслей. И ей показалось, что въ молчаніи скрыта вся сила ея.

Мѣсяцы шли своимъ чередомъ, а она все точно ждала чего-то. Потомъ, какъ-то въ сентябрѣ вечеромъ завернулъ первый морозъ, но онъ тотчасъ же прошелъ, и на другой день воздухъ опять сталъ теплымъ, какъ и раньше.

Тогда она испугалась. Зима, долгая зима. Она знала, что ей не перевести зимы, и съ трепещущимъ сердцемъ она поняла, что часъ насталъ.

Однажды утромъ она сказала мужу, что хочетъ идти къ теткѣ. Кстати, она, пожалуй, справится о деньгахъ, которыя посулилъ ей въ приданое дядя, но которыхъ они еще не получили. Что-то около тысячи кронъ. Мужъ немного опѣшилъ, но ничего не сказалъ. Разумѣется, она можетъ идти.

Она двинулась въ путь, выбрала себѣ кратчайшую тропинку по полямъ, такъ что до тетки стало не больше полумили.

Сентябрьское солнышко свѣжо и ясно сверкающими лучами озаряло сухую, бурю почву; верескъ покрылся полутцвѣтшими цвѣтами, среди которыхъ кое-гдѣ еще выглядывали запоздалые свѣжіе цвѣты, а на поляхъ рожь была уже сжата. Тамъ и сямъ прошелъ уже плугъ и разрыхлилъ черноземъ для озимаго посѣва новаго года.

Эмма тихо и спокойно шла впередъ. Иногда она останавливалась, чтобы перевести дыханіе, когда ей приходило на умъ, за какимъ дѣломъ она шла. Эти деньги, за которыми шла она теперь, и послужатъ ей средствомъ къ спасенію. Это ея деньги, по честности и справедливости ея. Она имѣла право взять ихъ, чтобы сдѣлаться свободной. Иногда она смотрѣла вдаль, въ сторону моря, гдѣ синій поясъ окаймлялъ извилистый берегъ. Тогда она чувствовала, какъ что-то теплое приливало къ груди, сжимало сердце, и глаза застигались слезами.

Но всю дорогу она мучила себя опасеніемъ, что ей, пожалуй, не удастся получить деньги. Она выдумывала про себя цѣлую кучу вѣроятностей, вполнѣ возможныхъ, и ей казалось, что всякій, взглянувъ на нее, сейчасъ же смекнетъ зачѣмъ она пришла, догадается о ея мысляхъ. Она шла все впередъ, но теперь это едва-ли зависѣло отъ ея рѣшенія. Она шла впередъ потому, что уже сдѣлала первый шагъ и не хотѣла отступить, потому, что стремилась впередъ, не могла и не хотѣла раздумывать до тѣхъ поръ, пока не остановилась передъ церковью и не увидала, какъ серьезно и торжественно прямая колокольня

ея вырисовывалась въ ясно-голубомъ воздухѣ. А напротивъ былъ домъ дяди, ея домъ, единственный родной ей домъ.

Она тихо повернула замокъ у воротъ и вошла во дворъ. Чудно было теперь проходить тамъ, видѣть цвѣточныя клумбочки подъ окнами, маленькій зеленый частоколъ, отдѣляющій садъ отъ двора и, вообще, всю четырехугольную застройку съ соломенными крышами на службахъ и съ черепичной кровлей на жиломъ домѣ, этотъ тѣсный уголъ, который вмѣщалъ всю ея прошлую жизнь. Что-то больно, больно сжалось въ груди при видѣ всего этого, и у нея явилось было желаніе зайти за домъ въ садъ, чтобы помечтать на покоѣ. Но это настроеніе сразу исчезло. Если она не получитъ денегъ? Если у дяди ихъ не окажется дома?

Она послѣдно подошла къ дверямъ кухни и вошла.

Тетка стояла въ кухнѣ и натягивала основу. Она опѣшила, когда увидала Эмму.

— Тебѣ пройтись вздумалось? Ну, какъ вамъ живется? .

— Спасибо. Все идетъ хорошо. Ты, тетя, возишься съ шерстью?

— Да, я собиралась поставить кросно на зиму.

Настала минутная тишина. Эмма соображала, какъ-бы лучше навести разговоръ на деньги. Она прислушалась къ тиканью большихъ далекарлійскихъ часовъ и бессознательно принялась считать.

— Надѣюсь, ничего не случилось дома у васъ?

У Эммы ёкнуло сердце.

— Нѣтъ, чему же случиться?

Потомъ она опять собралась съ духомъ.

— Іоаннъ хотѣлъ, чтобъ я сходилъ къ вамъ узнать, нельзя ли будетъ получить денегъ, обѣщанныхъ мнѣ въ приданое. Онъ говорилъ, что они нужны ему теперь.

Она почувствовала, что покраснѣла, потому что гнала, но сейчасъ же сообразила, что тетка подумаетъ, что она сконфузилась, напоминая про деньги.

Тетка приостановила работу.

— Точно бы Ольсонъ говорилъ, что надо устроиться такъ, чтобъ были дома деньги. Поговори-ка съ нимъ сама, когда онъ придетъ домой.

Эмма сняла кофту и стала дожидаться. Потомъ она подошла къ плитѣ и спросила, нельзя ли ей помочь готовить обѣдъ. Она не въ состояніи была сидѣть да думать.

Наконецъ пришелъ дядя. Онъ пахалъ, вспотѣлъ и усталъ. Поодоровался съ нею, ничего больше не сказалъ и усѣлся за столъ, а жена стала подавать ему кушанье.

— Эмма пришла по поводу этихъ денегъ,—сказала мадамъ Ольсонъ.

Эмма отвернулась и сильно прикусила губы. Она была почти увѣрена, что дядя не сразу дастъ деньги.

Онъ молча поѣлъ, прокашлялся и отложилъ ножикъ.

— Сколько же тебѣ слѣдовало получить?

Эмма быстро повернула голову.

— Вѣдь, вы знаете, дядя. Тысячу кронъ,—сказала она.

— Хмм... Да. Тебѣ, я думаю, хочется поскорѣе домой?

Онъ вошелъ въ свѣтелку и заперъ двери. Эмма слышала, какъ онъ тамъ перелистывалъ пачки ассигнацій. Когда онъ вышелъ, въ рукѣ у него было десять бумажекъ по сту риксдалеровъ.

Эмма взяла ихъ, не считая, и небрежно сунула ихъ въ карманъ, точно носовой платокъ.

— Батюшки свѣты, какъ ты обращаешься съ деньгами, дитя!

У нея голова закружилась, она ничего не видѣла, ничего не слышала, наскоро простилась, не слушая ни увѣщаній дяди побережь деньги, ни приглашенія тетки остаться обѣдать. Она спѣшила уйти, хотя когѣни подгибались отъ усталости, а въ головѣ такъ шумѣло, что весь черепъ, кажется, собирался треснуть. Она прошла по двору и, войдя въ темную подворотню, гдѣ никто не могъ ея видѣть, быстро выхватила изъ кармана ассигнаціи, все снова и снова пересчитывала ихъ, прижала ихъ къ лицу, а при этомъ грудь ея высоко вздымалась и большія, тяжелыя слезы капали на грязныя, зеленыя бумажки. Она вспомнила, что даже и не простилась хорошенько съ родными. А теперь она больше уже никогда не увидитъ ихъ, никогда. А они были для нея все равно, что мать и отецъ. Но она не посмѣла войти еще разъ. Не могла она придумать предлога. И потому она тихо удалилась, крѣпко скомкавъ бумажки въ судорожно сжатой рукѣ.

Два дня спустя она сказала мужу, что хочетъ съѣздить въ Кольмаръ, чтобъ навѣстить старую тетку, живущую тамъ.

Мужъ самъ утромъ запрягъ лошадь, чтобы отвезти ее къ тому мѣсту на западномъ берегу острова, откуда она должна была переправиться въ городъ.

Было ясное утро. Во время пути она все время молчала; какія-то странныя мысли тѣснились въ головѣ ея, унося съ собою весь тотъ міръ живой жизни, который до сихъ поръ существовалъ для нея; онъ какъ-то разстилалъ все это передъ внутренними очами ея, все становилось яснымъ, и ей показалось, что теперь она себя понимаетъ. Она поняла, какъ могла она выйти замужъ за того, кто сидѣлъ теперь бокъ о бокъ съ нею, и какъ она дошла до того, что должна была бѣжать отъ собственнаго своего дома и крова. Но она все же сидѣла прямо, прямо и спокойно. А взгляды ея были прикованы къ мѣстности, по которой ѣхали, точно она желала, чтобъ каждая особенность ея навѣки запечатлѣлась въ душѣ ея затѣмъ, чтобъ потомъ вспоминать обо всемъ этомъ, когда останется одна.

Она видѣла лугъ съ дубами, уронившими теперь свои листья, поля,

еще мѣсяцъ тому назадъ желтѣвшія отъ прекраснаго урожая, лѣсъ съ маленькими, тощими сосенками, нѣсколько старыхъ, корявыхъ вербъ. И все, что видѣла она кругомъ, точно посыпало ей прошальный привѣтъ.

Потомъ началась обширная, пустынная степь со своею коротенькою, сочною травкою, среди которой пятнами разползлся низкорослый, выпѣтшій верескъ. Тогда ея охватила глубокая, ей самой непонятная грусть. Сюда она, бывало, выйдетъ и смотреть на край неба, смотреть до самозабвенія, когда дома покажется черезчуръ тяжело и страстно захочется посмотрѣть куда-нибудь вдаль.

Весь этотъ видъ могъ рассказывать о ея мимолетномъ любовномъ счастьѣ и въ немъ было какое-то чувство, когда она внѣ себя отъ горя, безъ силъ упала на эту жесткую почву. Взоръ ея продолжалъ уноситься вдаль по этой необозримой степи, гдѣ часто совсѣмъ не видишь ни одинаго деревца, а тѣ немногія, что изрѣдка попадаются, какія-то жалкія, изсохшія и всегда какъ-то робко гнутся въ ту сторону, куда направилъ ихъ бичующій вѣтеръ, гдѣ маленькія, сѣренькія избушки съ торфяной кровлей и съ покосившимися трубами одивоко ютятся, точно заблудившіеся путники, или же вытягиваются длиннымъ, меланхолическимъ рядомъ одна подлѣ другой, а подлѣ избъ многочисленныя вѣтряныя мельницы, сѣрыя или грязновато-красныя, распростерли свои большія крылья, гдѣ, стоя у одной маленькой церкви, можно разглядѣть другую, такъ какъ ничто не мѣшаетъ кругозору. А когда они поднялись на холмикъ, гдѣ видъ расширяется, гдѣ прямо подъ ногами синѣетъ проливъ, а волны шаловливыми барашками разбѣгаются по немъ, гдѣ бѣлые паруса плавно скользятъ по синей водѣ, а яркіе солнечные лучи заливаютъ свѣтомъ противоположный берегъ, и сквозь легкую дымку утренняго тумана издали виднѣтъ Кольмаръ, — она еще разъ обернулась и долгимъ, долгимъ взглядомъ проводила все, что могла разглядѣть на Эландѣ. Теперь ей вспомнилось, какой здѣсь иногда лѣтомъ бываетъ прозрачный и чистый воздухъ, какими яркими, лучезарными лучами солнышко иногда освѣщаетъ все вокругъ, далеко, далеко, все, что можетъ обнять глазъ. Вспомнивъ, она готова была заплакать.

Но вдругъ экипажъ остановился, и путешествіе кончилось.

Когда она вышла и стала прощаться съ мужемъ, она такъ ласково пожала ему руку, что онъ послѣ вспомнилъ, какъ это его тогда изумило.

Она сидѣла на маленькомъ пароходѣ, который быстро несся прямо черезъ проливъ. Она видѣла, какъ городъ становился все яснѣе и яснѣе, различила церковь, имѣющую форму ратуши, замокъ съ валами, и наполовину разрушенными башнями, лазаретъ съ его сдавленнымъ фасадомъ, длинный рядъ свѣтло-желтыхъ магазиновъ съ ихъ точно скучающимъ видомъ и, наконецъ, когда они завернули въ самую га-

вань, она замѣтила лодку у лодки около самой набережной, а въ лодкахъ стариковъ, бабъ, парней и ребятъ, продающихъ рыбу, которую они вытаскивали изъ бочекъ или просто со дна лодки; паруса на лодкахъ свободно мотались изъ стороны въ сторону по прихоти легкаго утренняго вѣтерка, а сами лодки носомъ царапались о толстыя каменные глыбы набережной. На берегу толпился народъ, дамы, дѣлающія покупки, фланирующіе молодые люди, собаки, которые повсюду носились, обнюхивая что-то, служанки, женщины, рабочіе и ломовые извозчики.

Эмма была неспокойна. Почва точно горѣла подъ ногами. Вечеромъ уходилъ любекскій пароходъ, а до тѣхъ поръ она все сидѣла у старой тетки. Узелокъ платя, взятый съ собою, она оставила на пристани въ лавкѣ.

Когда насталъ вечеръ, она вышла. Она сказала, что хочетъ взглянуть на пароходъ. Ждали его въ семь часовъ, но онъ пришелъ только въ четверть девятаго. Эмма пропыхнула на судно и осталась подъ палубой, пока не услышала лязга цѣпей, когда стали отчаливать, звука свистка, и глухой, потрескивающей шумъ машины, только что пущенной въ ходъ.

Тогда она вышла на палубу и присловила къ борту. Долго она стояла въ сумеркахъ, глядя вдаль на море, разстлавшееся передъ нею, гдѣ одинокою свѣтлою точкою сіялъ маякъ южнаго мыса. Она свободно вздохнула и въ темнотѣ ночной простилась со всею тою жизнью, которую она теперь покидала, и чувствовала, что грядущій день принесетъ ей новую жизнь, можетъ быть, не такую покойную, но свѣтлую, сильную и богатую, жизнь, которою она можетъ жить, жизнь, которая вернетъ ей то, что отняла прежняя.

Много часовъ простояла она такъ, пока свѣтлая точка не осталась позади и не растаяла вдали контуры суши, и въ эту безмолвную ночь паръ увлекалъ ее все дальше впередъ по морю, гдѣ черныя волны, тихо покачиваясь, неслись къ той странѣ, что лежала по ту сторону моря.

* * *

День умеръ, ночь близка... извиистой каймою
Всталъ темный лѣсъ на фонѣ свѣтлыхъ тучъ,
Пятномъ туманнымъ поле предо мною,
А воздухъ тихъ, и влаженъ, и пахучъ.

Иду, какъ бы во снѣ, забытомъ, но знакомомъ,
Пятномъ луна зардѣла и вошла,
Боюсь спугнуть простымъ, холоднымъ словомъ,
Что эта ночь душѣ передала.

Я вѣрить не могу, что нѣтъ тебя со мною...
Быть можетъ, мнѣ лишь чудится во снѣ,
Что я одинъ съ туманной тишиною,
Что ты одна въ далекой сторонѣ...

Allegro.

Новый этюдъ по естественной исторіи человѣческаго общества.

Какъ развилось *человѣческое* общество, со всѣми проявленіями *человѣческой* общественной жизни, какъ слагались первыя основы организациі общества, какъ въ жизни этого общества, представляющей лишь одно изъ проявленій жизни вообще, преломлялся общій біологическій законъ дифференціаціи, приспособленія, наслѣдованія и отбора, вотъ вопросы, на которые пытается отвѣтить появившаяся недавно книга молодого германскаго ученаго — *Вольмана* *). Авторъ не создаетъ самъ новыхъ теорій, но комбинируетъ въ стройную систему уже существующія воззрѣнія, развивая и углубляя ихъ, и—поскольку еще много спорнаго и неясненнаго въ тѣхъ соціологическихъ теоріяхъ, которыми воспользовался Вольманъ,—много спорнаго и много пробѣловъ можно усмотрѣть и въ предложенномъ имъ синтезѣ, тѣмъ не менѣе не лишенномъ большого интереса. Авторъ книги — сторонникъ теоріи экономическаго матеріализма, вѣрнѣе, онъ сторонникъ общій тенденціи этой теоріи, сущность которой онъ видитъ въ примѣненіи естественно-историческаго метода къ изученію развитія человѣческаго общества, въ идеѣ развитія и борьбы, въ этомъ общемъ принципѣ, присущемъ какъ органическому, такъ и соціальному міру. Какъ самостоятельно-мыслящій человѣкъ, Вольманъ видитъ долгъ послѣдовавателя извѣстнаго ученія не въ томъ, чтобы клясться словами учителей—въ данномъ случаѣ Маркса и Энгельса,—а въ томъ, чтобы продолжать ихъ дѣло, углубить и пополнить ученіе, видоизмѣнить его, согласно съ современнымъ состояніемъ науки.

Уже сами Марксъ и Энгельсъ сознавали недостаточность одного только экономическаго толкованія исторіи. «Энгельсъ сообщаетъ,—говоритъ Вольманъ,—что Марксъ намѣревался сопоставить съ данными своего матеріалистическаго изслѣдованія исторіи результаты изслѣдованія Моргана о первобытномъ обществѣ и только такимъ образомъ предполагалъ возможнымъ вполне выяснитъ сущность своей теоріи». Тотъ же Энгельсъ передаетъ нѣкоторыя критическія замѣчанія Маркса,

*) Ein Beitrag zur Naturgeschichte der menschlichen Gesellschaft. Von Ludwig Woltmann, D-r med. et phil. VIII+397 s. Düsseldorf. 1899.

въ которыхъ тотъ пополняетъ экономическія соображенія фізіологическими и сводитъ сущность матеріалистическаго міровоззрѣнія къ тому, что, въ конечномъ счетѣ, опредѣляющимъ моментомъ исторіи онъ признаетъ производство и воспроизведеніе непосредственной жизни. «Но этотъ процессъ двоякаго рода: съ одной стороны, производство жизненныхъ средствъ, — предметовъ питанія, одежды, жилища, — и необходимыхъ для того орудій; съ другой — производство самихъ людей, продолженіе рода. Общественныя учрежденія, среди которыхъ живутъ люди даннаго историческаго періода и данной страны, обусловливаются обоими видами производства: исторіей развитія, съ одной стороны, *труда*, съ другой, — *семьи*». «Формы труда и семьи являются, — продолжаетъ Вольтманъ, — дѣйствительно, матеріальными, т. е. техническими и органическими основами всякой соціальной естественной исторіи». Въ этомъ положеніи и заключается ядро экономическаго матеріализма. «Но нужно помнить, — говоритъ Вольтманъ, — что Марксъ не развилъ своей теоріи въ полную систему, и что съ прогрессомъ положительныхъ знаній детальное развитіе этой основной мысли матеріалистическаго міросозерцанія должно необходимо измѣниться. Въ Марксовомъ представленіи исторіи, человѣкъ, являющійся въ дѣйствительности носителемъ и цѣлью всего экономическаго процесса, разсматривается только какъ экономическая, а не какъ антропологическая, точнѣе психологическая категорія. Здѣсь и находится тотъ пунктъ, въ которомъ экономическій матеріализмъ долженъ быть, путемъ болѣе широкихъ біологическихъ соображеній, приведенъ въ связь съ общимъ естественно-научнымъ ученіемъ о развитіи. Для уразумѣнія прогресса въ человѣческой культурѣ, необходимо принять въ соображеніе, кромѣ экономическихъ, еще и другія понятія, заимствуемыя изъ психологіи и общей біологіи, — понятія дифференціаціи, приспособленія и наслѣдованія; необходимо также разсмотрѣть, имѣлъ ли вообще значеніе въ экономической борьбѣ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и классовъ, естественный отборъ, почему онъ не могъ вліять, и что стало на его мѣсто. Марксомъ и Энгельсомъ вопросы эти не затронуты».

Общая теорія развитія должна, съ той же біологической точки зрѣнія, съ какой разсматриваетъ она остальной міръ жизненныхъ явленій, объяснить также и образованіе специфическихъ *человѣческихъ* свойствъ, объяснить источникъ *духовной* природы человѣка, образованіе его интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствъ. Дарвинъ, сравнивая духовныя способности человѣка со способностями высшихъ животныхъ, находитъ, что хотя между ними и громадное разстояніе, но нѣтъ никакого принципиальнаго различія. Духовныя способности человѣка, по его мнѣнію только количественно отличаются отъ такихъ же способностей у животныхъ. Изъ способности органовъ чувствъ къ воспріятію и изъ психическихъ свойствъ памяти, любопытства и вниманія, можно, думаетъ Дарвинъ,

объяснить возникновеніе человѣческаго разума, такъ какъ внутри общества, путемъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе постепенно совершенствуются высшія интеллектуальныя свойства; извѣстная ступень разума уже существуетъ у животныхъ. Важнѣйшими изъ всѣхъ отличій между человѣкомъ и болѣе низшими животными Дарвинъ признаетъ *нравственное чувство* и *совѣсть*, но старается доказать, что даже и эти качества образовались изъ социальныхъ инстинктовъ животныхъ путемъ болѣе высокаго развитія интеллекта и языка. Дарвинъ полагаетъ, что въ первобытныя времена человѣческаго существованія интеллектуальныя и моральныя свойства совершенствовались постепенно, путемъ естественнаго отбора, но не заходитъ такъ далеко, чтобы признавать непосредственный переходъ, путемъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, социальныхъ инстинктовъ въ нравственныя свойства. Онъ замѣчаетъ: «дѣлать добро въ отплату за зло, любить своего врага,—это такая высокая нравственность, относительно которой справедливо можно сомнѣваться, могутъ ли привести насъ къ ней социальные инстинкты сами по себѣ. Прежде, чѣмъ создалось такое золотое правило, эти инстинкты, въ связи съ симпатіей, должны были достигнуть высокаго развитія и расшириться при воздѣйствіи разсудка, образованія, любви или страха Божія». Въ этихъ словахъ уже проявляется извѣстный дуализмъ, который Уоллесъ провелъ еще дальше. Одно,—говорить онъ,—признавать постепенное совершенствованіе интеллектуальныхъ и нравственныхъ способностей отъ животнаго и до человѣка и другое—доказать, что эти свойства должны были развиваться путемъ естественнаго отбора. Послѣдняго Дарвинъ и не сдѣлалъ. То обстоятельство, что тѣлесныя свойства человѣка развились изъ животныхъ формъ естественнымъ отборомъ, не уполномочиваетъ еще къ выводу: будто непремѣнно тѣ же причины обусловили развитіе и духовной природы, даже если оно шло и объ руку съ тѣлеснымъ развитіемъ. Определенная часть умственныхъ и нравственныхъ свойствъ человѣка не могла возникнуть единственно путемъ варіацій и естественнаго отбора нужно было другое вліяніе, другой законъ или дѣятель, чтобы создать основаніе для ихъ проявленія. Уоллесъ перечисляетъ рядъ высшихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ свойствъ: любовь къ правдѣ, восхищеніе предъ красотой, беззавѣтное чувство справедливости, выраженіе ликованія по поводу каждаго факта смѣлаго самопожертвованія,—свойствъ, могущихъ быть «лишь проявленіемъ высшей силы, источникъ которой не лежитъ въ борьбѣ за матеріальное существованіе».

Въ этомъ,—освобожденномъ отъ его спиритуалистической окраски,—указаніи глубокаго различія между интеллектуальными и нравственными свойствами человѣка и животныхъ больше правды, чѣмъ въ дарвиновскомъ отрицаніи подобнаго принципіальнаго отличія. Изъ разъясненій Дарвина вытекаетъ, что сущность разсудочной дѣятельности

онъ видитъ, подобно Юму, въ одной только ассоціативной работѣ мысли. Къ такой умственной работѣ, — къ механическому и инстинктивному связыванію представленій по сходству и контрасту, по ихъ близости въ пространствахъ и во времени, по ихъ причинному взаимодействию, — способны уже и нѣкоторыя животныя. Но на ряду съ этой *пассивной* работой, совершающейся и въ человѣческомъ умѣ, человѣкъ проявляетъ также способность къ *активной логической* работѣ, къ отвлеченному мышленію, къ пониманію не только послѣдовательности по мѣсту и во времени, но также и причинной послѣдовательности, въ смыслѣ ея *общественности* и *необходимости*. Можетъ ли самая умная собака сдѣлать выкладку: дважды два четыре, — для меня очень сомнительно, говоритъ Леббокъ. Высшимъ животнымъ можно приписать память, даже известную способность къ умозаключеніямъ, но разумъ животного связанъ *данними* чувственными представленіями, — это не логическій разумъ. Умственная работа ребенка и многихъ людей, при известныхъ обстоятельствахъ, можетъ протекать совершенно согласно съ сенсуалистической теоріей познанія, — это правда, но научно-мыслящій человѣкъ обладаетъ *логикой*, которой нѣтъ у умнѣйшихъ животныхъ.

И тѣмъ не менѣе, совершенно ясно сознавая всю глубину различія между духовнымъ міромъ человѣка и животного, послѣдовательное естественно-научное представленіе о человѣкѣ не должно искать прибѣжища, по примѣру Уоллеса, въ спиритуализмъ; оно должно попытаться прослѣдить въ развитіи интеллекта, и высшихъ нравственныхъ свойствъ проявленіе тѣхъ же общихъ біологическихъ силъ и законовъ, которые присущи развитію органическихъ и низшихъ психическихъ свойствъ. Органическая, социальная и духовная жизнь являются тремя ступенями одного и того же біологическаго ряда развитія, но есть *особыя* причины, которыя подняли органическую жизнь до социальной, а послѣднюю до духовной. Вотъ эти-то *специфическія* причины и подлежатъ изслѣдованію. Разсмотрѣніе того, какъ изъ органической жизни развилась социальная жизнь животныхъ, лежитъ внѣ предѣловъ даннаго изслѣдованія: оно ставитъ своей задачей прослѣдить лишь то, какъ развивались тѣ духовно-нравственныя человѣческія свойства, которыя придали животному обществу характеръ *человѣческаго* общества. Но необходимо, однако, подчеркнуть, что процессъ превращенія животного въ человѣка возможенъ былъ *только въ обществѣ*, и что *соціальный инстинктъ симпатіи* является *необходимой естественной основой*, на которой могли развиваться интеллектуальные процессы.

Путь развитія отъ животного къ человѣку можетъ быть, по мнѣнію Вольмана, понятъ лишь въ томъ случаѣ, если, опираясь на дарвиновскій физическій матеріализмъ, мы обратимъ вниманіе также и на человѣческую технику. Важныя указанія въ этомъ отношеніи даны уже основателями теоріи историческаго матеріализма. Маркъ въ любознательномъ примѣчаніи къ параграфу о «машинахъ и крупной промыш-

шпенности проводить интересную параллель между животными органами и человѣческими орудіями труда и видить въ человѣческой техникѣ активное отношеніе человѣка къ природѣ. «Дарвинъ,—писалъ онъ,—направилъ вниманіе на исторію естественной технологіи, т. е. на образованіе растительныхъ и животныхъ органовъ, какъ орудій производства въ жизни растений и животныхъ. Развѣ исторія образованія продуктивныхъ органовъ общественнаго человѣка, составляющихъ матеріальный базисъ каждой данной общественной организаціи, не заслуживаетъ подобнаго же вниманія? И развѣ не легче было бы воспроизвести такую исторію? Вѣдь человѣческая исторія, какъ говоритъ Вико, отличается отъ естественной только тѣмъ, что первую мы совершили сами, вторую—нѣтъ. Технологія раскрываетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства его жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ его общественныя жизненныя отношенія и вытекающія изъ нихъ духовныя представленія». Энгельсъ въ статьѣ: «Участіе труда въ превращеніи обезьяны въ человѣка» (*Der Anteil der Arbeit an der Menschenwerdung des Affen*) указываетъ большое значеніе *труда* и притомъ *труда въ общество* для поднятія человѣческаго общества надъ обезьяньимъ стадомъ. «Чѣмъ больше люди отходили отъ животныхъ, тѣмъ больше ихъ воздѣйствіе на природу принимало характеръ дѣйствія предумышленнаго, планомѣрнаго, направленнаго на опредѣленныя, впередъ намѣченныя цѣли. Обезьянья рука, правда, въ состояніи схватить дубину для защиты отъ враговъ, бомбардировать ихъ плодами и камнями, но ни одна обезьянья рука не изготовила еще даже грубѣйшаго каменнаго ножа... *Работа создала самого человѣка. А работа начинается съ изготовленія орудій*».

Но нужно бы условиться, что считать человѣкомъ, къ чему сводятся тѣ специфическія свойства, которыя отличаютъ его отъ животнаго. Общеизвѣстно, что Аристотель называлъ человѣка политическимъ животнымъ, именно политическимъ, а не общественнымъ, какъ неправильно переводятъ Аристотелевское выраженіе ζῷον πολιτικόν: общественныя свойства есть уже и у животныхъ, Аристотель же, вѣроятно, употребляя свое выраженіе, имѣлъ въ виду политическую организацію, регулируемую опредѣленными законами государственное сообщество людей. Кантъ называлъ человѣка разумнымъ животнымъ, Лихтенбергъ причиннымъ, а Франклинъ животнымъ, создающимъ орудія. Различные писатели придавали человѣку еще и другія характерныя свойства. Его называли говорящимъ двуногимъ, зажигающимъ огонь, приручающимъ, создающимъ избытокъ, мозговымъ животнымъ. Всѣ эти свойства можно свести къ 3-мъ группамъ: къ психическимъ, органическимъ и техническимъ способностямъ, совершенно не встрѣчающимся у животныхъ или замѣчаемымъ у нихъ только въ зачаткѣ. Взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ свойствъ и создаетъ человѣческую культуру. Интересно прослѣдить, въ какомъ взаимомъ

*

отношеніи стоятъ фізіологическія свойства человѣка—его прямая походка, его мозгъ, его рука, его дыхательное горло, его органы чувства—къ психическимъ функціямъ. Важныя указанія для разрѣшенія этой задачи даны *Нуаре*, исходящимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ предшествующихъ трудовъ *Гейера* и *Каппа*. Э. Каппъ *) старался доказать, что «возникновеніе и усовершенствованіе инструментовъ, исходящихъ изъ человѣческихъ рукъ, является первымъ условіемъ развитія человѣка къ *самосознанію*». Связь между механической дѣятельностью человѣка и его сознаніемъ Каппъ поясняетъ въ томъ смыслѣ, что «исходящій отъ человѣка внѣшній міръ механической ремесленной работы является только вещественнымъ (geale) продолженіемъ его организма и долженъ быть понимаемъ, какъ перенесеніе наружу внутренняго міра представленій». Продолженіе организма за его собственные предѣлы Каппъ называетъ отраженіемъ вовнѣ, *проекціей органовъ* (organprojection). «Рука,—говоритъ онъ,—является естественнымъ орудіемъ, изъ дѣятельности котораго выходитъ искусственный инструментъ. А именно, во всѣхъ возможныхъ видахъ положенія и движенія она даетъ первичную органическую форму, по которой человѣкъ *безсознательно* создаетъ свои первые необходимые приборы. Благодаря пользованію предметами, находящимися поблизи, «подъ рукою», появляются первые орудія, какъ продолженіе, усиленіе, укрѣпленіе тѣлесныхъ органовъ. Такъ, если рука со сжатымъ кулакомъ или камнемъ въ кулакѣ является естественнымъ молотомъ, то камень на деревянномъ стержнѣ—его простѣйшимъ искусственнымъ подражаніемъ: стержень или ручка—продолженіе руки, камень—замѣна кулака. Камень и сукъ въ рукахъ первобытнаго человѣка—обѣтованіе инструмента, первичная клѣтка дѣлаго культурнаго аппарата далекаго будущаго».

Л. Нуарэ **) углубившій изслѣдованіе Каппа о значеніи инструментовъ для исторіи человѣческаго развитія, дѣлитъ внѣшніе органы животнаго на органы движенія или перемѣщенія, органы чувственаго воспріятія и органы прямого видоизмѣненія внѣшняго міра; послѣдніе онъ называетъ *рабочими органами*. Они-то въ данномъ случаѣ и представляютъ наибольшій интересъ.

Рабочіе органы, служащіе механическимъ дѣламъ, опять-таки представляютъ различныя стадіи развитія, какъ бы рядъ постепенныхъ переходовъ къ настоящимъ рабочимъ орудіямъ человѣка. Рабочіе органы—это продукты внѣшняго тѣлеснаго покрова, таковы, на примѣръ, рога, когти, копыта, зубы. Хотя они и органическаго происхожденія и непосредственно связаны съ организмомъ, но ихъ функціи—механиче-

*) Ernst Kapp, «Grundlinien einer Philosophie der Technik», Braunschweig, 1877 г.

**) Ludwig Noirée, «Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit», Mainz. 1880 г.

ская и техническая. Подобные рабочіе органы есть у животныхъ почти всѣхъ классовъ. Органическаго же происхожденія, но отдѣлены отъ тѣла—различныя ткани пауковъ, имѣющія такое значеніе для добыванія пищи у этихъ животныхъ. Болѣе высокую стадію представляютъ гнѣзда птицъ, гдѣ матеріалъ уже вѣшняго происхожденія. На слѣдующей ступени, предшествующей появленію человѣческихъ орудій, мы находимъ *сукъ* и *камень*, которыми *случайно* пользуются антропоидныя обезьяны. Шимпанзе на волѣ разбиваетъ камнемъ дикіе плоды, въ родѣ орѣха. Дарвинъ приводитъ много примѣровъ употребленія животными орудій и оружія, но не признаетъ подобнаго пользованія тождественнымъ съ человѣческой работой при помощи орудій. «Между обоими этими видами работы, — говоритъ онъ, — есть очень важное различіе. Но мнѣ представляется очень вѣроятнымъ утвержденіе сэра Дж. Леббока, что первобытные люди пользуясь для какой-либо цѣли кремнемъ, могли разбить его *случайно* и затѣмъ пользовались острыми обломками. Отсюда уже не великъ шагъ до грубой обработки его. Между тѣмъ этотъ шагъ потребовалъ очень много времени, если судить по необычайно длинному промежутку, протекшему до той поры, пока человѣкъ новаго каменнаго вѣка началъ шлифовать и полировать свои орудія». Грубый обломокъ кремня, ставшій *постоянной* собственностью первобытнаго человѣка, подвигъ его изъ круга обезьяннихъ родовъ, только *случайно* пользовавшихся камнями и палками. Гдѣ орудіе стало необходимой основой существованія, тамъ начинается новая эра жизни—*человѣческое* существованіе и *человѣческая* культура. Было бы ошибочно, конечно, предполагать, что человѣкъ создалъ орудіе изъ потребности къ подражанію или что онъ планомерно изобрѣлъ его. Переходъ отъ бессознательнаго случайнаго пользованія орудіемъ къ сознательному и постоянному совершался очень постепенно, и на образованіе новаго вида животныхъ, отличавшихся этимъ постояннымъ употребленіемъ орудій, *биологическій законъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, долженъ былъ оказать такое же вліяніе*, какое оказалъ онъ на созданіе новыхъ органовъ у животныхъ.

Употребленіе орудій, измѣнившее отношеніе человѣка къ природѣ, не могло остаться безъ обратнаго воздѣйствія на это физическое строеніе. Постоянная прямая походка, приподнятіе отъ земли головы и вышнихъ органовъ чувствъ, свободная подвижность остальныхъ членовъ—всѣ эти специфическія свойства строенія человѣческаго тѣла—могли развиться только при употребленіи орудій. Въ этомъ — матеріальныя причины образованія человѣка, превращеніе антропоиднаго организма въ *человѣческій*. Можетъ быть, по соображенію Иос. Мюллера *), особенно вліятельное и преобразующее обстоятельство заключалось въ

*) Josef Müller, «Über Ursprung und Heimat des Urmenschen». Stuttgart 1894.

томъ, что первобытный человѣкъ пользовался камнемъ, какъ метальнымъ орудіемъ: при метаніи, голова должна быть приподнята и тѣло выпрямлено, при чемъ *глазъ* и *рука* совмѣстно увеличиваютъ боевую способность. Еще больше въ томъ же направленіи должно было вліять пользованіе сукомъ и палкой, все равно употреблялись ли они для удара или для опоры при ходьбѣ. Можно сказать, что искривленная спина обезьяны выпрямилась на своемъ орудіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ повысилась дѣятельность мозга и выпшихъ органовъ чувствъ. Вмѣстѣ съ поднятіемъ груди могла идти и выработка языка, такъ какъ дыхательное горло обезьяны было достаточно подготовлено по части хрящей и мускуловъ, а легкія могли теперь свободно управлять артикуляціей воздушнаго столба въ глоточной и ротовой полостяхъ.

Параллельно съ физическимъ образованіемъ человѣка должно было идти психическое созданіе его, и совершилось оно опять-таки не безъ вліянія технической дѣятельности. Любопытныя мысли по этому вопросу высказаны уже *Л. Гейгеромъ* въ его книгѣ «Происхожденіе и развитіе человѣческаго языка и разсудка» *). «Повсюду на землѣ,—замѣчаетъ онъ,—гдѣ бы ни появлялся человѣкъ, разсудокъ является его рѣшительнымъ и общимъ свойствомъ. Утварь или орудія могутъ быть изъ камня или изъ желѣза, могутъ быть сдѣланы со всевозможнымъ искусствомъ, но человѣческими они признаются лишь потому, что носятъ на себѣ слѣды умственной работы. И это установлено прочно: поскольку говорятъ наши наблюденія, человѣкъ разуменъ... И тѣмъ не менѣе разумъ не вѣченъ. Разумъ, какъ и все на землѣ, имѣетъ происхожденіе, начало во времени. И онъ образовался не внезапно, не явился готовымъ во всемъ своемъ совершенствѣ, какъ бы въ результатѣ катастрофы, но подвергся развитію». Главное значеніе въ развитіи разсудка Гейгеръ приписываетъ выработкѣ *речи* и чувства *зрѣнія*. Безъ чувства зрѣнія совершенно невозможно представленіе о причинныхъ отношеніяхъ, такъ какъ только при помощи этого чувства можетъ быть воспринятъ, не будучи мною, предметъ, на который произведено дѣйствіе. Всѣ другія чувства, хотя и приводятъ насъ въ связь съ внѣшнимъ міромъ, но говорятъ намъ только о послѣдовательности, а не о причинной зависимости явленій. Если мы сами не совершали никакихъ дѣйствій, мы тоже имѣли бы представленіе только о послѣдовательности, а не о причинной связи. Но и процессъ, непосредственно совершающійся между нами и предметомъ, не ведетъ къ познанію причины. Для возможности образованія такого познанія, необходимо, чтобы внѣ насъ было *два* предмета, оба доступные спокойному объективному наблюденію и понимаемые въ ихъ взаимодействіи, благодаря вовлеченію въ процессъ насъ самихъ. Языкъ свидѣтель-

*) *L. Geiger*, «Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft.» Stuttgart 1868.

ствуешь намъ о томъ, какъ дошло до сознанія движеніе, ставшее *объектомъ наблюденія* и вызывавшее *соощущеніе* *) въ насъ самихъ; здѣсь-то и заключается ядро всего нашего причиннаго міросозерцанія».

Этотъ второй предметъ, продвинувшійся между человѣкомъ и объектомъ воздѣйствія, и есть орудіе, называемое обыкновенно по характеру своего дѣйствія. Посредствующая роль орудія развилась лишь постепенно и также постепенно, конечно, развилось сознаніе значенія этой роли. Разрываніе, напимѣръ, не перешло въ разрѣзываніе внезапно: этотъ переходъ совершился постепенно, при чемъ помогающій этому процессу инструментъ все также постепенно выигрывалъ въ своей самостоятельности.

Опираясь на изслѣдованія Гейгера и Каппа, Нуаре и продолживъ дальше мысль о значеніи пользованія орудіемъ для развитія разсудочной дѣятельности человѣка. Понятіе о дѣйствительныхъ причинныхъ отношеніяхъ развивается, благодаря посреднической роли орудій. Проекція органа служитъ источникомъ *объективации* въ силу того, что орудіе является *посредствующимъ членомъ* между волей и задуманнымъ дѣйствіемъ. Животное въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется своими естественными органами; у человѣка есть орудія, и его работа—*посредственна*. Своеобразная и необычная важность роли орудія заключается въ томъ, что оно—часть субъекта и въ то же время объектъ. Благодаря орудію, дѣятельность органовъ животнаго выступаетъ въ поле его зрѣнія, т. е. самаго совершеннаго органа для воспріятія отношеній пространства и времени. Только здѣсь движеніе начинаетъ восприниматься какъ движеніе. *Наглядность* и пониманіе—для человѣческаго познанія одно и то же.

Такимъ образомъ,—говоритъ Вольтманъ, и возникаетъ *объективное представленіе о причинѣ*, въ силу того, что дѣйствіе, которое прежде воспринималось и причинялось чувственно-органически, превратилось, благодаря самостоятельности орудія, въ *наблюдаемое и технически причиняемое дѣйствіе*.]

Глазъ видитъ, какъ одна вещь дѣйствуетъ на другую. Въ этомъ—залогъ развитія всѣхъ высшихъ способностей человѣка. Здѣсь-то и начинается логически сознанное раздѣленіе между я и міромъ, «чудо новаго творенія» Гердера или «невидимый міръ» Уоллеса. Такимъ образомъ, прогрессъ духовной жизни является не простымъ количественнымъ приростомъ животныхъ способностей, а технически обуслов-

*) У Гейгера — *Mitempfindung*, но мы не рѣшились передать этотъ терминъ обычнымъ—«сочувствіе», такъ какъ съ этимъ словомъ у насъ обыкновенно связывается представленіе о переживаніи тѣхъ же эмоцій; въ данномъ же случаѣ дѣло идетъ о томъ, что мы какъ бы ощущаемъ совмѣстно съ орудіемъ то дѣйствіе, которое происходитъ между объектомъ и орудіемъ, такъ какъ источникъ этого дѣйствія одновременно—и въ орудіи, и въ насъ.

влекнымъ самораздвоеніемъ, совершающимся постепенно и исходящимъ изъ тѣхъ психическихъ данныхъ, какія имѣются у животнаго.

Установленіе этого взаимодѣйствія между физическими, техническими и духовными функціями еще не объясняетъ процесса созданія науки, нравственности, искусства и религіи. А вѣдь только эти именно высшія проявленія духа и обуславливаютъ возникновеніе *человѣческаго общества*, въ смыслѣ духовнаго сообщества. Сообщества другого рода существовали уже и до человѣка, и они-то составили необходимую основу для возникновенія *человѣческаго общества*, для возможности развитія высшихъ соціальныхъ узъ, связующихъ теперь наше общество. У простѣйшихъ животныхъ эти сообщества объединены органическою связью, у болѣе высоко-стоящихъ—нѣтъ уже прямого органическаго соединенія въ обществѣ: объединеніе обуславливается здѣсь *психическими* отношеніями. Такъ, у пчелъ, осъ, муравьевъ существуетъ довольно сложная общественная жизнь, регулируемая соотвѣтственнымъ развитіемъ инстинктовъ. У рыбъ находимъ стаи; то же и у птицъ, на объединеніе которыхъ начинаетъ вліять психическій моментъ, называемый нами симпатіей, моментъ, играющій важную роль особенно въ объединеніи млекопитающихъ животныхъ. Бремъ, Эспинасъ, Дарвинъ дали намъ интересныя картины общественной жизни высшихъ млекопитающихъ. Въ соціальной симпатіи, проявляющейся въ подобныхъ обществахъ, Дарвинъ видѣлъ первоисточникъ *моральныхъ* представленій, цементирующихъ общественную жизнь людей. У высшихъ млекопитающихъ есть уже раздѣленіе труда и расчлененіе общества; есть вожди и ведомые; есть предостереженіе объ опасности, совмѣстная оборона и нападеніе, защита слабыхъ и беспомощныхъ. Общественная жизнь животныхъ представляетъ такъ много аналогій съ нашей, что Эспинасъ говорилъ о *морали* животныхъ и видѣлъ въ наиболѣе общественныхъ животныхъ—умнѣйшихъ. Дарвинъ сводилъ возникновеніе симпатіи къ вліянію естественнаго отбора, «такъ какъ тѣ сообщества, которыя заключаютъ въ себѣ наибольшее количество способныхъ къ симпатіи членовъ, будутъ больше всего преуспѣвать и воспитаютъ наибольшее количество потомства». Уже упоминалось, что для превращенія естественныхъ животныхъ способностей въ высшія духовныя недостаточно одной *органической* причины, что необходимы были *техническія* средства для порожденія культуры, этой высшей ступени жизни. Указывалось также и на то, что этотъ техническій процессъ возможенъ былъ только въ обществѣ, и что соціальныи инстинктъ симпатіи составляетъ необходимую естественную основу для развитія интеллектуальныхъ процессовъ. Благодаря пользованію орудіями, возникаютъ представленія о причинѣ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. вмѣстѣ съ тѣмъ борьба за существованіе принимаетъ форму *труда*. А вмѣстѣ съ началомъ труда возникаетъ также, какъ показали Гейгеръ и Нуаре, изъ

субъективныхъ звуковъ животнаго объективный звукъ языка, *рѣчь*, это тончайшее техническое средство, необходимо связанное съ мыслью. Мысль и рѣчь теперь не раздѣлимы.

Какъ совмѣстная работа при помощи орудій, такъ и пользование рѣчью должны были усилить естественную симпатію, а тѣмъ самымъ дать ордѣ первобытнаго человѣка громадное преимущество въ борьбѣ за существованіе съ конкурирующими животными видами; представленіе о причинѣ подняло въ животной душѣ инстинктивную жизнь *склонностей* до сознанія нравственныхъ *обязанностей*. Здѣсь возникло *общее объективное понятіе* объ отношеніи къ своимъ и чужимъ, что еще больше скрѣпило сообщество орды; здѣсь впервые забрежжила заря *совѣсти*, при свѣтѣ которой въ человѣческой душѣ пробудилось представленіе объ обязанности и долгѣ. Правда, это представленіе имѣло своимъ объектомъ только маленькую группу, но такимъ образомъ возникла нравственность орды, центръ того круга, который, все расширяясь по мѣрѣ социальнаго историческаго прогресса, долженъ былъ распространить законы гуманной нравственности на все человѣчество. «Въ первобытной ордѣ, говоритъ Вольтманъ, образовалось то высшее существованіе, которое мы называемъ общественной и духовной жизнью въ тѣсномъ смыслѣ слова. Благодаря технической и логической работѣ, въ *представленіи* возникающаго человѣчества образовался, постепенно совершенствуясь, новый міръ, въ которомъ надъ всѣми духовными отношеніями парить *миръ*, эта первичная форма всей духовной жизни. Но все это вышло изъ того простаго, но имѣющаго рѣшающее значеніе факта, что особо-одаренный родъ сталъ производящимъ орудіе и причинно-мыслящимъ». Сопоставленіе, какъ равновеликихъ, «технической» и «логической» работы указываетъ, что для Вольтмана совершенно ясно различіе между генетической зависимостью данныхъ явленій, и той относительной ролью, какую играютъ уже вполне развитыя силы въ жизни. Данная категория явленій можетъ генетически истекать изъ другой, но это не осуждаетъ ее, конечно, на постоянно подчиненное, зависимое, обусловленное положеніе. Наоборотъ, вполне развитыя, эти позже пришедшія силы могутъ играть совершенно равносильную роль съ породившими ихъ силами, могутъ обратно воздѣйствовать на послѣднія, совершенно преобразовать ихъ, что вполне относится, конечно, и ко взаимодѣйствию логической и технической дѣятельности.

Такъ приняла человѣческой обликъ прежняя животная орда. Повидному, необходимость совмѣстной технической *) работы должна была

*) Кстати, обращаемъ вниманіе на то, что подъ «технической работой» Вольтманъ, какъ видно изъ предыдущаго, понимаетъ не одно только производство, а всѣ виды борьбы при помощи орудій—съ одной стороны, для полученія отъ природы всего необходимаго для жизни, съ другой—для защиты отъ враждебныхъ силъ какъ неодушевленной, такъ и одушевленной природы.

еще больше укрѣпить узы сообщества. Въ какія же формы вылилась и чѣмъ обусловилась первичная организація этого новаго—человѣческаго общества? Это одинъ изъ интереснѣйшихъ, но едва ли и не самый спорный вопросъ социологіи.

Марксова теорія историческаго матеріализма видитъ причины расчлененія и организаціи общества въ характерѣ производства жизненныхъ средствъ и людей, т. е. труда, съ одной стороны, семьи — съ другой. «Чѣмъ меньше развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе количество его произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богатство общества, тѣмъ болѣе, повидимому, общество опредѣляется характеромъ половыхъ отношеній». По этому воззрѣнію, социальное устройство обусловливается физиологическими или экономическими причинами. И чѣмъ отдаленнѣе общественная ступень, тѣмъ болѣе сказывается опредѣляющая роль генеалогическихъ отношеній, такъ что вопросъ о сущности первобытнаго общества является, главнымъ образомъ, вопросомъ о половыхъ отношеніяхъ и о продолженіи рода въ *бракъ* и *семьѣ*. Для освѣщенія этого вопроса, особенно много сдѣлали *Л. Морганъ* и *И. Р. Мукке*. По мнѣнію *Моргана*, половыя сношенія въ первобытномъ обществѣ носили характеръ беспорядочнаго смѣшенія половъ. Но эта беспорядочность, какъ опредѣляетъ ее *Энгельсъ*, состояла не въ томъ, что каждая женщина фактически принадлежала каждому мужчинѣ и наоборотъ, а въ томъ, что не было *никакихъ* ограниченій того круга, изъ котораго могли быть выбраны мужъ или жена, такъ, что и въ то время могли существовать моногамическіе союзы, но супруги могли находиться безразлично во всѣхъ степеняхъ родства. Уже въ семьѣ, которой присвоено названіе «пуналуа», братья и сестры не допускаются къ брачнымъ связямъ, и такимъ образомъ все суживается тотъ кругъ, внутри котораго разрѣшается бракъ. И различіе животныхъ и человѣческихъ половыхъ связей состоитъ въ томъ, что у животныхъ существуютъ беспорядочныя половыя сношенія при всѣхъ степеняхъ родства, при чемъ совершенно безразлично, преобладаетъ ли моногамія или полигамія: человѣческая ступень начинается тамъ, гдѣ прекращаются беспорядочныя связи между родителями и дѣтьми, братьями и сестрами.

Распознаваніе родителей съ одной стороны, братьевъ и сестеръ — съ другой—сложный психическій процессъ, возможный только при надлежащемъ развитіи мыслительныхъ способностей. Высшимъ животнымъ, на примѣръ, обезьянамъ, приписываютъ почти безумную любовь къ дѣтямъ; но и умнѣйшая обезьяна не дойдетъ до заключенія: ты — мое дитя! Чисто физиологическій процессъ могъ перейти въ психологическій лишь путемъ постепеннаго совершенствованія, происходящаго въ обществѣ. *Мукке* *) и попытался бросить свѣтъ на міръ представленій

И. Р. Мукке, «Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwicklung.» Stuttgart 1895.

первобытной души. Онъ старается доказать, что въ первобытныя времена человѣчества не было «семьи, т. е. тѣснаго сообщества родителей и дѣтей», но, съ другой стороны, «не было и дикаго смѣшенія половъ, а существовалъ моногамическій бракъ». Какъ, по Марксу, организаціоннымъ факторомъ въ первобытномъ человѣческомъ обществѣ являлось производство и воспроизведеніе людей, такъ, по Мукке, такимъ факторомъ было рожденіе или *родство*. Общеніе въ ордѣ покоилось на чувствѣ симпатіи, порождавшей солидарность въ различныхъ степеняхъ ея. Но какъ возникли *представленія о родствѣ* въ душѣ первобытнаго человѣка, какъ возникли тѣ *духовныя* отношенія въ бракѣ, семьѣ, человѣческомъ обществѣ, которыя отличаютъ ихъ отъ подобныхъ же соединеній у животныхъ? Мукке слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Въ первобытномъ состояніи рожденіе или родство обуславливаетъ скопленіе, *скупиваніе* членовъ орды, въ смыслѣ возникновенія между ними извѣстныхъ *пространственныхъ отношеній*. Пространственное равенство происхожденія, какъ оно рисовалось чувственной душѣ первобытнаго человѣка, и является ключомъ къ тайникамъ первобытнаго человѣческаго общества. Первые представленія о родствѣ были не представленіями о *кровномъ* родствѣ, возникшими лишь на болѣе поздней ступени, а представленіями о *пространственномъ родствѣ*, «такъ какъ первые союзы, подчеркиваю,— говоритъ Мукке,— *союзы въ представленіи первобытнаго человѣка, были пространственными союзами*». Сходные по полу и возрасту искали, по чувству инстинктивнаго притяженія, общества другъ друга. Дѣвочки пространственно примыкали къ дѣвочкамъ, мальчики къ мальчикамъ, старшіе къ старшимъ, младшіе къ младшимъ. Изъ наблюденія пространственнаго распредѣленія стоянокъ, въ зависимости отъ ихъ близости или отдаленности, возникаютъ представленія о пространственномъ родствѣ. Фактически, конечно, отдѣльные ряды образовались путемъ одновременнаго зачатія и рожденія, но въ первоначальныхъ представленіяхъ человѣка эти ряды были не поколѣніями, а группами, объединенными и раздѣленными пространствомъ. *Понятіе о поколѣніи развилось изъ пространственнаго понятія*. Такимъ образомъ, по Мукке, матеріальной основой первыхъ представленій о родствѣ является то или иное распредѣленіе общихъ мѣстъ для жилья, и это положеніе М. обосновываетъ на богатомъ этнографическомъ и филологическомъ матеріалѣ. Изъ пространственныхъ наблюденій большей или меньшей близости по мѣсту возникаетъ представленіе о послѣдовательности во времени; это положеніе совпадаетъ со взглядомъ Гейгера, что мысль является какъ бы вторымъ зрѣніемъ и что безъ чувства зрѣнія невозможно воспріятіе причинныхъ отношеній.

Жизнь человѣческаго общества подчинена общимъ законамъ жизни, но такъ какъ это жизнь *особаго* свойства, то и въ проявленіи общихъ

законовъ должны произойти соотвѣтственныя измѣненія. Въ какомъ же видѣ проявляется здѣсь важнѣйшій факторъ совершенствованія жизни, *отборъ* въ борьбѣ за существованіе, въ чемъ отличія *соціального* отбора отъ *органическаго*?

Выраженіе «борьба за существованіе» употреблено Дарвиномъ въ картинномъ смыслѣ. Терминомъ этимъ передается тотъ естественно-историческій фактъ, что каждое органическое существо старается сохранить самого себя, что оно—самодовлѣющая цѣль и что для сохраненія своего существованія и, въ болѣе широкомъ смыслѣ, своего воспроизведенія, обыкновенно входитъ въ состязаніе съ другими существами; въ состязаніи, болѣею частью, побѣждаетъ и выживаетъ болѣе приспособленный. Личное самосохраненіе ведетъ въ то же время, съ одной стороны, къ самосохраненію рода, съ другой—къ измѣненію и усовершенствованію организациі, являясь началомъ новаго вида.

Форма борьбы за существованіе будетъ различна, смотря по тому, направлена ли она на внѣшнія силы природы, ведется ли она между различными видами или между индивидами одного и того же вида. Будетъ она также различна и въ зависимости отъ того, активно ли мѣряются своими силами организмы одинъ съ другимъ въ дѣйствительномъ бою, или же оба пассивно подвергаются въ одинаковой степени натиску внѣшней силы, при чемъ погибаетъ болѣе слабый. *Средства* борьбы за существованіе прежде всего состоятъ въ организациі существа, въ способности его физиологическихъ силъ къ дѣйствию и противодѣйствію. Силы эти проявляются въ 3-хъ направленіяхъ: въ способности къ размноженію, въ способности къ измѣненію и въ работѣ внѣшнихъ органовъ. Именно, чѣмъ больше зародышей производитъ организмъ и чѣмъ больше измѣнчивость этихъ зародышей, при чемъ увеличивается ихъ способность къ дифференціациі и приспособленію, тѣмъ больше преимущества такого организма въ состязательной борьбѣ. Но весьма важное значеніе въ процессѣ отбора имѣютъ также внѣшніе органы движенія и чувствъ, особенно тѣ, что служатъ для нападенія и защиты. Въ смыслѣ *цѣли*, изъ-за которой она ведется, борьба за существованіе является состязаніемъ за пищу или за половое наслажденіе и, какъ результатъ всей жизненной конкуренціи, борьбой за сохраненіе рода, изъ-за котораго нѣкоторыя животныя способны даже къ самопожертвованію.

Съ началомъ специфически-человѣческаго періода, проявляются новыя формы, новыя средства и новыя цѣли состязательной борьбы. Эти измѣненія обуславливаются тѣмъ, что орудія, которыми борется человекъ, находятся только въ функціональномъ, а не органически-тѣлесномъ соединеніи съ борющимся индивидомъ, къ личнымъ силамъ присоединились здѣсь безличныя, связь которыхъ съ опредѣленнымъ индивидомъ не является естественно-необходимой. Для уясненія того, въ какомъ смыслѣ измѣнился органический отборъ вслѣдствіе выступ-

ленія на арену новаго средства борьбы—орудія, очень интересенъ, какъ переходная ступень между органическимъ и социальнымъ отборомъ, тотъ видъ отбора, который Гааке *), въ противоположность конституціонному, называетъ дотаціоннымъ. Подъ конституціей онъ понимаетъ отношеніе тѣла къ различнымъ химическимъ и физическимъ силамъ, подъ дотаціей (отъ dotage—снабжать, вооружать)—большее или меньшее расчлененіе, болѣе или менѣе легкое владѣніе отдѣльными органами, однимъ словомъ, болѣе или менѣе гладкій ходъ всей тѣлесной машины, а, кромѣ того, различныя внѣшнія приспособленія—въ родѣ защитной окраски и т. п. Дотація имѣетъ значеніе для борьбы съ внѣшней природой и съ другими видами, но не для борьбы между индивидами одного и того же вида, такъ какъ различія въ дотаціи отдѣльныхъ индивидовъ обыкновенно настолько незначительны, что не могутъ имѣть никакого рѣшающаго значенія для исхода борьбы. Дотаціоннаго отбора индивидовъ *внутри* вида поэтому нѣтъ; здѣсь господствуетъ *только конституціонный отборъ*. Наоборотъ, въ борьбѣ между различными видами или расами, та или иная дотація имѣетъ огромное значеніе, почему результатомъ борьбы видовъ является какъ конституціонный, такъ и дотаціонный отборъ.

Если понимать подъ дотаціей совершенно внѣшнее снабженіе механически дѣйствующими органами, то снабженіе орудіями, — этими проекціями внѣшнихъ органовъ,—должно обусловить новый видъ дотаціоннаго отбора между человѣческимъ родомъ и его конкуррентами, принадлежащими къ другимъ видамъ. Но такъ какъ орудіе и все техническое вооруженіе отдѣлено отъ организма, то физическій индивидуальный отборъ *внутри* человѣческаго общества еще въ меньшей степени можетъ быть вызванъ техническимъ отборомъ, чѣмъ онъ вызывается дотаціоннымъ отборомъ внутри животнаго вида, ибо лучшее снабженіе орудіями не соответствуетъ въ человѣческомъ обществѣ необходимо тѣмъ или другимъ органическимъ свойствамъ и не наследуется потомствомъ органически и непосредственно. Но несомнѣнно, въ борьбѣ съ *внѣшнимъ миромъ*, гдѣ весь родъ является борющейся единицей, техническій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конституціонный отборъ были необходимымъ средствомъ для побѣды человѣческаго рода надъ его соперниками. Очень вѣроятно, что въ первобытныя, *до-человѣческія* времена, когда у предковъ человѣка техническое вооруженіе едва возникло и было достояніемъ не цѣлаго рода, а *только отдѣльныхъ* индивидовъ,—это преимущество въ борьбѣ обусловило и физическій отборъ и повело къ психо-физическому образованію человѣческаго рода. Въ эти первобытныя времена способности индивидовъ выжившихъ, испытанныхъ въ борьбѣ, которая велась при помощи орудій, могли еще органически унаследоваться потомствомъ. Но какъ только выработался

*) W. Haacke, «Gestaltung und Vererbung». 1893.

наконецъ, типъ «человѣкъ», у котораго владѣніе орудіями является *общимъ* достояніемъ, то условія для борьбы *внутри* вида уравнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ для индивида, но не для вида, конечно, отпала возможность органическаго отбора. Дѣйствительно, грубый кремень первобытнаго человѣка былъ настолько недифференцированнымъ, однороднымъ орудіемъ, легко доступнымъ каждому товарищу по роду, что всѣ были вооружены совершенно одинаково и въ этомъ смыслѣ не было «лучше одаренныхъ», которые могли бы имѣть перевѣсъ и потому выжить въ индивидуальной борьбѣ внутри вида. Но и дальнѣйшее совершенствованіе техническаго вооруженія совершается не путемъ личнаго изобрѣтенія, которымъ могъ воспользоваться самъ изобрѣтатель и получить такимъ образомъ перевѣсъ въ борьбѣ. Всѣ эти совершенствованія явились результатомъ болѣе сложнаго процесса—*соціальному труду*, этой новой формы борьбы за существованіе, которая велась техническими средствами противъ внѣшняго міра, той формы продуктивной работы, которую американецъ Стибелингъ (Stiebeling) называлъ *нормальной борьбой за существованіе*, противопоставляя ей, какъ *анормальную*, борьбу между индивидами того же вида. «Какъ животныя,—говоритъ Стибелингъ,—строятъ себѣ гнѣзда, копаютъ пещеры и т. д., чтобы защититься, съ одной стороны, отъ непогоды, съ другой,—отъ нападенія естественныхъ враговъ, такъ и человѣкъ былъ приведенъ къ изобрѣтенію орудія, одежды, жилища—путемъ нормальной борьбы за существованіе съ внѣшними силами природы и враждебными ему видами, а не путемъ ненормальной борьбы съ себѣ подобными».

Такъ какъ органическій индивидуальный отборъ внутри человѣческаго рода отстываетъ на задній планъ, то неудивительно, что костякъ человѣка, повидимому, не претерпѣлъ никакихъ измѣненій отъ дилювіальнаго періода и до нашихъ дней. Если и могутъ быть указаны какія-либо конституціонныя измѣненія въ расахъ, ушедшихъ впередъ, то лишь въ смыслѣ болѣе тонкаго развитія внутренняго строенія мозга у высшихъ расъ, по сравненію съ низшими первобытными племенами.

Неизмѣняемость внѣшняго строенія человѣка, несмотря на многовѣковую борьбу за существованіе, стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вліяніе *животнаго* отбора сказывается на *органахъ*, тѣлесно принадлежащихъ животному, вліяніе же соціальнаго отбора—на проекціи органовъ, на орудіяхъ, органически съ человѣкомъ не связанныхъ. И результатъ отбора, въ смыслѣ выживанія и унаслѣдованія наиболѣе приспособленнаго, у животныхъ поэтому является *органическимъ*. Въ человѣческомъ же обществѣ отборъ распадается на *техническій* и *органическій*; индивидуально оба они совпадаютъ только случайно, соціально—непремѣнно. Общественный процессъ гораздо сложнѣе органическаго и не можетъ быть поставленъ наравнѣ съ нимъ.

Но кромѣ физическаго отбора, рассматривавшагося нами до сихъ поръ, существуетъ еще и *психическій*, играющій большую роль у тѣхъ

именно животныхъ видовъ, которые обладаютъ дифференцированной нервной системой и соответствующимъ ей развитіемъ субъективнаго сознанія. Въ борьбѣ за существованіе, вниманіе, мужество, выносливость, остроуміе, хитрость и т. д. являются цѣннымъ оружіемъ, можетъ быть, болѣе цѣннымъ, чѣмъ превосходное развитіе мускулатуры или способность къ размноженію. Потому и здѣсь результатомъ борьбы долженъ быть извѣстный отборъ въ томъ смыслѣ, что болѣе одаренный выживаетъ и его способности, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ унаслѣдоваться и его потомствомъ.

Но если вполнѣ понятна возможность усовершенствованія, путемъ отбора въ борьбѣ за существованіе, тѣхъ интеллектуальныхъ свойствъ, которыя повышаютъ личные шансы борьбы, то какъ быть однако съ тѣми высшими социальными добродѣтелями, которыя составляютъ лучшее достояніе человѣческаго общества. Дарвинъ считалъ возможнымъ развитіе нравственныхъ качествъ людей изъ социальныхъ инстинктовъ животныхъ, путемъ борьбы за существованіе. Уже у животныхъ, по Дарвину, наблюдается борьба между различными инстинктами, другими словами, начало нравственныхъ конфликтовъ. Уоллэсъ возсталъ противъ этого воззрѣнія Дарвина и считалъ совершенно невозможнымъ, чтобы въ борьбѣ за матеріальное существованіе могли развиваться высшія духовныя и нравственныя свойства. И это правда: борьба за единичныя матеріальныя цѣли никогда и ни при какихъ условіяхъ не могла бы создать идеальнаго духовнаго міра человѣка. Но вѣдь и среди животныхъ борьба за существованіе не во всѣхъ случаяхъ имѣетъ матеріальную цѣль. И тамъ борьба ведется не только за пищу или за половыя наслажденія, но и за сохраненіе и развитіе рода. Животныя руководствуются не идеальнымъ, только человѣку свойственнымъ сознаніемъ, а лишь инстинктивнымъ чувствомъ, но фактически храбрѣйшія изъ животныхъ доходятъ до самопожертвованія изъ-за блага рода. А развѣ для *отдѣльнаго* животнаго это актъ борьбы за *личное матеріальное* существованіе? Уже у животныхъ, кромѣ личной борьбы за существованіе, существуетъ совмѣстная борьба за общія цѣли. Социальныя побужденія симпатіи ведутъ къ созданію общихъ интересовъ животнаго стада, ко взаимному оказанію помощи и къ совмѣстной борьбѣ съ внѣшними врагами. Прямая личная борьба за существованіе другъ съ другомъ, внутри сообщества, ослабляется; у высшихъ стадныхъ животныхъ ея почти нѣтъ. Совершенствованіе этихъ социальныхъ качествъ происходитъ тоже и путемъ отбора, но,—говоря словами Стибеллинга,—не въ аномальной, а въ нормальной борьбѣ за существованіе. Но одно общее сосуществованіе и борьба за сохраненіе вида еще не создаютъ нравственности и совѣсти. И выше уже высказаны соображенія, что лишь послѣ того, какъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ душѣ животнаго проснулось логическое представленіе о причинѣ,—изъ симпатіи и инстинктивныхъ стремленій къ усовершенствованію вида

развилося объективное общее знаніе и совѣсть. Психическій отборъ, совершавшійся при этомъ, не совпадаетъ съ физическимъ, происходящимъ путемъ органическаго унаслѣдованія извѣстныхъ качествъ. На это указывалъ и Дарвинъ, замѣтившій по поводу племенной морали низшихъ ордъ: «Кто готовъ былъ скорѣе пожертвовать свою жизнью, чѣмъ измѣнить товарищамъ (а это дѣлали очень многіе дикари), тотъ часто не оставялъ никакого потомства, которое могло бы унаслѣдовать его благородную натуру».

Но онъ дѣйствовалъ своимъ *примеромъ*, нравственнымъ вліяніемъ своего поступка. Въ томъ же смыслѣ высказался и *А. Кирхгофъ*: «Кто, презирая смерть, бросался на копья враговъ, тотъ не оставялъ *тѣлесныхъ* наслѣдниковъ своей способности къ самопожертвованію, но онъ оставялъ большое, *духовное* наслѣдство: кто видѣлъ его геройскій поступокъ, кто слышалъ о немъ въ пѣснѣ или разсказѣ, тотъ, чѣмъ больше были его силы духа, тѣмъ больше побуждался къ подражанію». И уже Дарвинъ указывалъ, что развитіе морали ведетъ къ уравниенію различій между расами, выростая въ идею гуманности. Въ этомъ отношеніи, Дарвинъ представлялъ полную противоположность тѣмъ «дарвинистамъ», что борются съ гуманностью, выдавая ее за слабость и глупость, и одну силу считаютъ правомъ. По поводу подобныхъ воззрѣній, Дарвинъ замѣтилъ въ своей автобіографіи о Карлейлѣ: его воззрѣнія на рабство возмутительны, въ его глазахъ сила была правомъ.

Резюмируя высказанныя выше соображенія, Вольтманъ сводитъ къ слѣдующему *различію между органическимъ и социальнымъ отборомъ*.

«Развитіе человѣческой социальной жизни въ той же степени подчинено общимъ біологическимъ законамъ дифференціаціи, приспособленія, отбора и т. д., что и развитіе органической жизни. Главное различіе состоитъ въ томъ, что къ органическимъ силамъ присоединяются еще техническія орудія, т. е. Сезличныя и отдѣленныя отъ организма силы, которыя нарушаютъ законъ органическаго индивидуальнаго наслѣдованія и совершенствованія.

«Законъ отбора органовъ и организмовъ переходитъ на техническія орудія въ такомъ смыслѣ, что орудія дифференцируются, приспособляются къ новымъ цѣлямъ и, конечно, при посредствѣ человѣка, преобразуются въ болѣе совершенныя формы. Извѣстная непрерывность формъ наблюдается и въ исторіи орудій, и Лафаргъ правъ, говоря, что дѣйствительная борьба за существованіе и усовершенствованіе происходитъ не между людьми, а между ихъ искусственными органами.

«Всеобщіе біологическіе законы въ равной степени господствуютъ и надъ развитіемъ духовной жизни. Борьба мнѣній, отборъ и усовершенствованіе идей, путемъ критики, утверженія или отрицанія,—все это не одно только картинное отраженіе. И духовная исторія человѣка становится относительно самостоятельнымъ міромъ причинъ и слѣдствій, гдѣ духовныя формы производятъ изъ себя новыя формы.

«Въ виду этого, экономическій и духовной отборъ не обозначаютъ непремѣнно отбора наиболѣе одаренныхъ въ духовномъ и экономическомъ отношеніяхъ людей, такъ какъ техническія и духовныя силы связаны неразрывно не съ отдѣльными личностями, а со всѣмъ органическимъ процессомъ *всего* общества. Вслѣдствіе этого способъ вліянія соціального отбора безконечно сложнѣе, чѣмъ органическаго, и весьма возможно, что первоначальный параллелизмъ между индивидуальнымъ самохраненіемъ и сохраненіемъ рода уничтожится.

«Усовершенствующій отборъ не совпадаетъ непремѣнно съ органическимъ продолженіемъ и унаслѣдованіемъ, очень часто побѣждаетъ не лучше организованный, но лучше вооруженный: между лучшей организаціей и лучшимъ вооруженіемъ нѣтъ никакого необходимаго совпаденія. Наоборотъ, часто дурной и слабый наслѣдуютъ хорошее экономическое вооруженія, тогда какъ хорошій и сильный, не смотря на выдающуюся организацію, лишень оружія и орудія; онъ гибнетъ въ борьбѣ за существованіе, а первый имѣетъ возможность передать по наслѣдству свой дурной и слабый характеръ. Здѣсь важная причина вырожденія.

«Выдающіеся индивидуы, при обстоятельствахъ, продолжаютъ жить не въ своихъ *дѣтяхъ*, но въ своихъ *дѣлняхъ*. Люди являются и исчезаютъ, народы поднимаются и падаютъ. Они работаютъ надъ *культурнымъ* *дѣломъ* рода и въ этомъ ихъ счастье и слава. Гдѣ физіологическіе наслѣдники грековъ? У нихъ есть только духовные сыны, и они создаютъ постоянно все новое духовное наслѣдство».

Этимъ собственно и заканчивается теоретическая часть разсужденій Вольмана объ отношеніи между естествознаніемъ и обществовѣдѣніемъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ отношенію дарвинизма къ нѣкоторымъ конкретнымъ вопросамъ, изъ которыхъ мы остановимся только на двухъ: отборъ въ борьбѣ расъ и отношеніи между борьбой за существованіе и «свободной конкуренціей».

Насколько мы можемъ возстановить исторію человѣчества, всегда и вездѣ мы находимъ племена и расы въ борьбѣ за существованіе: за владѣніе землей и питаніемъ и за господство. Расы выступаютъ одна противъ другой, какъ будто-бы онѣ были различными видами. Процессъ отбора повторяется въ болѣе узкихъ, но высшихъ жизненныхъ сферахъ, въ борьбѣ людей съ людьми. Въ первобытномъ обществѣ это не была индивидуальная борьба за существованіе (свободная конкуренція индивидовъ—продуктъ новой исторіи), но борьба между человѣческими *группами*, между *ордами*, *племенами* и *расами*. Исходъ въ борьбѣ расы съ расою обуславливается не только относительнымъ развитіемъ физіологическихъ силъ, но также географическими и экономическими причинами, другими словами, внѣшними условіями существованія и приспособленія; онъ зависитъ столько-же отъ техники и экономіки, какъ отъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ,

такъ что условія и результатъ борьбы не всегда и не во всякое время могли быть одинаковы. Это нужно постоянно имѣть въ виду, и большая заслуга Шеффле состоитъ въ указаніи того, что каждый періодъ имѣлъ свою соціальную форму отбора.

Борьба расъ будетъ совершенно различна, смотря потому, ведется ли борьба между «дикарями» съ той и другой стороны, между «дикарями» и цивилизованными племенами или, наконецъ, только между цивилизованными народами, между государствами, какъ говорятъ обыкновенно.

Для большинства «дикарей», племенная борьба является нормальнымъ видомъ существованія, жизненной необходимостью, такъ какъ на этой ступени средства существованія даются въ большей степени не хозяйственнымъ трудомъ, а эксплуатаціей, завоеваніемъ: охотой и войной. Здѣсь еще имѣетъ мѣсто физическій отборъ какъ отдѣльныхъ единицъ, такъ и расъ, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ примитивнѣе орудія и экономическія производительныя силы.

Совершенно въ иныя условія поставлена борьба между «дикарями» и культурными націями. Видѣть въ этой борьбѣ проявленіе закона естественнаго отбора могутъ только слѣпые «дарвинисты». Истребленіе «дикарей» высшей цивилизаціей,—порохомъ, водкой, заразными болѣзнями, грабежемъ,—въ борьбѣ, гдѣ иногда проявляются самыя отталкивающія свойства человѣческаго звѣрства,—является дѣяніемъ, въ «естественной необходимости» котораго можно очень и очень сомнѣваться. А услужливые «дарвинисты» реабилитируютъ эту разбойничью истребительную войну: что дѣлать, таковъ желѣзный законъ естественнаго отбора. При чемъ тутъ естественный отборъ: здѣсь просто одно изъ величайшихъ преступленій, совершенныхъ такъ называемыми цивилизованными націями.

Совершенно тоже нужно сказать объ оправданіи войны между культурными народами съ точки зрѣнія «дарвинистской политики». Дарвинъ по этому вопросу не былъ «дарвинистомъ», онъ видѣлъ въ войнѣ моментъ, не совершенствующій расу, а, наоборотъ, способствующій вырожденію ея. Въ молодые годы и Геккель возставалъ противъ «военнаго отбора», но затѣмъ преспокойно вычеркнулъ эти «юношескія выходки» изъ позднѣйшихъ изданій «Естественной исторіи міротворенія».—Въ послѣднее время у буржуазныхъ дарвинистовъ вошло въ моду выдавать войны между цивилизованными народами за борьбу расъ. Не говоря уже о томъ, что чистыя расы—этнологическій мифъ, но для кого-же тайна, что всѣ войны новаго времени, ведущіяся изъ-за экономическихъ интересовъ, всего меньше могутъ претендовать на названіе—борьбы расъ. И толковать о «естественномъ отборѣ» по поводу такихъ войнъ совершенно неумѣстно: всѣ онѣ являются «анормальной» борьбой за существованіе, ведущей къ не усовершенствованію, а къ вырожденію борющихся.

Отношеніе «дарвинистской» политики къ вопросу о свободной конкуренціи—одинъ изъ печальныхъ эпизодовъ изъ исторіи скитаній человѣческой мысли. Это исторія о томъ, какъ, для реабилитаціи различныхъ злоупотребленій, искажалась и кастрировалась наука. Буржуазные «дарвинисты» ухитрились обуржуазить даже природу: экономическій принципъ, возникшій сравнительно недавно, при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ, со всѣми его недостатками и ошибками, они примѣнили ко всей живой природѣ, чтобы затѣмъ, въ формѣ еще болѣе искаженной, перенести его назадъ въ человѣческое общество. «Яростная борьба интересовъ въ человѣческомъ обществѣ—только слабое отраженіе непрестанной, жестокой борьбы за существованіе, господствующей во всемъ живомъ мірѣ!»—воскликаетъ Геккель—и говоритъ завѣдомую неправду. Для всего царства растений совершенно нельзя говорить о жестокой борьбѣ за существованіе; нѣтъ жестокости природы и въ борьбѣ животныхъ; тамъ вовсе нѣтъ, какъ давно указалъ уже это Уоллэсъ, той массы страданій и боли, какая сопровождаетъ борьбу въ человѣческомъ обществѣ. Но «дарвинисты» съ какою то особенною любовью рисуютъ возмутительныя картины жестокости природы, чтобы, вѣроятно, тѣмъ миѣе казались всѣ прелести свободной конкуренціи. И чѣмъ дальше, тѣмъ развязнѣе становится толкованіе «естественнаго отбора». Мальтусъ, вліяніе котораго на возникновеніе теоріи естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе несомнѣнно, еще оплакивалъ нищету и злополучіе низшихъ классовъ, онъ только не зналъ никакого цѣлебнаго средства противъ этого, казалось ему, естественнаго, неизбежнаго зла. Буржуазные же дарвинисты «въ своей циничной безсовѣстности, —говоритъ Вольфманъ,— кладутъ на чело бѣдности, болѣзни и оброшенности позорное клеймо—негодности и гибели всего дурного. Такимъ образомъ они присоединяютъ—и это позорное клеймо на ихъ лбу—къ оптимизму буржуазной политической экономіи—цинизмъ застарѣлаго заблужденія, стараясь изъ выдуманыхъ правилъ животной жизни вывести предписанія для человѣческихъ дѣйствій. Ихъ писанія, какъ сказалъ когда то Марксъ по подобному же поводу о мальтусовой книгѣ, —*насквилъ на родъ человѣческій*». Толкуя совершенно на выворотъ дѣйствительныя отношенія, выдавая слѣдствія за причины, «дарвинисты» въ то же время трогательно исповѣдываютъ наивную вѣру, будто богатство и высокое положеніе являются слѣдствіемъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе и «отобранные» по наслѣдству передаютъ своимъ дѣтямъ соответственныя дарованія. Они совершенно игнорируютъ фактъ, что исходъ въ индивидуальной борьбѣ опредѣляется теперь не личными силами, а тѣмъ, главнымъ образомъ, каково экономическое и правовое положеніе борющихся. Они забываютъ, что органическое наслѣдованіе дарованій и юридическое наслѣдованіе капитала и положенія въ дѣйствительности далеко не совпадаютъ. Процессъ борьбы за

*

существованіе въ обществѣ перестаетъ быть «естественнымъ», все болѣе и болѣе отдаляясь отъ природныхъ условій. Конечно, и эта борьба ведетъ къ отбору наиболѣе приспособленныхъ, но что это за приспособленіе? Оно соответствуетъ, конечно, самому характеру борьбы, о которой *Шеффле* какъ то сказалъ, что для нея хороши всѣ средства, если только они не ведутъ на каторгу. А *Ёнчъ* (*Jentsch*), всего меньше могущій считаться человѣкомъ крайнихъ мнѣній (въ своихъ сочиненіяхъ онъ борется съ социализмомъ), замѣчаетъ: «Это общество, отобранное конкуренціей, должно считаться *аристократіей*? Съ такимъ же правомъ можно причислить къ аристократіи голодную собаку, отнявшую кость у другой голодной собаки».

И, конечно, было бы незаслуженнымъ оскорбленіемъ для человѣскаго рода—думать, что никогда не прекратится эта братоубійственная борьба и что «анормальная борьба за существованіе» не смѣнится «нормальной борьбой», совмѣстной работой не для личнаго, а для общаго блага... «Помяните, — возопять зоологи буржуазно-дарвиновскаго толка, — а естественный законъ борьбы за существованіе!» Но правы ли они въ своемъ протестѣ? Во-первыхъ, откуда это столь странное представленіе о «законѣ»? Вѣдь научный законъ—это только обобщеніе, съ одной стороны, данныхъ, доставленныхъ наблюденіемъ и опытомъ, съ другой—гипотезъ, и требовать *подчиненія* ему можно, лишь играя словами, смѣшивая его съ юридическимъ закономъ. А, во-вторыхъ, вѣдь и борьба за существованіе не есть непремѣнно борьба другъ противъ друга, уже у стадныхъ животныхъ—это совмѣстная борьба противъ внѣшнихъ силъ, нормальная борьба, которая всегда сохранится въ человѣческомъ обществѣ и будетъ вести къ совершенствованію его. Но ужъ, навѣрное, никто не станетъ совѣтоваться съ зоологами, какъ устроить человѣческое общество, по кодексу звѣринаго права, какъ бы ни были недовольны этимъ зоологи, нежелающіе призвать для человѣка естественнымъ то, чего не дѣлаютъ звѣри. «Они (зоологи), остроумно замѣчаетъ одинъ нѣмецкій писатель (*Grottewitz*), извлекаютъ изъ звѣриной жизни законы, которые, по ихъ мнѣнію, имѣютъ обязательную силу и для человѣка. Но почему-же не говорятъ они: звѣри не думаютъ, слѣдовательно, и мы не смѣемъ этого дѣлать».

Здѣсь мы можемъ разстаться съ авторомъ. Конечно, съ развитіемъ точныхъ знаній сотни измѣненій будутъ произведены въ предложенныхъ теоріяхъ, но это не мѣшаетъ и теперь уже систематизировать наиболѣе достовѣрное изъ существующаго, что, по нашему мнѣнію, очень умѣло и сдѣлалъ *Вольманъ*. Но каковы бы ни были будущія фактическія измѣненія, едва-ли когда-либо будутъ поколеблены основные принципы, которые неуклонно—а это и придаетъ книгѣ наибольшій интересъ—проводить въ своемъ сочиненіи *В.* Несомнѣнно, что и каждый послѣдующій трудъ, если пожелаетъ пролить новый свѣтъ на

явленія общественной человѣческой жизни, долженъ будетъ прихѣнить къ ихъ изученію естественно-научный методъ и именно потому не забывать всего различія между зоологіей и соціологіей, а считаться со *всѣми особенностями* человѣческой общественной жизни. Въ виду этихъ особенностей, въ виду *общественнаго и человѣческаго* характера этой жизни, общій для всей жизни біологическій законъ долженъ претерпѣть здѣсь соотвѣтственныя преломленія. И всѣ дальнѣйшія изслѣдованія только, конечно, подтвердятъ и разовьютъ основную мысль, проникающую все сочиненіе, что именно *духовныя силы* составляютъ отличительную черту человѣческаго общества и что эти силы все больше и больше выитрываютъ въ своемъ значеніи. Эта мысль,—и это, конечно, только отрадно,—не составляетъ какой-либо оригинальной черты Вольтмановской книги, ею проникнуты всѣ лучшія соціологическія сочиненія. Идею эту,—какъ это и дѣлаетъ *Шеффле* въ своей старой, но теперь совершенно заново передѣланной книгѣ («Жизнь и строеніе общественнаго тѣла» *),—можно поставить въ связь съ воззрѣніемъ, давнымъ давно высказаннымъ въ геологіи. Такъ, геологъ *Дана* видитъ характерную тенденцію хода творенія—отъ древнѣйшихъ формъ до новѣйшихъ—въ образованіи головы (cephalisation), въ развитіи мозга и прогрессирующемъ подчиненіи животныхъ и растительныхъ функций—мозговой дѣятельности. И все прогрессирующее развитіе духовныхъ силъ, не только отдѣльнаго человѣка, но всего общества,—прямое продолженіе этого процесса. Стихійно вырабатывались эти силы, медленно и стихійно совершался процессъ уясненія общественныхъ отношеній, но уже теперь эти силы имѣютъ самостоятельное и серьезное значеніе въ общественной жизни. Конечно, не логика и не велѣнія нравственности являются опредѣляющимъ факторомъ въ жизни человѣческаго общества, но факторъ этотъ на лицо, это сила и—растущая сила. И она растетъ, какъ благодаря сознательной работѣ человѣчества, такъ даже и благодаря стихійнымъ процессамъ жизни.

Л. Сѣдовъ.

*) au und Leben des Sozialen Körpers, Tübingen 1895, t. I, стр. 267—268.

ОСВОБОДИЛАСЬ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе *).

VIII.

У Мельгуновыхъ только что кончили обѣдать. Мужчинъ хозяинъ пригласилъ курить въ кабинетъ. Дамы съ хозяйкой перешли въ гостиную пить кофе.

Мельгуновъ сіалъ. Обѣдъ такъ удался, что профессоръ Сивушинъ—большой гастрономъ,—въ третій разъ допытывалъ его, откуда онъ досталъ повара.

— Кухарка, бѣлая кухарка, Александръ Петровичъ, поварами я брезгаю...

— Да не можетъ быть! Никогда не повѣрю, чтобъ кухарка умѣла такъ соусъ сдѣлать... никогда...

— Ахъ, соусъ!...— усмѣхнулся Мельгуновъ и съ наслажденіемъ затянулся дорогой сигарой.—Ну, за это поцѣлуйте ручку у хозяйки... соусъ она дѣлала сама... больше двухъ часовъ работы...

Сивушинъ выпустилъ пуговицу смокинга, за которую ухватилъ было хозяина.

— Быть не можетъ!.. Сама?

Сивушинъ огорченно развелъ руками.

— Ну, знаете ли? Съ этимъ тоже, родиться надо. Не всякому дано... Заставь-ка я свою Анеточку въ кухню сидѣть. Завянетъ, зачахнетъ... Цвѣтокъ, совсѣмъ цвѣтокъ... Сейчасъ эти мигрени... Да тутъ никакому соусу не обрадуешься!.. На это здоровье нужно.

Онъ сокрушенно вздохнулъ. Мельгуновъ самодовольно потрепалъ коллегу по круглой спинѣ. Онъ выпилъ мозельвейну болѣе, чѣмъ рассчитывалъ, глаза его, какъ бы подернутые влагой, съзились и ему хотѣлось поговорить по душѣ.

*) См. «Міръ Вождй» № 8, августъ.

— Нѣтъ, а какъ она нынче спорила съ Алферовымъ насчетъ капитализма-то... слышали?

Онъ подмигнувъ на Алферова, крупнаго брюнета съ огромнымъ лысымъ лбомъ. Онъ что-то рассказывалъ въ группѣ мужчинъ, подобострастно внимавшихъ его рѣчи. Это былъ купецъ, думскій гласный, съ замѣчательнымъ образованіемъ, съ большимъ капиталомъ и связями. Мельгуновъ давно „оаживалъ“ его, ища знакомства, надѣясь привлечь его современемъ къ дѣтскому приюту, гдѣ онъ служилъ бесплатно изъ-за чиновъ, черезъ Алферова рассчитывая получить связи и доступъ въ богатѣйшіе купеческіе дома. Въ первый разъ Алферовъ у него обѣдалъ, былъ любезенъ съ его женой, очевидно пораженъ ея начитанностью... Мельгуновъ сиялъ. День этотъ стоилъ ему дорого, но за-то онъ не прошелъ даромъ. И этимъ онъ обязанъ Лизѣ больше всего...

— Удивительная женщина эта Лизавета Николаевна,—говорилъ Сивушинъ, по хитрымъ глазкамъ котораго, какъ бы добродушно глядѣвшимъ изъ-подъ заплывшихъ вѣкъ, никогда нельзя было рѣшить, погладить ли онъ по головѣ собирается, или держать за пазухой камень.—И когда это она все успѣваетъ? И книги, и кухня, и уроки?..

— Бросила, батенька. Вообразите—бросила...

— Что бросила?.. испуганно спросилъ Сивушинъ и курить пересталъ.

— Тсс!..—Мельгуновъ оглянулся на гостей и понизилъ голосъ.—Только ей ни слова... Это секретъ... Возвращаюсь я изъ Петербурга, она мнѣ вдругъ объявляетъ: я уроки передала...

Острые глазки Сивушина сверкнули въ упоръ умиленному взгляду Мельгунова.

— Ну и перекреститесь, миленькій, и скажите: „слава Богу!..“—лицемѣрно зашепталъ онъ.—Я частенько-таки побаивался за васъ...

Мельгуновъ вздрогнулъ и снялъ свою руку съ плечъ гостя, котораго фамиллярно обнималъ.

— За меня?

— Опасная штука эти передовыя женщины, что ни говорите! Эти поборницы женской независимости... Особенно, когда у нихъ свой грошикъ заведется... Чуть не по шерстѣ ихъ погладишь,—фьютъ!.. Шевельнули хвостикомъ... Ищи ихъ!..

— Неужели вы воображаете, что такая женщина, какъ Лиза...

— Ничего я не воображаю. Я вообще... Я знаете ли всегда Мишле вспоминаю... Помните это его сочиненіе о женщинѣ, посвященное его женѣ?.. „Женщина—это цвѣтокъ“... Оно и вѣрно-съ... Умная бестія былъ старичекъ! Что говорить! Сладко

пѣль... Съ цвѣточками — оно, знаете, много спокойнѣе... Никакъ у васъ сигарка, батенька, потухла?

Мельгуновъ растерянно взглянулъ на кончикъ сигары. Дѣйствительно, потухла. Онъ зажегъ ее и сталъ усиленно раскуривать. — „Точно подслушаль... Угадалъ что ли? Да нѣтъ!.. Не можетъ быть... Лиза—могила... Никому не скажетъ... Вотъ ядовитая жаба... настоящая жаба“, — думалъ онъ, затягиваясь.

— Женщины того типа и того поколѣнія, къ которому принадлежитъ Лиза, — сентенціозно заговорилъ онъ опять, враждебно щурясь на жирное лицо Сивушина, — отличаются отъ современныхъ молодыхъ женщинъ своими запросами, идейностью стремленій что ли... Я вамъ многихъ назову, какъ она Изъ нихъ врачи вышли, учительницы, писательницы... Этому поколѣнію Россія обязана многимъ. Росли-то онѣ, видите ли, подъ инымъ вѣяніемъ... То было время иное, пѣсни инныя... Вотъ онѣ звуки-то этихъ пѣсень, въ дѣтствѣ слышанныхъ, въ душу имъ запавшихъ, черезъ всю жизнь пронесли, какъ лучшей завѣтъ прошлаго...

„Вотъ какъ поеть... — казалось говорило, умильно улыбавшееся лицо Сивушина... — Хорошо ты поешь... гдѣ-то сядешь?..“

— Жаль, жаль, что она васъ не слышитъ. — покачалъ онъ лысой головой. — Пойдемте-ка въ гостиную, Павелъ Васильичъ, повторите-ка это при женѣ, она оцѣнитъ...

Онъ взялъ Мельгунова подъ локоть.

„И акушерка твоя это тоже оцѣнитъ...“ — говорили его глазки. Мельгуновъ благоразумно высвободился и продолжалъ:

— Вы, какъ человѣкъ стараго уклада, можете не симпатизировать этому типу женщинъ, но отказывать ему въ уваженіи вы наврядъ ли рѣшитесь.

— Не рѣшусь, батенька, не рѣшусь... Гдѣ жъ ихъ сравнивать съ нашими молодыми дѣвицами въ юбкахъ... вродѣ Анны Васильевны, напримѣръ? Въ сравненіи съ ними Лизавета Николаевна — Донъ-Кихоть...

Мельгуновъ внутренно дрогнулъ и внимательно посмотрѣлъ въ узкіе, блестящіе глазки собесѣдника. Тотъ взялъ его конфиденціально подъ локоть и зашепталъ:

— Некрасивую штучку сыграла ваша акушерка съ Сомовой... Горячкой родильной-то она ее, говорятъ, заразила...

Мельгуновъ отодвинулся.

— Что вы?.. помилуйте... Кто вамъ сказалъ?..

— Э, Павелъ Васильичъ, слухомъ земля полнится... У нея, говорятъ, въ это время перитонитомъ больная въ пріютѣ померла, а она къ Сомовой все-таки побѣжала... Алчность ее ужъ очень заѣдаетъ... Вы бы ей велѣли поосторожнѣе быть... Въ другой разъ нагорить и права практики лишатъ... А главное, на васъ

вѣдь это тѣнь... Всѣ знаютъ, что она ваша protégée... Вы ужъ ее предупредите...

„Экая гадость какая“, — думаль озабоченно Мельгуновъ, подходя къ Алферову и дѣлая видъ, что прислушивается къ его разсказу. — „Ужъ если эта старая сплетница — Сивушинъ заговорилъ, завтра вся Москва узнаеть... А Сивушину подъ меня подкочаться давно хочется... Онъ только предлога ищетъ, чтобъ мнѣ подставить ногу...“

Съ озабоченнымъ лицомъ онъ вошелъ въ гостиную.

На диванѣ Анна Михайловна Сивушина, хорошенькая блондинка, одѣвавшаяся у лучшей портнихи, кутала свою шейку въ дорогое страусовое боа, хотя въ комнатѣ было пятнадцать градусовъ тепла. Бывшая гимназистка, попавшая затѣмъ на курсы, она плѣнила Сивушина своей миловидностью и граціей, необыкновенно быстро освоилась съ ролью богатой женщины, забыла довольно-таки живо всѣ прежнія связи и знакомства и дружила только съ богатыми купчихами. Въ ихъ средѣ она слыла за необыкновенно развитую и передовую женщину, любила тамъ щегольнуть модными словечками вродѣ „капитализма“ и „эволюціи“, и названіемъ серьезной книги. Она втайнѣ робѣла передъ Лизаветой Николаевной, за-глаза смѣялась надъ ея чудачествами, но очень дорожила этимъ знакомствомъ, такъ какъ многія напрасно добивались сближенія съ замкнутой и строгой Мельгуновой.

— Мы съ ней друзья, — важно говорила она въ различныхъ кружкахъ, но ей плохо вѣрили.

Съ Мельгуновымъ она давно кокетничала и была не прочь отъ романа съ нимъ. Когда же супругъ сообщилъ ей о связи его съ акушеркой. — Анна Михайловна стала донимать красиваго доктора чисто-женской мелочностью и мстительными выходками. Эту акушерку изящная барыня простить ему не могла и ее только бѣсила холодная сдержанность самой Мельгуновой.

— Какъ она можетъ это выносить?.. возмущалась Анна Михайловна. — Это рыба какая-то, а не женщина...

— Да не любить его, матушка, очень просто... — объяснял Сивушинъ.

— Такъ что жъ, что не любить?.. Да я бы изъ самолюбія одного такъ не оставила... А она еще за столъ съ собой сажаетъ эту дрянъ...

Свое презрѣніе къ красивой акушеркѣ она умѣла выказать съ удивительнымъ мастерствомъ: разглядывала ее въ лорнетъ, какъ невиданнаго звѣря, дѣлала большіе глаза, когда та съ кѣмъ-нибудь заговаривала; наклонялась къ уху сосѣдки и прикрывшись вѣеромъ вполголоса дѣлала свои замѣчанія и звонко смѣялась.

Впрочемъ, сама Анна Васильевна Преображенская, безъ муж-

чинъ почувствовала себя, какъ рыба, выброшенная на берегъ. Ей разомъ стало душно и скучно въ гостиной. Она выпила двѣ чашки кофе, покраснѣла отъ возбужденія, потомъ зѣвнула раза три и занялась альбомами. Съ дамами разговаривать она даже не стремилась, хотя хозяйка и втягивала ее въ разговоръ.

Это была пышная, румяная, чернобровая женщина, съ цѣлой гривой вьющихся черныхъ волосъ, съ прекрасными темными глазами. Крупная, сильная, въ своемъ новомъ гремучемъ шелковомъ платьѣ, она произвела сильное впечатлѣніе на Алферова.

— Qui est-ce?..—спросилъ онъ Мельгунова послѣ обѣда и узнавъ, что она его помощница, онъ подмигнулъ хозяйиню:

— Diable!.. V'la une belle créature!..

Гости еще не развѣзжались. Въ столовую подали самоваръ и хозяйка пригласила туда всѣхъ. Пришли Шура и Оля, хорошенькая племянница и крестница Мельгуновой. Она пріѣхала изъ провинціи въ сочельникъ, и Лизавета Николаевна съ ней не разставалась, возила дѣтей въ театръ, сдѣлала имъ елку, читала имъ вслухъ.

Вошелъ лакей.

— Васъ тамъ спрашиваютъ, барыня,—таинственно сообщилъ онъ, наклоняясь къ уху хозяйки.

— Кто?

— Студентъ какой-то...

IX.

— Гдѣ онъ?

Лизавета Николаевна такъ растерялась, что на нее было жалко смотрѣть. Она встала, вся вспыхнувъ, бросила на стулъ расшитое полотенце и порывисто пошла къ двери. Но тотчасъ опомнилась и робко улыбнулась гостямъ.

— Они въ передней-съ... не раздѣваются... говорятъ на минутку... повидать...

Лизавета Николаевна опять схватила полотенце и остановилась у стола.

— Это изъ попечительства?.. помогъ ей инстинктивно мужъ.

Онъ замѣтилъ волненіе жены и безсознательно испугался. Такая свѣтская, тактичная женщина... Что бы это значило?

— Вы развѣ концертъ опять затѣваете?..—крикнула горбоносая дѣвица и глаза ея запрыгали отъ любопытства.

— Д-да... н-нѣтъ... извините... я сейчасъ... — задохнувшись какъ-то кинула Мельгунова, разомъ поблѣднѣла и быстро пошла за лакеемъ въ переднюю.

Предчувствіе ее не обмануло. Это былъ Клименко.

Онъ стоялъ не раздѣваясь, въ своей жиденькой шинели, укутанный башлыкомъ.

Сердце Лизаветы Николаевны такъ стучало, что она не рѣшалась заговорить и только молча подала ему обѣ руки.

Онъ порывисто взялъ ихъ въ свои.

— Я, кажется, не въ-время... У васъ гости?

Голосъ его замѣтно дрожалъ, но въ каждой чертѣ его юнаго лица сіяла такая побѣдная радость, что Лизавета Николаевна вдругъ почувствовала себя и молодой, и счастливой. Та же жизнерадость вспыхнула въ ея глазахъ.

— Это ничего... пойдете туда... хотите чаю?.. Раздѣвайтесь...

Лавей почтительно подошелъ, чтобъ раздѣть студента.

— Нѣтъ, пожалуйста, не трудитесь,—ужасно заспѣшилъ онъ и сконфузился.—Я самъ... Я на минутку... Только туда я не пойду... Я лучше уйду, если не въ-время...

Онъ снялъ пальто и самъ его повѣсилъ, робѣя и все конфузясь передъ лакеемъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдете сюда...

Лизавета Николаевна быстро и рѣшительно распахнула первую дверь изъ передней. Это былъ небольшой корридоръ, а за нимъ комната хозяйки.

— Сюда,—сказала она студенту...—Идите, не бойтесь... Сюда никто не придетъ... Это моя... келья...

Она засмѣялась глубокимъ, полнымъ звукомъ. И отъ этого смѣха студенту сразу стало легко.

Лизавета Николаевна зажгла лампу на столѣ.

— Вы посидите здѣсь... намъ дадутъ чаю... Я сейчасъ вернусь...

Она вышла, шумя своимъ тяжелымъ платьемъ.

Влименко остался одинъ. Онъ вздохнулъ полной грудью и оглянулся. Выраженіе счастья все еще свѣтилось въ его лицѣ. Машинально онъ перелисталъ книгу на столѣ, потомъ подошелъ къ портретамъ. Семейная группа бросилась ему въ глаза.

Его губы дрогнули. Не отрываясь, онъ глядѣлъ на фотографію и лицо его темнѣло.—„Такъ вотъ онъ, ея мужъ... Дѣйствительно, красавецъ... И она его любила?.. Конечно, любила...“

Когда онъ отвернулся отъ стола на зазвучавшіе шаги хозяйки, у него было уже совсѣмъ другое лицо.

— Вотъ сюда, Петръ... на столикъ,—сказала она лакею, внесшему стаканъ чаю на подносѣ.—Можете теперь идти...

Они остались одни.

Она вскинула на него глаза и тутъ только замѣтила въ немъ перемѣну. Онъ осунулся и поблѣднѣлъ, какъ будто хворалъ.

— Сядьте сюда,—показала она на кушетку.—Чай горячій... Вы любите ромъ? Пожалуйста, налейте...

Онъ хлебнулъ и закашлялся. Она перестала сіять. Краски начали сбѣгать съ ея щекъ.

— Вы давно простудились?

— Н-не помню... кажется, давно... Это пустяки... Главное то... (онъ запнулся на мгновенье) что мы опять... встрѣтились...

Онъ смѣло вскинулъ на нее вспыхнувшіе глаза.

— Я къ вамъ давно собирался... вотъ послѣ того, какъ вы у насъ были передъ праздникомъ...

У насъ?..“ больно отдалось въ душѣ Лизаветы Николаевны.— „Неужели ужъ онъ не отдѣляетъ себя отъ нея?..“

Ей стало сразу почему-то такъ грустно, что на минуту пропала даже охота разговаривать.

„Чему я обрадовалась?..“—горько подумала она.— „Онъ просто пришелъ благодарить за „нее“...“

— Вы тогда такъ быстро скрылись, — говорилъ Клименко, машинально болтая ложкой въ чаю.— А Марья Васильевна только минутъ черезъ пять прибѣжала мнѣ сказать... что это были вы... Пока я одѣлся, пока что... васъ ужъ нигдѣ не видно было... Вы, должно быть, не въ ту сторону поѣхали?.. Такая досада!.. До сихъ поръ обидно, что я васъ не нагналъ.

Онъ весело засмѣялся.

— Такъ вы меня догоняли?

Она задумалась.

— А почему же вы не пришли раньше?

— Я заболѣлъ... Въ тотъ же вечеръ я былъ уже безъ памяти...

— Вы?..

Она даже встала, пораженная. Такъ вотъ почему онъ не шелъ?..

— Что у васъ было?

— Инфлюэнца, сильнѣйшая... Больше недѣли я валялся въ постели... потомъ такъ сидѣлъ... Не выпускалъ меня мой медикусъ... Что-то въ легкихъ тамъ нашель... Э, пустяки, конечно!.. У кого этого нѣтъ?

Она сѣла опять.

— А я и не подозрѣвала... Я думала, вы уѣхали... А вы лежали... одинокой... вѣдь у васъ здѣсь никого... и никакого ухода... вы могли умереть...

— Да... спасибо Марьѣ Васильевнѣ... Она выходила... Славная она... Двѣ ночи какъ-то не спала... Еще счастье мое, что у нея уроковъ не было... праздники... Я—было думалъ въ больницу, а она ни за что!.. Такъ и отстояла...

— Ну, а теперъ?.. Вы совсѣмъ здоровы?..

— Кашляю... но это вздоръ... Вотъ это главное... — Лизавета Николаевна...

Она встала невольно. Его глаза снизу вверх глядели въ ея глаза и она, какъ зачарованная, не могла отвернуться.

— Вы простили меня?.. Все будетъ... хорошо теперь? Да?

Онъ прочелъ отвѣтъ въ ея серьезномъ лицѣ.

— Ну, а теперь мнѣ пора.—Онъ всталъ.—И н то задержалъ васъ...

Онъ взялъ фуражку со стула и оглянулся.

— Вотъ я почему-то всегда представлялъ себѣ именно такую комнату у васъ... именно такую... И какъ хорошо, что я угадалъ!.. И о васъ часто думалъ... знаете?.. Въ бреду — мнѣ Марья Васильевна рассказывала...

Онъ засмѣялся нервно, сжалъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Ослабила ли болѣзнь въ немъ задерживающіе центры, или же это было возбужденіе начинавшейся лихорадки, — но Клименко былъ уже не тотъ сдержанный и робкій юноша, который угощалъ ее мармеладомъ въ маленькой комнатѣ.

У двери онъ остановился.

— Ну „знатная дама“... Когда же я васъ увижу?

Она засмѣялась.

— Это что за обращеніе?

— Ну, конечно, „знатная дама“...—разсмѣялся и онъ.—Вы посмотрѣли бы, какъ недовѣрчиво меня встрѣтилъ швейцаръ на вашей лѣстницѣ— „къ Мельгуновымъ?..“ переспросилъ онъ. „Что, дескать, общаго между вами?..“ И, конечно, онъ правъ... Особенно, когда вы въ этомъ платьѣ... Серьезно... приходите... къ намъ...

Онъ хотѣлъ сказать „ко мнѣ“, но опять-таки не рѣшился.

Она не поняла, вѣрнѣе, поняла по своему и лицо ея стало холодно.

— Я знаю, Лизавета Николаевна, что вы славная... безъ предразсудковъ этихъ глупыхъ... По этому позволяю себѣ такъ за-просто звать васъ... У меня это все проще... по-товарищески встрѣтимся, поболтаемъ... чаю напьемся.. Я вотъ теперь урокъ потерялъ... за болѣзнь-то... Отъ часу до четырехъ всегда одинъ... читаю — читаю до одури... даже тоска возьметъ... А вотъ у васъ я вижу та же книжка. — Онъ кивнулъ на столъ.—Подѣлились бы впечатлѣньями... Вообще намъ надо видѣться и я васъ жду...

Онъ сказалъ это такъ неожиданно-серьезно, почти строго, что тутъ же опомнился и засмѣялся.

— Ну прогоните меня... Я совсѣмъ забылся... Позволяю себѣ съ знатной дамой говорить, какъ съ равной... Куда идти-то?..

— Сюда... за мной...

Въ передней, одѣтый въ пальто, онъ надѣвалъ калоши и лихорадочно-оживленно болталъ, когда дверь изъ столовой отворилась, и Мельгуновъ показался на порогѣ:

— Лиза, Софья Михайловна уѣзжаетъ, — сказалъ онъ очень мягко, но внушительно.

Острымъ мгновеннымъ взглядомъ Клименко охватилъ всю статную, высокую фигуру Павла Васильевича, его красивое, надменное лицо, пышную гриву волосъ. Слова его замерли. Мельгуновъ тоже пристально посмотрѣлъ въ юное лицо и первый поклонился сдержанно, но вѣжливо.

Клименко быстро перевелъ глаза на Лизавету Николаевну. Отъ тона и вида мужа она сразу какъ-то съежилась, словно подобралась вся, словно стала маленькой.

Она не познакомила ихъ. Прощаясь съ гостемъ, на его почтительный поклонъ она даже не подала ему руки, а только кивнула ему какъ-то торопливо и растерянно.

Клименко бросилъ ей уничтожающій взглядъ и вышелъ.

„Вотъ онъ—властелинъ“...—думалъ онъ, сбѣгая по лѣстницѣ и чувствуя, какъ глухая необъяснимая злоба душитъ его за горло и слезы обиды жгутъ ему глаза.

Х.

Мельгуновъ былъ такъ благодаренъ женѣ, что она бросила, наконецъ, свои уроки, — что всѣ праздники только и старался сдѣлать что нибудь пріятное ей и дѣтямъ. Онъ подарилъ Ольѣ двѣ дорогія книги, бралъ два раза ложу въ Малый театръ на утренники и самъ ѣздилъ съ женой и ребятами. По дорогѣ онъ покупалъ фрукты и коробку конфетъ, которую съ самодовольной улыбкой ставилъ на барьеръ ложи передъ Лизаветой Николаевной. Онъ положительно ухаживалъ за ней, выбирая самыя безобидныя темы для разговора, пуская въ ходъ самыя мягкія интонаціи, свои „бархатныя“ нотки.

Но увы!.. Онъ уже потеряли власть надъ душой Лизаветы Николаевны. Еслибъ она была теперь способна замѣчать эту разительную, удивительную перемену въ отношеняхъ къ ней мужа, она, конечно, насторожилась бы, по крайней мѣрѣ, постаралась бы узнать, откуда это все пошло и къ чему это поведетъ? Но она всѣ эти двѣ недѣли жила, какъ сомнамбула, автоматически исполняя разъ заведенные обычаи и обряды семейной жизни, съ виду спокойная, чуть-чуть словно разсѣянная.

Въ театрѣ она сидѣла безучастная, на вопросы дѣтей отвѣчала нехотя и односложно, конфетъ мужа не ѣла, отодвигаясь отъ нихъ, какъ отъ чего-то непріятнаго. Ни разу за эти дни она не улыбнулась и сидѣла задумчивая, глядя куда-то, — не то передъ собой, не то внутрь себя, — страннымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ.

Мельгуновъ какъ-то разъ вглядѣлся въ лицо жены и буквально похолодѣлъ. О чемъ она думаетъ? Что она замышляетъ?.. Вотъ вамъ и порадовался!.. Ну можно ли спать спокойно человѣку, у жены котораго такое выраженіе въ глазахъ?.. Что за наказанье, Господи!..

Онъ ни разу не позволилъ себѣ за это время ни одного замѣчанія по хозяйству, хотя и случались неизбѣжныя упущенія; за столомъ не брюзжалъ, къ прислугѣ не придирался. Памятный разговоръ о разводѣ не выходилъ у него изъ головы. Нѣтъ-нѣтъ да и приснится ему, что Лиза исполнила угрозу и потихоньку уходитъ.

Эта женщина, которую онъ враждебно, мстительно вычеркнулъ изъ своей жизни, которая такъ ступевалась, что онъ почти не замѣчалъ ее послѣдніе три года,—вдругъ заняла всѣ его мысли, перевернула всю его жизнь однимъ только словомъ:

„Ухожу“...

— Барыня дома?—былъ его первый вопросъ прислугѣ, когда онъ возвращался съ лекціи или практики.

На кухнѣ и то дивились и качали головами, замѣчая всѣ эти странности.

За обѣдомъ или чаемъ онъ оживленно говорилъ, рассказывалъ городскія и больничныя новости, пробовалъ толковать и о политикѣ, старался вообще быть пріятнымъ.

Но зачастую онъ даже не былъ увѣренъ, что жена его слышитъ. Ея разбѣянный, странный взглядъ скользилъ безучастно по его лицу, какая-то болѣзненная гримаса кривила уголь рта. Въ это осунувшееся лицо было жутко глядѣть.

Смѣхъ замиралъ на устахъ Мельгунова.

„Ужь и выкинетъ же она штучку“!—холодѣя отъ тоски, думалъ онъ.

Подъ вліяніемъ этой безсмѣнной тревоги, онъ самъ понемногу выбился изъ колеи налаженной жизни, совсѣмъ забросилъ клубъ, гдѣ иногда любилъ повинтить по небольшой; въ пріютъ къ Аннѣ Васильевнѣ ѣздилъ только по утрамъ; и ни разу не былъ у нея вечеромъ за эти двѣ недѣли, отговариваясь тѣмъ, что у него есть тяжело больныя. Онъ даже аппетитъ потерялъ и отъ бессонницы самъ замѣтно похудѣлъ.

Праздники кончились. Олѣ пора было ѣхать домой.

Мельгуновъ самъ купилъ ей билетъ второго класса и вызвался проводить ее съ женой на вокзалъ.

Онъ зналъ, что жена всегда сама платила за свою крестницу въ смоленскую гимназію, гдѣ та училась. Зналъ также, что передавъ свои уроки, она уже не имѣетъ возможности платить за ученье дѣвочки. Онъ считалъ себя поэтому какъ бы обязаннымъ внести сумму за полугодіе.

Ему блеснула мысль:

„Не оттого ли она такая странная эти дни? Ей тяжело у меня просить“.

Его скупость поблѣднѣла передъ ярко охватившей его радостью сдѣлать что-нибудь пріятное для жены. Пусть оцѣнитъ его великодушіе. Разъ она для него бросила уроки (онъ былъ убѣжденъ, что она это сдѣлала для него), она, въ сущности, вправѣ отъ него требовать такіа услуги.

Онъ простеръ свою деликатность такъ далеко, что безъ вѣдома Лизаветы Николаевны выслалъ ей брату (отцу Оли) нужную сумму.

Наканунѣ отъѣзда Оли онъ какъ бы вскользь сказалъ женѣ:
— За крестницу не безпокойся, Лиза, я уже отослалъ деньги Андрею Николаевичу.

Она вспыхнула, встала, хотѣла, видно, что-то сказать, но задохнулась словно и крѣпко прижмурила вѣки. Черезъ секунду, замѣтно поблѣднѣвъ, она пошла къ двери.

Нѣсколько разъ ея губы шевелились беззвучно.

— Благодарю тебя,—наконецъ вымолвила она съ усиленіемъ, уже на порогѣ и вышла.

Это было въ праздникъ передъ завтракомъ. Дѣти уже болтали за столомъ, подвязывая себѣ салфетки, въ ожиданіи кулебяки, и, конечно, ничего не замѣтили.

— Какъ ей, однако, тяжело мнѣ одолжаться!—съ горечью подумалъ Мельгуновъ.—Ну да ничего! Привыкнетъ. Надо же при-
выкать...

Когда она вернулась, ему показалось, что у нея заплаканы глаза.

Цѣлуя Олю на вокзалѣ, Мельгуновъ сказалъ ей ласково:

— Жду тебя на все лѣто къ намъ. Опять будемъ жить на дачѣ. Деньги на проѣздъ вышлю.

Онъ это говорилъ для жены. Самъ онъ терпѣть не могъ всю ея родню; сначала онъ ревновалъ къ ней свою Лизу, а потомъ, разбогатѣвъ, сталъ презирать этихъ пролетаріевъ.

Наступили будни. Въ домѣ опустѣло послѣ отъѣзда Оли и съ началомъ ученія у Шуры.

Лизавета Николаевна неожиданно очутилась въ полной праздности, не зная, куда дѣвать утро, свободная отъ уроковъ. Праздность эта ее испугала, привела въ отчаяніе.

„Да какъ же это другіе живутъ такъ всю жизнь?—поражалась она.

Пробовала она читать, шить, но день все-таки оказывался великъ.

Оставались бѣдныя, которыхъ она обходила прежде по вече-

рамъ. Теперь она перенесла эти обходы на утро, но и тутъ ее измучило непредвидѣнное обстоятельство. Не дожидаясь попечительскихъ полтинниковъ, она затрачивала свои деньги тамъ, гдѣ видѣла настоящую нужду. Теперь надо было отвѣчать отказомъ на просьбы и это непривычное положеніе было такъ мучительно, что возвращаясь съ обходовъ, она плакала.

Она кинулась въ свое попечительство къ предсѣдателю.

— Дайте мнѣ какую-нибудь школу, мастерскую, столовую. мнѣ некуда дѣвать времени.

Предсѣдатель руками развелъ.

— Да гдѣ же я вамъ возьму среди года? Все занято. Не хотите ли помочь кому-нибудь? Я предложу Маргаритѣ Алексѣевнѣ. Въ ея пріютѣ для дѣтей, знаете? Вотъ подождите, мы съ осени открываемъ еще столовую. Мы васъ зачислимъ.

Лизавета Николаевна бѣгала всѣмъ помогать, за многихъ дежурила, но это все не рѣшало вопроса, самаго главнаго: какъ достать ей свой грошъ, безъ котораго жить было все-таки невозможно? Братъ изъ хозяйственныхъ денегъ безъ вѣдома мужа на всю эту непокрытую нужду, ее окружавшую,—она не рѣшалась. Просить у Мельгунова на бѣдныхъ — языкъ не поворачивался. Она знала его взгляды.

Какъ-то давно, чтобы угодить женѣ, съ которой уже шло на разрывъ, онъ внесъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ сто рублей.

Но на другой же день Сивушинъ пришелъ ей сообщить съ явительной улыбкой объ этой удивительной щедрости.

— Откуда вы-то знаете?—удивилась Лизавета Николаевна.

— Да въ газетахъ же пропечатано, родная моя. Вы развѣ не читаете газетъ? Такъ полнымъ именемъ и стоитъ: отъ Павла Васильевича Мельгунова... Хе... хе!.. Любить онъ популярность... Любить...

Какъ-то разъ, возвращаясь уже въ сумерки изъ обхода своего участка, Лизавета Николаевна на поворотѣ набѣжала на кого-то и сконфуженно ахнула:

— Ради Бога, извините!..

— Вы меня извините,—отвѣтилъ низкій голосъ.

Голосъ этотъ напомнилъ что-то Лизаветѣ Николаевнѣ. Она прошла, оглянулась. разглядѣла длинную сгорбившуюся фигуру въ узкомъ пальто, изъ подъ котораго выглядывала темная и узкая юбка. Незнакомка тоже замедлила шаги и оглянулась.

— Лиза Бѣляева.. Никакъ это ты!..—сказала она ласково.

Лизавета Николаевна всплеснула руками и порывисто винулась навстрѣчу.

— Сонюшка!.. Неужели вы?.. Простите. Вѣдь я васъ совсѣмъ не узнала. Только по голосу, голосъ остался тотъ же.

— Да гдѣ жъ меня узнать, когда я совсѣмъ старуха стала. Онѣ стояли рядомъ и вѣрно жали другъ другу руки.

Лизавета Николаевна не могла придти въ себя отъ изумленія. Неужели эта старуха, бывшая красавица—Софья Карцева? гордость ихъ института, гдѣ имя ея и до сихъ поръ красуется на золотой доскѣ? Она кончала курсъ, когда Лиза Бѣлаева была еще маленькая. А теперь ей было не больше сорока двухъ лѣтъ. Что же измѣнило ее такъ сильно?

Она пошла рядомъ.

— Не зайдешь ли ты ко мнѣ?.. предложила Карцева.

— Спасибо, но сейчасъ не могу. Меня дома будетъ ждать сынишка къ обѣду.

— А ты замужешь?..—улыбнулась Софья Петровна и въ любопытномъ взглядѣ, которымъ она окинула Лизавету Николаевну, сказала женщина.

Та назвала свою фамилію.

Софья Петровна остановилась и съ замѣтнымъ уваженіемъ, видимо удивленная, стала всматриваться въ лицо подруги.

— Такъ это ты — Мельгунова?.. Вотъ какъ! Не ожидала.. Вдвойнѣ пріятно встрѣтиться..

Она вѣрно, по англійски, тряхнула руку Лизаветы Николаевны.

— Почему же?.. Развѣ?..—покраснѣвъ, залепетала та.

— Слухомъ земля полнится, голубчикъ... А о тебѣ добрая слава идетъ по Москвѣ... Мы—писакіи—вѣдь обо всемъ все знаемъ...

— Развѣ вы—писательница?

— Нѣтъ, голубчикъ, куда ужъ мнѣ!.. Я только литераторша...

— То есть?

— Ну переводами живу, стало быть... Вотъ ужъ скоро пятнадцать лѣтъ кормлюсь ими... всю семью содержу... маму... да вотъ племянниковъ воспитываю...

— И много зарабатываете?

— Рублей полтора ста, иногда двѣсти въ мѣсяцъ.

— Ого...—вырвалось у Мельгуновой восклицаніе, полное невольной зависти.

„Отчего бы и мнѣ не попробовать“?.. блеснула мысль и ей сразу какъ-то стало легко.

— Разумѣется, тутъ, не одни переводы, — продолжала Карцева, — я еще корректоромъ вторымъ при одной газетѣ тутъ... Ну до свиданія, дружокъ. Заходи...—Она сказала адресъ.

ХІ.

Лизавета Николаевна вернулась домой бодрая, розовая, съ новымъ выраженіемъ въ лицѣ. Отъ Карцевой она узнала, что за

переводы съ англійскаго платятъ лучше всего, рублей двадцатьпять съ листа.

„Вотъ этимъ и займусь“,—рѣшила она.

Въ дѣтствѣ она начала-было учиться, по англійски, но скоро оставила эти уроки, по недостатку средствъ. Припомнить, будетъ нелегко. Но это въ сущности вздоръ!.. Надо только узнать въ магазинахъ, какія вышли послѣднія новинки въ Англiи, написать романъ, да купить словарь...

Вдругъ у нея руки опустились.—А деньги гдѣ? Это будетъ стоить рублей восемь-десять... Она въ отчаянiи заломила руки надъ головой...

Она такъ еще не привыкла къ своей денежной зависимости, такъ еще недавно распоряжалась собственными деньгами, что постоянно забывала о печальной дѣйствительности. Она въ эту минуту оказалась ей такой унижительной, такой невыносимой такимъ позорнымъ рабствомъ, что она разрыдалась.

Весь этотъ вечеръ она не выходила изъ своей комнаты, ссылаясь на головную боль.

Мельгуновъ, съ округлившимися отъ страха глазами,—послѣ того, какъ Шура проговорился ему, что мама плакала,—ходилъ на цыпочкахъ и яростно шивалъ на прислугу, отерывавшую ротъ, либо не въ время двинувшую стуломъ.

Но прошли сутки и Мельгуновъ еще больше упалъ духомъ. Жена вышла утромъ съ такимъ убитымъ, больнымъ лицомъ, что у него на сердцѣ захолонуло.

— Лиза... что съ тобой?.. Ты больна?..

Какъ ни была она разстроена, но слухъ ея странно поразили теплыя нотки участiя въ голосѣ мужа.

Она посмотрѣла на него пристально и сурово.. Не надо ей его участiя!.. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!..

— Нѣтъ... Я здорова, какъ всегда.

Тонъ ея звучалъ враждебно.

Мельгуновъ со вздохомъ взялся за газету. А она сейчасъ же забыла о немъ и устремила куда-то въ пространство свой оставившiйся, тяжелый и жуткiй взглядъ. Мельгуновъ посмотрѣлъ на нее изъ-за газеты и сердце его упало.

Господи Боже мой... Могъ ли онъ думать, что она такъ страдаетъ?.. О чемъ же? О чемъ?.. Ему казалось, что она давно примирилась съ новымъ строемъ жизни, съ ихъ отношенiями... Да и конечно примирилась...

Еще недавно она была спокойна, таѣтична, такъ олимпiйски равнодушна... Что же случилось новаго?.. Можетъ быть, она влюбилась?..

Онъ тутъ же прогналъ эту мысль. Слишкомъ дiво, на нее

непохоже. Онъ припоминалъ, не оскорбилъ ли онъ ее чѣмъ-нибудь за это время?.. Нѣтъ... нѣтъ... Положимъ, конечно, — онъ ее оскорблялъ всѣ эти пять лѣтъ, умышленно низводя ее на роль экономки, мстя за обиду, которая и сейчасъ горитъ на его сердцѣ...

А она горда... Терпѣла долго, чаша переполнилась...

Ему вдругъ стало страшно. Невыносимая жалость къ ней охватила его душу и испугала его самого, такъ ново было для него это чувство. Ему хотѣлось встать и крикнуть.

— Прости меня, Лиза... Если въ прошломъ я виноватъ передъ тобой... Все, что отъ меня зависитъ...

Но что же, въ сущности, зависитъ теперь отъ него? Что можетъ онъ измѣнить или исправить?.. И развѣ не она своей нетерпимостью толкнула его на... все остальное?.. Какъ найти тутъ праваго? Оба виноваты... И она не меньше его... Женщина должна прощать... Она этого не поняла... А теперь? Развѣ она теперь не продолжаетъ считать себя правой?.. И... развѣ она ему — не врагъ?

Его рука бессознательно скомкала газету. Опомнившись, онъ разгладилъ ее осторожно, положилъ на столъ и поднялся.

Онъ былъ уже у двери. Она даже не оглянулась, очевидно не замѣтила его ухода.

„И если даже совсѣмъ уйду изъ ея жизни, — мелькнула у него мысль, полная невыносимой горечи, — если исчезну, умру что ли, она вотъ также останется безучастной, равнодушной... Нѣтъ!.. Она даже будетъ рада“...

Онъ вышелъ, бросивъ на жену послѣдній жгучій взглядъ. Она даже не шевельнулась...

Еслибъ Мельгуновъ звалъ, какія ничтожныя съ виду причины повергли его жену въ такое отчаяніе, онъ только развелъ бы руками и расхохотался.

Утромъ нарядная горничная Наташа, подавая барынѣ вычищенную шерстяную юбку, сказала улыбаясь:

— А ботики ваши, барыня, никуда ужъ не годятся.. Лопнули вчера, должно-быть...

Лизавета Николаевна даже въ лицѣ измѣнилась.

— Какъ лопнули? Покажите...

Дѣйствительно, ботики никуда не годились. Ни залить, ни починить ихъ не было ни какой возможности.

— Придется вамъ новые покупать, — улыбнулась Наташа. — А то пабете снѣгу въ подошвы, хуже какъ простудитесь...

Лизавета Николаевна все-таки пошла въ этой обуви на рынокъ, стараясь выбирать дорогу, гдѣ меньше снѣга. Но какъ только перешла черезъ улицу, такъ захватила его полную ступню.

Въ передней она на силу стащила намокшіе ботики и пошла варить кофе, съ лицомъ челоѣка, приговореннаго къ висѣлицѣ.

А дальше какже? Либо совсѣмъ не ходить ни на рынокъ, ни въ обходъ... либо купить новыя—на деньги Мельгунова.

Какъ достать денегъ? Гдѣ? Надо было искать выхода — во что бы то ни стало...

До перваго числа, когда Мельгуновъ выдавалъ на хозяйство деньги, оставалось еще три дня. Все у него строго рассчитано,—да и у нея тоже,—чтобы хватило до конца мѣсяца. Она не рѣшалась сдѣлать изъ хозяйственныхъ денегъ такую крупную все-таки затрату.

Кончилось все-таки тѣмъ, что она простудилась.

— Отчего ты кашляешь? Теперь такая сырость, подожди выходить,—сказалъ Мельгуновъ женѣ.

Она опять пристально посмотрѣла на него. Къ чему эта работа? Чего онъ боится? Развѣ не лучше и для него было бы въ тысячу разъ, еслибы она незамѣтно сошла со сцены и развязала ему руки? Безъ скандала, безъ исторій... Смерть все примиряет... Онъ женился бы на Аннѣ Васильевнѣ и былъ бы, конечно, счастливъ...

— Такъ думала она, разливая чай и кутаясь въ платокъ, потому что ее знобило. — Но на этотъ разъ она не настаивала на выходѣ. Заболѣть было бы хуже всего. Тогда наступить для нея уже полное рабство.

XII.

Пробило одиннадцать. Приѣмъ у Мельгунова кончился ранѣе обыкновеннаго нынче. Онъ этому былъ радъ, потому что съ утра чувствовалъ себя усталымъ. Проводивъ послѣднюю пациентку,—жирную, сырую купчиху, которая со вздохомъ сунула ему въ руку пятирублевку — (по таксѣ, назначенной Мельгуновымъ),—онъ облегченно вздохнулъ и позвонилъ Петра.

— Всѣ что ли?

— Точно такъ-съ...

Онъ потянулся и зѣвнулъ...

— Готовъ мнѣ скорѣе постель и уберы тутъ...

Онъ тщательно вымылъ руки, предварительно снявъ пиджакъ и засучивъ рукава крахмальной рубашки. Какъ хорошо теперь лечь, протянуться, почитать на сонъ грядущій книжку новаго журнала... Онъ такъ давно не читалъ...

— Барыня вернулась изъ музея?..—вдругъ вспомнилъ онъ. Въ этотъ вечеръ тамъ было засѣданіе.

— Точно такъ-съ. Къ себѣ прошли...

Лакей вышелъ, почтительно пожелавъ барину „покойной ночи“, на что тотъ даже не отвѣтилъ, не находя нужнымъ платить лакею вѣжливостью.

Послышался легкій стукъ въ дверь. У Мельгунова вся кровь прилила къ сердцу.

„Начинается“...

— Это ты, Лиза?.. войди...—крикнулъ онъ сорвавшимся звукомъ и сѣлъ, потому что у него разомъ ослабли ноги.

— А я къ тебѣ съ просьбой,—сказала Лизавета Николаевна, войдя.

Онъ такъ и ахнулъ. Лицо ея улыбалось и въ немъ не было ничего-таки враждебнаго.

— Что такое?.. Что такое?.. Сядь... Ахъ, Боже мой!.. какая просьба? Ты знаешь сама, что тебѣ нѣтъ отказа...

Его голосъ дрожалъ. Быстрыми, почти юношескими движеніями онъ подкатилъ ей мягкое кресло къ столу и кинулся за ширмы надѣтъ пиджакъ.

— Извини, Лиза. Я тутъ руки мылъ. Я сейчасъ къ твоимъ услугамъ...

Онъ подошелъ и, замирая весь, пытливо заглянулъ въ ея глаза. Она все улыбалась и встрѣтила спокойно его взглядъ. О, какъ радъ былъ онъ ея улыбкѣ! Не можетъ быть, чтобы съ такимъ милымъ, такимъ чуднымъ лицомъ она пришла его доконать!

— Видишь ли, отказа не должно быть уже потому, что на *этотъ* разъ (съ удареніемъ произнесла она)—я хлопочу не о себѣ одной, а о нашемъ общемъ интересѣ...

Сарказмъ прежнихъ дней, — давно забытый сарказмъ зазвучалъ въ ея голосѣ.

„Слава Богу!.. Пусть язвить, пусть дразнить и смѣется!.. Лишь бы не молчала, какъ эти дни“.

— А развѣ у насъ есть еще общіе интересы, Лиза?—спросилъ онъ вкрадчиво.

Она вскинула на него глаза.

Лицо Мельгунова отразило такое сильное волненье, что Лизавета Николаевна отвернулась инстинктивно.

— Я говорю о твоей заброшенной работѣ. Помнишь научную статью, которой ты такъ интересовался прежде? О ней-то я и хочу говорить.

Мельгуновъ закусилъ губы.

— Ахъ, вотъ что!

Онъ хрустнулъ стиснутыми крѣпко пальцами.

— Я слушаю. Это, конечно, интересно, — промолвилъ онъ и отошелъ вглубь комнаты.

Онъ прошелся по ковру, возбужденно потирая руки, избѣгая

глядѣть на жену. Его огромное самолюбіе страшилось новой ошибки, которая сдѣлала бы его опять смѣшнымъ въ глазахъ этой женщины, какъ тогда, предъ Рождествомъ.

А она въ это время дружескимъ почти тономъ, какъ ни въ чемъ ни бывало,—разсказывала ему, что она невыносимо скучаетъ, бросивъ уроки. Вотъ ей и пришло въ голову помочь ему разобратъ въ матеріалахъ для его книги.

Онъ слушалъ внимательно, стоя поодаль и поглаживая бородку. Глаза его зорко глядѣли въ ея лицо.

„Какъ она, однако, осунулась за эти дни! А интересно все-таки, къ чему она все это ведетъ?“

— Помнится, ты говорилъ, что все дѣло остановилось за одной англійской брошюрой. А она тебѣ необходима для справокъ, такъ?..

— Она не переведена ни на одинъ языкъ, а я по англійски не знаю,—тихо отвѣтилъ Мельгуновъ.

— Ну, вотъ видишь. Я хочу предложить тебѣ мой трудъ.

— Ты развѣ знаешь по-англійски?

— Нѣтъ! Но это вздоръ! Ты мнѣ только купи словарь. И черезъ два мѣсяца переводъ будетъ у тебя.

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ. Сердце въ немъ словно дрогнуло. Краска залила щеки. Она тоже встала и стояла передъ нимъ съ пылающимъ лицомъ.

— Лиза... Такое вниманіе... Я не нахожу словъ.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она рѣзко отдернула ее, и краска охватила ея лобъ, даже уши, загорѣвшіеся словно сразу, даже шею.

— Я не кончила, Павелъ Васильевичъ, и никакого великодушія тутъ нѣтъ. Я переведу брошюру. Больше того. Я подберу весь матеріалъ, который ты мнѣ укажешь, и сдѣлаю изъ него всѣ выборки, имѣющія отношеніе къ твоей будущей книгѣ. Я знаю, все это нелегкая задача. Это половина всей работы.

— Это страшно много, Лиза,—сконфуженно вриенуль Мельгуновъ.

— А главное, я знаю, что, съ твоимъ самолюбіемъ, ты, кромѣ меня, никому не довѣрилъ бы этой работы, такъ?..

Онъ молча наклонилъ голову; его чуть не била лихорадка отъ ожиданія, чѣмъ она кончитъ?

— Я такъ и знала!—воскликнула она и вздохнула съ облегченіемъ. Никому кромѣ меня... Но, Павелъ Васильевичъ... Я не буду работать даромъ. Ты долженъ мнѣ заплатить.

Она замолчала и стиснула свои руки. Щеки ея пылали, но глаза, устремленные въ лицо мужа, смотрѣли твердо, почти вурово.

Онъ тоже молчалъ и глядѣлъ въ ея зрачки. Онъ казался спо-

койнымъ, только зоркій глазъ могъ замѣтить, какъ нервически заигралъ живчикъ на вѣѣ праваго глаза. Онъ боялся, какъ бы она не подмѣтила и этотъ единственный признакъ его волненія, и ему было досадно, что онъ не справился все-таки съ своими нервами.

О, да!.. Теперь ясно, къ чему она вела. И какъ онъ не догадался сразу? Опять-таки не какъ другъ пришла *она* и никакихъ общихъ интересовъ здѣсь нѣтъ. Такъ вотъ чѣмъ жила она все это время! Вотъ чѣмъ мучилась.

— А сколько же прикажешь тебѣ заплатить за твой трудъ? Онъ говорилъ глухо и медленно.

Она выпрямилась, удивленная его тономъ.

— Павелъ Васильевичъ... Ты, вѣжеться, недоволенъ?

Болѣзненная гримаса исказила на мгновение его красивыя черты.

— О нѣтъ! Я очень тронуть.

Онъ отвернулся и опять зашагалъ по кабинету.

— Во всякомъ случаѣ, я возьму съ тебя недорого, — заговорила она, съ злой ноткой въ голосѣ. Дашевле, чѣмъ ты заплатилъ бы любому секретарю изъ студентовъ, либо курсистовъ.

— О, я не спорю, — съ той же болѣзненной интонаціей подхватилъ онъ. — Каждый вправѣ цѣнить свой трудъ. Я заплачу, сколько ты назначишь.

„Умная ты женщина, — хотѣлось ему крикнуть ей въ лицо, а ведешь себя, какъ институтка“.

Но онъ сдержался. Къ чему ему унижаться передъ нею? Очевидно къ прошлому возврата не будетъ.

— Когда работа будетъ окончена, мы тогда посчитаемся. Я хотѣла бы только имѣть право сдѣлать теперь нѣкоторые затраты „на себя“.

Онъ схватился рукой за внутренній карманъ тужурки, ища бумажника на обычномъ мѣстѣ.

Она вспыхнула и сдѣлала протестующій жестъ.

— Ахъ, потомъ... Не сейчасъ, пожалуйста... Я возьму изъ тѣхъ... изъ хозяйства... когда мнѣ будетъ нужно.

— Гдѣ твоя статья? — спросила она.

— И не помню сейчасъ. Я отыщу ее.

— Да, пожалуйста. А главное матеріалы дай мнѣ, укажи списокъ. Я помню, у тебя былъ листъ, гдѣ выписаны были всѣ нужныя для этого предмета книги.

— Развѣ?.. Да, вѣжеться, какъ-будто былъ.

— Я помню, — перебила она нетерпѣливо. А главное, найди мнѣ брошюру съ англійскаго, если можно завтра.

— Хорошо, найду. Но почему же такъ спѣшно, Лиза? Ты какъ-будто на срокъ работаешь?

— Я сказала тебѣ, что мнѣ скучно безъ дѣла. А теперь, до свиданья...

Она холодно протянула ему руку. Онъ поцѣловалъ ея тонкіе пальцы.

— До свиданья, мой секретарь,—усмѣхнулся онъ.

Она ушла, а онъ еще долго стоялъ на томъ же мѣстѣ, глядя ей вслѣдъ, нервно дергая кончикъ бороды и помаргивая глазами, что было у него тоже всегда признакомъ волненья.

Онъ еще недавно считалъ себя застрахованнымъ разъ и навсегда отъ всякихъ глупостей. Онъ считалъ жизнь налаженной на этотъ разъ окончательно. Не легко было войти въ колею послѣ разрыва съ женой. Ломка стараго тянулась почти два года. Какъ онъ унижался передъ этой гордичьей, вспоминать больно.

Да. Но вѣдь онъ ее любилъ, любилъ тѣмъ чувствомъ, которое даетъ человѣку силу подняться на недосыгаемую другимъ высоту, либо топить его въ грязи и валѣчить.

Онъ вышелъ все-таки уцѣлѣвшимъ изъ этой борьбы, и былъ увѣренъ, что въ той новой жизни, которую онъ началъ, и гдѣ главную роль играла чернобровая Анна Васильевна, ему нечего бояться. Все предусмотрено, взвѣшено. Никакимъ увлеченіямъ и ошибкамъ нѣтъ мѣста.

Разбогатѣть, дотянуть до высшей ступени служебной лѣстницы! Вотъ была его цѣль! Спокойная, безъ романтизма, привязанность Анны Васильевны давала суррогатъ счастья.

Поэзія, страсть, духовные интересы, жажда знаній и честолюбіе ученаго,—все это исчезло въ томъ крушеніи, шесть лѣтъ назадъ. И еще недавно ему казалось, что легко обойтись безъ этихъ пріятностей. Можно вести жизнь трезвую, планомѣрную, уравновѣшенную и состариться безъ сожалѣній, безъ жгучей тоски, незамѣтно.

Однако, расчетъ оказался неправильнымъ.

Чего-же не хватаетъ ему? Гдѣ та бездѣлица, которую онъ упустилъ изъ виду, и которая все-таки портитъ жизнь?

Онъ медленно подвинулъ кресла, сѣлъ въ нихъ и взялъ со стола связку ключей. Долго глядѣлъ онъ на нихъ, сосредоточенно морща лобъ, стараясь понять, зачѣмъ онъ держитъ ихъ, какая мысль натолкнула его на это?

„Ахъ, да... статья“—вспомнилъ онъ.

Онъ выбралъ ключъ и отперъ самый нижній ящикъ справа.

Онъ даже не сразу узналъ свой собственный почеркъ. Статья была большая, до половины конченная. Нѣкоторыя главы... Что это?.. онъ вздрогнулъ... эти главы были переписаны рукой Лизы..

Странно! Онъ объ этомъ совсѣмъ забылъ. И теперь глядѣлъ на эти страницы съ тяжелымъ и сложнымъ чувствомъ... Ему ка-

залось, что онъ читаетъ письмо когда-то дорогого покойника... И свой собственный трудъ онъ пробѣгалъ сейчасъ—словно работу чужого...

Хорошо написано!.. Сильно, сжато, смѣло.. Какъ странно, что это онъ писалъ!.. И вотъ тутъ, въ этой тетрадѣ цѣлое прошлое,—его и Лизы—и самъ онъ,— молодой еще тогда честолюбецъ, не опустившійся, какой-то другой, умершій уже человѣкъ...

Мельгуновъ нервно зашевелился въ креслахъ. Нога его двинула ящикъ и связка ключей стала раскачиваться, тихо, какъ-то жалобно звеня...

Онъ перевернулъ нѣсколько страницъ и глаза его расширились...

Почему смята эта страница?.. Да, смята, очевидно тщательно потому разглажена, но остались слѣды... вотъ надорванъ уголъ, точно нервная рука хотѣла разорвать этотъ листъ и скомкавъ его, швырнуть куда-то... Нѣсколько буквъ расплылись, какъ будто на нихъ капнули слезы...

Сердце Мельгунова вдругъ застучало.

Да, онъ ясно увидѣлъ слѣды высохшихъ слезъ на пожелтѣвшей поворобившейся бумагѣ.

Лиза плакала—тогда, за перепиской этого листа... О чемъ? Боже мой, о чемъ?..

Бумага нѣма... Быть можетъ, и Лиза сама не вспомнитъ теперь, что заставляло ее страдать и плакать потихоньку отъ всѣхъ... Десять лѣтъ... это вѣчность...

Спросить ее?..

Вздоръ!.. Да она и не сознается, еслибъ даже вспомнила...

Но что же было тогда? О, еслибъ вспомнить! Ревность ли это къ его глупымъ, мимолетнымъ связямъ съ пациентками?.. Или же—худшее?.. Начало разочарованія въ немъ?.. Начало конца?

Мельгуновъ застоналъ и испуганно оглянулся.

Ахъ, зачѣмъ вспоминать? Все это минуло...

Онъ не отпустилъ ее, конечно... Вѣдь и тогда она рвалась уйти... Только Шурой онъ удержалъ ее... И она, кажется, смирилась...

Почему же теперь она опять стремится ускользнуть?

Откуда это новое вѣянье, толкающее ее къ протесту?.. Ясно, какъ день, что она не бросила своей затѣи... Она будетъ бороться... Она обдумываетъ средство быть независимой... Почему она сейчасъ такъ замѣтно волновалась при разговорѣ?.. Однако—уроки она бросила... „Ничего не разберу... ни черта!..“ прошепталъ Мельгуновъ и съ силой швырнулъ тетрадку на столъ. Падая, она легла вверхъ заглавіемъ.

„И хитрость какая!..“ шепталъ онъ, щурясь на тетрадку.— „Нашъ обоюдный интересъ“...

Вдругъ лицо его измѣнилось. На заглавномъ листѣ статьи его рукой написанное стояло:

„Посвящается Лизѣ, моей нимфѣ—Эгеріи“...

Злобный смѣхъ вырвался изъ его груди. Какая иронія!

Но злоба его таяла, усмѣшка убѣгала съ лица. Красивые глаза затуманились отъ печали и стали влажными. Не отрываясь, онъ глядѣлъ на эту тетрадку...

Его рѣсницы были влажны...

XIII.

Лизавета Николаевна писала въ кабинетѣ мужа за письменнымъ столомъ.

Блѣдныя зимнія сумерки крались въ эту большую, уютную комнату, съ дорогими книжными шкапами, раскрытыми настѣжъ, на полкахъ которыхъ красовались рѣдкія изданія въ красивыхъ переплетахъ.

Въ домѣ стояла тишина. Шура еще не возвращался съ ватка, куда онъ ходилъ, прямо изъ гимназіи. Мельгуновъ былъ на практикѣ. Среди разбросанныхъ по синему сукну стола брошюръ и бумагъ, Лизавета Николаевна писала быстро и легко,—и скрипъ ея пера былъ единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ эту тишину.

Наконецъ, она бросила перо, откинулась на спинку кресла и вся потянулась.

Ноги ея затекли, спина устала, но на лицѣ была счастливая улыбка.

На нынче довольно!.. Можно и отдохнуть... Вотъ ужъ съ недѣлю, какъ она работаетъ тутъ по шести часовъ, не завтракая, не отрываясь... Все трудное теперь позади... Она своего добилась, прочла съ помощью словаря до половины англійскую брошюру и теперь увѣрена, что переводъ будетъ хорошъ...

Въ комнатѣ стемнѣло. Но ей не хотѣлось зажигать лампу, убирать со стола, запирать шкафы, уходить изъ этой комнаты,—она полюбила ее,—эти стѣны, этотъ столъ эти книги... Полюбила за одиночество, за ненарушимую тишину, за тотъ покой, который проникаетъ въ ея измученную душу какъ только она переступитъ этотъ порогъ. Хозяйственные дразги, всѣ мелочи жизни, угнетавшія ее столько лѣтъ, словно вывѣшія мозгъ ея,—блѣднѣли разомъ и уходили вдаль...

Какъ здѣсь славно работалось! Она начала было заниматься въ своей „кели“, но столъ у нея былъ слишкомъ малъ; да и отрываться приходилось безпрестанно въ поискахъ то одной, то другой книги...

— Отчего бы тебѣ у меня не работать?.. предложилъ Мель-

гуновъ женѣ, заставъ ее въ сумеркахъ на полу, среди вороха старыхъ книгъ, которыя, стоя на колѣняхъ въ кабинетѣ, она разбирала уже съ полчаса.

— Здѣсь тебѣ будетъ хорошо... Все подъ рукою, а я возвращаюсь поздно...

Хорошіе часы проводила она здѣсь! Давно когда-то, еще въ дѣвущахъ она знала это наслажденіе умственнаго труда... Теперь, работа словно донесла къ ней эту радость юности. Она чувствовала, что молодѣетъ, уходя такъ далеко отъ дѣйствительности... Какъ хорошо было, разбираясь въ источникахъ для статьи, находить, минуя частности, общую идею автора, слѣдить за творчествомъ другаго, отдѣлять, выбирая матеріаль, составляя выдержки,—главное отъ несущественнаго...

А когда она, обдумывая прочитанное, откидывалась на спинку кресла, заложивъ руки за голову и глядѣла вверхъ, со стѣны изъ золотой рамки ей улыбался пятилѣтній кудрявый Шура...

Она работала „запоемъ“. Въ тетрадѣ, лежавшей передъ ней, была ея будущая независимость. Она кончитъ эту работу и, освоившись съ англійскимъ языкомъ, будетъ жить переводами... „Здѣсь я никому не буду стоять на дорогѣ“,—утѣшала она себя.—„Знающихъ англійскій языкъ—немного. Хорошихъ переводчицъ того меньше, а журналовъ такая масса!..

Изрѣдка ей вспоминался Клименко, но она говорила себѣ:

„Успѣется, это не такъ важно... Надо прежде найти выходъ... найти почву подъ ногами... И тогда придти сказать ему: я все-таки не измѣнила себѣ... и для насъ сытыхъ и обеспеченныхъ есть счастливый и честный исходъ“...

Лизавета Николаевна словно помолодѣла...

Въ передней раздался звонокъ Шуры, короткій и рѣзкій. Это онъ вернулся съ катка. Какой-то приливъ жизнерадостности охватилъ Лизавету Николаевну.

Она вскочила и выбѣжала навстрѣчу сыну.

Шура раздѣвался въ передней и очень удивился, когда мать порывисто обняла его и расцѣловала его крѣпкія, холодныя щеки.

„Чему она рада?..“ недоумѣвалъ мальчикъ, не особенно довольный этой экспансивностью. Онъ давно старался отучить мать отъ этихъ „нѣжностей“, пригодныхъ только для дѣвчонокъ.

— Хороша погода, Шурочка.

Въ ея зазвенѣвшемъ голосѣ послышались такія красивыя вибраціи.

— Ничего, сдержанно отвѣтилъ мальчикъ и пошелъ въ свою комнату, солидно неся ранецъ и на ходу позвякивая коньками, которые качались въ его руцѣ.

Съ тоской и желаньемъ глянула Лизавета Николаевна въ си-

нія сумерки улицы. Тамъ уже дрогнули желтые лучи первыхъ фонарей.

Гулять бы теперь!.. Двигаться... дышать морознымъ воздухомъ... Какъ давно она не выходила!.. Какъ хочется видѣть Клименко!.. Почему-то весь день съ утра онъ у нея передъ глазами... Вѣдь она забыла о немъ, безсовѣстная!.. А онъ ее ждалъ...

А Шура остановился поодаль, у двери. Ранецъ и коньки онъ положилъ на стулъ, а самъ насупившись, оправлялъ съѣхавшій ремень пояса.

— Вотъ я нынче изъ латыни три съ минусомъ получилъ, — сообщилъ онъ вдругъ тономъ укора.

— Да неужели?.. довольно равнодушно отозвалась мать и сощурилась на часы въ столовой.

„Какая обида!.. Теперь даже гулять идти поздно... Скоро обѣдъ“...

Не зная на что истратить избытокъ нервной силы, такъ и подмывавшей ее всю, — она вытянула руки, закинула ихъ сложенными за голову, и такъ замерла, закрывъ глаза, отдавшись давно небывалому блаженному настроенію...

— Теперь, пожалуй, съ перваго-то мѣста слетишь, — продолжалъ Шура, обдергивая вурточку и нагнулся поднять ранецъ.

Она ничего не отвѣчала, не мѣняя позы и не открывая глазъ.

Недовольный равнодушіемъ матери, Шура докончилъ уже со всѣмъ сурово:

— Орловъ сказалъ, чтобъ я въ четвергъ написалъ на пять съ плюсомъ... Тогда онъ можетъ быть простить эту тройку...

Она пріоткрыла глаза и сверху внизъ поглядѣла на сына такъ безучастно:

— Простить, конечно... — бросила она, почти бессознательно. Шура нахмурился и пошелъ къ себѣ.

Сколько разъ онъ говорилъ матери, чтобы взяла репетитора!.. Одному ему не справиться при новомъ и педантичномъ учителѣ... А мама сама ничего не знаетъ... И, сохрани Боже, въ гимназін узнають, что онъ съ „бабой“ занимается!.. Засмѣютъ...

За обѣдомъ онъ былъ не въ духѣ.

— Ты что? Бутузъ?.. бросилъ ему отецъ.

Краснѣя, сердито онъ рассказалъ въ чемъ дѣло.

Мельгуновъ заволновался. Насколько жена его была равнодушна къ наградамъ мальчика и не поощряла его чрезмѣрнаго самолюбія, настолько Мельгуновъ дорожилъ тѣмъ, чтобъ сынъ его былъ первымъ. Въ той же гимназін учились дѣти его товарищей и знакомыхъ, и ему было досадно всякій разъ, когда Шура приносилъ „четверку“.

„Меньше пяти сынъ Мельгунова не долженъ получать“, — внушала онъ мальчику.

— Что за вздорь!..— всегда сердилась Лизавета Николаевна. — Подумаешь — сынъ солнца!.. Что ты ему вбиваешь въ голову? Онъ и такъ тщеславенъ и учится только на показъ...

Но у Мельгунова была своя логика — и всѣ недочеты въ ученіи онъ строго выскивалъ съ Лизаветы Николаевны.

И сейчасъ онъ хмуро посмотрѣлъ въ спокойное лицо жены.

— Ну и слетишь навѣрное... Этого только не доставало!.. Да почему такое?.. То вдругъ пять получалъ, а теперь тройки?..

Шура, раздражительно повышая голосъ, повторилъ, какія на это причины. Онъ не виноватъ, онъ по-прежнему зубрить... А учитель новый, придирается... съ нимъ трудно... И у него есть любимецъ, котораго онъ за-уши тащитъ еще съ осени...

— Я все это говорилъ мамѣ, — выкрикнулъ онъ, гремя ножомъ по тарелкѣ. — Отчего репетитора не берете?.. Павловъ прямо сказалъ: берите репетитора... Если еще получу тройку, онъ и выведетъ четыре въ эту четверть... и я слечу...

— О, чтобъ ихъ!.. — прошептала Мельгуновъ, отодвигая тарелку. — Сами ничего не дѣлаютъ въ классахъ, а отъ насъ требуютъ репетиторовъ... Какъ-будто все это денегъ не стоитъ!.. Эдакая безобразная система!..

Онъ сердито отерся салфеткой и бросилъ ее на столъ.

— Ты бы сказалъ, что съ тобой мама занимается, — внушилъ Мельгуновъ мальчику.

Тотъ угрюмо взглянулъ на мать, надулся и у него верхняя губа стала длинной-длинной, — длиннѣе чѣмъ кончикъ носа.

Лизавета Николаевна насмѣшливо сощурилась на профиль сына. Ей всегда было смѣшно, когда онъ дулся.

— „Ха!.. ха!.. Да онъ этого никому не скажетъ... Вѣдь онъ меня стыдится...“

— Чему ты улыбаешься?.. — удивился мужъ.

— Да вотъ тому, что вы трагедію дѣлаете изъ всякаго вздора... Я еще понимаю, что для Шуры все это важно, но ты-то о чемъ волнуешься?

Она пожала плечами.

— Вздоръ?.. Такъ это по твоему вздоръ?.. А что же важно для тебя?.. — Ядовито подчеркнулъ Мельгуновъ. — Мнѣ сдается, что въ данномъ случаѣ есть и твоя доля вины...

Она сощурилась на мужа и въ лицѣ ея появилось новое какое-то выраженіе, какъ бы холодной рѣшимости.

— Какая вина?.. Что я плохо знаю древніе языки? Но вѣдь я въ университетѣ не училась... Пова могла — репетировала... Но и ты не младенецъ... Долженъ знать, что я не лингвистъ и придется

тратиться на репетитора. Ахъ!..—Она устало махнула рукой.— И стоит ли въ сущности говорить столько объ этомъ.

— Вздоръ?..—подхватилъ Мельгуновъ.

Ея глаза вспыхнули.

— Конечно, вздоръ все то, что можно поправить деньгами, какими-нибудь тридцатью рублями въ мѣсяцъ. Есть много вещей, которыя и не купишь, и не поправишь за деньги...

Она рѣзко встала и отошла къ буфету, гдѣ на выдвинутой доскѣ кипѣлъ спиртовой кофейникъ. Лизавета Николаевна наклонилась надъ нимъ.

Шура удивленно и благодарно взглянулъ на мать. Онъ догадался теперь, что не она, а отецъ тормозилъ до сихъ поръ этотъ вопросъ о репетиторѣ. Онъ подобралъ верхнюю губу, шумно высморгался, буркнулъ подъ носъ шегсі, и бодро пошелъ къ себѣ. Теперь онъ былъ увѣренъ, что репетиторъ у него будетъ.

Мельгуновъ молчалъ, помаргивая глазами.

— Такъ какъ же...—началъ онъ медленно.

„Что же надумала еще“...—хотѣлъ онъ спросить, но вмѣсто того неожиданно сказалъ:

— Какъ же быть съ репетиторомъ?

— Пригласить,—сухо отвѣтила она, наливая кофе въ стаканъ.

Глаза Мельгунова приняли растерянное выраженіе. Онъ сморщился.

— Ахъ, какая возня!.. Мнѣ и такъ некогда... Гдѣ я буду искать ихъ?.. Возьми это на себя, пожалуйста... Ты тамъ въ попечительствѣ встрѣчаешься... Вотъ недавно къ тебѣ приходилъ студентъ...

Лизавета Николаевна покраснѣла. За минуту передъ тѣмъ она не думала о Клименко. Но почему же и не онъ? Почему всякій другой будетъ лучше? Напротивъ. Этотъ серьезень и симпатичень... Кстати, онъ былъ безъ уроковъ...

Ей словно что-то кольнуло въ сердце. Онъ былъ боленъ, нуждался,—а она о немъ забыла...

Мельгуновъ былъ озабоченъ и не замѣтилъ ея волнения.

— Этотъ твой знакомый... какъ его?.. Юристъ или филологъ?

— Онъ юристъ,—равнодушно отвѣтила она.— И если онъ свободенъ... я приглашу его... Но меньше тридцати рублей предложить я не могу... Онъ самъ меньше не возьметъ...

Мельгуновъ пересталъ ходить.

— Не возьметъ... не возьметъ...—передразнилъ онъ сердито.— Подумаешь, они ставятъ условія... Не онъ, такъ другой... Мало ихъ безъ хлѣба сидятъ?.. Вонъ, читала недавно въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе?.. „Ищу репетитора. Два часа ежедневно. Шесть рублей въ мѣсяцъ...“

— Ну что же изъ этого?

— Практичная дама... Не въ тебя... И не безпокойся, ма-тушка... Будь увѣрена, что она нашла безъ труда...

— Это ни тебя, ни меня не касается, Павелъ Васильевичъ... Мы меньше тридцати рублей предлагать не смѣемъ...

Онъ расхохотался.

— Это великолѣпно... Ей Богу, великолѣпно... Распоряжается моймъ карманомъ...

Она чуть-чуть поблѣднѣла.

— Да хочешь я тебѣ завтра найду за пятнадцать?.. Кличь сливну, десятки набѣгутъ. Имъ скоро за полугодіе плату взно-сить надо...

— Вотъ и прижмемъ ихъ,—въ тонъ отвѣтила Лизавета Ни-колаевна и сѣла поодаль, у стола.

Онъ передернулъ плечами.

— Фу!.. Съ тобой невозможно говорить!.. Больна ты что ли, что такъ нервничаешь? Но согласишься сама, за что такую сумасшед-шую цѣну давать? Латынь и греческій. Какихъ нибудь полтора часа въ день?

— И математику. Я отъ нея отказываюсь. Наконецъ, Павелъ Васильевичъ. Ты самъ былъ студентомъ и бѣднякомъ... Какъ скоро все забывается!..

Мельгуновъ глядѣлъ на жену, вытаращивъ глаза. Воззваніе къ его прошлой бѣдности онъ пропустилъ мимо ушей. Его поразило другое.

— Ты отказываешься отъ математики? Трудно развѣ?.. Но, кажется...

Она перебила его нетерпѣливымъ жестомъ своей маленькой руки:

— Миѣ ничего не трудно... А просто я отказываюсь репе-тировать по этимъ предметамъ, по крайней мѣрѣ. Разъ и навсегда отказываюсь. Такъ и знай!..

Онъ развелъ руками.

— Часъ отъ часу не легче!.. Ты, кажется, скоро и отъ хо-зяйства откажешься?..

Она встала.

— О, объ этомъ не тревожься! Быть твоей экономкой, блюсти интересы твоего кармана,—это священная обязанность жены.

— Думаю, что такъ!—вызывающе подхватилъ Мельгуновъ. И твоя иронія тутъ неумѣстна. Но вѣдь съ сыномъ репетировать это тоже священная обязанность, и тоже интересъ моего кармана.

— Ошибаешься. Это уже залѣзаніе въ чужой карманъ.

„Чортъ васъ знаетъ, откуда у васъ эти бредни, у бабы?“— хотѣлъ онъ крикнуть, но сдержался и пробѣжалъ по комнатѣ, схватившись за волосы.

Еще годъ назадъ онъ рискнулъ бы обругать ее, дать волю вскипѣвшему раздраженію. Теперь темный инстинктъ удерживалъ эти проклятія на его языкѣ. Кто ее знаетъ, что у нея на умѣ? Собиралась уходить... Придерется къ оскорбленію... Охъ, ужъ эти сложныя натуры!..

— Ничего не понимаю!.. Ни чертѣ!—крикнулъ онъ и ступнулъ, проходя мимо буфета, кулакомъ по выдвинутой доскѣ. Въ буфетѣ тихо звякнула посуда.

Въ дверяхъ показалось удивленное лицо лакея. Его никогда не звали во время кофе. Столъ убирали потомъ, когда господа уходили.

— Чего изволите-съ?—спросилъ онъ, моргая глазами.

Мельгуновъ остановился и молча глядѣлъ на него, тяжело дыша.

— Мы не звали, Петръ. Ступайте,—тихо сказала Лизавета Николаевна.

— Убирайся ты ко всѣмъ дьяволамъ!—вдругъ завопилъ Мельгуновъ и затопалъ ногами. — И чего вы суетесь, когда васъ не спрашиваютъ?

Лакей моментально исчезъ.

Мельгунову стало легче. Онъ пробѣжалъ еще разъ по комнатѣ остановился передъ женой. Какъ ни былъ онъ возбужденъ, но и ему бросилась въ глаза блѣдность Лизаветы Николаевны. Даже губы у нея побѣлѣли. Короткими нервическими движеніями она потирала себѣ грудь, какъ-будто ее что-то жгло или давило.

— Объясни, пожалуйста, чѣмъ ты руководишься? — началъ онъ сдержанно. — Сороеъ лѣтъ живу на свѣтѣ, ничего не слыхалъ подобнаго. Да и ты недавно думала, какъ и я, за одно!..

Она попробовала улыбнуться, но вышла какая-то болѣзненная гримаса.

— Какъ видишь, и въ наши годы можно ошибаться. Это потому, что кругозоръ нашъ ужъ очень мелокъ. Когда мы думали о другихъ?.. О томъ, что, соблюдая наши интересы, наступаемъ на чужіе? А какъ только, почему-либо натолкнешься на эту мысль, начнешь думать... Какъ страшно становится жить...

Пока она говорила, глаза Мельгунова раскрывались всешире и, наконецъ, отразили ужасъ. „Свихнулась. Заговаривается. Это у нихъ въ роду“.

Онъ всплеснулъ руками.

— Лизанька! Это такой скользкій путь. Если такъ думать, то и жить нельзя.

Она истерически засмѣялась.

— А вотъ живемъ же. Ха!.. Ха!.. Да еще какъ спокойно живемъ! Вотъ все равно, что голодающіе. Кто о нихъ думаетъ? Всѣ знаемъ, что они тамъ—мрутъ, и все-таки кушаемъ сытно,

спимъ спокойно, потому что не видѣли. И довольно съ насъ!.. Твой интересъ. Ха!.. Ха!.. И я сколько лѣтъ думала только о твоёмъ интересѣ. И правой себя считала.

— Лиза!

Онъ дотронулся до ея руки и отступилъ. Въ ея глазахъ, когда она подняла голову, сверкали слезы.

Онъ былъ сраженъ. Онъ такъ давно не видѣлъ ея слезъ, столько лѣтъ, что стоялъ потрясенный, и у него дрожали губы.

— Лизанька... Господи!.. Да что же это? Выпей воды...

Онъ засуетился, ища графинъ.

Но она оттолкнула его руку и расплескала по скатерти воду.

— Оставь. Не бойся, пожалуйста. Ни истерикъ, ни сценъ не будетъ. Что за сантиментальности! Кому я помогу слезами?! Здѣсь жизнь измѣнить надо всю — всю до самаго основанія, — страстно крикнула она и торопливо пошла изъ комнаты. Онъ замѣтилъ, что въ дверяхъ она схватилась рукой за горло, словно ее душило что-то.

„Globus hystericus“ — понялъ Мельгуновъ. „Давно ли это съ нею?“

Лизавета Николаевна у себя въ спальнѣ судорожно разстегнула лифъ платья, чуть не отрывая пуговицы. Въ горлѣ у нея стоялъ истерическій влудокъ, который душилъ ее. Хотѣлось воздуха, хотѣлось кричать. Давила невыносимая тоска.

Шатаясь, съ мутными блуждающими глазами, она притворила дверь въ комнату Шуры. Ахъ, какъ хотѣлось кричать!

Она упала на постель.

Она не помнила, сколько пролежала она такъ. Сумерки и тишина подѣйствовали успокоительно. Она была рада, что взяла себя все-таки, въ руки, не поддавшись истерическому припадку. Но это отняло у нея всѣ силы.

Вдругъ она испуганно открыла глаза. Мельгуновъ, наклонившись надъ подушкой, взволнованно вглядывался въ ея лицо. Въ комнатѣ запахло валеріаномъ.

— Что тебѣ надо? — враждебно спросила она и сѣла на постель, одернувъ юбку.

Онъ протянулъ ей рюмку.

— Прими, Лиза, капли. Это поможетъ. Пожалуйста, прими.

Она съ секунду поколебалась, потомъ выпила лекарство.

Ее поразили опять эти теплыя, сердечныя нотки въ его тонѣ и ей стало досадно. Зачѣмъ эти осложненія? Ей не надо его жалости. Она проситъ терпимости и равнодушія. Только!..

— Лиза, съ тобой это часто бываетъ?

— Что за вздоръ! Я совсѣмъ здорова. Пожалуйста не беспокойся — сухо возразила она и опять безсознательно взялась за горло.

— Я прошу объ одномъ...—глухо заговорилъ онъ, замѣтивъ ея движеніе.—Если ты заболѣешь... и ночью опять... случится то же... позови меня...

— Я здорова,—отвѣтила она.—А теперь уйди пожалуйста... я хочу лечь...

— Я уйду,—покорно сказалъ онъ.—Но ты даешь слово, что позовешь меня?

Онъ подождать съ секунду отвѣта, глядя на нее съ нѣжностью и тоской. Лицо его, одухотворенное глубокимъ чувствомъ, было прекрасно. Но она его не видѣла. Она молча ждала, когда онъ уйдетъ.

И вотъ онъ пошелъ медленно, прислушиваясь, не вернетъ ли она его, замирая на секунду. Она молчала.

Тогда онъ глубоко вздохнулъ и вышелъ изъ гостиной, притворивъ двери. Но даже въ столовой онъ услыхалъ, какъ щелкнулъ замокъ въ спальней его жены и вздрогнулъ болѣзненно отъ этого враждебнаго звука.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Пер. съ французскаго Г. Богдановичъ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Мысли эстетическія и соціальныя.

Мудрость древнихъ гласила: «мы никогда не вступаемъ дважды въ одну и ту же рѣку». Когда мы закрываемъ эти томики цвѣта морской воды или краснаго вина съ золотыми прожилками, гдѣ мы нашли столько страницъ полныхъ глубокаго анализа, могучей страсти, высокаго вдохновенія, — у насъ также является желаніе сказать: «Мы никогда не встрѣчаемъ дважды одного и того же Рёскина». Его противорѣчія наполняли радостью сердца его противниковъ и покрывали морщинами чело его учениковъ. Огюстенъ Филонъ написалъ однажды, что онъ берется извлечь изъ произведеній Рёскина самыя противорѣчивыя положенія, а м-ръ Уильстеръ выбралъ изъ него цѣлый томъ афоризмовъ, представляющихъ собой образецъ туманности. Прочитавъ одну страницу учителя, вы думаете, что уловили его мысль; прочитавъ десять страницъ, вы сомнѣваетесь, прочитавъ двадцать, вы отказываетесь отъ этого. Неуловимыя тонкости, причудливые переливы и изгибы его мыслей дѣлаютъ изъ его системы недающийся кладъ; когда его пытаются охватить одной формулой, онъ разсѣивается какъ дымъ, подобно генію *Тысячи и одной ночи*, и рассыпается на тысячу мелочей, блестящихъ и притягательныхъ, но измѣнчивыхъ и непостоянныхъ, какъ огонь или какъ волны...

Однако рѣка, протекающая теперь передъ нашими глазами, очень похожа на ту рѣку, которая протекала въ этомъ же мѣстѣ и называлась тѣмъ же именемъ, когда нашъ дѣдушка, держа насъ за руку, впервые показывалъ ее намъ! И этотъ огонь, вспыхивающій въ обширномъ каминѣ стариннаго родового дома и населяющій его причудли-

*) См. «Миръ Божій», № 3, мартъ 1899 г.

выми образами, очень напоминаетъ съ виду огонь, согрѣвавшій въ дѣтствѣ наши пальцы и заставлявшій насъ строить чудные воздушные замки, теперь разсыпавшіеся въ прахъ! Нѣтъ ни одной прежней волны, но рѣка осталась таже. Языки пламени не воспроизводятъ съ фотографической точностью своихъ прежнихъ рисунковъ, но очагъ остался тотъ же. Рѣскинъ напоминаетъ эту рѣку.

Онъ напоминаетъ этотъ огонь. Онъ никогда не повторяется; онъ безпрестанно измѣняется, но всегда остается самимъ собой. Мысли его всегда берутъ начало изъ одного—очень возвышеннаго источника. Они всегда стремятся къ одному и тому же далекому океану. Что это за источникъ? Что это за океанъ?

Мы постараемся узнать это. Быть можетъ, стремясь къ этому, мы принуждены будемъ разрушить то или другое предвзятое мнѣніе, основанное на одной какой-нибудь фразѣ Рѣскина, мы надѣемся, что намъ не поставятъ этого въ вину, — мы вѣдь не собираемся разбирать то или другое произведеніе его, мы хотимъ только бросить общій взглядъ на развитіе его мыслей отъ 1843 по 1888 годъ—мыслей о природѣ, мыслей объ искусствѣ, мыслей о жизни. И еслибы кто-нибудь изъ его учениковъ, — болѣе преданныхъ, чѣмъ проникательныхъ, — или изъ его противниковъ, болѣе остроумныхъ, чѣмъ справедливыхъ, — далъ хотя бы въ самой Англій ложное толкованіе рѣскиньянскаго ученія, это не могло бы подорвать довѣріе къ правильности предстоящаго синтеза, наоборотъ—это подтверждало бы его необходимость. Можно, конечно, безъ труда найти у Рѣскина положенія, противорѣчающія намъ, и такъ какъ мнѣнія его облечены всегда въ абсолютную форму афоризмовъ, то легко подумать, что они исключаютъ возможность всякаго иного мнѣнія. Но въ дѣйствительно это еще ничего не доказываетъ. Это просто легкая рябь на поверхности рѣки, или водоворотъ, который можетъ вдругъ повернуть противъ теченія, не измѣняя его направленія. И какой бы силой ни обладалъ этотъ случайный водоворотъ, онъ не можетъ оказать никакого вліянія на общее направленіе его мысли, которое мы уловили и попытаемся теперь опредѣлить.

Мысль эта, слѣшшимъ оговорить, во избѣжаніе недоразумѣній, принадлежитъ не намъ, а Рѣскину. Если мы излагаемъ ее со всей присутствующей ей убѣдительностью, то это свидѣтельствуетъ не о нашемъ согласіи съ ней, а лишь о нашей справедливости. Намъ не казалось ни полезнымъ, ни умѣстнымъ удлинять и усложнять изложенія нашими личными замѣчаніями и возраженіями. Раньше, чѣмъ оспаривать ученіе, надо его знать. Мы изложимъ, въ чемъ состоитъ ученіе Рѣскина. Когда оно будетъ извѣстно, всякій желающій можетъ его оспаривать.

ГЛАВА I.

Природа.

§ 1.

Не заключаетъ ли въ себѣ вселенная больше красоты, чѣмъ преподается обыкновенно въ нашихъ философскихъ школахъ? Не увлекаютъ ли порой людьми мечты, вмѣсто разсудка, и одни ли дѣти любить перелистывать книги съ картинками, забывая о дѣйствительной жизни? Объ этой жизни мы знаемъ, несомнѣнно, многое. Химики берутъ какое нибудь растеніе, уносятъ его въ свою лабораторію, рассматриваютъ его, анализируютъ, подвергаютъ различнымъ опытамъ и говорятъ, намъ изъ какихъ элементовъ оно состоитъ, сколько въ немъ азота, извести, какъ оно размножается и какъ развивается. Пусть такъ; и это несомнѣнно очень интересно. Экономисты подводятъ итоги и балансы, слѣдятъ за кривыми діаграммъ, рассматриваютъ счетныя книги и росписки, стряхиваютъ пылъ съ хартій и владѣнныхъ записей и показываютъ намъ, какъ при помощи обмѣна растетъ богатство страны, какъ соображенія пользы устанавливаютъ стоимость того или другого товара, и объясняютъ, почему въ извѣстную эпоху произошелъ финансовый кризисъ. Пусть такъ. Все это истинная правда, но въ этомъ ли вся суть? Почему, скажемъ мы химику, эти розы, стоящія на каминѣ зимнимъ вечеромъ, мѣшаютъ намъ ощущать холодъ и тоску одиночества? Они вѣдь не грѣютъ и не говорятъ съ нами. . Почему, скажемъ мы экономисту, этотъ наростъ на раковинѣ, не приносящій намъ никакой пользы, имѣетъ гораздо болѣе высокую товарную стоимость, чѣмъ мѣшокъ муки, который можетъ нѣкоторое время прокормить человѣка?.. Проходящаго мимо физика мы спросимъ, почему звуки этой минорной гаммы навели на насъ грустное настроеніе, и почему солнечный лучъ развеселилъ насъ? Почему огонь, горящій въ очагѣ не дѣйствуетъ на насъ такъ живительно, какъ лучъ солнца, сверкавшій сейчасъ на окнахъ? И почему, далѣе, въ этомъ искусственномъ очагѣ, гдѣ математически рассчитанное пламя газа лижетъ мертвые куски угля, развивается достаточно тепла для термометра и такъ мало для сердца?

Выйдемъ изъ этого города, гдѣ дымъ закрываетъ небо, земля покрыта деревянной мостовой, гдѣ огонь питается только газомъ и гдѣ вода такая, что ея не рѣшаются пить, — пойдемъ взглянуть на природу тамъ, гдѣ мы еще не успѣли обезобразить ее. Почему тоже самое небо навѣвало на насъ уныніе, пока оно было сѣрымъ и снова вернуло намъ бодрость, когда стало голубымъ? Мы вышли въ открытое поле. Посмотрите на эту плоскую равнину, на эту ровную точно подстриженную траву и рядомъ взгляните на эту волнистую поляну, эти

холмы, поросшіе свободной травой и усѣянные прелестными цвѣтами. И тутъ, и тамъ химическій составъ почвы одинаковъ, одинаковое плодородіе, одинаковая и цѣнность. Въ глазахъ агронома, экономиста, философа и чиновника, завѣдующаго распредѣленіемъ прямыхъ налоговъ, между этими двумя полями нѣтъ никакой разницы. А между тѣмъ однообразныя очертанія одного изъ нихъ не останоятъ на себѣ ни нашего взора, ни нашего вниманія. А другое привлечетъ, заинтересуетъ насъ, быть можетъ, очаруетъ и тысячи переливовъ его красокъ и очертаній заставятъ насъ на минуту забыть дѣйствительную жизнь и мы вернемся домой освѣженные, примиренные, успокоенные. Почему-же?

И почему природа является намъ окрашенной, какъ картина, а не сѣрой, какъ гравюра? Почему она окрашиваетъ въ самые яркіе цвѣта свои самыя безполезныя, но и самыя безобидныя созданья? Есть конечно, ядовитые грибы, какъ будто написанныя Делькруа, и навозные жуки, точно тронутые кистью Фра Анжелико; но по большей части посмотрите, развѣ не самыя нѣжныя птички оказываются и самыя красивыи? Наклонитесь надъ этими обломками упавшей скалы... Вотъ чистая земля,—составной элементъ глины и песку,—въ порошокъ она кажется совершенно бѣлой. Но посмотрите, какъ она мѣняетъ цвѣтъ, когда въ нее проникаетъ сила болѣе интенсивной жизни, т. е. когда она кристаллизуется. Она становится изумрудомъ, рубиномъ, сафиромъ, аметистомъ и опаломъ. Откуда это отношеніе между силой кристаллизаціи и чистотой матеріи съ одной стороны и ея красотой съ другой? Посмотрите на цвѣты: точно также именно въ то время, когда жизнь ихъ достигаетъ своего высшаго напряженія, формы ихъ больше всего плѣняютъ наши человѣческіе вкусы, а цвѣта ихъ становятся наиболѣе яркими,—это основные цвѣта: голубой, желтый, красный или бѣлый—сочетаніе всѣхъ цвѣтовъ. И замѣтьте, что этотъ моментъ высшей красоты совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда между растеніями возникаютъ отношенія, соотвѣтствующія радостямъ любви у человѣческихъ существъ... Почему?

Поднимитесь выше по лѣстницѣ жизни. Вотъ по тропинкѣ ползетъ что-то блестящее, извивающееся: маленькій серебристый ручеекъ, скользящій въ травѣ, кольчатое тѣло, «плывущее по землѣ, перебирая кольцами вмѣсто веселъ: волна, безъ вѣтра, потокъ безъ паденія. Откуда этотъ ужасъ, охватывающій насъ при видѣ этого существа, хотя мы знаемъ, что въ любомъ болотѣ или плохо содержимой клоаке, больше яда, чѣмъ въ самомъ ужасномъ Нильскомъ аспидѣ?» Или есть какая-то таинственная связь между формой змѣи и идеей зла, дремлющей въ глубинѣ нашего сознанія?.. Почему наоборотъ, мы ощущаемъ удовольствіе при видѣ быстрого, сверкающаго полета пурпурныхъ крыльевъ, которыя ни на что не нужны и приносятъ намъ меньше пользы, чѣмъ сѣрое и тусклое мясо домашней птицы? Почему

мы ощущаемъ трепеть свободной горделивой радости при видѣ легкаго и стройнаго движенія ногъ коня? Автомобиль ихъ не имѣетъ, а между тѣмъ онъ быстрѣе переноситъ насъ, куда мы хотимъ.

Эти вещи, скажете вы, не одинаково привлекаютъ вниманіе, не одинаково доставляютъ наслажденіе всѣмъ людямъ. Конечно, и это въ свою очередь создаетъ новый таинственный элементъ и въ нихъ, и въ насъ. Значитъ ли это, что подобныхъ впечатлѣній и ихъ воздѣйствій на поступки людей не существуетъ вовсе? Или, быть можетъ, существуя то въ болѣе, то въ меньшей степени, они создаютъ между живыми существами іерархію или классификацію, до сихъ поръ еще не установленную? Почему, при видѣ тѣхъ же самыхъ голубыхъ горъ, высіящихся на краю горизонта,—подобно волнамъ, замороженнымъ железомъ волшебника,—одинъ человѣкъ останавливается въ волненіи, а другой равнодушно продолжаетъ путь? Развѣ всѣ, имѣющіе глаза, видятъ не одинаково? Развѣ между видами есть еще какія нибудь различія кромѣ тѣхъ, о которыхъ говорятъ биологи? «Они сообщаютъ намъ какимъ безконечнымъ разнообразіемъ зрительныхъ органовъ обладаютъ существа, копошащіяся на земномъ шарѣ; они говорятъ намъ, какъ устроены и чѣмъ управляются эти органы, какъ одни изъ нихъ самостоятельно двигаются въ своихъ орбитахъ, а другіе, напротивъ, выпукло торчатъ на верху костяной пирамиды,—или прикрѣплены къ концамъ роговъ, или разсѣяны по спинѣ и по плечамъ, или торчатъ на кончикахъ усиковъ, чтобы указывать путь головѣ,—или возвышаются въ видѣ бугорковъ въ углахъ губъ... Но какъ всѣ эти существа видятъ всѣми этими глазами?» Когда вы видите, какъ змѣя извивается по землѣ или виситъ, точно клубокъ веревокъ на вѣткѣ дерева, или въ музеѣ прижимаетъ къ стеклу витрины свои холодныя кольца, задавались ли вы когда нибудь вопросомъ, смотритъ ли на васъ змѣя и что она въ васъ видитъ? «Она способна цѣлый часъ не сводитъ глазъ съ вашего лица и вертикальная щелочка каждаго ея глаза будетъ воспринимать такое ваше изображеніе, какое сѣтчатая оболочка и умъ змѣи могутъ получить отъ человѣка. Но какого рода изображеніе можетъ она получить сквозь свой ужасный зеленовато-голубой зрачекъ?.. Французская пословица говоритъ, что и кошка можетъ глядѣть на епископа. Пусть такъ. Но видитъ ли кошка епископа, когда она на него смотритъ? Когда кошка ласкается къ вамъ, она никогда не смотритъ на васъ. Кажется, какъ будто душа ея заключена въ спинѣ, въ лапкахъ,—но никакъ не въ глазахъ». Олень, лошадь, повидимому, болѣе чувствительны къ разницѣ зрительныхъ впечатлѣній, собака еще болѣе, и, наконецъ, человѣкъ больше, чѣмъ всѣ остальные животныя вмѣстѣ взятыя. Человѣкъ смотритъ и созерцаетъ, человѣкъ находитъ въ зрѣніи страданіе и радость, онъ останавливается, пораженный и восхищенный, передъ такими предметами, которые не играютъ никакой роли въ его жизни:—передъ отблескомъ свѣта, который

онъ не можетъ схватить, передъ скалами, которыхъ онъ не можетъ засѣять, передъ цвѣтомъ далекаго ээира, котораго онъ не можетъ достичь. Почему?

И почему самые великіе люди—святые, исторіи которыхъ мы находимъ въ свиткахъ и на старинныхъ золоченыхъ панно—почему они любили погружаться въ созерцаніе горъ, птицъ, воды и цвѣтовъ, «всякій разъ, когда имъ предстояло свершить какой нибудь подвигъ или перенести испытаніе, превосходящее обычную силу ихъ духа»? И почему у одного и того же человѣка эти свѣтлыя и безкорыстныя впечатлѣнія всего ярче и глубже тогда, когда сердце его свободно отъ низменныхъ страстей и постыдныхъ желаній? Почему его душа болѣе всего способна ощущать зрительныя наслажденія, когда настроеніе ея уравновѣшено, его умъ, когда онъ спокоенъ, его чувства, когда они не взволнованы? Почему въ этомъ случаѣ зрительныя наслажденія и воспоминанія объ нихъ сохраняются въ немъ на всю жизнь? «Устремите вашъ взглядъ на какой нибудь неуклюжій обломокъ вѣтки странной формы во время значительнаго разговора съ любимымъ существомъ, или пусть глаза ваши бессознательно остановятся на немъ. И хотя бы вы забыли самый разговоръ, хотя бы всѣ обстоятельства, сопровождавшія его, совершенно изгладились изъ вашей памяти, все-таки всю жизнь, всякій разъ, когда глаза ваши остановятся на подобной вѣткѣ, вы будете испытывать удовольствіе,—чего вы не испытывали раньше,—удовольствіе такое тонкое, такой неуловимый слѣдъ чувства, что вы совершенно не будете сознавать особаго характера ихъ власти надъ вами, но тѣмъ не менѣе никакое разсужденіе не въ силахъ будетъ уничтожить эти ощущенія и мало-по-малу они сдѣлаются частью вашего существа»... Почему?

Конечно, въ нашихъ школахъ объясняютъ многое, но объясняютъ ли тамъ ту роль, какую играютъ въ нашей жизни формы и краски? Тамъ анализируютъ многія свойства тѣлъ,—но постарались ли изучить главное свойство, то, которое объединяетъ все существующее въ мірѣ: свойство сочувствія и симпатіи? Разсужденія нашихъ фізіологовъ и нашихъ психологовъ очень остроумны, но ихъ можно было бы съ такимъ же успѣхомъ прилагать къ окружающимъ предметамъ и въ томъ случаѣ, если бы не существовало совсѣмъ смягчающихъ линій и возбуждающихъ цвѣтовъ! Кто бы подумалъ, чигая этихъ философовъ, что міръ, о которомъ они говорятъ въ такихъ темныхъ, такихъ сѣрыхъ, такихъ холодныхъ выраженіяхъ и есть этотъ шелестъ листьевъ, эти переливы свѣта, этотъ трепеть тѣла, это дрожанье вѣкъ, этотъ огонь взгляда,—все то, что составляетъ его прелесть для насъ? Они строятъ системы, объясняющія все въ мірѣ—кромѣ его очарованія. Они изучаютъ всѣ тайные уголки души, кромѣ восторженнаго созерцанія. Они разбираютъ всѣ наши точки соприкосновенія съ такъ называемой неодушевленной природой,—кромѣ любви...

Эти вещи, скажетъ быть можетъ ученый, входятъ въ область различныхъ наукъ и объясняются ими въ отдѣльности, или не входятъ ни въ одну, такъ какъ не поддаются научному анализу, оставаясь измѣнчивыми впечатлѣніями отдѣльныхъ индивидуумовъ, и во всякомъ случаѣ относятся къ области кажущагося, къ области призраковъ. Кажущееся? Пожалуй! Неужели вы думаете, что они утратятъ свою власть надъ человѣкомъ и надъ жизнью, оттого что вы окрестили ихъ этимъ именемъ? Неужели вы думаете, что не отъ этихъ призраковъ зависитъ бѣлая или меньшая энергія, бѣлая или меньшая слабость, а потому бѣлшее или меньшее страданье или счастье? Отъ призраковъ славы? Отъ призраковъ любви? Не призракъ ли героизма древнихъ создаетъ нашихъ истинныхъ современныхъ героевъ; и не призракъ ли оазиса, не миражъ ли даетъ намъ бодрость продолжать нашъ путь среди реальной жизни? Развѣ въ легендахъ заключается правда и если нѣтъ, то развѣ вслѣдствіе этого они оказали на событія жизни меньше вліянія, чѣмъ исторія? Развѣ религіи основаны на доказательствахъ, и развѣ не призраку небесъ обязаны мы, главнымъ образомъ, тѣмъ, что преобразовало землю. Скажете ли вы, что намъ не нуженъ блескъ солнца, лишь бы оно освѣщало насъ, не нужна гармонія цвѣтовъ, лишь бы они обладали лѣчебными свойствами? Или же вы скажете, что отношеніе всѣхъ этихъ предметовъ къ человѣку, всѣхъ этихъ понятій къ нашему разуму, всѣхъ этихъ представленій къ нашимъ поступкамъ и къ нашимъ чувствамъ, что всѣ эти невидимыя, но могущественныя основы, «эти таинственныя нити, связующія наши сердца», представляются намъ слишкомъ тонкими и слишкомъ своеобразными, чтобы ихъ можно было распутать, не разорвавъ грубымъ скальпелемъ наукъ, организованныхъ совсѣмъ съ другими цѣлями?

Чтобы обладать этой способностью, наука должна, изучая природу, принимать во вниманіе не только ея химическій или физическій составъ, не только ея пользу, ея богатство, ея развитіе, даже ея плодородіе, но и то еще, предъ чѣмъ въ жизни преклоняются, а въ ученыхъ разсужденіяхъ презираютъ, что властвуетъ въ дѣйствительности и проклинается въ теоріи, къ чему стремятся и о чемъ умалчиваютъ, о чемъ мечтаютъ и чего боятся:—красоту. Только въ томъ случаѣ психологія могла бы дать представленіе о тѣхъ явленіяхъ, которыя мы только что описывали, и о тысячахъ другихъ, которыя мы предчувствуемъ и предугадываемъ, если бы она принимала за основныя и главныя свойства вещей ихъ форму и цвѣтъ, ихъ воздѣйствіе не только на чувство ослзанія, но и на самое благородное чувство—зрѣніе, не только на наше стремленіе къ присвоенію, но и на безкорыстное чувство восхищенія. Только въ томъ случаѣ философія была бы полной, если бы она изслѣдовала не только причины *силъ*, но также и причины формъ, интересовалась бы не только законами мірозданія, но и его *радостями*, если бы она классифицировала предметы не только по ихъ внѣшнему

виду и механическимъ свойствамъ—какъ классифицируютъ двигатели на мапінной выставкѣ, но и по ихъ эстетическимъ особенностямъ, по ихъ отношенію къ красотѣ,—какъ классифицируютъ картины или статуи въ музеѣ.

Такая философія или такая наука не была бы, скажутъ намъ, ни наукой въ собственномъ смыслѣ слова, ни даже философіей. Очень можетъ быть, мы не будемъ спорить о словахъ. Дѣйствительно между этими двумя родами изслѣдованія лежитъ глубокая пропасть. «Одно разсматриваетъ вещи, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, другое—какъ онѣ воздѣйствуютъ на человѣческое сердце, на человѣческую душу. Задача этого послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы изучать тѣ естественныя впечатлѣнія, какія эти вещи производятъ на живыя существа. Обѣ науки одинаково стремятся къ истинѣ, только одна къ истинѣ впечатлѣнія, другая же къ истинѣ сущности. Одна изучаетъ отношенія вещей между собой, другая изучаетъ только ихъ отношенія къ человѣку, и во всемъ, что ему подвластно, ищетъ только одного: какъ данный предметъ влияетъ на глаза и сердце человѣка».

§ 2.

Еще болѣе значительна разниа между способностями, какія требуются тѣмъ и другимъ изслѣдованіемъ. Такъ какъ этотъ послѣдній родъ изслѣдованія, оставаясь съ одной стороны научнымъ, т. е. опытнымъ, будетъ, во всякомъ случаѣ, художественнымъ и интуитивнымъ. Чтобы постичь дѣйствіе природы на глаза и сердце человѣка, важнѣе хорошо видѣть, чѣмъ много знать, а это дѣло художника, его зрѣніе болѣе тонко, чѣмъ инструменты ученаго.

«Все геологическое общество не могло въ теченіе восьмидесяти лѣтъ опредѣлить формацію этихъ горъ, а восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ Тернеръ еще ребенкомъ изобразилъ ее нѣсколькими штрихами своей кисти. Знаніе всѣхъ законовъ планетной системы и линій движенія ядеръ не помогутъ человѣку науки нарисовать водопадъ или волну; и всѣ члены хирургическаго общества сообща не могли бы изобразить движеніе человѣческаго тѣла въ моментъ сильнаго напряженія, какъ это сдѣлалъ триста лѣтъ тому назадъ бѣдный красильщикъ (Тинторетто)».

Но чтобы почувствовать дѣйствіе природы не только на глаза, но и на сердце, недостаточно хорошо видѣть ее, надо еще сильно любить ее. «Быть можетъ, мы не въ состояніи проникнуть въ тайну одного цвѣтка, и можетъ быть намъ и не суждено постичь ее, но занятіе наукой всегда должно опираться на нѣжность чувства».

Что это за способность, позволяющая намъ въ человѣкѣ видѣть и изучать не только удивительную самодвижущуюся машину, въ растеніяхъ не только химическіе приборы, въ цвѣтахъ не только дѣкар-

ственные средства? Какимъ именемъ назовемъ мы ее? Несомнѣнно, это не разумъ, такъ какъ понятіе красоты инстинктивно, и когда дѣло касается его, то о разумѣ мы въ лучшемъ случаѣ можемъ сказать только, что онъ бесполезенъ. Кто сомнѣвается въ этомъ, можетъ прочесть разсужденіе Тьера о критикѣ искусства. «Если ученый скажетъ вамъ, что два такіе то цвѣта плохо гармонируютъ другъ съ другомъ, запомните это, чтобы какъ можно чаще помѣщать ихъ рядомъ». Или это чувствительность? Еслибы приходилось дѣлать выборъ этими двумя опредѣленіями, мы бы склонились къ послѣднему. «Такъ какъ способность чувствовать одновременно и самая могущественная, и самая благородная изъ нашихъ способностей. Во всѣ времена люди становились тѣмъ грубѣе, чѣмъ менѣе они были одарены чувствительностью, той чувствительностью, которою изъ растений въ наибольшей степени обладаетъ мимоза, а изъ всѣхъ живыхъ существъ — чистая женщина, той полнотой ощущенія, которая превышаетъ разумъ, руководитъ и освящаетъ его самого. Разумъ можетъ опредѣлить только, что истинно. А страсть человѣка опредѣляетъ, что хорошо».

Но развѣ одной чувствительности достаточно? Всѣ живыя существа обладаютъ способностью чувствовать. Даже растеніе ощущаетъ нѣчто: можно ли вслѣдствіе этого сказать, что оно чувствуетъ красоту? Чувства человѣка такъ сильно отличаются другъ отъ друга, что по видимому разница эта не только въ степени, но въ самой природѣ чувствъ. Развѣ чувствовать прелесть солнечнаго луча, скользящаго по далекимъ волнамъ озера тоже самое, что чувствовать запахъ ростбифа? Это послѣднее ощущеніе гораздо полезнѣе, но только первое дастъ намъ возможность изслѣдовать отношеніе природы и души. Мало того, именно, эти такъ называемыя бесполезныя ощущенія оказываются самыми могущественными, самыми совершенными и даже самыми постоянными. «Удовольствія вкуса, осязанія и всѣ другія чувственные удовольствія даны намъ въ качествѣ слугъ, въ качествѣ орудій для охраненія нашей жизни. Они побуждаютъ насъ стремиться къ вещамъ, необходимымъ для нашего существованія, и, слѣдовательно, какъ только эти вещи получены, какъ только фізіологическая функція исполнена, удовольствія эти должны окончиться, а если ихъ продолжаютъ, то лишь искусственно и подъ опасеніемъ сильнаго возмездія». Ъсть совершенно необходимо, чтобы жить, но жить, чтобы ѣсть, крайне опасно. «Наоборотъ, удовольствія зрѣнія даны намъ въ видѣ дара. Они не служатъ никакимъ насущнымъ потребностямъ существованія. Глазъ нашъ можетъ отличить и дѣйствительно отличаетъ, что намъ полезно и что вредно, не испытывая при этомъ ни малѣйшаго зрительнаго удовольствія. Мы могли бы научиться различать плоды и сѣмена цвѣтка, не испытывая при этомъ никакого удовольствія высшаго порядка отъ ихъ вида. Эти удовольствія не должны исполнять никакой фізіологической функціи, достиженіе цѣли не ставитъ границъ ихъ продолжительности,

и такимъ образомъ они могутъ постоянно испытываться нами, повтореніе ни въ какомъ случаѣ не уничтожаетъ ихъ привлекательности, наоборотъ даже увеличиваетъ ее. Въ этомъ мы находимъ достаточное основаніе для болѣе высокой оцѣнки этихъ удовольствій; во первыхъ, они вѣчны и неистощимы, во вторыхъ, они служатъ не *средствами* (орудіями), а *цѣлью* жизни. А во всѣмъ томъ, что служить цѣлью жизни, чего мы можемъ желать вѣчно и ради его самого, во всѣмъ этомъ, несомнѣнно, есть нѣчто божественное»...

Итакъ, способность воспринимать красоту не можетъ быть сведена къ простому ощущенію. Къ ней примѣшивается нѣчто другое, избавляющее ее отъ животнаго элемента и усиливающее элементъ духовный. Въ нее глубоко проникаетъ что-то, присоединяющее къ темной силѣ чувства—ясное спокойствіе духа. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, припомните, что вы испытывали, смотря на любимый вами ландшафтъ въ то время года, въ тѣ часы, когда вы чувствуете всего глубже; вспомните, что вы чувствовали при видѣ того уголка земли, который каждый изъ насъ видѣлъ когда нибудь изъ окна вагона, и смотря на который говорилъ: «Я вернусь сюда, я проведу здѣсь всю жизнь», и никогда болѣе не возвращался. Прежде всего это удовольствіе чувственное, рядомъ съ нимъ ощущается радость, любовь къ самому предмету, преклоненіе передъ его невѣдомой причиною, что-то вродѣ благодарности красотѣ за то, что она существуетъ, что она существуетъ для насъ—такъ какъ одни только мы имѣемъ глаза, чтобы видѣть ее,—если не думать, что ту же дѣву и тѣ же цвѣты, на которые на землѣ любятъ рыцари и сеньеры, съ вершины тучъ созерцаетъ Всемогуцій Старецъ со своими любимыми ангелами, какъ изображалось на картинахъ старинныхъ художниковъ. «Ни одна идея не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться идеей красоты, пока она не возвысилась до этого чувства, точно также, какъ мы не можемъ утверждать, что имѣемъ представленіе о письмѣ, когда мы замѣтили только его аромать и его прекрасный почеркъ, но не поняли ни его содержанія, ни намѣренія, съ какимъ оно писано. И такъ какъ эти ощущенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться результатомъ дѣятельности ума то очевидно, что воспріятіе красоты, не можетъ быть названо ни чувственнымъ, ни умственнымъ, его сила и правильность зависятъ отъ чистаго, прямого и открытаго настроенія сердца, зависятъ въ такой степени, что даже вѣрность сужденій ума о красотѣ зависитъ отъ силы чувства сердца въ каждомъ данномъ случаѣ». Сердце дѣлаетъ насъ способными къ чистымъ и возвышеннымъ ощущеніямъ передъ великими явленіями природы. Слѣдовательно, способность, дѣйствующая тутъ—есть способность сердца: чувство.

Это *чувство эстетическое*. Оно то и заставляетъ насъ трепетать въ лучшіе моменты жизни, единственные моменты, когда стоитъ жить. Оно устанавливаетъ между неодушевленными предметами и живыми

существомъ ту тайную гармонію, которую тщетно пытается анализировать наука. Не будемъ смѣшивать его ни съ какой другой способностью, ни болѣе низкой, ни болѣе высокой. Будемъ стоять твердо за его самобытность. Нашими противниками окажутся и чистые себсуалисты, и чистые рационалисты. Намъ придется бороться и съ тѣми, кто видитъ въ этомъ чувствѣ фізіологическій инстинктъ, и съ тѣми, кто видитъ въ немъ дѣйствіе ума. Это ни то и ни другое. Эстетическое чувство не есть отдаленное и безсознательное проявленіе полового инстинкта: оно само по себѣ инстинктъ. Этотъ инстинктъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ, и фізіологія не имѣетъ къ нему ни малѣйшаго отношенія. «Никто никогда не восхищается розой, потому что она напоминаетъ женщину, но женщиной восхищаются, потому что она напоминаетъ розу». Это также не любовь въ высокомъ смыслѣ самопожертвованія, такъ какъ эта любовь даетъ, а въ наслажденіи,⁴ какое намъ доставляютъ растенія, волны, лучи, мы все получаемъ и ничего не даемъ. Но еще менѣе можно считать его результатомъ сужденія. Какъ только начинается разсужденіе, впечатлѣніе улетучивается. Напримѣръ, «впечатлѣніе красоты растенія порождается безкорыстнымъ участіемъ къ его счастью, а не представленіемъ о какомъ нибудь его качествѣ полезномъ для насъ, ни даже признаніемъ въ немъ какихъ нибудь нравственныхъ свойствъ, кромѣ способности къ счастью. Какъ только мы признаемъ, что то или другое существо подчинено какой нибудь вѣи его стоящей цѣли, такъ извѣстная доля чувства органической красоты тотчасъ же утрачивается. Если намъ скажутъ, что листья такого-то растенія выделяютъ угольную кислоту и изготовляютъ для насъ кислородъ,—мы начинаемъ смотрѣть на нихъ равнодушно, какъ будто передъ нами какой нибудь газометръ. До извѣстной степени оно превратилось въ машину. Впечатлѣніе его красоты отчасти утрачено нами. Конечно, размышляя, мы понимаемъ, что растеніе живетъ не исключительно для самого себя, что жизнь его представляетъ собою цѣль благодѣяній, которыя оно съ одной стороны оказываетъ, съ другой получаетъ, но это сознаніе ни въ какой мѣрѣ не вліяетъ на наше представленіе о физической красотѣ его формъ. Эти формы, необходимыя, повидимому, для его здоровья—симметрія листьевъ, нѣжная гладкость стеблей,—представляются намъ доказательствомъ собственнаго его счастья и совершенства, намъ они не приносятъ никакой пользы, если не считать удовольствія. Мы не найдемъ ни разсѣченія мускуловъ, ни расчлененія элементовъ, но самый вѣрный и самый широкій взглядъ на видимыя явленія и самую прекрасную метафору для ихъ выраженія: А это постоянно повторяемое приказаніе, которому никто не слѣдуетъ: «Взгляните на полевые лиліи!», обратите вниманіе—какое тонкое одухотвореніе природы; какъ извѣстно оно составляетъ характерную особенность современнаго взгляда на пейзажъ. Тутъ нѣтъ никакой науки, даже никакого представленія о наукѣ, ни перечисленія лепестковъ, ни указанія способа питанія,—

ничего кромѣ проявленія симпатіи, самой глубокой». Это и есть эстетическое чувство.

Вотъ въ чемъ заключается эта способность, помогающая намъ больше чѣмъ разумъ, больше чѣмъ чувственныя желанія, понимать «голосъ всей природы, доступной человѣческому сердцу, голосъ скалъ, голосъ волнъ, голосъ травъ, какъ неотъемлемую часть ихъ души». Мы опредѣлили теперь и орудіе нашего изслѣдованія и предметъ его, и его цѣль. Только охваченные энтузіазмомъ можемъ мы анализировать энтузіазмъ. Только испытывая восхищеніе, можемъ мы понять проявленія восхищенія. Не будемъ опасаться обвиненія въ мечтательности и предоставимъ любителямъ ироніи ихъ бесплодное занятіе! Если со своимъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ умомъ они вздумаютъ анализировать впечатлѣнія красоты, то они уподобятся людямъ, которые съ важнымъ видомъ охлаждають вещи, на которыхъ собираются изучать дѣйствіе тепла. Въмѣсто того, чтобы направлять и обострять способности эстетика, духъ критики искажаетъ ихъ, опытъ приглушаетъ, наука — убиваетъ. «Если бы мы могли пробудить въ себѣ всѣ счастливыя и необъяснимыя инстинкты беззаботнаго дѣтства, мы достигли бы болѣе быстрыхъ и болѣе безспорныхъ результатовъ, чѣмъ достигла до сихъ поръ и философія, и софистическіе приемы искусства». Только тотъ, кто сохранилъ свѣжесть впечатлѣній, можетъ вполне проникнуться свѣжестью тонкихъ оттѣнковъ. Міръ красоты подобенъ бериллу въ балладѣ Россети: «Никто не видитъ его, кромѣ чистаго сердца».

Но не будемъ отрицать эту способность и, главное, не будемъ презирать ее оттого, что она сближаетъ насъ съ простыми умами и не исходитъ изъ разсуждающаго разума! Мы пренебрегли бы въ такомъ случаѣ прекраснѣйшимъ изъ даровъ, которые дали намъ добрыя волшебницы, склонявшіяся надъ колыбелью человѣчества! Эта эстетическая способность исключительно человѣческая способность. Если польза вызываетъ размысленіе у животнаго, — мы не можемъ отрицать этого, — то красота вызываетъ трепетъ и волненіе у одного только человѣка. «Если есть въ нашей природѣ нѣчто общее съ быкомъ или боромомъ, то оно не воспринимаетъ и не создаетъ никакой красоты. То, что въ насъ есть человѣческаго, можетъ создавать и воспроизводить ее пропорціонально совершенству своей человѣческой природы. Животное видитъ, это неоспоримо, и до нѣкоторой степени оно разсуждаетъ, — человѣкъ созерцаетъ. Корова Поттера смотритъ на свое изображеніе, человѣкъ восхищается. Любить скалы не ради насъ, а ради ихъ самихъ, ради ихъ очертаній, вырисовывающихся на голубомъ небѣ, это способность человѣческая, въ высшей степени человѣческая. И если между человѣкомъ и всѣмъ, что считаютъ ему подобнымъ, есть какая-нибудь коренная разница — не ищите ее ни въ чемъ другомъ. Если вамъ скажутъ: вотъ стройное, гибкое растеніе, изгибы его линій

безконечно измѣнчивы, а сочетаніе цвѣтовъ удивительно гармонично. Мы видѣли, какъ къ нему оцупью пробиралось какое-то существо, вырвало его и пожрало. Что это за существо?—скажите: Я не знаю, это дѣйствіе инстинктивное. Но мы видѣли, что оно вырвало это растеніе и спрятадо поблизости, чтобы взять потомъ. Что это за существо?—Я не знаю. Есть много животныхъ, прячущихъ свою добычу или свою пищу. Это дѣйствіе стоитъ на границѣ разумнаго.—Но мы видѣли, что оно остановилось передъ этимъ растеніемъ и долго стояло, любуясь имъ. Что это за существо?—Я знаю. Это человѣкъ. Это проявленіе эстетическаго чувства».

И такъ какъ эта способность необходимо присуща человѣку, то она должна примѣняться ко всему связанному съ человѣкомъ. Снабженная такимъ орудіемъ изслѣдованія всякая истинная философія должна въ каждомъ дѣйствіи, въ каждой идеѣ, относящейся къ ея области, опредѣлять участіе природы и отношеніе къ красотѣ. Въ душѣ она будетъ искать отпечатокъ тѣхъ пейзажей, какіе видѣли глаза. Въ сердцѣ она откроетъ желанія, которыя возбудилъ въ немъ видъ блестящихъ или матовыхъ камней. Если ее интересуютъ конечныя причины, она не скажетъ, какъ древній мыслитель при видѣ угрюмыхъ скалъ: «Для чего онѣ. могутъ быть нужны?.. А! онѣ служатъ убѣжищемъ для звѣрей!»—она задается вопросомъ, не кажутся ли они «школами или соборами, воздвигнутыми для всего человѣческаго рода, или драгоценными иллюстраціями къ рукописямъ для школьника, или простыми и добрыми уроками для рабочаго, или спокойными убѣжищами въ ихъ мрачныхъ пещерахъ для мыслителя». «Она задается вопросомъ, не связана ли исторія вершинъ земли съ исторіей вершинъ мысли, и можно ли по справедливости отнять у горныхъ видовъ нѣкоторое участіе въ томъ, что дало грекамъ и итальянцамъ ихъ руководящую роль въ умственной жизни европейскихъ народовъ. Она отмѣтитъ, на примѣръ, что нѣтъ ни одного уголка земли въ обѣихъ этихъ странахъ, откуда не видно было бы горъ: почти всегда онѣ составляютъ характерную особенность пейзажа. Очертанія горъ Спарты, Коринѳа, Аѳинъ, Рима, Флоренціи, Пизы и Вероны исполнены совершенной красоты; и какое бы отвращеніе или презрѣніе къ тяжелымъ горнымъ массамъ ни проявляли греки, одинъ тотъ фактъ, что они поставили святилище Аполлона у подножія Дельфійскихъ скалъ, а тронъ его на Парнасѣ, доказываетъ, что они сами приписывали свое высшее умственное вдохновеніе вліянію горъ». Быть можетъ, со временемъ въ созерцаніи извѣстныхъ пейзажей откроютъ источникъ многихъ великихъ идей, управляющихъ міромъ, на примѣръ, источникъ патріотизма. Пейзажъ является дѣйствительно любимымъ лицомъ матери-родины, которую иначе мы должны бы были представлять себѣ въ видѣ холодной абстракціи, или въ видѣ какой-нибудь тяжелой каменной женщины, какъ та, которая стоитъ на площади Согласія. Когда мы думаемъ о родинѣ, мы не думаемъ о собра-

ни черныхъ плѣшивыхъ людей, жестикулирующихъ подѣ газовыми рожками парламента, или пишущихъ за рѣшетками присутственныхъ мѣстъ; мы думаемъ о причудливыхъ очертавіяхъ горъ, о быстрыхъ волнахъ рѣкъ, о прозрачныхъ водахъ голубыхъ заливовъ, о холмахъ, покрытыхъ полями, изрѣзанныхъ бороздами, о деревняхъ, разсѣянныхъ по дорогамъ, о столбахъ дыма, поднимающихся вечерами въ городахъ къ небесной лазури... И чѣмъ прекраснѣе будетъ это представленіе, тѣмъ больше будемъ мы любить нашу родину. Шотландецъ, напримеръ, страстно любитъ свою, такъ какъ характерная особенность шотландскаго пейзажа въ отличіе отъ всѣхъ другихъ странъ Сѣверной Европы заключается въ своеобразной оригинальности его чертъ. Одинъ рядъ холмовъ по берегу французской рѣки совершенно похожъ на другой; одинъ поворотъ долины въ Черножъ Лѣсу повторяетъ съ буквальной точностью другой. Но на всемъ протяженіи Твида, Тевіо, Гага, Тей, Форта и Кляйда нѣтъ, быть можетъ, ни одного уголка долины, ни одного мѣстечка равнины, который его обитатели не могли бы отличить отъ другого. Нѣтъ другой страны, гдѣ корни воспоминаній до такой степени срослись бы съ красотой родины, а не съ тщеславіемъ людей. А въ такомъ случаѣ естественно, что эта красота должна служить главнымъ предметомъ заботливости патріота, также какъ она была его главной воспитательницей. Безполезно заботиться о сохраненіи идеи родины, если не заботиться о сохраненіи любимаго лица родины. Посѣвы каменныхъ статуй не дадутъ урожая людей. Тутъ нужно заботливое вниманіе къ необточеннымъ камнямъ родной земли,— «нація только тогда достойна той страны и тѣхъ картинъ природы, которые она унаслѣдовала, когда она своими поступками и своими искусствами стремится сдѣлать ихъ еще болѣе прекрасными для своихъ дѣтей!»

§ 3.

Наконецъ, изучивъ дѣйствіе природы и красоты на человѣческую душу, вы подымаетесь выше къ вопросамъ о первопричинахъ этой природы и этой красоты, и тутъ тоже продолжается эстетическое изслѣдованіе. И ни одинъ изъ великихъ вопросовъ, касающихся души, не можетъ быть разрѣшенъ безъ помощи этой науки, область которой составляетъ душа, ни одинъ безъ помощи этого высшаго инстинкта.

Безполезно составлять какую бы то ни было теорію о мірѣ, о его законахъ, о его происхожденіи и судьбахъ, если эта теорія, даже удовлетворяя нашъ разумъ, будетъ оскорблять наше эстетическое чувство, если все наше существо будетъ страстно протестовать противъ нея. Если, напримеръ, намъ говорятъ объ эволюціонномъ прогрессѣ, пусть намъ покажутъ *Тезея* въ Парѣнопѣ и объяснятъ, почему этотъ славный и безсмертный остатокъ свидѣтельствуетъ о существованіи

того, что Тэнъ назвалъ однажды «человѣчествомъ, богѣе удавшимся, чѣмъ наше». И показывая намъ извѣстную греко-этрусскую колесницу Деметры, колеса которой сдѣланы изъ дикихъ розъ, пусть намъ скажутъ, чего, кромѣ запаха, не хватаетъ этимъ розамъ для сходства съ розами дикорастущими на холмахъ Брантвуда. Конечно, это ничтожные вопросы для ученаго! Развѣ у него есть время всматриваться въ глаза статуи или опускать свои глаза на розы? Но тѣхъ, у кого хватаетъ на это времени, такого рода вопросы очень занимаютъ. «Для художника основнымъ качествомъ каждой вещи является форма и цвѣтъ и никакой философъ не можетъ помѣшать этому. Онъ говоритъ, напримеръ, что самоваръ развиваетъ столько же тепла или движенія, или тепловой энергіи, или какъ бы они это ни называли, сколько и орелъ. Прекрасно. Это точно и весьма интересно. Нужно затратить столько же тепла, чтобы вскипятить самоваръ, какъ чтобы поднять орла на воздухъ или бросить его на зайца, на куропатку; но мы художники, зная о сходствѣ, о тожествѣ даже птицы и самовара съ научной точки зрѣнія, мы интересуемся, главнымъ образомъ, различіемъ ихъ формъ. Для насъ важнѣе знать, что у самовара — кранъ, а у орла — клювъ, что у одного на спинѣ крышка, а у другого — крылья.

Мы рассматриваемъ эти крылья, замѣчаемъ у разныхъ породъ птицъ столько различныхъ родовъ красоты, наблюдаемъ окраску перьевъ, вызывающую въ насъ невольно то грустныя, то веселыя чувства, смотримъ на пролетающаго снигиря... въ эту минуту не обращайтесь къ намъ съ вашими объясненіями, которыя объясняютъ все, кромѣ ихъ красоты и убиваютъ производимое ими очарованіе — единственную вещь, которую мы хотѣли бы сохранить.

Дарвинъ былъ великій умъ и мы обязаны ему многими правильными понятіями относительно того, что онъ видѣлъ; но все ли онъ видѣлъ? «Обычный способъ заключеній въ его системѣ мы можемъ изобразить довольно правильно слѣдующимъ образомъ: представьте себѣ, что вы привязали головную щетку къ мельничному колесу ручкой впередъ, такимъ образомъ, что она вытягивается какъ шея, она двигается все время въ одномъ направленіи и слышитъ постоянно паровой свистокъ; и вотъ, послѣ извѣстнаго количества поворотовъ, головная щетка влюбляется въ свистокъ; они женятся, кладутъ яйцо, а изъ яйца выгуляется соловей!» Это объясненіе красоты, конечно, нѣсколько утрированное, не слишкомъ сильно отличается отъ тѣхъ объясненій, которыя обыкновенно съ важностью преподносятъ намъ ученые. «Послѣдователи эволюціонной теоріи, говорятъ, напримеръ, что куропатки становятся коричневыми, оттого что смотрятъ на солому, чайки становятся бѣлыми, оттого что смотрятъ на пѣну волнъ, а галки на старыхъ соборахъ становятся черными оттого, вѣроятно, что смотрятъ на пасторовъ». Но на ряду съ этими гипотезами можно отмѣтить, что перья у хищныхъ птицъ, обыкновенно темныхъ цвѣтовъ, и

наоборотъ они очень ярки, когда представляютъ собой какъ бы уборъ созданный для нашихъ глазъ. «Никогда не бываетъ орловъ радужнаго цвѣта или пурпурныхъ и золотыхъ чаекъ, между тѣмъ какъ большая часть ярко окрашенныхъ птицъ: попугаи, фазаны, колибри представляются созданными намѣренно для удовольствія людей. Пусть спорятъ относительно слова «намѣренно», это не важно. Дѣло отъ этого не измѣнится».

Итакъ если вы имѣете намѣреніе какъ нибудь объяснить намъ созданіе птицъ или какихъ нибудь другихъ живыхъ существъ, не забудьте эстетическую сторону вопроса: «Останавливайтесь прежде всего на формѣ и признавайте ее отличною отъ простого перехода силъ. Отличайте руку горшечника, которая творитъ, глина глину, отъ его ноги, которая только бьетъ, вертя колесо. Удивительно, какъ скоро при помощи формы вы обгоните философовъ»: эстетическій инстинктъ дѣйствуетъ посредствомъ синтеза, а «современная философія великая мастерица разлагать. Она представляетъ собой не болѣе, какъ развитіе великаго положенія: «Отсюда слѣдуетъ, что все прекрасное можно найти въ словаряхъ. Нужно только извѣстнымъ образомъ расположить слова». Но кромѣ способности располагать слова, есть еще одна сила, которую мы, художники, называемъ «страстью»,—я не знаю, какъ называютъ ее философы,—мы знаемъ, что она способна дѣлать людей красными и блѣдными, и слѣдовательно она сама по себѣ составляетъ нѣчто, а, быть можетъ, она и есть истинный поэтический двигатель всего, творящій міръ изъ самого себя, изъ взгляда, изъ вздоха, а отсутствіе страсти и есть истинная смерть, разрушительница всего, даже камней.

Силою этой обладаетъ художникъ; въ этомъ мы не можемъ ошибиться. «Я могу положительно увѣрить васъ, что въ моей скромной области подражательнаго искусства всѣ механическія силы міра, всѣ законы вселенной не сдѣлаютъ васъ способнымъ увидѣть хоть одинъ цвѣтъ, нарисовать хоть одну линію, если вы не обладаете этой особой силой, называвшейся въ старое время *душой*». Власть случая очень велика, но она чужда художественности; мы можемъ, пожалуй, вообразить себѣ часы безъ часовщика, но намъ очень трудно любоваться картиною художника, отрицая въ то же время существованіе этого художника. Что касается ученыхъ, то они не испытываютъ подобнаго затрудненія: они не видятъ самой картины. Чѣмъ больше они разсуждаютъ объ эстетической сторонѣ природы, тѣмъ больше они доказываютъ этими самыми разсужденіями, что они ея совсѣмъ не видѣли. Когда они пытаются объяснить прекрасное полезнымъ, «они въ ослѣпленіи безпримѣрной гордости напоминаютъ древесныхъ червей, забравшихся въ раму картины великаго художника. Они съ видомъ знатоковъ смакують дерево, но, добравшись до краски, находятъ ее невкусной и объявляютъ, что эта комбинація, которой они не искали и не желали,

*

представляет собой естественный результат дѣйствія молекулярныхъ силъ...» Но для того, кто любовался картиной, кто видѣлъ все счастье жизни въ ея нѣжныхъ тонахъ, гармоничныхъ и сильныхъ, кто любилъ ее съ юношеской страстью, кто пытался воспроизводить ее въ точныхъ, но недостойныхъ ея снимкахъ, кто страдалъ, когда она отъ чего-нибудь тускнѣла, и плакалъ отъ радости, когда ей возвращалась ея первоначальная чистота, для того вопросъ о созданіи не кажется такимъ простымъ, что его можно объяснить измѣняемостью видовъ,—для того не все еще сказано въ теченіе тѣхъ шести тысячъ лѣтъ, когда живутъ и думаютъ люди!

«Эстетическая сторона взаимоотношенія видовъ не зависитъ отъ ихъ происхожденія, а именно она то насъ и интересуетъ... Для насъ цвѣтокъ представляет собою настоящую цѣль сѣмени, а не сѣмя—цѣль цвѣтка. Смыслъ существованія сѣмянъ заключается въ томъ, чтобы могли быть цвѣты, а смыслъ существованія цвѣтовъ никакъ не въ томъ, чтобы были сѣмяна. Цвѣтокъ есть то твореніе, которое создаетъ Духъ. Способность давать жизнь тому, что за нимъ слѣдуетъ, составляетъ лишь одинъ изъ элементовъ его совершенства. По отношенію къ цвѣтку, надо главнымъ образомъ отмѣтить то, что онъ составляетъ часть растенія, развивающуюся въ моментъ высшаго напряженія жизнедѣятельности растенія, и это внутреннее наростаніе страсти выражается снаружи появленіемъ двухъ или нѣсколькихъ основныхъ цвѣтовъ. Характеръ цвѣтка зависитъ всецѣло отъ части растенія, на которой проявится это наростаніе страсти. Иногда жизнь сосредоточивается въ его наружномъ влагалищѣ и тогда наружное влагалище становится бѣлымъ, чистымъ, исполненнымъ силы и стройности. Иногда жизнь заключена въ листикахъ прицвѣтника и они становятся красными или пурпурными. Иногда жизнь заключена въ стебелькахъ цвѣтка и они окрашиваются въ голубой цвѣтъ; иногда во вѣшней чашечкѣ цвѣтка, и еще чаще во внутренней. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ присутствіе самой интенсивной жизни проявляется такими признаками, которые доставляютъ удовольствіе человѣческому взору, и представляются созданными по отношенію къ намъ преднамѣренно,—или, лучше сказать, представляютъ въ своемъ совершенствѣ явное доказательство того, что они были созданы силою Духа, подобнаго нашему... «...И замѣйте себѣ разъ навсегда, по отношенію ко всѣмъ подраздѣленіямъ и свойствамъ растеній, что совершенно все равно, вслѣдствіе какого взаимодѣйствія обстоятельствъ и необходимостей, они постепенно развились. Это взаимодѣйствіе обстоятельствъ представляетъ само по себѣ высшій и необъяснимый фактъ. Въ послѣднемъ счетѣ мы приходимъ всегда къ основной причинѣ, управляющей и обстоятельствами и ихъ взаимодѣйствіемъ. Если вы спросите у обыкновеннаго ботаника о причинѣ формы листа, онъ скажетъ вамъ, что листъ—это «развернутая почка», а послѣдняя его форма зависитъ отъ направленія сосудистыхъ

волоконъ. Но что же направляетъ эти сосудистыя волокна? Онѣ стремятся къ тому, что имъ необходимо. Но что заставляетъ ихъ испытывать эту необходимость? Кто заставляетъ ихъ стремиться къ ней именно такимъ способомъ? Посредствомъ именно трехъ или именно пяти волоконъ? Почему они стремятся зигзагами или продолговатыми изгибами закручиваясь спиральными усиками или неудержимо вытягиваясь вверхъ? Что заставляетъ ихъ стремиться пушистыми или покрытыми иглами морщинами или блестящими зелеными поверхностями, исполненными чистой силой и прелести, которой не уничтожаетъ даже зима?

«Отвѣта нѣтъ. Но вотъ въ чемъ смыслъ всего предыдущаго: на всей поверхности земли и водъ подъ вліяніемъ силы воздуха и свѣта солнца рядъ измѣнчивыхъ формъ развился въ облака, въ растенія, въ животныя; всѣ эти формы по своей природѣ имѣютъ отношеніе къ человѣческому разуму, воспринимающему ихъ, и отпечатокъ ихъ наружнаго вида, то ужаснаго, то прекраснаго, ихъ свойства порождаютъ добро или зло, живутъ въ этомъ разумѣ, какъ рядъ миссовъ или глаголовъ творческой силы, которые люди, смотря по энергіи и страстности своей расы, заставляли служить выразителями религіи. Эту творческую силу всѣ народы или смѣшивали съ дыханіемъ воздуха, посредствомъ котораго она творитъ, или понимали, какъ творящій разумъ, исходящій отъ высшаго божества, но проникающій и вдохновляющій всѣ умы, дѣйствующіе въ гармоніи съ нимъ. И каковы бы ни были результаты, достигнутые въ наши дни теоріей, разсматривающей эту эманацию, какъ простое движеніе тѣлъ или частицъ,—всякое творческое человѣческое искусство и всѣ лучшія представленія о счастіи и строѣ человѣчества покоились на признаніи тайны его (которая несомнѣнна) и личнаго начала въ немъ».

Здѣсь проповѣдникъ красоты останавливается. Для тѣхъ, кто любить природу, онъ сказалъ довольно; для тѣхъ, кто не любитъ ея,—слишкомъ много. Тѣмъ не менѣе его нельзя упрекнуть ни въ предвзятомъ мнѣніи, ни въ догматизмѣ... Слѣдствіемъ этого не явилось отреченіе во имя матеріализма отъ свободы собственной эстетической мысли и преклоненіе передъ «высокомѣріемъ науки». Передъ дверями лабораторій онъ не покидалъ скептицизма. Онъ не допускалъ, чтобы наука, отдѣлялась отъ тѣхъ вопросовъ, какіе онъ ей ставилъ, отрицая ихъ или умаляя ихъ значеніе. Въ разцвѣтѣ славы, еще полный здоровья и силъ, передъ наступленіемъ вечерней зари жизни онъ снова вернулся къ природѣ и нашелъ ея красоту, если не ея силы, все также необъяснимой. Эту красоту онъ всегда считалъ великой вдохновительницей человѣческихъ дѣйствій, высшей радостью и вѣчнымъ закономъ. Поэтому необходимо объяснить ее, или, если объяснить нельзя, то признать, что самая важная часть нашей жизни—совершательная жизнь—облечена тайной. Безъ шума, но рѣшительно онъ открываетъ двери неизвѣстнаго, которыя наука пытается закрыть, и показываетъ, что наука.

какъ вѣчто единое, не существуетъ, но есть рядъ различныхъ наукъ; одна изъ нихъ, напимѣръ, настолько отстала, что почти неизвѣстна и даже не опредѣлена точно, а между тѣмъ она должна существовать, такъ какъ ея объектъ играетъ большую роль въ томъ, что насъ создало, и въ томъ, что мы создаемъ. Ему представляется несомнѣннымъ, что вопросъ, который онъ ставитъ, неразрѣшевъ, и что между небомъ и землей заключено дѣйствительно больше эстетики, чѣмъ признають наши философскія школы...

Итакъ онъ возвращается къ Богу своей юности потому, что онъ даетъ объясненіе красотѣ, а философія объясняетъ только безобразіе. Христосъ представляется ему Высочайшимъ Художникомъ, работающимъ Своими руками надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать болѣе прекраснымъ жилище людей; это Садовникъ, встрѣченный Магдалиной, заботливо оберегающій вновь рожденные цвѣты; это искусный Ткачъ, изготовляющій одѣяніе полевыхъ лилій, болѣе прекрасное, чѣмъ одежда Соломона; это Виноградарь въ Канѣ, который и до сихъ поръ въ каждой грозди винограда превращаетъ въ вино воды земли и неба. Онъ воскрешаетъ все весной, Онъ наполяетъ жаждущихъ, опускаясь съ высокихъ горъ. Онъ—это красота; это—любовь. Нечего удивляться, что поклонникъ прекраснаго, является въ то же время и Его поклонникомъ; и достигнувъ заката жизни, въ сентябрѣ 1888 г., составляя свое духовное завѣщаніе и собирая въ одинъ фокусъ всѣ свои истины, какъ солнце передъ тѣмъ, какъ исчезнуть, сзываетъ всѣ свои лучи, которые расточало въ теченіе дня,—Рёскинъ говоритъ такъ:

«И теперь, оканчивая въ безоблачномъ покоѣ свѣговъ Шамуни ту книгу, которую внушила ихъ красота и направляла ихъ сила, я чувствую себя болѣе счастливымъ и болѣе спокойнымъ, чѣмъ когда бы то ни было раньше, способнымъ исповѣдывать мой простой догматъ, что знаніе прекраснаго есть истинный пути первая ступень къ познанію вещей хорошихъ и полезныхъ, и что законы, жизнь и радость красоты въ матеріальномъ Божьемъ мірѣ составляютъ такую же вѣчную и священную часть творенія, какъ въ мірѣ духовномъ—добродѣтель, а въ мірѣ ангеловъ—Богочитаніе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

УЧЕНІЕ О ЛОКАЛИЗАЦІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

(Исторія и современное состояніе).

Проф. Г. Челпанова.

Статья I.

Въ настоящей статьѣ я предполагаю разсмотрѣть вопросъ, имѣющій огромную важность для опредѣленія отношенія между психическими и физическими явленіями — именно вопросъ о такъ называемой *локализациі умственныхъ способностей*.

Этотъ вопросъ въ настоящее время часто получаетъ толкованіе, возможное только при матеріалистическомъ пониманіи психическихъ явленій, и даже многіе видятъ въ этомъ ученіи опору для самой матеріалистической доктрины, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности тѣ эмпирическія данныя, на которыхъ строится это ученіе, совсѣмъ не даютъ намъ права на такое толкованіе.

Многіе думаютъ, что въ физиологіи въ настоящее время доказано, что различныя психическія явленія совершаются въ опредѣленныхъ частяхъ мозга, что они тамъ имѣютъ свое мѣстопробываніе, что, напр., такая психическая способность, какъ «память на слова» находится въ одной части мозга, а, напр., «математическія способности» находятся въ какихъ-нибудь другихъ частяхъ его.

Многимъ представляется, что «мѣста» этихъ способностей физиологій точно опредѣлены, что еще большей точности можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ и что успѣхи физиологіи въ этомъ отношеніи имѣютъ огромное принципиальное значеніе, такъ какъ они приводятъ къ заключенію, что собственно психологіи, какъ особой науки о душевныхъ явленіяхъ, нѣтъ.

Сторонники этого взгляда разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ. Всѣ тѣ психическія способности, о которыхъ говоритъ психологія, представляютъ нѣчто не осязательное, неуловимое, нѣчто такое, чего нельзя подвергнуть тщательному изслѣдованію. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится физиологія: предметъ ея изслѣдованія, мозгъ и его функціи, можно подвергнуть самому тщательному изслѣдованію. Поэтому, если физиологъ въ состояніи указать, въ какой части мозга, какія психи-

ческія способности локализуются, какія *фізіологическія* процессы лежатъ въ основаніи тѣхъ или иныхъ психическихъ процессовъ, то въ сущности роль психологіи, какъ особой науки о психическихъ явленіяхъ, дѣлается совершенно излишней. Путемъ изслѣдованія строенія и функцій мозга можно гораздо лучше изучить психическія явленія, чѣмъ при помощи самонаблюденія или «внутренняго опыта», какъ это рекомендуютъ психологи. Психическія явленія суть собственно *фізіологическіе* процессы, совершающіяся въ мозгу: поэтому, слѣдуетъ признать, что *психологія на самомъ дѣлѣ есть только часть мозговой фізіологіи*, что психологію долженъ собственно разрабатывать не психологъ, а *фізіологъ*.

Я считаю все это разсужденіе совершенно неправильнымъ. Я считаю, прежде всего, неправильнымъ тотъ взглядъ, что будто бы *фізіологическіе* процессы намъ извѣстны гораздо лучше, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ *психическіе*. Въ дѣйствительности, современные приемы анатома-фізіологическихъ изслѣдованій нервной системы до такой степени несовершенны и даже грубы, что достигаемые ими результаты далеко не соотвѣтствуютъ по точности результатамъ, получаемымъ при помощи тѣхъ приемовъ, которые имѣетъ въ своемъ распоряженіи современная психологія. Въ дѣйствительности мы *знаемъ несравненно точнѣе психическіе факты, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ фізіологическіе*, а потому часто можемъ довольствоваться только психологическимъ изслѣдованіемъ, а на *фізіологическія* изслѣдованія смотрѣть, только какъ на вспомогательныя и не имѣющія рѣшающаго значенія.

Никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ взглядомъ, что будто бы *фізіологическимъ* ученіемъ о локализациі умственныхъ способностей исчерпывается содержаніе психологіи. Въ дѣйствительности, само *фізіологическое* ученіе о локализациі умственныхъ способностей невозможно безъ психологіи. *Фізіологъ*, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію локализациі умственныхъ способностей, прежде чѣмъ опредѣлять, въ какой части мозга находится способность «памяти», «воображенія», «способность зрительнаго воспріятія» и т. п., долженъ знать, что онъ обозначаетъ при помощи словъ: память, воображеніе и т. п., а это онъ можетъ знать только изъ внутренняго опыта, того приема, который является характернымъ для психологіи. Нужно предварительно установить при помощи психологіи отношеніе между умственными способностями, и только послѣ этого изслѣдовать, какія существуютъ *фізіологическія* отправленія въ мозгу, которыя соотвѣтствуютъ процессамъ, извѣстнымъ намъ изъ психологіи. Слѣдовательно нужно поступать какъ разъ наоборотъ: отъ *психологіи* переходитъ къ *фізіологіи*, а не *фізіологическимъ* путемъ открывать законы *психическихъ* явленій.

Я вовсе не считаю также правильнымъ возрѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что психологіи, какъ самостоятельной науки, нѣтъ и быть не можетъ. Я думаю, что тѣ, которые поставляютъ вопросъ, «кому

разрабатывать психологию?» *) и отвѣчаютъ на него, что «психологию долженъ разрабатывать физиологъ», вовсе этимъ не разрѣшаютъ вопроса въ томъ смыслѣ, что *психология* есть часть физиологии. Если бы даже согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что психологию долженъ разрабатывать физиологъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что психология есть часть физиологии.

Но и съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Въ настоящее время между философами прочно установился взглядъ, что психология представляетъ изъ себя такую энциклопедическую науку, что разрабатывать ее представителю одной науки было бы невозможно. Есть въ психологии отдѣлы, которые съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ разрабатывать ученый съ специально философскимъ образованіемъ. Точно такимъ же образомъ есть отдѣлы, которые съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ разрабатывать физиологъ, и изъ того, что психология нуждается въ помощи физиологии, совсѣмъ не слѣдуетъ, что психология есть часть физиологии. Отношеніе между физиологіей и психологіей можно сравнить съ отношеніемъ, которое существуетъ между физикой и математикой. Есть отдѣлы въ физикѣ, которые безъ математики разрабатываемы быть не могутъ, но тѣмъ не менѣе никто не скажетъ, что физика есть математика; совершенно то же нужно сказать о психологии въ ея отношеніи къ физиологии. Физиологическія изслѣдованія весьма часто являются важнымъ вспомогательнымъ средствомъ для психологическихъ изслѣдованій, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что психология есть часть физиологии.

Когда говорятъ объ ученіи о локализациі умственныхъ способностей, то обыкновенно предполагается само собою понятнымъ, что психическія явленія или наши мысли совершаются въ мозгу, что онѣ тамъ имѣютъ свое мѣстопробываніе, или, какъ нѣкоторые выражаются, имѣютъ тамъ свое сѣдалище. Но такъ ли это? Можно ли даже выражаться такимъ образомъ? Можно ли, съ строго научной точки зрѣнія, сказать, что *мысли находятся въ мозгу*. Среди философовъ господствуетъ взглядъ, что даже такъ выражаться нельзя. Напр., нѣмецкій философъ *Паульсенъ*, пользующійся въ настоящее время громадной извѣстностью, высказался по этому вопросу слѣдующимъ образомъ: «Не можетъ быть и рѣчи о сѣдалищѣ души въ смыслѣ пространства или мѣста въ пространствѣ, въ которомъ она находится. Въ пространствѣ находятся тѣла и происходятъ движенія, но не явленія сознанія: не имѣетъ никакого смысла сказать: смыслъ или чувство находятся здѣсь или тамъ... *Мысли не находятся въ мозгу*: можно одинаково хорошо сказать, что онѣ находятся въ желудкѣ или на луиѣ. Одно не болѣе

*) См. статью проф. *Сиченова*: «Кому и какъ разрабатывать психологию?» въ «Психологическихъ этюдахъ». Спб., 1873.

несообразно, чѣмъ другое. Въ мозгу совершаются фізіологическіе процессы и ничего другого *)).

На этотъ взглядъ Паульсена извѣстный нѣмецкій психіатръ *Флексигъ*, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе въ своей книгѣ: «Мозгъ и Душа». Онъ выражаетъ неудовольствіе по тому поводу, что «еще и теперь многочисленные философы-психологи осуждаютъ внутреннее обоснованіе, логическое построеніе медицинскаго ученія о душѣ, что диалектикъ еще и теперь съ состраданіемъ смотритъ на того изслѣдователя, который старается указать душѣ особое сѣдалище въ тѣлѣ». Далѣе онъ говоритъ:—«То обстоятельство, что *мышленіе совершается въ мозгу*, есть убѣжденіе очень большого числа душевно-здоровыхъ, способствовавшихъ расширенію человѣческаго познанія, людей. Между тѣмъ, какъ до сихъ поръ я только отъ сумасшедшихъ и слабоумныхъ слышалъ, что ихъ душа попала въ желудокъ, или на луну, или на Сиріусъ» **). Такой способъ возраженія ясно показываетъ, какія обостренныя отношенія существуютъ между философами и фізіологами по вопросу о мѣстопребываніи души.

Я въ этомъ вопросѣ становлюсь на сторону Паульсена и утверждаю, что мысли не совершаются въ мозгу, что мозгъ не есть мѣстопребываніе мысли, что о мысли нельзя говорить, что она находится гдѣ-то въ мозгу, такъ какъ она, будучи непротяженной, не можетъ находиться *идь бы то ни было* въ пространствѣ. Это было бы тѣмъ, что называется *contradictio in adjecto*.

Я знаю, что этотъ взглядъ будетъ признанъ «метафизическимъ», совершенно не научнымъ, и потому спѣшу замѣтить, что такое мнѣніе было бы ошибочно, что на самомъ дѣлѣ защищаемый мною взглядъ чисто эмпирической и можетъ быть признаваемъ самими крайними противниками метафизики; такъ, напр., у *Авенариуса*, одного изъ очень видныхъ представителей современнаго позитивизма, въ его книгѣ: «*Der Menschliche Weltbegriff*» мы находимъ тотъ же взглядъ. По его мнѣнію, нельзя сказать, что «мозгъ имѣетъ мысль», потому что, если мы станемъ доискиваться до смысла слова «имѣть», то мы легко увидимъ, что оно обозначаетъ принадлежность какому либо цѣлому, какъ часть или свойство, а вѣдь это неприложимо къ мозгу. Мозгъ имѣетъ гангліиныя кѣтки и нервныя волокна, имѣетъ нейроглию и сосуды, имѣетъ различную окраску, но даже самое тонкое анатомическое разложеніе не можетъ показать, что мышленіе есть часть или свойство мозга. «*Мозгъ не есть мѣстопребываніе, сѣдалище мышленія. Мышленіе не есть обитатель мозга, но въ то же время не есть продуктъ, фізіологическая функція или вообще состояніе мозга*» ***).

*) См. его введеніе въ философію М. 1894, стр. 137. *Einleitung in die Philosophie* 1893; въ 1899 году вышло уже 5-е изд.

**) *Flechtsig. Gehirn und Seele* 2-е изд. 1896, стр. 10, прим. 2-е стр. 37.

***) *Avenarius. Der menschliche Weltbegriff* стр. 75—6.

Такимъ образомъ ясно, что можно быть противникомъ метафизики и въ то же время не признавать, что мысль находится гдѣ-то въ мозгу.

Гдѣ же въ нашемъ тѣлѣ находится душа? Разсмотримъ отвѣты на этотъ вопросъ различныхъ философовъ. Начнемъ съ древнѣйшихъ временъ.

Если бы кто-нибудь поставилъ мнѣ въ упрекъ, что я этотъ вопросъ разсматриваю исторически, и замѣтилъ бы мнѣ, что было бы вполне достаточно, еслибы я разсмотрѣлъ только современное состояніе его, что только это послѣднее представляетъ интересъ, что у старыхъ писателей вельзя по этому вопросу найти чего-либо существенно важнаго, то я на это спѣшу отвѣтить, что исторія вопроса въ данномъ случаѣ имѣетъ принципиальное значеніе, потому что она можетъ показать намъ ту связь, которая существуетъ между психологіей и фізіологическимъ ученіемъ о локализациі умственныхъ способностей.

Греческій философъ *Платонъ* (427—347 до Р. Хр.) думалъ, что душа состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть—это разумная душа или источникъ познанія, вторая часть—источникъ чувствъ и, наконецъ, третья часть—источникъ страстей и желаній.

Въ то время, какъ вторая и третья части помѣщаются въ животѣ, главная часть души, разумная, имѣетъ свое мѣсто въ головѣ, которую Платонъ поэтому называетъ «Акрополемъ тѣла»: находясь въ немъ, душа властвуетъ надъ тѣломъ.

Ученикъ Платона *Аристотель* (385—322) считалъ этотъ взглядъ несостоятельнымъ. По мнѣнію Аристотеля, мозгъ не можетъ служить мѣстопребываніемъ разумной части души, потому что онъ представляетъ изъ себя безкровный и холодный органъ. Мозгъ не можетъ быть носителемъ такой важной функціи, какъ мышленіе. По мнѣнію Аристотеля, мѣстопребываніемъ души является сердце, функція же мозга заключается лишь въ томъ, чтобы охлаждать сердце.

Изъ послѣдующихъ взглядовъ заслуживаетъ упоминанія ученіе одного изъ отцовъ церкви, *Немезія* (жилъ въ V вѣкѣ), который думалъ, что душа, состоящая изъ воздухообразнаго вещества, можетъ помѣщаться только лишь въ мозгу и именно въ такъ называемыхъ мозговыхъ желудочкахъ. (Мозговые желудочки—это углубленіе, находящееся внутри мозговыхъ полушарій). Немезій думалъ, что передніе желудочки являются мѣстопребываніемъ «фантазіи». «Память» имѣетъ своимъ мѣстопребываніемъ задніе желудочки, «мыслительныя же способности» находятся въ среднихъ желудочкахъ.

Въ схоластической філософіи очень сильно затруднялись въ рѣшеніи вопроса о томъ, гдѣ и какъ въ человѣческомъ тѣлѣ помѣщается душа. Философы этого періода знали, что душа непротяженна, что она недѣлима, что поэтому было бы несообразно говорить о ея пространственной локализациі, съ другой стороны—они не могли не при-

знавать воздѣйствія души на тѣло и какъ бы находенія ея въ этомъ послѣднемъ и потому пришли къ слѣдующему оригинальному рѣшенію. Душа, по мнѣнію схоластиковъ, находится въ тѣлѣ, но не въ смыслѣ тѣлесности или пространственности, т. е. не такъ, какъ можетъ находиться въ тѣлѣ нѣчто тѣлесное и протяженное; при томъ душа во всемъ тѣлѣ находится какъ нѣчто цѣлое и въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла она находится одновременно цѣлой и нераздѣльной. Такимъ способомъ схоластики хотѣли примирить нераздѣльность и нематеріальность души съ находеніемъ ея въ тѣлѣ.

Своеобразное мѣстопробываніе для души указываетъ Декартъ (1596—1650). Психологическія воззрѣнія Декарта сводятся къ тому; что душа есть нѣчто абсолютно отличное отъ матеріи. Матерія обладаетъ протяженностью, душа лишена этого свойства; она нематеріальна, непротяженна, а если она непротяженна, то не имѣетъ частей, недѣлима. Душа, по Декарту, едина и недѣлима. Нужно было найти органъ, въ которомъ можетъ помѣщаться душа, обладающая такими свойствами. Для разрѣшенія этой задачи онъ занимался специальными анатомо-физиологическими изслѣдованіями, и его познанія въ этой области были на столько обширны, что ему даже приписывается открытіе закона такъ называемыхъ рефлективныхъ движеній.

Декартъ думалъ, что для души, которая была единой и нераздѣльной долженъ быть найденъ подходящий органъ. Такимъ, по его мнѣнію, могла быть только лишь такъ называемая шишковидная железа (*Glandula pinealis*), потому что это былъ единственный непарный органъ въ головѣ.

Декартъ предполагалъ, что парный или двойственный органъ не можетъ быть сидалищемъ для единой и нераздѣльной души. «Хотя душа,—говоритъ Декартъ,—соединена со всѣмъ тѣломъ, но есть въ тѣлѣ нѣкоторая часть, гдѣ душа въ особенности обнаруживаетъ свое дѣйствіе, не есть ни сердце, ни мозгъ, а маленькая железа, помѣщенная среди его массы». Это есть *glandula pinealis*.

Исканіе непарнаго органа для нераздѣльной души вполне определенно указываетъ на ту связь, которая существовала между психологическими и физиологическими воззрѣніями Декарта.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка господствовала психологія Христиана Вольфа, которую можно назвать «психологіей способностей», потому что она предполагала, что душа состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ способностей: памяти, воображенія, разума, разсудка и т. п. Каждая способность, по мнѣнію этой психологіи, имѣетъ какъ бы самостоятельное существованіе. Въ настоящее время въ психологіи существованія отдѣльныхъ способностей, независимыхъ отъ отдѣльныхъ психическихъ состояній, никѣмъ не признается. Нельзя, напр., сказать, что есть какая-нибудь способность *вниманія*, которая находилась бы *вне* отдѣльныхъ представленій или чувствъ, которыя въ данную минуту представляются

нашему сознанию съ большей или меньшей отчетливостью и ясностью, вслѣдствіе чего мы и говоримъ, что мы направляемъ наше вниманіе на извѣстные представленія или чувства. Нельзя сказать, чтобы вниманіе было что-нибудь таксе что находилось бы *въ* этихъ представленіяхъ и чувствахъ. Самое понятіе способности вниманія возникаетъ вслѣдствіе того, что мы одни представленія воспринимаемъ отчетливо и ясно, а другія нѣтъ. Мы обобщаемъ этотъ особенный характеръ процесса воспріятія и у насъ получается понятіе вниманія; но по большей части въ такихъ случаяхъ возникаетъ тенденція принимать, что вниманіе есть нѣчто, находящееся *въ* отдѣльныхъ представленіяхъ, но это совсѣмъ невѣрно. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ способностяхъ, памяти, воображеніи, разсужденіи и т. под. Психологи Вольфовской школы именно не замѣчали, что они простое отвлеченіе принимали за реальность.

Изъ этой «психологіи способностей» рождается новое фізіологическое ученіе о локализациі мозговыхъ способностей, принадлежащее Фридриху Галлю (1757—1828). Я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на ученіи Галля потому, что съ его именемъ связаны самыя превратныя взгляды. О немъ думаютъ, что онъ былъ просто какой то фантазеръ, строившій свои взгляды безъ всякихъ обоснованій. Въ дѣйствительности это невѣрно. Всякій, кто далъ бы себѣ трудъ ознакомиться съ его шеститомнымъ сочиненіемъ «*Sur les fonctions du cerveau*» *) могъ бы убѣдиться въ томъ, что это былъ ученый съ огромной, всесторонней эрудиціей, пытавшійся построить свою теорію на основаніи многочисленныхъ данныхъ, вообще ученый добросовѣстный. Если его ученіе оказалось совершенно несостоятельнымъ, то это произошло, какъ мнѣ кажется, не столько потому, что онъ пользовался недостаточно обоснованными данными, сколько потому, что онъ исходилъ изъ ложныхъ психологическихъ теорій. Кромѣ того, ученіе его заслуживаетъ вниманія и потому, что, какъ указывалъ Флексигъ, онъ первый обратилъ особенное вниманіе на значеніе мозговыхъ извилинъ, и что въ этомъ смыслѣ онъ является предшественникомъ современныхъ ученій о локализациі умственныхъ способностей. О немъ справедливо замѣтили, что его заслуги извѣстны только въ узкомъ кругу специалистовъ, между тѣмъ какъ ошибки его ученія сдѣлались чрезвычайно популярными.

Какъ извѣстно, по его ученію, называемому *френологіей*, та или другая психическая способность связана съ развитіемъ той или другой

*) Подробное заглавіе этого сочиненія:

«*Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune de ses parties, avec des observations sur la possibilité de reconnaître les instincts, les penchants, les talents, ou les dispositions morales et intellectuelles des hommes et des animaux, par la configuration de leur cerveau et de leur tête.* Paris, 1822. То же сочиненіе вышло раньше въ 1804 г. подъ заглавіемъ: *Anatomie et Physiologie du système nerveux en général, et du cerveau en particulière.*»

мозговой извилины. Особое развитіе той или другой мозговой извилины отражается на очертаніяхъ черепа, оно производитъ тѣ или другія выпуклости на черепѣ, которыя и свидѣтельствуютъ о существованіи тѣхъ или другихъ психическихъ особенностей даннаго индивидуума.

— Галль въ предисловіи къ своему сочиненію самъ рассказываетъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ открытію своей теоріи. Онъ воспитывался въ семьѣ, въ которой было очень много дѣтей и имѣлъ случай замѣтить, что всѣ они отличались какими-нибудь психическими особенностями, которыя, по его мнѣнію, происходили не отъ воспитанія, какъ думали многіе философы того времени, а изъ какихъ-либо *врожденны*хъ особенностей, потому что, хотя дѣти воспитывались при одинаковыхъ условіяхъ, однако вполнѣдствіи обнаруживали особенности въ психической сферѣ. То же самое онъ замѣтилъ, наблюдая и психическую жизнь животныхъ. Животныя, воспитывающіяся при одинаковыхъ условіяхъ, обнаруживаютъ несомнѣнныя психическія особенности. Отъ чего же эти особенности зависятъ? По мнѣнію Галля, отъ *врожденной физической организаціи*, и именно отъ особенностей строенія центральной нервной системы.

Въ годы студенчества онъ имѣлъ случай замѣтить, что лица, имѣющія превосходную память, имѣютъ въ то же время большіе выпуклые глаза. Отсюда онъ сдѣлалъ предположеніе, что если память обнаруживается какимъ-нибудь внѣшнимъ фактомъ, то то же самое должно быть и по отношенію къ другимъ психическимъ способностямъ; если эта психическая способность связана съ тѣми или иными фізіологическими особенностями, то всякая другая способность должна быть связана съ другими фізіологическими особенностями.

Для рѣшенія этого вопроса онъ сталъ наблюдать различныхъ людей, обладающихъ какою-либо замѣчательною особенностью и старался подмѣтить, какія фізіологическія особенности имъ сопутствуютъ, при чемъ изъ соображеній, на которыя было указано выше, онъ обращалъ особенное вниманіе на строеніе черепа. По его словамъ, онъ собралъ огромный матеріалъ. Онъ собиралъ факты въ школахъ и въ различныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, въ сиротскихъ домахъ, въ домахъ для душевно-больныхъ, въ исправительныхъ домахъ, въ тюрьмахъ и даже на мѣстахъ казни. Онъ произвелъ многочисленныя изслѣдованія надъ убійцами, надъ слабоумными; онъ разсматривалъ статуи и бюсты и сличалъ съ историческими описаніями, и изъ этихъ-то данныхъ онъ пришелъ къ выводамъ, о которыхъ я сейчасъ скажу.

Но, приступая къ изслѣдованію, Галль исходилъ изъ слѣдующихъ психологическихъ соображеній. Онъ думалъ, что слѣдуетъ разрѣшить вопросъ о локализациі не души, а психическихъ способностей, но не былъ согласенъ со взглядами тѣхъ философовъ, которые принимали ограниченное число способностей вродѣ памяти, воображенія, раз-

судка и т. под. Онъ думалъ, что такое дѣленіе души на нѣсколько способностей совершенно недостаточно.

Нельзя отличить одного человѣка отъ другого, если сказать, что у одного, напримѣръ, воля отличается въ томъ или въ другомъ отношеніи отъ воли другого. Для того, чтобы достигнуть этого, намъ нужно указать, какими частными особенностями одинъ индивидуумъ отличается отъ другого. Мы вполне можемъ характеризовать того или другого человѣка, если мы въ состояніи сказать о наличности у него такихъ способностей, какъ способности къ языкамъ, способности къ музыкѣ, постоянство и т. п.

Исходя изъ соображеній такого рода, Галль призналъ слѣдующія 27 способностей:

- I. Половой инстинктъ.
- II. Любовь къ дѣтямъ.
- III. Дружба, привязанность.
- IV. Инстинктъ самосохраненія, или мужество.
- V. Кровожадность или склонность къ убійству.
- VI. Хитрость.
- VII. Чувство собственности.
- VIII. Гордость, высокомеріе.
- IX. Тщеславіе, славолюбіе.
- X. Осторожность, предусмотрительность.
- XI. Память на предметы.
- XII. Чувство мѣстности.
- XIII. Память на личности.
- XIV. Память на слова.
- XV. Способность къ изученію языковъ.
- XVI. Способность къ живописи.
- XVII. Способность къ музыкѣ.
- XVIII. Способность къ ариметикѣ.
- XIX. Механическія способности.
- XX. Способность къ сравненію.
- XXI. Умъ метафизическій.
- XXII. Остроуміе.
- XXIII. Способность къ поэзи.
- XXIV. Доброта, благожелательство, нравственное чувство, совѣсть.
- XXV. Способность къ подражанію.
- XXVI. Религіозное чувство.
- XXVII. Постоянство, твердость, упорство.

Я позволю себѣ привести изъ его сочиненій сообщеніе о томъ, какимъ образомъ онъ приходилъ къ открытію органовъ только что приведенныхъ способностей, чтобы читатели могли получить представленіе о тѣхъ приемахъ изслѣдованій, какими онъ пользовался.

Любовь къ дѣтямъ локализуется въ той части мозга, которая производитъ выпуклость въ черепѣ, обозначенной знакомъ II (см. рис.).

Галль сравнивалъ многочисленныя черепа женщинъ и мужчинъ и нашелъ, что первые отличаются отъ вторыхъ значительнымъ развитіемъ именно этой части черепа. По мнѣнію Галля, это происходитъ оттого, что у женщинъ болѣе развито чувство любви къ дѣтямъ. Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что у обезьянъ, которыя также отличаются особенной любовью къ дѣтямъ, эта часть черепа обнаруживаетъ значительную выпуклость *).

Изсгдую черепъ одной женщины, которая была извѣстна какъ образецъ привязанности (*modèle de l'amitié*), онъ замѣтилъ у нея выпуклость той части черепа, которая на рисункѣ обозначена цифрой III.

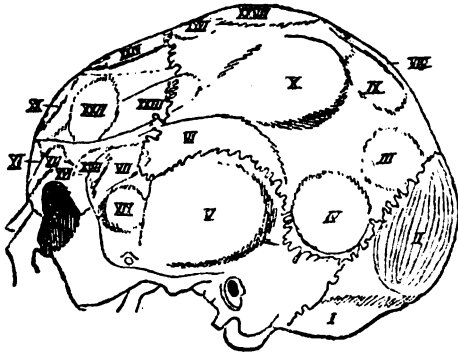

Рис. 1.

Этотъ признакъ, по его мнѣнію доказываетъ наличие чувства привязанности у даннаго индивидуума. Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что у животныхъ, которыя способны къ особенной привязанности, какъ, напримѣръ, у собакъ, эта часть черепа особенно развита **).

Изучая черепъ одного душевно-больного, который страдалъ маніей величія, онъ замѣтилъ особенную выпуклость черепа, обозначенную цифрой IX. Онъ полагаетъ, что это есть органъ *тщеславія* и подтверждаетъ свой взглядъ тѣмъ, что обезьяны которыя обнаруживаютъ тщеславіе въ стремленіи себя украшать, имѣютъ на черепахъ въ этомъ мѣстѣ ту же характерную выпуклость ***).

Укажу еще на органъ «религіознаго чувства», какъ его представлялъ себѣ Галль. Для того, чтобы опредѣлить этотъ органъ, Галль

*) Ук. соч. т. III, стр. 415—419.

**) Ук. соч. т. III, стр. 473 и д. «Cette region est également plus large et plus bombée chez les animaux susceptibles d'un grand attachement, que chez les autres. Le crâne du chien est particulièrement remarquable à cet égard.» стр. 495—6.

***) Т. IV, стр. 311.

ислѣдовалъ форму головъ тѣхъ лицъ, которыя отличались своею نابожностью. Онъ посѣщалъ церкви и при этомъ наблюдалъ головы тѣхъ, которые молились наиболѣе усердно. Въ этихъ наблюденіяхъ онъ замѣтилъ, что въ черепахъ ихъ есть выпуклость въ той части, которая обозначена на рисунокѣ цифрою XXVII *) Чтобы подтвердить это наблюдение, онъ предпринялъ цѣлый рядъ изслѣдованій надъ монахами, проповѣдниками и т. п. Кромѣ того, онъ сличилъ многочисленныя портреты историческихъ личностей, и отличавшихся особеннымъ развитіемъ религіознаго чувства: Константина Великаго, Антонина Пія, Марка Аврелія, Іоанна Златоуста, Игнатія Лойолы, Людовика XIII и др. и у всѣхъ у нихъ онъ нашелъ подтвержденіе своей теоріи. Между прочимъ, оказалось, что голова атеиста Спинозы характерно отличается отъ формы головы людей религіозныхъ отсутствіемъ указаннаго возвышенія **).

Такимъ образомъ, по теоріи Галля, тѣ или другія психическія способности связаны съ опредѣленными измѣненіями мозговыхъ извилинъ, каковое измѣненіе отражается на очертаніяхъ черепа. Благодаря этому обстоятельству, мы можемъ даже при взглядѣ на черепъ опредѣлить, какія психическія способности присущи данному индивидууму.

Это ученіе было дискредитировано на первыхъ же порахъ появленія, во первыхъ, тѣмъ, что многіе воспользовались имъ для тѣхъ же цѣлей, для какихъ существовала астрологія и гороскопія, т. е. для угадыванія судьбы человѣческой и т. под.; во вторыхъ, послѣдователи Галля увеличили ошибки своего учителя. Одинъ изъ его учениковъ на черепѣ гуся показывалъ признаки 29 способностей и въ томъ числѣ способности къ музыкѣ. Другой изъ его послѣдователей число способностей довелъ до 63-хъ.

Если бы мы спросили о причинахъ неудачи системы Галля, то мы должны были бы сказать, что хотя онъ и слѣдовалъ естественно научному методу при собираніи фактовъ и наблюденій, но при этомъ онъ очень поспѣшно обобщалъ. Главная же ошибка его состояла въ томъ, что онъ исходилъ изъ ложной психологической теоріи способностей. Если бы вмѣсто того, чтобы пользоваться ходячими теоріями популярной психологіи, Галль воспользовался указаніями научной психологіи своего времени, то едва ли бы онъ пришелъ къ такимъ ложнымъ результатамъ.

Теорія Галля еще при жизни его была опровергнута эксперимен-

*) Въ этихъ наблюденіяхъ ему благоприятствовало то обстоятельство, что большинство набожныхъ людей, которыхъ наблюдалъ Галль, были пѣшвыи. Je fus frappé d'abord de la circonsance que les devots les plus fervent que j'avais vus etaient presque toujours chauves.

***) Combien toutes ces têtes élevées diffèrent de la tête aplatie du haut de l'athée Spinoza?

тальными изслѣдованіями *Флуранса*, знаменитаго французскаго фізіолога *).

Онъ производилъ изслѣдованія такимъ образомъ, что удалялъ тѣ или другія части мозга, чтобы опредѣлить, каковы будутъ послѣдствія этого удаленія. Такъ, напр., онъ взялъ курицу, у которой удалилъ оба мозговыхъ полушарія. Не взирая на это, курица прожила еще 10 мѣсяцевъ, и наблюденія надъ этой курицей безъ мозговыхъ полушарій привели *Флуранса* къ слѣдующимъ результатамъ. «Какъ только я лишилъ ее обоихъ полушарій, она тотчасъ же лишилась зрѣнія въ обоихъ глазахъ. Она уже не слышала, не подавала никакого знака воли, но держалась крѣпко на ногахъ. Она начинала ходить, когда ее толкали. Она летала, когда ее бросали на воздухъ. Она проглатывала воду, когда ее лили ей въ клювъ. Она не приходила въ движеніе, если ея не возбуждали. Если ее ставили на лапки, то она оставалась въ такомъ положеніи. Когда ее клали на животъ, т. е. въ такое положеніе, въ какомъ куры находятся, когда онѣ спятъ или отдыхаютъ, то она оставалась въ томъ же положеніи. По большей части она находилась въ состояніи сонливости, которое не могли прервать ни шумъ, ни свѣтъ, а только лишь непосредственныя возбужденія, какъ напр., щипки, удары, уколы».

Это было въ первый день послѣ операціи, но то же самое повторяется во все послѣдующее время.

Флурансъ оставлялъ ее голодать почти до 3-хъ дней, затѣмъ подноситъ пищу къ самымъ ноздрямъ, погружаетъ ея клювъ въ зерна, кладетъ зерна на клювъ, погружаетъ клювъ въ воду, кладетъ ее, наконецъ, въ кучу зеренъ. Она не получила никакого обонятельнаго ощущенія, она ничего не проглотила, ничего не выпила. Она оставалась неподвижной на кучѣ ишеницы и, конечно, умерла бы съ голоду, если-бы *Флурансъ* не заставилъ ее съѣсть зерна, кладя ихъ просто ей въ клювъ.

Много разъ *Флурансъ* вмѣсто зеренъ клалъ камешки въ клювъ; она проглатывала эти камешки, какъ еслибы это были зерна. Если эта курица на пути своемъ встрѣчаетъ препятствія, она наталкивается на него, и этотъ толчокъ останавливаетъ ее, но она останавливается совершенно безъ всякаго пониманія. Такимъ образомъ курица безъ полушарій потеряла всѣ свои инстинкты, потому что теперь она по собственной инициативѣ не ѣстъ, какому бы голоду ее ни подвергали. Она не защищается отъ другихъ куръ, она можетъ ни убѣгать, ни вступать въ борьбу.

Она потеряла разсудокъ, потому что она уже больше не имѣетъ хотѣній, воспоминаній и сужденій. Слѣдовательно, по мнѣнію *Флуранса*,

*) Его Сочиненіе *Recherches experimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux* вышло въ 1824 г. 2-е изд. въ 1843 г.

мозговья полушарія суть единственный органъ воспріятія воли и сужденія.

Но отсюда для Флуранса возникаетъ новая задача. Если сказать, что мозговья полушарія являются сѣдалищемъ для воспріятія памяти, воли, то спрашивается, представляютъ ли изъ себя мозговья полушарія *однородный* органъ, во всѣхъ частяхъ котораго одинаково имѣютъ мѣсто эти функціи, или же для каждой изъ этихъ способностей существуетъ особая *часть* мозговыхъ полушарій? Для разрѣшенія этого вопроса Флурансъ произвелъ слѣдующій экспериментъ. Онъ взялъ голубя и сталъ вырѣзывать по отдѣльнымъ слоямъ мозговья полушарія. При этомъ онъ замѣтилъ, что по мѣрѣ того, какъ онъ снималъ все больше и больше слоевъ, зрѣніе ослаблялось у голубя все болѣе и болѣе. *Вмѣстѣ* съ зрѣніемъ ослаблялся также и слухъ, а равнымъ образомъ и всѣ интеллектуальныя способности. «Со всякимъ новымъ слоемъ, говоритъ Флурансъ, зрѣніе теряло все больше и больше своей энергіи; и, по мѣрѣ того какъ голубь переставалъ видѣть, онъ переставалъ также слышать, онъ не имѣлъ воли, воспоминаній и сужденій».

Отсюда Флурансъ сдѣлавъ тотъ выводъ, что всѣ эти способности связаны съ отравленіемъ *однихъ и тѣхъ же частей мозга*.

Затѣмъ Флурансъ произвелъ другой опытъ, который является подтвержденіемъ перваго. Онъ взялъ голубя и вырѣзалъ центральныя части обихъ полушарій. Слѣдствіемъ этого явилось то, что голубь лишился всѣхъ чувственныхъ и интеллектуальныхъ способностей, но затѣмъ онъ сталъ оправляться, при чемъ оказалось, что всѣ способности стали къ нему возвращаться *одновременно*.

Изъ всѣхъ своихъ опытовъ Флурансъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что мозгъ представляетъ изъ себя *однородный органъ* и что не существуетъ различныхъ сѣдалищъ для различныхъ способностей и для различныхъ воспріятій. Слѣд., мозгъ во всѣхъ своихъ частяхъ функционируетъ одинаково, подобно тому какъ любой кусокъ печени приготовляетъ и выдѣляетъ желчь.

Противоположность между теоріей Галля и теоріей Флуранса очевидна. У одного для 27 способностей существуетъ столько же различныхъ органовъ въ мозгу; для другого мозгъ представляетъ однородное цѣлое.

Кто же изъ нихъ былъ правъ?

Этотъ вопросъ нужно было рѣшить современной физиологіи. Его мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ, а теперь обращу ваше вниманіе на связь между психологическими теоріями и между физиологическими ученіями о локализациі умственныхъ способностей.

Когда господствовала спиритуалистическая теорія о душѣ, какъ о чемъ то единомъ, нераздѣльномъ, то философы искали одинъ какой нибудь пунктъ въ мозгу. Когда возникла «психологія способностей», то физиологія стала искать отдѣльныя мѣста въ мозгу, въ которыхъ

*

эти способности могли бы локализоваться. Въ настоящее время психологія способностей оставлена. Теперь уже не говорятъ, что у насъ въ душѣ есть какія нибудь отдѣльныя способности, которыя между собой никакой связи не имѣютъ и которыя стоятъ помимо отдѣльныхъ духовныхъ состояній. Теперь говорятъ, что вся наша душевная жизнь есть не что иное, какъ совокупность отдѣльныхъ *представленій*, связанныхъ другъ съ другомъ по законамъ *ассоціацій*. Подобно тому какъ изъ соединенія отдѣльныхъ матеріальныхъ атомовъ создается міръ физическій, такъ и изъ соединенія или ассоцірованія психическихъ атомовъ создается міръ психическій, и вотъ эта психологическая теорія переносится и въ фізіологическія ученія о локализациі умственныхъ способностей, въ чемъ мы легко убѣдимся, когда разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ современныя ученія о локализациі умственныхъ способностей.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МОЩЬ КООПЕРАЦИИ *).

Современный цивилизованный человек живет под знаком экономической борьбы. Рѣзче и ярче выступает на каждом шагу противоположность всевозможных интересовъ. Эксплоатація безпощадная, не признающая никакихъ границъ, является чертой эпохи. Рабочій страдаетъ и какъ производитель, и какъ потребитель. И на послѣднее то до сихъ поръ обращали мало вниманія. Между тѣмъ, такого вниманія вполне заслуживаетъ фактъ наличности большого числа людей, живущихъ исключительно за счетъ потребителей, которые уплачиваютъ за услуги посредничества, ровно ничего не прибавляющаго къ цѣнности продукта. Существовавшая въ области посредничества разбросанность и дробность уступила, благодаря вмѣшательству крупныхъ капиталистовъ, мѣсто организаціи дѣла въ большихъ размѣрахъ — появились огромные магазины. Сейчасъ же напрашивается мысль: а что если потребитель самъ организуетъ это дѣло? Очевидно—первымъ слѣдствіемъ такого шага будетъ то, что матеріальная «разница», попадавшая въ карманъ посредника—вернется по окончаніи каждого операціоннаго періода въ карманъ потребителя. Но для насъ болѣе интересно другое слѣдствіе: не есть ли организація потребленія ступень къ высшей цѣли—организаціи производства? Къ этому-то вопросу мы и переходимъ теперь. Чтобы покончить, однако, съ первымъ, слѣдствіемъ учрежденія коопераций, мы приведемъ утверженіе г. Миллера, живо и ярко иллюстрирующее вышесказанное. Швейцарскій рабочій, зарабатывающій 1.000 фр. въ годъ, тратитъ на приобрѣтеніе необходимыхъ предметовъ своего обихода — 700 франковъ, причемъ минимумъ 200 фр. попадаетъ въ карманъ торговца, какъ вознагражденіе за посредничество.

На примѣрѣ Англій мы видимъ, что потребительныя общества постепенно добиваются возможности производить главные предметы потребленія въ собственныхъ мастерскихъ. Одновременно съ получаемою обществомъ выгодой отъ этого выигрываютъ и рабочіе кооперативныхъ

*) Быстрый ростъ потребительныхъ обществъ въ Россіи, возникающихъ чуть не каждый день, составляетъ одно изъ характерныхъ явленій нашего времени. Предлагаемая статья даетъ возможность сравнить наши потребительныя общества съ тѣмъ, какъ стоятъ теперь это дѣло на Западѣ. Ред.

производство: заработная плата увеличивается и помещенія рабочихъ значительно улучшаются. Однако и въ Англіи производство потребительныхъ обществъ для себя не достигло размѣровъ, какихъ могло достигнуть. Причину этого мы видимъ въ томъ, что производство въ началѣ не входило въ программу кооператоровъ. Двадцать восемь бѣдныхъ рочдельскихъ ткачей соединились въ 1844 г. только для совместной закупки пищевымъ продуктомъ: они не хотѣли платить налогъ въ пользу лавочниковъ. Мысль—положить себѣ въ карманъ прибыль булочника, мясника, мельника, фабрикантовъ одежды, обуви, мебели и др., эта мысль пришла гораздо позже. Англійскія потребительныя общества захватили въ свои руки производство лишь въ немногихъ отрасляхъ промышленности. Однако, ни одна попытка въ этомъ направленіи не окончилась неудачею, а наоборотъ: производство одежды, напримѣръ, успѣшно конкурируетъ противъ потогонной системы большихъ городовъ Англіи. Итакъ, ограниченное производство потребительныхъ обществъ не есть результатъ печальнаго опыта. Другая причина, задержавшая развитіе и организацію производства потребительными обществами, коренится въ фiasco, постигшемъ чисто производительныя общества. Но производительное общество и производство потребительнаго общества для своихъ членовъ—двѣ вещи различныя. Производительному обществу болѣе, чѣмъ кому другому, приходится бороться и съ конкуренціей, и съ непостоянствомъ сбыта. А когда потребительное общество приступаетъ къ производству на себя—оно знаетъ размѣръ сбыта съ большою точностью. Англійскія потребительныя общества знаютъ, напримѣръ, что сбытъ уменьшится на 25% въ августѣ и сентябрѣ, когда многіе рабочіе уѣзжаютъ на отдыхъ. Кстати, англійскія потребительныя общества выплачиваютъ рабочимъ своего производства жалованіе во время вакаціи и, кромѣ того, выговариваютъ у желѣзнодорожныхъ обществъ существенныя льготы для своихъ членовъ и продаютъ имъ эти льготные билеты въ своихъ магазинахъ.

Кромѣ приведеннаго, весьма существеннаго, различія между производительнымъ и потребительно-производительнымъ обществомъ, отмѣтимъ еще слѣдующія. Во главѣ нѣкоторыхъ производствъ потребительныхъ обществъ Англіи стоятъ хорошо оплачиваемые специалисты у производительныхъ же обществъ дѣла приходили въ разстройство благодаря тому, что въ началѣ каждый членъ общества считалъ себя компетентнымъ и вмѣшивался въ управленіе предпріятіемъ. Наконецъ, потребительныя общества приступаютъ къ производству, лишь имѣя уже въ рукахъ соответствующіе фонды, и оборотный капиталъ его можетъ быть небольшимъ сравнительно съ размѣрами предпріятія, такъ какъ продукты немедленно сбываются и деньги вновь поступаютъ въ оборотъ.

Обращаемся теперь къ выясненію причины прибыльности потреби-

тельныхъ обществъ. Причина непрерывнаго повышенія дивиденда потребительныхъ обществъ—ростъ самостоятельныхъ производительныхъ предпріятій, организуемыхъ ими. Производство англійскихъ потребительныхъ обществъ выражается суммой въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а ихъ оборотъ равенъ полумилліарду. Изъ восьми англичанъ—одинъ непременно членъ потребительнаго общества, между тѣмъ какъ въ Германіи одинъ организованный приходится на двадцать одного неорганизованнаго. Производство потребительнаго общества не только прямо вознаграждаетъ потребителя, но и ограждаетъ его отъ мелкихъ обмановъ и фальсификацій, пускаемыхъ въ ходъ фабрикантами для успѣшнѣйшаго сбыта продуктовъ.

Расходъ фабриканта на комми-воажеровъ, корреспондентовъ, контору и складъ—отсутствуютъ въ графѣ расхода потребительно-производительныхъ обществъ, что даетъ крупную экономію тому же потребителю. Новые горизонты раскрылись передъ англійскими потребительными обществами съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлали наблюденіе, на первый взглядъ незначительное: цѣны на землю вблизи открываемыхъ ими магазиновъ—быстро поднимались. Первый выводъ отсюда: приобрѣтеніе земли и построекъ въ собственность должно предшествовать открытію магазина. И это немедленно порождаетъ мысль о дешевыхъ жилищахъ для членовъ, жилищахъ, выстроенныхъ на собственной землѣ. Эти жилища, въ свою очередь, привлекаютъ къ потребительнымъ обществамъ новые элементы.

Средства для постройки упомянутыхъ жилищъ составляются изъ прибыли отъ продажи, изъ вкладовъ членовъ въ сберегательную кассу обществъ, или же специальныхъ взносовъ на приобрѣтеніе земли и сооруженіе домовъ, отвѣчающихъ требованіямъ гигиены. Въ такихъ домахъ обыкновенно имѣется огромный залъ для собраній, для чтенія рефератовъ и т. п.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній остановимся подольше на каждой изъ отдѣльныхъ задачъ потребительнаго общества. Начнемъ съ производства на себя. Какъ мы уже сказали, сумму, необходимую для организаціи производства, можно получить путемъ вычета изъ чистой прибыли. Ясно, что дивидендъ членовъ въ первые годы сильно уменьшается отъ этого. Но за то, по мѣрѣ роста производства, въ кассу потребительнаго общества прибыль попадаетъ все въ большемъ и большемъ размѣрѣ. Средній дивидендъ британскихъ потребительныхъ обществъ равнялся въ послѣднемъ отчетномъ (1896) году—15½%.⁹

Статистика производства британскихъ потребительныхъ обществъ обхватываетъ періодъ отъ 1868 г. до 1895. Дивиденды за это время удвоились. Прибыли же получается теперь въ двѣнадцать разъ больше. Она превысила въ 1895 г.—5½ милл. фунтовъ стерлинговъ. При томъ не нужно забывать, что даже въ Англи организована только восьмая и экономически слабая часть населенія.

Вліяніе потребительныхъ обществъ на условія труда необыкновенно благотворно. Число рабочихъ часовъ, гигиеничность обстановки и оплата труда, все это несравнено выше въ предпріятіяхъ потребительныхъ обществъ, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ. Въ портняжной мастерской Рочдела всѣ пятьдесятъ рабочихъ получаютъ наивышшую плату въ городѣ, работая часомъ меньше другихъ. Мастерскія и фабрики потребительныхъ обществъ своимъ образцовымъ устройствомъ вызываютъ подражаніе частныхъ предпринимателей.

Выше мы видѣли, что прибыль съ производства потребительныхъ обществъ идетъ на пользу рабочимъ. Но это еще не все и даже не главное. Упомянутая прибыль ускользаетъ изъ рукъ капиталистовъ, ослабляя ихъ силу. Чѣмъ быстрѣе подвигается производство потребительныхъ обществъ, тѣмъ независимѣе становится рабочій отъ капиталистовъ. Съ 1862 года британскія потребительныя общества распредѣлили до 75 милл. фун. стерл. дивидендовъ. Эти деньги потеряны для капиталистовъ. Производство, о которомъ идетъ рѣчь, нигдѣ не стѣснено законодательствомъ. Товары собственного производства могутъ продаваться не только своимъ, но и заграничнымъ потребительнымъ обществамъ, и, кромѣ того, постороннимъ фирмамъ и отдѣльнымъ лицамъ, не состоящимъ членами. Съ ростомъ производства на себя должно расти и число членовъ, такъ какъ наемные рабочіе въ свою очередь становятся членами. «Производительное потребительное общество въ селѣ Бирсекъ близъ Базеля—прямо предписываетъ, чтобы работа давалась только членамъ». Кстати сказать, это общество имѣетъ свою гостиницу, приносящую большую прибыль.

Въ отчетѣ потребительнаго общества въ Лейпцигъ-Плагвицѣ хорошо выясняется существенное различіе между ненадежнымъ производствомъ производительнаго общества и устойчивымъ производствомъ потребительнаго общества на твердомъ базисѣ гарантированнаго сбыта. Составитель отчета оговариваетъ, что описываемый годъ (1896—1897) очень неблагоприятенъ. «Если не смотря на это, мельница и пекарня дали хорошую прибыль, то это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что муку и хлѣбъ почти не приходится продавать на сторону, поэтому совершенно отсутствуетъ рискъ или ущербъ. И мельница, и пекарня работаютъ почти исключительно на общество. Это позволяетъ намъ ставить рабочихъ въ лучшія условія и платить имъ больше, чѣмъ платятъ предприниматели». Изъ такого опыта мы смѣло выводимъ, что кооперативныя пекарни въ Гамбургѣ и Фленсбургѣ не прекратили бы своего существованія, если бы онѣ составляли части потребительныхъ обществъ. Отъ неблагоприятнаго хода дѣлъ своей приставной части мало страдаетъ потребительное общество, черпающее силы изъ разныхъ источниковъ. Кромѣ того потребительное общество благодаря обезпеченному сбыту не терпитъ потерь при продажѣ и хлопоты по сбыту обходятся ему такъ дешево, что оно, какъ въ приведенномъ

примѣръ, получаетъ прибыль даже тогда, когда одно производительное общество прекратило бы свое существованіе. Въ третьихъ, потребительное общество легко можетъ поправить свою ошибку, сдѣланную при покупкѣ или производствѣ, такъ какъ его члены-потребители, заинтересованные матеріально въ благоденствіи общества, не стороятся его тотчасъ же, а стараются загладить ошибку. Между тѣмъ какъ производительное общество, при такомъ же случаѣ, немедленно теряетъ сбытъ, иногда навсегда.

Изъ другого отчета (потребительное общество пищевыхъ продуктовъ въ Фрейбургѣ въ 1897) видно, что хлѣбъ продавался на 6% дешевле, чѣмъ у пекарей и, не смотря на это, общество получило прибыль. Вотъ цитата изъ отчета за 1897 г. сберегательно-потребительнаго общества въ Гмюндѣ: «Мы были въ состояніи продавать дешевле, чѣмъ здѣшніе пекаря, и можемъ не преувеличивая сказать, что цѣны на хлѣбъ были бы теперь на 10% выше, если бы не существовало наше общество; такъ какъ мука вздорожала».

Самую большую въ Германіи пекарней обладаетъ потребительное общество въ Бреславлѣ. Въ его отчетѣ ничего не сказано о величинѣ чистой прибыли. Вообще это общество придерживается того мнѣнія, что когда дѣло касается предметовъ первой необходимости, то суть не въ прибыли, а въ дешевизнѣ, чистотѣ и гигиеничности приготовления и въ высокой платѣ рабочимъ. Въ кооперативной пекарнѣ города Бреславля пекаря передъ началомъ работы обязаны переодѣнуть свою одежду на специальную и вымыть руки въ особо-приспособленной комнатѣ. Самое большое потребительное общество въ Вѣнѣ устроило для пекарей специальную баню съ душами. Полотенца мѣняются здѣсь нѣсколько разъ въ недѣлю.

Въ массѣ вкоренилось, къ ея несчастію, убѣжденіе, что ея потребление незначительно, сравнительно съ потребленіемъ богачей. Неосновательность этого убѣжденія доказалъ недавно Уолинъ, государственный статистикъ Массачузета, вычислившій, что минимумъ 80% всѣхъ продуктовъ потребляется массою. Тоже самое видно изъ вычисления отношенія потребления массы къ потребленію богатыхъ сдѣланнаго Р. Э. Маемъ *). Май доказалъ, что въ Германіи масса населенія потребляетъ продуктовъ минимумъ—въ шесть разъ больше, чѣмъ богачи, и что даже въ торговомъ Гамбургѣ оно вдвое превосходитъ потребление буржуазіи. Естественно, что отношеніе потребления массы къ потребленію богачей приметъ иной видъ, если это потребление раздѣлить на слѣдующія категоріи: предметы роскоши, одежда, жилища и пища. Упомянутое отношеніе наиболѣе благоприятно для массы въ послѣдней категоріи, откуда прямо слѣдуетъ, что потребительныя общества должны браться прежде всего за производство пищевыхъ про-

*) Обращаемъ вниманіе читателя на эту статью, помѣщенную въ Schmollers Jahrbuch № 1, 1899.

дуктовъ, потребление которыхъ богатыми классами — относительно невелико. Вотъ какъ расходуетъ по Энгелю среднее семейство при доходѣ:

Въ 900 мар.	на пищу—71,5 ⁰ / ₀ ,	на жилище—18,9 ⁰ / ₀ ,	остается 14,3 ⁰ / ₀
» 1.500 » » »	66,8 ⁰ / ₀ ,	» » 19,0 ⁰ / ₀ ,	» 14,8 ⁰ / ₀
» 2.250 » » »	66,2 ⁰ / ₀ ,	» » 17,0 ⁰ / ₀ ,	» 19,0 ⁰ / ₀
» 3.000 » » »	64,0 ⁰ / ₀ ,	» » 14,7 ⁰ / ₀ ,	» 24,5 ⁰ / ₀
» 4.500 » » »	60,8 ⁰ / ₀ ,	» » 21,6 ⁰ / ₀ ,	» 6,9 ⁰ / ₀
» 6.000 » » »	58,6 ⁰ / ₀ ,	» » 15,5 ⁰ / ₀ ,	» 25,9 ⁰ / ₀

Чѣмъ бѣднѣе семейство, тѣмъ больше оно тратитъ на пищу. Для Гамбурга, напримѣръ, мы имѣемъ слѣдующую таблицу расхода на пищу:

Изъ 600 марокъ—	402 марокъ или	67,0 ⁰ / ₀
» 900 »	600 » »	66,7 ⁰ / ₀
» 1.440 »	916 » »	56,7 ⁰ / ₀
» 3.000 »	1.200 » »	40,0 ⁰ / ₀
» 4.560 »	1.465 » »	34,2 ⁰ / ₀
» 14.400 »	3.128 » »	21,7 ⁰ / ₀

Отсюда неопровержимо вытекаетъ, что съ увеличеніемъ прихода — расходъ на пищу уменьшается.

Сберегательныя кассы учреждаемыя и функционирующія при потребительныхъ обществахъ,—являются весьма выгоднымъ и полезнымъ дѣломъ. Эти кассы много даютъ на благотворительныя цѣли. Статутъ гамбургскаго потребительнаго общества требуетъ допущенія къ участию въ кассѣ и не состоящихъ членами общества. Деньги, сберегаемыя кассой, способствуютъ обзаведенію собственными домами. А это предприятие даетъ хорошій доходъ на вложенный капиталъ. При этомъ нѣтъ необходимости, чтобы каждый вкладчикъ держалъ деньги въ кассѣ круглый годъ, такъ какъ при многочисленности вкладчиковъ выдача и пріемъ денегъ уравниваются и суммы наличныхъ вкладовъ болѣе или менѣе постоянны. Не кооперативная сберегательная касса въ Гамбургѣ (осн. въ 1827 г.) ассигновала въ 1897 г. благотворительнымъ учрежденіямъ 50 т. марокъ. Такими кассами можно еще довольствоваться, разъ они отчисляютъ часть прибыли бѣднымъ. Однако при такой организаціи кассы (безъ связи съ потребительнымъ обществомъ) часто случается, что деньги рабочаго класса, которыми кассы преимущественно и держатся, попадаютъ въ кассу буржуазнаго городского управленія.

Теперь познакоимся съ профессіями участниковъ потребительныхъ обществъ. Въ Бреславльскомъ потребительномъ обществѣ въ 1897 г. состояло 29.937 = 52⁰/₀ самостоятельныхъ преимущественно ремесленниковъ, торговцевъ и т. п. Между самостоятельными однихъ ремесленниковъ было 9.334 = 16⁰/₀, купцовъ и торговцевъ 7.138 = 12⁰/₀. Далѣе, числилось 7.924 = 14⁰/₀ врачей, аптекарей, учителей, художниковъ, литераторовъ и чиновниковъ. Изъ отчета коопе-

ративной пекарни въ Любекѣ видно, что 23% членовъ принадлежало къ среднему сословію, которое отнюдь нечуждается кооперативнаго движенія. Оно составляетъ въ Гамбургѣ 32% всѣхъ вкладчиковъ въ кассы, а если, къ этому прибавить еще вклады ихъ дѣтей, то выйдетъ 40%. Часть этой публика можетъ принимать участіе въ сберегательной кассѣ при потребительномъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что среднее сословіе принимаетъ живое участіе въ нѣмецкихъ потребительныхъ обществахъ. Въ послѣднихъ участвуютъ всѣ сословія. Каждый членъ—новый потребитель, а каждый потребитель приноситъ не только прибыль, но и увеличиваетъ потребленіе, способствуя этимъ удешевленію продуктовъ, и доставляетъ обществу новый капиталъ для достиженія общественныхъ цѣлей. Поэтому потребительное общество должно быть открыто всякому, безъ различія экономическихъ, политическихъ и религіозныхъ убѣжденій. Еще двѣ иллюстраціи. Бреславльское потребительное общество насчитывало въ 1897 г. среди своихъ членовъ 65,3% самостоятельныхъ лицъ и 34,7% несамостоятельныхъ, а штутгартское—44,9% самостоятельныхъ и 51,1—несамостоятельныхъ.

При строгомъ проведеніи кооперативнаго принципа—что потребительное общество должно по возможности само производить предметы потребленія своихъ членовъ—само собою должно произойти распространеніе производства и на сельско-хозяйственную отрасль. Такъ какъ земля непрерывно повышается въ цѣнѣ, то потребительнымъ обществамъ нужно поторопиться закупкой ея. Польза сельскохозяйственнаго производства ясна и не представляетъ собою опаснаго эксперимента. Лондонское потребительное общество съ 8000 членами получаетъ огромную выгоду отъ разведенія овощей, которыми оно снабжаетъ часть своихъ членовъ, частью городской рынокъ. Обществу принадлежатъ два имѣнія, по 20 гектаровъ каждое. Въ этихъ имѣніяхъ культивируются овощи и разводятся птицы и свиньи. Издержки на производство выражаются въ суммѣ 700 фунтовъ ст. на гектаръ, а валовой доходъ равенъ 1100 ф. ст. Вульвичская ферма, основанная мѣстнымъ потребительнымъ обществомъ, подобно многимъ коопераціямъ, видала трудныя времена. Но зато въ 1897 г. лавка продала продуктовъ на 201.737 фунтовъ ст. Основной капиталъ равнялся 122.810 ф. ст. Кооператорамъ приходится прибѣгать и къ наемному труду, но они платятъ гораздо больше, чѣмъ остальные фермеры. Обычная заработная плата сельскихъ рабочихъ въ Англіи равна 12—14 шил. въ недѣлю, а въ окрестностяхъ Лондона кооператоры платятъ 25 шил. въ недѣлю и допускаютъ къ участію въ прибыли. Ллойдъ (K. D. Lloyd), у котораго взяты эти данныя, говоритъ, что кооперація вновь дастъ душу сельскому рабочему и землѣ. Брюссельская рабочая партія основала въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Герфелингенѣ сельскохозяйственную кооперацію «Le Bon Veugte». Не смотря на сопротивленіе патера, группа крестьянъ согласилась на участіе въ предпріятіи. Новая кооперація, двѣ трети паевъ

которой находятся во владѣніи потребительнаго общества въ Брюсселѣ, а остальные принадлежатъ крестьянамъ, представляетъ образцовое производительное общество, обладающее паровою машиною съ холодильникомъ и пастеризаторомъ. Оно перерабатываетъ ежедневно 10 тысячъ литровъ молока. Этотъ фактъ интересенъ въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, мы имѣемъ дѣло съ первымъ въ Бельгіи сельскимъ производительнымъ обществомъ, цѣль котораго—снабжать своими продуктами городское потребительное общество. Во вторыхъ, замѣчательно, что рабочей партіи удалось пустить корни въ крестьянской Фландріи—оплотѣ клерикализма.

Теперь обратимся къ квартирному вопросу, возникающему органически въ дѣятельности коопераций. Необходимость заблаговременной заупки городскихъ земель диктуется феноменальнымъ ростомъ цѣнъ на нихъ. Площадь земли около Берлина, размѣромъ въ 8 моргеновъ (подъ огородомъ), стоившая нѣсколько лѣтъ тому назадъ 50 тысячъ марокъ, продана недавно за 1.300 тысячъ марокъ. Въ Лейпцигѣ продажа городскихъ мѣстъ дала неожиданно на 50% больше обыкновеннаго, такъ что городская управа могла констатировать повышение цѣнъ на 46% въ теченіе періода 1890—1897 г. Оффиціальная статистика показала, что во Франкфуртѣ на Майнѣ участки земли съ 1890 по 1895 г. поднялись въ цѣнѣ минимумъ на 60%, Городское управленіе Карлсруэ констатируетъ, что цѣны на землю въ періодъ 30 лѣтъ поднялись въ среднемъ втрое, вчетверо и цѣнятся дороже деревенской земли болѣе чѣмъ въ 50 разъ. Въ Гамбургѣ отель «Петербургъ» (на хорошемъ мѣстѣ), проданный въ 60-хъ годахъ за 750 тысячъ марокъ, былъ недавно перепроданъ за 1.500 тысячъ марокъ. Въ Гамбургѣ происходитъ тоже, что и въ другихъ городахъ—рабочія семейства вытѣсняются на далекія окраины города. Въ Германіи не существуетъ ничего похожаго на мудрое распоряженіе англійскихъ городскихъ общинъ, воспреещающихъ уничтожать дома рабочихъ кварталовъ съ маленькими квартирами, если недостатокъ въ жилищахъ ничѣмъ не возмѣщенъ. Чѣмъ больше рабочіе вытѣсняются на окраины, тѣмъ дороже становятся эти окраинные участки. Вотъ уже много лѣтъ, какъ изрядное число капиталистовъ занимается исключительно закупкой участковъ земли у городскихъ воротъ, въ ожиданіи быстрого повышения ихъ цѣны,—это самое выгодное и вѣрное дѣло въ Гамбургѣ.

Чрезвычайно интересенъ слѣдующій случай заупки земли и постройки домовъ лондонскимъ потребительнымъ обществомъ «Royal Arsenal Co-operative Society», большая часть членовъ котораго принадлежитъ къ профессиональному союзу машиностроителей. Въ январѣ 1899 г. это общество приобрѣло землю за 40 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы построить на этой землѣ 3000 домовъ съ садиками. Квартиры будутъ сдаваться, а не продаваться членамъ. За двѣнадцать лѣтъ до этого то же самое общество приобрѣло для той-же цѣли 52 акра земли,

что вмѣстѣ съ вышеупомянутой покупкой составитъ огромное земельное имущество въ 150 акровъ. Можно построить цѣлый городъ. Кооперация «строительный и сберегательный ферейнъ» въ Берлинѣ (возникъ въ 1896 г.) тоже держится принципа: давать членамъ жилища на долгое пользованіе, а не продавать ихъ. Членъ можетъ жить на квартирѣ сколько угодно и плата за квартиру не повышается. Общество владѣетъ домами въ трехъ концахъ города, а число его членовъ равняется одной тысячѣ человекъ. Ферейнъ не ограничивается постройкой домовъ, но заботится о процвѣтаніи товарищеской жизни населяющихъ ихъ членовъ. Управленіе находится въ рукахъ членовъ. Кооперация простирается и на закупку дровъ. Имѣется свой ресторанъ, пекарня, лавка. Духовныя потребности удовлетворяются библиотекой, лекціями, пѣвческимъ обществомъ, осмотромъ достопримѣчательностей и т. п.

Займемся теперь учрежденіями, не выходящими изъ области вѣдѣнія потребительнаго общества, учрежденіями, могущими иногда замѣнить профессиональную организацію. Мы говоримъ о кассахъ: вспомогательной, страховой и кредита, или о «фондахъ на случай нужды». Статутъ Гамбургскаго потребительнаго общества рекомендуетъ для образованія фонда употребить первыя сто марокъ дивиденда. Это будетъ гарантіей отъ всякаго рода несчастій, а затѣмъ дастъ возможность во время абсолютнаго безденежья продолжать покупать въ потребительномъ обществѣ, не закабалая себя кредитомъ у лавочника. Помощь оказывается въ случаѣ безработицы, болѣзни (по окончаніи срока вспомошествованія изъ больничныхъ кассъ), родовъ, переѣзда и смерти. Приведемъ два образца описываемаго учрежденія. Потребительное общество «L'Union du XIX Arrondissement» въ Парижѣ имѣетъ кассу кредита, которая даетъ возможность обходить въ случаѣ нужды принципъ кооперации—не отпускать товаровъ въ долгъ. Безденежные члены этого потребительнаго общества пользуются кредитомъ до 50 фр. (цѣна акціи). Въ случаѣ если этого окажется недостаточнымъ, то за нуждающагося поручаются другіе члены и касса открываетъ ему большій кредитъ. Со времени своего основанія въ февралѣ 1892 г. и до 1898 г. кредитная касса выдала подъ поручительство сумму въ 3.102 фр. Изъ нихъ возвращены 196 фр. Вспомогательная касса того же общества (на нее идетъ половина прибыли отъ увеселеній) выдала съ февраля 1892 г. 2.135 фр., обратно получила—328 фр. Страховая касса, поддерживаемая членскими взносами, функционируетъ съ іюля 1895 года. До 1898 года ею выдано пенсій овдовѣвшимъ на сумму 14.600 фр. Но все, до сихъ поръ сдѣланное въ этой области потребительными обществами, превзойдено гентской кооперацией «Vooguit». Въ маѣ 1898 г. учреждена пенсіонная касса. Ею пользуются состоявшіе членами minimum 20 л., забравшіе за это время товару на 3 т. фр. и имѣющіе не менѣе 60 лѣтъ. Пенсія не менѣе 120 фр. дается и вдовѣ

члена въ видѣ марокъ, на которыя отпускаютъ товаръ въ потребительномъ обществѣ.

Возвратимся къ уставу Гамбургскаго потребительнаго общества, представляющему для насъ большой интересъ. При составленіи этого устава первоначально предполагалось отчислять изъ дивидендовъ въ кассу для страхованія всѣхъ членовъ. Однако это намѣреніе было покинуто, такъ какъ всеобщее страхованіе въ непрофессіональномъ обществѣ встрѣтило затрудненія. Всеобщее обязательное страхованіе замѣнено личнымъ, или вѣрнѣе, страхованіемъ рабочихъ и всѣхъ тѣхъ, кто необеспеченъ. Трудно спорить съ тѣмъ, что женщины, играющія важную роль въ кооперативномъ движеніи, въ общемъ предпочитаютъ, когда дивиденды выплачиваются сразу наличными. Но дальновидность побуждаетъ отдать предпочтеніе системѣ гамбургскаго устава отчисленію дивиденда въ кассу. Безспорно, лучше получить дивидендъ не при обычномъ ходѣ дѣлъ, а въ моментъ истинной нужды въ немъ. Рабочія женщины, которымъ приходится иногда задумываться—откуда достать денегъ на обѣдъ—скоро оцѣнятъ вспомогательную кассу, образуемую частью изъ невыданныхъ имъ дивидендовъ, частью изъ добровольныхъ взносовъ. Привлеченіе женщинъ очень важно для потребительнаго общества, и потому гамбургскій уставъ рекомендуетъ нѣкоторое возмездіе за первоначальную невыдачу дивидендовъ. Къ новому году многія женщины нуждаются въ наличныхъ для закупки подарковъ, ввиду этого имъ позволяется брать 16% изъ своего фонда на случай нужды. Наконецъ, обратимъ вниманіе на то, что такой фондъ даетъ многимъ членамъ, возможность сдѣлать членскіе взносы въ професіональный союзъ и во время безработицы, а это значитъ—поддержать професіональную организацію. Воспользуемся случаемъ, чтобы еще разъ показать здѣсь, что кооперативная организація очень часто не тормозитъ професіональной, а иногда даже даетъ ей необходимыя матеріальныя средства. Основанное въ 1894 г. потребительное общество въ Аміенѣ (2.500 членовъ) представляетъ соединеніе кооперативной и професіональной организацій. Желающіе сдѣлаться членами потребительнаго общества, должны предварительно вступить въ професіональные союзы. Кто безъ уважительной причины перестаетъ участвовать въ професіональной организаціи — перестаетъ считаться членомъ коопераціи. Другое потребительное общество прямо представляетъ часть професіональнаго союза. Это общество было основано табачнымъ професіональнымъ союзомъ въ Бейнвилѣ, въ Швейцаріи. Далѣе, многіе изъ швейцарскихъ потребительныхъ обществъ, датирующихся съ 1853 года, основаны секціями Грютлиферейна. Вообще, подкрѣпленіе професіональнаго движенія кооперативнымъ стоитъ теперь на очереди во многихъ передовыхъ странахъ.

Въ связи съ фондомъ на случай нужды находится фондъ для отпуска товаровъ. Нужно считаться съ тѣмъ, что у большинства фондъ

составится не изъ добровольныхъ взносов, а изъ невыданныхъ дивидендовъ. Изъ этого слѣдуетъ что эти члены въ первый годъ не будутъ еще обладать фондомъ, такъ какъ дивиденды выдаются въ концѣ года. Кромѣ того случается, что имѣвшіеся уже у нѣкоторыхъ фонды истощились вслѣдствіе какихъ-либо несчастій, или долгой безработицы. Такихъ надо удерживать отъ обращенія къ содѣйствію торговцевъ. Для этого-то стануть отчислять нѣсколько % изъ чистой прибыли въ товарный фондъ. Такимъ образомъ гамбургскіе рабочіе лучше разрѣшили вопросъ о кредитѣ, чѣмъ выше описанное парижское общество «L'Union».

Поговоримъ еще объ образовательномъ фондѣ. Знаменитое «Rochdale Equitable Pioneers» выдѣляетъ опредѣленный процентъ въ пользу образовательнаго фонда, составляющаго принадлежность лучшихъ англійскихъ потребительныхъ обществъ. Библіотеки, читальни, различныя изданія этого фонда не мало способствовали тому, чтобы кооперативное движеніе сдѣлалось широкимъ народнымъ движеніемъ. Рочдельское потребительное общество владѣетъ библіотекой въ 18 тыс. томовъ и читальней. Всего же британскія потребительныя общества выдали въ 1896 году на образовательныя и общепользныя цѣли около 65 тыс. фунтовъ стерлинговъ. Просвѣщеніе и образованіе имѣютъ еще болѣе значенія для нѣмецкихъ ферейновъ. Библіотеки и читальни стануть духовнымъ центромъ членовъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о матеріальной пользѣ потребительныхъ обществъ. Начнемъ съ гамбургскаго статута. Благодаря тому, что послѣдній предписываетъ удѣлять 5% чистой прибыли резервному фонду, 10%—образовательному, и 35% на производство и различныя нужды членовъ, дивидендъ не будетъ высокъ до тѣхъ поръ, пока не станеть на ноги свое собственное производство. Но и небольшіе дивиденды потребительныхъ обществъ не даютъ основанія къ предпочтенію имъ лавочниковъ. Это мы сейчасъ увидимъ. Члены потребительнаго общества въ Лейпцигѣ, издерживающіе въ среднемъ только 7% на оборотъ, выгадываютъ 16%. Дѣло въ томъ, что лавочникъ набавляетъ обыкновенно на свою цѣну 23%. Выражается ли выгода отъ потребительныхъ обществъ въ умѣренной цѣнѣ товаровъ, въ выдаваемыхъ дивидендахъ, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ—это безразлично. Различіе между потребительнымъ обществомъ и частнымъ магазиномъ выражается въ пользу перваго часто въ качествѣ товаровъ. Во Франціи недавно обнаружился фактъ, что 5.000 вагоновъ опилокъ были запечены въ хлѣбъ. Изъ публикаціи гамбургской полиціи за 1897 г. видно, что изъ 57 изслѣдованій качества хлѣба, въ 12 случаяхъ была обнаружена фальсификація. Кромѣ того при изслѣдованіи масла его конфисковали въ 331 случаѣ изъ 2.353; тоже произошло съ кофе въ 10 случаяхъ изъ 28 и съ колбасой—въ 23 изъ 66 и т. п. Въ среднемъ въ 8 случаяхъ изъ 100 была обнаружена фальсификація. Въ нѣкото-

рыхъ другихъ мѣстностяхъ это явленіе еще болѣе распространено. Въ Эльзасѣ—Лотарингіи (1894 г.) молоко фальсифицировалось въ 67,9%-случаевъ изслѣдованія, въ Мангеймѣ (1892—1894 г.) въ среднемъ въ 41%, въ Дармштадтѣ (1892 г.)—въ 41,2%, въ Штутгартѣ (1879—1881 г.)—въ 31,6%, въ Дюссельдорфѣ (1895—1896 г.)—въ 23,9%, въ Гейдельбергѣ (1891—1895 г.)—въ 20%, въ Лейпцигѣ (1894 г.)—въ 11%, въ Баваріи (1895 г.)—въ 8,2%, въ Вѣнѣ (1890—1895 г.)—въ 36,6%, въ Амстердамѣ (1893 г.)—въ 16,9%, въ Парижѣ (1893 г.)—въ 9%.

Въ началѣ 1897 года коммунальный совѣтъ города Гента разослалъ 4.600 опросныхъ листовъ мелкимъ лавочникамъ и ремесленникамъ. 4.522 листа были получены обратно съ отвѣтомъ по большей части отъ лавочниковъ, мясниковъ, бакалейщиковъ и портныхъ. Жалоба на дурной ходъ дѣлъ обща всѣмъ отвѣтамъ, но разъясненія этого очень разнообразны. Однако, многіе усматриваютъ причину своего незавиднаго положенія въ фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ. Потребительнымъ обществамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ фальсификаціи. Вотъ что говорится въ отчетѣ Штуттгартскаго потребительнаго общества. Оно на свой счетъ подвергло въ прошломъ году химическому и микроскопическому анализу муку (11 разъ), керосинъ (6), стеариновыя свѣчи (5), медъ (4), кофе (3), свиное сало (2), чай, молоко, мыльной порошокъ, американское масло и шерсть (по одному разу). Да и какъ лавочнику не прибѣгать къ фальсификаціи и не повышать цѣнъ, когда на одинъ Гамбургъ приходится 17 тыс. мелкихъ торговцевъ. Такимъ образомъ на каждые 8½ семействъ (ихъ въ Гамбургѣ 144.898) приходится по одному торговцу. А такъ какъ гамбургскій розничный торговецъ держитъ въ среднемъ трехъ приказчиковъ, то за счетъ двухъ семействъ живетъ одинъ приказчикъ. Каково пришлось бы гамбургскому отцу семейства, если бы процентъ, накладываемый торговцемъ въ розницу—накладывался бы оптовымъ торговцемъ, фабрикантомъ и, наконецъ, истиннымъ производителемъ продукта?!

Заключимъ нашу статью напоминаніемъ, что если сами потребители будутъ медлить и не сорганизуются для присвоенія прибыли отъ посредничества и производства, то ихъ предупредить въ этомъ капиталисты. Такъ, напр., въ томъ же Гамбургѣ компанія капиталистовъ успѣла создать проектъ, объщающій 23% прибыли, съ цѣлью поглотить отдѣльныхъ производителей хлѣба и предупредить самостоятельную организацію потребителей. Въ этомъ случаѣ капиталъ хочетъ взять въ руки одновременно и торговлю, и производство. Однако, это не опасно для кооперативнаго предпріятія, такъ какъ безъ участія потребителей и капиталъ безсиленъ.

В. Тотоміанць.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КИТАЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго Вик. Мазуренко.

Китай, какъ мѣсто сбыта для европейской промышленности, несравненно важнѣе тѣхъ африканскихъ областей, которыя являются предметомъ новѣйшей фазы колониальной политики. Для этой промышленности восточно-азиатскій вопросъ обладаетъ, по сравненію съ африканскимъ, совершенно инымъ значеніемъ.

Стоимость ввоза въ Китай простиралась въ періодъ съ 1886 по 1890 годъ, въ среднемъ, до 551 милліона марокъ, въ 1890 году—до 672 милліоновъ, въ 1893 году—до 608 милліоновъ. Но испанское государство, по населенности почти равное всей Европѣ (число жителей Небесной Имперіи исчисляется въ 360 милліоновъ, а въ Европѣ оно равно 380 милліонамъ), еще очень мало открыто для ввоза извнѣ. Несомнѣнно, что здѣсь откроется еще одинъ большой рынокъ; это—послѣдній большой рынокъ, предстоящій открытію для капиталистическаго способа производства.

Конечно, не слѣдуетъ и преувеличивать способность расширенія этого рынка. Если мы возьмемъ, напримѣръ, Индію, гдѣ господствуютъ такія же социальныя отношенія народныхъ массъ, какъ и въ Китаѣ, но гдѣ средства сообщенія получили наиболѣе свободное развитіе, и многочисленныя желѣзныя дороги (длина желѣзныхъ дорогъ достигала въ 1853 году до 32, а въ 1897—до 30.000 километровъ), превосходныя шоссе (250.000 километровъ) поощряютъ внутреннюю торговлю, гдѣ, слѣдовательно, въ отношеніи сообщенія наблюдается такое состояніе, до котораго Китай сможетъ достигъ не раньше, какъ черезъ одно-два десятилѣтія,—то найдемъ противъ ожиданія, что ввозъ въ эту страну равенъ, приблизительно, лишь 1.000 милліоновъ марокъ (съ 1886 по 1890 годъ, въ среднемъ,—1.034 милліонамъ, въ 1892 году—954, въ 1893—1.106, въ 1895—992 милліонамъ марокъ).

Народонаселеніе Индіи простиралось въ 1891 году до 291 милліона, а Китая—до 360 милліоновъ; слѣд.,—на 70 милліоновъ, приблизительно, на 25% болѣе, чѣмъ въ Индіи. Если теперь, соотвѣтственно съ этимъ, мы увеличимъ на одну четверть величину индійскаго ввоза, то получимъ общій итогъ отъ 1.200 до 1.300 милліоновъ марокъ, соотвѣствующій

той суммѣ, на которую ввозилось бы въ Китай товаровъ въ томъ случаѣ, еслибы въ немъ господствовали индійскія отношенія.

Это указываетъ на то, что отъ постройки желѣзныхъ дорогъ ввозъ въ Китай, въ теченіе одного-двухъ десятилѣтій, приблизительно *увеличился бы вдвое..*

Если теперь принять во вниманіе, къ какому быстрому расширенію способенъ нашъ способъ производства (міровая торговля *съ одимъ* 1879—1880 годъ увеличилась на 4.000 милліона марокъ, а въ 1888—1889 году—на 4.700 милліоновъ), то увеличеніе ввоза на 600 милліоновъ, приходящееся на одно-два десятилѣтія, во всякомъ случаѣ не должно вызывать чрезмѣрныхъ ожиданій.

Конечно, сравнивать Китай съ Индіей такъ прямо, безъ всякихъ ограниченій нельзя, и было бы неподходящимъ выводить изъ чиселъ, добытыхъ изъ ихъ сравненія, какія-либо дальнѣйшія заключенія. Но ихъ достаточно для того, чтобы заставить смотрѣть на открытіе Китая безъ экстаза.

Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что львиная часть китайской торговли не доставается Европѣ. Существуютъ страны, лежащія ближе къ Китаю, какъ, напримѣръ, Калифорнія, Австралія, а, главное, Японія и Индія, у которыхъ отъ прогрессивнаго открытія Китая прежде всего усилятся промышленное и коммерческое развитіе. Отъ Бремергафена до Гонконга пароходы идутъ 43 дня, отъ Гамбурга—50 дней, тогда какъ отъ Санъ-Франциско—всего 22 дня, отъ Коломбо (на Цейлонѣ)—11 дней; Австралія находится на такомъ же разстояніи отъ Китая, какъ и Остъ-Индія.

Такъ что не слѣдуетъ удивляться тому, что въ то время, какъ вывозъ изъ Германіи въ Китай съ 1890 по 1895 годъ увеличился съ 30 до 35,5 милліоновъ, т. е. на 18%, вывозъ туда Японіи (не считая товары, приходящіе съ Формозы) возросъ съ 90 по 96 годъ на 56%, Остъ-Индіи—на 123%.

Но недалеко и то время, когда Китай самъ начнетъ производить индустріальные товары.

И теперь уже въ Китаѣ замѣчается очень развитая и сильная промышленность, которая, однако, застряла на мануфактурѣ, — слѣдовательно, какъ разъ на порогѣ крупной машинной индустріи.

Онъ теперь представляетъ пока еще страну земледѣльческую. Въ немъ сельское хозяйство сильно преобладаетъ; причемъ это хозяйство является здѣсь еще совершенно первобытнымъ, связаннымъ съ домашнимъ производствомъ для собственнаго потребленія. Однако, на ряду съ этимъ, въ городахъ, а также и селахъ уже господствуетъ сильно развитая индустрія, которая, отдѣлившись отъ сельскаго хозяйства, самостоятельно производитъ товары; потомъ тамъ процвѣтаютъ отчасти ремесла, отчасти—специализировавшееся домашнее производство, а мѣстами, въ большихъ предпріятіяхъ, уже и мануфактура съ далеко про-

веденнымъ раздѣленіемъ труда. Но послѣдняго, большого шага къ машинѣ китайская промышленность еще не сдѣлала; она окостенѣла въ своей цеховой организаціи и теперь неспособна ни къ какому дальнѣйшему саморазвитію. Различные приемы передаются по наслѣдству, часто какъ тайны, въ отдѣльныхъ семействахъ. Это содѣйствуетъ необыкновенно большой ловкости и внимательности, но также неприхотливости и покорности населенія, у котораго семейное воспитаніе и промышленная дисциплина идутъ рука объ руку; и оно, такимъ образомъ, вслѣдствіе окаменѣнія общественныхъ отношеній, оказывается неспособнымъ расширить районъ пріобрѣтенія средствъ существованія.

Но Китай обладаетъ не одними только многочисленными обученными, трудолюбивыми и дисциплинированными рабочими силами, онъ владѣетъ также и огромными богатствами промышленныхъ сырыхъ матеріаловъ,—т. е. всѣми предварительными условіями того, чтобы немедленно, безъ продолжительной переходной стадіи, перейти къ современной крупной промышленности. Залежи каменнаго угля въ Китаѣ необыкновенно велики; Рихтгофенъ опредѣляетъ ихъ величину въ 1.260.000 милліоновъ тоннъ. Также богатъ онъ и желѣзными рудами. Въ особенности для провинціи Шанъ-зи Рихтгофенъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ предсказывалъ (въ своей книгѣ о Китаѣ. 1877 г.) богатое капиталистическое будущее. Онъ думаетъ, что богатство въ углѣ, желѣзныхъ рудахъ, гончарной глинѣ, при благоприятномъ положеніи, «на склонахъ плато противъ необыкновенно населенныхъ и плодородныхъ долинъ, пересѣкаемыхъ судоходными рѣками и легко могущихъ быть снабженными желѣзными дорогами, обезпечиваетъ антрацитовыя области юго-восточнаго Шанъ-зи такое значеніе въ будущемъ, которое превосходитъ всякія исчисленія. Это значеніе увеличивается,—если даже не принимать во вниманіе, что большія мѣсторожденія рудъ одновременно находятся во многихъ мѣстахъ,—отъ того обстоятельства, что вышеупомянутыя сокровища лежатъ внутри страны, которая изъ всѣхъ странъ міра обладаетъ наибольшимъ запасомъ дешевой, въ высшей степени выносливой и смышленной человѣческой рабочей силой... Нельзя также не принимать во вниманіе и того, какое множество важныхъ для мірового рынка отраслей промышленности мало-по-малу разовьется на китайской почвѣ и утилизируетъ эти рабочія силы, находящіяся теперь какъ бы въ скрытомъ состояніи. Сами обитатели, по видимому, мало обнаруживаютъ инициативы къ этому; но иностранный капиталъ не преминетъ воспользоваться случаемъ дешеваго производства товаровъ для мірового рынка».

Такимъ образомъ, отъ открытія Китая промышленный подъемъ Европы не будетъ слишкомъ продолжителенъ; страна скоро сама начнетъ превращаться изъ покупателя въ конкурента,—изъ надежды—въ смущеніе для европейской промышленности. И весьма вѣроятно, что китайская конкуренція вызоветъ тогда въ промышленности такое же

состояніе, какое уже создала заморская конкуренція въ европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Но промышленность не можетъ подобно сельскому хозяйству сваливать свои тяжести на другія вѣтви производства. Она сдѣлалась для благосостоянія всего общества рѣшающею отраслью производства. Въ тотъ моментъ, когда она перейдетъ въ стадію постоянныхъ кризисовъ, подобно тому какъ это теперь уже случилось съ сельскимъ хозяйствомъ, капиталистическое товарное производство достигнетъ конца своего существованія. Такимъ образомъ китайская конкуренція можетъ сдѣлаться средствомъ, ускоряющимъ гибель существующаго способа производства.

Однако, она можетъ и не способствовать ускоренію соціальнаго движенія; она можетъ также и задержать его, стѣсняя европейскій пролетаріатъ, и вѣроятность послѣдняго еще больше, чѣмъ перваго.

Рихтгофенъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ китайскаго рабочаго: «механическій талантъ китайца облегчаетъ ему возможность съ ловкостью примѣнять выученныя имъ ручныя операціи во всѣхъ областяхъ технической промышленности. При этомъ его талантъ усвоенія подкрѣпляется какъ упрямою усидчивостью и крайнимъ терпѣніемъ, такъ и вытекающимъ изъ его воздержанности и неприхотливости чувствомъ совершеннаго удовлетворенія въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіе всей своей жизни, при неизмѣнно одинаковыхъ условіяхъ, исполняетъ изо дня въ день однѣ и тѣ же манипуляціи. *Онъ въ совершенствѣ осуществляетъ идеалъ человеческой рабочей машины*».

Къ тому же, китаецъ не только терпѣливо позволяетъ до безконечности изнурять себя тяжелою работою,—онъ и требуетъ за это незначительное вознагражденіе. У него нѣтъ потребностей высшей культуры, а, благодаря своимъ товарищескимъ инстинктамъ, онъ и съ незначительной заработной платой обходится лучше, чѣмъ европейскій рабочій. Не смотря на существованіе множества большихъ городовъ, громадное большинство населенія живетъ, однако, еще по селамъ, гдѣ сельская община, хотя и не знающая уже болѣе общинной поземельной собственности, все еще представляетъ изъ себя корпорацію, связанную тѣснѣйшей солидарностью. Въ этой корпораціи вырастаетъ китаецъ съ привычкой соединяться съ сотоварищами для совмѣстной работы,—подобно тому, какъ это дѣлаютъ русскіе въ своихъ артеляхъ.

Это облегчаетъ соединеніе китайцевъ въ экономическія и политическія организациі всякаго рода; по всей вѣроятности нигдѣ нѣтъ такого множества могущественныхъ тайныхъ союзовъ, какъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ, если въ этомъ послѣднемъ должно будетъ когда-либо образоваться движеніе, то въ указанной привычкѣ соединяться въ товарищества оно найдетъ сильную поддержку.

Однако, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ китайскій рабочій является по отношенію къ европейскому не товарищемъ, а конкурентомъ, та же самая привычка поведетъ, вѣроятно, ко вреду этого послѣдняго.

Но это, кажется, будетъ единственной позиціей, на которой мы увидимъ китайца въ ближайшемъ будущемъ.—Благодаря такого рода «коммунизму», китайцы легко соединяются за границей въ потребительныя товарищества и даже въ настоящія семейства,—живутъ, ѣдятъ вмѣстѣ, поручаютъ одному покупателю за одно совершать покупки для всѣхъ и т. д.

Подобное товарищеское единеніе за границей мы находимъ и у нѣкоторыхъ европейскихъ рабочихъ, напримѣръ,—у странствующихъ итальянскихъ рабочихъ, но не въ такой высокой степени, не на такое продолжительное время и не при такомъ совершенномъ отреченіи отъ сношенія съ женщинами, какое проводитъ китаецъ, благодаря нѣкоторымъ привычкамъ, принадлежащимъ къ существеннѣйшимъ чертамъ китайскаго характера.

Дешевизна китайскихъ рабочихъ силъ обнаружится въ конкуренціонной борьбѣ китайской промышленности съ европейскою, но она можетъ также дать себя чувствовать и въ непосредственной конкуренціи, на самомъ европейскомъ рабочемъ рынкѣ. Открытіе внутренняго Китая, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, должно имѣть слѣдствіемъ быстрое исчезновеніе многихъ отсталыхъ отраслей промышленности, сохранившихся до сихъ поръ благодаря замкнутости государства, обусловленной недостаткомъ транспортныхъ средствъ, внутренними таможенями и всякаго рода прижимками. Но даже у натуральной крестьянской промышленности не хватаетъ силъ бороться съ европейскими товарами. Однимъ изъ главныхъ средствъ создать рынокъ для капиталистической крупной индустріи является разрушеніе этого рода первобытной промышленности. Подобно тому, какъ въ Россіи и Индіи, она должна исчезнуть и въ Китаѣ. Крестьянинъ сдѣлается простымъ земледѣльцемъ, покупающимъ необходимыя ему продукты промышленности на рынкѣ. Отъ этого у него явится потребность въ наличныхъ деньгахъ, а одновременно съ этимъ то же самое неприятое явленіе наступитъ и у государственной власти. Таможенныхъ пошлинъ хватить ей не на долго; на крестьянъ будутъ наложены денежные налоги, что еще болѣе увеличитъ ихъ потребность въ деньгахъ. Крестьянинъ будетъ тогда принужденъ выносить на рынокъ большія количества производимыхъ имъ сырыхъ матеріаловъ и средствъ существованія. Подобно тому, какъ во всѣхъ первобытныхъ государствахъ, изнемогающихъ отъ капиталистическаго нашествія, и въ Китаѣ возникнетъ большой вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ. Иначе чѣмъ же ояъ заплатитъ за свой ввозъ? Одного чая и шелка недостаточно; притомъ чай произрастаетъ въ Китаѣ только южнѣе 30° широты, а производство шелка также процвѣтаетъ лишь въ южной части государства. На ряду съ этимъ Китай долженъ будетъ вывозить сельскохозяйственныя произведенія высшихъ широтъ, какъ-то: сахаръ, пшеницу и т. д. Нельзя также позволять вводить себя въ заблужденіе указаніемъ на

перенаселенность Китая. Китайцы, даже вымирая съ голоду, будутъ вывозить жизненные средства,—подобно тому, какъ это дѣлали вымиравшіе съ голоду ирландцы и еще и теперь дѣлаютъ русскіе и индусскіе крестьяне, а Индія также сильно населена, какъ и Китай. Въ Китаѣ собственно приходится 86,9 жителей на квадратный километръ, а въ непосредственно британскихъ владѣніяхъ Индіи—88,5, слѣдовательно—даже немного болѣе. (Въ Германіи—99,7).

Тѣ же самые пароходы и желѣзныя дороги, которые доставляютъ въ Китай и развозятъ по немъ хлопчатобумажные товары, рельсы, локомотивы и всевозможныя машины, будутъ забирать съ собою на обратномъ пути не одинъ только шелкъ, чай и хлопчатую бумагу, но также и всякаго рода хлѣбные продукты. Отъ этого положеніе сельскаго хозяйства въ Европѣ отнюдь не улучшится.

Но одновременно съ угнетеніемъ европейскаго сельскаго хозяйства должно наступить бѣдственное положеніе сельскихъ хозяевъ также и въ самомъ Китаѣ—и для этого Россія и Индія дадутъ намъ прообразы.

Денежное хозяйство взрываетъ на воздухъ старую деревенскую общину, охранявшую крестьянъ; оно приводитъ въ деревню ростовщика и сборщика податей. Массами отрываются сельскіе жители отъ прадѣдовской земли и переселяются въ города съ тѣмъ, чтобы увеличить собою ихъ пролетаріатъ, который одновременно увеличивается и гибелью старой индустріи.

Эта эволюція началась уже давно. Постройка желѣзныхъ дорогъ должна ее ускорить и усилить вытекающія изъ нея слѣдствія. Уже открытіе нѣкоторыхъ гаваней повлекло за собою сильное выселеніе китайцевъ; и, если только страну когда-либо пересѣкутъ желѣзныя дороги, то это выселеніе приметъ гораздо большіе размѣры. Кули стучится у воротъ Европы, и подобно тому, какъ въ сороковыхъ годахъ переселеніе ирландцевъ угрожало дезорганизовать англійскій рабочій классъ и парализовать его классовую борьбу, такъ новое нашествіе монголовъ грозитъ уготовать подобную же участь рабочему классу всей Европы.

Опасность—серьезна. Стоитъ лишь прочесть у Карлейля и Энгельса о томъ, какъ сильно были угнетены англійскіе рабочіе переселеніемъ ирландцевъ, чтобы легко представить себѣ, какое значеніе для современнаго пролетаріата имѣло бы сильное переселеніе китайцевъ.

Но какъ ни сильна опасность, не слѣдуетъ, однако, составлять о ней преувеличенныхъ представлений. Подобно тому, какъ страну, которой предстоитъ извлечь главную выгоду изъ открытія Китая, представляетъ изъ себя не Европа, не она же является и той страной, которой угрожаетъ наибольшая опасность отъ китайскаго выселенія. Оно больше всего будетъ наводнять тѣ страны, въ которыя оно и теперь уже направляется: въ Индію, Зондскіе острова, Сибирь и, если

позволять законодательныя препятствія, въ Австралію и Западную Америку.

Если же это выселеніе достигнетъ до Европы и приметъ большіе размѣры, тогда оно будетъ опасно и не одному только пролетариату. Очень поучительное поясненіе этому даетъ намъ исторія китайскаго переселенія въ Соединенныя Штаты. Китайцы приходили туда не только, какъ поденщики, но и какъ самостоятельныя ремесленники и какъ крестьяне, пахавшіе и обрабатывавшіе землю. Они являлись, такимъ образомъ, конкурентами также и «среднему сословію». Но и на этомъ дѣло не остановилось. Купеческій и ростовщическій капиталъ уже очень развитъ въ Китаѣ. Достойныя довѣрія докладчики рассказываютъ намъ объ одномъ китайскомъ Ротшильдѣ, обладающемъ имуществомъ въ 100 милліоновъ франковъ и многочисленными фирмами съ 10, 12, даже 25 и 30 милліонами.

Хозяйство мандарина, являющееся тормазомъ для всего экономическаго развитія, стѣсняетъ также и купца въ свободномъ проявленіи его предпринимательскаго духа. Поэтому онъ охотно эмигрируетъ и скоро становится тамъ, гдѣ онъ поселится, опаснѣйшимъ конкурентомъ европейскаго капиталиста. Такъ, существовали общества китайскихъ купцовъ, которыя сперва занялись транспортированіемъ китайскихъ рабочихъ въ Каліфорнію. Потомъ, какъ только китаецъ занялъ твердую позицію въ странѣ, онъ уже не удовольствовался эксплуатаціей своихъ земляковъ во время перевозки ихъ въ Новый Свѣтъ. Онъ попытался распространить эксплуатацію также и по ту сторону океана и, такъ какъ онъ лучше зналъ рабочаго, а этотъ послѣдній, въ большинствѣ случаевъ, искони былъ его неоплатнымъ должникомъ, то и успѣлъ въ этомъ далеко больше своего европейскаго конкурента. Если китайцы сначала вытѣсняли съ фабрикъ бѣлыхъ рабочихъ, то скоро они начали вытѣснять изъ нихъ также и бѣлыхъ предпринимателей.

Сарторій фонъ-Вальтерсгаузенъ такъ описалъ этотъ процессъ въ своемъ изслѣдованіи о «китайцахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки» (Tübingener Zeitschrift. 1883):

«Разсмотримъ, наприимѣръ, фабрикацію табаку и папиросъ. Въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Санъ-Франциско было около пятисотъ бѣлыхъ рабочихъ занятыхъ обработкой произраставашаго въ Калифорніи табаку. Потомъ предприниматели начали работать китайцами.—Первымъ слѣдствіемъ этого было то, что пятисотъ бѣлыхъ рабочихъ, въ большинствѣ—нѣмцы, лишились своихъ занятій. Въ 1876 году ихъ насчитывали только сотню. Вторымъ слѣдствіемъ было то, что китайцы, изучивши дѣло, перешли къ кустарной промышленности и, сотнями работая день и ночь въ подвальныхъ помѣщеніяхъ Чинатов'а (китайской четверти города), они, благодаря сбереженію въ расходахъ на квартиры, разорили мелкихъ американскихъ

предпринимателей. Послѣ этого китайскіе капиталисты начали основывать болѣе крупныя производства, которыя въ концѣ семидесятыхъ годовъ угрожали отнять хлѣбъ также и у крупныхъ американскихъ предпріятій.

«Совершенно то же самое случилось и съ производствомъ обуви, которое съ 1874 года было поставлено въ Санъ-Франциско на широкую ногу... Въ 1879 году всѣ туфли, двѣ трети всѣхъ дѣтскихъ и дамскихъ сапогъ и столько же обыкновенныхъ для сельскаго населенія доставлялись китайскими предпринимателями.

«Совершенно такіе же опыты были сдѣланы и съ другими видами одежды; такъ было, напр., на фабрикахъ рубашекъ, шерстяного и хлопчато-бумажнаго нижняго бѣлья, въ портняжескихъ мастерскихъ, гдѣ работы производились въ большихъ размѣрахъ.

«Въ другихъ отрасляхъ промышленности послѣдовало, благодаря конкуренціи, прямое изгнаніе американцевъ. Такъ произошло, напр., въ прядильняхъ шерсти, въ ткацкихъ, джутовыхъ фабрикахъ, въ канатныхъ, въ мастерскихъ сигарочныхъ ящиковъ, мыловарняхъ, спичечныхъ фабрикахъ, прачечныхъ и во многихъ другихъ».

Мелкіе и крупныя купцы также терпѣли отъ китайской конкуренціи.

Первые—отъ торговли въ разноску, послѣдніе—отъ того, что китайскіе купцы начали все болѣе и болѣе монополизировать торговлю съ Китаемъ. Это и были причины, побудившія конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1882 году запретить иммиграцію китайцевъ закономъ, который въ 1892 году былъ еще болѣе усиленъ.

Подобныя законы были изданы также и въ различныхъ государствахъ Австраліи.

Однако, всѣ эти запрещенія оказались дѣйствительными лишь по отношенію къ иммиграціи *со стороны моря*. Но Соединенные Штаты граничатъ съ Канадой и Мексикой, которыя впускаютъ китайцевъ. Такъ что, благодаря большому протяженію сухопутной границы и воспримчивости американскихъ чиновниковъ къ денежкамъ «на чаекъ», они легко проникали оттуда и въ Соединенные Штаты. Официальная статистика этихъ послѣднихъ насчитывала въ 1890 году только 107.000 китайцевъ, но Тома Шарфъ, бывшій китайскій инспекторъ Нью-Йоркской гавани, опредѣляетъ ихъ число въ 700.000 человекъ, и изъ нихъ 150.000 только въ Калифорніи.

Подобныя опыты слѣдовало бы сдѣлать и въ Европѣ. Нечего бояться сильной китайской иммиграціи *по воднымъ путямъ*. Но проникновеніе Россіи въ Китай и постройка ея сибирской желѣзной дороги откроетъ китайцамъ *сухопутную дорогу* въ Европу. И Р. Е. Мей совершенно правъ въ своемъ «Обзорѣ экономическаго развитія», когда онъ говоритъ: «начнется съ открытія Китая для Россіи, а окончится открытіемъ Россіи для перенаселеннаго Китая» *).

*) Напоминимъ читателю тоже мнѣніе г. Гарина въ его очеркахъ «Карандашемъ съ натуры». См. «М. Б.», мартъ, апрѣль, май 99 г.

Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что китайская эмиграція достигнетъ Европы. И, если только въ этой послѣдней она дастъ себя чувствовать въ болѣе значительной степени, то тогда она коснется не однихъ только поденныхъ рабочихъ, но также и классовъ, образующихъ основу государства, сохраненіе которыхъ особенно важно для государственныхъ мужей; поэтому слѣдствіемъ такой эмиграціи должно быть принятіе мѣръ, подобныхъ тѣмъ, какіе уже приняты въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи. Далѣе, еслибы оказалось, что всѣ эти ограничительныя мѣры остались неэффективными, то отъ китайскаго нашествія больше всего пострадали бы мелкіе ремесленники, торговцы и крестьяне. Что же касается рабочаго класса, то въ немъ это нашествіе прежде всего отразилось бы на самыхъ консервативныхъ его частяхъ,—на кустаряхъ и сельскихъ рабочихъ, и, прежде чѣмъ началъ бы обнаруживать свое дезорганизирующее вліяніе «желтый ужасъ», оно встряхнуло бы ихъ отъ спячки.

Тогда уничтоженіе конкуренціоннаго хозяйства и преобразование способа производства показало бы этимъ членамъ общества неотложно необходимымъ, какъ единственное средство спасенія отъ конкуренціи кули.

Такъ, когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ китайскій вопросъ сдѣлался въ Калифорніи особенно жгучимъ, онъ далъ тамъ толчекъ къ быстрому развитію мощи одной рабочей партіи, которая въ 1878 году даже приобрѣла большинство на государственныхъ выборахъ, но, конечно, благодаря своему беспорядочному и мелкобуржуазному характеру, она не могла долго продержаться.

Притомъ не слѣдуетъ также забывать и того, что возникновеніе капиталистической промышленности въ Китаѣ должно имѣть своимъ слѣдствіемъ также возникновеніе въ немъ рабочаго движенія и пробужденіе «требовательности» рабочихъ. Китаецъ на своей родинѣ не всегда бываетъ тѣмъ кроткимъ терпѣливцемъ, какимъ его знаютъ за границей; туда вообще завозятся судьбою лишь бѣднѣйшіе изъ бѣдняковъ—рабы по контракту или за долги; причемъ и жить имъ за границей приходится среди чуждаго и враждебно настроеннаго къ нимъ населенія.

Впрочемъ, даже въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ недостатка въ стачкахъ китайцевъ. На родинѣ же они обнаруживаютъ большую стойкость. Къ этому же нужно прибавить и вышеупомянутое товарищеское единеніе, которое облегчаетъ ихъ организацію.

На тотъ фактъ, какъ быстро съ возникновеніемъ капиталистическаго хозяйства появляется также и соотвѣтствующая ему классовая борьба, показываетъ намъ Японія, въ которой уже открылось сильное рабоче движеніе.

Такъ что, если принять во вниманіе существующій порядокъ вещей въ Китаѣ, то въ немъ желѣзныя дороги могутъ произвести сильное

рабочее движеніе раньше, чѣмъ тамъ образуется сильная армія и дисциплинированная бюрократія.

Но чѣмъ сильнѣе рабочее движеніе въ Китаѣ, тѣмъ незначительнѣе опасность монгольскаго нашествія для Европы.

Конечно, теперь невозможно сказать того, какую окончательную форму примутъ всѣ эти различныя, другъ съ другомъ перекрещивающіяся, здѣсь—усиливающія, тамъ—другъ друга стѣсняющія стремленія. Какъ бы ясно ни представляли себѣ сущность этихъ стремленій, объ ихъ относительной силѣ и скорости развитія, освобождающаго эти стремленія отъ оковъ, можно дѣлать лишь одни предположенія.

Но мы можемъ сказать съ опредѣленностью слѣдующее.

Не слѣдуетъ составлять себѣ слишкомъ преувеличеннаго мнѣнія о томъ экономическомъ подъемѣ, который послѣдуетъ за открытіемъ Китая; этотъ подъемъ будетъ не столько полезенъ Европѣ, сколько молодымъ, прогрессирующимъ индустріямъ другихъ частей земли. Но зато онъ принесетъ съ собою серьезныя опасности: усиленіе заокеанической конкуренціи на средства существованія; крупную китайскую промышленность, имѣющую возможность предлагать на рынкѣ низшія цѣны, чѣмъ европейская; пониженіе средствъ существованія или, по крайней мѣрѣ, умевшеніе силы европейскихъ рабочихъ въ борьбѣ за повышеніе этихъ средствъ,—какъ отъ конкуренціи дешевле производящей китайской индустріи, такъ и вслѣдствіе иммиграціи лишенныхъ потребностей высшей культуры и стойкихъ въ борьбѣ китайскихъ рабочихъ.

О величинѣ и значеніи этихъ опасностей можно спорить. Но какъ бы ни преувеличивали ихъ, онѣ не помѣшаютъ открытію Китая. Это открытіе сдѣлалось необходимымъ для капиталистическаго способа производства, и классъ капиталистовъ долженъ стремиться лишь къ тому, чтобы открыть этотъ величайшій, еще закрытый для него рынокъ,—и онъ это сдѣлаетъ.

К. Каутскій.

ДУШНАЯ НОЧЬ.

(СТЕПНЫЕ ОЧЕРКИ) *).

I.

— Какая невыносимая жара! Просто, что-то невиданное и неслыханное! — воскликнулъ Георгій Александровичъ Плавунинъ, глубокимъ вздохами стараясь набрать въ легкія побольше воздуха, — кажется, если бы была какая-нибудь возможность, сейчасъ бѣжалъ бы безъ оглядки изъ этого проклятаго Курдюма.

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопль, ураганъ пронзительно зашвыстала воевругъ дома, въ которомъ помѣщался клубъ, рвануль ставни, бросилъ въ стекла оконъ горсти сухого, точно перемолотаго песку, и улетѣлъ дальше. Порывы урагана будто стихли на время, но по улицѣ продолжали носиться клубы пыли; ставни не переставали содрогаться, а болты и петли жалобно визжать на всѣхъ тонахъ.

— Да, — сказала исправникъ Петръ Петровичъ, — самая ужасная погода, какую только мнѣ приходилось видѣть... Бѣда... гм... когда въ степной мѣстности разыграется такая песчаная буря... гм... самумъ, настоящей самумъ...

— Вотъ въ такое время и хорошо засѣсть съ пріятелями въ винтикъ, — ободрительно замѣтилъ Агриппинъ Михайловичъ Ападульчевъ, именитый купецъ города и хозяйственный старшина клуба.

— Я непрочъ, — отвѣчалъ докторъ Македонскій, — только ужъ знаю, что навѣрное сегодня проиграюсь. Развѣ можно что-нибудь соображать, когда температура дошла до сорока градусовъ?

— Ну, ну, хватили... — возразилъ ему коллега, докторъ Айзиковскій, — хотя, впрочемъ, кто его знаетъ, сколько сейчасъ градусовъ... У меня жена съ утра въ истерикѣ. Весь день, бѣдняжка, лежитъ съ компрессами на груди и на головѣ.

*) Два первыхъ очерка были помѣщены въ «М Б.» въ июлѣ 1897 и ноябрѣ 1898 г.

— Если бы мнѣ не было совѣстно, я бы тоже обложилъ себя холодными компрессами и плакалъ,—сказалъ лѣсничій съ горькой улыбкой,—а вонь, чортъ ее знаетъ, откуда эту вонь приносить вѣтеръ?

— За это угощенье благодарите ужъ нашу рѣчку Курдюмбу,—сказалъ Эмилиі Маріусовичъ Бубликовъ, помощникъ исправника,—она видите ли высохла, и это пахнетъ ея гнилая тина.

— Да, нѣтъ,—нетерпѣливо отмахиваясь отъ мухи, возразилъ Плавутинъ,—въ воздухѣ еще что-то есть непостижимое, тяжелое...

— Просто, бабушка, много электричества носится въ воздухѣ, вотъ и все,—отвѣчалъ Тюльпановъ.

— Вамъ все просто, счастливый человѣкъ,—проворчалъ лѣсничій, чувствуя непобѣдимое желаніе съ вѣмъ-нибудь поссориться,—сказалъ—электричество, и такъ доволенъ сдѣлался, точно его въ холодную ванну посадили...

Плавутинъ стоялъ передъ зеленымъ столомъ, на которомъ была уже разложена вѣрообразно колода картъ и, ничего не отвѣчая, глядѣлъ на нихъ.

— Это онъ скучаетъ оттого, что всѣ его лѣсныя насажденія теперь погибли,—сказалъ докторъ Айзиковскій,—я вчера возвращался со вскрытіи мимо вашего излюбленнаго „лѣса“ и могу вамъ сказать, что всѣ деревья засохши, иные даже съ корнями выворочены.

— Это вамъ, кажется, доставляетъ удовольствіе?—возразилъ Плавутинъ, сдерживая гнѣвъ, который вдругъ захватилъ ему дыханіе, и глядя сверху внизъ на худенькую маленькую фигурку доктора,—экая, подумаешь, натура у человѣка! Люди трудились столько лѣтъ, садили деревья, воду чортъ знаетъ откуда носили, а онъ радуется, что слѣпая сила все сразу разрушила!

— Я вовсе не радуюсь, а просто говорю...

— Ну, ну, господа, берите-ка лучше карты,—вмѣшался Петръ Петровичъ примирительно,—чего тамъ, волноваться, гм... Въ природѣ и такъ много электричества, а вы его еще и въ клубѣ, гм... разводите...

— Вонъ идетъ къ вамъ еще партнеръ, Носковъ,—сказалъ Плавутинъ,—а я, извините, не могу! У меня просто голова до тошноты кружится... Какъ я радъ, что жена уѣхала въ Россію и не видитъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Въ комнату вошелъ судебный слѣдователь Алексѣй Григорьевичъ Носковъ. Его круглое блѣдное лицо было покрыто потомъ, загрязненнымъ массой мелкой пыли.

— Уфъ! Что дѣлается на улицѣ!—сказалъ Носковъ, вытирая лицо и показывая всѣмъ платокъ, на которомъ выдавились гряз-

ными пятнами всё пять пальцев его руки,—вонъ, сколько пыли набралъ! А вѣдь только перешелъ площадь... Во рту песокъ хруститъ, противно.

— Садитесь въ винтъ играть: намъ недостаетъ партнера,—пригласилъ его Петръ Петровичъ Тюльпановъ.

Въ комнату заглянула смуглая, точно изъ бронзы выточенная голова Гамида въ высокой барашковой шапкѣ. Черные глаза татарина пытливо пробѣжали по всемъ лицамъ и, наконецъ, остановившись на удрученной фигурѣ доктора Македонскаго.

Гамидъ смотрѣлъ на неподвижное тѣло Василя Петровича и дѣлалъ ему какіе-то таинственные знаки.

— Чего тебѣ?—спросилъ, наконецъ, Агриппинъ Михайловичъ, замѣтивъ усилія татарина.

— Докторъ надо казначейшѣ... больна!

— Василю Петровичъ, практика!—шутливо воскликнулъ Айзиковскій; но Македонскій вскочилъ только тогда, когда до его плеча дотронулась широкая ладонь Ападульчева.

— А, что?.. Заснулъ! Хорошо было...—бормоталъ онъ хриплымъ голосомъ, — казначейша заболѣла? Иду, иду... Слава Богу, только черезъ два дома...

Докторъ вышелъ, накинувъ на себя пиджакъ, но забывъ захватить фуражку.

Въ садикѣ, окружавшемъ церковь, сегодня не появлялись гуляющіе. Деревья сильно перегнулись вправо, нагнули чуть не до земли свои хилыя вѣтви, покрытыя засохшими листьями, и точно кланялись кому-то всё вмѣстѣ, точно умоляли кого-то о чемъ-то, но безуспѣшно. Иногда они, будто теряя терпѣніе, гордо выпрямлялись, но налетѣвшій ураганъ снова пригибалъ къ землѣ ихъ иссохшія вершины. А между ними, бѣгая по дорожкамъ, шалили тоненькія волонки песку поднятаго съ земли ураганомъ. Онѣ вертѣлись другъ за другомъ между деревьями, догоняли, перегоняли и, точно усталые, разсыпались, наконецъ, въ прахъ, не сомнѣваясь, что скоро опять возродятся.

Солнце зашло; воздухъ изъ бураго превратился въ темно-сѣрый; на крестѣ колокольни погасла звѣздочка свѣта, зато въ четырехугольникѣ домовъ, окружающихъ церковь, появились огоньки.

На небѣ замелькали блѣдныя расплывчатыя свѣтящіяся точки: то были звѣзды, свѣтъ которыхъ боролся съ степною пылью.

— Что же, господа, еще одну партійку сыграемъ?—предложилъ Агриппинъ Михайловичъ.

Собесѣдники молчали.

— Ай-ай-ай!—раздался вдругъ подъ окнами влуба отчаянный крикъ.

Всѣ переглянулись и сразу вскочили со своихъ стульевъ.

— Ай, ай, пожа-арь!—кричалъ дѣтскій пронзительно высвѣй голось.

Георгій Александровичъ, сидѣвшій у окна, увидалъ, дѣйстви-тельно, кровавое зарево за церковной колокольней.

Эмилій Маріусовичъ первый выбѣжалъ на улицу.

У крыльца клуба стояла худая оборванная дѣвчонка лѣтъ десяти съ маленькимъ младенцемъ на рукахъ. Она смотрѣла на зарево и кричала. Младенецъ, въ бѣломъ чепчикѣ, съ хорошенькой круглой головкой, громко вторилъ ей.

— Пошла вонъ, чего ты здѣсь реवेशь!—сказалъ дѣвчонкѣ Эмилій Маріусовичъ,—это ты такая! Пошла вонъ!

— Я Христа... сапожника, — пробормотала дѣвчонка, испугавшись еще больше,—я съ дѣтьми играла, а они всѣ ушли... Здѣсь дѣвчонка прекратила свои объясненія, такъ какъ, продолжая ихъ, ей пришлось бы сознаться, что она осталась одна у крыльца затѣмъ, чтобы посмотрѣть въ окошко на господъ, играющихъ въ карты.

Эмилій Маріусовичъ поспѣшно сбѣжалъ со ступеней крыльца, удивляясь, почему на церковной колокольнѣ не бьютъ въ набатъ?

Онъ зашелъ за уголъ церкви, посмотрѣлъ на горизонтъ, оставилъ и, сердито плюнувъ, повернулъ къ клубу обратно.

— Въ порядкѣ ли пожарная бочка?—спросилъ его Петръ Петровичъ Тюльпановъ, спѣшившій насколько могъ скоро въ полицейское управленіе.

— Это луна всходитъ,—съ необычайной холодностью отвѣчалъ Эмилій Маріусовичъ и прошелъ мимо неповоротливаго начальника своего, исполненный самаго подавляющаго достоинства.

Но это достоинство мигомъ слетѣло съ его фигуры, когда онъ снова увидалъ Христа съ младенцемъ на рукахъ, которая стояла на прежнемъ мѣстѣ и глядѣла на него во всѣ глаза.

— Пошла вонъ, негодная, вотъ я тебя!—вскрикнулъ ей Эмилій Маріусовичъ—всякая дрянъ смѣетъ еще пугать людей, пошла вонъ!..

Онъ хотѣлъ было подойти къ дѣвчонкѣ, стоявшей неподвижно отъ страха; но тутъ порывъ урагана засыпалъ ему лицо и глаза, забился даже въ ротъ.

Эмилій Маріусовичъ бросилъ Христа и поспѣшилъ укрыться на крылечко клуба.

Вскорѣ къ нему присоединился Петръ Петровичъ, который долго стоялъ, стараясь отдышаться послѣ скорой ходьбы и испуга.

— Какая луна!—сказалъ докторъ Македонскій, когда часть луннаго диска выглянула изъ за стѣны церкви, — точно ее кто кровью налилъ.

Красная, выпуклая луна, безъ лучей, съ фіолетовыми краями, поднималась вверхъ такъ скоро, что, казалось, можно было слѣ-

дить за ея движеніемъ. Вотъ уже она вся показалась изъ-за стѣны собора, вотъ начала подыматься, забирая вправо, и надъ стѣною. Фиолетовыя тѣни на краяхъ ея диска мало-по-малу блѣднѣли, переходя въ сизую мглу, затѣмъ и сизая мгла расплылась и пропала. Луна потихоньку зашла за колокольню, точно желая спрятаться отъ наблюдателей, но ее выдавалъ блѣдный кругъ свѣта, постепенно двигавшійся справа налѣво. Когда же она выглянула снова изъ-за колокольни, лицо ея уже потеряло свою зловѣщую кровавую окраску; оно потускнѣло, окуталось грязнымъ туманомъ, въ которомъ плавали ея лучи, бессильные пробиться наружу.

— Неужели только восемь часовъ!—воскликнулъ Носковъ, — какіе уже стали длинные вечера, а вѣдь еще только половина іюля!

Плавутинъ, оставшійся одинъ въ комнатѣ, во время переполоха, ударомъ ладони отерылъ окно, возлѣ котораго сидѣлъ и сказалъ:

— Я говорилъ, не надо было такъ рано начинать въ карты играть... Теперь, вотъ, надо убить время, а нечѣмъ...

Въ это время изъ-за угла появилась высокая, сутуловатая фигура въ длинномъ сюртукѣ, похожемъ на рясу, въ шапкѣ, походившей на скуфейку и съ длинной палкой въ рукахъ, смахивавшей на страннической посохъ.

Фигура скользнула мимо забора и затѣмъ вступила въ полосу свѣта, лившагося изъ оконъ клуба. Дойдя до крыльца, темная фигура поклонилась чиновникамъ низко, по-монашески.

— Миръ вамъ, господа, — проговорилъ приторно елейный дребезжащій голосъ и фигура, мелькнувъ на мгновение своимъ восковымъ лицомъ, на которое съ обѣихъ сторонъ спускались пряди сѣдыхъ волосъ, и, сверкнувъ острыми глазами, прошла мимо.

Всѣ поглядѣли вслѣдъ фигурѣ, всматриваясь въ ея узкую спину съ выдающимися лопатками, съ которыхъ спускался внизъ сюртукъ, точно съ вѣшалки.

Христя, которая все еще пряталась подъ заборомъ клуба, потому что ей было страшно идти одной домой, обрадовалась, увидавъ, что кто-то идетъ по направленію къ ея улицѣ, и хотѣла уже проситься въ компанію, но всмотрѣвшись въ темную фигуру, дѣвочка опять прижалась къ забору: она узнала этого человѣка и не пошла съ нимъ, потому что боялась и его.

— Да это Храмовъ, — сказалъ докторъ Айзиковскій, — я его по блестящимъ глазамъ узналъ... И свертокъ какой-то держитъ, видно въ лавкѣ что-нибудь купилъ.

— Или укралъ, — поправилъ доктора Эмилій Маріусовичъ, — сегодня былъ въ полиціи за свидѣтельствомъ, что къ его отъѣзду за границу мы не имѣемъ никакихъ препятствій... Пришлось дать, канальѣ! — прибавилъ онъ со вздохомъ сожалѣнія.

— Онъ ѣдетъ за границу?—спросило нѣсколько голосовъ сразу.

— Въ Іерусалимъ на житье перебирается,—насмѣшливо отвѣчалъ Бубликовъ,—все, шельма, въ деньги обратилъ, говорятъ, до двадцати тысячъ теперь при себѣ имѣетъ. Завтра въ городъ ѣдетъ за паспортомъ, а оттуда въ Палестину—грѣхи тяжкіе замаливать.

— Да, ему есть что замаливать,—сказалъ Ападульчевъ,—нечистыми путями разбогатѣлъ, такими нечистыми, что и времени не хватитъ, чтобы отмолиться.

— Неужели?

— Какъ же онъ разбогатѣлъ?—посыпались вопросы слушателей, обрадованныхъ развлеченію.

Въ это время небо вдругъ точно приподнялось, раздвинулось и загорѣлось свѣтомъ; блѣдное мерцаніе луны въ немъ совершенно потонуло.

— Ухъ, зарница!..

— А можетъ, молнія... гроза собирается...

— Вотъ благодать была бы!

Всѣ начали прислушиваться, но грома слышно не было, сколько ни ожидали.

— Такъ чѣмъ же разбогатѣлъ Храмовъ?—спросилъ докторъ Айзиковскій.

— Чѣмъ? Убийствами...

— Не можетъ быть!..

— Ну вотъ! это весь городъ знаетъ, а онъ—не можетъ быть? Сперва почтальона зарѣзалъ и сумку съ деньгами у него укралъ. Знаете вы маленькую балочку, какъ въ городъ ѣхать отъ васъ вправо остается? Ну вотъ тамъ Храмовъ съ товарищемъ и подстерегъ ямщика съ почтальономъ. Товарищъ на ямщика кинулся, а самъ-то святой—на почтальона. Убили обоихъ, въ балочку бросили, а сами, черти, повернули перекладную назадъ да на ней же и въ Курдюмъ обратно доѣхали, только колокольчикъ отвязали.

— Кто же видѣлъ, какъ они ѣхали?

— Да вѣдь лошадей-то нашли у моста, возлѣ Курдюмки, а трупы—въ балочкѣ. Что же, сами лошади, что ли, приѣхали?

— Все-таки какъ-то невѣроятно...

— Невѣроятно?.. — Агриппинъ Михайловичъ нагнулся подь стойку, вытащилъ оттуда бутылку съ ярлыкомъ, на которомъ было написано: „сухое, вяленое“, поднялъ ее на свѣтъ и, прищуривъ одинъ глазъ, внимательно измѣрилъ въ ней количество вина.

Убѣдившись, что тамъ его еще достаточно, онъ поставилъ бутылку на стойку, рядомъ съ водками собственнаго розлива, и тогда продолжалъ рассказъ:

— Вотъ, пришли они съ товарищемъ домой, стали дѣлать добычу—и не подѣлили... Впрочемъ, нѣтъ, позабылъ я... подѣлили!

Только нашему постному-то старичеу завидно стало на половину товарища. Взялъ онъ яду и всыпалъ въ водку, да и угостилъ ею товарища на прощанье. Выпилъ тотъ водку, закусилъ—распрощался и поѣхалъ въ свое мѣсто, а нашъ Храмовецъ потихоньку за нимъ слѣдомъ. Тотъ, товарищъ, на дорогѣ померъ, ну, понятно, Храмовецъ и его деньги себѣ тоже прикарманилъ.

— Это ужъ что-то, того... Какой же это такой необыкновенный ядъ, отъ котораго человекъ даже безъ крику умеръ,—замѣтилъ докторъ Айзиковскій.

— Развѣ я говорю, что онъ не кричалъ? Конечно, кричалъ, на помощь звалъ, да вѣдь у насъ развѣ этимъ поможете? У насъ, чѣмъ громче кто кричитъ ночью на улицѣ, тѣмъ вѣрнѣе обыватели запираются... Да и то сказать: кому охота въ такія дѣла вмѣшиваться?

Докторъ Айзиковскій съ сомнѣніемъ покачалъ головою.

— Вотъ вы не вѣрите,—корилъ его Агриппинъ Михайловичъ,— а это весь уѣздъ знаетъ... Но и это еще не все. У почтальона было немного денегъ, тысячъ восемь не больше. На этотъ капиталъ Храмовецъ дома свои выстроилъ, постоянный дворъ завелъ, торговать началъ, и больше ничего! А разбогатѣлъ онъ отъ вуща.

— И тоже убійствомъ?

— Ну, конечно... Купецъ у него остановился переночевать и привезъ съ собой деньги большія, чтобы внести въ казначейство, а Храмовецъ его ночью подушкой задушилъ... Ну, тутъ ужъ даже слѣдствіе наряжали.

— Какъ же онъ до сихъ поръ не въ Сибири?

— Скрылъ концы. Вѣдь это когда было? Доктора одарилъ, полицію золотомъ засыпалъ. Докторъ въ протоколѣ заявилъ, что купецъ отъ удушья умеръ...

— Я ужъ слышалъ эти рассказы,—сказалъ докторъ Македонскій.— Они мнѣ не внушаютъ особеннаго довѣрія. Конечно, Храмовецъ плутъ большой руки и ханжа, но убивать онъ не способенъ, хотя бы по трусости. А вотъ обмануть, надуть,—это дѣло пное. Не даромъ у него въ усадьбѣ двое воротъ: одни парадные съ площади, а другіе въ глухой переулочекъ выходятъ, оттуда ему краденый хлѣбъ возять и многое другое.

— Развѣ можно нажить столько денегъ краденымъ хлѣбомъ,—презрительно возразилъ Ападульчевъ,—у него, можетъ, пятьдесятъ тысячъ лежатъ, зашиты въ перину.

— Кто эти тысячи видѣлъ?

Въ это время вдали послышался глухой раскатъ грома.

— А гроза-то вѣдь къ намъ идетъ!—торжествуя, сказалъ Плавутинъ.

— Идетъ-идетъ, а до насъ не дойдетъ,—на дорогѣ гдѣ-нибудь

и разольется... Развѣ вы не знаете нашей степи? Уже, кажется, больше двухъ мѣсяцевъ, какъ ни капли дождя у насъ не выпало.

Громъ прогремѣлъ еще разъ, но также глухо.

— Я пойду домой,—сказалъ докторъ Айзиковскій вставая,—жена вѣрно проснулась.

Онъ отыскалъ свою фуражку, повертѣлъ ее въ рукахъ и въ нерѣшительности остановился у дверей.

— Можетъ еще кто пойдетъ со мной?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Ага, страшно стало!—смѣясь замѣтилъ Василій Петровичъ Македонскій.

— И вовсе нѣтъ,—съ негодованіемъ возразилъ Айзиковскій, который оскорблялся всегда замѣчаніями своего коллеги больше, чѣмъ замѣчаніями остальныхъ знакомыхъ. —Я иду... до свиданія господа,—сказалъ Айзиковскій и рѣшительно вышелъ изъ комнатъ.

На крыльцѣ, прижавшись къ стѣнкѣ, дремала худенькая Христя съ спящимъ младенцемъ на рукахъ. Она вскочила, заслышавъ шаги доктора и тѣмъ его испугала еще больше.

— И чего ты здѣсь торчишь?—Прикрикнулъ онъ на нее сердито.

— Боюсь... идти далеко, а тутъ свѣтло и кричатъ,—шепотомъ пояснила Христя, указывая проснувшагося ребенка.

Айзиковскій торопливо зашагалъ по площади. Христя побѣжала за нимъ въ припрыжку: ей было съ докторомъ по дорогѣ.

Заслышавъ за собой шаги, Айзиковскій оглянулся и, увидѣвъ дѣвочку, хотѣлъ уже накричать на нее, но потомъ, вдругъ даже обрадовался этой неожиданной компаніи; а крикъ младенца, звучавшій такъ мило среди завыванія урагана, доставлялъ ему положительно удовольствіе.

Такимъ образомъ эта маленькая группа, связанная на время узами страха, прошла всю площадь и повернула за уголъ. Скоро Христя скользнула въ калитку одного изъ маленькихъ домиковъ въ два окошка.

Докторъ Айзиковскій почувствовалъ нѣкоторую неловкость оставшись одинъ; но онъ прибавилъ шагу и скоро также очутился у подъѣзда своей квартиры.

II.

Между тѣмъ партнеры кончили партію и совѣщались, играть ли еще или же приниматься за чаепитіе.

— Кажется, кто-то ѣдетъ,—сказалъ Плавутинъ подходя къ разбитому окошку.

Дѣйствительно, гдѣ-то недалеко слышался звонъ колокольчика, звуки котораго вѣтеръ рвалъ на части и влочками разносилъ по воздуху. Звонъ становился все явственнѣе; послышался мягкій

стулъ колесъ, храпъ усталыхъ лошадей и, наконецъ, тройка остановилась у крыльца клуба.

Оттуда выскочилъ акцизный надсмотрщикъ Федоръ Семеновичъ Головачъ и, вытряхнувъ парусиновое пальто, покрытое пылью, вошелъ въ комнату.

— А, вотъ еще партнеръ,—сказалъ Петръ Петровичъ,—милости просимъ.

— Господа, здравствуйте!—привѣтствовалъ всѣхъ Головачъ.— Вотъ такъ погода!

— Куда это васъ носило въ такое время?

— На Манухинскомъ заводѣ контрольный снарядъ испортили и спиртъ, подлецы, безъ акциза выгоняли; волостной писарь поссорился съ прикащикомъ и донесъ Розову. Пришлось ѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

— А гдѣ же Розовъ?

— Тамъ еще остался; завтра протоколъ составлять будетъ, а я удралъ. Побоялся ночевать въ Берберовской вѣзжей: больно тамъ клопы лютые; пусть ужъ они мое начальство маленько кусаютъ Уѣхалъ, да и раскаивался всю дорогу,—такая ужасная погода! Все казалось, что кто-то по-пытамъ гонится... А это вѣтеръ столбы пыли по степи гоняетъ... Луна какъ-то смотреть подозрительно, призрачно... Ей-Богу, было страшно!

— Чай будете пить или ѣсть хотите сначала?—спросилъ Агриппинъ Михайловичъ, никогда не забывавшій о пользѣ клуба.

— Чаю давайте, все нутро пересохло... А какъ подѣхали къ Курдюмкѣ, такъ я, ей-Богу, хотѣлъ вскочить съ перекладной и бѣжать куда-то безъ оглядки... Ну такая тамъ вонь, такая вонь...—Но не успѣлъ онъ еще кончить своей фразы, какъ вдругъ неожиданный густой, металлическій звукъ точно упалъ съ неба и, расколовъ на двое воздухъ, замеръ въ его душной атмосферѣ.

Собесѣдники застыли на мгновение, переглянулись, и всѣмъ стало будто даже прохладно. Потомъ они сразу всѣ вскочили и бросились на крыльцо.

Въ это время раздался другой ударъ; но онъ уже не казался ни такимъ оглушительнымъ, ни исполненнымъ такого таинственнаго значенія... Всѣ поняли теперь, что это звонитъ церковный колоколь. Теперь, послѣ небольшой паузы, онъ точно собрался съ силами и затрезвонилъ часто, часто... Однообразные звуки плыли одинъ за другимъ поспѣшно, стараясь обогнать другъ друга и поскорѣ разнести во всѣ стороны недобрый вѣсти.

— Пожаръ...—сказалъ Плавутинъ.

— Дождались...—воскликнулъ Петръ Петровичъ, стоявшій впереди всѣхъ на крыльцѣ.—Гдѣ это Собачкинъ? Отчего онъ не идетъ съ донесеніемъ... Кто же знаетъ, гдѣ горить!

*

— За Жестеровымъ домомъ, ваше благородіе,—отвѣчалъ за Собачкина какой-то мужикъ, бѣжавшій безъ шапки въ сторону пожара.

Изъ полиціи уже выѣзжали дроги, на которыхъ сидѣлъ расторопный урядникъ Собачкинъ. Дроги подъѣхали къ крыльцу клуба; урядникъ, вытянувшись, отрапортовалъ событіе, послѣ чего Петръ Петровичъ съ Эмилиемъ Маріусовичемъ уѣхали.

— Возьмите меня: я страсть люблю смотрѣть на пожаръ!—кричалъ имъ въ догонку Головачъ, но не получивъ отвѣта, ушелъ пить чай.

Площадь мало-по-малу наполнялась народомъ. Сперва всѣ сновали безъ всякаго порядка изъ стороны въ сторону, но затѣмъ понемногу образовалось правильное теченіе по направленію къ мѣсту пожара. Наконецъ проскакала пожарная машина и нѣсколько бочекъ съ водою плелись за нею, влекомыя высохшими влячами.

Колоколъ продолжалъ звонить мѣрно и однообразно; его металлическій звукъ зловѣще гудѣлъ въ раскаленномъ воздухѣ.

Луна уже стояла высоко на небѣ; она поблѣднѣла еще больше. Налѣво, изъ-за крыши мягкимъ полукругомъ дрожалъ и краснѣлъ отблескъ зарева; но и онъ видѣлся неясно изъ-за пыльной завѣсы и казался гораздо ближе чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Скоро на площади опять стало безлюдно. Только нѣсколько пустыхъ бочекъ проѣхало назадъ за водою, да нѣсколько полныхъ попались имъ навстрѣчу. Колоколъ прозвонилъ еще раза два очень громко и умоленуль.

Очевидно, дѣло оказалось пустяковое. Скоро вернулись обратно къ клубу дроги съ представителями власти.

Легко соскочилъ съ нихъ Эмилій Маріусовичъ, за нимъ послѣдовалъ Петръ Петровичъ, грузно, едва переводя дыханіе.

— Какой-то дурацкій соломенный заборъ сторгѣлъ,—сказалъ онъ, входя въ комнату,—чертъ знаетъ изъ за чего суматоху подняли... Я сварился весь.

— Да, хорошо, что вѣтеръ гналъ огонь въ поле,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ,—а то весь Курдюкъ могъ сдѣлаться добычей пламени.

Вслѣдъ за дрогами, привезшими начальниковъ, повалилъ гурьбой простой народъ, возвращавшійся съ мѣста происшествія. Площадь на минуту снова наполнилась шумомъ и движеніемъ; но вскорѣ все стихло. Нѣсколько запоздавшихъ зѣвакъ, прошедшихъ потомъ мимо дверей клуба, не нарушили безмолвія.

Въ числѣ послѣднихъ прошла Христя, всегда жадная до всякихъ зрѣлищъ. Она въ настоящую минуту не имѣла на своемъ попеченіи младенца, а напротивъ, сама находилась подъ покровительствомъ своего отца, хромого сапожника Власа.

Христя держала отца за руку, тянула его вперед и въ тоже время прижималась къ нему, говоря:

— Ой, жутко, тятенька, жутко; я еще николи такъ близко пожара не видала... То-то мнѣ оно, не хорошее привидѣлось, какъ луна вставши.

Хромой Власъ торопливо ковылялъ за шустрой дочью и изрѣдка рукавомъ рубахи вытиралъ потъ, обильно струившійся съ его лица.

— Какъ это полззнетъ вверхъ солому, да потомъ искры все на народъ, все на народъ!—болтала Христя, захлебываясь отъ избытка впечатлѣній.—Я думаю: ну! огонь съ неба почалъ падать... и такъ я, тятенька, испужалась, такъ испужалась, ужаси!

Хромой Власъ былъ мало потрясенъ происшествіемъ. Въ городѣ постоянно горѣли то саран, то соломенные амбары, и по обязанности онъ долженъ былъ всегда бѣжать на мѣсто пожара съ ведромъ въ рукахъ. Сегодня онъ рѣшилъ было улизнуть отъ этой повинности и сердился на себя за то, что уступилъ настояніямъ любопытной Христи. А вѣдь къ завтраму падо непремѣнно починить сапоги помощнику почтмейстера. Войдя къ себѣ въ избу, Власъ отослалъ Христю спать, а самъ сѣлъ у станка съ тускло горѣвшей лампой, надѣлъ на больные глаза картузику изъ синей сахарной бумаги, и принялся критически осматривать изношенный сапогъ помощника почтмейстера.

Въ избѣ съ натоленной печкой было невыносимо душно; дѣти метались въ безпокойной дремотѣ и чуть не бредили отъ жары; хромой Власъ изнемогалъ, но продолжалъ работать.

Онъ попытался было открыть окно, выходящее на улицу, но ворвавшійся вѣтеръ мгновенно задулъ огонь въ лампѣ. Опасаясь за цѣлость стеколъ, Власъ поспѣшилъ закрыть окно и попробовалъ открыть другое, на противоположной сторонѣ, выходящее во дворъ Храмовыхъ.

Съ этой стороны было нѣсколько тише. Сапожникъ постоялъ нѣкоторое время у окна, пытаясь освѣжить свои легкія душнымъ воздухомъ, но попытки его не увѣнчались успѣхомъ; зато онъ развлекался немного наблюденіями.

Власъ смотрѣлъ, какъ во дворѣ Храмовыхъ мелькали различныя женскія фигуры, какъ свѣтъ переходилъ изъ одного окна въ другое, какъ сама хозяйка Фекла бѣгала, гремя ключами, изъ погреба въ кладовую, изъ кладовой на кухню.

— Собираются къ завтраму,—замѣтилъ про себя сапожникъ,—вонъ, видно, муку понесли... въ ситѣ, что ли? Должно, пироги хотятъ печь.

Онъ высунулси изъ окна и слѣдилъ за темными женскими фигурами, мелькавшими по двору, освѣщенному призрачнымъ луннымъ свѣтомъ.

Какъ-бы въ отвѣтъ на предположенія хромого Власа, изъ глупины двора послышался голосъ хозяйки Оеклы:

— Расчиняй тѣсто, Маланьюшка, а я пойду за капустой.

— Ладно, — отозвалась Маланья, стоявшая еще съ какой-то женщиной у раскрытыхъ дверей кухни.

Затѣмъ хромой Власъ увидалъ силуэтъ старухи Оеклы, несшей рѣшето съ морковью.

Удовлетворивъ свою любознательность, сапожникъ опять сѣлъ за работу; но въ раскрытое окошко къ нему доносились отрывки разговоровъ и счета на кухнѣ.

— По мнѣ, надотясь съ вечера пироги ставить, — говорила Маланья, — вишь, какая жарница: тѣсто скоро подымется, а коли до утра ждать — скиснетъ, собакамъ тогда выбросить.

— Знамо, знамо... — соглашалась Оекла.

— Ну, я пойду, тетенька, домой, — раздался чей-то третій голосъ.

— Куда? не уходи Аннушка... сейчасъ самоварчикъ поставлю, чай пить будемъ.

— Нельзя, тетенька: Ванька у меня больной, а я съ утра его не провѣдывала... Ужо завтра утромъ приду.

— Приходи пораньше, молебствіе будетъ, — говорила хозяйка, провожая гостью до калитки.

Тутъ она остановилась, и долго смотрѣла вслѣдъ Аннушкѣ, у которой вѣтеръ старался замотать узломъ юбку и сорвать съ головы ситцевый платочекъ.

Аннушка повернула за уголъ, а Оекла все продолжалъ стоять у калитки, глядя на улицу, на дома, на это бѣлое небо съ бѣлой луною. Все это съ дѣтства было знакомо старухѣ; ко всему этому раньше она относилась равнодушно, но теперь все было ей дорого. И старуха скучала... Ей не хотѣлось вѣрить, что завтра въ это время она уже будетъ не здѣсь, и что она больше никогда не увидитъ ни своего дома, ни улицы, ни церкви, гдѣ молилась она больше полустолѣтія... И поѣдетъ, она зачѣмъ-то въ чужую землю, которая, хотя и зовется „святой землею“, но все же для нея совсѣмъ чужая...

— Оекла, — раздался во дворѣ голосъ Храмова, — самоваръ поставила?

Старуха вздрогнула и поспѣшила въ кухню.

Тамъ сестра ея Маланья уже мѣсила тѣсто, погружая руки по локоть въ деревянную кадунку и вытаскивая ихъ облѣпленными бѣлой липкой массой.

— Ну, готово! — сказала она Оеклѣ, — вымѣсила гоже! Теперь пуцай подымется еще разочекъ и пироги дѣлать можно.

Маланья счистила ножемъ съ рукъ и съ пальцевъ тѣсто, ска-

тала его въ комочекъ, бросила въ кадлушку и, покрывъ ее полотенцемъ, вымыла руки въ чистой водѣ.

— Теперь чайкомъ побалуемся, — сказалъ Храмовъ, — а тамъ и вздремнуть можно: завтра сколько хлопотъ будетъ, бѣда!

Сѣли пить чай тутъ же въ душевой кухнѣ. Потъ лилъ со всѣхъ градомъ, но они утирались полотенцемъ, вздыхали и пили чашку за чашкой, степенно, не торопясь.

Послѣ чаю всѣмъ стало будто прохладнѣе; даже воздухъ показался легче и духота не такъ ощутительна.

— Пойду я, — сказала Маланья, грузно поднимаясь съ лавки.

— Куда ты? переночуй, сестрица, у меня — попросила Ѳекла, внезапно испугавшись, — жутко мнѣ что-то, не уходи.

— Не могу, сестрица; домъ на одну Дарью оставила: а такъ заснетъ, — ее и громомъ не разбудишь... Боюсь, какъ бы не обокрали; нонче, знаешь, какой народъ... всего надо бояться.

— Ну кто тамъ на ваше добро позарится, — просила Ѳекла, окончательно разстроенная, — пожалуйста, сестрица, останься.

— Раскудachtалась, — оборвалъ ее Храмовъ, — сорокъ лѣтъ спала здѣсь — не боялась, а теперь вдругъ испугалась...

— Да вѣдь ноченька-то послѣдняя... тошно какъ-то мнѣ, родимые, сумно такъ.

— Ну, заладила сорока Якова! Прощай, сестра, и впрямь не годится домъ зря бросать: мало-ли какіе люди шляютъ! Только завтра пораньше приходи: молебень будетъ.

Маланья ушла.

Разсердившаяся Ѳекла не пошла провожать сестру и сѣла, пригорюнившись, на крылечко. Въ душевомъ воздухѣ опять пронесся глухой ударъ церковнаго колокола; но теперь онъ гудѣлъ мирно и неторопливо: это звонарь билъ полночь.

Старикъ Храмовъ проводилъ Маланью и уже собирался задвинуть на желѣзный засовъ калитку, какъ изъ-за угла неслышно выѣхала телѣга съ сильной, большой лошадейю и двумя сѣдоками. Телѣга завернула въ дому Храмова; широкая грудь лошади и ея красивая морда въ одно мгновение очутились передъ его закрытыми воротами.

— Чего надо? — недружелюбно спросилъ Храмовъ.

Сапожникъ Власъ, слышавъ разговоръ, высунулся изъ окошка во дворъ, чтобы увидѣть съ кѣмъ это говорить старикъ? Но онъ могъ разглядѣть только одну спину Храмова, потому что пріѣзжіе стояли за закрытыми воротами.

— Почевать пусти, Христа ради! — говорилъ незнакомецъ, — истопились мы, ѣхамши.

Храмовъ, помолчавъ немного, сухо отвѣтилъ:

— Что это, нынче ужъ даже по ночамъ шататься стали, покою не даете...

— Съ утра на ярмарку въ Берберево выѣхали, да вонъ какая погода,—объяснялъ незнакомецъ,—глаза пескомъ засыпають, лошади идти не могла... Приходилось въ балкѣ зной переждать, вотъ и опоздали. Пусти, ради Христа.

— Не принимаемъ больше,—отвѣчалъ Храмовъ, неподвижно стоя возлѣ калитки.

— Куды жъ намъ теперича?—продолжалъ незнакомецъ,—вѣдь мы не даромъ... Заплотимъ! Да и завтра поможемъ кой-что... вынести... тамъ сундуки, али что... все съ нашимъ удовольствіемъ...

Храмовъ помолчалъ, будто соображая, стоитъ ли идти на эти условія?

— Идите ужъ, въ послѣдній разъ,—сказалъ онъ затѣмъ, отходя отъ калитки.

„Прельстился“, подумалъ Власъ; „ну и жадный же старикъ, крижистый!“...

Ворота открылись, телѣга, скрипя колесами выѣхала во дворъ.

Власъ увидалъ высокую плотную фигуру въ красной рубахѣ, ведшую лошадь подъ уздцы. Другая фигура, скорчившись, сидѣла на передкѣ телѣги.

Человѣкъ въ красной рубахѣ подвелъ лошадь подъ навѣсъ, потомъ снялъ картузь и вытеръ рукавомъ вспотѣвшее лицо. Власъ посмотрѣлъ на него въ это время, но увидѣлъ только необычайно бѣлый лобъ, рѣзко выдѣлявшійся надъ щеками, покрытыми густой корой загара, да сверкающіе глаза, которые на мгновеніе встрѣтились съ его взглядомъ.

Власъ поспѣшно отвернулся и сталъ прилежно разсматривать подошву сапога помощника почтмейстера; человѣкъ въ красной рубахѣ отошелъ подъ тѣнь навѣса и сказалъ товарищу:

— Слѣзай, что ли...

Съ телѣги соскочилъ второй сѣдокъ. Власъ не могъ удержаться, чтобы не посмотрѣть на него; но онъ замѣтилъ только, что это былъ дѣтина огромнаго роста, широкоплечій и неповоротливый. Тутъ на порогѣ кухни появилась Оекла съ засученными по локоть рукавами и сердито спросила мужа:

— Кого это еще Богъ намъ далъ?

— Такъ, проѣзжающіе,—отвѣчалъ тотъ.

— Надо было пуцать, своихъ, видно, хлопотъ тебѣ мало!..—пробормотала Оекла, уходя обратно въ кухню.

Храмовъ стоялъ у крылечка, смотря на небо, которое, мало-помалу заволакивалось рыжими тучами. Снова началъ погромыхивать громъ; но теперь сильнѣе и чаще. Бѣлая луна укрылась облаками, вокругъ все потемнѣло; за то освѣщенный четырехугольникъ окна, у котораго работалъ хромой Власъ, выдѣлился теперь еще ярче.

— Къ дождю, видно,—сказаль, подходи, незнакомецъ въ красной рубахѣ.

— Къ дождю,—повторилъ Храмовъ.

Собесѣдники помолчали.

— Овсему бы намъ, Егорычъ,—сказаль затѣмъ приѣзжій, и, оглянувшись на окно храмова Власа, опять встрѣтился съ нимъ глазами.

— Эхъ, напрасно я васъ пускаль,—съ сердцемъ отвѣчалъ старикъ,—не могутъ со своимъ кормомъ ѣздить!

Сказавши это, онъ медленно и съ явнымъ неудовольствіемъ ушелъ подъ навѣсъ, гдѣ хранился овесъ.

„А ты бы не жадничаль, да не корыстовался,—думаль Власъ,—вотъ бы и хлопотъ было меньше... А теперь жалуется... Пустиль, такъ нечего дѣлать, надо и кормить... особенно скотину... Она безсловесная тварь, сама не скажетъ, какъ же ей не дать?..“

Тутъ вдругъ мирныя размышленія сапожника были прерваны чьимъ-то отрывистымъ, глухимъ стономъ. Власъ прислушался, но стонъ больше не повторился.

„Померещилось“,—сказаль про себя сапожникъ... Однако, вмѣсто того, чтобы посмотрѣть, по обыкновенію, во дворъ, Власъ вдругъ съезжился, какъ-то присѣлъ пониже на табуретѣ... Замирая, сидѣлъ онъ и бессмысленно глядѣлъ на дратву, которую держаль въ рукѣ. Онъ ожидалъ и боялся еще что-нибудь услышать; но никто не стонетъ больше, и Власу показалось, что на дворѣ у Храмова стало какъ-то необычайно тихо.

— Тяни сильнѣе,—послышался среди этой тишины сердитый шепотъ.

„Господи помилуй, царица небесная!“—мысленно сказалъ себѣ сапожникъ.

Прошло нѣсколько длинныхъ мгновений... Вдругъ песокъ заскрипѣлъ подъ чьими-то тяжелыми шагами, шаги становились все явственнѣе; наконецъ кто-то остановился подъ самымъ окошкомъ сапожника. И Власъ увидалъ передъ собою огромную кисть руки съ застегнутымъ рукавомъ кумачевой рубахи у запястья.

Рука властно закрыла окошко, притворила его одностворчатой ставней и ставню задвинула болтомъ.

Власъ вздрогнулъ, увидѣвъ совершенно неожиданно въ темномъ стеклѣ окна отраженіе собственной физиономіи.

— Ой, жутко, тятенька! Жутко!—закричала Христя, приподнимаясь съ палатей.

Власъ подскочилъ на табуретѣ. Сапогъ, дратва, шило, кусочекъ кожи посыпались съ его колѣней, покрытыхъ передникомъ; синій картузикъ сперва упалъ ему на подбородокъ, а потомъ повисъ на шеѣ въ видѣ ожерелья.

— Ой жутко, тятенька! — повторила Христа и снова повалилась на палати.

— Молчи, молчи! — прошептала хромой Власъ и, потушивъ лампу, на цыпочкахъ подошло къ дочери. Онъ легъ возлѣ нея, не смѣя закрыть глазъ, не смѣя шевелиться, боясь слушать и все-таки чутко прислушиваясь.

Но вездѣ было необыкновенно тихо; даже порывы урагана, повидимому, стихли...

Но вотъ чутко напряженный слухъ сапожника уловилъ, наконецъ, кой-какіе звуки... Это стучали лошадиныя копыта о твердую землю... Затѣмъ, послышался легкій скрипъ... Скрипѣли колеса телѣги. Скрипъ доносился все слабѣе и, наконецъ, совершенно стихнулъ.

„Видно уѣхали!“ — прошептала Власъ, вздыхая полной грудью.

Телѣга съ двумя незнакомцами, дѣйствительно, выѣхала въ это время за ворота дома Храмовыхъ, и тихонько шагомъ, направилась къ церковной площади.

Вѣтеръ стихъ совершенно; небо сплошь обложено черными тучами покрывало землю точно темной крышкой.

Потомъ ослѣпительныя молніи запрыгали по черному небу, загремѣлъ громъ, почти не прерывая могучихъ аккордовъ, и на сухую растрескавшуюся землю хлынулъ, наконецъ, обильный степной ливень.

III.

Не успѣло еще солнце подняться надъ крышами домовъ города Курдюма, какъ вокругъ дома Храмова стояла уже огромная толпа: почти всѣ, и старый и малый, уже успѣли узнать, что старики Храмовы убиты ночью неизвестными злодѣями.

День выдался праздничный и скудная природа степи также будто пріодѣлась. Ночной ливень очистилъ воздухъ, прибилъ къ землѣ пыль толстой, влажной корою, которую, впрочемъ, іюльское солнце высушило очень скоро. Блѣдное, точно усталое небо, было покрыто легкой дымкой испареній, которыя къ полудню превратились въ круглыя облака, мало-по-малу располагавшіеся плотными группами по краямъ горизонта.

Послѣ обѣдни вся улица, прилегавшая къ дому Храмова, была запружена народомъ.

Пестрой толпой ходили здѣсь дѣвки въ яркихъ шелковыхъ сарафанахъ съ дорогими платками на головахъ, — остатки былого великолѣпія, собраннаго въ урожайные годы. За дѣвками сновали парни въ расшитыхъ бешметахъ, висѣвшихъ, какъ того требовала мода, лишь на лѣвомъ плечѣ, и въ новыхъ картузахъ съ блестящими козырьками, лихо загнутыми на сторону.

Отдѣльной группой стояли ребятишки, среди которыхъ выдѣлялось блѣдное, веснучатое лицо Христи. Небрежно держа на рукахъ младенца въ чистенькомъ чепчикѣ, дѣвочка рассказывала маленькимъ слушателямъ о томъ, какъ ей было страшно всю ночь.

— Душить меня кто-съ то, душить, а я и кричать, быдто, не умѣю... а-ахъ, милые мои! Что страху-то было! Тятенька возлѣ меня какъ чебурахнется, а за окномъ какъ закричи-ить... Ну, пропала, думаю! Ой жутко мнѣ было, жутко!—кончала она своимъ обычнымъ припѣвомъ и приплясывала при этомъ то правой, то лѣвой ногою, а лицо ея, полузакрытое ситцевымъ платочкомъ, выражало ужасъ и ненасытимую жажду новыхъ впечатлѣній.

У воротъ дома на длинной лавкѣ сидѣли молодые люди вмѣстѣ со стариками и тутъ происшествіе обсуждалось со всѣхъ сторонъ подробно, неторопливо.

Здѣсь стояла Маланья, точно подсудимая передъ судьями и, подперевъ одну щеку рукою, рассказывала, что знала, какимъ-то особеннымъ визгливымъ речитативомъ.

— И пришла я, какъ обѣщала Ѳеклушѣ-повойницѣ, раннимъ рано, еще сонечка вовсе не видать было... Пришла, гляжу—ворота отперты! Что за оказія? Подивилась я, постояла, да подумала, можетъ подводу съ имѣніемъ впередъ себя отослали, а ворота запереть и забыли... Вошла я въ ворота, сама ихъ заперла—гляжу, новое чудо! Стоять Егорычъ подъ сараемъ! Стоить, а на меня хоть бы оглянулся... Солому, думаю, что-ли набирать хочеть? Только зачѣмъ ему, думаю солома? Съ вечера, вѣдь, все себѣ на дорогу испекли да пожарили... Все-таки, подхожу это я къ нему и говорю: „помочь, что-ли Егорычъ?“ Онъ ни слова. Я—ближе... И, родимые мои! Въ голову ничего такого не приходится... а стоитъ онъ просто быдто ко мнѣ спиною... Молится, что-ли? Да зачѣмъ же въ сараѣ? Подошла я ближе, тронула за плечо, а онъ, родимые, вокругъ самого себя на веревкѣ и обернулся...

Слушатели ахнули.

— Ой, батюшки!—продолжала Маланья, всплескивая руками,—не взвидѣла я свѣта Божьяго! Заголосила я, закричала и бѣгу на кухню къ сестрицѣ родимой, а она поперекъ порога лежитъ съ прорубленной головушкой... Лежитъ она, сестрица моя, Ѳекла Ѳоминишна, и кровь уже вокругъ нея давно засохла...

— Окаянные!—сказалъ одинъ изъ стариковъ.

— Въ комнаты я забѣжала,—продолжала Маланья,—а тамъ все вверхъ дномъ! Все вверхъ дномъ! Кинулась еъ углу, гдѣ стояла пкатулка съ деньгами,—а ее, родимые, и нѣту!..

— Ужъ, конечно, не даромъ двѣ душеньки христіанскія загублены... Все оно, золото треклятое, анаемское... Развѣ можно столько денегъ у себя въ домѣ держать? Вотъ, собирали-собирали... а для кого?

— Ловко дѣло сдѣлано! Никто ни возни никакой, ни крику даже не слыхаль.

— Я слышала,—робко заявила Хрестя, которая хотя и боялась вмѣшаться въ разговоръ стариковъ, но не могла удержаться, чтобы не повѣдать имъ своихъ впечатлѣній,—я слышала, какъ они всѣ кричали.

— Вреть, она,—сказаль Власъ, глядя строго на дѣвочку,—она у меня всегда вреть.

— Ой, тятенька, что вы это? Кричали они. мои жалобные, кричали... Сама слышала, какъ Феела Фоминишна голосила: „ой помогите, православные! Рѣжутъ меня, грабятъ, убиваютъ“. И жутко мнѣ стало, ой какъ жутко!

— Врешь, пошла,—сказаль Власъ, который былъ чрезвычайно мраченъ и безпокоенъ, хотя старался, по возможности, казаться равнодушнымъ,—слушайте вы ее, таратору. Она вчера пожару испугалась и всю ночь прокидывалась.

— И неужто вы ничего не слышали? Вѣдь почитай у тебя подъ окномъ старика вѣшали?

— Я мимо воротъ шла, видала, что и окно-то у тебя въ ихъ дворъ было открыто,—сказала какая-то баба.

— Было открыто, а потомъ заперли,—отвѣчалъ Власъ и нервная судорога искривила его лицо.

— Эге, что-то неладно!—сказаль, смѣясь, одинъ изъ парней, хлопая по плечу сапожника,—что-то нашъ Власъ таиться началъ! Можетъ онъ убивцевъ у себя въ избѣ укрываль?

— Тьфу!—сказаль Власъ, съ сердцемъ освобождая свое плечо отъ тяжелой руки парня.

— Да, можетъ, онъ и поубиваль стариковъ! Теперича разбогатѣть, первымъ купцомъ станетъ,—закричалъ другой парень.

Всѣ захохотали. Мысль, что хромой, тщедушный сапожникъ можетъ совершить такое злодѣйство, показалась всѣмъ очень смѣшною.

— Негоже такъ шутки шутить,—замѣтилъ одинъ изъ стариковъ и Власъ, немного успокоенный этимъ заступничествомъ, отошелъ къ сторонкѣ.

Сапожнику очень хотѣлось рассказать міру про незнакомца съ бѣлымъ лбомъ и про руку въ красной рубахѣ, закрывшую ему ставню; но онъ боялся мести этого страшнаго человѣка и рѣшилъ не выдавать своей тайны.

Урядникъ Собачкинъ, сторожившій входъ въ домъ, уже давно ожидалъ появленія властей, но они, утомленные душной ночью, еще почивали. Урядникъ стоялъ на крыльцѣ, обозрѣвая съ высоты своего положенія пеструю толпу, волновавшуюся у его ногъ, и улицу, по которой должны были показаться чиновники.

Наконецъ острый глазъ Собачкина замѣтилъ вдали свѣтлый силуэтъ, непохожій на фигуры толпившихся крестьянъ и, всмотрѣвшись внимательнѣе, онъ увидалъ бѣлую фуражку съ кокардой и смуглое лицо, принадлежавшее товарищу прокурора Ивану Ивановичу Прозрителеву.

— Эй вы, разступитесь!—гаркнулъ Собачкинъ пріосаниваясь.

Толпа раздалась, пропуская къ крыльцу важное чиновное лицо.

Иванъ Ивановичъ поднялся на крыльцо и спросилъ урядника съ лукавой скромностью, изъ-за которой въ то же время явно сквозило нескрываемое сознание своего начальническаго полномочія:

— Развѣ господинъ судебный слѣдователь еще не являлся на мѣсто преступленія?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ Собачкинъ, стараясь вытянуться передъ начальникомъ превыше своего роста.

— Что же, развѣ его не извѣщали?—допытывался Прозрителевъ съ какой-то страдальческой покорностью во взорѣ.

— Господинъ приставъ являлся къ нимъ на квартиру, но они еще почивали, ваше высокоблагородіе.

— А, почивали...—повторилъ Прозрителевъ какъ бы окончательно подавленный этими извѣстіями.

— Прикажете мнѣ явиться еще разъ къ господину судебному слѣдователю, ваше высокоблагородіе?—спросилъ урядникъ, исполнительно порываясь съ мѣста.

— О, нѣтъ зачѣмъ же, пусть почиваетъ,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ и крото удалился въ домъ.

Урядникъ глядѣлъ вслѣдъ начальству, оставаясь попрежнему вытянувшимся болѣе, чѣмъ то возможно человѣку, и готовый повиноваться малѣйшему мановенію начальнической длани. Но въ то же время онъ вспоминалъ разговоръ судебного слѣдователя Носкова съ исправникомъ, разговоръ, который Собачкинъ подслушивалъ сидя въ передней полицейскаго управленія. Носковъ очень ругалъ тогда Прозрителева, называлъ его „иттригантомъ“, который любить „зацѣплять людей подъ ножку“.

Время шло, а власти все почивали.

Наконецъ, послѣ полудня, къ дому Храмовыхъ торопливо подошелъ Алексѣй Григорьевичъ Носковъ, который былъ чрезвычайно неприятно пораженъ, заставъ на мѣстѣ происшествія Ивана Ивановича Прозрителева.

— А, это вы,—привѣтствовали Носкова товарищъ прокурора съ любезной улыбкой.

Но несмотря на эту улыбку, Алексѣй Григорьевичъ почувствовалъ большую неловкость.

— Знаете ли, вчера мы въ клубѣ засидѣлись,—сказалъ онъ съ напускной небрежностью,—и всѣ проспали! Кто же могъ предполагать, что вдругъ случится такое происшествіе?

— Да, да, я уже здѣсь давненько похаживаю,—какъ бы вскользь замѣтилъ Прозрителевъ.

Онъ проводилъ Носкова къ трупамъ и отошелъ отъ него въ сторону, когда началось формальное дознаніе.

Теперь толпа была прогнана со двора, ворота заперты, а черезъ калитку пропускались въ домъ только привилегированныя особы.

— Разступитесь, ай, отойдите отъ калитки!—кричалъ урядникъ, замѣчая вдали Плавутина, шедшаго съ докторомъ Маведонскимъ.

Толпа неохотно раздалась. Чиновники прошли во дворъ, сопровождаемые недружелюбными взглядами народа.

Алексѣй Григорьевичъ встрѣчалъ посѣтителей съ видомъ гостеприимнаго хозяина. Онъ показывалъ трупы, водилъ по комнатамъ, обращалъ вниманіе на царившій въ нихъ беспорядокъ и съ какимъ-то особеннымъ священнодѣйствіемъ подводилъ всѣхъ въ нѣсколькимъ пыльнымъ отпечаткамъ подошвы сапога, сохранившимся очень ясно у кровати.

— Это — единственное вещественное доказательство! — говорилъ онъ въ поясненіе,—кромѣ веревки да этихъ слѣдовъ больше ничего мнѣ, подлецы, не оставили! Бога ради, не наступите, не сотрите пыли, иначе и эта улика окажется негодной.

— Неужто вы будете примѣрять къ этимъ слѣдамъ всѣ сапоги въ уѣздѣ?—спросилъ Плавутинъ, громко засмѣявшись.

— Смѣйтесь, смѣйтесь,—глубокомысленно возражалъ Носковъ,—ничего, видно, вы въ нашемъ дѣлѣ не понимаете! Въ нашемъ дѣлѣ много значить удача, даже иногда чудо...

— Ну, чудо вездѣ много значить...

— И, пожалуйста, не трогайте здѣсь ничего, не цереставляйте... все должно быть на своемъ мѣстѣ.

Плавутинъ отошелъ отъ сердитаго Алексѣя Григорьевича и поздоровался съ Прозрителевымъ, который ходилъ по комнатамъ съ дѣловитой озабоченностью, какъ бы давая понятъ всѣмъ Носкову, что онъ по долгу и въ особенности присягѣ наблюдаетъ за его дѣйствіями, но въ то же время предоставляет ему полную свободу.

— Удивительно ловкіе злодѣи,—сказалъ Плавутинъ товарищу прокурора,—никакихъ уликъ не оставили на мѣстѣ преступленія.

— Я умываю руки... вѣдь я не слѣдователь, — отвѣтилъ Прозрителевъ шепотомъ и съ явнымъ сожалѣніемъ поглядывая на суетившагося Носкова.

Осмотрѣвъ мѣсто происшествія, судебный слѣдователь занялся допросомъ свидѣтелей, показанія которыхъ не столько выясняли, сколько затемняли событіе.

Власть говорилъ, что онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ и спалъ всю ночь безъ просыпу.

Маланья призывала на себя всѣ громы небесные за то, что въ самую трудную минуту оставила сестрицу свою Оеклу Оомпнишну безъ помощи. Все же остальное въ этомъ происшествіи она считала на столько незначительнымъ, что и разговаривать о немъ имѣла мало охоты.

Христя, дрожа и путаясь, утверждала, что Оекла призывала людей на помощь. Затѣмъ появилось еще нѣсколько бабъ, клятвенно заявлявшихъ, что и они слышали отчаянные крики, доносившіеся къ нимъ со двора Храмовыхъ.

Алексѣй Григорьевичъ напрягалъ всѣ свои способности, чтобы заставить свидѣтелей сказать что-нибудь дѣльное; но все оказывалось безплоднымъ. Тогда онъ краснѣлъ, сердился, вытиралъ потное лицо платкомъ, свернутымъ въ комочекъ и безпомощно ежился подъ снисходительно насмѣшливымъ взоромъ своего начальника Прозрителева.

Когда все, что нужно было, записано, Алексѣй Григорьевичъ, усталый и смущенный вскочилъ со своего мѣста и зашагалъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился у окна, глядя на нѣсколько троекъ, которые уже давно стояли у воротъ, позвякивая подвязанными колокольчиками.

— Ей Богу, не знаю куда и посылать погоню, — сказалъ онъ подошедшему Плавутину.

— Развѣ онѣ приготовлены для погони? — съ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— Ужь, конечно, не для пикина, — раздражительно отвѣчалъ Носковъ.

— Послали бы лучше по верховому въ каждое волостное правленіе съ извѣстіями о происшествіи. Какая ужъ тутъ погоня, когда преступники скрылись еще ночью.

Носковъ метнулъ на совѣтчика взглядъ, который далъ понять послѣднему, что у него однимъ пріятелямъ стало меньше.

— Э, батюшка, — сказалъ затѣмъ судебный слѣдователь, — слѣдствіе вовсе не такая простая штука, какъ какое-нибудь тамъ разведеніе деревьевъ... Тутъ надо думать и думать, не то надѣлаешь пропасть глупостей.

Къ вечеру протоколъ убійства былъ готовъ, свидѣтельскія по-

казанія записаны, домъ опечатанъ и всѣ почтовые лошади разогнаны въ разныя стороны по дѣлу объ убійствѣ.

Жителямъ города Курдюма рѣдко приходилось переживать болѣе тревожные дни, чѣмъ тѣ, которые послѣдовали за дерзкимъ убійствомъ.

Народъ толпился цѣлые дни въ обширномъ дворѣ убитыхъ. Здѣсь служили панихиды, закусывали; здѣсь голосили родственницы во главѣ съ Маланьей, здѣсь же обсуждались ея шансы на наслѣдство.

Христя бѣжала туда съ младенцемъ на рукахъ, который смотрѣлъ съ одинаковой невинной улыбкой на людей и на трупы. Усталая, запыхавшаяся, стояла Христя надъ покойниками въ какомъ-то испугѣ любопытства. Она замѣчала на ихъ лицахъ малѣйшее измѣненіе, слушала фантастическіе рассказы толпы и бѣжала домой дѣлиться ими съ отцомъ.

— Ой, тятенька!—кричала она еще издали,—Федоръ кривой говорилъ, что Федосья видала ночью покойниковъ... Стоять, быдто, они на дворѣ за рученьки взявшись и голосять, да такъ жалостливо... Федосья, быдто, ихъ спрашиваетъ: „Чего вы, мои жалобные, плаваете?“ А они: „Безъ покаянія померли... А убилъ насъ, говорятъ, Семень“... Тутъ она, Федосья, значить, подошла ближе, а они и рассыпались и только паръ, паръ этакъ поднялся къ небу.

— Ври, ври!..—говорилъ хромой Власъ, не поднимая головы отъ работы.

— Вотъ! Ври! Да пойдѣ, послушай,—весь народъ уже знаетъ! А еще, тятенька, говорятъ, Маланью Фоминишну судить будутъ...

— Ну, это еще что?—говорилъ Власъ, срывая любопытство подъ тономъ небрежной насмѣшки.

— Ночью-то сестра, Фекла Фоминишна, просила, слышь, ее остаться, а та не осталась... И ужъ злющая эта Маланья! Фекла-то, слышь, говорила ей: „Останься, сестрица родимая, чуетъ сердечко бѣду неминуемую... Быть мнѣ нонѣ убитой-зарѣзанной“... А Маланья быдто говоритъ: „Ничего, не бойсь“, и ушла! Ушла, безжалостная! А теперь, злодѣйка, боится, потому что членъ ее судить будетъ, за что сестру покинула! И въ тюрьму-Сибирь ее упрячутъ...

Наконецъ, убитую чету похоронили.

Послѣ похоронъ, крестьянское населеніе города Курдюма сразу успокоилось; но зато паника еще сильнѣе охватила души его привилегированныхъ классовъ.

Къ вечеру въ садикѣ, окружавшемъ церковь, теперь замѣчалось болѣе оживленіе, чѣмъ прежде. Публика, обыкновенно гулявшая по числу партій, небольшими группами, теперь ходила плотной толпою.

Предметомъ разговоровъ было, конечно, таинственное, дерзкое убійство и злодѣи, которые точно въ воду канули.

— Хоть бы какіе-нибудь слухи были, а то ничего!—жаловался Носковъ.

— Погодите, погодите, нетерпѣливый молодой человѣкъ,—утѣшалъ его Петръ Петровичъ.

— Нечего ждать, никогда ничего не найдутъ,—возражалъ скептикъ Головачъ,—эта проклятая степь все скроетъ! За три года что я здѣсь живу, это уже четвертое убійство и ни одно не раскрыто.

— Я здѣсь только второй годъ,—какъ бы оправдывался судебный слѣдователь.

— Эхъ, господа, господа!—вздыхалъ Петръ Петровичъ,—вамъ легко критиковать; а побыли бы вы на нашемъ мѣстѣ и тогда возражали бы! Какія наши силы? Вотъ мнѣ извѣстна шайка въ Алексѣевскихъ оврагахъ, а поди-ка, гм... сунься! Съ однимъ Собачкинымъ, гм... ловить ее, что ли?

— А вы бы донесеніе въ городъ послали объ этой шайкѣ—сказалъ Плавутинъ.

— Принимаю, гм... слова ваши не за совѣтъ, а за насмѣшку,—гордо поднимая голову, возразилъ Тюльпановъ.

— Но почему же?

— Потому, что я, гм... не желаю прослыть безпокойнымъ-съ человѣкомъ.

— Вообще, эти критики...—сказалъ, прерывая наступившее молчаніе, судебный слѣдователь,—критиковать очень легко... А вы возьмите у меня дѣло, да ведите сами слѣдствіе, тогда увидите... Подлецы! Ни одного вещественнаго доказательства не оставили!

— А слѣды пыли въ спальной?

— Да, вамъ смѣшно—огорчался Носковъ,—а каково мнѣ? Стерлись слѣды, ничего отъ нихъ не осталось.

— А веревка петель?—спросилъ Головачъ.

— Веревка! Что я могу сдѣлать изъ этой веревки? Посмотрѣлъ бы я, чтобы вы выдумали на моемъ мѣстѣ изъ этой веревки.

— Я бы самъ на ней повѣсился...

Всѣ начали смѣяться.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, это ужасно,—сказалъ докторъ Айзиковскій,—атакъ придуть къ тебѣ, убьютъ тебя, а потомъ ничего имъ за это не достанется.

— Какъ не достанется?—возразилъ Головачъ,—имъ ваши деньги достанутся.

— Послушайте, Федоръ Семеновичъ, надо же знать мѣру своимъ шуткамъ,—отвѣчалъ докторъ, подозрительно вглядываясь въ темноту, окружавшую маленькій садикъ,—вы, вотъ, шутите, конечно;

но вѣдь это неосторожно! Какой-нибудь неблагонамѣренный человекъ можетъ подумать, что у меня, дѣйствительно, есть деньги.

— Ну, ну, полноте, кто станетъ трогать чиновниковъ? Вѣдь всѣмъ злодѣямъ съ начала сотворенія міра извѣстно, что чиновниковъ убивать не стоитъ: и денегъ мало, и хлопотъ не оберешься.

— Вотъ я разбойниковъ не боюсь, — нарочито громко заявлялъ маленькій аптекаръ Лебеда, — у меня для нихъ составъ приготовленъ. Пусть придутъ! А я изъ спринцовки своей на нихъ прысну, — сейчасъ всѣ Богу душу отдадутъ.

— Да, вамъ это не диво, — отозвался опять Головачъ, — не одна душа отправилась на тотъ свѣтъ, испробовавъ вашихъ составовъ.

— Полноте вы, Федоръ Семеновичъ, — примирительно вставилъ Тюльпановъ.

— И у меня тоже на случай злодѣевъ припасено оружіе, — признался Агриппинъ Михайловичъ Ападульчевъ, — хотя самъ я страхъ какъ боюсь этихъ вещей... Да жена и дочка уговорили выписать пару пистолетовъ изъ города... Теперь хожу мимо нихъ и душа въ пяткахъ! Вотъ бѣда, все думаю, ну, какъ выстрѣлять?

— Сами? Со стѣны?

— А кто ихъ знаетъ? Такое ужъ каверзное оружіе... Не угадаешь когда и что...

Разговаривая такимъ образомъ, публика гуляла теперь дольше обыкновеннаго; а во многихъ домахъ и лампы горѣли всю ночь до разсвѣта.

Послѣ полуночи, спокойныя раньше стогна города, оглашались теперь громомъ выстрѣловъ: это неспокойные обыватели, мучимые кошмаромъ, вскакивали съ постелей и въ полуснѣ бросались къ форточкамъ, чтобы стрѣлять оттуда на воздухъ, оповѣщая тѣмъ разбойниковъ о своемъ вооруженномъ бодрствованіи.

Но прошелъ мѣсяць, другой, и трагическое происшествіе стало забываться понемножку. Выстрѣлы раздавались уже не такъ часто, обыватели начали снова гулять по садуку группами, по числу партій.

Юлія Безродная.

ГАЗЕТА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(З а м ѣ т к а).

Помнитъ ли читатель одинъ изъ «степныхъ очерковъ» Левитова: «Газета въ селѣ?»—Почтамтскій сторожъ, суровый николаевскій унтеръ-офицеръ, сдаетъ испуганному крестьянину тюкъ газетъ, адресованный на имя сельскаго дьячка.

— Ослобони, Бога для, милый человѣкъ,—умолялъ мужикъ.—Сейчасъ бы мы съ тобой дернули за это по махенькой,—вотъ тѣ Христось дернули бы!

— Поговори!—прикрикнулъ солдатъ, и тюкъ грозно упалъ въ телѣгу.— Тутъ, братецъ, никакая махенькая не поможетъ. Вези, какъ приказано..

— Скажи, пожалуйста,—разсуждаетъ самъ съ собой отставной служака, когда крестьянинъ, прикрывъ тюкъ своей свитенкой, исчезъ изъ виду,—народецъ какой, а? отъ самихъ гг. синаторовъ не хотѣлъ посылки отвезти. Я,—говорить,—боюсь, какъ бы мнѣ не проштрафиться... Экой народъ необразованный, право!—

Дорогой невольный почтальонъ нагоняетъ небольшую партію солдатъ, которые не прочь проѣхать на даровой подводѣ.

— Ранцы владѣ, ребята; а сами сторонкой идите, потому есть тутъ у меня въ телѣгѣ сигналы такіе казенные,—говоритъ Лука солдатамъ.

Одинъ изъ солдатъ раскрываетъ тюкъ и, узнавъ, что тамъ находятся газеты, пользуются невѣжествомъ мужика, чтобы наказать его на полтинникъ.

— Давай полтинникъ и благодари Бога, что я случился тутъ...

— А что?

— А вотъ что: не будь тутъ меня, сейчасъ бы тебя, можетъ, въ мелкіе куски растерзали,—эти-то? Ты этого не зналъ? Доставай деньги проворнѣе, а я покуда побѣгу корни рыть...

Получивъ газеты, дьячекъ собираетъ крестьянъ, чтобы объявить «бумагу изъ губерніи». Собрались «отцы» деревни и до появленія дьячка на собраніи происходятъ такіе разговоры:

— Говорятъ, книжка какая-то изъ Питера пришла и, будто, та книжка живая. Выведеть ее дьячекъ къ намъ, а она скажетъ: «здравствуйте, ребята! Садись-ка всѣ, да учите меня». Всѣхъ будетъ учить.

Является на сцену дьячокъ съ «бумагой изъ губерніи» и кипой газетъ, слышится женское всхлипываніе, раздается протестующій голосъ деревенскаго смѣльчака: «мы на это не согласны», наконецъ, водворяется молчаніе, и дьячокъ читаетъ бумагу, въ которой его просятъ о распространеніи присланной газеты среди сельскаго населенія.

— Поняли?—спросилъ дьячокъ, прочитавши листъ.

— Какъ не понять!...

— Изъявляйте желаніе и несите деньги.

Въ толпѣ поднялся глухой гулъ, надъ которымъ царствовалъ тонкій плачь бабы. Григорій Петровъ снова выступилъ впередъ и торжественно произнесъ:

— Мы на это не согласны!

— Ой, вонъ, Лукашка сказываетъ, учить насъ всѣхъ поголовно собира-
лась,— дружно поддерживала толпа Григорья Петрова.

— А когда намъ учиться-то, самъ небоюсь, знаешь?

— Мы такихъ книгъ сроду и не выдывали—живыхъ-то! И кто только дѣ-
лаетъ ихъ,—о Господи!

— А приказные и дѣлаютъ,—господа. Это недавно выдумали.

— Жили и безъ нихъ!

— Родимые! Со-о-ко-лики!—громче всего, наконецъ, разнесла по толпѣ се-
крушенная баба.—Ш-што-о намъ таперича, сиротамъ, съ ей дѣлать?

Разошлась толпа и, словно пчелы въ ульяхъ, загудѣла по избамъ.

Отставной солдатъ видитъ тутъ обманъ и подбѣопъ подъ только что даро-
ванную «волю».

— Безпремѣнно фальшь какая-нибудь. Я видалъ въ Питерѣ настоящія га-
зеты,—тѣ не такія. Эта ишь, смурая какая-то, ровно бы свита старая.

На пчельникѣ идетъ иной разговоръ:

— Говорятъ: по ночамъ будетъ шастать...

— Я ее безпремѣнно тогда разшибу, такъ-таки въ дребезги и расхлопну,
потому я ихъ, вѣдьмовъ-то, не очень боюсь.

Двѣ бабы пришли къ самому дьячку. Одна изъ нихъ, подавая ему ста-
ринный пятакъ, говорила:

— Продай, Архипъ Петровичъ, газетки мнѣ на пятакъ!

— На что тебѣ?—спросилъ обрадованный было дьячекъ.—Вѣдь ты гра-
мотѣ не знаешь?

— Я отъ живота... Сказывали, что съ виномъ ее даже будто бы хорошо
отъ живота...

Другая баба, узнавъ отъ Лукашки, что «въ ей всѣ моря описаны», про-
ситъ дьячка показать ей сына—солдата, который стоитъ на берегу Чернаго
моря.

Нашелся въ деревнѣ и грамотей, но тотъ «убояся бездны премудрости,
обратился вспать».

— Вынесъ онъ ее, матушку, грамоту-то; а она большая такая, да бѣлая...
Только я и вижу сейчасъ, что мнѣ ее не взять, взялъ да ушелъ.

На другой день дьячокъ отправилъ куда слѣдуетъ такой отвѣтъ:

«А что касается до столичныхъ Вѣдомостей, то, при всемъ моемъ рве-
ніи, поселяне вашего прихода покупать ихъ не согласились, ибо непросвѣ-
щенны, потому я самолично отправилъ ихъ на храненіе, впредь до обратнаго
востребованія, въ колокольный чуланъ, гдѣ онѣ будутъ находиться въ полной
безопасности и чистотѣ».

Все вышеописанное происходило въ Тамбовской губерніи тридцать-сорокъ
лѣтъ тому назадъ, въ деревнѣ, гдѣ были грамотные взрослые и гдѣ была
школа подъ руководствомъ дьячка. Мы остановили вниманія читателя на этомъ
разказѣ, въ справедливости котораго трудно сомнѣваться, зная искренность
Левитова,—не для того, чтобы поглумиться надъ невѣжественнымъ народомъ,
а чтобы показать, какъ глубоко измѣнилось отношеніе русскаго крестьянина
къ газетному листу въ самое непродолжительное время.

Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ описанныхъ Левитовымъ сценъ вотъ что писалъ
другой хорошій знатокъ народной жизни: «Газета заняла первое мѣсто. Напѣ-
ешься чаю, приходитъ Иванъ записывать умолотъ, расходъ, и первое слово:
что новаго въ газетахъ? Что Скобелевъ, Гурко? А тамъ Федосѣичъ въ кухню
дожидается—пришелъ узнать, «чья пошибка беретъ». Отдашь газеты, въ кухню
громко читаютъ. Иванъ, Авдотья, Михей слушаютъ съ величайшимъ интере-
сомъ корреспонденцію про Скобелева и всегда напередъ спрашиваютъ—есть ли

что-нибудь отъ того, который «про Скобелева пишеть». Федосъвичъ объясняетъ, что такое ложементъ, траншея, дивизія, стрѣлковая рота. Да, съ этой войной, большой бунтъ въ хозяйствѣ пошелъ» *).

Положимъ, время было военное, когда народъ былъ возбужденъ турецкими звѣрствами въ Болгаріи, когда у каждаго что-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ былъ за Дунаемъ. Но и помимо войны русскій народъ измѣнившимся условіями существованія невольно былъ выведенъ изъ того состоянія соннаго царства, когда почти только «война съ Китаемъ», да обманчивые слухи о «волгѣ» и волновали народныя массы. Благодаря земской школѣ и обученію солдатъ на военной службѣ число грамотныхъ въ деревнѣ стало увеличиваться, и такимъ образомъ у освобожденнаго народа явилась не только потребность, но и возможность искать отвѣтовъ на умственные и нравственные запросы въ книгѣ и газетѣ.

По свѣдѣніямъ Московскаго статистическаго отдѣленія уже въ 1883 года, крестьянами Московской губ. выписывалось до 350 экземпляровъ разныхъ газетъ. По свѣдѣніямъ г. Пругавина, относящимся къ восьмидесятымъ годамъ. крестьяне, конечно наиболѣе зажиточные и интеллигентные, охотно выписывали дешевыя ежедневныя изданія въ родѣ «Свѣта» и иллюстрированныя изданія въ родѣ «Нивы», при чемъ крестьяне составляютъ «главную массу подписчиковъ» газеты г. Комарова, печатающейся въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ **).

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о довольно сильномъ, по сравненію съ ближайшимъ прошлымъ, расширеніи интересовъ русскаго простонародія и о его стремленіи выйти за предѣлы очерченнаго вѣками умственнаго кругозора. Но обыкновенная общественно-политическая газета, занятая иностранными «злобами дня» и, въ большинствѣ случаевъ, трудными для крестьянскаго пониманія вопросами внутренней политики, ни по языку, ни по содержанию, ни даже по цѣнѣ недоступна для деревенскаго читателя, хотя бы и окончившаго курсъ земской школы. Чуткая къ «запросамъ народа» русская интеллигенція еще въ пятидесятыхъ годахъ, въ эпоху массоваго возникновенія воскресныхъ школъ, мечтала о спеціальныхъ газетахъ для народа. Позднѣе вопросъ объ изданіи газетъ для народа поднимается въ нѣкоторыхъ земствахъ. Мысль о такой газетѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣлеть и графъ Л. Н. Толстой ***). Но прежде чѣмъ частныя лица и общественныя учрежденія получили возможность придти къ народу съ приноровленной къ его потребностямъ и знаніямъ газетой, само правительство сдѣлало первый опытъ изданія такого органа въ лицѣ «Сельскаго Вѣстника», выходящаго съ 1881 г. еженедѣльно въ видѣ приложенія къ «Правительственному Вѣстнику». Въ этой первой газетѣ для народа «помѣщаются толково изложенныя статьи, касающіяся улучшенія земледѣлія, подробно излагаются приемы всякаго рода кустарныхъ ремеслъ, сообщаются общепользныя свѣдѣнія» и кромѣ того на всевозможные запросы читателей даются отвѣты, которые «отличаются до чрезвычайности внимательнымъ отношеніемъ ко всякимъ просьбамъ, иногда даже и такимъ, въ которыхъ выражаются самыя ничтожныя, а подчасъ и нелѣпыя требованія» ****). Особый отдѣлъ «Сельскаго Вѣстника» подъ заглавіемъ: «Сообщенія изъ волостей» создалъ цѣлую литературу «деревенскихъ корреспондентовъ и публицистовъ», о которой въ

*) А. Н. Энгельгартъ. «Изъ деревни». Спб. 1895 г., с. 271.

***) Пругавинъ, «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія». Спб. 1895 г. Статья: «Газеты и журналы въ народной средѣ».

****) Пругавинъ, с. 219.

*****) Сочиненія Г. И. Успенскаго, т. III, с. 663.

свое время писалъ Глѣбъ Успенскій. Расходясь въ десяткахъ тысячъ платныхъ экземпляровъ (1 р. 60 к. въ годъ), «Сельскій Вѣстникъ» при всѣхъ своихъ недостаткахъ, безспорно, приноситъ нѣкоторую пользу.

«Поставивъ себѣ непосильную задачу—удовлетвореніе умственнымъ запросамъ слишкомъ большой аудиторіи, съ слишкомъ разнообразными потребностями, и неся въ себѣ всѣ неизбѣжныя недостатки оффиціознаго изданія, эта газета не могла, конечно, избѣжать очень крупныхъ недостатковъ. «Сел. Вѣстникъ» слишкомъ слабо затрагиваетъ интересъ читателя и въ огромномъ числѣ случаевъ, немедленно по полученіи въ волостномъ правленіи съ почты, въ неразрѣзанномъ видѣ, прямо подшивается, какъ оффиціально выражаются въ канцеляріяхъ, «къ дѣлу». Но умственные запросы деревенскаго читателя такъ велики, что и эта трудно переваримая пища во многихъ случаяхъ поглощается имъ съ жадностью. О дѣйствительныхъ связяхъ читателя съ редакціей «С. В.» свидѣтельствуетъ обширный и широко развитой въ этой газетѣ отдѣлъ «вопросовъ и отвѣтовъ» и надо думать, что «Сел. Вѣстн.» сообщеніемъ въ этомъ отдѣлѣ множества, главнымъ образомъ, юридическихъ совѣтовъ принесъ, вѣроятно, нѣкоторую пользу нашей безправной деревнѣ». Такой отзывъ сдѣлалъ г. Кулябко-Корецкій въ своемъ докладѣ о «Вятской Газетѣ», прочитанномъ въ засѣданіи Вольнаго Экономическаго Общества 30 ноября 1898 года *).

Примѣръ «Сельскаго Вѣстника» показалъ воочью, какъ сильно назрѣла необходимость спеціально народныхъ газетъ, и какую громадную пользу могутъ онѣ принести для экономическаго и юридическаго развитія деревенскаго населенія. Этимъ примѣромъ постарались воспользоваться отдѣльные представители губернской администраціи и нѣкоторые земства для созданія мѣстныхъ органовъ печати для народа. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ по мысли бывшаго саратовскаго губернатора Косича въ народную газету была превращена неофіціальная часть «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ 1892 г. подписчиковъ этой газеты, стоившей два рубля въ годъ, было болѣе пяти тысячъ. Въ ней сотрудничали не только представители деревенской интеллигенціи—сельскіе учителя и волостные писаря, но и крестьяне-земледѣльцы **).

Еще болѣе удачнымъ опытомъ провинціальной народной газеты является «Вятская Газета», сельскохозяйственная и промышленная», издающаяся съ 1894 года вятскимъ губернскимъ земствомъ и расходящаяся, большею частью бесплатно, въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ.

Кто читаетъ народную газету? Чего въ ней ищутъ и чѣмъ интересуются? Какъ относится народъ къ ея совѣтамъ и указаніямъ? Какое, вообще, вліяніе оказываетъ газета на деревню?—Вотъ рядъ вопросовъ, крайне интересныхъ для всякаго образованнаго человѣка и особенно для тѣхъ представителей интеллигенціи, которые стоятъ близко къ народу и имѣютъ возможность работать «на нивѣ народной». Отвѣты на эти вопросы читатель найдетъ въ «Материалахъ къ вопросу объ изданіи народной газеты» ***), составленныхъ г. Михайловымъ на основаніи болѣе тысячи отвѣтовъ крестьянъ, читателей «Вятской Газеты». Хотя эти отвѣты касаются одной только губерніи, но они могутъ имѣть значеніе для всей Россіи, такъ какъ Вятская губ. ни въ отношеніи народнаго образованія, ни по общему строю народной жизни ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ другихъ губерній имперіи.

Кто читаетъ народную газету? Читать преимущественно болѣе грамотная молодежь, а пожилые представители деревни слушаютъ; иногда читаютъ учащіяся,—мальчики и дѣвочки. Особенно любятъ слушать опытныхъ

*) «Труды И. В. Э. Общества» за 1899 г. за № 1. Доклады с.с. 2—3.

***) См. «Міръ Божій», за 1895 г. № 9.

****) См. «Труды И. В. Э. Общества», за 1899 г., № 1. Доклады, с.с. 19—108.

и толковыхъ чтцовъ, которые умѣютъ не только ясно прочитать, но еще и рассказать прочитанное и объяснить непонятное. Такими чтцами являются наиболѣе развитые крестьяне, обыкновенно завѣдующіе сельскими бібліотеками, а также отставные солдаты, учителя, волостные писаря, даже сельскіе священники. Такъ какъ такихъ чтцовъ въ деревнѣ не много, то ихъ чтение обыкновенно собираетъ болѣе или менѣе многочасленный кружокъ слушателей. «Читаютъ газету—говоритъ г. Михайловъ—компаніями часто, собирается человѣкъ по 10, 20, 30 и болѣе. Компаніями собираются болѣе всего по праздничнымъ днямъ и лѣтомъ на улицѣ, на завалинахъ около домовъ, или зимой въ семьѣ по вечерамъ; часто—въ бібліотекѣ или въ избѣ бібліотекаря. Весной и осенью читаютъ меньше. Читаютъ компаніями еще на мельницѣ, когда соберутся, ожидая очереди; въ волостномъ правленіи, въ церковной палатѣ, въ лавкѣ, въ часовнѣ, на базарѣ, рабочіе въ рудничныхъ казармахъ, въ сборныхъ избахъ, въ пожарномъ сараѣ, въ заводской конторѣ, у сборщика податей, въ школѣ, наконецъ, даже въ кабакѣ, гдѣ ловкій сидѣлецъ пропагандируетъ водку, читая газету и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пропагандируетъ газету, привлекая читателя и слушателя виномъ» (58—59).

Кромѣ русскаго населенія Вятской губ. газету читаютъ и мѣстные инородцы: татары, башкиры, черемисы, вотяки. «Молодежь изъ татаръ,—пишетъ одинъ корреспондентъ;—чего сама не пойметъ, часто проситъ рассказать бібліотекаря и псаломщика». «Населеніе вотяки пишетъ другой—грамотныхъ почти нѣтъ, а если кто читаетъ, то охотно слушають». «Въ селеніи живутъ вотяки и потому на сходкахъ объясняемъ на вотяцкомъ языкѣ»,—сообщаетъ третій корреспондентъ. Кромѣ жителей Вятской губ. газетой интересуются и крестьяне ближайшихъ уѣздовъ сосѣднихъ Пермской и Уфимской губерній. По подсчету г. Михайлова, «Вятскую Газету» читаютъ минимумъ 80 тысячъ человѣкъ; но такъ какъ «вся наша деревня держится не на читателѣ, а на слушателѣ», то, полагая на каждаго читателя, въ среднемъ, по десяти слушателей, можно сказать, что «болѣе четверти крестьянскаго населенія Вятской губ. слушаетъ, знаетъ и можетъ пользоваться совѣтами «Вятской Газеты» (с. 50).

Чѣмъ интересуются въ газетѣ? Судя по отвѣтамъ деревенскихъ корреспондентовъ, сгруппированнымъ въ особую таблицу (см. с. 71), читателямъ народной газеты больше всего нравятся статьи сельскохозяйственнаго содержанія (382 отвѣта), затѣмъ статьи о ремеслахъ (271 отвѣтъ), статьи литературно-историческаго содержанія (209 отвѣтовъ), свѣдѣнія о хозяйственной жизни Россіи и губерніи (119 отвѣтовъ) и т. д. Изъ сельскохозяйственнаго отдѣла болѣе всего нравятся статьи о пчеловодствѣ, травосѣяніи, огородничествѣ, садоводствѣ, удобреніи, скотоводствѣ, лѣсоразведеніи и т. д. Изъ ремесла болѣе всего интересуются крашеніемъ, изъ юридическаго отдѣла—разясненіемъ законовъ, изъ справочнаго—дѣлами на рабочія руки, хлѣбъ и продукты. Изъ земскихъ вопросовъ главное вниманіе читателей «Вятской Газеты» обращено на народное образованіе; изъ внутреннихъ извѣстій болѣе всего интересуются несчастными случаями, урожаями и свѣдѣніями о Сибири. Таблица, изъ которой заимствованы только что приведенныя свѣдѣнія, наглядно показываютъ, что интересуясь прежде всего и больше всего практическими свѣдѣніями по сельскому хозяйству и ремесламъ, народъ въ общей массѣ въ то же время желаетъ знать, что дѣлается въ губерніи, въ Россіи и даже за границей, интересуется прошлой жизнью человѣчества и съ удовольствіемъ читаетъ беллетристику. «Практическими вопросами --- говорится въ «Материалахъ»—интересуются болѣе всего и, конечно, потому, что находятъ въ нихъ разрѣшеніе назрѣвшихъ своихъ хозяйственныхъ нуждъ. Такъ, сельскіе хозяева ищутъ въ газетѣ новыхъ улучшенныхъ способовъ воздѣлыванія земли, новыхъ

усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, приемовъ травосѣянія и многопольнаго хозяйства; пчеловоды интересуются усовершенствованными ульями; ремесленники — новыми ремеслами, которымъ можно научиться изъ газеты бесплатно... Историко-литературнымъ отдѣломъ сильно интересуются и, благодаря ему, газета привлекаетъ къ себѣ за послѣднее время все большее число читателей... Судебныя дѣла читаются съ захватывающимъ интересомъ и слушать хорошимъ воспитательнымъ средствомъ»... и т. д.

Не ограничиваясь тѣмъ матеріаломъ, который даетъ «Вятская Газета» въ настоящее время, ея читатели выражаютъ желанія о расширеніи программы газеты: одни желаютъ больше новостей изъ общегосударственной и международной жизни, другіе интересуются подробностями быта другихъ народовъ, третьи просятъ руководства въ общественныхъ дѣлахъ, защиты отъ притѣсненій, указаній для переселенія и т. д.; старики желаютъ статей религіознаго содержания; «башкиры желаютъ читать исторію Башкиріи», а «черемисы просятъ напечатать, кто ихъ крестилъ» и т. д. Но больше всего, конечно, пожеланій и просьбъ высказываютъ относительно отдѣловъ сельскохозяйственнаго и ремесленнаго; особенно нуждаются деревенскіе читатели въ иллюстраціяхъ къ дѣловымъ статьямъ и въ подробныхъ указаніяхъ, гдѣ, какъ и за какую цѣну можно купить тотъ или другой рекомендованный газетою предметъ, будетъ ли это земледѣльческое орудіе, инструментъ, книга, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній о читателяхъ «Вятской Газеты» и о ихъ запросахъ видно, съ какими глубокими интересомъ, вообще, относится народъ къ доступному ему органу печати. Чтобы еще сильнѣе подчеркнуть роль газеты въ деревенской жизни, приведемъ нѣсколько отзывовъ сельскихъ корреспондентовъ о томъ, какъ относится къ газетѣ читатель изъ народа. «Часто неграмотные отцы приходятъ просить газеты — почитать молодежи, а имъ послушать». «Когда сынъ читаетъ, слушаютъ охотно и отецъ, и мать, и сестры, приходятъ даже сосѣди». «Старики заставляютъ читать мальчиковъ-школьниковъ, которыхъ окружаютъ деревенцы-сосѣди и слушаютъ, а послѣ прочтенія имѣютъ между собой совѣты». «Въ настоящее время газета всѣмъ нравится, ее даже десятилѣтній ребенокъ въ нашемъ углу знаетъ, и часто спрашиваютъ, не пришла ли газета и нѣтъ ли чего новаго». «Одинъ номеръ газеты переходитъ изъ рукъ въ руки; каждый радъ тому, что получилъ газету. Если доведется кому прочитать, то нѣсколько времени все рассказываетъ, какъ будто бывалый, и его всѣ слушаютъ и говорятъ, что онъ рассказываетъ правду, «читаетъ вѣдъ газету». Нѣкоторые приходятъ вереть за 5 послушать, что будетъ читать вечеромъ изъ газеты учитель». Нѣкоторые деревенскіе читатели настолько пристрастились къ газетѣ, что безъ нея имъ скучно. Газетныя извѣстія и совѣты настолько нравятся крестьянамъ, «что они часто дѣлаютъ выписки, чтобы прийтись совѣты ихъ дѣлу», и даже переписываютъ для себя цѣлыя статьи.

Если глубокий интерес къ народной газетѣ среди разноплеменнаго населенія Вятской губерніи не подлежитъ никакому сомнѣнію въ виду массы заявленій, ничтожная часть которыхъ только что приведена, то нельзя сомнѣваться и въ томъ полезномъ влияніи, которое производитъ чтеніе «Вятской Газеты» среди деревенскаго люда. Деревенскіе корреспонденты, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія указываютъ на пользу, приносимую «Вятской Газетою». Она полезна и для сельскохозяйственнаго развитія края, и для улучшенія нравовъ, и для искорененія суевѣрій, и для распространенія общихъ знаній, и т. д. Вотъ что пишутъ изъ деревни: «Я такъ думаю — какъ полезенъ псалтырь для церкви, такъ же «Вятская Газета» для образованія Вятской губерніи». «Вятская Газета» много помогаетъ опытности народа, — онъ прозрѣваетъ отъ газеты. Отцы радуются, что обучали своихъ дѣтей грамотѣ, что теперь слушаютъ извѣстія о дальнихъ странахъ и моряхъ». «Те-

перъ многіе молодые парни смѣнили картежную игру на чтеніе газетъ, и она имъ очень пользательна. «По этимъ газетамъ крестьянамъ не нужно никакого агронома; если читать съ понятіемъ, можно улучшить вполне и на покосѣ и въ огородѣ». «Вообще я люблю читать книги и газеты, но «Вятскую Газету» больше всѣхъ, такъ какъ я крестьянинъ, а для крестьянина сія газета какъ отецъ родной, который не пожелаетъ и не посовѣтуетъ любимому изъ сыновей столько полезнаго, какъ эта газета». «Теперь ворожецы да колдуны по-прежнему не прославляются, а всѣ спрятались, какъ лисацы въ норы, и не смѣютъ взглянуть на свѣтъ. И послѣдователи со стыдомъ отъ нихъ отстали, потому имъ стало стыдно и газета ихъ преслѣдуетъ повсюду, вотъ глядишь рубликъ-другой въ карманѣ и лежитъ, который непременно былъ бы у знахаря. Въ виду этого газета многихъ устыдила и преобразовала. И въ обществахъ теперь лучшій сталъ порядокъ» и т. д.

Кромѣ этихъ общихъ указаній на пользу, приносимую газетой, въ «Матеріалахъ», обработанныхъ г. Михайловымъ, находится рядъ въ высшей степени цѣнныхъ указаній на практическую пользу, извлекаемую крестьянами изъ «Вятской Газеты». Пользуясь совѣтами и указаніями газеты, крестьяне вводятъ травосѣяніе, иногда цѣлыми деревнями, улучшаютъ обработку почвы, замѣняютъ соху плугомъ, сортируютъ сѣмена, прибѣгаютъ къ искусственному удобренію, ведутъ борьбу съ вредными насѣкомыми, разводятъ сады и огороды, лѣчатъ животныхъ, улучшаютъ породы домашняго скота, заводятъ усовершенствованные ульи, устраиваютъ искусственное роеніе, возводятъ сельскохозяйственные постройки, дѣлаютъ земледѣльческія орудія, и т. д. и т. д. вплоть до опытовъ шелководства и винодѣлія (!). Вотъ что пишутъ деревенскіе корреспонденты о своихъ опытахъ по сельскому хозяйству: «Устроилъ борону по рисунку № 1. Дѣйствуетъ хорошо. Смотря на меня, еще устроили трое и многимъ нравится. Вѣроятно многіе будутъ дѣлать». «Мы до сихъ поръ не умѣли садить огурцы, но въ № 3, 1898 г., нашли статью и у насъ, благодаря «Вятской Газетѣ», огурцы уродились хороши, а до сихъ поръ не было ни одного». «Раньше на травосѣяніе смотрѣли здѣшніе крестьяне съ великимъ недоумѣніемъ, а сейчасъ, благодаря газетѣ, начинаютъ смотреть на это полезное дѣло уже менѣе подозрительно и дѣлаютъ опыты травосѣянія, и также, благодаря газетѣ, завели уже много здѣсь плужковъ, начинаетъ забрасываться наша соха, нѣкоторые очень интересуются пчеловодствомъ, скотоводствомъ, а также былъ случай, что одинъ здѣшній купецъ сдѣлалъ, по совѣту газеты, вѣялку». А вотъ не менѣе интересныя извѣстія о примѣненіи въ деревнѣ газетныхъ совѣтовъ изъ области ремеслъ. «Научились чернить овчины: у насъ занимается нѣсколько человекъ выдѣлкой овчинъ, но хорошо, по черному, не могли дѣлать. Я получилъ одинъ № и прочиталъ, какъ дѣлать. Пошелъ къ нимъ въ овчиную и прочиталъ, какъ дѣлать. Съ тѣхъ поръ они стали дѣлать овчины хорошо». «По ремесламъ многіе теперь научились красить пряжу и холстъ въ синій и красный цвѣта и за все это благодарятъ «Вятскую Газету». «Я самъ беру примѣры газеты и устроилъ толчею фосфоритовъ, крашу анилиновой краской, конго, пурпуриномъ, индигомъ. Устраиваю кузницу. Еще нужнымъ нахожу приводъ для молотилки». «Всѣ женщины красятъ свои ткани положительно по совѣту ремесленной газеты». «Поняли статьи о кирпичныхъ заводахъ и теперь работаютъ во всемъ обществѣ». «Согласно газетѣ, закрылъ я баню несгораемою глиносоломенной крышею, которая у меня вышла хороша. И сталъ предлагать я прочимъ крестьянамъ; въ настоящее время кроютъ уже многіе» и т. д.

Благодѣтельное водѣйствіе газеты на деревенскую массу не ограничивается однимъ только примѣненіемъ и провѣркой совѣтовъ, находимыхъ въ газетѣ; по отзывамъ «Вятской Газеты» крестьяне покупаютъ книги по всевозможнымъ

отраслямъ сельскаго хозяйства: по травосѣянію, полеводству, льноводству, садоводству, птицеводству, скотоводству, пчеловодству, а также по медицинѣ, ветеринаріи, ремесламъ и т. д., не исключая дешеваго изданія законовъ и брошюръ: «Какъ живутъ китайцы», «О куреніи табаку» и др. «Я думаю,— говоритъ одинъ деревенскій корреспондентъ,— не осталось ни одного такого отзыва, по которому не покупались бы книги. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ слышать просьбу отъ читателей, когда я буду въ Вяткѣ, чтобы купилъ для него книгу, вычитанную изъ «Вятской Газеты».

Всѣ эти свѣдѣнія, полученныя или отъ самихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, или отъ лицъ, близко знакомыхъ съ ихъ бытомъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ той громадной пользѣ, которую можетъ приносить умѣло редактируемая народная газета, подобная «Вятской Газетѣ». Большая золотая медаль, присужденная 16-го марта нынѣшняго года Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ Вятскому губернскому земству «за просвѣщенную и энергичную дѣятельность его по изданію въ 1894—1899 гг. «Вятской Газеты» и за широкое распространеніе среди народа», является вполне заслуженной наградой для земскихъ дѣятелей за ихъ благородныя усилія внести свѣтъ знанія въ темную крестьянскую массу. Нельзя не пожелать, чтобы и другимъ земствамъ удалось завести подобные органы для распространенія въ народѣ практическихъ знаній и расширенія его умственнаго горизонта. Интересующіеся дѣломъ изданія народной газеты найдутъ въ «Матеріалахъ», обработанныхъ г. Михайловымъ, рядъ цѣнныхъ указаній по этому вопросу.

С. Ашевскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Временныя правила. Министръ внутреннихъ дѣлъ, при рапортѣ, отъ 29-го іюля 1899 года, за № 9763, представилъ Правительствующему Сенату, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе, ниже слѣдующія временныя правила, выработанныя въ особомъ совѣщаніи министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Финансовъ, Военнаго и управляющаго Министерствомъ Юстиціи, и удостоившіяся, 29-го іюля сего года, Высочайшаго утвержденія.

Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.

Ст. 1. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ таковому уклоненію, подлежатъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію—въ войска для отбыванія воинской повинности,—хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывнаго возраста, или же вынули по жеребью нумеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ.

Примѣчаніе. Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ

2. Для разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ указанныхъ въ предыдущей (1) статьѣ,—при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній учреждается особое совѣщаніе, въ составѣ: предсѣдателя и членовъ педагогической коллегіи, коей дѣйствующимъ уставомъ учебнаго заведенія предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ Военнаго, Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи.

Въ совѣщаніяхъ, учрежденныхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, предсѣдательствуютъ попечители мѣстныхъ учебныхъ округовъ, а въ случаѣ необходимости одновременнаго, въ предѣлахъ того же округа, дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній—особо назначенныя для сего министромъ лица. Предсѣдательствованіе въ совѣщаніяхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ поручается подлежащими министрами особо назначеннымъ ими лицамъ.

3. Особыя совѣщанія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ, указанныхъ въ статьѣ 2, по непосредственнымъ распоряженіямъ подлежащихъ министровъ.

4. Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе по выслушаніи словесныхъ или по разсмотрѣнію представленныхъ, до открытія засѣданія, письменныхъ объясненій обвиняемаго. Неявка обвиняемаго по вызову и непредставленіе имъ своевременно письменныхъ объясненій не останавливаютъ постановленія о немъ опредѣленія совѣщанія.

5. Постановляя опредѣленіе объ удаленіи обвиняемаго изъ учебнаго заведенія, особое совѣщаніе, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываетъ обязательный для удаляемаго срокъ службы въ войскахъ, въ размѣрѣ одного или двухъ лѣтъ.

Совѣщанію предоставляется назначать срокъ службы въ размѣрѣ трехъ лѣтъ тѣмъ изъ удаляемыхъ, кои принимали особо вредное въ безпорядкахъ участіе.

6. Опредѣленіе особаго совѣщанія представляется подлежащему министру, коимъ постановляется окончательное по дѣлу рѣшеніе.

Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ.

7. Подлежащій, на основаніи рѣшенія министра, зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности (ст. 1), передается немедленно въ распоряженіе военнаго начальства.

8. Подлежащій зачисленію въ войска (ст. 7), оказавшійся, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, неспособнымъ къ службѣ въ строю, опредѣляется на должности нестроевья.

9. Военному министру предоставляется всеподданнѣйше ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи отъ военной службы нижнихъ чиновъ, кои, будучи зачислены въ войска на основаніи настоящихъ правилъ, отбыли воинскую повинность въ теченіе не менѣе годичнаго срока и, по засвидѣтельствованію начальства, отличались, во время прохожденія службы, одобрительнымъ поведеніемъ и ревностнымъ исполненіемъ служебнаго долга.

10. Проступки (ст. 1) исправно отбывшихъ службу въ войскахъ на основаніи настоящихъ правилъ, предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу на общемъ основаніи.

Изъ поѣздки къ голодающимъ. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ печатаются отзывы и воспоминанія лицъ, работавшихъ въ мѣстностяхъ, потерпѣвшихъ отъ неурожаа. Всѣ эти замѣтки написаны на одну общую тему, хотя рѣчь идетъ о разныхъ мѣстностяхъ. Авторы указываютъ на сильно пошатнувшееся народное хозяйство, которому трудно подняться собственными силами. Такъ, г. Наживинъ, побывшій въ іюнѣ сильно пострадавшіе уѣзды Уфимской губ. Мензелинскій и Белебеевскій, пишетъ: «Какъ ни какъ, гроза теперь пронеслась, унеса многія и многія жертвы; но въ ужасномъ положеніи остался край, гдѣ она прошла. Нужны особенно благоприятныя условія и долгое время, чтобы разоренное въ конецъ крестьянство могло встать опять на ноги. Надѣяться на эти условія, на рядъ урожайныхъ лѣтъ, — шаткая это надежда! Нужна все-таки помощь со стороны. На дняхъ закроются всѣ столовыя въ край, и крестьянинъ опять останется лицомъ къ лицу съ возможной голодовкой, совершенно безпомощный. О какой борьбѣ можетъ думать деревня, въ которой одинъ годъ унесъ $\frac{2}{3}$ и даже болѣе скота, поднялъ на 50% число безлошадныхъ, раскрылъ всѣ дворы и избы? Въ большинствѣ случаевъ, урожай нынѣшняго года будетъ хорошъ въ этихъ мѣстахъ, но что будутъ дѣлать тѣ деревни, гдѣ опять нѣтъ хлѣба, какъ въ Юртовѣ, — гдѣ его вымыло небывало высокимъ разливомъ Камы, — какъ Ямяково, гдѣ яровыя уничтожены червемъ, какъ несчастная переселенческая деревня Георгіевка, гдѣ засуха и вѣтры сдѣлали свое дѣло? Будущее для этихъ деревень — грозный, гигантскій знакъ вопроса: переживемъ или нѣтъ?.. А этихъ деревень не одна...

«Особенно тяжело положеніе георгіевцевъ; переселились они очень недавно и вынесли уже два года недорода и третій полный неурожая *подрядъ*; нынче у нихъ хлѣбъ опять уродился плохо... Изъ зажиточныхъ и даже богатыхъ мужиковъ—георгіевцы переселились съ «естью», какъ говорятъ они,—они превратились въ нищихъ въ четыре года. *На удачу* я выбралъ шесть домовъ изъ деревни. Одинъ изъ хозяевъ имѣлъ до голодовки 3 лошади, 2 коровы, 2 теленка, 2 жеребенка, 16 головъ мелкаго скота; осталось: 1 корова, 1 лошадь, 1 овца; у другого было всего 21 голова, на дворѣ—осталась 1 лошадь; у третьяго: было 32 головы—осталось 4 (сыновья на заработкахъ—двое); у четвертаго было 23 головы—осталась одна лошадь; у пятаго было 22 головы—осталась 1 лошадь; у шестого было 9 лошадей, 7 коровъ, 70 овецъ, до десятка свиней, итого 96 головъ—осталось 2 лошади, 3 овцы, 2 коровы, итого 7 головъ. Остальной скотъ либо проданъ за безцѣнокъ, либо поколѣлъ съ голода, шоссѣ того какъ скормили всѣ крыши и весь «катунъ» въ степи («перекати поле») —невозможную колючку, продававшуюся по 3 руб. за возъ. Эти дворы мною выбраны на удачу, какъ я сказалъ; вотъ еще нѣсколько цифръ. Деревня дѣлится на четыре слободы, и въ одной изъ нихъ (взятой тоже наудачу) было до голодовки 400 овецъ, осталось—12, было 80 коровъ—осталось 23. Безлошадныхъ въ этой деревнѣ только 20 проц., что объясняется извѣстнымъ достаткомъ георгіевцевъ до голодовки. Говорю «только 20 проц.», потому что этотъ процентъ сравнительно невысокъ; есть деревни, гдѣ онъ поднимается до 50,—напр., с. Рангазаръ, гдѣ до голодовки было 23 проц. безлошадныхъ, а послѣ стало 43 проц.; изъ общаго числа 212 дворовъ осталось тамъ безъ всякой скотины, «курицы даже нѣтъ»—66. Какъ же можетъ подняться такая деревня безъ помощи? Для того, чтобы картина была полна, слѣдуетъ прибавить, что топлива почти нигдѣ нѣтъ; лѣса выведены уже, а кизякъ, т. е. навозъ, зависить опять отъ урожая: есть солома,—значить, есть топливо, нѣтъ соломы,—значить, жги... Но жечь уже осталось нечего: сожжены въ избахъ стропила, полаты, полы, скамьи.—все, что можно только было сжечь; часто даже сожжены самыя избы, и къ «безлошаднымъ» и «безскотиннымъ» прибавились еще бездомовные. Зимой, когда въ жестокую стужу топить было нечемъ, двѣ семьи заключали договоръ: одна семья обязывается пугить въ свою избу другую семью, за что та, въ свою очередь, приноситъ свою избу на топливо. Такимъ образомъ, изба въ $4 \times 5 \times 2\frac{1}{2}$ арш. вмѣщала въ себѣ двѣ семьи, одна изъ которыхъ, съ наступленіемъ весны, очутилась безъ всякаго крова. Прибавьте къ этому, что и до голодовки въ каждой деревнѣ вы могли найти, вмѣсто избъ, нѣсколько ужаснѣйшихъ землянокъ, норъ, въ которыя можно проникнуть лишь чуть-чуть не ползкомъ, гдѣ весною, во время таянія снѣговъ, на полу скопляется вода, гдѣ стѣны сыры и липки, гдѣ нѣтъ ни воздуха, ни свѣта. Самая плохая изба центральной Россіи кажется очень хорошою постройкой въ сравненіи съ этими землянками...

«И такія-то вотъ деревни тянулись на всѣмъ пути моемъ отъ Пьянаго Бора до Уфы, причемъ Мензелинскому уѣзду надо отдать пальму первенства въ смыслѣ разоренности и ужающей внѣшности деревень; Белебевскій уѣздъ сравнительно менѣе былъ затронутъ голодовкой, да и населеніе тамъ, кажется, было до голодовки зажиточнѣе... И тѣмъ тяжелѣе было впечатлѣніе отъ этихъ разоренныхъ гнѣздъ, что край-то самъ по себѣ кажется богатымъ: превосходный черноземъ, чудные заливные луга и зеленый океанъ, красавица-степь съ своимъ серебристымъ ковылемъ; въ рѣкахъ и озерахъ масса рыбы, лѣса и степи полны дичи, на поляхъ волнуется подъ вѣтромъ высокая рожь, уже зацвѣтшая. На видъ, кажется... земля обѣтованная, съ молочными рѣками и кисельными берегами, а въѣдешь въ деревню—сердце сожмется отъ жалости и тоски».

Далѣ авторъ горячо возстаєтъ противъ обвиненій мужика въ лѣности и т. п. «Одно время, — говоритъ онъ, — въ печати раздались голоса, — пришлось ихъ слышать и на мѣстахъ голодовокъ. — утверждавшіе, что крестьянинъ «измѣнился», благодаря даровой «кормежкѣ». Я въ принципѣ тоже противъ этой «кормежки», но надо же разобраться въ такихъ обвиненіяхъ, бросаемыхъ въ лицо голодающему крестьянству... Дѣйствительно, часто приходилось наблюдать отказы крестьянъ отъ предлагаемыхъ имъ работъ, но эти отказы всегда имѣли свой *raison d'être*... Мнѣ пришлось видѣть данныя по нѣкоторымъ волостямъ Казанской и Уфимской губерніи о количествѣ выданныхъ паспортовъ. Съ наступленіемъ голодовки число это значительно возросло противъ числа за соотвѣтствующій періодъ прошлаго года, затѣмъ вдругъ сразу упало, и во 2-ю четверть 1899 года паспортовъ было выдано значительно меньше, чѣмъ за 2-ю четверть 1898 года. Съ наступленіемъ голодовки громадною волной хлынуло населеніе на Уралъ и на Волгу... въ поискахъ за работой; всюду оказался излишекъ рабочихъ рукъ, и цѣны на нихъ страшно упали. Помазавшись нѣкоторое время въ безплодныхъ поискахъ за работой, пострадавшее населеніе также беспорядочно отлынуло назадъ, проѣвъ послѣдніе гроши на дорогу, распродавъ за безцѣнокъ лошадей и сбрую, питааясь Христовымъ именемъ. Мнѣ рассказывали, что на золотыхъ пріискахъ Южнаго Урала спросъ на работу былъ такъ великъ, что рабочихъ не брали даже *изъ-за куска хлѣба*; въ Пермской губерніи на заводахъ рабочихъ принимали по 45 коп. въ день, но *въ недѣлю* можно было имѣть лишь двѣ смѣны, т. е. заработать 90 коп. Мнѣ извѣстно много случаевъ возвращенія крестьянъ изъ Уфы, куда они отправились на лошадяхъ на заработки изъ лѣсныхъ заготовки и откуда вернулись, *проезъ все*... въ напрасныхъ поискахъ хоть какой-нибудь работы. Что же удивительнаго, что напуганное такимъ образомъ населеніе, въ концѣ концовъ, предпочло сидѣть дома, получая свои «35 ф. на ѣдока» и ковшь похлѣбки изъ столовой?»

«Указывалось на то обстоятельство, что населеніе не идетъ на работы и къ мѣстнымъ помѣщикамъ, къ своимъ богатымъ односельчанамъ. Спросишь цѣны — и разгадка сразу найдена. Пользуясь безвыходнымъ положеніемъ населенія и, благодаря неурожаю, неимѣющие возможности платить настоящіе цѣны землевладѣльцы старались нанимать рабочихъ чуть не даромъ; *минимум* пониженія цѣнъ было 50 проц. Поденная плата доходила до 10 коп. *въ сутки на своихъ харчахъ*. Что же удивительнаго, если приготовить князю, напримѣръ, — каторжная работа, — за гривенникъ въ день оказалось мало охотниковъ?»

Экономическое значеніе грамотности. Въ «С.-Пет. Вѣдомостяхъ» помѣщена поучительная замѣтка объ экономическомъ значеніи грамотности, — вопросъ, имѣющей большое значеніе въ наше время.

«Въ текущемъ году исполнился 25-лѣтній юбилей ситценабивной мануфактуры товарищества «Эмилъ Циндель» въ Москвѣ. По этому поводу появился въ свѣтъ юбилейный историко-статистическій очеркъ названной фирмы, заслуживающій вниманія каждаго, интересующагося судьбами нашей крупной капиталистической индустріи. Для насъ, однако, въ данномъ случаѣ интересны не эти судьбы, а тѣ поучительныя свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ названномъ очеркѣ по вопросу объ экономическомъ значеніи грамотности. Осенью 1895 г. завѣдывающій училищемъ названной мануфактуры П. М. Шестаковъ, по особе составленной программѣ, произвелъ опросъ всѣхъ бывшихъ тогда на лицо рабочихъ. Оказалось, что грамотныхъ, въ общемъ, среди рабочихъ 58,2%, причѣмъ особо по поламъ у мужчинъ число грамотныхъ повышается до 70,6%, а у женщинъ падаетъ до 8%. Но одновременно съ вопросомъ о грамотности рабочимъ ставился также вопросъ о получаемой ими заработной платѣ. Оказалось,

что поденная заработная плата грамотных и неграмотных существенно разнится не только въ общемъ, но и по каждому отдѣльному роду работъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Названіе мастерскихъ.	З а р а б о т о к ъ.		Разность въ пользу грамотныхъ.
	Грамотнаго.	Неграмотн.	
Раклисты.	2 р. 22,5 к.	1 р. 83,5 к.	+ 39,0 к.
Отдѣлочная.	36,1 »	46,4 »	— 10,3 »
Плюссовальня.	41,3 »	43,3 »	— 2,0 »
Отбѣльная.	44,1 »	41,7 »	+ 2,4 »
Набивная.	44,5 »	43,7 »	+ 0,8 »
Складальня.	60,9 »	59,3 »	+ 1,6 »
Брасильня.	53,8 »	45,2 »	+ 8,6 »
Плотницкая.	73,9 »	59,9 »	+ 14,0 »
Граверная.	1 р. 03,2 »	98,9 »	+ 4,3 »
Мабраторія.	46,7 »	56,8 »	— 10,1 »
Кладовая.	49,8 »	44,2 »	+ 5,6 »
Слесарная.	88,6 »	89,1 »	— 0,5 »
Запарная.	42,9 »	39,9 »	+ 3,0 »

«Такимъ образомъ, изъ 13 случаевъ въ 9-ти заработка грамотнаго рабочаго превышаетъ заработокъ неграмотнаго, причемъ разность въ пользу первого достигаетъ иногда 39 коп. въ день. Еще болѣе рельефно сказалась зависимость высоты заработка отъ грамотности, когда устранено было вліяніе на заработка опыта рабочаго. Сопоставленіе данныхъ о числѣ лѣтъ, прожитыхъ рабочимъ на фабрикѣ, и данныхъ объ ихъ возрастѣ показало полную пропорціональность первыхъ съ послѣдними. Это дало возможность воспользоваться данными о возрастѣ рабочихъ, съ цѣлью выяснитъ указанное явленіе. Всѣ рабочіе (мужчины) были разбиты на 10 возрастныхъ группъ, причемъ было вычислено, сколько при одномъ и томъ же возрастѣ, а слѣдовательно при одной и той же опытности, рабочіе получаютъ при условіи, что одна изъ нихъ — грамотные, а другіе — неграмотные. Результаты этихъ вычисленій представлены въ слѣдующей таблицѣ:

В о з р а с т ъ.	З а р а б о т о к ъ.		Разность въ пользу грамотныхъ.	
	Грамотнаго.	Неграмотнаго.	Въ к.	Въ %.
15—20 лѣтъ.	35,5	31,1	+ 2,4	+ 8%
20—25 »	51,0	45,6	+ 5,4	+ 13%
25—30 »	62,1	48,2	+ 13,9	+ 25%
30—35 »	89,7	59,8	+ 29,9	+ 50%
35—40 »	88,5	64,8	+ 27,7	+ 37%
40—45 »	88,9	69,7	+ 19,2	+ 28%
45—50 »	107,5	71,4	+ 36,1	+ 51%
50—55 »	85,4	80,1	+ 5,3	+ 7%
55—60 »	104,3	73,0	+ 31,3	+ 43%
60 и болѣе »	63,8	88,8	— 25,0	— 28%

«Эти данныя свидѣтельствуютъ, что изъ 10 случаевъ въ 9-ти грамотный рабочій получаетъ болѣе неграмотнаго, хотя опытность въ работѣ, поскольку она обуславливается продолжительностью пребыванія на фабрикѣ, остается въ томъ и другомъ случаѣ одинаковой. Трудно послѣ этого сомнѣваться въ прямой и непосредственной матеріальной выгодѣ грамотности для рабочаго, не говоря уже, вообще, о пользѣ, приносимой ею».

Духоборы въ Квебекѣ. Въ «Сынѣ Отечества» продолжаютъ сообщенія о четвертой партіи духоборовъ, прибывшей въ Америку на пароходѣ «Lake Huron». На этотъ разъ авторъ корреспонденціи сообщаетъ свѣдѣнія о системѣ пріема эмигрантовъ.

«Хорошей иллюстраціей къ организаціи этого дѣла, — пишетъ онъ, — можетъ

служить приѣмъ нашего парохода. Нашъ пароходъ на которомъ помѣстилось 600 человѣкъ, подошелъ къ Квебекской пристани въ 6 час. вечера. На пристани насъ поджидалъ мистеръ П. Дойль (P. Doyle),—правительственный эмиграціонный агентъ, постоянно живущій въ Квебекѣ; на его обязанности лежатъ встрѣча переселенцевъ и транспортированіе ихъ на западъ Канады и въ другія мѣста. М-г Дойль—очень привлекательный, добрый старикъ, вѣчно хлопочущій, устранивающій все и всѣхъ, проводящій на ногахъ весьма долгій рабочий день: онъ являлся ежедневно въ эмигрантскій домъ въ 9 час. утра и уходилъ въ 11 час. вечера, обѣдая тутъ же, въ гостинницѣ.

«Какъ только была разрѣшена высадка, прибывшимъ духоборамъ предложили отправиться безъ багажа въ эмигрантское помѣщеніе, чтобы ознакомиться съ нимъ, а потомъ уже и размѣститься».

Само собою разумѣется, что эмигрантское помѣщеніе не имѣетъ ничего общаго съ нашими отечественными переселенческими бараками на переселенческихъ пунктахъ.

«Эмигрантское помѣщеніе—это громадное, заново отдѣланное зданіе, въ которомъ можетъ помѣститься 1.500 чел. Оно напоминаетъ вокзалъ. Въ центральномъ громадномъ, чистомъ залѣ, съ электрическими освѣщеніемъ, помѣщается буфетъ и лавка съ краснымъ товаромъ, гдѣ можно купить все необходимое по рыночнымъ цѣнамъ. Тутъ же, по стѣнамъ, расположены обѣденные столы, скамьи, стулья. Въ этомъ же залѣ находится мѣняльная касса, телеграфъ и почтовый ящикъ.

«Во второмъ этажѣ имѣется еще два зала для эмигрантовъ; въ этомъ же этажѣ находятся пятнадцать просторныхъ отдѣльныхъ комнатъ, въ которыя и были размѣщены старые, больные и слабые духоборы.

«Въ то время, какъ прибывшая партія осматривала помѣщенія, сто человѣкъ рабочихъ,—на этотъ разъ ранѣе прибывшіе духоборы,—выгружали багажъ съ парохода.

«Осмотрѣвъ помѣщенія, мужчины вернулись на пристань за своимъ багажемъ, а женщины и дѣти остались въ залѣ. Ни тѣмъ, ни другимъ не позволено было таскать багажъ, такъ какъ англичане заявили, что «лѣди—духоборки и дѣти могутъ устать и надорваться» и что «для нихъ это—слишкомъ тяжелая работа».

«Когда духоборки узнали, почему ихъ не пускаютъ, онѣ весело смѣясь, говорили, что и имъ, бабамъ, пришелъ праздникъ. «Хотятъ изъ насъ сдѣлать барынь,—говорили нѣкоторыя изъ нихъ,—да мы къ этому непривычны».

«Но, несмотря на то, что онѣ «къ этому непривычны», духоборки съ удивлѣніемъ исполнили желаніе англичанъ.

«Очень мало сходства также оказывается между американскими эмигрантскими и нашими переселенческими поѣздами.

«Каждый поѣздъ на 400 человѣкъ, везущій переселенцевъ прямымъ сообщеніемъ на далекій западъ, состоялъ изъ 8 большихъ пассажирскихъ спальныхъ вагоновъ, со всѣми необходимыми удобствами для дальняго путешествія. Между прочимъ, на каждые 4 вагона полагалась одна плита, на которой во время пути духоборы варили себѣ борщъ, чай, пекли картошку и проч. Кромѣ этихъ восьми вагоновъ, въ каждомъ поѣздѣ былъ еще одинъ багажный, въ которомъ хранился сопровождавшій поѣздъ чиновникъ; въ этомъ же вагонѣ находился часто возобновляемый запасъ свѣжей воды, молоко для дѣтей, хлѣбъ, сахаръ, сыръ, всякая необходимая посуда, метлы, полотенца и проч., проч.

«Въ послѣдней партіи оказалось 178 душъ, не имѣвшихъ ни хлѣба, ни денегъ, и на ихъ долю сейчасъ же стали отпускать по 2 фунта хлѣба въ день на душу, по 1/2 фунта сыра и достаточное количество чаю, сахара и соли».

Изъ хроники переселенія. Челябинскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о движеніи переселенцевъ въ Сибирь, по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ. Прежде движеніе направлялось по Пермь-тюменской дорогѣ на Тюмень, служившую какъ бы воротами Сибири. Теперь роль этого пункта измѣнилась. Движеніе переселенцевъ черезъ Тюмень еще не прекратилось, но значительно уменьшилось. За-то крупнымъ центральнымъ пунктомъ, гдѣ скопляются переселенцы для того, чтобы разойтись по разнымъ направленіямъ Сибири, сдѣлался Челябинскъ. Особенно достойно при этомъ вниманія то, что съ открытіемъ сибирскаго рельсоваго пути колонизаціонное движеніе значительно упорядочилось со стороны своей санитарной обстановки.

«Съ 1895 года движеніе черезъ Тюмень сократилось до 17-ти тысячъ, между тѣмъ какъ черезъ Челябинскъ оно превзошло 90 тыс. По рельсовому пути переселенцы доходили въ этомъ году уже до Омска (свыше 700 верстъ отъ Челябинска), и движеніе сдѣлалось съ этого времени непрерывнымъ въ теченіе всего года, тогда какъ на старомъ пути главная масса переселенцевъ проходила исключительно въ періодъ навигаціи по Камѣ, и на зиму движеніе совершенно стихало. Съ проведеніемъ Екатеринбургской вѣтви часть переселенцевъ, направлявшихся по Пермь-тюменской дорогѣ, могла сворачивать черезъ Екатеринбургъ къ Челябинску. Въ 1896 году челябинскія ворота приняли уже свыше 190 тысячъ, на Тюмень же прошло лишь около 12-ти тысячъ. Такихъ размѣровъ переселеніе на востокъ достигло впервые. Новый, неустроенный еще путь былъ весьма слабо оборудованъ въ санитарномъ отношеніи. Болѣе или менѣе приспособленный пунктъ былъ только въ Омскѣ, на ст. Оби, Средне-сибирской желѣзной дороги, и въ Челябинскѣ пріемники для переселенцевъ строились и приспособлялись. Важное преимущество новаго пути—быстрота передвиженія—сказалось уже на размѣрахъ смертности среди переселенцевъ. Въ 1894 г., когда черезъ Тюмень проходило около 56-ти тысячъ, смертность въ пути достигала 3-хъ тысячъ,—причемъ въ одной Тюмени умерло до 1,000 человекъ; въ 1896 году на новомъ пути до р. Оби, на 200 тысячъ слышкомъ смертность достигла только 700 съ небольшимъ. Съ того времени, по мѣрѣ устройства санитарной части, смертность между переселенцами въ пути продолжала значительно понижаться. Въ 1897 году наплывъ переселенцевъ замѣтно сократился: прошло не болѣе 86-ти тысячъ,—смертность въ челябинскихъ воротахъ не превышала 262-хъ случаевъ. Съ этого года движеніе черезъ Тюмень не поднималось болѣе 2-хъ тысячъ въ годъ. Въ прошломъ году размѣры переселенія снова услалились, и чрезъ Челябинскъ прошло до 200 тысячъ (смертныхъ случаевъ здѣсь 183). Наконецъ въ текущемъ году за шесть мѣсяцевъ въ Сибирь пропущено уже болѣе 164-хъ тыс. Изъ этого числа на январь приходится около 10-ти тыс., на февраль—болѣе 12-ти тыс., на мартъ—свыше 31-й тыс., въ апрѣлѣ—до 25-ти тыс., въ маѣ—до 58-ми тыс. и остальные—въ іюнѣ. Санитарное состояніе переселенческихъ партій, благодаря принятымъ мѣрамъ, сравнительно съ прежними годами, довольно благополучно: число смертныхъ случаевъ въ Челябинскѣ за полгода было около 100. Въ истекшіе полгода движеніе услалилось сравнительно съ прошлымъ годомъ почти на 30 тысячъ; смертность ослабла».

Однако все-же санитарныя условія передвиженія переселенцевъ требовали бы нѣкоторыхъ улучшеній. Такъ, «переселенческіе поѣзды состоятъ изъ обыкновенныхъ товарныхъ вагоновъ, болѣе или менѣе приспособленныхъ для перевозки людей, а тѣснога въ нихъ, скученность пассажировъ бываютъ значительныя. А это ведетъ къ инфекціоннымъ заболѣваніямъ, особенно опаснымъ для дѣтей переселенцевъ».

Что читаетъ народъ. Въ «Сынѣ Отечества» помѣщенъ отчетъ о работѣ воронежскихъ статистиковъ по вопросу о народномъ образованіи. Отчетъ констатируетъ прежде всего замѣтный ростъ интереса къ книгѣ и потребности въ чтеніи. «Въ настоящее время стремленіе къ образованію въ народѣ настолько сильно, что школьныя зданія не могутъ вмѣстятъ всѣхъ желающихъ учиться. Сельскіе сходы безпрестанно ходатайствуютъ объ открытіи библиотекъ, устройствѣ читальнъ, закупкѣ книгъ и т. п., причѣмъ не останавливаются предъ затратами, ассигнуя на библиотеки сравнительно крупныя для крестьянина суммы. «Кто не видѣлъ деревни раньше, тотъ не можетъ даже представить себѣ тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ умственныхъ потребностяхъ земледѣльцевъ», замѣчаетъ Ф. А. Щербина. Особенно интересный матеріалъ заключается въ попыткѣ подвергнуть статистическому изслѣдованію вопросъ объ отношеніи крестьянскаго населенія къ книгѣ.

«Еще раньше, во время подворной переписи въ Воронежской губерніи по Нижнедѣвицкому уѣзду, статистиками было зарегистрировано 14.080 книгъ; затѣмъ, при помощи сельскихъ учителей, собранъ былъ обильный матеріалъ о книгахъ по извѣстной программѣ Пругавина; описи книгъ были составлены по 14 селеніямъ трехъ уѣздовъ, причѣмъ было опрошено приблизительно до 2¹/₂ тысячъ дворовъ и записано 28.728 книгъ; наконецъ, въ 1897 году, при изслѣдованіи положенія народнаго образованія въ Павловскомъ и Богучарскомъ уѣздахъ, статистиками были собраны подробныя свѣдѣнія о 1.549 книгахъ у 114 человекъ. Въ послѣднемъ случаѣ преслѣдовалась специальная цѣль выяснитъ на типичныхъ случаяхъ, какія книги распространены въ мелкихъ селеніяхъ, не имѣющихъ школъ и удаленныхъ отъ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ; для такой цѣли и не требовалось сплошнаго опроса населенія. Такимъ образомъ общая характеристика книгъ, приводимая въ разсматриваемомъ трудѣ, основывается слишкомъ на 44 тысячахъ экземпляровъ.

«При распредѣленіи книгъ по разрядамъ, въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ получило почти полное совпаденіе процентныхъ отношеній; это обстоятельство заставляетъ предполагать, что установленное отношеніе вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности.

«Если вывести процентное отношеніе къ общему количеству книгъ по двумъ уѣздамъ, то получатся слѣдующія цифры: въ составѣ обращающихся въ мелкихъ селеніяхъ книгъ приходится на церковныя 24,1 проц., духовно-нравственныя 23,6 проц. житія святыхъ—21,6 проц., разныя свѣтскія книги—12,7 проц., учебники—11,3 проц., сказки—2,8 проц., научно-популярныя книжки—2,1 проц. и произведенія извѣстныхъ авторовъ—1,8 проц.

«Матеріалъ, собранный раньше по программѣ Пругавина, даетъ возможность разбить составъ читаемыхъ народомъ книгъ на болѣе детальныя группы. Изъ общаго числа 28.728 зарегистрированныхъ книгъ приходится на долю «житія»—33,7 пр., разныхъ свѣтскихъ—11,7 проц., духовно-нравственныхъ—10,3 проц., историческихъ и географическихъ—8,9 проц., сказокъ—7,6 проц., произведеній извѣстныхъ авторовъ—7,3 проц., церковныхъ—6,5 проц., календарей—3,2 проц., сонниковъ и оракуловъ—2,8 проц., учебныхъ—2,2 проц., естественно-историческихъ—1,8 проц., сельскохозяйственныхъ—1,7 проц., медицинскихъ—1,2 проц., пѣсенниковъ—0,9 проц., юридическихъ—0,2 проц. Въ сравненіи съ данными по двумъ вышеупомянутымъ уѣздамъ, этотъ рядъ цифръ нѣсколько отличается, что объясняется, повидимому, другимъ характеромъ населенія. Послѣднія свѣдѣнія собирались по крупнымъ селеніямъ, съ значительнымъ процентомъ промысловаго населенія.

«Изъ духовно-нравственныхъ книжекъ изслѣдователи отмѣчаютъ тропицкіе листки, душеполезныя размышленія изд. св. Аѳонской горы, творенія Дмитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго и рядъ другихъ, преимущественно лубочныхъ

изданій съ заманчивыми заглавіями, на которыя такъ искусны издатели Никольскаго рынка. Самый обширный отдѣлъ народныхъ изданій, пользующейся большимъ спросомъ со стороны населенія, представляютъ житія святыхъ. Составитель, сводя отзывы читателей-крестьянъ о такого рода книгахъ, замѣчаетъ: «совмѣщая въ себѣ элементы чудеснаго, духовнаго и поучительнаго, представляя въ то же время рассказы о страдальческой жизни святого человѣка, иногда о цѣлой эпохѣ, житіе сразу дѣйствуетъ на воображеніе, умъ и сердце нетребовательнаго читателя, чѣмъ и объясняется успѣхъ изданій этого рода и широкое распространеніе ихъ въ народѣ».

«На долю книгъ свѣтскаго содержанія (соединяя въ одну группу беллетристическія произведенія, научно-популярныя и справочныя книги) приходится всего 47,3 проц. Изъ беллетристическихъ книгъ произведенія извѣстныхъ писателей составляютъ 7,3 проц., повѣсти и рассказы неизвѣстныхъ авторовъ, главнымъ образомъ, дубочныя изданія—11,7 проц. и сказки—7,6 проц. На долю сказокъ въ дѣйствительности падаетъ гораздо больший процентъ, такъ какъ сказки Л. Толстого, Пушкина, Жуковскаго и Андерсена были выдѣлены отсюда. Вообще, сказки послѣ «житій» являются наиболѣе распространенной книгой среди народа. Сказки читаются не только дѣтьми, но и взрослыми изъ молодыхъ. Сказками снабжаютъ деревню до сихъ поръ московскіе дубочные издатели. Вообще нужно замѣтить, что хорошая книга съ трудомъ попадаетъ въ деревню, и не потому, что на нее нѣтъ требованія, а потому, что при условіяхъ нашей жизни назрѣвающая въ нашей деревнѣ потребность въ ней пока не можетъ еще получить законнаго удовлетворенія. Деревня читаетъ то, что ей предлагаютъ книгоноши и мелкіе торговцы книгами на ярмаркахъ и что возможно достать у грамотнаго сосѣда, священника или учителя. Изъ 30.000 книгъ, отмѣченныхъ въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, произведенія извѣстныхъ авторовъ составляютъ всего только 2.000.

«Эта цифра показываетъ число экземпляровъ, но не названій; число названій произведеній этихъ авторовъ крайне ограничено; по большей части все это мелкія произведенія, изданныя для народа. Такъ изъ произведеній Пушкина встрѣчаются только его сказки и небольшіе рассказы, изъ крупныхъ же лишь одно—«Капитанская дочка»; знакомство съ Григоровичемъ выражается тремя рассказами: «Пожаръ», «Прохожій» и «Свѣтлое Христово Воскресеніе»; изъ произведеній Лермоатова встрѣчается «Пѣсня про купца Балашникова» и нѣкоторыя стихотворенія.

«Программа, по которой велось изслѣдованіе, не захватывала вопроса о газетахъ, такъ какъ самый фактъ существованія ихъ у крестьянъ казался очень сомнительнымъ. Поэтому матеріалъ о газетахъ получился неполный и до нѣкоторой степени случайный; тѣмъ не менѣе и такой матеріалъ даетъ извѣстное освѣщеніе по этому вопросу. Вообще газета, сравнительно съ книгой, играть въ деревнѣ еще ничтожную роль. Навчаще встрѣчаются случаи чтенія «Сельскаго Вѣстника», а мѣстныхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей; отмѣтки о чтеніи другихъ газетъ даютъ 10 проц. для «Свѣта», 6,9 проц. для «Родины», 5,1 проц. для «Нивы» и 3,4 проц. для журнала «Вокругъ Свѣта».

«Сами крестьяне, однако, рѣдко выписываютъ газету (4 проц. общаго числа читателей), а обыкновенно берутъ читать изъ волостнаго правленія, у сельскаго учителя, священника, діакона, волостнаго писаря, фельдшера, землевладельца, лавочника.

«Относительно способа приобрѣтенія книгъ точныя свѣдѣнія имѣются по 8 крупнымъ селеніямъ. Изъ 100 книгъ, имѣющихся въ крестьянскихъ семьяхъ, почти 89 покупается, остальные же дарятся или вымѣниваются на холстъ, вѣтки, муку, яйца, зерно и другіе сельскіе продукты.

«Стоимость книги, приобретаемой деревней на деньги, очень невысока: въ среднемъ не болѣе 12 коп.».

На нефтяныхъ промыслахъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаны очень интересныя сообщенія г. Ивановича объ условіяхъ работъ на нефтяныхъ промыслахъ въ Баку. Нарисовавъ интересную картину общаго вида нефтяныхъ промысловъ, авторъ останавливается на условіяхъ работы и говоритъ: «Для того, чтобы разсмотрѣніе картины бакинской нефтепромышленности во всѣхъ подробностяхъ могло удовлетворить интересующагося вопросомъ о положеніи рабочихъ на этихъ промыслахъ, необходимо предварительное ознакомленіе съ послѣдствіями работы около нефти, которыя при личномъ наблюденіи могутъ быть и не замѣчены.

«Съ этой цѣлью передъ поѣздкой въ Балаханы я прочиталъ двѣ брошюры: «Несчастные случаи съ рабочими на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ за періодъ 1873—1897 гг. включительно» г. Истомина и «Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарномъ отношеніи» г. Бертенсона.

«Г. Истомина—секретарь совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ, имѣвшій подъ руками весь матеріалъ по данному вопросу. Г. Бертенсонъ—членъ горнаго ученаго комитета, командированный въ 1896 году министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ для изслѣдованія бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ и заводовъ въ санитарномъ отношеніи. Обѣ брошюры интересны какъ по фактическому матеріалу, такъ и по освѣщенію его съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія соответственно отношенію авторовъ къ бакинской нефтепромышленности.

«Г. Истомина смотритъ на несчастные случаи съ рабочими на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ съ точки зрѣнія нефтепромышленности. Онъ не отрицаетъ непріятія мѣръ предосторожности нефтепромышленниками, но главными виновниками смерти и увѣчья рабочихъ являются, по его брошюрѣ, сами рабочіе—ихъ неосторожность и неумѣлость.

«Г. Бертенсонъ, напротивъ, интересуется не успѣхами бакинской нефтепромышленности, а участью создающихъ эти успѣхи людей, и потому не можетъ съ объективностью автомата излагать факты человѣческихъ страданій и подчеркиваетъ ихъ основную причину.

«Въ брошюрѣ г. Истомина вычислено, что каждыя 27 милліоновъ пудовъ добытой нефти, кромѣ расхода на производство, стоятъ одной человѣческой жизни, а на каждыя 12 милліоновъ пудовъ приходится одинъ искалѣченный рабочій. Изъ каждыхъ 686-ти рабочихъ одинъ убивается на-смерть во время работы, а изъ 319-ти рабочихъ одинъ получаетъ увѣчье. На каждыя 2,580 сажень буровой скважины приходится одинъ убитый, а на каждыя 703 сажени—одинъ изувѣченный.

«Въ абсолютныхъ цифрахъ стоимость бакинской нефтепромышленности убитыми и тяжело ранеными выражается такъ: съ 1873 года по 1886 годъ, при общемъ числѣ рабочихъ 28.236, пострадавшихъ было 86, въ томъ числѣ убитыхъ 30; съ 1887 по 1897 годъ, при 66.358 рабочихъ, пострадало 349, въ томъ числѣ убито 108. Но эти цифры не выражаютъ всей потери здоровья рабочихъ на бакинскихъ промыслахъ, и вычислять ее точно при существующей регистраціи заболѣваній невозможно. Ихъ можно только отчасти пополнять цифрами лѣжившихся въ промысловыхъ больницахъ и пріемныхъ покояхъ. Въ 1896 году было вѣчныхъ больныхъ 1.524 и амбулаторныхъ 27.502; въ 1897 году первая цифра возросла до 2.166, а вторая—до 32.340. Но надо замѣтить, что не всѣ заболѣвающие обращаются за помощью въ больницы.

«Г. Бертенсонъ въ названной брошюрѣ говоритъ, что врачъ Керженевскій, по поводу двухъ тяжелыхъ случаевъ заболѣванія на промыслахъ (среди фон-

танныхъ рабочихъ), окончившихся смертью, высказывается такъ: «Сколько такихъ случаевъ бываетъ, сказать трудно, ибо при фонтанакъ работаютъ «гамшары», т. е. самые бѣднѣйшіе татары, о судьбѣ которыхъ никто не заботится, особенно если они работаютъ поденно: получили плату и ушелъ неизвѣстно куда».

«Къ этому г. Бертенсонъ прибавляетъ, что «замѣчаніе это вѣрно не только относительно «гамшарей», но и относительно персовъ, которые, заболѣвая, уходить съ работы, не заглядывая ни въ больницы, ни къ врачамъ».

«Войдемъ въ первую вышку и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

«Крытая досчатая галлерея ведетъ въ буровую башню. Она сколочена кое-какъ; между досками—щели, въ которыя съ визгомъ врывается свирѣпый бакинскій нордъ; съ нимъ влетаютъ и дождевыя капли. Земляной полъ грязный и скользкій. Крутая лѣстница ведетъ на вершину башни къ шкиву; подниматься по ней рискованно, въ особенности когда ступеньки ея мокры отъ дождя или отъ налившей на нихъ нефти. Смертельнымъ паденіемъ рискуютъ рабочіе, поднимаясь по этой лѣстницѣ на высоту 8—9 сажень. Съ 1892 по 1897 годъ зарегистрировано 20 случаевъ такого паденія, болѣе 3 случаевъ въ годъ, и не дальше какъ въ апрѣлѣ нынѣшняго года на промыслѣ Мангашева упалъ съ такой лѣстницы и разбился на-смерть бѣдняга Иса-Абдулла-Оглы, хотѣвшій поправить шкивъ. Помосты съ перилами кругомъ верхняго шкива стали устраивать только въ последнее время. Условія работъ на вышкѣ, по словамъ г. Бертенсона, не измѣнились: «самый верхъ вышки по-прежнему не имѣетъ никакихъ огражденій для безопасности работъ у шкива; какъ и прежде, у весьма немногихъ фирмъ существуютъ подобныя огражденія въ видѣ помоста съ деревянными перилами».

«Когда я вошелъ въ вышку, тамъ только-что окончили чистку буровой скважины, доведенной до 70-ти-саженной глубины, и приготовлялись къ продолженію буренія, которое до сихъ поръ доходило до максимальной глубины—249 сажень. Работа буренія очень медленная, требующая много физическихъ усилій. Прежде всего надо было прикрѣпить къ буру рукоятку въ 70 сажень. Она составляется изъ шести-саженныхъ штангъ. Рабочій, сидящій верху «на палатахъ», надѣваетъ штангу на крюкъ дѣпи, другой рабочій соединяетъ нижній конецъ этой штанги съ верхнимъ концомъ предыдущей, прикрѣпленной къ буру, и свнчиваетъ ихъ особыми «ключами»; затѣмъ вынимаютъ закладку, удерживающую штангу, она опускается въ буровую скважину до верхняго конца, опять задерживается закладкой и снова повторяется та же работа. Но вотъ опущена уже послѣдняя штанга. Образовавшаяся изъ нихъ рукоятка бура прикрѣпляется посредствомъ особаго приспособленія къ массивному шатуну. Работа—требующая большихъ усилій: четыре рабочихъ, налегая на ключи, ходятъ вокругъ устья буровой скважины и поютъ по-персидски что-то въ родѣ нашей «Дубинушки». Затѣмъ устраивается помостъ надъ буровой скважиной, двое рабочихъ становятся на него и схватываются за рукоятки. Шатунъ, точно громадный молотъ, начинаетъ вколачивать буръ тяжелыми ударами, а рабочіе поворачиваютъ его то въ одну, то въ другую сторону.

«Въ другой вышкѣ ловили застрявшее въ буровой скважинѣ золото бура. Четверо рабочихъ скручивали штанги, двигаясь вокругъ скважины и упираясь на ключи. Во время этой работы смерть слѣдитъ за каждымъ движеніемъ бурлаковъ нефтепромышленности и нерѣдко схватываетъ свою жертву. Посколькунется одинъ рабочій, ослабѣетъ вслѣдствіе этого сила, скручивающая штанги, и онѣ начинаютъ раскручиваться, ключи разлетаются и убиваютъ или калѣчатъ рабочихъ. Устанетъ какой-нибудь рабочій и ослабится его давленіе на ключъ или другой товарищъ усилитъ это давленіе—и опять штанги начинаютъ раскручиваться, грозя жизни рабочихъ. Можетъ соскочить ключъ со штанги, уменьшится сопротивленіе у забоя скважины, разорвется веревка, которой при-

крѣпляются ручки ключей къ штангамъ,—и ключи разбрасываются, какъ осколки разорвавшейся гранаты.

«Слѣдующая стадія работы производилась въ сосѣдней вышкѣ; это—тартаганіе, т. е. извлеченіе нефти изъ нѣдръ земли. Большой металлическій цилиндръ (желонка) опускается въ буровую скважину и наполняется тамъ нефтью. Тартальщикъ нажимаетъ рычагъ, и желонка быстро поднимается къверху. Вниманіе тартальщика сосредоточивается на устьѣ буровой скважины; онъ долженъ затормозить ходъ машины, какъ только желонка выскочила изъ буровой скважины. Эта работа, требующая напряженнаго вниманія, не дешево обходится тартальщикамъ; ихъ профессиональная болѣзнь—«нервная слабость и нервное истощеніе».

«По единогласному заявленію промысловыхъ врачей,—говорится въ брошюрѣ г. Бертенсона,—и горныхъ инженеровъ, близко стоящихъ къ нефтяному дѣлу, у тартальщиковъ, подъ вліяніемъ крайне однообразной работы, требующей сосредоточеннаго вниманія на одномъ предметѣ въ теченіе многихъ часовъ (не менѣе 12-ти—14-ти), является переутомленіе нервныхъ центровъ и угнетеніе мозговой дѣятельности, настолько сильное, что «работчіе становятся апатичными, безучастными къ вѣшнему міру, несообразительными и нерѣдко даже близкими къ состоянію идіотизма».

Болѣзни глазъ являются также профессиональными болѣзнями тартальщиковъ, потому что нефть изъ желонки расплескивается, и ея брызги и пыль, въ особенности при вѣтрѣ, летятъ на рабочихъ. Но главныя жертвы глазной болѣзни—фонтанные работчіе.

«Фонтанъ, это—священное магическое слово въ Баку. Появленіе фонтана есть «праздникъ праздниковъ» той фирмы, у которой онъ забилъ. Достаточно двухъ строкъ въ газетѣ о фонтанѣ, чтобы акціи фирмы быстро пошли въ гору. Это уже не медленное вычерпываніе нефти желонками. Нефть сама бьетъ столбомъ до вершины вышки и разливается ручьями въ амбары. Въ 1897 году 18 фонтановъ выбросили 37.841.000 пудовъ нефти.

«Съ появленіемъ фонтана тартальщики отдыхаютъ. Нужна другая работа, настолько тяжелая и вредная для здоровья, что за нее берутся только бѣдняки-татары подъ принужденіемъ крайней нужды. Чтобы уменьшить высоту фонтана и направить нефть полностью въ амбары, производится въ буквальный смыслъ ослѣпительная работа—снаряженіе и надвиганіе фонтанныхъ щитовъ.

«Работая подъ ливнемъ нефти,—говоритъ г. Бертенсонъ,—люди, снаряжающіе и надвигающіе фонтанные щиты, уже по прошествіи нѣсколькихъ минутъ буквально не могутъ открывать глазъ, пока ихъ не промоютъ; не только нефть, какъ она есть, но ея пыль и газы сильно разъѣдаютъ глаза, вызываютъ въ нихъ болѣе или менѣе сильную гиперемію, распуханіе вѣкъ и воспаленіе съ большимъ или меньшимъ нагноеніемъ». Кромѣ того, фонтаннымъ рабочимъ при надвиганіи щитовъ «приходится вдыхать въ себя большое количество нефтяной пыли, и въ результатъ являются въ острой формѣ весьма тяжелые припадки». Г. Бертенсонъ ссылается на практику врача Корженевскаго, пронаблюдавшаго шесть лѣтъ наблюденіе надъ рабочими нефтяныхъ промысловъ, и говоритъ, что онъ «наблюдалъ даже случай остраго отравленія со смертнымъ исходомъ».

«День и ночь идетъ работа подъ вышками при грохотѣ машинъ, въ вонючемъ воздухѣ, въ облакахъ нефтяной пыли, подъ нефтянымъ дождемъ. При 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ не дѣлается перерыва работы для обѣда. Работчіе и не знаютъ настоящаго обѣда: урывками поѣдятъ хлѣба, запьютъ его скверной водой изъ колодезевъ,—вотъ и вся ихъ пища.

«Чистка нефтяныхъ амбаровъ и каменныхъ резервуаровъ для нефти есть

тоже египетская и вредная для здоровья работа: приходится стоять по колено в нефтяной грязи, от которой тело покрывается сыпью; у местных врачей есть и особый терминъ для этой сыпи—«мазутная экзема».

«Работа на бавинскихъ нефтяныхъ промыслахъ такъ тяжела, а вознаграждение при дороговизнѣ мѣстной жизни такъ незначительно (чернорабочій получаетъ 16—18 руб. въ мѣсяцъ), что даже нетребовательные русскіе рабочіе не нанимаются чернорабочими на промыслы: тамъ работаютъ персы, татары и лезгивы».

За границей.

Американскіе университеты. Кэмбриджъ — такъ называется латинскій кварталъ въ Бостонѣ, гдѣ основанъ первый университетъ Новаго Свѣта,—торжественно отпраздновалъ въ этомъ году въ концѣ іюля мѣсяца окончаніе занятій и распредѣленіе премій и наградъ. Страннымъ образомъ это окончаніе занятій называется въ Америкѣ «Commeencement» (начинанія) и всегда сопровождается цѣлымъ рядомъ празднествъ и увеселеній.

Пожертвованныя Джономъ Гарвардомъ деньги на основаніе перваго университета въ странѣ принесли обильные плоды. Гарвардскій университетъ теперь очень богатъ и отличается свободнымъ направленіемъ и болѣе широкимъ міровозрѣніемъ нежели другіе университеты, напримѣръ, Йоллскій, гдѣ болѣе рѣзко выражены религіозныя тенденціи. День присужденія премій и дипломовъ составляетъ самый торжественный день въ жизни всѣхъ американскихъ университетовъ. Въ гарвардскомъ университетѣ онъ начался обыною демонстраціей у статуи его основателя. Торжественная процессія студентовъ университета направилась къ памятнику, который былъ разукрашенъ цвѣтами. Героями дня были кончившіе курсъ, дипломированные, которыхъ также закидали цвѣтами. Вечеръ кончился большимъ концертомъ, на которомъ присутствовалъ весь цвѣтъ бостонскаго общества. На другой день студенты обратились въ университетской церкви слушать прощальную проповѣдь, а на третей состоялась раздача дипломовъ и специальныя собранія студентовъ различныхъ факультетовъ.

Въ началѣ іюля другой американскій университетъ, самый молодой изъ всѣхъ, отпраздновалъ не менѣе торжественнымъ образомъ десятилѣтнюю годовщину своего основанія. Этотъ университетъ, извѣстный подъ именемъ университета Кларка, былъ основанъ въ Уорчестерѣ, въ Массачусетсѣ, богатымъ коммерсантомъ, мѣстнымъ уроженцемъ, нажившимъ громадное состояніе въ Калифорніи и Нью-Йоркѣ. Кларкъ, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, занимаясь своими спекуляціями, приносившими ему миллионы долларовъ, мечталъ о томъ, чтобы связать свое имя съ университетомъ, и немедленно приступилъ къ осуществленію своей идеи, какъ только сталъ обладателемъ громаднаго богатства.

Выполнителемъ своего широко задуманнаго плана Кларкъ избралъ доктора Голла, автора книги «Contents of Children Minds», считающагося въ настоящее время однимъ изъ выдающихся педагогическихъ авторитетовъ Америки. Докторъ Голлъ, съ радостью взявшійся за выполненіе этой задачи, прежде всего поставилъ на видъ Кларку, что онъ не долженъ мечтать о томъ, чтобы конкурировать съ гарвардскимъ университетомъ, самымъ старымъ, самымъ обширнымъ и самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ университетовъ Соединенныхъ Штатовъ и находящимся всего лишь на разстояніи часа пути отъ Уорчестера, по желѣзной дорогѣ. Исходя изъ этой точки зрѣнія докторъ Голлъ посоветовалъ Кларку придать своему университету другой характеръ, нежели тотъ, который

имѣютъ всё вообще американскіе университеты, программа которыхъ соотвѣтствуетъ скорѣе программѣ для полученія степени бакалавра, напримѣръ, во Франціи. Американскіе университеты готовятъ именно къ этой степени и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаются спеціализація знаній. Но докторъ Голль мечталъ о томъ, чтобы создать изъ университета Кларка нѣчто такое, что соотвѣтствовало бы европейскимъ университетамъ, которые онъ взялъ за образецъ. Такимъ образомъ новый университетъ открылся на совершенно иныхъ основаніяхъ. Главное вниманіе въ новомъ университетѣ, имѣющемъ пять факультетовъ, обращено на психологію и біологію. Въ области психологіи университетъ Кларка, несмотря на короткое время своего существованія, уже успѣлъ ознаменоваться многими важными изслѣдованіями, въ особенности въ области такъ называемой «педагогической психологіи», которой докторъ Голль посвящаетъ особенное вниманіе; въ этомъ направленіи университетъ Кларка уже стяжалъ очень почтенную репутацію. Но въ университетѣ главная масса научныхъ изслѣдованій производится не профессорами, а самими студентами; въ этомъ заключается оригинальная сторона предпріятія доктора Голла. Студенты занимаются наблюденіями, собираніемъ фактовъ, лабораторною статистикой, составляютъ діаграммы, сравнительныя таблицы и т. п. и въ этой работѣ принимаютъ участіе даже тѣ, которые только что поступили и каждый старается внести свою лепту и вложить хоть самый маленькій камешекъ въ грандіозную постройку великаго зданія науки. Участвовать въ этой постройкѣ составляетъ главное честолюбіе студентовъ и въ этомъ отношеніи они стоятъ выше всѣхъ похвалъ, и каждый изъ профессоровъ можетъ всегда рассчитывать на самую дѣятельную помощь своихъ слушателей въ своихъ изысканіяхъ.

Лекціи въ университетѣ Кларка составляютъ далеко не главное занятіе профессоровъ и студентовъ. Предполагается, что студенты уже достаточно подготовлены, когда они поступаютъ въ университетъ, и по мнѣнію доктора Голла и самого Кларка, профессора не должны тратить такую огромную часть своего времени на преподаваніе, такъ какъ они могутъ оказать наукѣ гораздо большія услуги, если займутся научными изслѣдованіями. Въ университетѣ Кларка существуетъ правило, что ни одинъ изъ профессоровъ не долженъ читать больше двухъ разъ въ недѣлю и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаются исключенія. Всего сильнѣе распространенъ въ университетѣ методъ вопросовъ—*Syllabus* и студенты чрезвычайно охотно примѣняютъ его въ своихъ изслѣдованіяхъ. Университетъ имѣетъ свои органы, гдѣ печатаются сдѣланныя въ немъ работы: «*American Journal of Psychology*», первый, по старшинству, журналъ психологіи въ Америкѣ, и «*Psychological Review*» въ которомъ отводятся много мѣста работамъ и изысканіямъ слушателей университета. Большинство статей этого журнала написано студентами, а не профессорами или учеными. Впрочемъ излюбленнымъ дѣтищемъ доктора Голла служить «*Pedagogical Seminary*» журналъ, въ которомъ затрагиваются всѣ главныя вопросы педагогики и современныя педагогическія проблемы, всего больше интересующія доктора Голла.

Основатель университета и его главный помощникъ и организаторъ всего дѣла, докторъ Голль, оба стремятся къ тому, чтобы американскіе студенты, вмѣсто того чтобы, по окончаніи курса въ какомъ нибудь американскомъ университетѣ, ѣхать въ Европу для поступленія въ одинъ изъ тамошнихъ университетовъ, отправлялись бы въ университетъ Кларка, гдѣ университетская наука понимается въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Недавнія политическія событія настолько пододрѣли національныя чувства американцевъ, что они пожалуй готовы будутъ отказаться отъ Европы и изъ чувства патріотизма станутъ искать въ своемъ отечествѣ то, зачѣмъ они привыкли ѣздить въ Европу.

На этомъ, именно, Кларкъ и докторъ Голль и основываютъ свои надежды на будущее процвѣтаніе своего университета.

Религіозный кризисъ въ Англіи. Кромѣ многочисленныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики, волнующихъ Англію въ данную минуту, эта страна переживаетъ довольно своеобразный для конца нашего вѣка кризисъ — религіозный, колеблющій основы старинной англиканской церкви. Кризисъ возникъ около года тому назадъ и представляетъ особенный интересъ. Онъ лучше всего указываетъ, какимъ образомъ въ Англіи простой гражданинъ, никому неизвѣстный человѣкъ изъ народа, можетъ вліять на общественное мнѣніе, двигать массы, оказывать давленіе на власти и въ концѣ-концовъ добиться реформы учреждений. Конечно, немного странно на рубежѣ ХХ вѣка наблюдать такую страстность въ обсужденіи религіозныхъ вопросовъ, какую обнаруживаютъ практическіе англичане и эта религіозная распря въ Англіи невольно напоминаетъ ХVII вѣкъ, когда теологическія вопросы волновали цѣлый сонмъ мыслителей, даже ХVI вѣкъ, когда они являлись причиною гражданскихъ войнъ. Такое настроеніе умовъ, какое существуетъ въ настоящее время въ англійскомъ обществѣ, является чѣмъ-то вродѣ анахронизма и мало понятно, если мы не примемъ во вниманіе, что англичане всегда обнаруживаютъ въ религіозныхъ спорахъ совершенно такую же горячность, какъ и въ политическихъ.

Англиканская церковь уже по самой своей организаціи благопріятствуетъ образованію сектъ и въ сущности, несмотря на то что она считается государственною церковью, огромное большинство націи уже не принадлежитъ къ ней. Ее поддерживаютъ традиціи, занимаемое ею положеніе и громкая репутація нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, но ей надо бороться и отстаивать свои права и по этому даже незначительный кризисъ въ состояніи поколебать ее до самого основанія, а тѣмъ болѣе такой, который связываетъ расколъ въ ней самой и распрю между свѣтскими и духовными элементами.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторая часть духовенства англиканской церкви, привлекаемая блескомъ и помпой католическаго культа, а также нѣкоторыми догматами римской церкви, образовала цѣлую партію, такъ называемую партію Верхней церкви, которая ввела эти догматы и нѣкоторые обрядности католической религіи въ англиканскій культъ и религіозное преподаваніе. Этой партіи недостаетъ только признанія власти папы, чтобы вполне принять характеръ римской церкви. Эта партія вызвала движеніе, извѣстное подъ именемъ Оксфордскаго или возрожденія католицизма (Catholic Revival), и стремились нѣсколько лѣтъ тому назадъ добиться полнаго примиренія съ Римомъ, но безуспѣшно, что очень обрадовало англійскихъ протестантовъ, не сочувствовавшихъ этому движенію. Въ Верхней церкви образовались различныя общества, которыхъ подозреваютъ въ томъ, что они желаютъ подготовить путь къ окончательному возвращенію Англіи въ лоно римской церкви. Одно изъ такихъ обществъ, Союзъ англиканской церкви (English Church Union), насчитываетъ около 33.000 членовъ, изъ нихъ 4.200 духовныхъ лицъ. Этотъ союзъ играетъ выдающуюся роль въ той распрѣ, которая теперь происходитъ. Члены этого общества и многихъ другихъ ввели въ богослуженіе всѣ тѣ обряды и церемоніи, которыя были отмѣнены реформацией, и придали богослуженію болѣе римско католическаго характера. Сначала прихожане не придавали этому особеннаго значенія, хотя въ общемъ англійскіе протестанты не любятъ римскіе обряды, но наконецъ въ прошломъ году они исполошились и произошелъ кризисъ. Первый толчекъ былъ данъ совершенно никому неизвѣстнымъ лондонскимъ книгопродавцемъ Бензитою. Бензиту, насколько можно судить по его поступкамъ, представляетъ типъ англичанина, который прямо идетъ къ своей цѣли, не боясь ни насмѣшки, ни оппозиціи, ни оскорбленій. Пуританская Англія

заобидовала такого рода характерами и они то содѣйствовали торжеству реформации. Но и въ современной Англїи не мало такихъ людей и они то помогаютъ ей завоевывать міръ. Однако, когда Бензитъ выступилъ со своимъ протестомъ, то никто не предполагалъ, что агитация приметъ такіе широкіе размѣры. Въ январѣ прошлаго года въ «Times'ѣ» появилась переписка Бензита съ лондонскимъ епископомъ, послѣдствіемъ которой было то, что епископъ смѣнилъ приходскаго священника, позволявшаго себѣ отступленіа отъ правилъ протестантской церкви, и на время все успокоилось, но затѣмъ, такъ какъ отступленія эти продолжались въ разныхъ мѣстахъ, снова началась агитация и на этотъ разъ очень шумная. Бензитъ обратился съ рѣчью къ толпѣ у дверей самой церкви и за это былъ приговоренъ къ 75 франкамъ штрафа, но тѣмъ не менѣе онъ все таки одержалъ побѣду, такъ какъ викарій вынужденъ былъ заявить передъ судомъ, что эти обряды дѣйствительно не входятъ въ постановленія англиканской церкви.

Агитация и переписка Бензита съ епископомъ привлекла вниманіе общества. Возникла горячая полемика, начали устраиваться митинги, партїи все болѣе и болѣе воодушевлялись и началось настоящее движеніе, выражающееся въ шумныхъ манифестаціяхъ, рѣчахъ, памфлетахъ и статьяхъ. Самъ Бензитъ уже совершенно отошелъ на задній планъ, движеніе, которому онъ далъ толчекъ, продолжалось уже безъ него. Въ большинствѣ церквей въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ стали происходить курьезныя сцены. Въ числѣ римско-католическихъ обрядовъ есть окропленіе святой водой, и вотъ одинъ изъ прихожанъ привлекъ священника къ отвѣтственности, за то что тотъ брызнулъ ему въ лицо водой, но судъ оправдалъ священника, такъ какъ онъ сдѣлалъ это «безъ злого умысла». Прихожане также возмущались противъ кадильницъ и выражали свой протестъ громкимъ кашлемъ, какъ только дымъ ладона наполнялъ церковь. Одинъ изъ прихожанъ громко крикнулъ священнику, вышедшему въ епитрахили: «Снимите это и одѣньтесь, какъ подобаетъ англиканскому пастору!»—Однимъ словомъ не проходило дня, чтобы въ какой-нибудь изъ церквей не произошло демонстраціи въ такомъ родѣ. Къ борьбѣ присоединились многіе выдающіеся политическіе дѣятели Преемникъ Гладстона въ качествѣ вождя либеральной партїи, сэръ Уильямъ Гаркуръ, сталъ во главѣ движенія противъ «ритуалистовъ», т. е. приверженцевъ католическаго ритуала. Любопытнѣе всего, что такой консервативный органъ, какъ «Times», принялъ на этотъ разъ сторону либеральной оппозиціи. Конечно, это вызвало усиленіе полемики. Антагонизмъ между свѣтскимъ и духовнымъ элементами выразился ярче, но общественное мнѣніе больше всего возмутилось стремленіемъ англиканскаго духовенства ввести обязательную исповѣдь, такъ какъ въ этомъ англичане увидѣли двойное посягательство на индивидуальную свободу совѣсти и святость семьи; кромѣ того, англичане не желали давать въ руки духовенству такое могущественное орудіе, какимъ служитъ исповѣдь въ рукахъ католическаго духовенства.

Наконецъ, вопросъ былъ перенесенъ въ парламентъ; винчестерскому и лондонскому епископамъ пришлось давать объясненія въ палатѣ лордовъ по поводу своего индифферентнаго отношенія къ нарушеніямъ постановленій англиканской церкви, а въ палатѣ общинъ Бальфуръ отвѣчалъ отъ имени правительства, что епископы примутъ необходимыя мѣры къ пресѣченію зла. Таково положеніе дѣлъ въ настоящее время, но агитация еще не утихла. Начало движенія и способы его проявленія очень характерны для англійской націи, но въ основаніи его заложены тѣ самыя причины, которыя обусловливали и вызывали всякіе религіозныя перевороты, т. е. возмущеніе во имя индивидуальныхъ правъ и свободы совѣсти противъ духовенства, составившаго могущественную корпор-

рацію и старающагося навязать своей паствѣ свои догматы, свой культъ и свою дисциплину и даже свои злоупотребленія.

Чествованіе памяти венгерскаго поэта. Въ этомъ году 31-го іюля н. ст. исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти великаго поэта Александра Петѣфи, пѣвца венгерской революціи 1848 года. Петѣфи палъ въ битвѣ подъ Сегешваромъ и тѣло его не было разыскано, но благодарная Венгрія не забыла его и воздвигла своему національному поэту три памятника: одинъ въ Будапештѣ, на площади носящей имя Петѣфи, другой въ Шесбургѣ, а третій на родинѣ Петѣфи, въ Керохсѣ. Тысячи людей отправились 31-го іюля къ этимъ памятникамъ, чтобы осыпать ихъ подножія цвѣтами и вѣнками. Самая внушительная демонстрація произошла въ Будапештѣ, гдѣ огромная толпа народа собралась на площади у памятника Петѣфи, гдѣ можно было видѣть представителей всѣхъ классовъ общества. Маститый венгерскій писатель, Морицъ Юкай, близко знавшій покойнаго поэта, сказалъ рѣчь, очертивъ яркими штрихами личность Петѣфи и увлекъ слушателей своимъ пыльнымъ краснорѣчіемъ.

Вся Венгрія, собравшаяся чествовать память своего великаго поэта, имѣла въ виду чествовать и одинъ изъ славныхъ эпизодовъ своей исторіи. Въ рѣчахъ всѣхъ ораторовъ, говорившихъ на площади передъ памятникомъ поэта, упоминалось объ роковой битвѣ, когда старый генералъ Бемъ, едва насчитывая 3.000 человекъ въ своемъ отрядѣ, ринулся на цѣлую дивизию русскихъ въ 16.000 солдатъ, имѣвшую въ своемъ распоряженіи 24 пушки. Исходъ такой битвы можно было заранѣе предвидѣть. Генералъ Лидерсъ, командовавшій соединенными отрядами русскихъ и австрійскихъ войскъ, сначала былъ введенъ въ заблужденіе энергичнымъ натискомъ венгерскихъ войскъ, никакъ не предполагая, чтобы Бемъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такъ мало войска, рѣшился на такой поступокъ. Убѣдившись однако, что венгерцы располагаютъ слишкомъ малыми силами, Лидерсъ перешелъ въ наступленіе и побѣда осталась за нимъ. Бемъ, упавшій съ лошади, видя, что все пропало, спрятался въ болотѣ вблизи рѣки и лишь съ наступленіемъ темноты выбрался изъ него и пробрался къ своимъ. На другой день тѣла 1.300 убитыхъ венгерскихъ солдатъ были преданы землѣ и вѣроятно среди убитыхъ находился и молодой поэтъ Александръ Петѣфи, участвовавшій въ сраженіи, такъ какъ съ тѣхъ поръ его больше не видали.

Александръ Петѣфи не былъ мадяромъ, а сербомъ по своему происхожденію и настоящее его имя было Петровичъ, но онъ называлъ себя по мадярски: *Петѣфи*. Отецъ его былъ очень бѣдный кабатчикъ и поэтому не могъ дать сыну никакого законченнаго образованія. Съ юныхъ лѣтъ Александръ Петѣфи началъ вести жизнь полную приключеній. Онъ былъ и солдатомъ и странствующимъ актеромъ, испыталъ не разъ тяжелую нужду.—Только тогда его положеніе измѣнилось, когда въ немъ принялъ участіе одинъ изъ выдающихся венгерскихъ поэтовъ, подмѣтившій сразу незаурядный талантъ въ молодомъ братѣ по искусству и помогшій ему выбраться на дорогу. Петѣфи издалъ сборникъ стихотвореній, встрѣченный очень сочувственно и съ того времени между обоими поэтами, Верешмарти и Петѣфи, возникли тѣсныя дружескія отношенія, несмотря на несходство политическихъ взглядовъ и даже на то, что между ними не разъ возникала рискованная полемика изъ-за этого несходства. Верешмарти былъ другомъ Деака и горячимъ сторонникомъ конституціонализма, тогда какъ пылкій Петѣфи не только раздѣлялъ взгляды Кочута, но они казались ему даже слишкомъ блѣдными. Весьма естественно что въ 1848 году Петѣфи очутился во главѣ молодежи, которую онъ возбудилъ и вдохновлялъ своими пламенными пѣснями. Его стихи: «Возстань Мадьяръ!»—служать лучшимъ выраженіемъ стремленій Петѣфи. Национальная пѣсня, напи-

санная имъ, была отпечатана въ Пештѣ въ мартѣ 1848 года тотчасъ же какъ только была объявлена свобода печати въ Венгріи.

Когда началась венгерская война, пылкій Пётэффи не усидѣлъ спокойно. Онъ тотчасъ же отправился къ генералу Бѣму, который сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Но война эта была роковой для Пётэффи. Такъ какъ тѣло его не было отыскано на полѣ брани, то сложилась легенда, что онъ не былъ убитъ а взятъ въ плѣнъ и находится въ Сибири. Но эта легенда оказалась лишненною фактическаго основанія, такъ какъ энергичные розыски, въ которыхъ принимало участіе даже правительство, не привели ни къ чему.

Времена перемѣнчивы. Лучшій другъ погибшаго поэта, писатель Морицъ Йокэй, также какъ и представитель его семьи Павелъ Гююлай, оба участвовавшіе въ апопеезѣ поэта, состоятъ теперь членами палаты господъ и пользуются благоволеніемъ императора Францъ-Іосифа и его правительства, противъ котораго Пётэффи нѣкогда сражался съ такимъ пыломъ и самоотверженіемъ и сложилъ голову въ этой борьбѣ.

Выставка Арміи Спасенія. Генеральъ Бутсъ, желая наглядно познакомить лондонскихъ жителей съ резульатомъ дѣятельности Арміи Спасенія, устроила въ Лондонѣ въ «Royal Agricultural Hall» чрезвычайно любопытную выставку, на которой уже въ теченіи первой недѣли перебивало до 50,000 посѣтителей. Посѣтители больше всего толпились въ той части выставки, гдѣ были изображены жилища лондонской бѣдноты. Въ лачугахъ, прекрасно сдѣланныхъ изъ папье-маше, посѣтители выставки могли наблюдать дѣятельность «солдатъ» Арміи Спасенія. Въ одномъ мѣстѣ изображается, какъ женщины этой арміи или «салютистки», какъ ихъ называютъ, ухаживаютъ за больными, приводятъ въ порядокъ убогое хозяйство, моютъ и одѣваютъ ребятъ и т. е. немного дабѣ находится модель фабрики, устроенной салютистами для выдѣлки безопасныхъ спичекъ, которыя продаются тутъ же, а еще далѣе—роскошная лавка, гдѣ посѣтителямъ предлагаютъ фрукты и овощи, получаемые съ фермъ Арміи Спасенія, разбѣянныхъ по всей Англіи. Но больше всего вниманіе посѣтителей привлекалъ ночлежный пріютъ, устроенный по образцу того, которымъ управляютъ салютисты. Тутъ можно было видѣть настоящихъ бродягъ, накрытыхъ лохмотьями; они лежатъ, а солдаты арміи ухаживаютъ за ними и утѣшаютъ ихъ. Но кромѣ того публикѣ доставлена была возможность любоваться цѣлою деревней, которую только что «оккупировали» солдаты генерала Бутса. На небольшой площадкѣ стоятъ въ кучѣ повозки, которыя называютъ «батареями» и на которыхъ разбѣзжаютъ сельскіе проповѣдники, а сами проповѣдники на другой, болѣе пространный площади, возвѣщаютъ жителямъ «радостную вѣсть».

Не забыты были на выставкѣ и англійскія колоніи, гдѣ салютисты также проявляютъ очень энергичную дѣятельность. Эта дѣятельность была изображена въ живописныхъ картинахъ; посѣтители выставки видѣли передъ собою зулусскій крааль, деревню въ Блондаикѣ, индѣйскую деревню, колонизованную салютистами. Рядомъ группа дѣтей, спасенная отъ смерти салютистами во время послѣдняго голоднаго бѣдствія въ Индіи, распѣвала гимны изъ репертуара Арміи Спасенія. Дѣти выглядѣли здоровыми, сытыми и веселыми и посѣтители могли любоваться ихъ оживленными лицами, довольными, потому что на нихъ было обращено всеобщее вниманіе. Въ самомъ концѣ выставки возвышалась колоссальная эстрада, гдѣ устроены были 3.000 мѣстъ. Эстрада эта спеціально предназначалась для многолюдныхъ митинговъ, ежедневно организуемыхъ салютистами.

Люди, желавшіе серьезно ознакомиться съ дѣятельностью Арміи Спасенія, могли обратиться къ статистическимъ таблицамъ, которыя, быть можетъ, лучше

всякой «живой выставки» и декоративных устройств говорят уму и сердцу о результатах дѣятельности этого замѣчательнаго общества, въ которомъ «смѣшное» постоянно граничитъ съ «великимъ». Изъ этихъ таблицъ можно видѣть, что 80 отрядовъ или обществъ, съ которыми Армія Спасенія выступила на арену дѣятельности въ 1878 году, теперь возросли до 6.822, а число офицеровъ арміи — съ 127 до 49.155! Кроме того армія имѣетъ въ своемъ распоряженіи 14.893 музыкантовъ, такъ какъ каждый отрядъ сопровождается хоромъ музыки. Въ началѣ армія ограничивала свою дѣятельность только Англіей, но теперь уже она работаетъ въ 46 колоніяхъ. Прежде только въ Лондонѣ издавался официальный органъ арміи «The War Cry» (военный кличъ) но теперь въ каждой странѣ, гдѣ только развѣвается флагъ арміи спасенія, издается также и официальная газета этого удивительнаго общества, такъ что въ настоящее время выходитъ 54 періодическихъ изданій арміи на 21 различныхъ языкахъ.

Въ началѣ армія принимала въ свои ряды только взрослыхъ, но теперь допускаются и дѣти и эта юная армія достигаетъ численности въ 111,124 солдатъ-дѣтей и при этомъ имѣетъ своихъ собственныхъ юныхъ офицеровъ, число которыхъ доходитъ уже до 14.487. Важнѣе всего социальная дѣятельность этого громаднаго войска. Съ его помощью генералу Бутсу удалось создать 494 различныхъ социальныхъ учрежденій, дешевыя жилища для рабочихъ, столовыя, гдѣ раздается дешевая и здоровая пища, ночлежные пріюты, фермы и т. п. Кроме того армія устроила 29 рабочихъ бюро, 53 фабрики и мастерскія, 46 агентствъ или постовъ, специально занимающихся спасеніемъ среди самой ужасающей нищеты и порока, въ такихъ притонахъ и улицахъ, гдѣ ютятся подонки общества. Въ Лондонѣ армія устроила 15 домовъ, гдѣ люди, не имѣющіе гдѣ преклонить голову находятъ пріютъ, и двѣнадцать убѣжищъ для выпущенныхъ изъ тюремъ преступниковъ.

Швейцарскія дома для рабочихъ. Въ бернскомъ Оберландѣ, въ Танненгофѣ, десять лѣтъ тому назадъ, былъ основанъ пріютъ для рабочихъ «Arbeites Heim», имѣющій цѣлью доставить временное убѣжище и занятіе безработнымъ, къ числу которыхъ обыкновенно принадлежатъ и выпущенные изъ бернскихъ тюремъ. Это второе учрежденіе подобнаго рода (первое представляетъ земледѣльческая колонія въ восточной Швейцаріи), но оба обязаны своимъ существованіемъ частной инициативы.

Въ теченіе десяти лѣтъ, своего существованія бернскій «Arbeites Heim» пріютилъ около 700 человекъ, очутившихся безъ крова и куска хлѣба. Наибольшее число пенсионеровъ всегда скопляется зимой, когда много людей остается безъ работы, такъ что въ иные мѣсяцы въ пріютѣ одновременно проживаетъ до 50-ти человекъ.

Пріюгъ этотъ имѣетъ скорѣе видъ фермы, такъ какъ живущіе въ немъ занимаются преимущественно сельскими работами. Приносимый этими работами доходъ идетъ на содержаніе пріюта и такимъ образомъ каждый изъ живущихъ въ немъ вкладываетъ свою долю въ содержаніе пріюта и не чувствуетъ тягости, которую налагаетъ всегда чистофилантропическое учрежденіе, на тѣхъ, кому оно оказываетъ помощь. Замѣчательно также, что этотъ швейцарскій домъ для рабочихъ не имѣетъ сложной администраціи такихъ учреждений, въ которомъ часто скопляются люди пользующіея весьма сомнительною репутаціей и вышедшіе изъ тюремъ, и управляется простымъ надзирателемъ имѣющимъ въ своемъ распоряженіи только кухарку и лакея. Но несмотря на такой слабый надзоръ или вѣрнѣе: отсутствіе всякаго надзора, въ этомъ пріютѣ никогда не бывали беспорядки и никогда ни гражданская, ни военная власть не переступала его порога.

Въ швейцарской печати не такъ давно горячую полемику возбудилъ вопросъ объ открытіи въ Женевѣ народнаго дворца, подобнаго тому, какой существуетъ въ Бельгіи. Вопросъ этотъ выдвинула на сцену женевская федерація рабочихъ обществъ, находящая, что «дѣйствовать сообща всегда лучше, чѣмъ дѣйствовать порознь!» и стремящаяся объединить всѣ индивидуальныя усилія, преслѣдующія повидимому одну и ту же цѣль.

Благодаря усиленной пропагандѣ федераціи удалось провести свой проектъ и вѣроятно въ концѣ будущаго года Женева получитъ возможность гордиться новымъ учрежденіемъ, «Народнымъ домомъ» (Maison du peuple), какъ его называютъ въ Швейцаріи. Архитекторъ Котте уже представилъ проектъ этого дома и проектъ этотъ принятъ специальною комиссіей федераціи. Это будетъ большое зданіе съ различными мастерскими, залами для публичныхъ чтеній и помѣщеніями для синдикатовъ. Кромѣ того въ этомъ же зданіи будетъ устроена булочная, бакалейная лавка и ресторанъ для рабочихъ, гдѣ они будутъ получать хорошіе продукты по найвозможно низкой цѣнѣ. Во флигелѣ, который долженъ отдѣляться отъ главнаго зданія дворомъ и садомъ, будетъ устроена большая зала для спектаклей, настолько обширная, чтобы вмѣщать до 3.000 зрителей.

Федерація рабочихъ обществъ Женевского кантона устранивая этотъ домъ, имѣетъ въ виду объединить подъ его кровлю всѣхъ рабочихъ, безъ различія вѣроисповѣданій и политическихъ взглядовъ и заявляетъ объ этомъ въ своемъ воззваніи, въ которомъ говоритъ, что всѣ лица, принадлежащія къ одному и тому же классу, имѣющія одни и тѣже интересы которые они должны защищать и одни и тѣже обязанности, должны соединиться, такъ какъ только общими усиліями можно достигнуть большихъ результатовъ. Федерация указываетъ при этомъ на результаты, достигнутые коопераціей въ другихъ странахъ. Въ Швеціи рабочее населеніе уже имѣетъ два дома, одинъ въ Малмѣ, другой въ Грегельбергѣ, но не довольствуется этимъ и устраиваетъ еще два новыхъ одинъ въ Гётсборгѣ, другой въ Стокгольмѣ. На устройство «дома» въ Стокгольмѣ ассигновано полмилліона кронъ. Въ Малмѣ, въ Гельсингборгѣ, въ Ланскронѣ, Лунди, Истадѣ и Элкильстунѣ устроены парки спеціально служащія рабочимъ для прогулокъ и лѣтнихъ собраній. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что рабочей классъ въ Швеціи не очень многочисленный и географическія условія страны часто препятствуютъ рабочимъ вступать между собою въ сношенія.

Швейцарская печать отнеслась очень сочувственно къ этому проекту и разные частныя лица и группы иностранныхъ и швейцарскихъ рабочихъ изъявили готовность оказать ему поддержку.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Psychological Review».—«Deutsche Revue».—«Revue de Paris».—«Nineteenth Century».—«Nouvelle Revue».

Знаменитый французскій хирургъ XVI вѣка, Амбруазъ Паре, говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что сильная радость, также какъ и сильный испугъ, могутъ излѣчивать многія болѣзни. Обладаетъ ли радость такими свойствами и какъ она дѣйствуетъ на организмъ человѣка? Молодой американскій психологъ Ванъ Нессъ посвящаетъ этому вопросу длинную статью въ «Psychological Review» и приводитъ рядъ изслѣдованій и опытовъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ направленіи.

Рядомъ съ психическими явленіями, вызываемыми въ организмѣ различ-

ными эмоціями, существуютъ и физическія явленія и каждая эмоція непременно выражается извѣстнымъ движеніемъ, положеніемъ тѣла и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, напримѣръ, что радость вызываетъ наклонность къ дѣятельности, къ движенію и слѣдовательно эта эмоція имѣетъ динамогенный характеръ. По наблюденіямъ Дерборна изъ четырнадцати субъектовъ, испытывавшихъ чувство радости, только у трехъ оно не выразилось стремленіемъ къ движенію; но изъ этихъ трехъ одинъ былъ несовсѣмъ здоровъ, а двое другихъ привыкли себя сдерживать и выработали такой контроль надъ собою, какой встрѣчается не часто. Кромѣ этихъ трехъ, всѣ остальные не могли удержаться отъ физическихъ проявленій радости. Печаль—это такая эмоція, которая дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, а радость, наоборотъ, вызываетъ потребность движенія и вызываетъ ощущение силы и бодрости, которое нужно какъ нибудь выразить и слѣдовательно это такая эмоція, которая побуждаетъ человѣка къ активнымъ движеніямъ и дѣятельности.

Однако такія физическія проявленія радости находятся въ зависимости отъ физическаго состоянія организма, отъ того запаса силъ и энергіи, которыя имѣются въ организмѣ. Истощенный человѣкъ, болѣзнью или годами, уже не способенъ ни такъ сильно ощущать радость, ни выразить ее активнымъ образомъ. Радость у такихъ людей теряетъ свои динамогенныя свойства, становится вялой, блѣдной и уже по одному тому, какъ выражается радость, можно судить о состояніи физическаго здоровья. Эти проявленія могутъ служить настоящимъ барометромъ общаго состоянія.

Но радость, вызывая вообще потребность къ движеніямъ, дѣйствуетъ не одинаково на всѣ мышцы, а усиливаетъ дѣятельность специальныхъ мышечныхъ группъ. Дерборнъ произвелъ цѣлый рядъ весьма тщательныхъ изслѣдованій въ психологической лабораторіи, на основаніи которыхъ онъ приходитъ къ заключенію, что динамогенный характеръ этой эмоціи преимущественно выражается въ дѣятельности выпрямляющихъ мышцъ. Осанка человѣка, испытывающаго радость, тотчасъ же измѣняется; онъ невольно выпрямляется, поднимаетъ голову и принимаетъ бодрый видъ, становясь даже какъ будто выше ростомъ. Чѣмъ здоровѣе, моложе организмъ, тѣмъ рѣзче выражается это состояніе. Согбенная голова, понурый видъ—это синонимъ печальной эмоціи. Соответственно съ этимъ, конечно, радость дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ и на всѣ жизненныя отправленія и слѣдовательно оказываетъ живительное дѣйствіе. Однако и тутъ, какъ и вездѣ, существуютъ границы за предѣлами которыхъ динамогенное свойство радости исчезаетъ и она даже ведетъ къ противоположнымъ результатамъ, т. е. вызываетъ угнетеніе. Очень сильная радость, какъ и страхъ и др. сильныя эмоціи, обладаетъ уже парализующими свойствами и можетъ даже повести къ прекращенію или къ временной приостановкѣ жизненныхъ отправленій. «Радуйтесь умѣренно,—говоритъ американскій психологъ.—Только умѣренная радость можетъ служить стимуломъ жизни, сильная же—вредитъ организму и даже убиваетъ».

Въ статьѣ американскаго психолога заключается много цѣнныхъ наблюденій, но нѣкоторые изъ его опытовъ довольно курьезны и научное значеніе ихъ можно оспаривать. Напримѣръ слѣдующіе: объектами служили студенты по отдѣленію психологіи, мужчины и женщины. Все это были люди, не принадлежавшіе къ богатому классу, и Дерборнъ предлагалъ имъ *вообразить*, что они внезапно получили въ распоряженіе большую сумму денегъ, начиная отъ 10 до 100.000 долларовъ. Получить такія деньги на самомъ дѣлѣ, а не въ теоріи или вообразить себѣ, что получилъ ихъ—это маленькая разниця. Однако она не приводитъ въ смущеніе американскаго психолога; онъ полагаетъ, что воображеніе восполняетъ многое и поэтому самымъ добросовѣстнымъ образомъ записываетъ свои наблюденія надъ общимъ состояніемъ объектовъ

опыта и разнообразными проявленіями у нихъ динамогенной эмоціи. Изъ этихъ наблюденій мы видимъ, что одинъ изъ этихъ студентовъ, которому предложено было *вообразить* себя обладателемъ пяти тысячъ долларовъ, такъ вошелъ въ свою роль, что даже переломалъ отъ восторга стулъ въ своей комнатѣ и, какъ вихрь выскочивъ изъ нея, поѣхалъ кататься на быстрыхъ лошадяхъ по шоссе. Можно себя представить, что почувствовалъ бѣдняга, когда онъ пересталъ *воображать* себя богатымъ и ему пришлось платить за поломанные стулья. Американскій психологъ забылъ сообщить, кто возмѣстилъ прототипы и убытки.

Итальянскій генералъ Баратіери, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ послѣ абиссинской кампаніи, напечаталъ въ «Deutsche Revue» свои воспоминанія о Гарибальди. Баратіери былъ тогда студентомъ университета въ Павіи и полковникъ Орсини взялъ его, вмѣстѣ съ другими его товарищами, на корабль «Piemonte», на которомъ находился Гарибальди со своими солдатами. Знаменитая тысяча Гарибальди была посажена на два корабля «Piemonte» и «Lombardo» и студентамъ было поручено наблюдать за орудіями. На «Piemonte» были только четыре пушки: одно старое поврежденное полевое орудіе, двѣ мѣдныхъ шестидюймовыхъ пушки, безъ лафетовъ и одно четырехдюймовое, также мѣдное. Двѣ пушки носили характерные имена; одна называлась «Argito» (смѣлая); другая—«Giocondo» (дикующая). Этими то пушками и должны были завѣдывать студенты и въ томъ числѣ Баратіери, будущій итальянскій генералъ. Нечего и говорить, что всѣ находившіеся на кораблѣ, были проникнуты чувствомъ самаго горячаго энтузіазма, и полны надеждъ. Всѣ съ благоговѣніемъ смотрѣли на своего вождя Гарибальди, творца народной свободы и независимости Италіи.

«Мы должны были высадиться въ Марсалѣ,—говоритъ Баратіери.— Когда вдали показалась гавань, то мы увидѣли два судна. «Навѣрное это суда бурбонскаго флота», подумалъ каждый изъ насъ; и сердца наши забились сильнѣе. Мы были уже у дѣли; однако эти суда могли служить для насъ серьезнымъ препятствіемъ. Я тотчасъ же распорядился приготовить бомбы Орсини, которыя я считалъ самымъ страшнымъ орудіемъ войны и затѣмъ, взглянувъ въ сторону Гарибальди, ожидая его приказаній. Въ своему великому удивленію я увидалъ, что Гарибальди совершенно спокоенъ и держа въ рукѣ подзорную трубу, весело разговариваетъ съ Орсини, который стоялъ съ нимъ рядомъ. Между тѣмъ съ нами поравнялось какое то итальянское судно и на вопросъ капитана полученъ былъ отвѣтъ, что въ гавани стоятъ два англійскихъ судна.

«Извѣстіе это доставило всѣмъ намъ большое удовольствіе. Англію мы считали дружественною державой. Гладстонъ публично осудилъ бурбонское правительство и мы ни на минуту не сомнѣвались, что это правительство падетъ подъ нашими ударами.

«Однако мы намѣревались вступить въ борьбу съ далеко неравными силами. Насъ было мало, всего 1.086 человекъ, плохо вооруженныхъ и даже плохо обученныхъ въ военномъ отношеніи. Въ этомъ сборномъ отрядѣ были люди всѣхъ возрастовъ, начиная отъ 18 до 60 лѣтъ, положеній и состоянія, но всѣхъ объединяло страстное желаніе видѣть Сицилію свободной и общее преклоненіе передъ Гарибальди, передъ его нравственною силой и энергіей и сознаніе его нравственнаго превосходства. Въ отрядѣ находились впрочемъ и старинные товарищи Гарибальди по оружію, которыя сражались вмѣстѣ съ нимъ въ Америкѣ и потомъ въ Римѣ въ 1849 и 1859 гг. Никогда еще не бывало, чтобы люди, столь различные по свойствамъ своего характера, по своему воспитанію, положенію и возрасту, по своимъ политическимъ взглядамъ, добровольно соединялись вмѣстѣ подъ знаменемъ одного единственнаго человѣка,

слѣпо повинаясь его волѣ и подчиняаясь его авторитету! Всѣхъ этихъ людей воодушевляло одно и тоже чувство. Также разнообразны были и костюмы этихъ солдатъ: нѣкоторые ходили въ гражданскомъ платьѣ, другіе—въ какихъ то, пестрыхъ, фантастическихъ костюмахъ. Были и такіе, которые носили красную рубашку ради воспоминанія о гарибальдійскомъ походѣ въ Америку. Нѣкоторые изъ солдатъ, однако, носили пьемонтскіе мундиры, но большинство красовалось въ самыхъ различныхъ костюмахъ, такъ что врядъ ли какой нибудь военначальникъ командовалъ когда-либо подобнымъ пестрымъ отрядомъ. Въ ружьяхъ былъ такой недостатокъ, что для насъ, напримѣръ, ихъ не хватило. Но мы, студенты, имѣли въ своемъ распоряженіи плохенькія пушки и это считалось достаточнымъ. Многие были вооружены револьверами и только генуэзскіе карабинеры имѣли хорошія ружья.

«Мы не знали навѣрное въ какомъ положеніи находится возстаніе въ Сициліи. Одни говорили, что оно подавлено и что въ Сициліи теперь царитъ спокойствіе; другіе—что возстаніе охватило весь островъ и что Англія и Пьемонтъ обѣщали ему помощь. Однимъ словомъ—толки были самые разнообразные. Среди нашей тысячи преобладалъ республиканскій элементъ, но такъ какъ всѣ безусловно подчинялись Гарибальди, то какія бы то ни были различія въ политическихъ взглядахъ, не имѣли ровно никакого значенія. Воля Гарибальди для всѣхъ составляла законъ.

«Гарибальди былъ спокоенъ и серьезенъ какъ всегда. Ни въ его рѣчахъ, ни въ его движеніяхъ не было замѣтно ни малѣйшаго волненія, но чувствовалась твердая воля, несокрушимая энергія. Я не замѣтилъ никакой особенной близости между нимъ и нашими вождями; скорѣе эта близость существовала между нимъ и простыми людьми, которые давно уже служили подъ его командой и совершали съ нимъ походы. Но я видѣлъ тогда и позднѣе, что генералы и государственные люди, непоколебимые республиканцы и гордые монархисты, всѣ одинаково почтительно и даже съ какою то робостью приближались къ нему. Онъ всегда выслушивалъ ихъ внимательно и ко всѣмъ относился одинаково чистосердечно, но каждый, приближавшійся къ нему, невольно чувствовалъ его нравственное превосходство».

Баратіери описываетъ затѣмъ высадку и то неизгладимое впечатлѣніе, которое произвело на его молодую душу отвага и самоотверженіе гарибальдійскихъ добровольцевъ. Высадка совершилась необыкновенно быстро, такъ какъ въ Марсаль не оказалось бурбонскихъ солдатъ и никто не ожидалъ Гарибальди. Но въ Трапани находился сильный бурбонскій отрядъ и поэтому времени нельзя было терять. Почти всѣ уже были на берегу, когда вдругъ раздались пушечные выстрѣлы, это стрѣляли бурбонскіе фрегаты «Stromboli» и «Partenope», находившіеся подъ командою адмирала Актона, который впослѣдствіи былъ итальянскимъ морскимъ министромъ. Существуетъ подозрѣніе, что Актонъ намѣренно поздно открылъ огонь, чтобы гарибальдійскіе отряды могли высадиться. Такъ ли это было въ дѣйствительности—никто не знаетъ, но во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ выстрѣловъ (а ихъ было много!) не попалъ въ цѣль; съ судовъ цѣлили то слишкомъ высоко и снаряды пролетали мимо, то слишкомъ низко—и снаряды падали въ воду. Послѣдними переѣхали на берегъ студенты со своими пушками. Баратіери полагаютъ, что его долгъ—не отлучаться отъ пушекъ и поэтому когда всѣ гарибальдійцы, покончивъ свое дѣло, отправились въ городъ, чтобы подвѣрнуть свои силы, онъ остался на берегу и сидя на пушкѣ, раздумывалъ о томъ, почему это всѣ непріятельскіе выстрѣлы оказались неэффективными. Вдругъ онъ увидѣлъ, что къ нему приближается Гарибальди въ сопровоженіи небольшой свиты.

— Молодой человекъ, что вы тутъ дѣлаете?—крикнулъ ему Гарибальди.

— Я охраняю пушки, — отвѣчалъ Баратіери, отдавъ ему честь по военному.

— Ну, онѣ вѣдь не убѣгутъ. Впрочемъ это дѣлаетъ вамъ честь. Какъ васъ зовутъ? Откуда вы?

Баратіери отвѣтилъ.

— О, трентинскіе добровольцы превосходны!—воскликнулъ Гарибальди.— Это все храбрые и отважные люди, горячіе патриоты и дисциплинированные солдаты. Думайте всегда о Бронцетти.

Нарцисо Бронцетти былъ трентинецъ, погибшій геройскою смертію въ войнѣ съ австрійцами въ сраженіи при Бресчии.

Повернувшись къ Орсини, который пришелъ вмѣстѣ съ нимъ. Гарибальди сказалъ ему, что это была прекрасная мысль—взять студентовъ. Затѣмъ онъ поручилъ Орсини включить имя Баратіери въ наградной списокъ и велѣлъ отвезти пушки въ городъ, что и было исполнено. Съ возгласами «да здравствуетъ Италия!» маленькій отрядъ двинулся въ городъ, таща за собою пушки, сопровождаемый выстрѣлами бурбонскихъ судовъ, словно салютомъ.

— «Въ теченіе моей долгой жизни я переживалъ не разъ и очень счастливыя минуты и грустное разочарованіе,—прибавляетъ Баратіери.—Я достигъ высокихъ военныхъ почестей, я знавалъ опяненіе побѣды. Нація и король чествовали меня, въ парламентѣ мнѣ устраивали оваціи и мой престарѣлый отецъ проливалъ слезы отъ радости, поздравляя меня. Но никогда, въ теченіе всей своей жизни я не чувствовалъ себя столь счастливымъ и гордымъ, какъ въ тотъ день, когда меня похвалилъ Гарибальди. Воспоминаніе объ этой минутѣ дѣйствуетъ на меня и теперь словно утѣшительный лучъ солнца!»

Три мѣсяца тому назадъ брюссельскіе рабочіе праздновали открытіе своего новаго «Народнаго дома» и на этотъ праздникъ были приглашены представители со всѣхъ концовъ Европы. Праздникъ вышелъ очень торжественный и вполне удался. Периодическая печать посвятила сочувственныя статьи этому празднику, а въ «Revue de Paris» появилась подробная статья, въ которой рассказывается также исторія учрежденія народныхъ домовъ (Maisons de peuple) въ Бельгii.

По случаю открытія брюссельскаго дома была устроена торжественная процессія. Полторы тысячи человѣкъ, сопровождаемая многочисленной толпой и хоромъ музыкантовъ прошли по улицамъ. На разноцвѣтныхъ щитахъ красовались надписи большими буквами: «La Maison du Peuple a été élevée par les travailleurs pour tous leurs compagnons» (Народный домъ выстроенъ рабочими для всѣхъ своихъ товарищей); «La Maison du peuple donne le pain de la vie et de la science» (Народный домъ даетъ хлѣбъ жизни и науку) и наконецъ: «La Maison du peuple vend au meilleur marché les meilleurs produits» (Народный домъ продаетъ дешевле самые лучшіе продукты). Эта послѣдняя надпись имѣетъ практическое значеніе и дѣйствительно эти народные дома даютъ народу пищу и для ума и для тѣла, заботятся какъ о его нравственномъ, такъ и о физическомъ здоровьѣ; они поставляютъ рабочимъ хорошіе продукты по самой дешевой цѣнѣ и, главное, дешевый хлѣбъ и тамъ же, въ этихъ домахъ, въ устроенныхъ при нихъ читальняхъ, рабочіе находятъ книги и газеты, а въ залахъ устраиваются чтенія, лекціи, концерты собранія и каждый рабочій чувствуетъ, переступая порогъ этого учрежденія, что тутъ онъ у себя дома, что онъ хозяинъ и сила.

«Но какъ много понадобилось самоотверженія, чтобы довести это дѣло до конца, говоритъ авторъ статьи въ «Revue de Paris». Въ Брюсселѣ нѣсколько горячихъ приверженцевъ идеи кооперации начали дѣло, имѣя всего нѣсколько сотъ франковъ, два мѣшка муки, да повозку, въ которую была запряжена

собака и на которой утромъ они развозили дешевый хлѣбъ. Хлѣбопекарня была устроена въ недѣлю. По вечерамъ они отправлялись въ походъ, посѣщали всѣ притоны, убѣждали пьяницъ, ораторствовали въ собраніяхъ, а ночью, который нибудь изъ нихъ, несмотря на усталость, наблюдалъ, за печеніемъ хлѣба. Чаще всего эту обязанность исполнялъ Жанъ-Вальдерсъ, ораторъ, булочникъ, счетчикъ все что угодно! Онъ всей душой отдавался дѣлу и умеръ отъ истощенія силъ. Богда онъ былъ боленъ и товарищи навѣщали его, то онъ ихъ неизмѣнно спрашивалъ: «Ну а какъ дѣла нашего дома?»—Хлѣба испекли столько то, отвѣчали ему; каждую недѣлю возрастаетъ спросъ. — Больной на минуту оживлялся, но затѣмъ грустно говорилъ:—Я не увижу его больше!

Онъ умеръ и въ день его похоронъ въ Брюсселѣ прекратилась всякая общественная жизнь. Пятьдесятъ тысячъ рабочихъ дефилировали по улицамъ. Полкъ солдатъ, желавшій во что бы ни стало пройти черезъ эту толпу, долженъ былъ остановиться и простоялъ пять часовъ, прежде чѣмъ путь очистился. И съ этихъ поръ при всякихъ манифестаціяхъ и процессіяхъ устраиваемыхъ рабочими, впереди всегда идетъ какой-то старикъ. Толпа съ почтениемъ разступается передъ нимъ. Это отецъ Жана Вальдерса.

Новый брюссельскій народный домъ, ради устройства котораго Жанъ Вальдерсъ такъ много поработалъ, объединяетъ всѣ кооперативныя общества въ Брюсселѣ, примыкающіе къ рабочей партіи, и устроенъ по типу другихъ народныхъ домовъ, въ Антверпенѣ, Гентѣ—«Vooguit» и т. п. Архитектура его проста, но изящна. Два первыхъ этажа занимаютъ магазины, въ третьемъ этажѣ биржа труда и бюро рабочихъ синдикатовъ, а въ четвертомъ, напоминающемъ по своей конструкціи мастерскую художника, помѣщается огромный залъ для собраній, въ которомъ могутъ помѣститься три тысячи человѣкъ. Въ пятомъ этажѣ устроена терраса, украшенная красивыми флагами, съ вершины которой открывается прекрасный видъ на дѣльный городъ.

Ни въ одной странѣ кооперативныя общества рабочихъ не достигли такой высокой степени процвѣтанія и развитія какъ въ Бельгіи. Въ настоящее время всѣ бельгійскіе народные дома получаютъ продукты изъ первыхъ рукъ и поэтому могутъ продаваться рабочимъ по самой дешевой цѣвѣ, а брюссельскій народный домъ приобрѣлъ даже ферму въ маленькой деревушкѣ Герфелининъ и собирается устроить въ ней образцовую молочную. Ассоціація фермеровъ согласилась ее поддерживать. Въ настоящее время всѣ кооперативныя общества бельгійской рабочей партіи образуютъ федерацію, о значеніи которой можно судить уже потому, что въ составъ ея входятъ 68 обществъ, около которыхъ группируются до 70.000 семействъ, соединяющихъ вмѣстѣ свои средства для покупки мельницъ, заводовъ и т. д. Въ мастерскихъ своей партіи рабочіе всегда найдутъ работу и такимъ образомъ эволюція совершается мирнымъ и нормальнымъ путемъ, и не даромъ Анселе, говоря о кооперативныхъ обществахъ, сказалъ: «Кооперативныя общества представляютъ для насъ крѣпость, изъ которой мы можемъ бомбардировать капиталистовъ картофелемъ и хлѣбомъ въ четыре су». И дѣйствительно даже капиталистамъ трудно выдержать конкуренцію съ этими кооперативными обществами и поэтому никакія попытки капиталистовъ вызвать въ Бельгіи повышение цѣвъ на хлѣбъ и предметы первой необходимости, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ.

Какая то миссъ Френкисъ Лоу раздражается въ «Nineteenth Century» рѣзкою критикой противъ Лондонскаго женскаго конгресса. По ея мнѣнію такой конгрессъ имѣетъ только цѣлью поддерживать враждебныя отношенія между двумя полами, образующими человѣческую расу. Оба пола обладаютъ такими спеціальными чертами и качествами, которыя нужны для выполненія спеціаль-

ныхъ обязанностей, но у нихъ есть и общіе черты, наклонности, чувства и стремленія, такъ что счастье и благосостояніе всего человѣчества, находится въ зависимости отъ взаимной коопераціи обоихъ половъ. Эта непремѣнное условіе которое, по словамъ миссъ Лоу, конгрессъ совершенно упускаетъ изъ виду, такъ какъ главная тенденція всѣхъ такихъ конгрессовъ заключается, по ея мнѣнію, въ томъ, что они оцѣниваютъ услуги женщинъ, оказываемыя ими міру, по существующему тарифу платы за трудъ. Конгрессы эти смѣшиваютъ «искусство жить» съ заработкомъ и преувеличиваютъ значеніе труда женщинъ въ такихъ областяхъ, въ которыхъ мужчина справляется вполне удовлетворительно и безъ помощи женщинъ, не умаляя значеніе женскаго труда въ области домашнихъ обязанностей. Миссъ Лоу находитъ, что конгрессъ обнаружилъ отсутствіе широты взглядовъ и проницательности и не сумѣлъ возвыситься надъ общепринятыми взглядами, господствующими въ данный моментъ и могущими повести къ большому смѣшенію понятій и замѣшательству и совершенно ненужному беспорядку въ строѣ жизни.

Однимъ словомъ, миссъ Лоу, горячо заступаетъ за «домашнія обязанности», которыми такъ склонны по ея мнѣнію пренебрегать современныя женщины», стремящаяся,—какъ она говоритъ—отдѣлаться отъ работъ по хозяйству, чтобы посвятить себя болѣе возвышеннымъ предметамъ. Не даромъ одна изъ американокъ, говоря на женскомъ конгрессѣ, сказала, что «благодаря эволюціи, хозяйственныя работы одинаково перестанутъ быть удѣломъ женщины, какъ и мужчины!» Миссъ Лоу проливаетъ слезы по поводу этого скорого освобожденія женщины «отъ всѣхъ путъ, связывающихъ ея движенія», такъ какъ не видитъ въ этомъ залога счастья и благосостоянія расы.

Надо ожидать, конечно, что статья англійской писательницы вызоветъ горячую полемику и протестъ со стороны защитницъ безусловной эмансипаціи женщинъ, но покажется миссъ Лоу можетъ похвастаться тѣмъ, что статья ея вызвала сочувственныя отзывы французской печати, всегда недоброжелательно и тревожно относящейся къ успѣхамъ женскаго движенія и эволюціи женщинъ, такъ какъ эта эволюція грозитъ уничтожить во Франціи поколѣніе «petites femmes», и породить другое, требующее къ себѣ иного отношенія и иныхъ правъ.

Въ «Nouvelle Revue» напечатанъ интересный очеркъ, относящійся къ исторіи женскаго движенія во Франціи. Въ 1859 г. Лионская академія объявила родъ конгресса на отысканіе лучшаго способа повысить заработную плату женщинъ до уровня той, которую получаютъ мужчины, тамъ гдѣ работа ихъ вполне эквивалентна,—и на открытіе и указаніе новыхъ родовъ дѣятельности для женщинъ, чтобы онѣ могли вернуть то, что потеряли вслѣдствіе мужской конкуренціи. Премія на этомъ нѣсколько странномъ и неопредѣленномъ конкурсѣ была присуждена нѣкоей m-lle Добье. Викторія Добье родилась въ 1824 г. и происходила изъ стариннаго лотарингскаго рода. Въ дѣтствѣ она была очень слабаго здоровья и родители не хотѣли ее утомлять ученіемъ и поэтому ученіе ея шло очень неправильно. Однако жажда знанія у нея была такъ велика, что она тайкомъ училась и читала, такъ что уже въ ранней молодости обладала такою начитанностью, которой могъ бы позавидовать и вполне взрослый человѣкъ. Она воспользовалась тѣмъ, что одинъ изъ ея братьевъ обучался латыни у мѣстнаго кюре и вмѣстѣ съ нимъ брала уроки. Когда родители повезли ее собою въ Баденъ, то она не замедлила воспользоваться короткимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ, чтобы выучиться по нѣмецки. Въ сущности вся ея жизнь была одною сплошною погонею за приобрѣтеніемъ знаній и даже наканунѣ своей смерти, въ 1874 года, работала надъ тезисами для своей докторской диссертаціи. Но кромѣ этой жажды знанія, она обладала еще апо-

стольскимъ призваніемъ и была самою горячею проповѣдницѣй правъ женщины. Она отказалась отъ замужества, чтобы свободнѣе отдаться своему признанію и ея краснорѣчіе и сила убѣжденія такъ дѣйствовала на слушателей, что вскорѣ возлѣ нея образовалась цѣлая маленькая армія ея приверженцевъ, такихъ же преданныхъ дѣлу, какъ она. Но тогдашняя эпоха, начала второй имперіи, далеко не благопріятствовала движенію, поставившему себѣ цѣлью возвышеніе женщины, назначеніе которой въ свѣтѣ Наполеонъ опредѣлялъ со свойственною ему грубостью. Масса женщинъ-работницъ во Франціи получала ничтожную плату и вѣчно боролась съ нуждой, выражая какую-то тупую покорность судьбѣ! Видѣ этихъ женщинъ несказанно трогалъ Викторію Добье и она рѣшила защищать ихъ всѣми своими силами и добиваться для нихъ тѣхъ самыхъ ordinarilyхъ, гражданскихъ правъ, которыхъ они были лишены. Викторія Добье возставала также противъ исключительнаго права, которое было даровано монахинямъ, заниматься преподавательскою дѣятельностью, не взирая на степень ихъ компетентности. Но тутъ ея пропаганда не имѣла такого успѣха и лишь въ 1870 году у монахинъ были отняты эти привилегіи и было постановлено, что ни одна женщина, хотя бы она была монахиня, не имѣетъ права заниматься преподаваніемъ, не имѣя на то установленнаго свидѣтельства.

Несмотря на свѣтскій характеръ своей пропаганды, Викторія Добье вовсе не была врагомъ духовенства и церкви, а только во всемъ требовала справедливости. На основаніи этого то принципа справедливости она требовала признанія права женщины. Въ своемъ докладѣ, представленномъ въ Лионскую академію, она заявила: «Женщины займутъ въ обществѣ то положеніе котораго онѣ окажутся достойными по своимъ способностямъ и нравственнымъ качествамъ». — Лучшимъ средствомъ къ достиженію своей цѣли, т. е. возвышенію женщинъ рабочихъ классовъ, Викторія Добье считала распространеніе образованія среди нихъ и проповѣдь ея больше всего была направлена въ эту сторону. Но, несмотря на то, что она сама отказалась отъ брака, ради идеи, которой посвятила свою жизнь, Викторія Добье горячо защищала семью и требовала ея сохраненія и подтвержденія, находя что основы ея потрясены условіями современной промышленности и что эти условія прежде всего должны быть измѣнены для того, чтобы возможенъ былъ правильный прогрессъ и развитіе всѣхъ ресурсовъ народа.

Даровой обѣдъ для бѣдныхъ учениковъ въ Боро.

Чарльса Морлей. Перев. съ англійскаго Н. Кургановой.

Часы въ Боро *) бьютъ полдень. Мороситъ мелкій дождь; холодно и пронизывающе дуетъ зимній вѣтеръ. Зонтики въ смертельной борьбѣ съ разъяренными стихіями скрипятъ и вряхтять; мостовыя и тротуары покрыты такой густой и вязкой грязью, что люди и лошади на каждомъ шагу скользятъ и спотыкаются.

Дѣйствительно, болѣе мрачнаго и угнетающаго вида, чѣмъ въ это неприятное утро, Боро никогда не имѣло.

Но, Господи помилуй! дѣти этой части свѣта, кажется, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія ни на дождь, ни на холодный вѣтеръ. Когда часы бьютъ полдень, они высыпаютъ изъ cadaго двора и cadaго переулка. Даже нетер-

*) Боро—одинъ изъ бѣдныхъ кварталовъ Лондона.

пѣливые прохожіе, снующіе во всѣ стороны, останавливаются поглазѣть на нихъ, даже кучера и ломовые извозчики поднимаютъ на минуту глаза отъ возжей и бича. И неудивительно! Шумъ, поднимаемый дѣтьми, заглушаетъ даже уличный шумъ въ Боро. Дѣти толпами идутъ по Марчельси-родъ и : атѣмъ внезапно исчезаютъ.

— Куда это они отправляются?—спрашиваетъ обитатель другой мѣстности Лондона.

— Куда? Въ Фармъ-Гаусъ,—гласитъ отвѣтъ туземца съ взглядомъ превосходства на него.

— Въ Фармъ-Гаусъ!—восклицаетъ спросившій, удивляясь забавной несообразности и ломая себѣ голову, какого рода ферма можетъ существовать въ Боро.

Однако она дѣйствительно существуетъ въ глубинѣ мрачнаго прохода, именуемаго Гарро-стритъ. Фармъ-Гаусъ и служить цѣлью, куда стремятся всѣ эти дѣти въ этотъ особенно неприятный зимній день. Вся Гарро-стритъ наполнена дѣтьми, но что за порядокъ царитъ въ ней, несмотря на отсутствіе полицмена. Дѣти сами выстроились въ ровную линію, по три, по четыре въ рядъ и маршируютъ, подобно солдатамъ. Узнать это можно только по быстрому движенію ногъ, такъ какъ обувь ихъ или не производитъ совсѣмъ шума, или же очень мало. Шумъ этотъ—родъ угрюмаго шлепанья башмаками или босыми ногами по грязи.

Боже мой! Приходилось ли когда-либо видѣть самому смиренному сапожнику, много лѣтъ владѣющему шиломъ, подобную коллекцію обуви для ногъ бѣдняковъ? Никогда, клянусь. У иныхъ башмаковъ были подошвы, но очень мало верхней части, у тѣхъ. верхняя часть и очень мало подошвы; нѣкоторые башмаки были искривлены на носкахъ подобно обуви, которую носили наши предки въ старыя времена. Тѣ искривились въ голенищѣ, эти были покривлены въ видѣ вопросительнаго знака. Нѣкоторые ботинки, видимо, принадлежали матери и носили еще слѣды пышнаго прошлаго. На иныхъ дѣтяхъ были надѣты отцовскіе сапоги, настоящіе громадные сапоги, въ которыхъ совершенно терялись маленькія ножки. На иныхъ дѣтяхъ была смѣшанная обувь—одинъ башмакъ былъ материнскій, другой — отцовскій, и никто не указывалъ съ прѣзрѣніемъ на такого ребенка, хотя у дѣтей и очень развито чувство сознанія смѣшнаго. У нѣкоторыхъ башмаковъ были деревянные подошвы; иные состояли только изъ коричневой бумаги, тѣ скрипѣли и были всѣ въ морщинахъ, подобно лицу древней старухи; другіе были связаны веревкой,—короче сказать, это была такая же замѣчательная коллекція обуви, какую всюду можно увидѣть въ кучѣ старья, посвященной исключительно обветшалымъ сапогамъ и башмакамъ. Впрочемъ, мнѣ пріятно прибавить, что было также и нѣсколько почтенныхъ исключеній, ничѣмъ не выдающихся, такъ какъ это были ни болѣе, ни менѣе какъ обыкновенные башмаки.

Одежда также представляла собою смѣсь удивительныхъ облаченій. На маленькихъ дѣвочкахъ были длинныя платья, на большихъ короткія; многія дѣвочки были въ совсѣмъ коротенькихъ платьицахъ. Маленькіе мальчики были въ одномъ верхнемъ платьѣ, на которомъ пуговицы отсутствовали; большіе мальчики были безъ верхняго платья въ очень короткихъ курткахъ безъ жилетовъ. Матеріалъ на костюмахъ самый смѣшанный. Чулки въ большинствѣ случаевъ отсутствовали, а если у кого изъ дѣтей и были, то благодаря дыривости, не соотвѣтствовали своему назначенію: ноги оставались все таки босыми или полуприкрытыми. Шали (въ которыя часто бывали завернуты младенцы) были и вязаныя, и тканыя разныхъ цвѣтовъ. Воротничковъ мало было видно. Шапы представляли удивительную смѣсь соломы, сукна, шерсти, бархата, цвѣтовъ и различнаго рода украшеній.

Дѣти начинаютъ двигаться. Слышенъ шумъ и веселыя восклицанія—слабый визгъ, смѣшанный съ хриплыми и рѣзкими криками. Голосъ дитяти Боро скоро теряетъ всякую дѣтскую мягкость. Я не увѣренъ, что не слышалъ крѣпкой ругани нѣсколькихъ мальчиковъ. Даже нѣкоторыя крошечныя дѣвочки порой отпускали крѣпкое слово, могущее оскорбить уши обитателя фешенебельнаго Лондона. Но въ Боро все это ровно ничего не значить. Подобно жаргону матросовъ, всѣ эти словечки только пустой звукъ, служащій для выраженія небольшого раздраженія. Самое щебетанье воробья въ Боро заключаетъ въ себѣ угрожающія ноты. Перебранка не производитъ безпорядка. Дѣти продолжаютъ двигаться къ Фармъ-Гаусъ, находящемуся въ глубинѣ улицы; въ воздухѣ развѣваются маленькіе кусочки голубой, красной и желтой бумаги, высоко поднятые дѣтскими руками. Кусочки бумаги провѣрнутся у входа двумя привратниками; стройная процессія, будто по мановенію магическаго жезла, разсѣивается и дѣти, не соблюдая дальнѣйшихъ церемоній, бѣгутъ на верхъ по стовушимъ ступенямъ.

Послѣдуемъ за дѣтьми.

Благоуханный запахъ мяса привѣтствуетъ наши ноздри и оглушительные звуки наполняютъ комнату. Звуки полотораста ложекъ, стучащихъ о столько же тарелокъ, звуки затрудненнаго дыханія, вздоховъ — словомъ, звуки, служащіе для различнаго рода выраженія чувства высшаго удовольствія, и звуки дѣтской болтовни. Только сначала ничего не видно: большая комната Фармъ-Гаусъ наполнена паромъ. Черезъ минуту или двѣ этотъ пріятный туманъ разсѣивается и затѣмъ взоръ встрѣчаетъ дѣйствительно замѣчательное зрѣлище: полтораста дѣтей Боро прекрасно обѣдаютъ. На тарелкѣ передъ каждымъ ребенкомъ лежитъ вкусный кусокъ пудинга съ картофелемъ, политый прекрасной, мясной подливкой.

Это былъ одинъ изъ первыхъ даровыхъ обѣдовъ зимняго сезона.

Въ зимніе мѣсяцы, когда небеса мрачны, туманъ удушливъ, скучный дождь наводняетъ городъ, когда идетъ снѣгъ и земля отъ холода становится тверда какъ желѣзо, а ледъ покрываетъ мрачную рѣку, эти скромные пиры даются ученикамъ начальныхъ школъ всего Лондона. Это сезонъ, когда вслѣдствіе безработицы рабочіе дома и госпитали переполнены. Именно тогда-то нищета дрожить на нетопленномъ чердакѣ или въ глубокомъ подвалѣ. Въ это-то время, говоря метафорически, продаются утюги, сковородки, кастрюльки и даже обувь всей семьи.

Нищета ужасно плодовита: каждая лачуга, каждый дворъ, каждый переулокъ изобилуетъ дѣтьми, которыхъ, однако, надо посылать въ школу. Но что пойдеть на умъ на голодный желудокъ? Конечно, ничего.

— Тѣ, чьи отцы безъ работы, подымите руки!—говорить учитель школы на Оранжъ-стритъ въ Боро.

Въ отвѣтъ подымается много рукъ.

Учитель прекрасно знаетъ, довольно часто благодаря личному знакомству, кто говоритъ правду. Кромѣ того, мальчики и дѣвочки контролируютъ другъ друга и нисколько не стѣсняются въ передачѣ истинныхъ семейныхъ обстоятельствъ ихъ товарищей, если тѣ, изъ любви къ пуддингу, не говорятъ полной правды. Увы! такъ поступать заставляютъ ихъ муки голода. Затѣмъ учитель раздастъ нуждающимся ученикамъ по одному изъ столь желанныхъ билетовъ, какіе мы видѣли развѣвающимися подъ дождемъ, а билетъ даетъ право на получение одного обѣда въ Фармъ-Гаусъ, главномъ центрѣ вѣчно мрачнаго, вѣчно трудящагося и вѣчно голоднаго Боро.

Шумъ въ комнатѣ становится громче, чѣмъ когда-либо: дѣти ложками выскребываютъ тарелки, стараясь не оставить на нихъ ни крошки. Прислужницы готовятся къ новой смѣнѣ посѣтителей, скамьи съ шумомъ отодвигаются, ком-

ната мало-по-малу пустѣть. Въ кухнѣ нарѣзывается пуддингъ, готовятся картофель и прекрасная мясная подливка. Новая полтораста тарелокъ ставятся въ порядкѣ рядами вдоль столовъ; комната снова наполняется пріятнымъ запахомъ. снова подымается шумъ.

Это четвертая смѣна; менѣе чѣмъ въ часъ съѣдено отъ шестисотъ до семисотъ обѣдовъ.

То же самое происходитъ во всѣ дни недѣли, за исключеніемъ субботы. Меню кушаній мѣняется ежедневно. Обѣдъ состоитъ то изъ мясного пудинга и картофеля, то изъ пудинга съ изюмомъ, то изъ ирландской тушеной говядины и хлѣба, то изъ гороха и хлѣба. Хлѣбъ дается только дважды въ недѣлю, составляя, такимъ образомъ, предметъ роскоши для большинства дѣтей Боро даже по воскресеньямъ, когда они ѣдятъ селедку или треску. Изъ всѣхъ обѣдовъ самый любимый—мясной пуддингъ, наименѣе цѣнится гороховый супъ.

Когда времена бываютъ особенно тяжелы, дѣти получаютъ, кромѣ обѣда, еще и «завтракъ», какъ многіе зовутъ его, состоящій изъ похлебки съ кускомъ хлѣба и мармелада на закуску.

Вмѣстѣ съ толпой обычныхъ посѣтителей послѣдней смѣны въ этотъ день, въ столовую пробираются контрабандой и дѣвочки, нянчачія младшихъ членовъ семьи, которымъ удалось убѣдить привратника впустить ихъ поѣсть остатки обѣда. На начальство онѣ смотрятъ, можетъ быть, мучимыя укорами совѣсти, но все-таки продолжаютъ ѣсть и въ промежутки между глотками суютъ въ ротъ младенца ложку, наполненную подливкой. Жадными взорами младенцы пожираютъ также и куски пудинга. Вотъ одна изъ такихъ дѣвочекъ—нянь, миссъ Мэри-Анна Сайдей, съ малюткой, завернутымъ въ ея шаль. Мэри-Аннѣ только тринадцать лѣтъ, хотя на видъ вы дадите ей больше.

— Ты ходишь въ школу, Мэри-Анна?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она, вытирая малюткѣ ротъ.

— Почему нѣтъ?

— Потому что у меня хроническій ревматизмъ сердца.—Слова эти обозначаютъ ужасную болѣзнь, впрочемъ, Мэри-Анна часто бывала въ госпиталѣ и, вѣроятно, тамъ нахваталась громкихъ названій болѣзней отъ студентовъ. Хотя, судя по ея синеватымъ губамъ, дѣвочка могла страдать этой болѣзью. Школьное начальство избавило Мэри-Анну навсегда отъ ученія и въ настоящее время она остается дома нянчить малютку. *Nota bene*—въ каждомъ домѣ всегда есть младенецъ. Какъ только на головкѣ номера перваго появляются первые курчавые волосики, на свѣтъ является номеръ второй и такъ *ad*, я чуть-было не прибавилъ, *infinitum*. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что младенцы все-таки обуза для плательщиковъ налоговъ въ Боро. Взгляните хоть на младенца Сайдей и его бѣдное, увядшее личико съ удивленнымъ выраженіемъ; большіе темные глаза ребенка глядятъ на васъ сквозь покрывающія лицо пятна грязи, подливки и крошки пудинга. У него удивительно старообразная наружность. Хотя ему, я полагаю, менѣе года («это мальчикъ, а не дѣвочка», поясняетъ Мэри-Анна въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе), однако, онъ смотритъ на васъ взглядомъ, который ужасно видѣтъ въ глазахъ такого крошки, взглядомъ покорности судьбѣ, какъ будто ему уже были извѣстны по горькому опыту всѣ несчастія и зло, даруемыя въ наслѣдство смертной плотью, а также будто онъ прекрасно сознавалъ свое ничтожество. Въ грустномъ, безнадежномъ взглядѣ малютки, несмотря на то, что онъ заставлялъ васъ содрогаться, было своего рода очарованіе. На головкѣ младенца Сайдей былъ чепецъ изъ ярко-зеленаго бархата, указывающій на нѣкоторое благосостояніе. Чепецъ этотъ подарила ему его крестная мать въ какой-нибудь знаменательный для него день, день рожденія, можетъ быть. У мальчика четверо братьевъ или сестеръ немногимъ старше его, включая и Мэри-Анну; мать его подбирающа мѣха... но именно

въ эту минуту повѣствованіе было прервано тѣмъ, что у малютки въ горлѣ застрялъ кусокъ пудинга, и нѣжная няня Мэри-Анна изо всей силы начинаетъ шлепать его по спинкѣ. Бѣдный крошка!

Вотъ другая маленькая няня, кормящая другого малютку; на головѣ у самой няни очень короткіе волосы.

— Горячка или рабочій домъ?—ласково спрашиваютъ ее, намекая на волосы.

— Рабочій домъ, — съ готовностью отвѣчаетъ дѣвочка (при поступленіи туда ее обрили).—Отецъ бросилъ насъ, мы все продали и намъ оставалось только одно—поступить въ рабочій домъ,—мнѣ, матери, малюткѣ и имъ тремъ, указала она на крошекъ, сидящихъ рядомъ съ ней и поѣдающихъ пудингъ.

— Вамъ было хорошо тамъ?

— Да.

— Но вы ушли оттуда?

— Да.

— Почему?

— Отецъ нашелся.

— Гдѣ?

— Въ тюрьмѣ.

— Какимъ образомъ онъ туда попалъ?

— О, за старыя штуки— пьянство и драки.

— Онъ билъ тебя?

— Да, и мать, и его также,—указала дѣвочка на малютку.

— Теперь вы ушли изъ рабочаго дома?

— Да, онъ ищетъ квартиру.

— Значитъ, отецъ нашелъ работу?

— Да.

— И вы снова будете жить вмѣстѣ?

— Да.

— А гдѣ вы живете теперь?

— Онъ живетъ въ меблированныхъ комнатахъ, мы у бабушки.

— Вы будете рады имѣть свой домъ?

— Нѣтъ.

— Развѣ безъ отца было лучше?

— Да.

Семейная исторія, наводящая на различные размышленія. Свидѣтелемъ какихъ только сценъ не бывалъ малютка Блэкъ (это не подлинное его имя, но съ успѣхомъ можетъ его замѣнить) въ продолженіе двѣнадцати короткихъ мѣсяцевъ своей жизни.

Кто это бѣдное, маленькое, молчаливое созданіе съ испуганнымъ блуждающимъ взоромъ? Ребенокъ не отвѣчаетъ на вопросы; съ пудингомъ въ рукѣ дѣвочка старается пробраться въ какой-нибудь темный уголокъ, чтобы тамъ въ одиночествѣ съѣсть свою порцію.

«Она видѣла, какъ мать ея, въ припадкѣ пьянаго бѣшенства, убила одного изъ ея братьевъ», дрожащимъ шепотомъ сообщаетъ мнѣ завѣдующій.

Не думайте, однако, чтобы у всѣхъ дѣтей, съѣдающихъ эти семьсотъ обѣдовъ, были такія ужасныя семейныя исторіи. Большинство дѣтей, не смотря на худобу, малокровіе, плохую одежду и отсутствіе обуви, веселы, какъ только могутъ быть веселы дѣти, во всякомъ случаѣ, во время обѣда. Нѣкоторые изъ нихъ, которые до обѣда получили болѣе чѣмъ по куску хлѣба, продолжаютъ бродить вокругъ стола. Не могутъ также сказать, чтобы всѣ дѣти были проникнуты принципами нравственности. Впрочемъ, голодь—сущій Мефистофель, подвизающій на обманъ и зло. Вънъ въ углу Джонъ Ластеръ, хитрый мальчишка,

только что уличенный въ воровствѣ пуддинга у своего сосѣда, когда этотъ глупый молодой человекъ нагнулся поднять свою ложку.

Затѣмъ вотъ еще другой смѣтливый мальчуганъ, котораго не удовлетворяетъ его прекрасная порція пуддинга.

— Взгляните сюда, сударыня,—кричитъ онъ одной изъ прислужницъ,— взгляните сюда, развѣ этого достаточно?—и онъ съ дрожащими губами и слезами на глазахъ указываетъ на свою тарелку.

Дѣйствительно, на тарелкѣ лежалъ жирный уголь пуддинга, немного даже больше обычной порціи (вѣроятно, соскользнулъ ножъ). Какъ бы то ни было, мальчикъ получилъ другую порцію. Этотъ дѣтскій феноменъ по жадности— юный Гушъ.

— Могъ бы ты справиться съ другимъ обѣдомъ, Гушъ?

— Да.

— Сколько же обѣдовъ ты можешь съѣсть, если постараться?

— Три,—отвѣчаетъ Гушъ.

— Три! Почему ты это знаешь?

— Потому что я съѣдалъ три.

Дальнѣйшихъ доказательствъ не могъ бы требовать и самъ Эвелиндъ.

— Сколько пенсовъ въ шиллингѣ, Гушъ?

— Двѣнадцать.

— А сколько будетъ два и два?

— Четыре.

— Очень хорошо, Гушъ.

Объясненіе этого эпизода то, что у Гуша, какъ говорится, не всё дома, и потому ему въ большинствѣ случаевъ уступаютъ. Однако, какъ бы мальчикъ ни былъ неспособенъ, онъ все-таки не настолько идиотъ, чтобы отказаться отъ трехъ обѣдовъ, если можно ихъ получить, а это доказываетъ, что умъ его рѣшительно проясняется.

Я только что кончилъ разговаривать съ Гушъ, какъ въ столовую вошла м-съ Бэргунъ, на которой лежало завѣдываніе Фармъ-Гаусъ, такъ какъ она была казначеемъ «Посредника», денежнаго фонда даровыхъ обѣдовъ, много лѣтъ тому назадъ основаннаго истиннымъ другомъ бѣдняковъ, м-ромъ Г. Р. Симсъ, и пользующагося поддержкой всѣхъ современныхъ артистовъ, артистокъ и писателей. Черный сакъ м-съ Бэргунъ былъ биткомъ набитъ бумагами (полагаю, что многія изъ нихъ были чеками и почтовыми повѣстками). М-съ Бэргунъ заглянула въ столовую Фармъ-Гаусъ именно съ цѣлью узнать о количествѣ посѣтителей, недостатка въ которыхъ не было. Отъ этой строгой и энергичной дамы я узналъ, что раздача даровыхъ обѣдовъ въ помѣщеніяхъ школъ еще не началась, такъ какъ теперь было только начало декабря. Такимъ образомъ, хоть въ одномъ отношеніи дѣти Боро оказались счастливыми. Впродолженіе зимы Фармъ-Гаусъ ежедневно кормитъ шестьсотъ-семьсотъ голодныхъ ртовъ благодаря фонду «Посредника» и излишекъ, получаемый здѣсь, отсылается въ еще болѣе нуждающіеся кварталы, гдѣ мало наличныхъ денегъ. Всѣ школы работаютъ дружно и, какъ говорили мнѣ, въ полномъ согласіи. Богатыя школы помогаютъ бѣднымъ, а потому ни одна школа не упущена изъ виду.

Фармъ Гаусъ — странное зданіе, находящееся въ сердцѣ Марчельси; какъ разъ черезъ дорогу находится мѣсто, гдѣ была знаменитая тюрьма того же имени. Кладбище св. Георгія Великомученика преобразовано нынѣ въ общественный садъ, довольно мрачный, конечно, съ потемнѣвшими надгробными камнями и тополями, покрытыми сажей. На одной изъ стѣнъ прибита доска съ напечатанной надписью: «Это находится на мѣстѣ тюрьмы Марчельси, описанной въ хорошо извѣстной повѣсти Чарльса Диккенса «Крошка Дорритъ».

Фармъ-Гаусъ служилъ когда то городскимъ мѣстопробываніемъ графовъ Уинчестеръ. Отъ времени прежняго величія зданіе сохранило старинный, потертый временемъ фасадъ, дворъ, потайныя комнаты, старинныя дубовыя панели, на которыхъ до сихъ поръ можно различить изображенія нѣкоторыхъ прежнихъ дамъ и господъ Уинчестеръ, прекрасную старинную лѣстницу и, въ придачу, одно или два привидѣнія. Но давно уже барскій домъ превратился сначала въ простую гостиницу, гдѣ за четыре пенса можно было переночевать въ комнатѣ, посѣщаемой привидѣніями. Много удивительныхъ исторій могли бы рассказать эти выблѣнныя стѣны, если бы онѣ обладали даромъ слова, о прекрасныхъ старыхъ временахъ царствованія Генриха VIII или даже, можетъ быть, о болѣе ранней эпохѣ. Многіе, вступающіе въ жизнь съ большими надеждами на будущее, бывали рады впоследствии преклонить свою голову въ старомъ Фармъ-Гаусъ въ Марчельси, въ Боро.

Однако, что это за пріятный запахъ, разносящійся въ воздухѣ?

Поваръ уже въ кухнѣ со своими кастрюльками и думаетъ о приготовленіи похлебки на завтрашній день.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Ботаника.—Выдѣленіе тепла въ цвѣтахъ *Victoria regia*.—Бактеріологія. Къ вопросу о взаимодействіи между бактеріями и зараженнымъ ими организмомъ.—Зоологія. 1) О движеніи инфузорій. 2) Обоняніе птицъ.—Физика. Телеграфированіе безъ проводовъ.—Астрономическія извѣстія.

Ботаника. *Выдѣленіе тепла въ цвѣтахъ Victoria regia*. Насколько растенія отличаются отъ животныхъ по внѣшнему виду и внутреннему строенію, по самымъ принципамъ строенія дифференцированныхъ органовъ, настолько же сходны физиологическіе процессы, изъ которыхъ слагаются основныя проявленія жизни въ томъ и другомъ царствѣ. Объ этомъ лишній разъ напоминаютъ изслѣдованія ботаника Е. Кнохъ'а надъ выдѣленіемъ тепла въ цвѣтахъ *Victoria regia*. Его работа, озаглавленная «*Untersuchungen über der Morphologie, Biologie und Physiologie der Blüte von Victoria regia*», помѣщенная въ *Bibliotheca botanica*. Heft 47. 1899, содержитъ, кромѣ данныхъ, выясняющихъ истинное морфологическое значеніе частей цвѣтка, считавшихся равнѣе измѣненными плодолостиками, интересныя біологическія соображенія относительно опыленія этихъ цвѣтотъ и упомянутыя обстоятельныя изслѣдованія надъ выдѣленіемъ тепла, на которыхъ я и остановлюсь нѣсколько подробнѣе.

Многіе, конечно, видѣли цвѣтокъ *Victoria regia* въ оранжереѣ или на рисункѣ; кому не случилось его видѣть, тотъ, зная, что это растеніе весьма близко къ бѣлой кувшинкѣ, встрѣчающейся у насъ повсюду, легко представить себѣ внѣшній видъ этого цвѣтка, но врядъ-ли кто,—конечно, изъ лицъ, не занимающихся ботаникой,—имѣетъ ясное представленіе относительно формы и расположенія частей его, между тѣмъ какъ это весьма важно для пониманія дальнѣйшаго изложенія. Цвѣтокъ *Victoria regia* состоитъ изъ 4 листочковъ чашечки, образующихъ его наружный покровъ и усаженныхъ на внѣшней поверхности крупными колючками, изъ многочисленныхъ бѣлыхъ лепестковъ вѣнчика, постепенно переходящихъ въ пылинки, за которыми слѣдуютъ особыя образованія, представляющія какъ бы переходъ отъ тычинокъ къ плодникамъ и по этому названнымъ равнѣе спеціально изучавшимъ семейство нимфейныхъ Робертомъ Каспари—*Paracarpellen*, т. е. недоразвитыми плодолостиками; середину цвѣтка занимаютъ также многочисленные сросшіеся между собою плодники, на концахъ которыхъ имѣются особые утолщенные придатки, заслуживающіе вниманія, такъ какъ въ нихъ главнымъ образомъ и наблюдается освобожденія тепла.

На основаніи анатомическаго строенія и исторіи развитія листочковъ, названныхъ Каспари *Paracarpellen*, Кнохъ приходитъ къ заключенію, что они представляютъ собой недоразвитыя тычинки, такъ какъ среди нихъ наблюдаются всѣ переходы къ тычинкамъ (нѣкоторыя сохраняютъ даже зачатые пыльники), развиваются они одновременно съ тычинками и залагаются совершенно одинаково; тѣ черты строенія, которыя придаютъ имъ нѣкоторое сходство

съ плодolistиками, появляются лишь позднѣе и притомъ, какъ результатъ механическаго воздѣйствія, происходящаго вслѣдствіе срастанія съ окружающими органами.

Широкія мясистыя тычинки и прилегающія къ нимъ снаружи кнутри стаминодіи (т. е. только что описанныя недоразвитыя тычинки) расположены тѣсно въ кольцѣ вокругъ сросшихся плодниковъ, занимающихъ середину цвѣтка, и образуютъ къ нимъ каналъ діаметромъ около 3 см. Лепестки вѣнчика при расцвѣтаніи свѣжно-бѣлаго цвѣта, самыя внутренніе изъ нихъ—красныя, наружныя стаминодіи бѣлаго цвѣта, на концахъ красныя, у внутреннѣхъ стаминодій—наружная поверхность бѣлаго цвѣта, внутренняя краснаго.

Цвѣточная почка залагается въ водѣ. Постепенно цвѣтоножка, несущая ее, вырастаетъ, производя при этомъ движенія: на ночь цвѣточная почка погружается въ воду, на утро поднимается, съ каждымъ разомъ нѣсколько выше, такъ что передъ раскрываніемъ она выдается надъ водой приблизительно на 20 см. *Victoria regia* принадлежитъ къ ночнымъ цвѣтамъ. Первый разъ цвѣтокъ раскрывается около 5—7 часовъ вечера. Листочки чашечки разворачиваются очень быстро, вѣнчикъ наоборотъ лишь постепенно, приблизительно къ 10—12 часамъ ночи. Тычинки и стаминодіи медленно сближаются и къ утру вполне закрываютъ образованный ими каналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ смыкаются и лепестки вѣнчика. На другой день лепестки цвѣтка краснѣютъ, около 5—6 часовъ вечера онъ снова отърывается, но каналъ къ плодникамъ остается замѣнутымъ; къ 10—12 ч. онъ вновь отърывается, тычинки становятся горизонтально и пыльники ихъ растрескиваются. Каждый разъ, когда цвѣтокъ раскрывается, въ немъ выдѣляются пахучія вещества и внутри онъ сильно нагрѣвается.

Всѣ эти измѣненія авторъ считаетъ приспособленіями для перекрестнаго опыленія. При первомъ раскрываніи цвѣтка, сильный аромат и выдѣляемая теплота привлекаютъ наѣdkомыхъ (жуковъ), которыя забираются въ открытый каналъ, принося туда на себѣ пыльцу съ цвѣтовъ другихъ экземпляровъ *Victoria g.* яркѣй красный цвѣтъ окружающихъ частей указываетъ имъ путь. Тычинки и стаминодіи смыкаются и удерживаютъ наѣdkомыхъ въ цвѣткѣ до созрѣванія пыльниковъ, тогда цвѣтокъ раскрывается вполне, и жуки улетаютъ, унося на себѣ пыльцу изъ растрескавшихся къ этому времени пыльниковъ. Затѣмъ цвѣтокъ (оплодотворенный) закрывается въ послѣдній разъ и опускается на дно. Конечно, пока все это только предположенія болѣе или менѣе вѣроятныя: окончательно рѣшить, таковъ-ли именно смыслъ измѣненій, которыя замѣчаются въ цвѣткѣ *Victoria regia*, можно-лишь послѣ того, какъ будутъ сдѣланы наблюденія надъ растеніемъ на его родинѣ.

Самый фактъ выдѣленія тепла въ цвѣткѣ *Victoria regia* извѣстенъ уже давно: процессъ этотъ здѣсь настолько интенсивенъ, что разность температуръ окружающаго воздуха и внутри цвѣтка достигаетъ иногда по наблюденіямъ автора 10°C.—интересъ работъ Кюха въ выясненіи подробностей этого процесса. Наблюденія производились и надъ цѣльнымъ цвѣткомъ, остававшимся въ соединеніи съ растеніемъ, въ оранжереѣ, и надъ отдѣльными, вырѣзанными частями въ различныя условія при температурѣ по возможности постоянной.

Оказалось, что нагрѣваніе обнаруживается еще за 9 часовъ до того, какъ цвѣтокъ раскроется, затѣмъ оно все усиливается и достигаетъ maximum'a въ первый день цвѣтенія вечеромъ между 5 и 8 часами, т. е. когда цвѣтокъ въ первый разъ совершенно раскроется; къ утру оно сильно ослабѣваетъ и затѣмъ опять медленно усиливается до второго, нѣсколько меньшаго maximum'a. Изъ опытовъ надъ отдѣльными частями цвѣтка выяснилось, что лепестки вѣнчика и плодники нагрѣваются весьма слабо, гораздо больше выдѣляется тепла въ стаминодіяхъ и въ тычинкахъ (а именно около пыльниковъ), температура

которыхъ поднималась на 6° выше окружающаго воздуха, особенно же сильно нагрѣваются придатки плодниковъ: разность ихъ температуры съ окружающею средою достигаетъ 12°. Такимъ образомъ эти придатки служатъ спеціальными органами нагрѣванія, въ нихъ же исключительно находятся пахучія вещества, которыя обильно выдѣляются при раскрываніи цвѣтка, слѣдовательно, при наиболѣе сильномъ его нагрѣваніи.

Самонагрѣваніе цвѣтовъ *Victoria regia* представляетъ собою не единственный случай въ растительномъ царствѣ замѣтнаго выдѣленія тепла, которое настолько характерно для животныхъ, что могло послужить основаніемъ для соединенія въ одну группу (теплокровныя животныя) представителей разныхъ классовъ.

Въ различныхъ цвѣткахъ, какъ напр. у растеній принадлежащихъ къ семейству Аронниковыхъ, къ роду *Cucurbita* (тыква), *Bignonia* и *Polygonum*, *Castus*, *Pancreatum*, *Cucurbita*, при проростаніи сѣмянъ и развитіи побѣговъ, въ стебляхъ манса, бѣлена и др. тепло выдѣляется такъ сильно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нагрѣваніе достигаетъ предѣльной температуры для жизнедѣятельности растенія, въ нѣкоторыхъ опытахъ до 49,5° С., т. е. на 30° выше температуры окружающаго воздуха. Кромѣ того самовозгораніе хлопка, тряпья, сложеннаго въ кучи, сѣна и т. д. ближайшимъ образомъ зависитъ отъ выдѣленія огромнаго количества тепла развивающимися въ этихъ веществахъ бактеріями, которыя такъ же принадлежатъ къ растительному царству. И въ животныхъ, и въ растеніяхъ процессы, результатомъ которыхъ является освобожденіе тепла, и вещества, въ которыхъ эти процессы совершаются, по существу одинаковы.

Нѣтъ болѣе общаго, болѣе характернаго проявленія жизни, какъ дыханіе: дышать, значить—жить, и неудивительно, если языкъ отождествляетъ эти понятія. Химическія вещества являются носителями скрытой въ нихъ, такъ сказать напряженной энергіи; при разложеніи или соединеніи ихъ часто происходитъ такая перегруппировка мельчайшихъ, составляющихъ матеріальную основу вещества частицъ—атомовъ, что эта энергія освобождается и обнаруживается, по большей части въ видѣ тепла, подобно тому какъ это легко можно наблюдать, если отпустить растянутую резинку: напряженіе, которое было необходимо для преодоленія упругихъ силъ въ резинѣ при насильственномъ измѣненіи ея формы, освобождаясь оказывается нагрѣваніемъ, которое легко замѣтить даже на ошупь. Въ обычныхъ случаяхъ горѣнія, вещества, содержащія въ своемъ химическомъ составѣ углеродъ, при накачиваніи, въ пламени, разлагаются—вотъ почему сами они загорѣться не могутъ—и углеродъ ихъ соединяется съ кислородомъ воздуха, образуя углекислоту, причемъ выдѣляется такое огромное количество тепла, что оно достаточно и для дальнѣйшаго разложенія имѣющагося горячаго вещества и для накачиванія до яркаго свѣченія временно образующихся кусочковъ угля (сажи), отчего зависитъ яркость пламени. При дыханіи и животныя, и растенія потребляютъ кислородъ и выдѣляютъ углекислоту. Нѣтъ надобности входить въ подробности разложенія углеродистыхъ веществъ въ живомъ организмѣ—процессы эти еще не вполне изучены, но и въ этомъ отношеніи, повидимому, окажется большое сходство между обоими царствами живыхъ существъ,—важно то, что какъ и при горѣніи здѣсь происходитъ окисленіе—въ концѣ концовъ углерода въ углекислоту, и слѣдовательно освобождается энергія въ видѣ тепла. Гдѣ есть дыханіе, тамъ должно происходить и выдѣленіе тепла. Если мы не всегда имѣемъ возможность констатировать это явленіе, что относится преимущественно къ растеніямъ, но такъ же и къ мелкимъ низшимъ животнымъ, то это зависитъ отъ того, что въ этихъ случаяхъ выдѣленіе тепла изъ организма или органа въ окружающую среду почти равняется его образованію, другими словами организмъ не успѣваетъ нагрѣться,—среди растеній, главнымъ образомъ, потому, что интенсив-

ность дыханія у нихъ не велика. Естественно ожидать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ отдѣльныхъ органахъ растений обнаруживается значительное повышеніе температуры по сравненію съ окружающей средой и остальными тканями, и дыханіе станетъ гораздо интенсивнѣе. Опыты и въ частномъ случаѣ изслѣдованія Кноха вполне подтверждаютъ это.

Кнохъ нашелъ, что ходъ дыханія, усиленіе и ослабленіе его, идетъ совершенно параллельно измѣненіямъ въ нагрѣваніи. Мало того: если отрѣзанные придатки плодниковъ *Victoria* (которые, какъ мы видѣли и служатъ, главнымъ образомъ, органами выдѣлснїа тепла) помѣстить въ атмосферу водорода, т. е. лишить ихъ возможности дышать,—тепло не выдѣлится, но какъ только водородъ будетъ замѣненъ кислородомъ—нагрѣваніе обнаруживается; уже черезъ 4 минуты послѣ этого термометръ, погруженный въ отрѣзанные придатки плодниковъ, поднимается почти на 3° выше температуры, окружающаго воздуха. Усиливается дыханіе—повышается температура, и тоже обнаруживается во всѣхъ изслѣдованныхъ случаяхъ. Кромѣ того, Кноху удалось сдѣлать еще одно весьма интересное наблюденіе, которое, кажется, пока является единичнымъ въ физиологии высшихъ растений и потому требуетъ провѣрки и во всякомъ случаѣ осторожнаго отношенія. Дѣло въ томъ, что, какъ выше было указано, въ придаткахъ плодниковъ выдѣляется пахучее (газообразное) вещество, но лишь во время нагрѣванія и при доступѣ кислорода, слѣдовательно—въ качествѣ продукта дыханія. Это первый наблюдаемый случай выдѣленія иного газообразнаго вещества, помимо углекислоты, при нормальномъ дыханіи вышшаго растения, хотя вообще здѣсь, какъ и у животныхъ, продукты дыханія не ограничиваются углекислотой и водой.

Сходство между растениями и животными относительно выдѣленія тепла идетъ еще дальше. Всякій знаетъ, что при пораненіи кожи, вокругъ ранки обыкновенно появляется краснота и происходитъ мѣстнсе воспаленіе, т. е. повышеніе температуры; въ данномъ случаѣ оно вызывается бактеріями, которые почти всегда попадаютъ въ ранку, но того же самаго можно достигнуть и искусственно, дѣйствуя на кожу извѣстными химическими веществами. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе ли раздраженія ядовитыми веществами, которые выдѣляютъ бактеріи, или вслѣдствіе иныхъ воздѣйствій при искусственно вызванномъ воспаленіи, жизнедѣятельность и вмѣстѣ съ нею дыхательный обмѣнъ въ данномъ участкѣ ткани усиливается, что и является причиной повышенія температуры. Нѣчто подобное, какъ показываетъ опытъ, происходитъ и у растений. Само собою разумѣется, что, такъ какъ вообще растения дышать гораздо менѣе энергично, то и все явленіе происходитъ у нихъ, такъ сказать, въ гораздо меньшемъ масштабѣ: повышеніе температуры у нихъ вокругъ мѣста пораненія наблюдается лишь незначительное. Замѣчательно, что у нѣкоторыхъ растений, какъ напр., у клубней картофеля, ткани «воспаляются» только вокругъ ранки приблизительно до 2 см. разстоянія, у другихъ же, какъ напр., у лука, наблюдается общее повышеніе температуры, какъ будто у растенія дѣлается лихорадка.

Этотъ рядъ примѣровъ мы закончимъ слѣдующимъ сопоставленіемъ. Большинство заразныхъ болѣзней, причиняемыхъ, какъ извѣстно, микроорганизмами (бактеріями и грибами), у человѣка и животныхъ сопровождается общимъ повышеніемъ температуры: микроорганизмы въ данномъ случаѣ выдѣляютъ большое количество ядовитыхъ веществъ и реакція организма на ихъ воздѣйствіе сказывается въ усиленіи дыхательнаго обмѣна и выдѣленія тепла. Оказывается, что такое повышеніе температуры наблюдается и у растений, страдающихъ отъ вторженія микроорганизмовъ, какъ это было найдено у картофеля при наиболѣе распространенной его болѣзни—пораженіи грибомъ *Phytophthora infisans*.

Бактеріологія. *Къ вопросу о взаимодействии между бактеріями и зараженнымъ ими организмъ.* Въ настоящее время доказано, что большинство заразныхъ болѣзней причиняется бактеріями. Въ чемъ именно состоитъ воздѣйствіе бактерій на зараженный организмъ, еще не вполне выяснено, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось обнаружить, что бактеріи выделяютъ ядовитыя вещества (токсины), которыя собственно и вызываютъ заболѣваніе. Заболѣвшій организмъ, по современнымъ воззрѣніямъ, отвѣчаетъ на вторженіе бактерій тѣмъ, что на борьбу съ ними устремляются извѣстныя спеціально для того предназначенныя клѣтки — бѣлыя кровяныя тѣльца или лейкоциты, которыхъ поэтому и называютъ теперь фагоцитами, т. е. пожирющими клѣтками. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ больномъ организмѣ образуются особыя вещества (антитоксины), которыми нейтрализуются яды бактерій. И такъ заразная болѣзнь есть не что иное, какъ борьба между бактеріями и фагоцитами, и отъ исхода ея зависитъ и исходъ болѣзни. Соотвѣтственно этому значеніе предохранительныхъ прививокъ видать въ томъ, что фагоциты привыкаютъ къ ядовитымъ веществамъ, выделяемымъ бактеріями, и такимъ образомъ становятся способными вступить съ ними въ борьбу; но обыкновенно весьма мало значенія придаютъ отношенію самихъ тканей организма къ вліянію бактерій, между тѣмъ какъ хорошо извѣстна способность ихъ привыкать къ самымъ разнообразнымъ вѣшнимъ воздѣйствіямъ и въ томъ числѣ къ ядовитымъ веществамъ. Новый примѣръ такого отношенія доставляютъ наблюденія, изложенныя въ статьѣ Vallés «Exaltation de la virulence dans les humeurs des animaux hyperimmunisés», напечатанной въ № 18 журнала *Compt. rend. de le Société de Biologie*. Авторъ поставилъ себѣ задачей опредѣлить, какъ измѣняется вирулентность бактерій (т. е. степень проявленія ихъ характерныхъ свойствъ, въ данномъ случаѣ способности вызывать болѣзненные явленія), въ брюшинѣ животнаго, которому сдѣланы предохранительныя прививки. Чтобы опредѣлить, насколько возможно точно роль фагоцитовъ и соковъ организма въ уничтоженіи бактерій у иммунизированнаго (т. е. такого, которому сдѣланы предохранительныя прививки и который поэтому сдѣлался невосприимчивымъ къ заразѣ), животнаго, авторъ примѣнилъ методъ культуры *in vivo* въ коллодонныхъ мѣшкахъ, какъ это было указано Мечниковымъ. Ру и Салимбени, въ ихъ статьѣ о холерномъ токсинѣ, т. е. помѣщая коллодонныя мѣшки съ культурами бактерій въ брюшную полость кроликовъ. При такой культурѣ *in vivo* въ иммунизированныхъ животныхъ бактеріи подвергаются непрерывно дѣйствию соковъ организма и въ то же время охранены отъ нападенія фагоцитовъ, которые не могутъ проникнуть черезъ стѣнку коллодоннаго мѣшка. Въ данномъ случаѣ для изслѣдованія были примѣнены бактеріи скорѣе анаэробныя (т. е. не нуждающіяся въ кислородѣ), чѣмъ аэробныя, что имѣетъ важное значеніе, такъ внутри брюшины воздухъ доступа не имѣетъ, — а именно бацилла краснухи свиней, микробъ не стойкій, легко утрачивающій въ культурахъ свою вирулентность. Спеціальное измѣненіе формы — удлинненіе, которому эта бацилла подвергается, когда ей приходится рости при неблагоприятныхъ условіяхъ развитія, должно было бы послужить симптомомъ, если бы этотъ способъ культуры въ иммунизированномъ организмѣ оказалъ вредное вліяніе на развитіе бациллъ.

Если въ брюшину неиммунизированныхъ кроликовъ ввести коллодонныя мѣшки, содержащія сульфонъ, засѣянный указанными бациллами, то наблюдается медленное и прогрессивное исхуданіе животныхъ, которыя приобрѣтаютъ видъ скелетовъ и умираютъ нѣсколько недѣль спустя вслѣдствіе отравленія токсинами, выделяющимися въ мѣшкѣ. Однако, нѣкоторые изъ кроликовъ выживаютъ; въ такомъ случаѣ, они оказываются сильно иммунизированными и превосходно сопротивляются прививкѣ въ дозѣ, смертельной для контрольныхъ

животных. Съ другой стороны, если вынуть мѣшки изъ брюшины послѣ того, какъ они пробудутъ тамъ 2—3 недѣли, и прежде, чѣмъ животныя успѣютъ слишкомъ ослабнуть, то животныя (оправившись отъ операціи) обнаруживаютъ значительную сопротивляемость прививкамъ очень вирулентныхъ культуръ этой бациллы. Эти явленія представляютъ собою новый примѣръ иммунизациі посредствомъ токсиновъ.

Культуры, полученныя въ мѣшкахъ, всегда очень обильно развиты и весьма вирулентны. Этотъ способъ культуры быстро повышаетъ активность бациллы обычной вирулентности. Бациллы, служившія для застѣванія мѣшковъ въ первомъ опытѣ, убивали голубя въ среднемъ въ четыре дня, если они прививались въ мускулы въ количествѣ 1 куб. сант. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ культура была помѣщена въ брюшинѣ, она убивала голубя въ 48 часовъ при той же дозѣ и въ тѣхъ же условіяхъ прививки, и эта вирулентность поддерживалась почти безъ измѣненій при послѣдовательномъ перемѣщеніи мѣшковъ съ культурами отъ одного (неиммунизированнаго) животнаго къ другому, между тѣмъ какъ культуры въ жидкой средѣ въ атмосферѣ инертнаго газа по истеченіи того же самаго времени оказывались весьма мало активными, неспособными убить голубя даже и въ двойной дозѣ. Итакъ, культура въ коллоидномъ мѣшкѣ въ брюшинѣ неиммунизированнаго кролика вначалѣ повышаетъ и затѣмъ сохраняетъ безъ измѣненія вирулентность бациллы краснухи свиней.

Одновременно съ этими опытами былъ произведенъ рядъ тождественныхъ изслѣдованій надъ культурами въ брюшинѣ кроликовъ, получившихъ прививки больше, чѣмъ нужно (гипериммунизированныхъ). Эти животныя сначала подвергались прививкамъ культуръ, убитыхъ дѣйствіемъ высокой температуры, затѣмъ они получали старыя культуры и, наконецъ, культуры, вполне вирулентныя. Черезъ 2¹/₂ мѣсяца такой подготовки они оказывались настолько иммунизированными, что могли выдержать безнаказанно прививку въ вену на ухѣ отъ 15 до 20 куб. сант. весьма активной культуры.

Мѣшки, застѣванные бациллами и помѣщенные въ брюшину этихъ животныхъ, содержали нѣсколько дней культуру настолько же обильную, какъ и тѣ, которыя были получены въ мѣшкахъ въ брюшинѣ неиммунизированныхъ кроликовъ но чрезвычайно вирулентную. Бациллы, служившіе для посѣва, тѣ же самыя, какъ и въ мѣшкахъ у контрольныхъ кроликовъ, убивали голубя, какъ мы упомянули, въ 4 дня, при дозѣ въ 1 куб. сант. Достаточно 12 дней культуры въ мѣшкѣ въ брюшинѣ гипериммунизированнаго животнаго, чтобы содержимое его или культура, полученная при помощи его *in vitro* (въ пробиркѣ), оказалось способнымъ убить голубя въ теченіи 48 часовъ въ количествѣ ¹/₂ куб. сант.

При непосредственной прививкѣ содержимаго мѣшка безъ предварительной культуры *in vitro* голубь умираетъ не такъ скоро, по мнѣнію автора, потому, что вмѣстѣ съ микробами прививается извѣстное количество иммунизирующихъ веществъ, проникшихъ въ мѣшокъ.

Бациллы, пробывшія болѣе 10 недѣль въ гипериммунизированныхъ кроликахъ, остаются гораздо болѣе вирулентными, чѣмъ тѣ, которыя въ теченіе того же самаго времени содержались въ брюшинѣ неиммунизированныхъ кроликовъ. При этихъ послѣдовательныхъ періодахъ отъ одного животнаго къ другому вирулентность бациллъ повышается, морфологическія же особенности ихъ остаются безъ всякаго измѣненія.

На основаніи изложенныхъ наблюденій авторъ дѣлаетъ заключеніе, что въ сокахъ гипериммунизированнаго животнаго совсѣмъ не обнаруживается вреднаго вліянія на культуры даже и при продолжительномъ ихъ пребываніи (въ теченіе 10 недѣль) въ этихъ сокахъ.

Если эти наблюденія подтвердятся дальнѣйшими изслѣдователями, то по-

мимо результата, указанного авторомъ, въ нихъ можно видѣть яркій примѣръ привыканія самыхъ тканей организма къ токсинамъ, выдѣляемымъ бактеріями. Свѣжіе кролики страдаютъ отъ токсиновъ, диффундирующихъ изъ коллоидныхъ мѣшковъ въ брюшинѣ, гипериммунизированные — легко переносятъ и большія дозы культуръ, очевидно, содержащія весьма значительное количество токсиновъ и культуры въ мѣшкахъ; ясно, если дѣйствіе большого количества токсиновъ въ этихъ случаяхъ не обнаруживается, то это можетъ зависѣть не отъ дѣятельности фагоцитовъ, а лишь отъ привычки тканей организма.

Зоология. *О движеніи инфузорій.* Въ № 29 «Naturwiss. Rundschau» помещенъ рефератъ статьи Jennings'a Reaction der einzelligen Organismen auf Reize, въ которой изложены наблюденія надъ движеніями инфузорій, неподдающіяся обычному шаблонному объясненію и показывающія насколько сложные процессы въ организмѣ, которые сопровождаются вѣшними жизненными проявленіями.

Опыты производились надъ двумя инфузоріями: *Spirostomum ambiguum* и *Stentor polymorphus*. Значительная величина этихъ видовъ (приблизительно 2 мм.) допускаетъ примѣненіе мѣстныхъ раздраженій въ различныхъ частяхъ этого одноклѣточного организма. Въ качествѣ механическаго раздраженія примѣнялось прикосновеніе весьма тонкой стеклянной палочкой. Если коснуться ея передняго конца плавающего *Spirostomum*, то его длинное вытянутое тѣло тотчасъ же сокращается, рѣснички выпрямляются и животное начинаетъ двигаться назадъ т. е. заднимъ (аборальнымъ) концомъ тѣла впередъ, какъ будто бы оно уклонялось отъ припятствія, что вообще такъ часто встрѣчается въ животномъ царствѣ. Проплывъ нѣкоторое время назадъ, инфузорія поворачивается переднимъ концомъ въ сторону и продолжаетъ свое прерванное движеніе впередъ. Если коснуться стеклянной палочкой задняго конца тѣла, то результатъ получается тотъ же самый: инфузорія такъ же начинаетъ двигаться въ обратномъ направленіи заднимъ концомъ впередъ, т. е. *навстрѣчу препятствію*. Затѣмъ инфузорія такъ же точно поворачивается и измѣняетъ направленіе своего движенія, какъ это было выше описано. Если ее разрѣзаетъ поперекъ, то передній конецъ обнаруживаетъ тѣже явленія, какъ и весь организмъ. Задняя половина реагируетъ на прикосновеніе вначалѣ совершенно такъ же, при повтореніи же этихъ раздраженій начинаетъ двигаться по разнымъ неопредѣленнымъ направленіямъ. Такимъ образомъ, повидимому, способность инфузорій принимать опредѣленные направленія движенія зависитъ отъ передняго конца тѣла.

Боковые прикосновенія и даже общее раздраженіе, вызванное встряхиваніемъ сосуда, въ которомъ инфузорія находится, сопровождается тѣмъ же самымъ эффектомъ: она плыветъ назадъ, поворачивается и снова направляется впередъ.

Совершенно также дѣйствуютъ и химическія раздраженія; въ качествѣ раздражителя примѣнялись кристаллики поваренной соли, которые стеклянной палочкой помѣщались вблизи инфузорій, не касаясь ея, такъ что мѣстное раздраженіе достигалось лишь при посредствѣ диффундирующаго раствора соли. Въ этомъ случаѣ животное такъ же удалялось заднимъ концомъ впередъ. Если раздраженіе производилось съ передняго конца, то обратное движеніе, разумѣется, приносило инфузоріи пользу, такъ какъ такимъ образомъ она спасалась отъ вліянія концентрированнаго соляного раствора; но если раздражитель помѣщался сади ея, то инфузорія направлялась какъ разъ въ этотъ растворъ, въ которомъ тѣло ея тотчасъ же плазмолитизировалось (т. е. теряло воду и сморщивалось) и инфузорія погибала. Особенно ясная картина получается, если кристалликъ соли помѣститъ въ середину поля зрѣнія микроскопа и наблюдать дѣйствія цѣлой кучки инфузорій: всѣ онѣ безъ исключенія при этомъ движутся вышеописаннымъ образомъ.

Исследования надъ *Stentor polymorphus* и *Paramecium* дали совершенно такія же результаты съ незначительными отклонениями, зависящими отъ формы тѣла этихъ инфузорій. Jennings справедливо замѣчаетъ, что полное однообразіе явленій у трехъ такихъ различныхъ видовъ инфузорій позволяетъ заключить, что эти явленія свойственны большинству, быть можетъ, даже и всѣмъ одноклеточнымъ организмамъ. Описанные факты едва ли мирятся съ представлениемъ о целесообразности движеній у инфузорій и о соответствующихъ психическихъ процессахъ, но равнымъ образомъ они противорѣчатъ и противоположной крайности—утвержденію, что движенія простѣйшихъ зависятъ исключительно отъ химическихъ причинъ, отъ притягивающаго или отталкивающаго дѣйствія химическихъ веществъ. Какъ же въ дѣйствительности слѣдуетъ смотрѣть на движенія и реакціи инфузорій, повидимому, и для автора остается открытымъ вопросомъ.

Обоняніе птицъ.

Raspail сообщаетъ интересныя наблюденія надъ обоняніемъ птицъ въ докладѣ, сдѣланномъ имъ во Французскомъ Зоологическомъ Обществѣ; извлеченіе изъ этого доклада напечатано въ *Revue Scientifique*. Изъ пяти чувствъ, свойственныхъ большинству животныхъ, три, по обще принятому мнѣнію, весьма слабо развиты у птицъ; что касается остальныхъ двухъ—слуха и зрѣнія, то послѣднее изъ нихъ признается у птицъ гораздо болѣе совершеннымъ, чѣмъ у млекопитающихъ. Относительно обонянія птицъ, мнѣнія авторовъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: одни полагаютъ, что чувство обонянія въ этомъ классѣ животныхъ вообще весьма слабо развито, а тѣ виды, которые питаются падалью, руководствуются исключительно зрѣніемъ, другіе же считаютъ это чувство у нихъ почти несуществующимъ, хотя вообще и признаютъ, что ночныя хищныя птицы одарены довольно тонкимъ обоняніемъ. Дѣйствительно весьма трудно опредѣлить точно обонятельную способность птицъ, такъ какъ ихъ острое зрѣніе, весьма развитой слухъ всегда предупреждаютъ ихъ о томъ, что вокругъ нихъ дѣлается; равнымъ образомъ трудно опредѣлить руководствуются ли онѣ однимъ зрѣніемъ, когда отыскиваютъ птицу и замѣчаютъ ее на лету. Относительно тонкости слуха птицы авторъ утверждаетъ, что онѣ хорошо могутъ различить происходить ли трескъ сучьевъ отъ приближенія человѣка, или онъ вызывается тѣмъ, что вблизи проходятъ животныя: однажды на его глазахъ, ночью, подъ деревьями, гдѣ спали вороны, прошло цѣлое стадо оленей, не встревоживъ ихъ. Съ другой стороны, птицы слышатъ крики призыва на очень далекихъ расстояніяхъ, и всѣ, кто наблюдалъ ихъ на свободѣ, согласятся, что въ ихъ крикахъ, которые мы считаемъ совершенно однообразными, должны существовать оттѣнки, ускользающіе отъ нашего слуха, но образующіе для птицъ языкъ, при помощи котораго онѣ могутъ, напримѣръ, предупреждать другъ друга объ опасности. Что касается обонянія, то наблюденія автора показываютъ, что это чувство весьма развито у птицъ и настолько же предохраняетъ ихъ отъ опасности, насколько даетъ имъ возможность найти пищу тамъ, гдѣ зрѣніе не можетъ ее открыть.

Если въ началѣ сентября, за часъ до заката, когда зайцы и кролики выходятъ изъ лѣса, вы попытаетесь по возможности безшумно, хорошо спрятавшись въ какой-нибудь заросшей ямѣ, въ срединѣ лѣсной прогалины, то тотчасъ же замѣтите эффектъ, вызванный вашимъ присутствіемъ: съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, кролики по прежнему будутъ выходить часто на самое близкое разстояніе отъ васъ; съ противоположной стороны вы не замѣтите ни одного. Фазаны и куропатки, которые обыкновенно бѣгаютъ по землѣ и взлетываютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, поступаютъ совершенно такъ же, какъ зайцы и кролики и въ этомъ легко убѣдиться, если полстечерь днемъ фазановъ, когда они выходятъ изъ лѣса въ поле кормиться, или вечеромъ—куро-

латокъ, когда онѣ покидаютъ кустарники, служившіе имъ убѣжищемъ. И тѣ и другія никогда не покажутся съ той стороны, откуда вѣтеръ даетъ имъ вась почуять.

Витютни (двѣе голуби) доставили мнѣ, говоритъ авторъ, не менѣе характерный примѣръ; наблюденіе было произведено въ февралѣ, когда земля была покрыта толстымъ слоемъ снѣга. Эти птицы приближались къ обитаемымъ мѣстамъ въ поискахъ за брюссельской капустой, которая зимой составляетъ ихъ почти единственную пищу. Стая приблизительно въ 30 штукъ поселилась около моего огорода, куда онѣ отправлялись по нѣсколько разъ въ день за капустой. Однажды, чтобы подстрѣлить нѣсколько штукъ, я поставилъ легкій переносный шалашъ и помѣстился въ немъ, рассчитывая на скорое возвращеніе птицъ, которыя при моемъ приходѣ взлетѣли на сосѣднія деревья. Въ самомъ дѣлѣ, короткое время спустя, я увидѣлъ, что онѣ перелетѣли на дубъ, расположенный поблизости, затѣмъ на плодовые деревья огорода и одна изъ нихъ опустилась даже на стебель капусты, но вмѣсто того, чтобы начать клевать листья, она осталась неподвижной, поднявъ голову, какъ бы удивленная чѣмъ-то неожиданнымъ, потомъ она быстро улетѣла, какъ разъ въ то время, когда около нея опустилось еще нѣсколько птицъ. Это послужило сигналомъ для всей стаи; онѣ тотчасъ поднялись, взлетѣли на дубъ, а потомъ и совсѣмъ улетѣли. Я былъ сильно удивленъ, такъ какъ нажавуиъ я замѣтилъ, что эти птицы, вспугнутыя садовникомъ, тотчасъ же возвращались, когда онъ уходилъ и это повторялось нѣсколько разъ. Тогда я замѣтилъ, что вѣтеръ дулъ съ сѣверо-востока, а я помѣстилъ свой шалашъ на лучшемъ мѣстѣ, чтобы сдѣлать его менѣе замѣтнымъ но, какъ разъ по направленію вѣтра передъ грядами съ капустой, очевидно первый витютень почуялъ меня и далъ объ этомъ знать своимъ товарищамъ. Вечеромъ я перенесъ шалашъ на другую сторону, слѣдовательно на западъ, на такое мѣсто, гдѣ онъ былъ болѣе замѣтенъ, но уже за огородомъ по вѣтру. На другой день на разсвѣтѣ я отправился въ шалашъ и вспугнулъ трехъ витютней, забравшихся на огородъ. Не прошло получаса, какъ всѣ они возвратились подъ выстрѣлъ моего ружья. Нѣкоторое время спустя на огородъ спустилась большая стая птицъ и на этотъ разъ опять безъ всякихъ предосторожностей.

Теперь мы перейдемъ къ наблюденіямъ, которыя показываютъ, что обоняніе у птицъ такъ же, какъ и зрѣніе, можетъ служить для отысканія добычи. По сосѣдству съ помѣстьемъ Wasraill'я находится лѣсъ, отдѣленный отъ него пашнями, занимающими пространство приблизительно въ 100 метровъ. Въ этомъ лѣсу фазаны обыкновенно выводятъ своихъ птенцовъ. Но во время высиживанія никогда не замѣчалось слѣдовъ, которыя-бы указывали, что насѣдки переходятъ черезъ эти пашни и заходятъ въ помѣстья въ тѣ часы, когда онѣ оставляютъ свои гнѣзда, чтобы разыскать себѣ пищу; когда же въ паркѣ былъ установленъ небольшой бассейнъ съ водой для домашнихъ птицъ, то черезъ нѣсколько дней садовникъ замѣтилъ, что фазаны приходили каждый день пить въ этомъ бассейнѣ, находившемся на разстояніи 80 метровъ отъ поляны, отдѣлявшей его отъ лѣса. Врядъ-ли это можно считать случайностью. Трудно допустить, чтобы насѣдки такъ далеко зашли безъ опредѣленной цѣли, тогда какъ вообще онѣ покидаютъ свои гнѣзда лишь на такое время, которое необходимо, чтобы отыскать достаточное количество пищи. На другой годъ послѣ этого былъ произведенъ слѣдующій весьма простой опытъ: во время высиживанія вначалѣ бассейнъ не наполнялся водой, и каждый день аллеи вокругъ него тщательно выметались, чтобы на песокъ можно было замѣтить слѣды птичьихъ лапокъ. Въ теченіе двухъ недѣль ни одинъ фазанъ не оставилъ слѣдовъ на алее. Это было въ серединѣ мая въ сухую ясную погоду. Затѣмъ бассейнъ былъ наполненъ водой, и результатовъ недолго пришлось ждать: че-

резь день оказалось, что фазанъ приходилъ пить прямой дорогой и тѣмъ же путемъ вернулся назадъ. Что касается пола птицы, то относительно этого такъ же не могло оставаться сомнѣній, такъ какъ она оставила послѣ себя и еще слѣды около бассейна въ формѣ характерной для насѣдокъ. Несомнѣнно, что этотъ фазанъ такъ же, какъ и всѣ фазаны, самцы и самки, которые всегда находили воду, куда-бы ее нарочно ни прятали, долженъ былъ почуять испаренія на разстояннн не менѣе 180 метровъ даже въ томъ случаѣ, если гнѣздо находилось на самой опушкѣ лѣса. Что касается слѣдующаго наблюденія, то необходимо предварительно описать мѣстность въ которой оно было произведено, чтобы установить, что зрѣннн не могло играть здѣсь никакой роли. Посрединѣ большой лужайки, окруженной густымъ лѣсомъ, находится роща сирени, перемежающейся съ деревьями различныхъ видовъ—соснами и пихтами; въ центрѣ ея помѣщается маленькая прогалина. Въ суровую зиму 1890—1891 года здѣсь было выбрано мѣсто, достаточно защищенное зелеными деревьями отъ снѣга, гдѣ оставались различныя зерна для птицъ. Каждый день около полудня запасъ возобновлялся; на четвертый день авторъ засталъ здѣсь пять куропатокъ, клевавшихъ зерна. Это случилось первый разъ, что онѣ пришли сюда, потому что въ противномъ случаѣ были-бы замѣтны ихъ слѣды на снѣгу, по этимъ слѣдамъ можно было съ точностью опредѣлять ихъ путь, въ данномъ случаѣ до самой живой изгороди и оказалось, что птицы пришли прямо съ поляны. Слѣдовательно, онѣ были привлечены къ этому мѣсту, и, очевидно, только обонаннн могло указать имъ присутствнн пищи. Ннго предположить невозможно, потому что если-бы случай былъ причиной этого открытнн для нихъ, то онѣ не шли бы такой прямой дорогой. Зрѣннн онѣ такъ же не могли руководиться, такъ какъ, чтобы замѣтить зерна, имъ нужно было пролетѣть надъ прогалинкой, хорошо закрытой деревьями, какъ разъ по направлennн къ жилью, и, главное, замѣтивъ кормъ, онѣ опустили бы на него тотчасъ же и ужъ, конечно, не вернулись бы на поляну, чтобы оттуда прнйтн по снѣгу за этимъ кормомъ. Далѣе оказалось, что синицы очень любятъ грюарскнн сыръ и находятъ его при помощи обонаннн. Это было обнаружено слѣдующимъ образомъ. Грюарскнн сыръ постоянно употреблялся въ качествѣ приманки въ западннхъ на бродячнхъ кошечкъ и ежей. Автору довольно часто приходилось замѣчать, что сыръ въ западнѣ какъ будто изгрызенъ, и однажды западня, упавъ, прихлопнула синицу. Это былъ не единственный случай.

Наконецъ мы разсмотримъ нѣсколько приводимыхъ Raspail'емъ примѣровъ того, какъ птицы отыскиваютъ въ землѣ личинокъ майскихъ жуковъ иногда на весьма значительномъ разстояннн отъ поверхности. Къ числу такихъ птицъ принадлежатъ грачъ, сорока и черный дроздъ. Въ сентябрѣ 1898 г., говорить Raspail, я заставалъ въ разные часы дня постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ на лужайкѣ сорокъ; мое вниманнн было привлечено множествомъ ямокъ, вырытыхъ въ этомъ мѣстѣ газона, которыя, очевидно, были сдѣланы сороками. Нѣсколько ударовъ лопаты въ разныхъ мѣстахъ обнаружили присутствнн молодыхъ личинокъ майскаго жука. Сороки работали здѣсь такъ же, какъ это дѣлаетъ грачъ въ поляхъ; объ эти птицы не копаютъ землю наугадъ: отверстнн, которое онѣ дѣлаютъ, ведетъ прямо къ личинкѣ; отсюда слѣдуетъ заключить, что онѣ чуютъ присутствнн личинки, несмотря на слой земли, который ее покрываетъ. Я уже говорилъ, что черный дроздъ такъ же выкапываетъ личинокъ майскаго жука; я полагаю, что относительно дрозда это совершенно еще неизвѣстно, какъ было неизвѣстно и мнѣ до 1897 г. Въ этотъ годъ, въ июнѣ, я замѣтилъ въ аллеѣ, окаймленной по сторонамъ кустами сирени, маленькнн возвышеннн, пронизанныя ходами, на двѣ которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было замѣтить отпечатокъ взрослой личинки майскаго жука. Въ такое время не рѣдкость видѣть, что эти личинки поднимаются до поверхности земли, чтобы

въ іюлѣ снова спуститься. Сначала я подумалъ, что сорока открыла здѣсь присутствіе личинокъ, но отпечатокъ лапокъ, который я замѣтилъ на свѣжихъ кучкахъ земли, могъ принадлежать птицѣ не большихъ размѣровъ, чѣмъ черный дроздъ. Фактъ этотъ былъ настолько интересенъ, что стоило его проверить; съ этой цѣлью на другой день я расположился такимъ образомъ, чтобы видѣть всю аллею; вскорѣ я услышалъ крикъ дрозда и замѣтилъ въ ближнихъ кустахъ его птенцовъ, только что вышедшихъ изъ гнѣзда; короткое время спустя я увидѣлъ, что дроздъ вышелъ изъ кустовъ сирени, поскакалъ по аллеѣ туда и сюда, потомъ вдругъ остановился и принялся усердно копать землю клювомъ; вскорѣ онъ вытащилъ изъ сдѣланной имъ ямки личинку майскаго жука и направился съ ней въ кусты къ своимъ птенцамъ. Глубина ямки отъ поверхности земли до дна равнялась приблизительно 5 сант.

Чтобы пополнить эти наблюденія, вспомнимъ, что горлица оставляетъ свои яички во всякій моментъ высиживанія, если, хотя бы и въ ея отсутствіе, ихъ коснется рука человѣка, чего въ послѣднемъ случаѣ она не можетъ замѣтить иначе, какъ при помощи обонянія.

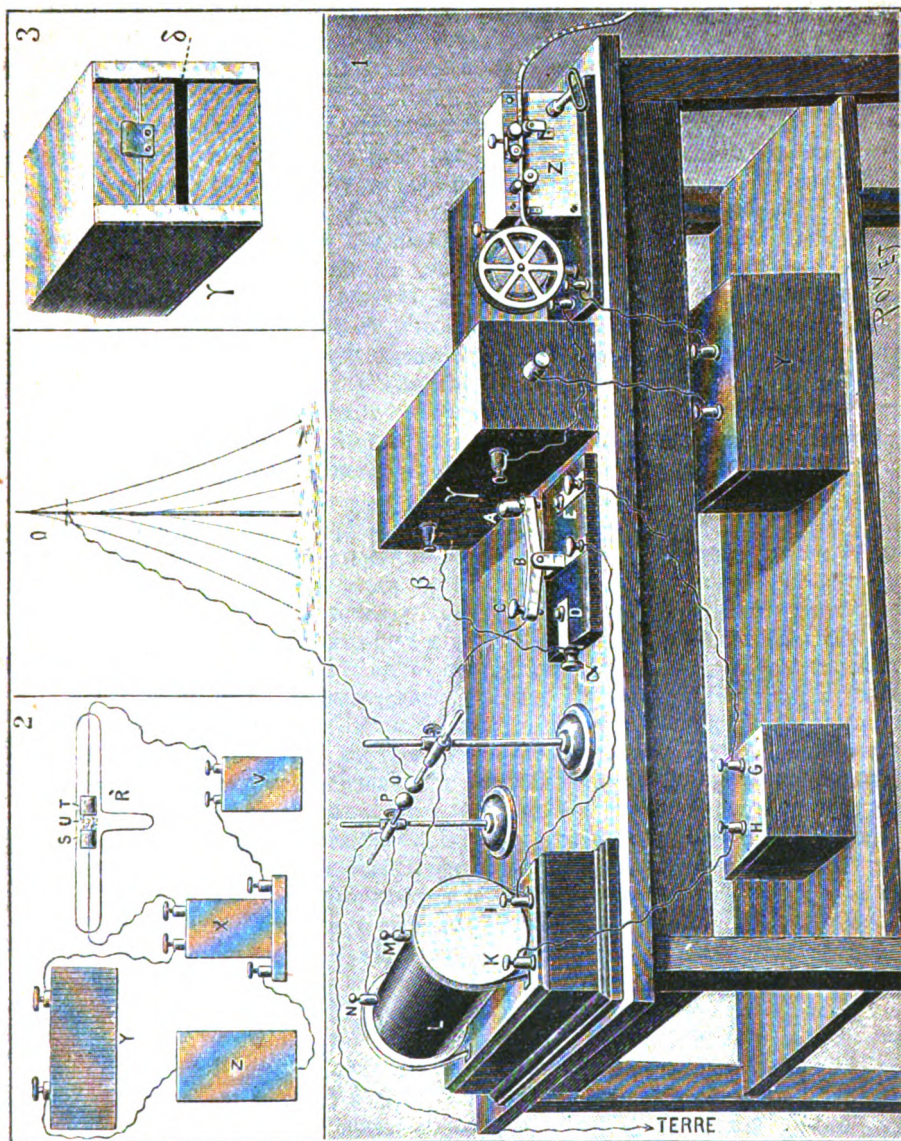
Итакъ, птицы одарены чувствомъ обонянія въ такой же степени, какъ и собаки, чтобы привести общезвѣстный примѣръ, и большое заблужденіе считать этихъ животныхъ, имѣющихъ весьма совершенный обонятельный аппаратъ, неспособными находить пищу иначе, какъ при помощи зрѣнія.

Физика. Телеграфированіе безъ проволокъ.

Открытіе Герца, доказавшаго, что электрическіе токи распространяются путемъ колебаній подобно теплу и свѣту, указало тѣмъ самымъ основной принципъ для устройства телеграфа безъ проволокъ. Относительно теорій этихъ явленій много говорилось и писалось и поэтому здѣсь мы ограничимся описаніемъ прибора дѣйствительно существующаго и уже дѣйствующаго для передачи депешъ между Англійей и Франціей. Изобрѣтатель этого аппарата Маркони устроилъ двѣ станціи: одну въ Wimereux около Boulogne sur-Mer, другую на англійскомъ берегу на разстояніи 50 километровъ. На каждой станціи, разумѣется, находятся аппараты для отправленія и принятія депешъ. Аппаратъ для отправленія телеграммъ имѣетъ большое сходство съ обыкновенными телеграфными аппаратами. Для замыканія тока служитъ рычагъ *ABC* (фиг. 1), подвижный вокругъ горизонтальной оси *B*. Во время движенія рычага при отправкѣ телеграммы его конецъ *C* остается поднятымъ и не соприкасается съ металлическимъ контактомъ *D*. Телеграфистъ дѣйствуетъ обычнымъ образомъ кнопкой *A*, т. е. онъ нажимаетъ ее съ извѣстными промежутками, и всякій разъ, когда конецъ кнопки касается контакта *E*, она замыкаетъ токъ состоящій изъ двухъ аккумуляторовъ, батарей *G H*, направляющейся черезъ *A E G H K J B A*. Этотъ токъ дѣйствуетъ на индукціонную спираль *L*, которая можетъ дать искру въ 15 сант. Концы обмотки вторичной катушки *M* и *N* соединены съ двумя мѣдными шариками *O* и *P*. Шарикъ *P* соединенъ съ землею, другой шарикъ *O*—соединяется съ кнопкой *C* (изолированной во все время отправленія телеграммы) и съ верхушкой деревяннаго листа *Q*, вышнюю въ 50 метровъ.

Каждый разъ, какъ посредствомъ контакта между *A* и *E* замыкается или прерывается токъ въ первичной катушкѣ спирали *L*, въ тонкой проволоцѣ наружной ея обмотки, возникаетъ индукціонный токъ меньшей силы, но гораздо большаго напряженія. Результатомъ этого является рядъ послѣдовательныхъ разрядовъ между шариками *O* и *P*: въ проволоцѣ *OG*, соединенной съ шарикомъ *O*, возникаютъ и прекращаются электрическія колебанія въ полномъ соотвѣтствіи съ опусканіемъ и поднятіемъ кнопки *A*. Эти колебанія съ верхняго конца проволоки *Q* распространяются въ пространство во всѣхъ направленіяхъ. На разстояніи 50 километровъ на англійскомъ берегу, гдѣ находится воспри-

нимающий аппарат, колебания еще настолько сильны, что могут быть восприняты этим аппаратом, к описанию котораго мы теперь и перейдемъ. Существенныя составныя его части слѣдующія: во-первыхъ, проволока OQ , только что описанная; на каждой станціи она служитъ по-очереди для отправленія и принятія депешъ, въ ней возникаютъ электрическія колебанія, вызванныя дѣй-

Телеграфъ безъ проволоки.

ствіемъ спирали L при отправкѣ, въ ней же, подъ вліяніемъ электрическихъ волнъ, которыя доходятъ съ другой станціи, при полученіи депеши измѣняется электрическое состояніе и получаютъ колебанія; она соединяется съ борномъ S , который въ это время соприкасается съ контактомъ D ; этотъ контактъ посредствомъ проволоки $\alpha\beta$ соединенъ съ ящикомъ γ , въ которомъ содержится

когереръ (французы называютъ его *cohéreur*, нѣмцы—*cohärer*)—второй важный элементъ воспринимающаго аппарата. Онъ представляетъ собою (фиг. 2) стеклянную трубку *R*, внутри которой помѣщаются два маленькихъ серебряныхъ цилиндра *S* и *T* на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга; они раздѣлены слоемъ чрезвычайно мелкихъ желѣзныхъ опилокъ *U*, концы ихъ соединяются съ полюсами батареи *V*. Эта система, серебро—желѣзо—серебро, помѣщенная въ дѣли батареи *V*, оказываетъ току сопротивленіе въ 1.500—2.000 омовъ, котораго батарея преодолѣть не можетъ. Если же эта система подвергнется индукціи отъ тока въ проволоку *OQ*, то сопротивленіе въ ней сильно измѣняется: моментально оно падаетъ до нѣсколькихъ омовъ, и такимъ образомъ токъ батареи *V* замыкается и проходитъ черезъ когереръ. Этотъ токъ дѣйствуетъ на аппаратъ *X*, состоящій изъ батареи и электромагнита, который всакій разъ во время намагничиванія замыкаетъ токъ отъ батареи аккумуляторовъ *Y*, сообщающійся съ обыкновеннымъ приемникомъ Морзе *Z* (фиг. 1 и 2). На практикѣ эти оба аппарата для отправленія и приема депешъ помѣщаются рядомъ, на одномъ и томъ же столѣ (фиг. 1). Но такъ какъ электрическія волны, возникающія въ первомъ аппаратѣ, дѣйствовали бы на когереръ, еслибы онъ не былъ изолированъ, то его помѣщаютъ въ желѣзный ящикъ γ (фиг. 1). Этотъ ящикъ закрытъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ передней, въ которой имѣется щель δ (фиг. 3); черезъ эту щель проникаютъ индукціонныя волны, происходящія отъ проволоки *OQ* и $\alpha\beta$ до когерера. Въ ящикѣ γ , кромѣ батареи *V*, прибора *X* и когерера *R*, помѣщается еще особый приборчикъ, который съ короткими промежутками встряхиваетъ когереръ, чтобы возвратитъ ему первоначальную сопротивляемость.

Причина уменьшенія сопротивляемости въ когерерѣ подѣ влияніемъ электрическихъ колебаній и возстановленіе ея вслѣдствіе встряхиванія легко объясняются слѣдующими наблюденіями. Вранлу замѣтилъ, что проходимость трубокъ, содержащихъ металлическія опилки, сильно увеличивается негольшо, когда черезъ нихъ проходитъ разрядъ спиралл, но и тогда, когда искра образуется лишь поблизости трубки. Онъ видѣлъ также, что то же дѣйствіе оказываетъ на такую трубку образование искръ и на довольно значительномъ разстояніи, какъ напримѣръ, изъ сосѣдней комнаты, отдѣленной толстыми стѣнами. Нѣсколько времени спустя, Lodge примѣнилъ трубку Вранлу для изученія колебаній Герца. Обративъ вниманіе на важное значеніе для правильнаго хода этихъ явленій слоя окиси на зернышкахъ опилокъ, онъ высказалъ предположеніе, что уменьшеніе сопротивляемости въ этихъ условіяхъ зависитъ отъ образованія маленькихъ искръ между острыми концами зернышекъ и отъ сплавленія или, по крайней мѣрѣ, весьма тѣснаго соединенія острыхъ кончиковъ кусочковъ металла. Въ самомъ дѣлѣ въ полѣ дѣйствія Герцевскихъ колебаній между двумя проводниками замѣчается появленіе искръ. Въ 1898 г. Агонс устроилъ когереръ изъ двухъ пластинокъ оловянной бумаги, вырѣзанныхъ въ видѣ треугольниковъ и наклоненныхъ на стеклѣ остриями другъ къ другу, и между ними помѣстивъ небольшое количество опилокъ. Наблюдая подѣ микроскопомъ этотъ когереръ подѣ влияніемъ электрическихъ волнъ, онъ видѣлъ, что въ опилкахъ между острыми проскакиваютъ искорки и сами опилки располагаются рядами, сплавляясь между собою кончиками и образуя мостики, которые разрушаются при малѣйшемъ сотрясеніи; такимъ образомъ, проходимость въ нихъ опять уменьшается и становится такою же, какъ она была до дѣйствія электрическихъ волнъ.

Такова въ общихъ чертахъ схема расположенія и дѣйствія приборо́въ, употребляемыхъ для телеграфной передачи безъ проволокъ. Д. Н.

Астрономическія извѣстія.

Наблюденія падающихъ звѣздъ въ Афинахъ. Директоръ обсерваторіи *Eginitis* представилъ Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ систематическихъ наблюденій надъ падающими звѣздами. За три послѣднихъ мѣсяца прошлаго года, кромѣ извѣстныхъ потоковъ: Леонидъ и Біелидъ, наблюдались слѣдующіе:

17-го октября.

Положеніе радіанта $\alpha = 94^{\circ}$, $\delta = 18^{\circ}$
и $\alpha = 74^{\circ}$, $\delta = 27^{\circ}$.

Первый, очевидно, принадлежитъ потоку, онъ указанъ въ *Annuaire du Bureau des Longitudes*, второго совсѣмъ нѣтъ ни въ этомъ каталогѣ, ни въ каталогѣ *Denning'a*, но онъ, очевидно, дѣйствительно имѣетъ мѣсто, потому что и на другой день получились два радіанта:

$\alpha = 94^{\circ}$, $\delta = 18^{\circ}$ и
 $\alpha = 75^{\circ}$, $\delta = 26^{\circ}$.

Въ каталогѣ Клейбера есть подходящій радіантъ, но на два мѣсяца раньше. 3-го ноября.

Радіантъ $\alpha = 63^{\circ}$, $\delta = 14^{\circ}$.

8-го ноября.

Радіантъ $\alpha = 65^{\circ}$, $\delta = 13^{\circ}$.

Этотъ радіантъ, наблюдавшійся два раза, тоже несомнѣнно дѣйствителенъ хотя его нѣтъ ни въ спискѣ *Annuaire*, ни въ каталогѣ *Denning'a*. По каталогу Клейбера, онъ былъ наблюдаемъ 4 ноября 1877 г.

25-го ноября.

Радіантъ $\alpha = 20^{\circ}$, $\delta = 36^{\circ}$.

Онъ соотвѣтствуетъ потокамъ, занесеннымъ въ каталогъ Клейбера по наблюденіямъ въ августѣ 1888 г. и въ февралѣ 1885 г., т. е. на три мѣсяца раньше и на три мѣсяца позднеѣ, чѣмъ въ 1898 г.

6-го декабря.

Радіанты $\alpha = 80^{\circ}$, $\delta = 23^{\circ}$
 $\alpha = 80^{\circ}$, $\delta = 58^{\circ}$.

Первый изъ нихъ точно соотвѣтствуетъ и по мѣсту и по положенію тому, который занесенъ въ *Annuaire* и въ каталогъ *Denning'a*.

7-го декабря.

Радіантъ $\alpha = 78^{\circ}$, $\delta = 57^{\circ}$.

Это тотъ же, что и въ предыдущій день. Очевидно онъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто, хотя въ *Annuaire* и у *Denning'a* его нѣтъ. По каталогу Клейбера ему соотвѣтствуютъ радіанты 15-го сент. 1885 г., 15-го окт. 1879 г. и 17-го ноября 1885 г., т. е. онъ наблюдается 4 мѣсяца подрядъ. Вѣроятно это такъ называемый стационарный потокъ.

11-го декабря.

Радіанты $\alpha = 83^{\circ}$, $\delta = 5^{\circ}$
 $\alpha = 108^{\circ}$, $\delta = 20^{\circ}$
 $\alpha = 107^{\circ}$, $\delta = 29^{\circ}$.

Первый принадлежитъ оріонидамъ. По сравненію его орбиты (съ орбитой соотвѣтствующаго октябрьскаго потока оказывается, что потоки родственны, они движутся въ одной плоскости, подходятъ къ солнцу на одинаковое разстояніе, но направленіе движенія у нихъ различное.

12-го декабря.

Радіантъ $\alpha = 108^\circ$, $\delta = 20^\circ$.

13-го декабря.

Радіантъ $\alpha = 108^\circ$, $\delta = 20^\circ$.

Этотъ радіантъ наблюдавшійся три дня подрядъ, очевидно, дѣйствительно имѣть мѣсто, въ Анцаиге и у Denning'a его нѣтъ, но по каталогу Клейбера ему соотвѣтствуютъ радіанты, наблюдавшіеся въ сентябрѣ 1877 и 1879 г.. въ октябрѣ 1887 г., въ ноябрѣ 1876 и 1877 г. и въ декабрѣ 1885 г. т. е. онъ наблюдается въ продолженіе четырехъ послѣдовательныхъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ Eginitis'у удалось за три мѣсяца наблюдать нѣсколько потоковъ, положеніе которыхъ еще не установлено. Является очень интереснымъ повторить эти наблюденія. Быть можетъ кто-нибудь изъ читателей найдетъ для себя удобнымъ заняться этимъ; инструкцію къ наблюденіямъ онъ найдетъ въ «Путеводителѣ по небу», изд. 2. результаты можно направлять по по адресу Юрьевской обсерваторіи.

Во французскомъ астрономическомъ обществѣ учреждена особая *комиссія* съ цѣлью объединенія и руководства наблюденіями *падающихъ звѣздъ*. Она высылаетъ членамъ общества по желанію карты и соотвѣтствующія инструкціи. Въ комиссію вошли

O. Callalandreau—предсѣдатель общества.

P. Puisseux и L. Rudaux—члены совѣта.

E. Touchet и L. Libert.

Время обращенія пятаго спутника Юпитера. Проф. Wagnard произвелъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году рядъ измѣреній положенія пятаго спутника Юпитера съ 40-дюймовымъ рефракторомъ Іерской обсерваторіи и, соединивъ ихъ со своими наблюденіями на Ликовской обсерваторіи, произведенными вслѣдъ за открытіемъ имъ спутника въ 1892 г., получилъ:

	Время обращенія.	Число обращеній.
1892 сентября 10—1898 марта 6. . .	11 ч. 57 м. 22.652 с.	4.020
1892 > 10—1899 апрѣля 25. . .	11 > 57 > 22.637 >	4.853
1892 > 10—1899 мая 1.	11 > 57 > 22.653 >	4.865

Среднее. 11 ч. 57 м. 22.647 с.

Съ ошибкой меньшей, чѣмъ 0,01 секунды.

Параллаксъ звѣздъ: Σ 1516 и A.—Oe. 11677. Для звѣзды, стоящей подлѣ № 1516 въ каталогѣ двойныхъ звѣздъ W. Struve въ свое время Winpesske нашелъ параллаксъ = 0.2", потомъ Berberich 0.3" и наконецъ De Ball-0.1". Теперь астр. Bergstrand пытается опредѣлить параллаксъ этой звѣзды съ помощью фотографіи, для чего измѣряетъ 14 снимковъ съ соотвѣтствующей части неба, полученныхъ въ Упсалѣ, и находитъ

$$\pi = + 0.080''.$$

Параллаксъ звѣзды, стоящей подлѣ № 11677 въ каталогѣ Argelander-Oeltzen'a былъ опредѣленъ Geelmuuden'омъ, который нашелъ 0.4" и Франземъ давшимъ гораздо меньшее число: 0.1".

По измѣреніямъ 9 фотографическихъ снимковъ Bergstrand даетъ теперь

$$\pi = 0.192''.$$

Открытая г-жею Цераской *новая переменная звѣзда*, относительно которой г. Блажко нашелъ, что она принадлежитъ къ типу Альгола и имѣетъ періодъ въ 4 дня 13 час. 44 мин., была прослѣжена на обсерваторіи Гарвард-колледжа на много лѣтъ назадъ (до 23 сент. 1887 г.), потому что въ

архивъ обсерваторіи оказалось до 195 пластинокъ, снятыхъ съ соответствующей части неба. Богатый матеріалъ позволилъ теперь же опредѣлить очоь точно періодъ измѣненія яркости, именно, онъ оказывается = 4 дня 13 час. 45 мин. 2 сек., причѣмъ ошибка не можетъ быть больше 1—2 сек.

Интересное наблюденіе *системы Юпитера* описываетъ *L. Brenner*, директоръ частной обсерваторіи г-жи *Manoga* въ Луссишиколло (Истрія): 7-го іюня н. ст. въ 8 час. планета явилась въ трубѣ, окруженная своими четырьмя спутниками, въ то время какъ по эфемеридъ астрономическаго календаря должны были быть видимы только три спутника. По звѣздной картѣ нетрудно было разобратся, что одинъ изъ бывшихъ на лицо спутниковъ вовсе не спутникъ, а просто звѣзда, которая казалась только почему то гораздо ярче (6-й величины), чѣмъ показано въ катологѣ (8-й вел.). Въ теченіе часа всѣ четыре свѣтила около Юпитера постепенно исчезли: въ 8 ч. 51 мин. скрылся за дискомъ планеты такъ называемый первый спутникъ, черезъ три минуты второй вступилъ на дискъ, проектируясь на свѣтлый фонъ онъ скоро исчезъ въ 9 час. 44 мин. третій спутникъ взомель въ тѣнь, отбрасываемую корпусомъ планеты—произошло затменіе спутника, наконецъ въ 9 час. 55 м. Юпитеръ, несясь со всѣмъ corteжемъ своихъ спутниковъ въ мировомъ пространствѣ, дошелъ до той прямой, по направленію которой мы видимъ упомянутую выше звѣзду и скрылъ ее отъ глазъ наблюдателя. Планета одна осталась въ полѣ зрѣнія трубы. Юпитеръ безъ спутниковъ—явленіе рѣдкое и интересное. Еще интереснѣе покрытіе Юпитеромъ звѣзды.

Можетъ быть кому-нибудь и изъ нашихъ читателей-любителей астрономіи удастся когда-нибудь подкараулить подобное при наблюденіи какой-либо планеты, советуемъ обратить вниманіе на всѣ мельчайшія подробности, онѣ могутъ имѣть значеніе для выясненія свойствъ атмосферы свѣтила.

Щедрый даръ. Извѣстная меценатка астрономіи г-жа Е. Брюсъ пожертвовала университетской обсерваторіи въ штатѣ Колумбіи 10.000 долларовъ на издержки по измѣренію астрономическихъ фотограммъ и изданію результатовъ. Вмѣстѣ съ прежними пожертвованія г-жи Брюсъ Колумбійской обсерваторіи достигаютъ теперь суммы 22.100 долларовъ.

Новая обсерваторія. Г. Brashear въ Америкѣ собралъ 200.000 долларовъ и строитъ на нихъ вторую обсерваторію въ Allegheny, главнымъ инструментомъ которой явится гигантскій рефракторъ съ объективомъ въ 30 дюймовъ шлифовски самого Brashear'a.

Частная обсерваторія Ó Gyalla (въ Венгріи) 20-го мая перешла во владѣніе венгерскаго государства, которая устраиваетъ тамъ также метеорологическую и центральную обсерваторію. Управление обсерваторіей поручено проф. Kövesligethy, который, какъ можно надѣяться, оживитъ унававшую за послѣднее время дѣятельность въ институтѣ. Новый титулъ обсерваторіи: «Королевская Венгерская Астрофизическая Обсерваторія».

Скончавшаяся недавно *Miss Elis Brown* завѣщала одну изъ своихъ обсерваторій съ обстановкой и капиталомъ въ 10.000 рублей Британскому астрономическому обществу (*Britisch Astronomical Association*).

Премія. Американское общество «*Astronomical Society of the Pacific*» присудило медаль имени г-жи Брюсъ нѣмецкому астроному Ауверсу, знаменитому своими точными грандіозными по размѣрамъ вычисленіями. Медаль имени *Watson'a* Американской Академіи Наукъ получилъ *Gill*—королевскій астрономъ на Мысѣ Доброй Надежды.

Скончалась 28-го мая miss Elis. M. Wardwell—профессоръ астрономіи и директрисса обсерваторіи Уильстонъ на горѣ Холіокъ (въ Америкѣ), 67 лѣтъ отъ роду.

Въ настоящее время для небольшихъ любительскихъ трубъ доступны двѣ малыя планеты: Ирида и Веста.

Положеніе Ириды на небѣ опредѣляется координатами:

	α	δ
Сент. 1-го. 1 час. 31,8 мин.		$+ 20^{\circ} 9',6$
» 7-го	30,4 »	14,5
» 15-го	27,0 »	4,2
» 22-го	22,4 »	$19^{\circ} 39,0$
Окт. 1-го	15,6 »	$18^{\circ} 45,8$. (Противостояніе; кульминируетъ въ 12 час. ночи).

Яркость планеты—7,0 зв. велич.

Положеніе Весты.

	α	δ
Сент. 1-го 1 час. 59,7 мин.		$+ 0^{\circ} 23',5$
» 7-го	56,6 »	$- 0^{\circ} 11,1$
» 15-го	51,2 »	59,7
» 22-го	45,4 »	$- 1^{\circ} 42,3$
Окт. 5-го	33,2 »	$- 2^{\circ} 52,6$. (Противостояніе).

К. Покровскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«М. Е. Салтыковъ», А. Н. Пычина.—Публицистическая дѣятельность Щедрина въ 60-ые годы.—Его общественные взгляды.—Мнѣніе о реформѣ печати и о «направленіяхъ».—Взглядъ на молодое поколѣніе вообще.—Его отрицательное отношеніе къ Писареву и «вислоухимъ».—«Ома Гордѣевъ» г. Горькаго.

Въ апрѣлѣ текущаго года исполнилось десятилѣтіе смерти Щедрина, и по этому поводу нѣкоторыя плакальщицы по профессіи, въ родѣ сѣро-скупно-добродѣтельнаго «Сына Отечества», возопили «гласомъ» не столько «велиемъ», сколько хнычущимъ, о забывчивости русскаго общества, о его неблагодарности и о прочихъ отрицательныхъ качествахъ, ему присущихъ,—кромѣ, конечно, самого «Сына Отечества». Этотъ послѣдній, разумѣется,—яко фіалъ всякой доблести, стоящій на горѣ, да свѣтитъ намъ темнымъ, будить забывчивыхъ и вѣщаетъ глухимъ. Роль почтенная и даже не безъ пріятности, ибо даетъ возможность и другимъ обругать, и себя, хотя и косвенно, похвалить, проявивъ за чужой счетъ собственное «благородство» чувствъ. На это амплуа всегда было не мало охотниковъ изъ породы «мелкотравчатыхъ», у которыхъ за душой собственного ничего нѣтъ. А тутъ такой благой случай прикрыться чужимъ почтеннымъ именемъ и подъ сѣнью его пролить слезу добродѣтели по случаю нашего общественного оскуднѣнія и источить пару пошлыхъ словъ по адресу общества. Самъ по себѣ этотъ эпизодъ былъ только комиченъ, какъ вообще комична старчески оскудѣлая фигура беззубо-шамкающаго «Сына», льющаго слезы надъ бѣднымъ «Отечествомъ», которое увы!—платить ему самымъ обиднымъ равнодушіемъ. Но этотъ пріемъ постоянныхъ воплей по адресу общества, «насъ», которые ничего не помнимъ, никого не дѣлимъ и т. д.—отличительная черта извѣстнаго направленія, разработанная до тонкости эпигонами народничества. Что бы ни случилось, у нихъ всегда готовы стрѣлы для общества, которое не дѣлаешь по ихъ понятію, потому что не хочетъ, это лѣнливое, себялюбивое, презрѣнное общество. Оно всегда и во всемъ у нихъ въ отвѣтъ.

Надъ такой болѣе легкой, чѣмъ правильной критикой общества посмѣивался всегда самъ Салтыковъ и на іереміады «Сына Отечества» далъ бы злой отвѣтъ, по поводу «благородства чувствъ» добродѣтельной плакальщицы. Ибо,—говоритъ онъ съ обычной безцеремонностью и ясностью,—«благородство чувствъ» есть одинъ изъ самыхъ сильно дѣйствующихъ ядовъ нашей литературы—это я совсѣмъ не шута говорю. Дѣло въ томъ, что благородныя чувства и хорошія мысли грозятъ затопить русскую литературу, по крайней мѣрѣ, въ такой же степени, въ какой, съ другой стороны, затопляетъ ее сильно дѣйствующая благонамѣренность. Если эта послѣдняя является отвратительной вслѣдствіе своей цинически легкой удовлетворяемости, то благородныя чувства и мысли поражаютъ своей безтактностью и сухостью, рѣжутъ глаза своимъ безсиліемъ и ограниченностью. Какъ благонамѣренность, такъ и благородныя чувства равно противны: это маски, за которыми скрывается отсутствіе содержанія, это искус-

ственно напускаемый туманъ, который мѣшаетъ видѣть жизнь дѣйствительную, жизнь не картонную. Когда вы занимаетесь дѣломъ положительнымъ, вибѣющимъ корни въ дѣйствительности, придетъ-ли вамъ въ голову мысль о необходимости поддуть туда благородства чувствъ? Нѣтъ, не придетъ, потому что дѣло есть дѣло, и ни благороднымъ, ни неблагороднымъ оно не можетъ быть. Возможно ли написать благородную арифметику, похвальную химию и не чуждую вопроса о воскресныхъ школахъ физиологію? Нѣтъ, невозможно, потому что все это: и арифметика, и химія, и физиологія — все это дѣло. Такъ стало быть, литература... Ну, да, стало быть, литература есть бездѣлье, коль скоро въ нее, какъ въ нѣкоторый непокрытый сосудъ, можно легко помѣщать всѣ плохія чувства, всѣ праздныя попопзновенія, всѣ непригодныя для дѣла мысли. Дѣйствительно, благородство чувствъ тамъ преимущественно и прижилось, ибо хотя и были попытки сочинить благородную арифметику, но скоро было найдено, что тамъ благородство непригодно, и всего ближе оно подходитъ къ беллетристичѣсь.

Сказано это было по другому поводу, но, съ необходимыми оговорками, *mutatis mutandis*, — эти слова вспоминаешь невольно читая современныхъ поборниковъ благородныхъ обличеній. Относительно Щедрина это, впрочемъ, постоянно такъ. Читая въ превосходной книгѣ почтеннаго А. Н. Пыпина о дѣятельности Щедрина, какъ публициста въ началѣ 60-хъ годовъ, кажется, будто эти статьи великаго сатирика только вчера были написаны и на самыя животрепетущія темы нашей современности, несмотря на 35 лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ этого времени. Трудно забыть писателя, произведенія котораго захватили не ту или иную полосу жизни, не то или иное десятилѣтіе ея, а отразили — безъ преувеличенія можно сказать — всю совокупность этой жизни, съ пророческимъ почти провидѣніемъ будущаго, которое за десять лѣтъ, протекшіе со дня смерти Салтыкова, даетъ все новыя и новыя подтвержденія высказанныхъ имъ предположеній, созданныхъ имъ образовъ и вѣрныхъ характеристикъ икъ русской общественности. Все это слишкомъ извѣстно, слишкомъ еще памятно и живо, чтобы стоило напоминать. Но тема, разработанная въ книгѣ г. Пыпина, стоитъ того, чтобы на ней остановиться, такъ какъ чисто-публицистическая дѣятельность Щедрина меньше всего извѣстна. Между тѣмъ, эта сторона его творчества существенно важна для яснаго представленія общественаго міровоззрѣнія Салтыкова. «Дѣятельность художественная, — говоритъ почтенный авторъ, — какъ бы тѣсно она ни примыкала къ жизни, всегда носитъ въ себѣ извѣстную условность, не раздѣльную съ искусствомъ. Въ простой журнальной бесѣдѣ писатель остается свободнѣе: не стѣняемый формой, онъ высказываетъ прямо свои взгляды, вступаетъ въ полемику, вдается въ теоретическія толкованія, имѣетъ возможность говорить и о крупныхъ, и о мелкихъ явленіяхъ данной минуты, и въ концѣ концовъ его общее содержаніе выясняется въ непринужденной бесѣдѣ чертами личныхъ взглядовъ, какихъ мы не встрѣтимъ въ его художественныхъ произведеніяхъ».

Публицистическая дѣятельность Салтыкова была сравнительно кратковременна, всего два года — съ 1863 по 1864, когда онъ принималъ непосредственное участіе въ «Современникѣ», какъ соредакторъ, и велъ отдѣлъ общественной хроники. Въ теченіе всей послѣдующей дѣятельности онъ рѣдко былъ такъ плодovitъ, и за два года помѣстилъ въ «Современникѣ» рядъ хроникъ, библиографическихъ замѣтокъ и цѣльныхъ очерковъ, написанныхъ въ его излюбленномъ родѣ — соединеніе художественности съ публицистикой. Въ хроникахъ онъ касается основныхъ вопросовъ литературы, получившихъ такое преобладающее въ ней значеніе на долгіе года. И впоследствии ему много разъ приходилось возвращаться къ нимъ, но взглядамъ и убѣжденіямъ, высказаннымъ имъ въ это время, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ. Его статьи этого періода представляютъ какъ бы сжатый проспектъ всего, что потомъ онъ развилъ въ безчис-

ленныхъ образахъ, которыми словно комментировалъ свои мысли, высказанныя въ этихъ статьяхъ. Не только нѣтъ ни малѣйшаго слѣда противорѣчія или отступленія отъ основного тона, но, напротивъ, этотъ тонъ только крѣпнеть и становится глубже. По мѣрѣ того, какъ жизнь становилась все уже, глуше, безсодержательнѣе, Щедринъ словно крѣпчалъ и утверждался въ своихъ убѣжденіяхъ, хотя, на первый взглядъ, именно жизнь могла бы пошатнуть ихъ.

Въ началѣ его дѣятельности, какъ самостоятельнаго художника, русская жизнь находилась въ періодѣ подъема, достигшаго апогея въ 59—61 годахъ. Начиная съ этого момента и до его смерти общественная жизнь неизмѣнно и неустанно шла «на пониженіе». Присутствовать при зарожденіи великихъ надеждъ, видѣть ихъ расцвѣтъ и затѣмъ полное крушеніе—таковъ былъ убѣлъ Щедрина, и въ этомъ нельзя не видѣть глубокаго трагизма. Это наложило на все его творчество отпечатокъ глубокой скорби, которая слышится во всѣхъ его произведеніяхъ и подчасъ вызываетъ такую жгучую боль въ сердцѣ читателя. По временамъ онъ напоминаетъ классическую Кассандру, которая въ моментъ общаго ликования не измѣняетъ своего скорбно-трагическаго настроенія. Что-то безпокойное постоянно чувствуется въ самыхъ эпическихъ по тону произведеніяхъ, какъ отраженіе того безпокойства и страстной жажды правды, которыя волновали его всю жизнь. Мы не могли бы указать ни одной веселой странички въ его многочисленныхъ произведеніяхъ, которыя вызываютъ подчасъ неудержимый смѣхъ, но въ немъ нѣтъ ни капли веселья. «Начиная съ «Губернскихъ Очерковъ» и кончая «Похехонской Стариной», Салтыковъ шелъ однимъ неизмѣннымъ путемъ, изображая жизнь, угнетаемую, по его выраженію, «игомъ безумія», его сатира переходила въ трагедію, и въ глубинѣ его мрачныхъ картинъ свѣтился вынесенный изъ юности и бережно сохраненный идеалъ добра, справедливости и просвѣщенія»,—говоритъ г. Пыпинъ.

Съ высоты этого идеала онъ разсматриваетъ текуція явленія жизни и дѣлаетъ рядъ глубокихъ выводовъ. Изъ высказанныхъ имъ тогда взглядовъ особый интересъ для насъ имѣютъ его мнѣнія о положеніи печати, о благонамѣренности, о народѣ, о молодежи вообще и его отношеніе къ той части молодыхъ силъ, которыя группировались тогда около Писарева. Его статья по поводу предполагавшейся тогда реформы печати дышетъ такой свѣжестью современности, что по существу едва ли что можно добавить и теперь. «Русская литература,—говоритъ г. Пыпинъ,—представлялась ему въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какіе она и въ самомъ дѣлѣ имѣла; онъ не предвидѣлъ отъ нея опасностей, которыя вынуждали бы къ экстреннымъ мѣрамъ и строгимъ преслѣдованіямъ. Онъ справедливо указывалъ, что, собственно говоря, литература была искалѣчена тѣмъ прежнимъ режимомъ, подъ которымъ она столько времени воспитывалась—она отучилась говорить прямо о вещахъ, потому что серьезные предметы, требующіе общественнаго вниманія, были для нея закрыты; но такъ какъ о нихъ не могло не думать общество, то литература тѣмъ самымъ вынуждалась прибѣгать къ условному, закрытому языку, къ намекамъ, къ умолчаніямъ, аллегоріямъ и т. д., во всему тому, въ чемъ и стали усматривать «направленіе». Это «направленіе» представлялось какою-то ехидною злонамѣренностью, противъ которой нужно было употреблять ехидныя средства. Съ его обычной манерой, иногда веселой шуткой, чаще желчной и горькой ироніей, онъ успокаиваетъ административные страхи, что если бы литературѣ предоставлено было выложить всѣ свои сокровища, то, можетъ быть, ихъ бы и не оказалось... Салтыковъ негодуетъ на тѣ инсинуаціи, какія высказывались въ то время, напр., въ толкахъ «Русскаго Вѣстника» о редакторахъ, довѣрія заслуживающихъ и не заслуживающихъ. Онъ желалъ для всѣхъ изданій одинаковаго положенія, безъ всякаго предпочтенія для однихъ, которое стало бы стѣсненіемъ и несправедливостью для другихъ».

Не меньшую свѣжесть для насъ имѣть его характеристика благонамѣренности,—тема, ставшая потомъ одной изъ любимѣйшихъ его темъ и такъ гениально разработанная въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» и въ «Современной идилліи». Слово это, которое впоследствии и до нашихъ дней включительно получило такое широкое и повсемѣстное распространеніе и примѣненіе,—только что тогда было введено въ кодексъ обывательскаго удоженія о поведеніи, и Щедринъ пытается проанализировать и собрать во едино всѣ признаки благонамѣренности.

«Признаюсь,—говорить онъ,—откровенно, обязанность эта застаётъ меня нѣсколько врасплохъ, ибо слово это произошло на свѣтѣ такъ недавно, что даже значеніе его неполнѣ опредѣлилось. Толкуютъ его больше фигурами и уподобленіями. Такъ, напр., если я вижу человѣка, участвующаго своими трудами въ «Сѣверной Челвѣ», въ «Нашемъ Времени», въ «Сѣверной Почтѣ»—я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Если я вижу человѣка, пощающаго балы гг. Марцинкевича, Задлера, Наумова и др.—я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Почему я такъ говорю, я не знаю, но чувствую, что говорю правду, и всякій, кто слышитъ меня говорящимъ такимъ образомъ, также чувствуетъ, что я говорю правду. Совсѣмъ другое дѣло, если я вижу человѣка, таинственно пробирающагося въ редакцію газеты «Голось»; тутъ я прямо говорю себѣ: нѣтъ, это человѣкъ неблагонамѣренный, ибо въ немъ засьлъ Ледрю-Ролленъ. И напрасно Андрей Александровичъ Краевскій будетъ увѣрять меня, что Ледрю-Ролленъ былъ, да весь вышелъ.—я не повѣрю ему ни за что»... Далѣе благонамѣренный человѣкъ долженъ вести себя хорошо, что значить: «утромъ благонамѣренный человѣкъ встаетъ и читаетъ «Сѣверную Почту»; насладившись ея чтеніемъ и узнавъ, въ чемъ должна заключаться сегодняшняя благонамѣренность, онъ бесѣдуетъ съ г. Старчевскимъ (тогдашнимъ издателемъ «Сына Отечества»), затѣмъ, подъ вплиномъ этой бесѣды, благонамѣренный заходитъ къ Доминику, гдѣ съѣдаетъ три пирожка, а буфетчику сказывается, что съѣлъ одинъ. Затѣмъ до обѣда онъ гуляетъ по Невскому, потомъ обѣдаетъ въ долгъ у Дюссо, а вечеромъ отправляется въ Михайловскій театръ, и день оканчивается блестящимъ образомъ на баду у безземельныхъ, но гостепримныхъ принцессъ вольнаго города Гамбурга». Во всѣмъ этимъ правиламъ внѣшняго поведенія слѣдуетъ прибавить «хорошій образъ мыслей», подъ коимъ подразумѣвается невинность. «Невинность же, съ своей стороны, есть отчасти отсутствіе всякаго образа мыслей, отчасти же отсутствіе того смысла, который даетъ возможность различить добро отъ зла. Любите отечество и читайте романы Поль-де-Кока—вотъ краткій и незамысловатый кодексъ житейской мудрости, которымъ руководствуется современный благонамѣренный человѣкъ. И благо ему. Если онъ утаивъ о двухъ излишне съѣденныхъ пирожкахъ, то это простится ему, потому что отъ этого нѣтъ ущерба ни любви къ отечеству, ни общественному благоустройству».

Бовечно, по отношенію къ нашимъ днямъ эта характеристика уже исполна. Для выѣшняго благонамѣреннаго мало читать «Новое Время», завтракать у Доминика, утаивая два пирожка, и т. п.,—ему надо быть еще «русскимъ», т. е. ругать жидовъ, финновъ, поляковъ и прочія народности. Самъ Щедринъ дополнилъ съ теченіемъ времени эту характеристику нѣкоторыми другими чертами, какъ-то «открытымъ сердцемъ», готовностью по первому призыву открыть это сердце въ участіе, склонностью поддѣлывать векселя, лжесвидѣтельствовать и другими гражданскими добродѣтелями. Но основныя черты благонамѣреннаго человѣка уже воиолнѣ имъ намѣчены въ этой общественной хроникѣ 63-го года. Съ изумительной прозорливостью онъ подмѣтилъ новый нарождающійся типъ русской жизни, которому суждено играть до сихъ поръ такую видную роль въ этой жизни.

Другое явленіе, имѣющее такое огромное значеніе въ нашей общественности,

народилось тогда же и получило въ статьяхъ Щедрина опредѣленіе и свою характеристику. Онъ съ изумленіемъ останавливается предъ «травлей» молодого поколѣнія, начатой тогда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и разгоравшейся все больше и больше, и даетъ смѣлый и рѣзкій отпоръ. «Мальчишки» и «нигилисты» — это все ненавистное, безнравственное, грубое, невежественное. «Нигилисты обязаны выносить на себѣ всѣ грѣхи міра сего. Тявкнетъ ли на улицѣ шавка — благонамѣренные кричатъ: Это нигилисты подучили ее! пойдеть ли безъ времени дождь, благонамѣренные кричатъ: это нигилисты заговариваютъ стихіи! Этого мало: лѣтомъ 1862 года по случаю частыхъ пожаровъ, въ Петербургѣ ходили слухи о поджогахъ — благонамѣренные воспользовались этимъ, чтобы обвинить нигилистовъ; образовалась какая-то неслыханная потаенная литература — благонамѣренные возстали: это они! это нигилисты! Злорадство достигло до такой степени безобразія и нелѣпости, что благонамѣренные готовы были, чтобы у нихъ снимали головы, лишь бы имѣть право сказать: это они! это нигилисты!» Глухие и бездоказательные нападки на молодежь вызываютъ въ немъ вопросъ, съ которымъ и теперь можно бы обратиться къ нѣкоторымъ ревнителямъ порядка не по разуму: «Я обращаюсь къ людямъ просто забывчивымъ и спрашиваю: неужели вы въ самомъ дѣлѣ забыли? неужели вы дошли до состоянія опрѣсноковъ безъ всякихъ тревогъ, безъ всякой борьбы? Неужели вы не метались и не кипѣли? неужели сошли на путь благонамѣренности такъ же случайно и безразлично, какъ заходятъ современные франты въ тотъ или другой танцклассъ? Нѣтъ, это невѣроятно, потому что нѣтъ того человѣка, котораго заплѣснѣвшая душа не умилилась бы передъ воспоминаніемъ о давно прошедшихъ, сладкихъ дняхъ молодости, нѣтъ того дряхлаго, тулопа старика, котораго голова не затряслась бы сочувственно, морщины котораго не освѣтились бы лучомъ радости, когда на него хоть на мгновение, хотя случайно пахнетъ свѣжимъ ароматомъ навсегда утраченной весны жизни». Задавая этотъ вопросъ, Салтыковъ не думаетъ просить снисхожденія для «мальчишекъ», потому что, говоритъ онъ, — «я нахожу, что мальчишество — сила, а сословіе мальчишекъ — очень почтенное сословіе. Самая остервенѣлость вражды противъ нихъ свидѣтельствуешь, что къ мальчишкамъ слѣдуетъ относиться серьезно, и что слово «мальчишки», «нигилисты», которыми благонамѣренные люди вѣнчаютъ всѣ свои диспуты по поводу дѣлаемыхъ мальчишками представлений и домогательствъ, — въ сущности изображаютъ не что иное, какъ худо-скрытую досаду, нѣчто въ родѣ плача Адама объ утраченномъ раѣ». Все освѣжающее и оживляющее находится не въ благонамѣренности, а въ силѣ молодости.

Но, отдавая должное молодежи, Салтыковъ сурово порицаетъ тѣхъ не призванныхъ руководителей ея, которые, усиливая крайности молодого увлеченія, создаютъ изъ нихъ какой-то кодексъ якобы убѣжденій молодежи. Со всей силой своего тяжеловѣснаго таланта онъ обрушивается на группу писателей, съ Писаревымъ во главѣ, которые изъ тургеневскаго нигилиста Базарова дѣлали своеобразнаго идола молодого поколѣнія. Онъ ихъ обвиняетъ въ томъ, что они губятъ дѣло, за которое берутся; превознося нигилизмъ, они извращаютъ общественныя понятія не хуже реакціонеровъ.

«Всего болѣе, — говоритъ онъ, — содѣйствуютъ заблужденію публики нѣкоторые вислоухіе и юродствующіе, которые съ ухарской развязностью прикомандировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣніемъ, и схвативъ одни наружные признаки этого дѣла, совершенно искренно исповѣдуютъ, что въ нихъ-то вся и сила. Эти люди считаютъ себя какими-то сугубыми представителями молодого поколѣнія, забывая, что дрянъ есть явленіе, общее всѣмъ вѣкамъ и странамъ, и что совершенно несправедливо и даже непозволительно навязывать ее исключительно современному русскому молодому поколѣнію...

«Нѣтъ мысли, которой наши вислоухіе не обезславили бы, нѣтъ дѣла, ко-

того они не загадали бы. «Я демократъ», говоритъ вамъ вслуухій, и доказываетъ это тѣмъ, что ходитъ въ поддевкѣ и сморкается безъ помощи платка. «Я нигилистъ и не имѣю никакихъ предрасудковъ», говоритъ вамъ другой вслуухій, и доказываетъ это тѣмъ, что во всякое время дня готовъ выбѣжать голый на улицу. И напрасно вы будете увѣрять его, что въ первомъ случаѣ онъ совсѣмъ не демократъ, а только нечистоплотный человѣкъ, и что во второмъ случаѣ онъ тоже не болѣе какъ бойкій человѣкъ, безъ надобности подвергающій себя заключенію въ частномъ домѣ,—не повѣритъ онъ ни за что и васъ же обругаетъ аристократомъ и отстаимъ человѣкомъ».

Салтыковъ сравниваетъ этихъ enfants terribles всякаго общественнаго движенія съ обезьянами, безмысленно повторяющими человѣческія движенія, и говоритъ, что не стоило бы на нихъ обращать вниманія, если бы вслуухіе не лѣзли впередъ и не выдавали себя за соль земли, за людей настоящаго дѣла, привлекая себѣ послѣдователей и поклонниковъ. «Посторонній зритель, непосвященный, смотритъ на вслуухаго уже съ нѣкоторымъ трепетнымъ смиреніемъ, какъ на сосудъ нѣкій, въ которомъ заключена мудрость будущаго, и если ему порою кажется, что эта мудрость сѣхиваетъ на ерунду, то онъ тутъ же спѣшитъ поправиться и увѣритъ себя, что это отъ того ему такъ кажется, что онъ самъ преесполненъ ерунды, а что ерунда вслуухаго есть дѣйствительная мудрость, но только, мудрость не настоящаго, а будущаго». Закачивая свою статью, онъ заявляетъ, что въ своихъ нападкахъ онъ имѣлъ въ виду именно вслуухихъ, а не всю молодежь вообще, потому что «я хорошо понимаю—говоритъ онъ, что взгляды на молодое поколѣніе, какъ и на всякое другое, должны опредѣляться общою его дѣятельностью, общими его стремленіями, а не уклоненіями и уродствами, хотя бы этихъ послѣднихъ было и великое множество».

Отъ такого взгляда на молодежь Щедринъ не отступалъ и впоследствии, никогда не потакаая увлеченіямъ, которыя казались ему вредными для дѣла молодого поколѣнія, но и не пользуясь ими для высмѣиванія или карикатуры. Стычка съ «вслухими» была единственной въ своемъ родѣ, но и вызвана она была скорѣе противниками. И побѣда въ этой борьбѣ осталась въ концѣ концовъ за Щедринымъ, хотя на время Писаревъ и его группа одержали верхъ. Для насъ эта любопытная полемика имѣетъ только историческій интересъ, но нельзя не признать, что Щедринъ по существу былъ правъ, осуждая «вслухихъ» за ихъ крайнія увлеченія съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, очень близкое будущее доказало справедливость его нападокъ, и въ концѣ 60-ыхъ годовъ общественное мнѣніе было всецѣло на сторонѣ Салтыкова. Хотя, съ другой стороны, его грубо-отрицательное отношеніе къ роману Тургенева можетъ быть понято только при полномъ соблюденіи исторической перспективы, принимая во вниманіе условія той эпохи, когда «Отцы и дѣти» явились боевымъ произведеніемъ, при томъ въ реакціонномъ журналѣ «Рус. Вѣстникъ», что не могло не придать многимъ сторонамъ романа своеобразный и специфическій характеръ въ глазахъ Щедрина. «Сколько мы знаемъ,—замѣчаетъ г. Пыпинъ,—у Салтыкова осталась до конца доля извѣстнаго недовѣрія къ Тургеневу, именно недовѣрія къ правильности его пониманія нашихъ общественныхъ отношеній». Теперь едва ли кто раздѣляетъ это недовѣріе, и «Отцы и дѣти» для насъ—лучшее художественное произведеніе этой бурной эпохи. Но далеко не такъ обстояло дѣло въ моментъ его появленія. Кромѣ того, что Тургеневъ далъ кличку цѣлому направленію, кличку, которую воспользовались, какъ мы видѣли, всѣ реакціонеры,—онъ вызвалъ рядъ подражаній и своимъ романомъ открылъ серію обличительной беллетристики, вродѣ «Взбаламученнаго моря», «Марева» и другихъ не столь видныхъ и извѣстныхъ, какъ «Некуда» Стебницкаго-Лѣскова. Все это необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ мнѣній Щедрина объ «Отцахъ и дѣтяхъ». Не-

мало при этомъ оказало вліяніе и обратное мнѣніе Писарева, прямолинейное и восторженное, возводившее Базарова въ перлъ созданія. Вообще, Щедринъ обладалъ если не тонкимъ, то вѣрнымъ художественнымъ вкусомъ, какъ доказываетъ г. Пыпинъ, приводя чрезвычайно интересныя критическія замѣтки Щедрина того же періода. Такъ, напр., относительно Писемскаго, онъ замѣчаетъ, что едва ли кто-нибудь признаетъ его несомнѣнный талантъ «симпатичнымъ», или его шутливый, но совершенно правильный разборъ «Князя Серебряннаго» Алексѣя Толстого, написанный Щедринымъ какъ бы отъ лица стараго учителя словесности.

Въ публицистическихъ статьяхъ Щедрина этого времени есть еще одинъ важный вопросъ—о народѣ и о томъ отношеніи къ нему, какое Щедринъ считалъ единственно правильнымъ и нужнымъ. Былъ ли Щедринъ народникомъ въ томъ смыслѣ, какъ понимается это направленіе теперь? На этотъ вопросъ его статьи даютъ вполне опредѣленный и точный, отрицательный отвѣтъ. Ни тогда, ни потомъ онъ не идеализировалъ ни мужика, ни деревни со всѣмъ ея укладомъ, и возставалъ противъ *жалостливаго* отношенія къ мужику, которое считалъ для послѣдняго прямо оскорбительнымъ. Онъ требовалъ только *справедливости* для мужика, какъ требовалъ ея и для всѣхъ. Зло высмѣивалъ онъ какъ идеализацію народа, такъ и проповѣдь о «сближеніи сословій» на почвѣ «умиленнаго присѣданія» предъ «мужичкомъ». Правда, все это говорилось по адресу писателей-художниковъ, наставившихъ на патриархальности отношеній и придававшихъ крѣпостному праву какой то величаво-эпической характеръ, какъ это мы видимъ у Мельникова-Печерскаго и Аксакова. Но сказанное имъ тогда цѣлкомъ можно адресовать и къ нашимъ народникамъ типа добродѣтельнаго «Сына Отечества», съ г.г. Левитскими и Энгельгардтами во главѣ. Приведемъ два-три мѣста изъ его статей, какъ очень характерныя для Щедрина.

«Жизнь русскаго мужика,—говоритъ онъ,—тяжела, но не вызываетъ ни чувства безплодной и всегда оскорбительной жалостливости, ни тѣмъ менѣе идиллическихъ присѣданій. Какъ всякая другая жизнь, какъ вообще все на свѣтѣ, она представляетъ богатый матеріалъ для изученія, а еще больше для сравненій и сопоставленій... Уже одно то, что коренное условіе мужицкой жизни составляетъ вѣчный непрерывающійся трудъ, достаточно указываетъ на совершенно серьезный ея характеръ и на положительную невозможность относиться къ ней съ умиленіями и присѣданіями. Начинать каждый свой день мыслью о насущномъ хлѣбѣ и этою же мыслью день заканчивать,—какъ хотите, а тутъ потребно или великое мужество, или же полное и трудно постигаемое равнодушіе. Я, съ своей стороны, думаю, что въ настоящемъ случаѣ исключительно присутствуетъ то великое и низмѣмъ еще достаточно не оцененное *мужество*, которое одно можетъ дать человѣку и силу, и присутствіе духа, необходимыя, чтобы удержать его на краю вѣчно віяющей бездны. Положеніе мучительное, мимо котораго мы потому только проходимъ безъ крайне болѣзненнаго чувства, что не даемъ себѣ труда вникнуть въ его существо. Да мы съ вами, читатель, не можемъ и вникнуть въ него, потому что для насъ все въ этомъ дѣлѣ непонятно: и невозможность досуга, и вѣчная зависимость жизни отъ личнаго матеріальнаго труда, и эти опасенія, эти ужасныя опасенія, которыя ни на минуту не отходятъ отъ человѣка, ни на минуту не даютъ ему забытья и отдохнуть. Начего мы съ вами этого не понимаемъ?».

Описавъ эту мучительную и тяжкую жизнь мужика, Салтыковъ, въ заключеніе ставитъ вопросъ, что же изъ этого слѣдуетъ?

«А изъ этого слѣдуетъ одна очень простая вещь,—отвѣчаетъ онъ,—что когда говоришь о мужичкахъ, то нѣтъ никакой надобности ни умиляться, ни присѣдать, ни впадать въ меланхолю. Надо смотрѣть на это почтенное сословіе какъ можно проще, и въ настоящее время, думается мнѣ, достаточно бу-

дѣть съ тебя, читатель, если ты доподлинно будешь знать, что дѣлаеть русскій мужикъ, и во что ему это его дѣло обходится. Никогда не мѣшаетъ имѣть правильныя и непреувеличенныя свѣдѣнія о предметѣ, о которомъ имѣть таковыя желаешь. Это отсутствіе преувеличеній, быть можетъ, огорчитъ нѣсколько любознательнаго изыскателя, лишитъ его удовольствія рисовать картинки на розовомъ маслѣ и вообще идеальничать и поэтизировать, но взамѣнъ того оно положитъ начало чувству болѣе прочному и плодотворному, — чувству справедливости. Если идеализація, всегда основанная на поверхностномъ и неполномъ знаніи вещей, помогаетъ намъ распускаться въ умиленіяхъ и мечтахъ о сближеніяхъ, то не надо забывать, что нерѣдко также самая идеализація ведетъ насъ и къ мордобитію. Напротивъ того, знаніе вещи необходимо отразится и на отношеніяхъ чловѣка къ ней, и эти отношенія будутъ именно такими, какими они быть должны. Не будетъ поцѣлуевъ, но не будетъ и оплеухъ, не будетъ любви всепрощающей, но не будетъ и поученій тѣлесныхъ. Будетъ справедливость, а покажется она только и требуется».

Трудно высказаться яснѣе и опредѣленнѣе, тѣмъ Щедринъ относительно народа. Все, имъ предугаданное, сбылось, какъ по писанному, и народническія умиленія и идеализація именно и колебались между поцѣлуями и оплеухами, а въ настоящее время перешла въ «вислоухое» упрямство г.г. Энгельгардтовъ, не желающихъ знать и слышать правды. Къ великому ущербу для развитія русскаго сознанія, правильный взглядъ Щедрина былъ надолго вытѣсненъ изъ литературы народническимъ сладкогласованіемъ г. Златовратскаго съ братіей. Подкрѣпляемые субъективными философами, они настолько извратили представленіе о мужикѣ и народной жизни, что повадобились такіа катастрофы, какъ годъ 1891—1892 г., чтобы разсѣялся туманъ идеализаціи и русская интеллигенія увидѣла весь ужасъ мужицкой жизни, не прикрашенный никакими умилительными картинками.

Отношеніе Щедрина къ народу становится вполне понятнымъ, если принять во вниманія его общее міросозерпаніе. Щедринъ былъ цѣльной, здоровой натурой, выросшей на почвѣ сороковыхъ годовъ съ ея высокими требованіями и запросами, выставленными и развитыми Бѣлинскимъ, Герценомъ и Грановскимъ. Народъ не выдѣлялся ими въ какую-то особую категорію, какъ нѣкій священный идолъ, достойный поклоненія. Щедринъ былъ вполне западникомъ, для котораго народъ представлялся великой соціальной силой, создавшей государство и культуру и тѣмъ самымъ имѣвшей всѣ законнѣйшія права на защиту этого государства и пользованіе этой культурой. Уничтоженіе крѣпостнаго права было первымъ актомъ въ этомъ признаніи за народомъ его неотъемлемыхъ правъ. Осуществленіе справедливости должно было идти дальше и повести къ тому, чтобы сдѣлать народъ полноправнымъ на ряду съ прочими сословіями, а не къ тому, чтобы выдѣлать народъ въ особую, хотя и достойную поклоненія, но вѣчно опекаемую и пребывающую «въ собственномъ соку» категорію. Дать народу всѣ права и предоставить всѣ возможности къ самостоятельному развитію его силъ—вотъ что, по мнѣнію Щедрина, означало быть справедливымъ къ народу. Какъ далека была отъ этого идеала справедливости дѣйствительная жизнь, Щедринъ понималъ превосходно, и отсюда—не жалость къ народу, а «жалѣніе» въ смыслѣ глубокой любви къ нему, что выражалось у Щедрина всегда, когда онъ упоминаетъ о народѣ. Довольно вспомнить, напр., его «Бюнагу». Но эта любовь не мѣшала ему видѣть и отрицательныя стороны въ томъ же народѣ, его дикость нравовъ, невѣжество, косность, «головотяпство», и беспощадно высмѣивать, напр., въ «Исторіи одного города». Чуждый всякой сентиментальности, Щедринъ умѣлъ съ удивительной нѣжностью относиться къ тому же народу, когда нужно было указать на его страданія—въ «Помехонской старинѣ» или въ «Сказкахъ».

Такъ же, какъ къ народничеству, относится Щедринъ и къ другимъ крайнимъ ученіямъ. Онъ обладалъ живымъ, широкимъ, здоровымъ умомъ и вѣрнымъ чутьемъ правды, которое удерживало его отъ увлеченій. Но это отнюдь не означало въ немъ холоднаго «себѣ на умѣ» или безразличнаго отношенія къ борющимся направленіямъ. Съ рѣзкостью, можно сказать безопадно онъ относился именно къ безразличію въ направленіяхъ, къ холодному резонерству, которое ставилъ на ряду съ «плотояднымъ» отношеніемъ къ жизни. «Даже фанатизмъ,—говоритъ онъ въ одной изъ хроникъ,—и тотъ далеко не большее изъ всѣхъ золъ, которыя могутъ тяготѣть надъ обществомъ; самое горькое зло, самая безвыходная пагуба, это—отсутствіе руководящей мысли, отсутствіе убѣжденій... Не то общество—самое близкое къ погибели, которое вянеть и задыхается подъ гнетомъ фанатизма, а то, которое, еще не живши, уже считаетъ себя отжившимъ. Изъ фанатизма есть возможность выхода, фанатизмъ, наконецъ, самъ себя изнашиваетъ и истощаетъ; изъ безмыслія же нѣтъ другого выхода, кромѣ ничтожества, и при томъ такого ничтожества, которое обманывается своимъ самодовольствомъ и кажущеюся устойчивостью. Это, дескать, положительный взглядъ, это отличительная черта нашей эпохи! Не имѣть идеала, чуждаться мысли, смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія исключительно плотоядной, вгрызаться въ нее, какъ вгрызается въ куски мяса обезумѣвшій отъ голода хищный звѣрь—вотъ качества, которыя безстыдно и самодовольно выставляютъ человѣкъ въ подобныя эпохи, и при этомъ не только не ощущаетъ на лбу своемъ прикосновенія позорнаго клейма, но даже однимъ своимъ присутствіемъ возбуждаетъ въ захмелѣвшей толпѣ неистовыя и безмысленныя рукоплесканія».

Вспомнимъ также злыя осмѣшки Щедрина надъ сидящими на двухъ стульяхъ: «съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой нельзя не признаться». Онъ только не былъ человѣкомъ партій, въ чемъ можно видѣть его необыкновенную зрѣлость въ политическомъ смыслѣ, такъ какъ трудно говорить о партіяхъ тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ условій развитія, нѣтъ арены дѣйствія и все сводится лишь къ бумажной борьбѣ и къ кружковщинѣ. Отсюда протекаютъ обвиненія противъ него въ легкомысліи его смѣха, въ глумленіи и безразличіи.

Въ сущности, Щедрина больше читали, чѣмъ понимали, и значеніе его, какъ великаго художника и не менѣе великаго учителя жизни и знатока русской дѣйствительности, еще далеко не выяснено. Онъ еще ждетъ своего біографа-критика, который вскроетъ сущность щедринской сатиры и выяснитъ обликъ Салтыкова, какъ великаго писателя, по значенію не уступающаго нашимъ величайшимъ творцамъ слова, вроде Тургенева или Толстого. Намъ кажется, что время для этого еще не настало,—слишкомъ близка еще его сатира къ нашей жизни, слишкомъ многое она еще задѣваетъ за живое, чтобы можно было отнестись къ Салтыкову вполне безпристрастно. Хотя всю жизнь онъ избѣгалъ «знаменъ» и ѣдко осмѣивалъ претензіи другихъ на это право, но его имя несомнѣнно есть знамя и одно изъ самыхъ чистыхъ, безупречныхъ и возвышенныхъ, на которомъ нетлѣнными знаками выписанъ его неизмѣнный идеалъ: «правда и справедливость».

Отмѣтивъ полъ-года тому назадъ романъ г. Горькаго «Фома Гордѣевъ», какъ едва ли не самое замѣчательное произведеніе текущей литературы,—о «Воскресеніи» Л. Н. Толстого мы пока не говорили,—мы не ошиблись, такъ какъ дальнѣйшее развитіе романа вполне подтвердило такое заключеніе. Въ послѣднихъ главахъ герой романа уже достаточно опредѣлился, чтобы можно было схватить основныя черты его характера. Фома Гордѣевъ, если автору не измѣнить его талантъ, несомнѣнно займетъ видное мѣсто въ ряду типовъ, создан-

ныхъ русской литературой. Это—цѣльная и характерная фигура полнаго силъ и энергіи человѣка, не находящаго приложенія для этихъ силъ въ окружающей жизни. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ его властность, силу, гордость побѣдителя въ борьбѣ, но всѣ эти качества, дѣлавшія Игната Гордѣева неутомимымъ борцомъ, подточены въ Ѳомѣ вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни, рефлексіей, употребляя старый терминъ для обозначенія того настроенія, которое не позволяетъ носителю его относиться къ жизни просто, брать ее такую, какою она есть, не углубляясь въ сущность вещей. Тамъ, гдѣ Игнатъ дѣйствовалъ, не смущаясь вопросами о цѣли и содержаніи борьбы, весь увлеченный своимъ процессомъ,—Ѳома прежде всего ищетъ смысла. Роковой вопросъ—зачѣмъ жить?—не покидаетъ его, и мы видимъ, какъ бьется Ѳома надъ этимъ вопросомъ, надъ разрѣшеніемъ котораго ломали себѣ голову столько головъ во всѣ времена.

Какъ видимъ, типъ самъ по себѣ не новый. Характерность его для нашихъ дней заключается въ средѣ, откуда происходитъ Ѳома и гдѣ онъ развивается. Среда эта—хищническая, все въ ней приспособлено только къ борьбѣ. Это—то самое купечество, которое знаетъ и поклоняется одной силѣ денегъ, не задавая мудреными вопросами высшей этики. И прежде оно выдвигало своеобразныхъ обличителей, въ родѣ Любима Торцова. Но Ѳома человѣкъ иного склада, и иная судьба его ожидается. Торцовъ—жертва своей среды, Гордѣевъ—меньше всего похожъ на жертву: онъ—сила будущаго, сила, пока не имѣющая приложенія, потому что жизнь еще не создала условій для дѣйствія этой силы. И потому все, что имѣло бы для Ѳомы значеніе огромныхъ средствъ въ борьбѣ, теперь обрушивается на него и давить.

То, что, казалось бы, должно облегчить ему задачу,—его огромное состояніе, унаслѣдованное отъ отца, только связываетъ его и мѣшаетъ опредѣлить свое мѣсто въ жизни. Хищническіе инстинкты Игната, накопленіе ради накопленія ни мало не увлекаетъ Ѳомы. Огромный, здоровый, сильный, весь въ отца по темпераменту, Ѳома изнываетъ отъ бездѣлья, отъ неумѣнія примѣнить эти давящія его силы къ дѣлу, которое захватило бы и увлекло его. Его недюжинный умъ жаждетъ работы, душа, нѣжная и пылкая, изнываетъ отъ жажды подвига, сильный организмъ тяжелеетъ отъ вынужденнаго бездѣлья. Онъ страстно ищетъ, къ чему бы прилѣпиться душой, къ каждому новому человѣку онъ обращается съ дѣтскимъ довѣріемъ, какъ ребенокъ заблудившійся въ лѣсу и ожидающій въ полной увѣренности, что именно этотъ встрѣчный выведетъ его изъ лѣса. И жизнь представляется Ѳомѣ чѣмъ-то вродѣ лѣса, гдѣ люди блуждаютъ безъ цѣли и смысла. Лишь изрѣдка эта жизнь кажется ему обаятельной и захватывающей, но эти моменты возбужденія и рѣдки, и такъ мало могутъ указать ему, въ чемъ же тайна этой ужасной жизни. Одинъ изъ такихъ моментовъ описанъ съ удивительной яркостью, какъ могутъ судить читатели по слѣдующей художественной картинѣ, очень характерной для таланта автора и для душевнаго настроенія героя. Ѳома въ пылу дикаго разгула потопилъ баржу, взявшись въ пьяномъ видѣ управлять пароходомъ. Эту-то баржу поднимаютъ со дна рѣки. Къ подъему все готово, рабочіе крестятся, ожидая команды.

«Смотри, ребята!—раздался звонкій и спокойный голосъ подрядчика.—Все ли какъ надо? Придетъ пора бабѣ родить — рубахъ ей тогда неcoli шить... Ну... молись Богу!

«И, бросивъ картузъ на палубу, подрядчикъ поднялъ лицо къ небу и сталъ истоиво крестится. И всѣ мужики, поднявъ головы къ тучамъ, тоже начали широко размахивать руками, осѣняя груди свои знаменіемъ креста. Иные молились вслухъ и глухой, подавленный ропотъ примѣшался къ шуму волнъ:—«Господи, благослови!.. Пресвятая Богородица.. Никола угодникъ...»

«Ома слушалъ эти возгласы и они ложились ему на душу какъ тяжесть. У всѣхъ головы были обнажены, лишь одинъ онъ забылъ снять картузъ, и подрядчикъ, кончивъ молиться, внушительно посовѣтовалъ ему:

«— Попросить бы и вамъ Господа-то...

«— А ты знай свое дѣло... меня не учи! — сердито вдглянувъ на него, отвѣтилъ Ома. Чѣмъ дальше шло дѣло—тѣмъ тяжелѣе и обиднѣе было ему видѣть себя лишнимъ среди этихъ спокойно увѣренныхъ въ своей силѣ людей, готовыхъ поднять для него нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ со дна рѣки. Ему хотѣлось, чтобъ ихъ постигла неудача, чтобы всѣ они сконфузились передъ нимъ, и въ головѣ его мелькала злая мысль: — можетъ, еще цѣпи порвутся...

«— Ребята! слушай! — кричалъ подрядчикъ. — Начинай всѣ въ разъ... Господи, благослови! — И вдругъ, всплеснувъ руками въ воздухъ, онъ пронзительно закричалъ;—По-о-о-ше-о-о-о!»

«Рабочіе подхватили его крикъ и всѣ въ голосъ, возбужденно и съ напряженіемъ закричали:—По-оше-о-о! иде-о-о-о!»

«Блоки визжали и скрипѣли, гремѣли цѣпи, напрягаясь подъ тяжестью, вдругъ повисшей на нихъ, и рабочіе, упершись грудью въ ручки ворота, рычаги и тяжело топали по палубѣ. Между баржъ съ шумомъ плескались волны, какъ бы, не желая уступить людямъ свою добычу. Всюду вокругъ Омы натягивались и дрожали въ напряженіи веревки, цѣпи и каваты, они куда-то ползли по палубѣ мимо его ногъ, какъ огромные сѣрые черви, поднимались вверхъ звено за звеномъ, съ лязгомъ падали отсюда, а оглушительный ревъ рабочихъ покрывалъ собою всѣ звуки.

«— Весь по-ошелъ, весь пошелъ, поше-о-о-о! — пѣли они стройно и торжественно. А въ густую волну ихъ голосовъ, какъ ножъ въ хлѣбъ, вонзался и рѣвалъ ее звонкій голосъ подрядчика:—Ребятю-ушки-и! старайся... разо-омъ... разо-омъ...

«Омой овладѣло странное волненіе: ему страстно захотѣлось влиться въ этотъ возбужденный ревъ рабочихъ, широкій и могучій какъ рѣва, въ этотъ раздражающій скрипъ, визгъ, лязгъ желѣза и буйный плескъ волнъ. У него отъ силы желанія выступилъ потъ на лицѣ и вдругъ, оторвавшись отъ мачты, онъ большими прыжками бросился къ вороту, блѣдный отъ возбужденія.

«— Разо-омъ! разо-омъ... — кричалъ онъ дикимъ голосомъ. Добѣжавъ до ручки ворота, онъ съ размаху ткнулся объ нее грудью и, не чувствуя боли, съ ревомъ началъ ходить вокругъ ворота, мощно упираясь ногами въ палубу. Что-то могучее, горячее лилось въ грудь ему, заступая мѣсто этихъ усилій, которыя онъ тратилъ, вращая рычагъ. Невыразимая радость бушевала въ немъ и рвалась наружу возбужденнымъ крикомъ. Ему казалось, что онъ одинъ, только своей силой вращаетъ рычагъ, поднимая тяжесть, и что сила его все растетъ. Согнувшись и опустивъ голову, онъ какъ быкъ шелъ навстрѣчу силѣ тяжести, откидывавшей его назадъ, но уступавшей ему все-таки. Каждый шагъ впередъ все больше возбуждалъ его, каждое потраченное усиліе тотчасъ же замѣнялось въ немъ наплывомъ жгучей, буйной гордости. Голова у него кружилась, глаза налились кровью, онъ ничего не видѣлъ и лишь чувствовалъ, что ему уступаютъ, что онъ одолѣваетъ, что вотъ сейчасъ онъ опрокинетъ силой своей что-то огромное, заступающее ему путь, опрокинетъ, побѣдитъ и тогда вздохнетъ легко и свободно, полный гордой радости. Первый разъ въ жизни онъ испытывалъ такое мощное, одухотворяющее чувство, и всей силой жадной, голодной души своей глоталъ его, пьянѣлъ отъ него и изливалъ свою радость въ громкихъ крикахъ въ лады съ рабочими:—Весь по-ошелъ, весь пошелъ, пошелъ!..

«— Стой! крѣпи! стой, ребята!..

«Оному толкнуло въ грудь и откинуло назадъ.

«— Съ благополучнымъ окончаніемъ, Ома Игнатьевичъ!—поздравляя его подрядчикъ и морщины дрожали на лицѣ его радостными лучами»...

За этими моментами возбужденія наступаетъ естественная реакція, и старая тоска еще сильнѣе гнететъ душу Омы. Онъ чувствуетъ въ себѣ какія-то могучія, таинственныя силы, которыя только ждутъ точки приложенія, чтобы онъ «взвился», по выраженію капитана его парохода, и полетѣлъ впередъ въ неуправляемомъ размахѣ. Но гдѣ она, эта точка? Около него нѣтъ ни души, чтобы могла указать ему путь къ правильной жизни, которая была бы полна смысла и значенія. Его крестный отецъ, замѣнившій ему родного, умный купецъ Маякинъ, купецъ изъ рода въ родъ, чѣмъ онъ немало гордится, признаетъ только такой порядокъ, гдѣ каждому заранѣе predetermined мѣсто жизни. «Если ты трубочистъ—лѣзь на крышу!.. Пожарный—стой на каланчѣ! И всякій родъ человѣка долженъ имѣть свой порядокъ жизни»... Понятно, какъ мало успокоительна эта философія для Омы, который именно этого-то порядка и не желаетъ, не можетъ понять, для котораго такой порядокъ хуже смерти, потому что въ немъ нѣтъ ни цѣли, ни смысла, ни—самое главное—красоты кипучей жизни, гордаго размаха борьбы и радости побѣды.

Романъ пока останавливается на этомъ критическомъ моментѣ жизни Омы. Но можно быть увѣреннымъ, что герой съ такой цѣльной душой, неспособной на мелкіе житейскіе компромиссы, не уступитъ мертвящему порядку окружающей жизни, гдѣ только и можно прозябать «каждому роду человѣка на своемъ мѣстѣ». Ома—это олицетвореніе протеста лучшихъ силъ человѣка противъ царящей пошлости и ублаживающей тишины застоявшейся жизни. Какой исходъ найдутъ эти силы, пока не видно, но важно, что онъ есть, что ихъ нельзя подавить и что какъ бы ни опошляла жизнь, а все же внутри ея бьется живая душа и съ мукой прокладываетъ себѣ дорогу къ свѣту.

Кромѣ героя, нарисованнаго во весь ростъ, ярко и выпукло, со всѣми тонкими оттѣнками, придающими ему теплоту реальнаго созданія, а не выдуманной, сочиненной фигуры, — въ романѣ выписана живая колоритная картина окружающей его жизни. Хитрый и ловкій крестный, истый типъ стараго представителя прежней русской коммерціи, его дочь, уже шагнувшая за предѣлы замкнутаго старо-русскаго купеческаго уклада, товарищи Омы, женщины, съ которыми онъ кутитъ, рабочіе—все это слагается въ полную жизнь, пеструю картину провинціи. Превосходныя описанія природы и дѣятельности, образчикъ которой мы привели, дополняютъ бытовую сторону, служа фономъ для всей жизни, захваченной съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ ея.

А. Б.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Сентябрь.

1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: — Беллетристика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Соціологія. — Философія. — Естествознаніе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — *Иностранная литература*. — Изъ западной культуры. Ив. Иванова. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Помощь пострадавшимъ отъ неурожая». — *Н. Телешовъ*. «Повѣсти и рассказы». — *К. Джеромъ*. «Веселое путешествіе по Темзѣ». — *Гемфри Уордъ*. «Хельбежъ изъ Ваннисдэля».

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Литературно-художественный сборникъ. Изд. газеты «Курьеръ». Москва 1899 г. Ц. 1 р. Неоднократно приходилось намъ давать отзывы о различныхъ сборникахъ съ благотворительною цѣлью и всякій разъ мы приходимъ въ немалое смущеніе. Подкупающая цѣль изданій такого рода не позволяетъ отнестись къ нимъ такъ, какъ они того заслуживаютъ по существу, и приходится говорить одно, что добрыя намѣренія издателей заслуживаютъ вниманія. Въ сущности же, за рѣдчайшими исключеніями, вся эта благотворительная литература представляетъ сплошной хламъ, огромная часть котораго никогда не увидѣла бы свѣта, если бы не «голодающіе» и другіе обездоленные. Чувствуютъ и понимаютъ это и читатели, такъ какъ большинство сборниковъ еле-еле окупаютъ стоимость изданія, годами валяясь въ книжныхъ складахъ. Давно уже минуетъ вызвавшій ихъ поводъ, голодающіе насытятся, обездоленные какъ никакъ найдутъ свою долю, а благотворительный сборникъ все еще сиротливо жметъ въ запыленномъ углу книжнаго магазина. На нашей памяти только два сборника имѣли рѣшительный и выдающійся успѣхъ, — сборникъ въ пользу голодающихъ, изданный редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» въ 1892 г., и «Братская помощь» въ пользу армявъ, изданный подъ редакціей г. Джаншіева. И успѣхъ этихъ двухъ изданій вполнѣ понятенъ: оба были составлены превосходно по *существу*, а не «для проформы». Базалось бы, факты такого рода настолько убѣдительны, что составителямъ и издателямъ благотворительной литературы остается ими только и руководствоваться: есть у нихъ возможность, таланты и средства составить хорошую литературную книгу, пусть составляютъ; нѣтъ — лучше не браться, во избѣжаніе разочарованій и благочестиваго обмана. Благотворительность, несомнѣнно, доброе дѣло, но и его слѣдуетъ вести хорошими средствами. Иначе, и благотворительную литературу приходится ставить въ одинъ рядъ съ благотворительными танцами, доставляющими извѣстное удовольствіе танцующимъ, но мало пользы благотворимымъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній намъ остается только отмѣтить матеріалъ сборника, не вдаваясь въ его разборъ. Матеріалъ этотъ почти исключительно беллетристическій, въ видѣ небольшихъ рассказовъ, скорѣе эпизодовъ, набросанныхъ на скорую руку. Съ свойственнымъ каждому талантомъ, г. г. Горькій, Маминъ и Чеховъ сумѣли и своимъ наброскамъ придать характерный инте-

ресь, затронувъ и бытовыя черты, и нѣкоторыя болѣе глубокія стороны чело-вѣческой природы. Въ особенности относится это къ г. Чехову, разсказъ кото-раго «Безъ заглавія» остроумень и глубоко по замыслу, хотя и написанъ ужь слишкомъ сжато и безъ желательной полноты. Объ остальной беллетри-стикѣ предпочитаемъ не распространяться. Лучшую часть сборника соста-вляютъ рисунки, выполненные очень хорошо, каковы «Лѣсъ» Шишкина, «Арестъ» Рѣпина, «Голова еврея» Подѣнова. Какъ новинку благотворитель-ныхъ сборниковъ, нельзя не отмѣтить музыкальной части, въ видѣ четырехъ романсовъ г.г. Бларамберга, Ипполитова-Иванова, Кочетова и Энгеля. Изданъ сборникъ in-octavo, на хорошей бумагѣ и съ вѣшной стороны вполне опрятно.

Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. Москва. 1899 г. Имя автора нѣсколько знакомо читателямъ нашего журнала. Годъ тому назадъ у насъ былъ помѣщенъ очеркъ г. Телешова «Сухая Бѣда», имѣвшій несомнѣнный бы-товой и этнографическій интересъ. Познакомившись теперь съ другими произ-веденіями того же автора, мы не можемъ отказать ему въ нѣкоторомъ умѣніи наблюдать и живо описывать свои наблюденія. Это лучшая черта въ тѣхъ его очеркахъ, гдѣ онъ разсказываетъ подлинныя факты и жизненныя явленія, какъ, напр., изъ быта нашихъ злосчастныхъ переселенцевъ. Таковы его очерки «Домой» и «Нужда». Нѣтъ существа несчастіе и оброшеніе нашего пере-селенца, предоставленнаго въ буквальномъ смыслѣ на волю стихій, безъ за-щиты и заботы какихъ-либо общественныхъ учрежденій. Не нужно, поэтому, быть особо-даровитымъ художникомъ, чтобы заставить читателя смутиться и почувствовать жгучую горечь, при описаніи переселенческихъ злоключеній, та-кихъ простыхъ и такихъ ужасныхъ въ то же время, ужасныхъ потому, что ихъ такъ легко и просто можно бы устранить. Въ двухъ упомянутыхъ очер-кахъ авторъ разсказываетъ о покинутыхъ дѣтяхъ, которыя остаются въ Тю-мени послѣ того, какъ схлынетъ переселенческая волна къ осени. Въ этихъ очеркахъ г. Телешовъ вполне владѣетъ своимъ предметомъ: онъ простъ, языкъ его сжатъ, каждый штрихъ на мѣстѣ, усиливая безотрадное впечатлѣніе дѣ-лага. Вотъ предъ нами отецъ, покидающій больного ребенка, потому что для всей семьи вопросъ о дальнѣйшей отправкѣ—это вопросъ жизни и смерти. А ребенокъ «все равно помретъ».

«Проститься заживо—больше ничего не оставалось дѣлать съ Николкой. Какъ ни думалъ Матвѣй, какъ ни считалъ свои капиталы, нужда толкала его ближе къ помосту; какъ ни надрывалась Арина, но баржа наполнялась наро-домъ, и очередь приближалась, и никакія думы, никакія слезы не помогли.

«—Божья воля!—рѣшалъ въ сотый разъ Матвѣй, съ тоской и почти со злобой оглядывая и считая свою семью.—Не пропадать же всѣмъ, коли такъ. А Николка не жилецъ на свѣтѣ. Аминь!

«Между тѣмъ народная толпа волновалась все болѣе, все сильнѣе; ожив-леніе, спѣшка и суетня все крѣпче охватывали настрадавшіяся сердца; боя-лись какъ бы не вышло ошибки, какъ бы не объявили, что баржа полна, что сажать больше некуда,—и каждый вызовъ, каждый окрикъ матроса такъ и шатали эту толпу, такъ и тянули ближе къ берегу, ближе къ баржамъ.—«Сосновская волесть!—раздался вдругъ голосъ.—Сосновцы, вперед!»—Словно земля дрогнула подъ Матвѣемъ. Онъ быстро взглянулъ на жену, на семью, на свою поклажу и вмѣстѣ съ другими крикнулъ: «Здѣсь!»—А вокругъ него уже ревелъ толпа, точно буря; его тѣснили, толкали, напирала на него со всѣхъ сторонъ. Общее стихійное чувство тревоги и поспѣшности охватило внезапно и его семью; въ немъ пробудился затравленный звѣрь, настала пора спасать свою шкуру; уже не было дѣла до бабихъ слезъ и рыданій, раздававшихся зади него; съ устремленными впередъ глазами, нахмуренный, съ струящимся

по лицу холоднымъ потомъ, оскаливъ зубы, Матвѣй проталкивался сквозь народъ, расчищая путь для семьи къ баржевому помосту... Къ вечеру, когда загудѣлъ пароходъ, когда натянулись канаты, и обѣ баржи, переполненные людьми, грузно и тяжело тронулись, Матвѣй сидѣлъ на днѣ баржи, съжившись и ничего не видя передъ собой—ни берега, ни рѣки, ни оставшагося на берегу народа. Онъ только ощутилъ, что баржа тронулась, и перекрестился.—«Божья воля!.. Не встать Николаѣвъ... все одно—помретъ!»—Такъ онъ думалъ часъ и два, и весь день, и недѣлю, и мѣсяцъ, такъ, вѣроятно, будетъ думать и всю жизнь»...

Но такихъ очерковъ у г. Телешева немного. Большую часть книги занимаютъ отрывочные эпизоды, будто бы полные особаго смысла, который желаетъ придать имъ авторъ, и такъ какъ это ему ни мало не удается, то получается или грубый мелодраматизмъ, какъ, напр., въ рассказѣ «Жертвы жизни», «Дуэль», или нескладная и скучная исторія въ родѣ «Маленькаго романа», длиннѣйшаго разсказа въ сборникѣ. Манера автора рассказывать отрывочно, эпизодически напоминаетъ Чехова, но г. Телешову не достаетъ ни огромнаго художественнаго таланта Чехова, ни его умѣнья глубоко-глубоко заглянуть въ душу героевъ, въ каждомъ отрывкѣ жизни освѣтить то нѣчто, что объединяетъ его со всей остальной жизнью и сближаетъ невидимыми путями съ сердцемъ читателя, заставляя его скорбѣть и радоваться, негодовать и любить. Преобладающая черта г. Телешева—какая-то сухость тона и безжизненность, при полной неспособности умѣло и живо вести рассказъ, сконцентрировать его и выпукло отнѣсать главное содержаніе. Эти недостатки ярче всего сказываются на двухъ сравнительно большихъ очеркахъ—«Маленькій романъ» и «Сухая бѣда», въ которыхъ нѣтъ центра, нѣтъ завязки и дѣланная, на живую нитку пристегнутая развязка. Если «Сухая бѣда» окупается еще хорошими бытовыми сценами изъ жизни нашихъ заолустныхъ городовъ и Ирбитской ярмарки и примитивной психологіей инородческой души, то о «Маленькомъ романѣ» и этого сказать нельзя. Рѣчь ведется все время скучно, растянута и вяло, о томъ, какъ старому холостяку оставили дѣтей, какъ онъ неумѣло заботится о нихъ и они вдругъ умираютъ, а старый холостякъ уѣзжаетъ за границу отдохнуть и утѣшаться. И ни одного живого лица, ни одной художественно написанной сцѣнки, все выдумка, и плохая по обработкѣ выдумка, въ концѣ концовъ вызывающая у читателя невольный вопросъ, что же отсюда слѣдуетъ?—Вопросъ убійственный для автора, какъ художника, не обладающаго необходимѣйшей способностью—передать читателю свое настроеніе, заразить своими мыслями или дать мыслямъ читателя толчекъ въ извѣстномъ направленіи. И это потому такъ, что г. Телешовъ отнюдь не художникъ, а только не лишенный таланта наблюдатель, способный хорошо и живо описать то, что ему привелось видѣть, и пока онъ не выходитъ изъ этой роли, онъ занимателенъ и пишетъ просто и естественно, но лишь только онъ начинаетъ сочинять—ничего кромѣ сочинительства не получается: читатель живо увядаетъ и закрываетъ его книгу безъ всякаго сожалѣнія.

Джеромъ К. Джеромъ. Веселое путешествіе по Темзѣ. Трое въ одной лодкѣ. Переводъ З. Н. Журавской. СПб. 1899 г. Ц. 1 р. Одно время имя Джеромъ Джерома сдѣлалось у насъ своего рода притчей во языцѣхъ, благодаря неловкимъ восторгамъ его обожательницы и переводчицы, г жи Жаринцевой, которая, изливаясь передъ англійскимъ юмористомъ, увѣрила его, что вся Россія жаждетъ его увидѣть, обнять и превознести, какъ единственнаго, несравненнаго, неопѣннаго и проч., и проч. Джеромъ былъ такъ наивенъ, что повѣрилъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и... скромно удалился, убѣдившись на опытѣ, что не всякому слуху слѣдуетъ вѣрить. Этотъ комичный пассажъ, въ которомъ меньше всего повиненъ самъ Джеромъ, даже отразился на количествѣ перево-

довь его произведеній, такъ какъ его стали меньше переводить, о чемъ можно только пожалѣть. Несомнѣнно, восторги такихъ поклонницъ, какъ упомянутая г-жа Жаринцева, которая не столько его переводитъ, сколько передѣлываетъ, были преувеличены и не оправдываются ни значеніемъ Джерома въ англійской литературѣ, ни его талантомъ по существу. Юморъ—это національная особенность англійскаго характера, и въ англійской литературѣ онъ занимаетъ огромное мѣсто, имѣя такихъ блестящихъ и глубокихъ представителей, какъ Фильдингъ, Тэккерей и Диккенсъ. Ни съ однимъ изъ нихъ Джеромъ и равняться не смѣетъ ни по глубинѣ таланта, ни по широтѣ захвата. Джеромъ просто веселый, безобидный юмористъ обыденной жизни, незамѣнимый фельетонистъ, который можетъ у самаго заядлага ипохондрика вызвать улыбку на лицѣ, насмѣшить васъ до боли въ боку, но—и только. Въ тоже время онъ—не заурядный художникъ, обладающій нѣжной кистью, умѣніемъ рисовать колоритныя, полная жизни и примиряющаго смѣха картинки, правда, незначительныя сами по себѣ, но тѣмъ не менѣ освѣжающія и любопытныя. Онъ въ состояніи на время разогнать черныя мысли и внушить болѣе благожелательный взглядъ на жизнь и окружающихъ. Въ его смѣхѣ нѣтъ ничего обиднаго, ни малѣйшей злости,—это веселый, жизнерадостный смѣхъ здороваго человѣка, благосклонно и даже съ любовью взирающаго на бѣдное человѣчество, которое порою высылываетъ въ немъ неудержимый смѣхъ разными несообразностями и курьезами своей житейской борьбы. Порою это настроеніе смѣняется въ немъ нѣжною мечтательностью, и тогда изъ-подъ его пера выливаются такія, напр., граціозныя вещицы, какъ это описаніе ночи.

«Ночь была дивная. Луна скрылась, оставивъ затихшую землю наединѣ съ ея сестрами—звѣздами. И мнится, будто среди тишины и безмолвія, пока мы, ея дѣти, спимъ, звѣзды бесѣдуютъ съ нею о великихъ тайнахъ вселенной, но голоса ихъ глубоки и пространны,—звука ихъ не уловить младенческому слуху человѣка.

«Странныя эти звѣзды—такія холодныя, ясныя!

«Намъ жутко смотрѣть на нихъ. Мы точно дѣти, которыхъ рѣзвыя маленькія ножки случайно занесли въ полусвѣщенный храмъ. Ихъ учили чтить божество, которое царитъ здѣсь, но оно имъ невѣдомо; съ высокаго купола льется прозрачный свѣтъ; они стоятъ, прислонившись другъ къ другу, и смотрятъ вверхъ, не то съ надеждой, не то со страхомъ—не притаилось ли гдѣ-нибудь въ уголѣ страшное видѣніе.

«А между тѣмъ въ этой ночи столько силъ, столько спокойствія! Передъ ея величіемъ стихаетъ наша скорбь, мелкія огорченія пристыженно уплываютъ въ тайники сердца. День былъ полонъ заботъ и тревогъ, наши сердца полны горечи и злыхъ мыслей, міръ казался намъ такимъ жестокимъ, такимъ несправедливымъ. Ночь, какъ любящая мать, ласково кладетъ руку на пылающій лобъ и поворачиваетъ къ себѣ заплаканное, жалкое личико, и улыбается; она не говоритъ, но мы знаемъ, что бы сказала она, и припадаемъ къ ея груди горячей щекой—и боль затихаетъ.

«Когда же горе наше истинно и глубоко, мы стоимъ передъ нею безмолвные, потому что у горя нѣтъ словъ, только стоны. Сердце ночи исполнено жалости къ намъ, оно не можетъ избавить насъ отъ страданій, но оно беретъ нашу душу въ свой міръ—и этотъ жалкій міръ начинаетъ казаться такимъ маленькимъ и далекимъ. На своихъ темныхъ крылахъ она переноситъ насъ на мигъ въ обитель Того, Кто сильнѣе ея, и при дивномъ свѣтѣ, исходящемъ отъ Него, вся человѣческая жизнь разворачивается передъ нами, какъ книга, и мы начинаемъ понимать, что горе и скорбь суть лишь посланники Божіи. Лишь тотъ, кто носилъ на челѣ терновый вѣнецъ, можетъ вынести этотъ свѣтъ,

во, вернувшись на землю, онъ не станетъ разсказывать о томъ, что видѣлъ, не откроетъ тайны другимъ».

Такія лирическія отступленія придаютъ юмористическимъ очеркамъ Джерома особую теплоту и нѣжную окраску, что еще болѣе смягчаетъ его смѣхъ и придаетъ отбѣнокъ полной безобидности и добродушія. «Трое въ одной лодкѣ» (не считая собаки)—принадлежитъ къ лучшимъ его вещицамъ и читается съ начала до конца съ неослабвающимъ интересомъ. Это веселое повѣствованіе о приключеніяхъ молодой компаніи изъ троихъ друзей и ихъ собаки, совершающихъ увеселительную прогулку въ лодкѣ по Темзѣ. Тутъ же приплетаетъ авторъ подходящіе житейскіе случаи, болѣе или менѣе назидательные, которые онъ и разсказываетъ въ поученіе читателю.

Въ числѣ особенностей таланта Джерома нельзя обойти молчаніемъ его безподобныя характеристики животныхъ, и всѣ сцены, гдѣ фигурируютъ собаки, кошки и ослы, превосходны. Каждая собака или кошка имѣетъ свой типъ и выступаетъ какъ вполне самостоятельное, своеобразное существо, выдержанное до послѣдней мелочи, что вызываетъ неудержимый смѣхъ.

Вообще «Трое въ одной лодкѣ»—это веселая и пріятная книга, которую можно рекомендовать какъ освѣжающее чтеніе. Переводъ г-жи Журавской безукоризненъ, вполне передавая все изящество и своеобразную грацію стиля Джерома.

Гемфри Уордъ. Хельбекъ изъ Баннисдэля. Романъ въ пяти частяхъ. Приложеніе къ журналу «Жизнь» за 1899 г. Ц. 1 р. Среди англійскихъ романистовъ послѣдней четверти вѣка первое мѣсто занимаетъ женщина Гемфри Уордъ, рѣзко выдѣляющаяся своимъ огромнымъ художественнымъ талантомъ и глубиною міросозерцанія. Если по силѣ и яркости изобразительнаго художества она и уступаетъ Киплингу, то по широтѣ захвата жизни и глубинѣ психическаго анализа Гемфри Уордъ далеко превосходитъ его. Душа современнаго человѣка—вотъ главный предметъ ея изслѣдованія, надъ которымъ она неутомимо работаетъ, начиная съ перваго своего романа «Робертъ Эльмеръ». Какъ истая англичанка, она болше всего посвящаетъ вниманія двумъ кореннымъ сторонамъ англійской психологіи—религіозности и общественности, пытается выяснять, какъ въ душѣ современнаго англичанина сочетаются эти два основныя начала культуры, къ какимъ результатамъ приводитъ преобладаніе того или другого и какимъ образомъ возможно гармоничное ихъ сочетаніе. Будучи по убѣжденіямъ чистой деисткой, свободной отъ всякаго ханжества, не принадлежа ни къ одной сектантской партіи, какихъ такъ много въ Англии, гдѣ религіозная жизнь чрезвычайно жива,—Гемфри Уордъ по общественнымъ взглядамъ принадлежитъ къ передовой, но отнюдь не крайней группѣ. Во многихъ отношеніяхъ она склоняется къ социализму, но на чисто англійскій манеръ, безъ увлеченій чисто теоретическаго характера, оставаясь все время на исключительно практической почвѣ возможныхъ улучшеній въ бытѣ рабочаго класса, посредствомъ законодательныхъ и общественныхъ мѣропріятій. Въ «Робертѣ Эльмерѣ» она выступила противъ узости сектантскихъ взглядовъ, отстаивая свободу мысли и совѣсти. Въ «Давидѣ Гривѣ» она создала превосходный типъ англійскаго «человѣка изъ народа». Въ «Марчеллѣ» и въ «Сэрѣ Тресседи» она проводитъ свои общественныя взгляды и доказываетъ необходимость реформъ въ жизни трудящихся классовъ безъ ломки и насильственныхъ переворотовъ. Наконецъ, въ послѣднемъ романѣ «Хельбекъ изъ Баннисдэля» она снова возвращается къ завѣтному для нея вопросу объ отношеніи религіи къ современному настроенію.

Въ отличіе отъ прежнихъ романовъ, всегда широко задуманныхъ, съ обширной сценой дѣйствія, гдѣ предъ читателемъ проходитъ вся жизнь Англии, начиная отъ узкаго круга семьи до парламента и народныхъ собраній,—новый романъ

всѣѣло сосредоточенъ въ небольшомъ захолюстномъ угольѣ, гдѣ разлагывается тяжелая драма исключительно личнаго характера. Сталиваются двѣ благородныхъ натуры, каждая представляетъ цѣльную личность, характеръ стойкій, неспособный на компромиссы, на сдѣлки съ совѣстью и ложью. Хельбекъ является съ начала и до конца человѣкомъ въ высшемъ смыслѣ слова, настоящимъ джентельменомъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, добрымъ и благороднымъ, готовымъ на величайшія жертвы во имя идеи и человѣчности. Лаура Фаунтенъ—вполнѣ его достойная дѣвушка, съ чуткой и нѣжной душой, полная женственной прелести, чуждая пошлости и мелочности. Разъ встрѣтившись, такія исключительныя натуры не могутъ не чувствовать обоюднаго влеченія, какъ результата того неотразимаго обаянія, какое каждый изъ нихъ оказываетъ на другого. Это обаяніе проявляется въ полномъ сходствѣ умственныхъ интересовъ, во взаимномъ пониманіи, въ томъ неуловимомъ единеніи душъ, которое вызывается въ нихъ общностью настроенія въ каждомъ болѣе выдающемся случаѣ жизни, въ одинаковости оцѣнки людскихъ отношеній, въ общей для обоихъ любви ко всему прекрасному и возвышенному. Но существуетъ нѣчто, что сильнѣе обоихъ и раздѣляетъ ихъ, какъ стѣна, которую они не въ силахъ разрушить, и эта стѣна—религія. Лаура—вполнѣ дитя XIX вѣка, съ душою смѣлой и свободной, не признающей никакого авторитета въ вопросѣ изслѣдованія и сердца. Воспитанная въ ученой обстановкѣ отцомъ, не вѣрующимъ и скептикомъ, который всю жизнь подчинялся одному лишь величію науки, не знающей никакихъ преградъ, Лаура поражена, встрѣтивъ человѣка, который всецѣло отдалъ себя во власть церкви и при томъ самой щепетильной въ вопросахъ именно авторитета, требующей полного и безусловнаго подчиненія до уничтоженія своей личности. Но и въ предѣлахъ церкви Хельбекъ не только ревностный католикъ,—онъ сверхъ того избралъ сознательно и добровольно самый строгій и самый властный отдѣлъ католической церкви, сталъ іезуитомъ, хотя и не священникомъ. Онъ происходитъ изъ стараго католическаго рода, считающаго въ своихъ преданіяхъ самыми славными дѣла борьбы во имя защиты католицизма. Къ семейнымъ преданіямъ, сильно возбѣстующимъ на мечтательную и склонную къ романтическимъ увлеченіямъ натуру, присоединилось воспитаніе, полученное имъ въ коллегіи іезуитовъ, гдѣ съ такимъ рѣдкимъ успѣхомъ умѣютъ учителя развить преобладающую черту въ каждомъ воспитанникѣ и направить ее, какъ великую силу, на пользу дѣла католицизма и общества Іисусава. Страстный по темпераменту, съ душой, жаждущей подвига и необычайныхъ волненій, Хельбекъ со всемъ пыломъ страсти отдается во власть церкви, отрывается отъ всего, что хотя косвенно противорѣчитъ ея авторитету, и посвящаетъ всю жизнь на служеніе дѣлу церкви. Его состояніе и онъ самъ принадлежатъ католицизму, въ которомъ онъ—послѣдній слуга и рядовой солдатъ. Въ своемъ кнѣжнѣ онъ живетъ аскетомъ, ревностно исполняя всю практику вѣрующаго и набожнаго католика, посвящая все время и всѣ силы дѣлу насажденія и развитія католицизма въ Англіи. Въ своемъ округѣ онъ поддерживаетъ сиротскіе приюты, гдѣ побинутыя дѣти воспитываются въ духѣ католичества, какъ будущіе ревнители его. Постепенно онъ распродаетъ по кусочкамъ свои земли и накопленныя вѣками сокровища искусства своего стариннаго родового дома, чтобы на эти средства отвоевывать у еретиковъ протестантовъ ту почву, которую они отняли нѣкогда у католицизма.

Драматизмъ положенія, созданный встрѣчею этихъ двухъ натуръ, такихъ родственныхъ по кореннымъ качествамъ характера и такихъ противоположныхъ по взглядамъ, по воспитанію, по всему, что составляетъ душу человѣка,—вырисовывается съ перваго момента и развитіе его, неминуемо влекущее къ катастрофѣ, составляетъ содержаніе этого превосходнаго романа. Личная драма Лауры и Хельбека, постепенно развертываясь предъ читателями съ тѣмъ ма-

стерствомъ и художественностью, какими обладаетъ Гемфри Уордъ въ такой высокой степени,—превращается въ борьбу, полную величайшаго значенія. Вопросъ о судьбѣ героевъ отодвигается на задній планъ предъ поглощающимъ его вопросомъ,—кто побѣдитъ—авторитетъ церкви или свобода мысли? Съ удивительной нѣжностью рисуется авторъ тончайшіе оттѣнки любви, проникающей каждое изъ лицъ этой драмы, и того огромнаго, всепокоряющаго начала, которое властвуетъ надъ каждымъ изъ нихъ. Съ одинаковымъ вниманіемъ и равной симпатіей относится авторъ къ каждому, ибо оба достойны любви и уваженія. Каждый изъ нихъ превосходенъ въ своемъ родѣ. Католицизмъ въ лицѣ Хельбека выступаетъ въ благороднѣйшей своей окраскѣ: онъ всецѣло проникнуть самопожертвованіемъ и любовью, только жертва и любовь здѣсь основаны на одномъ—на авторитетѣ церкви. Чтѣ она признала истиной, только это и есть истина, чтѣ она отвергла, то подlezжитъ безопаданному отверженію. Жертва и любовь только ею освещаются, ею указуются и только во имя ея приносятся. Хельбекъ, суровый и безопадный къ себѣ, смягчаетъ эти жестокія требованія по отношенію къ другимъ, но лишь до извѣстнаго предѣла, за которымъ и онъ становится неумолимъ, хотя бы отъ этого разбилось его сердце и даже то, что еще дороже ему—сердце любимой дѣвушки. Но и послѣдняя не уступаетъ ему. Стойкость ея не столько сознательна, сколько истинна: Лаура *органически* не въ силахъ подчиняться чуждой ей волѣ, отказаться отъ того, что она считаетъ свободой и достоинствомъ своей личности. Она любитъ Хельбека со всею пылостью и преданностью чистой и гордой дѣвушки, она съ радостью признала бы его Бога, и тѣмъ не менѣе чувствуетъ, что не можетъ.

«Что же препятствовало ей въ этомъ? Просто—непокорность и возмущеніе, которыя были какъ будто сильнѣе ея и находились гдѣ то внѣ ея, нѣчто, независимое отъ нея самой и непобѣдимое, при чемъ она являлась лишь послушнымъ орудіемъ той непостижимой силы. Будь несогласія между ней и Хельбекомъ основаны лишь на различіи мнѣній, они испарились бы, какъ утренняя роса. Но они коренились гораздо глубже. Хельбекъ достигъ полной зрѣлости. Онъ былъ воспитанъ наставниками-іезуитами; онъ жилъ и мыслилъ; его душа имѣла твердыя основы. Сталкиваясь съ затрудненіями, онъ находилъ отвѣтъ на запутанный вопросъ у схоластиковъ. Но не менѣе Лауры онъ руководился собственнымъ сердцемъ и воображеніемъ. Услужливый разумъ былъ годенъ лишь на то, чтобы укрѣплять притязанія его чувства и вѣры. Тѣмъ не менѣе онъ жилъ сознательною жизнью и состоялъ въ подчиненіи. А Лаура?.. Лаура являлась чистѣйшимъ продуктомъ среды. Въ ней отразились тѣ силы ума, анализа, критики, о которыхъ она сама знала лишь очень немного или совсѣмъ ничего не знала, исключая ихъ непосредственнаго воздѣйствія на всѣ оттѣнки ея чувства. Она чувствовала такъ, какъ это было вложено въ нее природой и привито ей воспитаніемъ. Когда при настоящемъ столкновеніи—столкновеніи истинныхъ и глубочайшихъ направленій двухъ натуръ, молодая дѣвушка старалась схватиться за дѣйствительную жизнь, найти въ ней опору, у нея самой оказывался недостатокъ во всемъ. Она была безоружна, лишена всякихъ средствъ борьбы. Католическая доктрина возмущала ее, приводила ее въ негодованіе, но сразиться ей было нечѣмъ... Въ то же время къ силѣ ея бунтующаго темперамента присоединилась сила множества ребяческихъ предубѣжденій и антипатій. Молодая дѣвушка пріѣхала въ Баннидэль съ готовностью возненавидѣть все, что она здѣсь увидитъ, и, за однимъ громаднымъ исключеніемъ, ненависть эта, дѣйствительно, возросла у нея въ сердцѣ. Лаура была существомъ крайностей, излишествъ, острыхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній. Монахи, съ ихъ неясными добродѣтелями и слишкомъ явнымъ ханжествомъ и мелочностью, лукавство и нечѣпости патера Боульса, клерикальныя претензіи патера Лидгэма, дикія суевѣрія и странности священниковъ и монаховъ,—

о, какъ ненавистны были они ей! Какъ сможетъ она терпѣть ихъ въ будущемъ?.. Неужели она обязана изъ христіанскаго смиренія дать право этимъ людямъ вмѣшиваться въ ея жизнь и, такъ сказать, копаться въ ея душѣ? Неужели сестра Анжела станетъ оплакивать Лауру Фаунтень, а патеръ Боульсъ или еще хуже, патеръ Лидгамъ будутъ выслушивать на исповѣди ея грѣхи? При этомъ вопросъ, внезапно представившемся ея уму, молодая дѣвушка не выдержала и, пылая негодованіемъ, рѣшительно отшатнулась отъ чуждой ей сферы всѣхъ подобныхъ идей,—отъ всѣхъ этихъ подавляющихъ понятій о грѣхѣ, покаяніи, отпущеніи, руководительствѣ духовника, какъ они были приняты въ католическомъ обиходѣ и служили предметомъ праздно болтовни между тупыми и ограниченными людьми. Все ея существо возставало противъ нихъ, готовое къ отпору, какъ заряженное орудіе къ выстрѣлу. Лаура была воспитана въ твердомъ сознаніи своего личнаго достоинства, которое въ то же время служить замѣной самоуничженія и смиреннаго сокрушенія духа, предписываемыхъ вѣрой. А на подмогу этому сознанію являлась сдержанность, внутреннее убѣжденіе, что чувство, которое обсуждается посторонними, которое могутъ разсматривать, щупать, измѣрять другіе люди, теряетъ всякую цѣну. Это отношеніе католицизма къ внутренней жизни человѣка Лаура считала духовной навязчивостью, постояннымъ насилуваніемъ души, посягательствомъ на завѣтныя тайны человѣческой личности, униженіемъ ея воли, и этого было достаточно, чтобы сдѣлать католическую религію отвратительной въ глазахъ дочери настоящаго вѣка, который ставитъ выше всего развитіе и облагороженіе человѣческой личности, видитъ въ нихъ свой характеристическій культъ» (стр. 204—205).

Такимъ образомъ, ни одна изъ сторонъ не можетъ подчиниться безъ того, чтобы не разбить свою жизнь. Катастрофа неизбежна и жертвой падаетъ, какъ всегда, тотъ, кто выше и самоотверженнѣе. Но гибель Лауры, кончающей самоубійствомъ, такъ какъ она не смогла побѣдить љ себѣ человѣческую личность и подчиниться чуждому ей авторитету, — не возмущаетъ насъ. Напротивъ, мы испытываемъ чувство почти удовольствія, нѣчто, близкое къ ликованію, читая предсмертное признаніе Лауры: «Чьи то слова напомнили мнѣ объ отцѣ... я перенеслась въ прошедшее и явственно услышала, какъ онъ говорилъ мнѣ: «Лаура, ты не можешь этого сдѣлать (принять католицизмъ изъ любви къ Хельбеку) — ты не можешь этого сдѣлать»!.. Иезуиты хотятъ овладѣть моею волей, добиваются до того, что составляетъ мое собственное «я»,—и мнѣ стоитъ только серьезно поразмыслить объ этомъ наединѣ съ собою, чтобы тотчасъ же увидѣть, насколько я не способна поступиться для нихъ своимъ собственнымъ міромъ»...

Таковъ этотъ превосходный романъ, хорошо переведенный подъ редакціей г-жи Гуревичъ. Онъ нѣсколько тяжеловатъ, дѣйствія въ немъ мало, исключительный анализъ настроенія героевъ дѣлаетъ романъ нѣсколько монотоннымъ, но этотъ недостатокъ съ избыткомъ окупается художественностью описаній природы, удивительно тонкой обрисовкой характеровъ и глубокими характеристиками людей и чувствъ, мѣткими замѣчаніями, полными ума и возвышеннаго пониманія жизни. Кромѣ настоящаго изданія, этотъ романъ печатался съ января по августъ въ «Вѣстникѣ иностранной литературы».

ПУБЛИЦИСТИКА.

Дж. Гобсонъ. «Общественные идеалы Рёскина».

Дж. Гобсонъ. *Общественные идеалы Рескина*. Пер. съ англійскаго. Н. Кончевской и В. Либина. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Англія—богатѣйшая страна по количеству матеріальныхъ силъ, идущая нынѣ во главѣ человѣческой культуры, въ то же время—страна величайшей оригинальности и глубины мысли. Ея поэты, философы, мыслители и ученые пролагаютъ вездѣ новые пути, стремясь—по излюбленному правилу англійскихъ путешественниковъ проникнуть туда, гдѣ еще не была нога человѣческая,—открывать новые міры въ области науки и искусства. Если взять только текущей вѣкъ, сколько великихъ именъ на всѣхъ поприщахъ можетъ указать англійскій народъ въ своихъ рядахъ! Именъ, дѣлающихъ эпоху,—Дарвина, Фарадея, Гексли, Максвелла, Томсона, Листера, Карлейля, Спенсера, Милля, Бокля,—мы беремъ только имена извѣстныхъ толпѣ, чтобы тѣмъ самымъ показать, какъ популярны эти великаны, каждый въ своей области отиѣтвишій опредѣленную степень, пройденную человѣкомъ въ его стремленіи впередъ.

Въ числѣ этихъ великихъ умовъ есть одно имя, только недавно, сравнительно начавшее пользоваться популярностью и у насъ, хотя во всемъ мірѣ оно давно принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ. Это Джонъ Рёскинъ, философъ и общественный дѣятель, личность, уже при жизни ставшая легендарною по чистотѣ и благородству жизни и дѣятельности, свободной отъ всего мелкаго, себялюбиваго, тщеславнаго, преданная всецѣло пропагандѣ идеи красоты, любви и человѣчности. Въ безчисленныхъ произведеніяхъ, удивительно оригинальныхъ по формѣ и глубокихъ по мысли, Рёскинъ не оставилъ не затронутымъ ни одного вопроса этическаго, эстетическаго и соціальнаго, не подвергнувъ ихъ самостоятельной критикѣ и переоцѣнкѣ. Указать въ немногихъ словахъ на главнѣйшіе труды Рёскина и на его основныя положенія невозможно,—до того разнообразна его писательская и общественная дѣятельность. Нашимъ читателямъ уже знакомы отчасти его взгляды эстетическія и этическія, по книгѣ Сизерана «Рёскинъ и религія красоты», въ которой очень талантливо и красиво изложены эстетическіе взгляды Рёскина и данъ краткій очеркъ его жизни. Дополненіемъ къ этой книгѣ можетъ служить замѣчательный трудъ Гобсона, сразу появившійся въ двухъ изданіяхъ г-жи О. Н. Поповой и Солдатенкова—«Общественные идеалы Рёскина», въ оригиналѣ «Джонъ Рёскинъ общественный реформаторъ». Книга написана увлекательнымъ и живымъ языкомъ, что въ связи съ необыкновенно интереснымъ содержаніемъ дѣлаетъ ее захватывающей, какъ самый занимательный романъ.

Изъ книги Гобсона читатели познакомятся съ нѣкоторыми главными положеніями Рёскина, при чемъ они сдѣлаютъ не лишнее открытіе, что многія идеи, приписываемыя Л. Н. Толстому, были за десятки лѣтъ до него высказаны Рёскинымъ и стали общимъ достояніемъ всемірной литературы. Не заходя далеко, укажемъ на прошумѣвшій годъ назадъ трудъ Толстого объ искусствѣ, въ которомъ, между прочимъ, авторъ, перечисляя всѣхъ, писавшихъ объ искусствѣ, даже самыхъ незначительныхъ и несамостоятельныхъ мыслителей, не упоминаетъ ни однимъ словомъ объ Рёскинѣ, хотя между взглядами послѣдняго и Толстого существуетъ поразительное совпаденіе. Такъ, Рёскинъ считаетъ нравственное начало главнымъ критеріемъ въ искусствѣ, а цѣлью его ставитъ «облагороженіе» человѣка. «Картина, содержащая въ себѣ болѣе благородныя и болѣе многочисленныя идеи, какъ бы неудачно онѣ ни были выражены, выше и лучше картины, содержащей меньшее количество и менѣе

благородныя идеи, хотя бы и прекрасно выраженный». «Различіе между великимъ и низменнымъ искусствомъ лежитъ всецѣло въ возвышенности цѣли, къ которой направлены усилія художника». Цѣль искусства—воздѣйствіе на зрителя посредствомъ передачи ему волновавшихъ художника высокихъ настроеній. Чистота и нравственность—вотъ основы искусства. Сначала Рёскинъ предъявляя это требованіе къ художнику, но затѣмъ онъ придаетъ большее значеніе общественной, а не личной нравственности, резюмируя свои взгляды такъ: «Пусть нація будетъ здорова и счастлива, пусть ея удовольствія будутъ чисты; пусть ея поступки будутъ мужественны, а ея симпатіи широки,—тогда ея искусство будетъ развиваться неукротимо, какъ пѣна бьющаго фонтана; но если ея жизненные источники не чисты, если ихъ русла загрязнены, то вы не вызовете этой блестящей пѣны никакими математическими трактатами о строеніи ея пузырьковъ».

Не меньшее совпаденіе можно замѣтить между взглядами Рёскина и Толстого на религію, социальную экономію, на деньги. «Пищу можно добывать только изъ земли» и собственнымъ трудомъ—проповѣдывалъ Рёскинъ, возстававъ противъ духа индустриализма, такъ развитаго въ Англіи. Разница между обоимъ проповѣдниками, конечно, есть и очень значительная. Рёскинъ, будучи крайнимъ мыслителемъ въ своихъ требованіяхъ общественной реформы, остается всегда *европейцемъ* и *высоко-культурнымъ* человѣкомъ. Онъ чуждъ индивидуальной отки и всегда стоитъ на почвѣ общественной. Онъ не отрицаетъ ни науки, ни искусства, но требуетъ, чтобы они стали достояніемъ всѣхъ. безъ чего польза и значеніе ихъ умалется и даже часто они вредны для массы, не имѣющей возможности ими пользоваться. Можно сказать, что Толстой, сознательно или бесознательно заимствуя главнѣйшія свои положенія у Рёскина,—«обрусилъ» ихъ, доведя до той крайности, гдѣ оригинальность мысли переходитъ въ пародію. «Признавая за одно съ Толстымъ,—говоритъ Габсонъ,—что искусство должно быть не чѣмъ-то особеннымъ, не спеціальностью, доступной только немногимъ, а существеннымъ факторомъ въ жизни всѣхъ людей, сообразно ихъ различнымъ способностямъ и сообразно той отрасли труда, въ которой они заняты, признавая, что различіе между изящными искусствами и искусствами или производствами менѣе изящными есть впродолженіе лишь степени,—Рёскинъ ни въ какомъ случаѣ не согласился бы, однако, съ Толстымъ ни въ отрицаніи профессиональной техники, ни съ его утвержденіемъ, что сила искусства лишь въ самопроизвольности изображенія. Кромѣ того, Рёскинъ всегда былъ горячимъ защитникомъ того мнѣнія, что въ правильно устроенномъ обществѣ всякій долженъ имѣть право на наслажденіе: радостное упражненіе всѣхъ физическихъ и умственныхъ способностей составляетъ, по его мнѣнію, необходимое условіе свободной и здоровой индивидуальной жизни; въ его социальномъ строѣ нѣтъ мѣста для аскетизма гр. Толстого».

Есть, наконецъ, значительная разница и въ примѣненіи своихъ взглядовъ на практикѣ. Джонъ Рёскинъ унаслѣдовалъ отъ родителей огромное состояніе, въ видѣ полутора милліона рублей наличными, нѣсколькихъ домовъ, земли въ Лондонѣ, имѣній, чрезвычайно цѣнныхъ коллекцій картинъ и рѣдкостей. Теперь онъ бѣдный человѣкъ, скромно доживающій дни на небольшие доходы съ своихъ сочиненій. Все свое состояніе онъ роздалъ на проведеніе въ жизнь своихъ социальныхъ реформъ, на устройство различныхъ общественныхъ учрежденій. «Избитая фраза—«его доброта не знала предѣловъ»,—говоритъ Габсонъ,—вполнѣ приложима къ Рёскину: ни одинъ богатый человѣкъ никогда въ такой степени, какъ онъ, не смотрѣлъ на свои деньги, какъ на вѣренное ему на храненіе общественное достояніе, и никто разумнѣе его не управлялъ этимъ имуществомъ».

Такая богатая натура, неутомимо дѣятельная и словомъ, и примѣромъ, не

могла пройти безслѣдно, и въ настоящее время вліяніе Рёскина на искусство въ Англіи, на отношеніе искусства къ жизни, на воспитаніе и міросозерцаніе англійскаго общества—огромно. Школа прерафаелитовъ до извѣстной степени пошла по указанной имъ дороги. Въ промышленности Вильямъ Моррисъ проводилъ его взгляды, удачно осуществивъ единеніе искусства съ промышленной техникой. Создалась многочисленная общность, учрежденная его послѣдователями для воспитанія и образованія рабочихъ въ духѣ Рёскина. Возникла цѣлая рёскинская литература, съ англійской методичностью разрабатывающая мысли Рёскина во всѣхъ направленіяхъ. Нѣкоторыя указанія на нихъ читатели найдутъ въ превосходной книги Гобсона, прекрасно переведенной и изданной фирмой О. Н. Поповой.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Э. Тома. «Римъ и имперія».—В. Я. Богучарскій. «Маркизь Лафайетъ».

Э. Тома. Римъ и имперія въ первые два вѣка Новой эры. Пер. съ французскаго Я. И. Рудневъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣевъ. Спб. 1899 г. Въ гимназическихъ курсахъ исторіи Риму отводится главное мѣсто. Его исторія изучается съ подробностями, о коихъ и мечтать не можетъ учитель относительно даже исторіи родной страны. Дважды проходитъ она учениками,—начала въ младшихъ классахъ, такъ сказать на черно, въ видѣ общаго знакомства съ наиболѣе крупными фактами, затѣмъ—на отдѣлку въ старшихъ классахъ, гдѣ изучается систематически и детально. Мы, по существу, ничего не имѣли-бы возразить противъ такого первенствующаго положенія Рима въ общей программѣ исторіи, такъ какъ сама по себѣ эта исторія и глубоко занимательна, и полна глубокаго смысла, представляя въ тоже время законченный циклъ явленій, гдѣ и учитель, и ученики могутъ найти массу поучительнѣйшаго матеріала. Но въ гимназическомъ изученіи Рима всегда былъ, да и теперь остается въ полной силѣ—одинъ коренной недостатокъ:—«высокій штиль», какъ выражались нѣкогда. Все изученіе ведется въ какомъ-то высокопарномъ тонѣ, отчего въ умѣхъ учениковъ слагается представленіе о римлянахъ, какъ о какихъ-то полу-боговъ и сверхъ-человѣкахъ, которые только тѣмъ и занимались, что совершали подвиги да говорили при этомъ высокопарныя рѣчи. Римская обыденная жизнь, во всей ея простотѣ и житейской обстановкѣ, проходитъ полнымъ молчаніемъ. Нечего и говорить, насколько отъ этого страдала истина и вмѣстѣ съ тѣмъ терялась возможность сблизить представленія учениковъ съ описываемымъ міромъ, который все время оставался какимъ-то сказочнымъ царствомъ героевъ и ораторовъ.

Въ послѣднее время стали и у насъ переводиться иностранныя сочиненія, изображающія римскую не казовую, а внутреннюю жизнь, и въ числѣ ихъ одной изъ любопытнѣйшихъ книгъ является книга профессора Тома, которая исключительно посвящена обыденной жизни Рима во всѣхъ ея проявленіяхъ. Пользуясь огромнымъ матеріаломъ въ видѣ надписей, накопившихся при детальномъ изученіи римскихъ памятниковъ, французскій ученый даетъ рядъ живыхъ очерковъ, въ которыхъ знакомитъ читателя съ римскими нравами и обычаями на улицѣ, дома, въ войскахъ, въ судѣ, съ ихъ похоронами, школами, деревенской и городской обстановкой и проч. При этомъ простымъ и живомъ описаніи устранено все героическое, составлявшее и въ жизни римлянъ выдающіеся только моменты, и на первый планъ выставляется то, что авторъ называетъ «дѣйствительной», а не книжной жизнью. Конечно, замѣ-

часть онъ, возстановить эту дѣйствительную жизнь во всей ея полнотѣ невозможно. Римляне, какъ и мы, не думали изображать и записывать то, что всѣмъ было извѣстно, имѣло слишкомъ обыденный видъ и характеръ. «Между тѣмъ это-то и есть то, чего мы не знаемъ, что было характернымъ для древнихъ нравовъ и болѣе всего остального должно имѣть цѣнность въ нашихъ глазахъ». Приходится многое отгадывать, дополнять воображеніемъ по одной какой-либо надписи, по обломку или развалинѣ, уцѣлѣвшей какимъ-то чудомъ на протяженіи вѣковъ. Иногда эти ничтожные остатки говорятъ намъ больше о настоящей жизни Рима, чѣмъ великолѣпные памятники, гдѣ создатели ихъ запечатлѣли изъ ряду вонъ выдающіяся событія съ подобающимъ краснорѣчіемъ и въ высочомъ, чуждомъ обычной жизни тонѣ.

Однимъ изъ болѣе рѣзкихъ примѣровъ невѣрности ходячихъ представленій является обычное представленіе о римскомъ форумѣ, этомъ центрѣ римской исторіи, гдѣ совершались величайшія событія и который кажется намъ изъ дали вѣковъ тоже огромнымъ и величественнымъ, какъ оно и подобаешь для сцены такихъ великихъ то героическихъ, то трагическихъ эффе́ктовъ. На дѣлѣ же все это было совсѣмъ не такъ, и дѣйствительный форумъ представлялъ маленькую невзрачную, по нашимъ понятіямъ площадь, настолько небольшую, что при ближайшемъ съ ней знакомствѣ невольно возникаетъ вопросъ, какъ же на такомъ ничтожномъ пространствѣ могли разыгрываться столь большія дѣла? Римскій форумъ имѣлъ неправильную форму, въ родѣ трапеціи, длиною около 70 сажень, шириною до 25 сажень. Со всѣхъ сторонъ онъ былъ сжатъ храмами, базиликами, тюрьмой и другими зданіями, что еще болѣе уменьшало его маленький видъ, лишая форумъ всякой грандіозности, которую мы сами создали, какъ обычную иллюзію, разъ наше воображеніе отрывается отъ исторической почвы. Надо вспомнить, замѣчаетъ авторъ, что форумъ въ разные времена имѣлъ и различный видъ, что съ теченіемъ времени онъ сильно мѣнялся, и форумъ временъ первыхъ вѣковъ республики, не имѣлъ ничего общаго съ эпохой Гракховъ, тѣмъ болѣе имперіи. Намъ же онъ все время рисуется, какъ центръ грандіозной жизни великаго народа и соответственно этому мы его себѣ и представляемъ.

Тожe, что съ форумомъ,—происходить и со всѣмъ нашимъ представленіемъ о римской жизни. Но мѣрѣ знакомства съ нею въ ея дѣйствительныхъ рамкахъ. исчезаютъ многія пышные иллюзіи, но вмѣсто нихъ возстанавливается жизнь, близкая и понятная, жизнь простыхъ смертныхъ, съ ея смѣшными и трагическими моментами, съ ея простыми радостями и горестями. Отъ такого сближенія несомнѣнно выигрываетъ пониманіе исторіи и интересъ къ людямъ, дѣлавшимъ ее. Римскія надписи на стѣнахъ домовъ, напр., точь въ точь напоминающія нашу «заборную» литературу, дѣлаютъ ихъ авторовъ—римлянъ ближе намъ, родственнѣе и понятнѣе, чѣмъ великолѣпныя рѣчи у Тита Ливія. Отъ такого сближенія у читателя-простоца само-собой начинаетъ возникать смутное представленіе, что вѣдь и онъ тоже предметъ для изученія будущаго историка—мысль, весьма чреватая послѣдствіями, и, по нашему мнѣнію, въ ней заключается важнѣйшій результатъ изученія исторіи.

В. Я. Богучарскій. Маркъ Лафайетъ, дѣятель трехъ революцій. Историческій очеркъ. Съ портретомъ маркиза Лафайета. Москва. Изд. магаз. «Книжное дѣло». 1899 г. Ц. 1 р. Книга г. Богучарскаго, написанная живо и интересно, не есть самостоятельное ученое изслѣдованіе. Это—простая компиляція, составленная на основаніи хорошей и обстоятельной біографіи Лафайета французскаго историка Баду и такихъ общезнѣстныхъ руководствъ по исторіи французской революціи, какъ Зибеля и Карѣва («Восемнадцатый вѣкъ и франц. рев.»). Нечего, поэтому, спрашивать у автора самостоятельныхъ научныхъ взглядовъ или открытій и новаго освѣщенія такой традиціонной, про-

стой и ясной фигуры, какъ маркизъ Лафайетъ. Правда, мѣстами авторъ усиленно подчеркиваетъ давно уже вошедшую въ обиходъ учебной литературы мысль, что французская революція совершена на почвѣ экономического переворота, перенесшаго центръ тяжести политики въ классъ буржуазіи. Нѣсколько разъ, безъ особой связи съ предметомъ разсказа, авторъ втискиваетъ въ свое изложенеіе такіа фразы: «Третій классъ изъ ничего превратился во все... сочувствіе класса (къ идеямъ деклараціи правъ) вытекаетъ, разумѣется, не изъ отвлеченной любви къ идеаламъ справедливости и гуманности, а изъ существовавшихъ во Франціи экономическихъ отношеній... Незримо перемищался центръ, заключающійся въ экономическомъ преобладаніи, въ нѣдра третьяго класса и потому все болѣе замѣтными становились и перемины въ общественной психологіи. Близился часъ царства разбогатѣвшей буржуазіи...» Все это, конечно, безспорныя истины, но когда съ ними такъ носятся, какъ нашъ авторъ, стараясь и бѣднаго Лафайета сдѣлать носителемъ и выразителемъ экономическихъ нуждъ третьяго сословія, то такая настойчивость и правдоѣрность напоминаютъ ученика, только что усвоившаго истину и сидящаго во что бы то ни стало показать, что «auch wir sind in Arcadia geboren». Читатель, маломальски знакомый съ исторіей французской революціи, и безъ такого натиска охотно повѣритъ г. Богучарскому, что и онъ «родился въ Аркадіи». Читатель же простецъ пройдетъ, конечно, мимо этого «исповѣданія вѣры», для него и не понятнаго, въ виду догматичности, съ которой оно высказывается въ книгѣ. Наконецъ, читатель, изощренный въ «эллинскихъ мудрствованіяхъ», невольно улыбнется и позволитъ себѣ скептическое замѣчаніе, что Лафайетъ меньше всего можетъ быть названъ «идеологомъ стремленій третьяго сословія», когда онъ боролся за свободу Америки или въ Парижѣ отстаивалъ права народа,—права, столь же необходимыя для третьяго, какъ и для четвертаго сословія. Да и трудно называть «носителемъ и выразителемъ классовыхъ стремленій буржуазіи» человѣка, который на закатѣ дней, въ 1833 г., заявлялъ въ манифестѣ къ избирателямъ, что «французамъ нѣтъ никакой надобности платить по двѣсти франковъ, чтобы быть здравомыслящими и избирать честныхъ депутатовъ», что «имущество» вовсе не гарантія здраваго смысла, благоразумія и мудрости», что «обученіе должно быть свободно, отечество обязано давать всякому образованіе». Тѣ же мысли и идеи провозглашалъ Лафайетъ и всегда. Стараясь быть plus royaliste que le roi, г. Богучарскій дѣлаетъ ошибку, меньше всего способную послужить дѣлу автора. Думаемъ, что отъ подобныхъ увлеченій работа г. Богучарскаго нисколько не выиграиваетъ. Намъ даже кажется, что это—вставки, сдѣланныя авторомъ уже послѣ окончанія работы. Въ противномъ случаѣ, самый планъ работы былъ-бы иной, и не пришлось бы тогда автору пришивать на живую нитку разные пункты изъ марксистскаго сredo къ своей простой и незамысловатой біографіи.

За сдѣланными оговорками книга г. Богучарскаго читается съ неослабывающимъ интересомъ. Личность Лафайета на столько интересна сама по себѣ, а событія, въ которыхъ онъ игралъ первенствующую роль, на столько значительны, что любого читателя они способны захватить и увлечь. Можно бы развѣ пожелать, чтобы конецъ книги не былъ такъ скомканъ и дѣятельность Лафайета въ революцію 30-го года была болѣе рельефно выставлена, какъ оно и было въ дѣйствительности.

СОЦІОЛОГІЯ.

Л. Гумпловичъ. «Основанія соціологiи».—Р. Штаммлеръ. «Хозяѣство и право».

Л. Гумпловичъ. Основы соціологiи. Пер. подъ ред. пр.-доц. В. М. Гесена. Изданіе О. Н. Половой. С.-Петербургъ. 1899 г. Гумпловичъ занимаетъ видное мѣсто въ современной соціологической литературѣ и нельзя не порадоваться появленію на русскомъ языкѣ его «Соціологiи» полностью (до сихъ поръ была переведена только первая историческая глава, которая не даетъ никакого понятія объ этомъ своеобразномъ и талантливымъ писателѣ). Это тѣмъ болѣе пріятно, что книга переведена превосходно. Гумпловичъ соприкасается съ различными умственными теченіями XIX вѣка, кое-что общее съ нимъ найдетъ и позитивистъ, и дарвинистъ, и экономическій матеріалистъ, и, наконецъ, пессимистъ. Онъ претендуетъ на званіе чуть ли не основателя соціологiи и очень подчеркиваетъ свою оригинальность. Мы, конечно, даемъ Гумпловичу несравненно меньшую оцѣнку, онъ не создалъ соціологiи и не сдѣлалъ въ этой наукѣ радикальнаго переворота, но мы готовы простить ему обычную слабость соціологовъ—самомнѣніе, онъ по крайней мѣрѣ хоть кое-что даетъ и дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на соціологическую мысль.

Первая глава книги Гумпловича представляетъ довольно беспорядочный очеркъ важнѣйшихъ по его мнѣнію соціологическихъ ученій. Это самая слабая часть его труда, тутъ встрѣчаются такіе пробѣлы, что мы не совсѣмъ понимаемъ, чѣмъ собственно руководствовался авторъ въ выборѣ своихъ предшественниковъ, какъ онъ ихъ называетъ. Главными корифеями соціологiи, которымъ онъ посвящаетъ больше всего мѣста, онъ считаетъ Конта, Спенсера, Бастіана и Липперта. Если Гумпловичъ находитъ возможнымъ почти половину своего историческаго очерка посвящать Бастіану, почтенному этнологу и этнографу, но второстепенному соціологу, и сказать хоть по нѣсколько словъ даже о де-Роберти, Гнейстѣ, Кэри и т. п., то неможно странно полное умолчаніе, напр., о Боклѣ, Марксѣ, Энгельсѣ, Морганѣ. Какъ видно изъ всего изложенія, Гумпловичъ до такой степени игнорируетъ соціологическое ученіе Маркса и Энгельса, съ которыми у него находятся точки соприкосновенія, что можно его заподозрить въ полномъ незнакомствѣ съ писателями, имѣющими болѣе правъ на званіе соціологовъ, чѣмъ Бастіанъ и Липпертъ.

Вторая часть «Соціологiи» посвящена «основнымъ понятіямъ»: классификаціи явленій, анализу понятія закона и въ частности закона социальнаго, задачамъ соціологiи, субстратамъ социальныхъ законовъ. Этотъ анализъ конечныхъ понятій соціологической науки не принадлежитъ къ числу самыхъ сильныхъ мѣстъ книги Гумпловича. Философскій позитивизмъ, на который онъ опирается, не можетъ справиться съ такимъ тонкимъ вопросомъ, какъ, напр., вопросъ о законосообразности въ примѣненіи къ социальному процессу, и Гумпловичъ не идетъ дальше общаго утвержденія, что социальные явленія строго законосообразны. На причинность Гумпловичъ повидимому смотритъ глазами Милля и это одно уже доказываетъ, что онъ стоитъ не на высотѣ современной теоріи познанія. Онъ устанавливаетъ цѣлый рядъ общихъ законовъ, приложимыхъ къ физическимъ, духовнымъ и социальнымъ явленіямъ: законъ причинности, законъ развитія, законъ правильности развитія, законъ періодичности, законъ сложности и т. д. Рядъ подобныхъ законовъ можно продлить до безконечности, но соціологiя отъ этого мало выиграетъ. Гумпловичъ горячій сторонникъ «соціологiи», хочетъ быть ея ангеломъ хранителемъ и пророкомъ. Онъ проводитъ строгое различіе между соціологiей и «философіей исторіи», которую считаетъ невозможной. Въ развитіи социальнаго монизма онъ видитъ главную

задачу социологии. Социальные явления, которые исследует социология, онъ определяетъ, какъ «отношенія, возникающія изъ взаимодействія человеческихъ группъ и общинъ». «Первоначальнѣйшими и простѣйшими социальными элементами, говоритъ онъ, мы должны признать примитивныя человеческія орды». Социальный процессъ по Гумпловичу наступаетъ всегда тамъ, «гдѣ приходятъ въ столкновение другъ съ другомъ, вступаютъ въ сферу взаимодействія двѣ или нѣсколько социальныхъ группъ». Исходнымъ моментомъ всѣхъ социологическихъ изслѣдованій онъ признаетъ «первоначальное множество разнородныхъ этническихъ элементовъ». Гумпловичъ особенно подчеркиваетъ важность полигенетической гипотезы, которую онъ старался обосновать въ своей книгѣ о «Борьбѣ расъ». Въ параграфѣ о «понятіи и сущности социального закона» онъ говоритъ, что основнымъ социальнымъ закономъ «является стремленіе каждой социальной группы подчинить себѣ каждую другую социальную группу, встречающуюся на ея пути, стремленіе къ порабощенію, къ господству. Источникомъ этого стремленія въ конечной инстанціи является «забота о жизни», присутствующая каждой группѣ. *Этотъ* исключительно социальный законъ вполне объясняетъ намъ социальный прогрессъ».

Третья глава «социальные элементы и ихъ соединенія» самая важная, тутъ излагаются излюбленныя мысли Гумпловича. Онъ часто говоритъ о преобладающемъ значеніи экономическихъ мотивовъ, а идею борьбы общественныхъ группъ онъ кладетъ въ основаніе своей социологии. Въ виду этого его считаютъ чуть ли не сторонникомъ материалистическаго пониманія исторіи. Не отрицая точекъ соприкосновенія между социологіей Гумпловича и социологіей материалистической, мы все-таки видимъ колоссальное различіе между этими двумя воззрѣніями на социальный процессъ. Во-первыхъ Гумпловичъ совершенно чуждъ великой истинѣ, что отношеніе чловѣка къ чловѣку опредѣляется тѣмъ отношеніемъ чловѣка къ природѣ, въ которое онъ становится въ процессѣ борьбы за жизнь, т. е. что измѣненіе въ общественной структурѣ опредѣляются развитіемъ материальныхъ производительныхъ силъ; фактъ борьбы группъ является для Гумпловича первоначальнымъ и необъяснимымъ. Во-вторыхъ, и это мы особенно подчеркиваемъ, въ понятіе *борьбы группъ* онъ вкладываетъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ вкладывалъ Марксъ, понятіе *группы* у него плохо выяснено и двусмысленно. Важнѣйшій трудъ Гумпловича, которымъ онъ особенно гордится, называется «Борьба расъ» (Rassenkampf), и во многихъ мѣстахъ онъ понимаетъ подъ общественной группой расу, племя, а не классъ, вызванный къ жизни опредѣленной формой производства. Причину преобладанія одной группы надъ другой онъ видитъ не въ необходимости опредѣленной классовой структуры при данномъ состояніи производительныхъ силъ, а въ «физическомъ и духовномъ превосходствѣ, прочной военной организаціи и дисциплинѣ и прирожденномъ политическомъ искусствѣ». Этническія различія играютъ для него большую роль, но особенное значеніе онъ придаетъ «вѣчной борьбѣ за господство» и «стремленію къ какъ можно болѣе интенсивной эксплуатаціи». По временамъ его разсужденія очень напоминаютъ «теорію силъ» Дюринга. Хотя онъ много говоритъ объ экономическихъ мотивахъ, но въ сущности экономическая организація для него есть результатъ политическаго господства, совсѣмъ какъ у Дюринга. Въ качествѣ специалиста по государственному праву онъ посвящаетъ много мѣста государству и высказываетъ по этому поводу интересныя соображенія. Государство для Гумпловича есть «организація господства меньшинства надъ большинствомъ», право же есть не что иное, какъ «упорядоченное неравенство». Вообще, идея государства поглощаетъ у Гумпловича идею *общества*, противъ которой онъ даже полемизируетъ.

Четвертая глава называется «индивидъ и социально-психическія явленія».

Въ § 1 этой главы Гумпловичъ пускается въ высшей степени пошлыя разсужденія объ односторонности индивидуализма и коллективизма и претендуетъ на изобрѣтеніе третьей точки зрѣнія. Это не мѣшаетъ ему въ слѣдующемъ же параграфѣ высказать много дѣльныхъ соображеній, онъ рѣшительно испровергаетъ фикцію индивидуума, оторваннаго отъ общества и отъ общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ. «Въ человѣкѣ,—говоритъ онъ,—мыслишь совсѣмъ не онъ,—но его социальная группа; источникъ его мыслей лежитъ совсѣмъ не въ немъ, но въ социальной средѣ, въ которой онъ живетъ, въ социальной атмосферѣ, которой онъ дышитъ; онъ можетъ мыслить только такъ, какъ необходимо его заставляютъ концентрирующіяся въ его мозгу вліянія окружающей его социальной среды». Въ § 3 онъ очень остроумно характеризуетъ вліяніе экономическаго положенія на индивида. Въ нѣсколькихъ штрихахъ онъ очерчиваетъ типическія фигуры дворянина, горожанина и крестьянина. Если бы Гумпловичъ лучше понималъ буржуазное общество съ его классовою структурою, то онъ обратилъ бы вниманіе на другіе общественные типы, болѣе характерныя для нашего времени. Онъ считается съ сословіями, а не съ классами.

Въ параграфѣ объ «индивидуальныхъ стремленіяхъ и социальной необходимости» и въ послѣдней главѣ книги («исторія человѣчества, какъ жизнь рода») мы находимъ мѣста, которыя проливаютъ свѣтъ на мировоззрѣніе Гумпловича и на его общественную психологію. Гумпловичъ пессимистъ, онъ мрачно смотритъ не только на прошлое исторіи человѣчества, въ которомъ видитъ только господство «слѣдого закона природы» и вѣчнаго «насилія», но и на будущее: жестокая борьба группъ по его мнѣнію никогда не прекратится; онъ очень возстаетъ противъ слишкомъ высокой оцѣнки человѣческой жизни. Гумпловичъ постоянно подчеркиваетъ свой детерминизмъ и свой объективизмъ, но детерминизмъ онъ, повидимому, смѣшиваетъ съ фанатизмомъ, а объективизмъ съ безстрастіемъ. Все это безконечно отличаетъ его отъ основателей матеріалистическаго пониманія исторіи, которые поставили совершенно иной *прогнозъ* будущаго, которые прекрасно понимали, что детерминизмъ включаетъ въ себя человѣческую активность, а научный объективизмъ не исключаетъ субъективнаго отношенія къ явленіямъ, сочувствія одной общественной группы и негодованія противъ другой. Но Гумпловичъ не такъ «объективенъ», какъ онъ полагаетъ. Вотъ мѣста, которые отчасти объясняютъ, почему онъ не вѣритъ въ прогрессъ и въ будущемъ предвидитъ ужасный социальный крахъ, призракъ котораго не даетъ спать «объективному» профессору. «Въ нашемъ соебѣдствѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ варварскихъ народовъ, но не слѣдуетъ забывать, что инстинкты этихъ варварскихъ ордъ таятся въ скрытомъ состояніи въ народныхъ массахъ европейскихъ государствъ. Подвиги анархистовъ—только отдѣльныя вспыхивающія молніи; кто поручится намъ, что когда-нибудь не разразится гроза? Варвары живутъ отъ Европы не такъ далеко, какъ обыкновенно думаютъ, и довольно рискованно принять на страхъ европейскій культурный міръ отъ этихъ внутреннихъ силъ». А вотъ заключительныя слова книги: «Соціологія кладетъ основаніе новой морали мудраго самоотреченія, т. е. морали болѣе высокой, нежели современная мораль, покоющаяся на воображаемой свободѣ личнаго самоопредѣленія, создающая непомѣрное возвеличеніе индивида и тѣмъ самымъ непомѣрныя желанія и стремленія его, которыя неизбѣжно приводятъ къ ужаснымъ преступленіямъ противъ естественно-законнаго строя».

Но мы все-таки рекомендуемъ читателямъ эту интересную книгу, безупречно переведенную на русскій языкъ.

Р. Штамплеръ. Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго въ 2-хъ томахъ. Изданіе Н. Березина и М. Соловьева. Спб. 1899 г. ц. 3 рубля. Въ разросшейся за по-

слѣдніе годы литературѣ экономическаго матеріализма книга Штаммера занимаетъ несомнѣнно выдающееся мѣсто. Она выгодно отличается отъ большинства сочиненій по этому вопросу прежде всего—полнымъ безпристѣмъ и добросовѣстностью критики, и затѣмъ—продуманностью и оригинальностью въ постановкѣ и разрѣшеніи вопроса. Критика экономическаго матеріализма у Штаммера, собственно говоря, исчерпывается двумя, совершенно независимыми другъ отъ друга, мыслями, развитію и основанію которыхъ—подчасъ съ излишней полнотой и повтореніями—посвящена вся его книга.

Первая мысль заключается въ томъ, что право и хозяйство не суть двѣ самостоятельныя области общественныхъ явленій, а совпадаютъ другъ съ другомъ, именно такъ, что право есть формальная сторона хозяйства, его абстрактное, выраженіе, а хозяйство, наоборотъ, составляетъ конкретное содержаніе права. Поэтому представленіе экономическаго матеріализма объ отношеніи между правомъ и хозяйствомъ въ смыслѣ причинной зависимости первого отъ послѣдняго методологически невѣрно. Вторая мысль сводится къ тому, что для полнаго обоснованія извѣстнаго общественнаго строя, къ которому мы должны стремиться, недостаточно еще доказать его необходимость въ причинномъ смыслѣ (какъ думаетъ экономическій матеріалистъ), а нужно еще показать его законность въ смыслѣ соответствія научно-установленному (или, какъ говоритъ Штаммеръ, объективному) идеалу.

Обоснованіе этихъ мыслей сводится къ слѣдующему.

Всякая социально-философская теорія должна, по мнѣнію Штаммера, начать съ опредѣленія своего объекта, т. е. понятія «соціального» или общества. Такъ какъ хозяйство и право суть общественныя явленія, то ихъ взаимоотношеніе можетъ быть понято, только когда выяснено понятіе «общественнаго явленія» вообще. Не удовлетворяясь существующими опредѣленіями общества, Штаммеръ опредѣляетъ социальную жизнь, какъ «нормируемую внѣшне-обязательными правилами совмѣстную жизнь людей». Такимъ образомъ, внѣшне-обязательныя правила или *право* является по Штаммеру отличительнымъ признакомъ социальной жизни, или формальной стороной общества. Съ другой стороны, подъ хозяйствомъ Штаммеръ разумѣетъ вообще все конкретное содержаніе общественной жизни. Поэтому отношеніе между правомъ и хозяйствомъ состоитъ въ отношеніи между формой и содержаніемъ социальной жизни, и отношеніе это ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отношеніемъ причинной зависимости. Такъ, если взять для примѣра современный хозяйственный строй, мы не можемъ сказать, что капиталистическій способъ производства *вызвалъ* или *обусловилъ* собою юридическія нормы частной собственности и свободы труда и договора; вѣдь эти юридическіе принципы составляютъ формальный признакъ самого капиталистическаго строя, и если мы отвлечемся отъ нихъ, то исчезаетъ само представленіе о послѣднемъ. Словомъ, разъ мы признаемъ вѣстѣ съ Марксомъ, что всѣ экономическія явленія суть извѣстныя общественныя отношенія, и разъ эти общественныя отношенія, по Штаммеру, отличаются другъ отъ друга только по различію формальнаго признака «общества», т. е. по различію лежащихъ въ ихъ основаніи юридическихъ нормъ, то мы такъ же мало будемъ имѣть право говорить о причинной зависимости между правомъ и хозяйствомъ, какъ о причинной зависимости, напр., между матеріаломъ статуи и ея формой.

Такова, по мнѣнію Штаммера, первая ошибка экономическаго матеріализма. Вторая ошибка заключается, по его мнѣнію, въ разсмотрѣніи общественной жизни исключительно съ точки зрѣнія причинной необходимости. По мнѣнію автора, *закономѣрность* общественныхъ явленій можетъ быть понимаема въ двоякомъ смыслѣ: или въ смыслѣ причинной необходимости, или же въ смыслѣ необходимости нравственной, въ смыслѣ соответствія объективно установлен-

ному идеалу. Для того, чтобы признать известное общественное явление объективно-правильнымъ, законнымъ, недостаточно доказать, что явление есть неизбежный результатъ известныхъ причинъ; надо еще показать, что оно есть столь же неизбежный выводъ изъ объективнаго идеала. Поэтому, Штаммлеръ считаетъ методологически неправильнымъ ограниченіе общественной науки изученіемъ причинной зависимости между общественными явлениями. Прежде всего, если бы можно было точно предсказать наступленіе известнаго общественнаго событія, то стремленіе къ достиженію его было бы такъ же бессмысленно, какъ напр., партія для содѣйствія лунному затменію; если мы къ чему-нибудь стремимся, то это значить, что мы не увѣрены въ осуществленіи нашей цѣли. Затѣмъ, неизбежность наступленія известнаго событія вовсе не служитъ, такъ сказать, его рекомендаціей: оно можетъ быть неизбежно, но если оно не соответствуетъ нашему идеалу, то мы не будемъ къ нему стремиться. Слѣдовательно, цѣль нашихъ стремленій надо обосновывать не на ея причинной необходимости, но на ея соответствіи идеалу, а для этого надо установить научный объективный идеалъ. Такимъ идеаломъ Штаммлеръ считаетъ «общество свободно-хотящихъ людей» («Gesellschaft frei willender Menschen»). Все, что соответствуетъ этому идеалу, будетъ объективно-законнымъ (objektiv-berechtigt) или вѣрнымъ, все остальное—плодомъ нашихъ субъективныхъ желаній. Въ области постановки цѣлей, въ области изученія того, что *должно быть*, существуетъ такое же различіе между истиной и ложью, какъ и въ области изслѣдованія того, что *есть*; и задача науки показать, что нужно считать *справдымъ* въ этомъ двоякомъ смыслѣ. Эпиграфомъ къ своему труду Штаммлеръ взялъ девизъ: «vitam impendere vero»—«посвятить жизнь правому»; подъ «правымъ» тутъ разумѣется одновременно и истинное, и справедливое. (Укажемъ кстати здѣсь на любопытное совпаденіе: въ предисловіи къ новому изданію своихъ сочиненій г. Михайловскій высказываетъ ту же мысль о двойственности понятія «справды»: есть правда—истина и правда—справедливость).

Въ обѣихъ основныхъ мысляхъ книги Штаммлера есть много вѣрнаго и столь же много невѣрнаго; можно сказать, что у него правильные выводы основаны на совершенно неправильныхъ послыкахъ. Что касается его взгляда на отношеніе между правомъ и хозяйствомъ, то онъ несомнѣнно вѣренъ, но обоснованъ крайне неудачно. Для того, чтобы доказать его, Штаммлеръ долженъ былъ опереться на опредѣленіе общества, какъ «регулируемой внѣшне-обязательными правилами совместной жизни людей», т. е. считать право характернымъ признакомъ общества. Это, несомнѣнно, невѣрно, и притомъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, право не можетъ считаться *единственнымъ* признакомъ общества, а потому не можетъ служить и формальнымъ отличіемъ общественныхъ явленій отъ всякихъ другихъ; на ряду съ правомъ во всякомъ обществѣ имѣется, напр., известный кодексъ нравственныхъ правилъ, обычаевъ, существуютъ известныя формы сотрудничества людей и т. д.; такимъ образомъ, признакъ выбранъ совершенно произвольно. Во-вторыхъ, этотъ признакъ слишкомъ узокъ, для того, чтобы характеризовать общественное явленіе, какъ таковое; правда, подъ правомъ Штаммлеръ разумѣетъ не только писанные законы, но и такъ называемое обычное право, но онъ же рѣзко отдѣляетъ право отъ нравственности, условныхъ обычаевъ и вообще отъ всякаго рода безсознательно сложившихся типическихъ правилъ поведения. Поэтому онъ долженъ, напр., отказать въ названіи «общества» групповымъ соединеніямъ животныхъ. Однако, судя по послѣднимъ даннымъ этнографіи и сравнительно-историческаго правовѣдѣнія, люди жили въ обществахъ, быть можетъ, еще задолго до того, когда они приобрѣли современный человѣческій типъ, и уже по одному этому совершенно не научно отдѣлять непроходимой чертой общества животныхъ отъ человѣческихъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, если мы даже

признаемъ коренное различіе между послѣдними, мы имѣемъ право искать и извѣстныя общія свойства у нихъ, а въ такомъ случаѣ наглядно обнаруживается несостоятельность Штаммлеровскаго опредѣленія общества. Помимо того, трудами Мэна и другихъ установлено, что въ первобытныхъ обществахъ вообще не существовало права въ нашемъ смыслѣ, т. е. нормъ поведенія, исполненіе которыхъ вынуждается физическимъ принужденіемъ; въ этихъ обществахъ право сливалось съ нравственностью и поддерживалось исключительно авторитетомъ общественнаго мнѣнія: такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи характерный признакъ общества не можетъ лежать въ правѣ, какъ-то думаетъ Штаммлеръ. Для того, чтобы такой признакъ могъ охватить всѣ возможные или мыслимыя общества, онъ долженъ заключаться не въ какой-либо одной сторонѣ общественнаго состоянія, а въ самой сущности этого послѣдняго, въ отличіе отъ состоянія изолированнаго. Такимъ признакомъ общественности мы можемъ считать, вслѣдъ за Зиммелемъ, только «взаимодѣйствіе (*Zusammenwirken*) людей, направленное къ достиженію какой-либо общей цѣли».

Но если послышка, на которой основывается свой выводъ Штаммлеръ, невѣрна, то—какъ это часто бываетъ—отсюда нельзя еще заключить о невѣрности вывода. Этотъ выводъ—именно, что право не есть что-либо отличное отъ хозяйства, а есть лишь формальная сторона этого послѣдняго,—мы считаемъ, наоборотъ, вполне правильнымъ и вносящимъ существенную поправку въ ученіе экономическаго матеріализма. Однако, значеніе этой поправки нѣсколько ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что экономическій матеріализмъ, говоря о причинной зависимости права отъ хозяйства, подразумеваетъ подъ послѣднимъ только писанное законодательство въ отличіе отъ безсознательно сложившихся нормъ поведенія. Переводя теорію экономическаго матеріализма на языкъ Штаммлера, мы могли бы формулировать ее такъ: нормы поведенія, образующія формальную сторону новаго способа производства, всегда разрушаютъ старыя юридическія нормы и добиваются своей законодательной санкціи, и въ этомъ смыслѣ хозяйство является причиной права. При такомъ пониманіи ученіе Штаммлера составляетъ лишь болѣе точную формулировку, но никакъ не существенное опроверженіе ученія экономическаго матеріализма.

Вторая часть ученія Штаммлера представляетъ изъ себя подобное же соединеніе вѣрныхъ и невѣрныхъ взглядовъ. Эта часть уже извѣстна русскимъ читателямъ по спору, который вели по поводу ея С. Н. Булгаковъ съ П. Б. Струве въ «Вопросахъ философіи и психологіи» и въ «Новомъ Словѣ». Мы полагаемъ, что здѣсь Штаммлеръ указалъ на весьма важную односторонность экономическаго матеріализма, которая можетъ быть отброшена безъ вреда для остальной части ученія. Обоснованіе идеальнаго состоянія, къ которому должно стремиться, только на его причинной необходимости, или, обыкновенно говорится, «черпаніе идеала изъ дѣйствительности» есть *contradictio in adjecto*. Изъ того, что что-либо должно неизбѣжно наступить, вовсе не слѣдуетъ, что къ нему надо стремиться; и если бы, напр., было научно доказано, что капиталистическій строй въ его дальнѣйшемъ развитіи приводитъ къ состоянію полной анархіи или къ рабству, то врядъ ли нашлось бы много охотниковъ содѣйствовать этому результату. Наоборотъ, идеалъ можетъ быть обоснованъ только на желательности его, а не на необходимости. Но не противорѣчатъ ли это представленію о полномъ детерминизмѣ всѣхъ общественныхъ явленій? Не вдаваясь здѣсь въ теоретическое обсужденіе этого сложнаго теоретико-познавательнаго вопроса (отсылаемъ интересующихся къ указаннымъ статьямъ гг. Булгакова и Струве, которыя помогутъ имъ разобраться въ этомъ вопросѣ), мы можемъ указать лишь на практическое разрѣшеніе этого вопроса. Опредѣлить съ исчерпывающей точностью и со всѣми подробностями наступленіе извѣстнаго общественнаго состоянія на основаніи его причинной необходимости мы никогда

не можемъ; даже если предположить, что мы сумѣемъ когда-либо съ математической точностью предугадать всѣ дѣйствія людей, необходимыя для его наступленія, мы не сможемъ предсказать точно одного, — именно нашихъ собственныхъ дѣйствій. До извѣстной степени, конечно, возможно и это, но только до извѣстной степени; по меньшей мѣрѣ, мы не можемъ въ нашемъ изслѣдованіи ввести въ расчетъ тѣ наши дѣйствія, которыя находятся въ зависимости отъ результата нашего изслѣдованія: противное предположеніе было бы равносильно возможности перескочить черезъ самого себя или вытащить себя за волосы изъ болота. А если такъ, то всегда остается извѣстное свободное поле для выбора дѣйствій: при выборѣ же, конечно, опредѣляющимъ моментомъ служить только желательность или нежелательность результата. Чѣмъ больше элементовъ будущаго состоянія можетъ быть предсказано, тѣмъ точнѣе будетъ предсказаніе и тѣмъ «научнѣе» будетъ идеаль. Но во всякомъ идеаль всегда должны остаться соединенными элементы необходимости съ элементами свободы. Отличіе утопическаго идеала отъ «научнаго» заключается не въ томъ, что первый основанъ на одной только желательности его, а второй — на его необходимости, а въ томъ, что въ послѣднемъ большее число элементовъ опредѣлено напередъ, чѣмъ въ первомъ. Надо полагать, что именно какъ реакція ученымъ, которыя почти не обращали вниманія на научное обоснованіе своихъ плановъ, а ограничивались однимъ лишь указаніемъ ихъ желательности, — возникло ученіе Маркса, вполне отрицательно относящееся къ изслѣдованію желательности того или иного общественнаго явленія и предполагающее возможность «обосновать» идеаль исключительно доказательствомъ его необходимости. Но какъ бы ни возникло это ученіе, односторонность его очевидна, и важная заслуга Штаммлера заключается въ выясненіи этой односторонности. (Ту же мысль, совершенно независимо отъ Штаммлера и инымъ путемъ, запищаетъ г. Неждановъ въ его книжкѣ «Нравственность»; обоснованіе ея у г. Нежданова въ теоретическомъ отношеніи не безупречно).

Однако и тутъ вѣрная мысль Штаммлера (мы, конечно, могли коснуться лишь сути ея, оставляя въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ подробностей въ ея развитіи) покоится на совершенно невѣрной послышѣ о возможности научно («объективно») доказать справедливость извѣстнаго общественнаго явленія, подобно тому, какъ доказывается его истинность. Изслѣдованіе «того, что есть», или добываніе истины, всегда покоится въ конечномъ счетѣ, на извѣстныхъ аксіомахъ, которыя даже недоказуемы, но которыя считаются истинными всѣми людьми (это, по Канту, апіорныя синтетическія сужденія). На такихъ же аксіомахъ покоится и изслѣдованіе того, что должно быть, но чтобы доказать, что это изслѣдованіе можетъ быть столь же объективно точнымъ, нужно предварительно доказать, что послѣднія аксіомы нравственности или идеаловъ имѣютъ столь же всеобщее значеніе, какъ и аксіомы познанія. Этого Штаммлеръ не показалъ; а голословность «формулы прогресса» у Штаммлера («общество свободно хотащихъ людей» — Штаммлеръ даже не пытается чѣмъ-нибудь доказать эту формулу) наводитъ на противоположную мысль о невозможности доказательства справедливости чего-либо. «Velle non discitur» — и справедливость, и желательность чего-либо только чувствуются, и притомъ каждымъ различно, а не доказываются разъ навсегда и для всѣхъ одинаково. За недоказанностью этого основнаго положенія Штаммлера о возможности объективнаго обоснованія законности общественныхъ явленій отнимается весь фундаментъ у возведеннаго имъ теоретическаго зданія. Этими краткими замѣчаніями мы поневолѣ должны ограничить нашъ отзывъ о трудѣ Штаммлера, во всякомъ случаѣ чрезвычайно интересномъ и поучительномъ.

Первый выпускъ русскаго перевода, лежащій передъ нами, представляетъ, повидимому, перепечатку перевода книги Штаммлера, издававшася въ качествѣ

приложенія къ покойному «Сѣверному Вѣстнику»; во всякомъ случаѣ, подобно послѣднему, онъ можетъ быть названъ только сноснымъ. Претенціозная обложка, очевидно, скопированная съ обложки «Agarfrage» Бауцкаго, не мѣшаетъ также изданію быть довольно сквернымъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Д. С. Милль. «Система логики». — Болонь. «Спиноза».

Д. С. Милль. Система логики. (Силлогистической и индуктивной). Изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. М. Изд. маг. «Книжное дѣло». 1897—1899. Появленіе новаго изданія логики Милля указываетъ на существованіе несомнѣннаго интереса публики къ вопросамъ философскаго характера. Хотя эта книга вышла сравнительно давно, но она принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя никогда не могутъ сдѣлаться устарѣвшими и всегда будутъ сохранять интересъ.

Книга Милля примыкаетъ къ тому направленію въ философіи, которое называется эмпиризмомъ или позитивизмомъ. Главная задача этого направленія въ философіи заключается въ томъ, чтобы показать, что всякое познаніе сверхчувственныхъ свойствъ вещей невозможно, что все нами познаваемое ограничивается только лишь тѣмъ, что мы воспринимаемъ непосредственно нашими чувствами, что все, что недоступно для воспріятія при помощи чувствъ, лежитъ внѣ предѣловъ нашего познанія. Все наше познаніе получаетъ начало изъ *опыта*.

Логика Милля написана въ этомъ духѣ. Она называется *индуктивной*, потому, что въ ней индуктивный приѣмъ умозаключенія подвергся главнымъ образомъ обработкѣ. У него мы находимъ подробное указаніе на примѣненіе индукціи въ наукахъ вообще. Его скептическое отношеніе къ силлогизму, обыкновенно понимаемому, какъ умозаключеніе отъ общаго къ частному, выразилось въ томъ, что онъ ясніе, чѣмъ очень многіе до него, показалъ, что силлогизмъ содержитъ въ себѣ *petitio principii*. Въ самомъ дѣлѣ, мы желаемъ доказать, что «Сократъ смертенъ». Для этого мы исходимъ изъ положенія, что «всѣ люди смертны», и на томъ основаніи, что «Сократъ человѣкъ заключаемъ», что «Сократъ смертенъ». Но спрашивается, имѣемъ ли мы право утверждать, что «всѣ люди смертны», пока мы не убѣдились въ томъ, что «Сократъ смертенъ». Слѣдовательно, несомнѣнно, что мы дѣлаемъ кругъ. Поэтому Милль утверждаетъ, что собственно умозаключенія отъ общаго къ частному не бываетъ, а что умозаключенія бываютъ или отъ частнаго къ частному, или отъ частнаго къ общему, какъ въ процессѣ индукціи. Что касается силлогистическаго умозаключенія, то его единственный смыслъ заключается въ томъ, что въ немъ умозаключеніе совершается не отъ общаго къ частному, но *согласно* общему. Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что когда мы составляемъ большую посылку, то мы въ тотъ же моментъ умозаключаемъ къ тому, что содержитсяъ въ заключеніи. Составляя большую посылку: «всѣ люди смертны», мы уже въ то время составили умозаключеніе, что «Сократъ смертенъ».

Въ теоріи индукціи замѣчательна его попытка доказать эмпирическое происхожденіе закона причинности или, что тоже, *закона однообразія природы*. Чтобы имѣть право утверждать, что то, что мы констатировали для даннаго класса явленій, будетъ истинно и впослѣдствіи, мы должны быть увѣрены, что тѣ законы, которые дѣйствуютъ въ настоящее время, будутъ дѣйствовать и впослѣдствіи, т. е., другими словами, мы должны принять, что въ природѣ

существуетъ однообразіе. Но какъ это можно доказать? Единственное доказательство заключается въ томъ, что до сихъ поръ такъ было: до сихъ поръ не было случая, чтобы законы природы измѣнились, а потому мы должны допустить, что въ природѣ существуетъ однообразіе. Но это доказательство въ глазахъ Милля собственно никакой цѣны не должно бы имѣть, потому что это доказательство есть *индукція черезъ простое перечисленіе*, т. е. та индукція, которая была осуждена Миллемъ. По такой индукціи положеніе, что «всѣ лебеди бѣлы» должно было бы быть истиннымъ потому, что мы до сихъ поръ не имѣли случая видѣть, чтобы какой-нибудь лебедь имѣлъ черный цвѣтъ. Но достаточно было открыты въ Австраліи черныхъ лебедей, для того, чтобы эта индукція оказалась совершенно не состоятельной. Таковы собственно всѣ индукціи черезъ простое перечисленіе. Но Милль находить, что такой индукціей все-таки можно пользоваться для доказательства опытнаго происхожденія закона однообразія природы, потому что, если бы въ данномъ случаѣ дѣло шло о какомъ-нибудь частномъ фактѣ, то такое основаніе было бы мало прочнымъ, но недостовѣрность способа доказательства уменьшается отъ того, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ обобщеніемъ, которое обнимаетъ всю область нашего опыта и потому должно быть достовѣрнымъ. Такимъ образомъ законъ причинности, по мнѣнію Милля и вообще англійской философіи, получаетъ начало изъ опыта. По ихъ мнѣнію, мы постоянно воспринимаемъ причинную связь и вслѣдствіе этого утверждаемъ, что эта связь *необходима и постоянна*. Многіе изъ современныхъ философовъ Кантовской школы находятъ этотъ взглядъ неправильнымъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ мы о законѣ причинности узнавали только изъ *опыта*, то онъ не содержалъ въ себѣ необходимости: пусть тѣла миллионъ разъ отъ холода сжимались, но это не значитъ, что такъ будетъ и въ миллионъ первый разъ. У насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что сейчасъ не начнетъ дѣйствовать другой законъ. Однимъ словомъ изъ опыта—идеи необходимости мы вывести не въ состояніи. А между тѣмъ въ наукѣ мы ее постоянно употребляемъ, и безъ нея наука не могла бы существовать. Какъ же выйдти изъ этого затрудненія? Въ наукѣ эта идея существуетъ, а изъ опыта она выведена быть не можетъ. Откуда же она берется? Отвѣтъ простой. Разъ она въ наукѣ употребляется, а изъ опыта ее получить нельзя, то надо думать, что разумъ даетъ самъ себѣ этотъ законъ, что, приступая къ изслѣдованію явленій, мы приступаемъ уже съ этимъ закономъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Кантовской школы, источникъ закона причинности есть разумъ, или какъ выражался Кантъ, онъ *априорнаго* происхожденія.

Не слѣдуетъ думать, что если логика Милля индуктивная, то онъ совершенно отрицаетъ значеніе *дедукціи*. Какъ разъ наоборотъ. Хотя науки, имѣющія своимъ предметомъ факты природы и ихъ законы, суть по преимуществу индуктивны, тѣмъ не менѣе эти науки могутъ употреблять съ большой пользой методъ дедуктивный. Индукція въ собственномъ смыслѣ можетъ быть употребляема только въ простѣйшихъ случаяхъ. Въ болѣе сложныхъ явленіяхъ, гдѣ взаимодействуютъ различные элементы, мы должны это явленіе разложить на простѣйшіе элементы, затѣмъ, при помощи простыхъ индукцій, изслѣдовать, какъ каждый изъ нихъ дѣйствуетъ, затѣмъ, посредствомъ дедукціи, постараться опредѣлить, какой результатъ можетъ произвести ихъ соединенное дѣйствіе, и, наконецъ, посредствомъ наблюденія, доказать, что наши заключенія или вычисленія находятъ въ согласіи съ опытомъ. Такимъ образомъ, процессъ познанія въ этомъ случаѣ состоитъ изъ трехъ членовъ: изъ индукціи, дедукціи и провѣрки. Милль былъ такъ далекъ отъ отрицанія роли дедукціи, что думалъ, что примѣненіе дедукціи является выраженіемъ совершенства науки. «Дедуктивному методу въ соединеніи съ индукціей,—говоритъ Милль,—человѣческій умъ обязанъ своими наиболѣе великими торжествами. Мы обязаны ему всѣми

теоріями, подводщими обширныя и сложныя явленія подъ нѣсколько простыхъ законовъ».

Въ своей логикѣ Милль подвергаетъ подробному разсмотрѣнію вопросъ о происхожденіи геометрическихъ и вообще математическихъ идей и приходитъ къ тому выводу, что они имѣютъ чисто опытное происхожденіе. Этотъ выводъ, какъ и вообще тотъ односторонній эмпиризмъ, защитникомъ котораго является Милль, въ настоящее время отвергается очень многими не только на континентѣ, но и въ Англии, гдѣ Милль пользовался наибольшей популярностью.

Несмотря на то, что книга Милля не является такимъ сочиненіемъ, которое выражало бы господствующее теченіе, она представляетъ громадный интересъ для всякаго образованнаго человѣка, потому что затрогиваетъ вопросы первостепенной важности. Не даромъ она выдержала на англійскомъ 17 изданій и на англійскомъ языкѣ существуетъ даже дешевое народное изданіе. Съ Миллемъ можно не соглашаться, но книга его полна поучительности, какъ самая лучшая выразительница извѣстнаго направленія.

Переводъ книги сдѣланъ вполне тщательно: въ немъ устранены тѣ недостатки въ переводѣ, отъ которыхъ не было свободно прежнее изданіе.

Болинъ. Спиноза. Переводъ подъ ред. П. Струве. Изд. Поповой. 1899 г. Спиноза принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслителей, который привлекаетъ наибольшее вниманіе въ настоящее время. Это объясняется тѣмъ, что современное міровоззрѣніе содержитъ такіе элементы міровоззрѣнія Спинозы, какъ механическое толкованіе явленій природы, монистическое ученіе о душѣ и т. п.

У современниковъ Спиноза пользовался малою извѣстностью и почти цѣлое столѣтіе никто его не читалъ, главнымъ образомъ, потому, что за нимъ сложилась репутація атеиста. Возрожденію ученія Спинозы способствовали нѣмецкіе поэты Лессингъ, Гете, Шиллеръ, которыхъ привлекалъ его пантеизмъ. Но въ особенности его начинаютъ цѣнить со времени Фихте, Шеллинга, Гегеля, которые усвоили себѣ его монизмъ. По словамъ Гегеля, напр., «сдѣлаться «спинозистомъ» есть начало всякаго философствованія: необходимо окунуть душу въ эфиръ единой субстанціи, въ которой растворено все, что до сихъ поръ считалось за истину». Шопенгауеръ также подчеркивалъ связь своей системы съ ученіемъ Спинозы. Эти обстоятельства имѣли рѣшительное вліяніе на упроченіе монистическаго воззрѣнія въ современной философіи.

Декартъ, признавъ различіе между духовной и матеріальной субстанціей, никакъ не могъ объяснить взаимодѣйствіе между ними, фактически существующее; не могли этого сдѣлать и ученики его. Спиноза, соглашаясь съ Декартомъ въ томъ, что между физическимъ и психическимъ существуетъ коренное различіе, не былъ согласенъ съ нимъ въ томъ, что для объясненія всего существующаго необходимо признавать *два* субстанціи: духовную и матеріальную, а думалъ, что для этого достаточно признать *одну* субстанцію. По его мнѣнію, эта субстанція, недоступная непосредственному человѣческому познанію, открывается человѣческому уму въ формѣ атрибутовъ, изъ которыхъ для человѣческаго ума доступны только два, именно мышленіе и протяженность, которыя являются обнаруженіемъ одной и той же субстанціи.

По ученію Спинозы, духъ и матерія одно и то же, рассматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Это ученіе, называемое въ послѣднее время психофизическимъ монизмомъ, параллелизмомъ, а также нео-спинозизмомъ, является въ настоящее время господствующимъ. Оно является привлекательнымъ потому, что признаетъ одинаково, какъ права психическаго, такъ физическаго. Кромѣ того, при этой точкѣ зрѣнія, отрицающей взаимодѣйствіе между физическимъ и психическимъ, остается нетронутымъ механическое толкованіе жизненныхъ явленій.

Для общаго философскаго міровоззрѣнія ученіе Спинозы оказало слѣд. услугу. Въ текущемъ столѣтіи замѣчается тенденція строить идеалистическое міровоззрѣніе на эмпирическихъ началахъ. Въ этомъ отношеніи психологической параллелизмъ кажется наилучше отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ. Если провести параллелизмъ до конца, то слѣдуетъ признать не только человѣка и животныхъ, но также и растений и всего неорганическаго міра. Тогда окажется, что все существующее одушевлено, а такъ какъ психическое составляетъ только внутреннюю сторону того, внѣшнюю сторону чего составляетъ психическое, и такъ какъ психическое представляетъ дѣйствительность такъ, какъ она есть сама по себѣ, то можно сказать, что самая важная сторона дѣйствительности есть духовное. Такимъ образомъ духовное начало выражаетъ собою сущность дѣйствительности. Задачей міровой жизни является развитіе духовной стороны, созиданіе духовныхъ благъ и т. п. Однимъ словомъ, на эмпирическихъ началахъ воздвигается идеалистическое міровоззрѣніе. Къ этому сводится въ существенныхъ чертахъ міровоззрѣніе нѣкоторыхъ выдающихся современныхъ мыслителей какъ Паульсенъ, Вундтъ и др. Пантеистическимъ въ духѣ Спинозы является и ученіе Г. Спенсера. Таково несомнѣнное вліяніе Спинозы на современное міровоззрѣніе. Поэтому ознакомленіе съ ученіемъ Спинозы не лишено важности для всякаго образованнаго человѣка. Небольшая книга Болина можетъ въ этомъ отношеніи явиться хорошимъ пособіемъ. Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ книги относится ясное, доступное изложеніе и тщательно составленный переводъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Д. Менро. «Очеркъ электрическихъ явленій».—В. Лушкевичъ. «Научно-популярная бібліотека».—Модестовъ. «Двойныя звѣзды».

Д. Мёнро. Очеркъ элентрическихъ явленій и ихъ примѣненій къ практической жизни. Изданіе Суворина. Научная дешевая бібліотека. Въ Англіи и Америкѣ, гдѣ изобрѣтенія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, порождая новыя и новыя отрасли промышленности, книжки, подобныя разсматриваемой, стали явленіемъ обычнымъ и необходимымъ. Рядъ новыхъ идей въ области техники изъ специальныхъ журналовъ немедленно становится достояніемъ большой массы читателей, среди которыхъ найдутся и продолжатели блестящихъ мыслей. Книжечка Менро принадлежитъ къ этой серіи изданій; она написана авторитетомъ въ области электротехники и читается, благодаря увлекательному языку, какъ романъ. Содержаніе ея обнимаетъ всѣ наиболѣе выдающіяся изобрѣтенія отъ простѣйшей электрической машины до лучей Рентгена. Читатель не найдетъ тутъ практическихъ указаній на то, какъ устроить тотъ или другой приборъ, не найдетъ ни таблицъ, ни проктовъ, но увидитъ, почему та или другая часть прибора дѣйствуетъ такъ, а не иначе, въ какомъ направленіи должно идти усовершенствованіе прибора. Краткая исторія изобрѣтеній оживляетъ еще болѣе изложеніе; особенно интересно описаніе подготовительныхъ работъ по устройству передачи энергіи отъ Ніагарскаго водопада. Изъ аппаратовъ приведены звуковой телеграфъ и обыкновенный юзовскій; нечего говорить, что здѣсь нашли мѣсто электрическое освѣщеніе и его канализація, аппараты для согрѣванія и отопленія, равно какъ и примѣненіе электродвигателей къ передвиженію и механическимъ приборамъ, фонографъ, телефонъ и т. д. Менѣе извѣстные не специалистамъ: индукціонные вѣсы Юза и одинъ изъ опытовъ Тесла, представляютъ большой интересъ. Чтобы воспользоваться

физическимъ объясненіемъ, авторъ съ большимъ умѣніемъ излагаетъ основы электрическихъ и электродинамическихъ взаимодействій. Переводъ выполненъ прекрасно; только «трансформаторъ» слѣдовало перевести «преобразователь», а не «обратитель», и болѣе тщательно различать термины «энергія» и «сила».

Научно-популярная библиотечка для народа. (40 книжекъ). В. Лункевичъ. № 1) Земля; № 2) Небо и звѣзды; № 3) Громъ и молнія. Въ первыхъ книжкахъ новаго изданія г. Павленкова, г. Лункевичъ знакомитъ читателей изъ народа съ звѣзднымъ міромъ, солнечной системой, въ особенности съ землей и явленіями, происходящими на ней вслѣдствіе ея двойного вращательнаго движенія. Указавъ на соображенія, въ которыхъ обыкновенно приходятъ необразованные люди, когда стремятся составить понятіе о формѣ земли и ея положеніи въ мірѣ, авторъ прежде всего приводитъ доказательства ея шарообразности, затѣмъ, путемъ нехитрыхъ, каждому изъ насъ извѣстныхъ опытовъ, съ картофельной, проткнутой желѣзной спицей, и лампой или свѣчей показываетъ чрезвычайно просто и наглядно, чѣмъ вызвана смѣна дней и ночей, зимы и лѣта. Дальше рѣчь идетъ о лунѣ; о ней говорится, что она спутникъ земли (зстати приложены рисунки сравнительной величины луны и земли и видъ съ луны земного шара); даны описаніе горъ на ея поверхности, картина мертваго покоя, объяснены фазы луны. Не сказалъ только авторъ о томъ, что луна всегда обращена къ землѣ одной стороной (объ этомъ слѣдовало сказать), да еще пропустилъ курьезъ на рисункѣ лунныхъ горъ и ущелій: изъ одного изъ кратеровъ на солидную высоту выдвигается гора! Этотъ удивительный на лунной поверхности случай можно объяснить тѣмъ, что рисунокъ—не фототипія съ дѣйствительной поверхности, а композиція художника, который не обратилъ вниманія на то, что горы внутри кратеровъ *всегда* ниже стѣнокъ окружающаго ихъ колодца. Заключается описаніе портретомъ и краткой біографіей Галилея, гдѣ указывается разница между далекимъ прошлымъ и нашимъ временемъ, благодаря которой мученики науки становятся явленіемъ невозможнымъ.

Авторъ удачно выбираетъ матеріалъ, предпосылая обычная суевѣрныя представленія простого народа на космическіе процессы, своимъ строгимъ и въ то же время простымъ объясненіемъ, благодаря чему послѣднія только выигрываютъ въ убѣдительности. Надо отмѣтить хорошее литературное изложеніе, вѣрный тонъ разсказа, взятый съ самаго начала, ясный языкъ, свободный отъ покушеній на поддѣлку подъ народную рѣчь; пониманіе нуждъ читателя, съ которымъ бесѣдуетъ авторъ, изобличаетъ хорошаго педагога; поэтому авторъ могъ бы обойтись безъ докучливыхъ вступленій о томъ, что собирается разсказывать «потѣшныя» и «смѣхотворныя» вещи: смѣшная вещь заставитъ улыбнуться и безъ предвареній.

Въ книжечкѣ о небѣ и звѣздахъ, можно найти свѣдѣнія о мірозданіи, на которыхъ слѣдовало бы остановиться поподробнѣе. Діаграмма шаровъ, вертящихся около солнца, даетъ представленіе о солнечной системѣ, а рисунки Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна—о видѣ ихъ въ слабые телескопы.

Своей головой читатель, для котораго предназначена эта книжка, врядъ ли дойдетъ до сколько-нибудь конкретнаго представленія о тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ, которыя отдѣляютъ планеты другъ отъ друга или звѣзды отъ насъ; авторъ дѣлаетъ промахъ, не приходя на помощь читателю: можно было бы сказать, напримѣръ, что надо идти столько-то и столько-то лѣтъ по прямому пути до ближайшей планеты, проходя въ день по столько-то верстъ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Говорить авторъ и о звѣздахъ-солнцахъ, и о кометахъ, не жалѣя рисунковъ на иллюстрацію.

Впечатлѣніе отъ этой миниатюрной космографіи остается хорошее: она несомнѣнно сослужитъ свою службу.

Остается разобрать послѣднюю книжку: «Громъ и молнія». Г. Дункевичъ даетъ описаніе грозъ, условій мѣста и времени, при которыхъ чаще всего онѣ повторяются, а затѣмъ переходитъ къ явленію собственно молніи, классифицируя молніи по ихъ внѣшнему виду: зигзагообразныя, вѣтвистыя и т. д. Въ деревняхъ ходитъ много «страшныхъ» рассказовъ о таинственныхъ шарахъ, которые влетаютъ въ избы: кого они коснутся, тотъ падаетъ замертво. Авторъ приводитъ извѣстные въ научной литературѣ случаи, когда шарообразная молнія бывала причиной смерти, но, подтверждая законность происхожденія подобныхъ рассказовъ, онъ снимаетъ съ нихъ флеръ чертовщины, описывая полученіе электричества путемъ натиранія сургуча или черной гуттаперчевой гребенки; когда читатель получить, такимъ образомъ, необходимыя свѣдѣнія, авторъ примѣняетъ ихъ къ объясненію явленія молніи, продѣлывая рядъ опытовъ съ электрической машиной и образуя всѣ вышеупомянутыя виды молніи, до шарообразной включительно. Свѣченіе гейслеровыхъ трубокъ, наполненныхъ разными газами, должно объяснить различіе цвѣтовъ молніи, но цвѣта тутъ окончателно перепутаны: углекислота свѣтится не зеленоватымъ, а сѣрымъ (тутъ еще могутъ быть сомнѣнія), воздухъ не однимъ краснымъ, а краснымъ и голубымъ, азотъ не голубымъ—а мѣдно-краснымъ. Хорошо объяснены явленія зарницъ, грома и громовыхъ раскатовъ; попутно читатель узнаетъ о роли воздуха въ передачѣ звука и о различіи скоростей звука и свѣта. Историческая часть представлена открытіемъ Франклина, опытами Далибара и Рома; безъ должнаго вниманія не оставлено и атмосферное электричество. Послѣ всего этого идутъ совѣты практическіе: какъ и чего слѣдуетъ остерегаться во время грозы, какъ устраиваютъ громоотводы.

Модестовъ. Двойныя звѣзды. Мюнхенъ 1898 г. Изслѣдованіе двойныхъ звѣздъ въ Россіи имѣетъ свою большую исторію. Начало было положено въ Дерптѣ Вильгельмомъ Струве, который въ 1814 году предпринялъ съ весьма несовершенными приборами измѣренія извѣстныхъ въ то время паръ. Когда прибылъ новый, сдѣлавшійся послѣ знаменитымъ, рефракторъ Фраунгофера, Струве началъ съ нимъ обзоръ всего неба и открылъ массу новыхъ звѣздъ. Онъ составляетъ каталогъ ихъ, опредѣляетъ ихъ положенія на небѣ и измѣряетъ относительное положеніе компонентовъ въ каждой парѣ. Эти измѣренія удивительны по своей точности, Струве вырабатываетъ также методы какъ самыхъ наблюденій, такъ и различныхъ вспомогательныхъ изслѣдованій. Его «*Mensurae micrometricae...*» являются и теперь еще основнымъ руководствомъ всякаго астронома, занимающагося измѣреніемъ двойныхъ звѣздъ. Сынъ Вильгельма Струве—Отто продолжаетъ эту работу отца и съ помощью 15-дюймоваго пулковскаго рефрактора составляетъ новый каталогъ двойныхъ звѣздъ и публикуетъ два громадныхъ тома измѣреній. Когда былъ поставленъ въ 1885 г. въ Пулковѣ громадный 30-дюймовый рефракторъ, то и внукъ Вильгельма Струве—Германъ, наблюдавшій за этимъ инструментомъ, отдаетъ большое вниманіе измѣренію тѣсныхъ паръ. Въ свое время наблюдалъ въ Пулковѣ двойныя звѣзды и Дубяго, цѣлые ряды измѣреній сдѣлалъ въ Гурауфѣ, Абастуманѣ, С.-Петербургѣ и Домкинѣ проф. Глазенапъ. Много теоретическихъ работъ русскихъ ученыхъ посвящено изслѣдованію двойныхъ звѣздъ на нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ: вычисленія орбитъ Виноградскаго, отзвувъ о диссертаци Виноградскаго Ковальскаго, содержащій его знаменитыя формулы, упрощающія способъ Гертеля, и его собственный способъ, диссертация г. Левицкаго, работа Кононовича, изящный способъ проф. Глазенапа и масса вычисленныхъ по нему орбитъ, способъ проф. Млодзевскаго, наконецъ, спектрографическія изслѣдованія Бѣлопольскаго и способъ Орбинскаго опредѣленія лучевыхъ скоростей въ случаѣ спектральныхъ наблюденій съ объективной призмой.

Весьма возможно поэтому, что кто-нибудь изъ нашихъ читателей по-

желаетъ обстоятельнѣе познакомиться съ интересной отраслью астрономіи — изслѣдованіями двойныхъ звѣздъ. Для него нельзя указать ничего лучшаго, какъ сочиненія ассистента астрономической обсерваторіи Московскаго университета Модестова, появленіе котораго въ печати стоитъ отмѣтить, благодаря полнотѣ и достоинству содержанія. Сочиненіе это было удостоено въ 1891 г. математическимъ факультетомъ Московскаго университета золотой медали, послѣ для печати оно отчасти сокращено авторомъ, отчасти дополнено, согласно съ новыми изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ. Почти каждый способъ сопровождается у г. Модестова подробными вычисленіями какой-либо орбиты. Обращаемъ вниманія читателя на вычисленія по способу Ковальскаго и на остроумный собственный способъ г. Модестова, который даже не выдѣленъ скромнымъ авторомъ въ отдѣльный параграфъ и ничѣмъ другимъ не отмѣченъ. Этотъ способъ является существеннымъ усовершенствованіемъ и упрощеніемъ способа Энке. Complimentъ остроумію автора придется сдѣлать и при чтеніи главы «Опредѣленіе отношенія и суммы массъ компоненто́въ», въ которой найдемъ оригинальныя наблюденія звѣзды 70 p. Orphiсhі и вычисленія массъ компоненто́въ по собственнымъ формуламъ автора. Съ особенной тщательностью обработана орбита звѣзды ζ Uг. Majoris. Г. Модестовъ приводит формулы, показывающія, что изъ соединенія микрометрическихъ измѣреній съ спектрографическими опредѣленіями лучевыхъ скоростей можно выяснитъ всѣ подробности строенія системы: ея размѣры и массы компоненто́въ, но онъ не сопровождаетъ ихъ примѣромъ, потому что, когда печаталась книга, еще не было опубликовано нужныхъ наблюденій. Долго не удавалось сфотографировать спектры слабыхъ спутниковъ въ извѣстныхъ, измѣренныхъ микрометромъ, парахъ. Но съ помощью 30-дюймоваго пулковскаго рефрактора, прибавимъ мы отъ себя для интересующагося читателя, г. Бѣлопольскій получилъ, наконецъ, спектры обоихъ компоненто́въ въ системѣ γ Virginiss и γ Sennis, и въ прошломъ же году опубликовалъ свои изслѣдованія объ этихъ системахъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го іюля по 15-е августа 1899 года.

- Г. Б. Гиббинсъ. Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Пер. съ англ. А. В. Каменскаго. Изд. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Н. П. Дружининъ. Обновленіе одного города. Расказъ. «Библіотека Дѣтскаго чтенія». М-ва. 1899 г. Ц. 10 к.
- Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Друзья. Расказы. «Дѣтская библіотека». Москва. 1899 г. Ц. 5 к.
- Н. Зинченко. Женщина-адвокатъ. (По Луи Франкъ). Изд. II. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- А. А. Федоровъ-Давыдовъ. О чемъ мурлыкалъ Коть-Баюнъ? «Библіотечка Дѣтскаго Чтенія». М-ва. 1899 г.
- К. Э. Линдеманъ. О червяхъ опустошающихъ наши лѣса. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». Съ 17 рис. въ текстѣ. М-ва. 1899 г. Ц. 5 к.
- Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англій. Переводъ съ англ. А. М. Вѣлова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Б. Б. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники. Историч. очерки. Съ портретами и иллюстраціями. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». М-ва. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- D-г L. Berthenson. Les forces assainissantes et cultatives dans la nature. Paris. 1899 г.
- В. Ермиловъ. Святитель Тихонъ Задонскій. 2-е изд. Моск. Общество грамотности. М-ва. 1899 г. Ц. 5 к.
- К. Ельцова. Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2-е испр. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Г. Н. Гетчинсонъ. Очерки первобытнаго міра. Пер. съ англ. З. Журавской. Съ прилож. библиогр. указателя книгъ и статей по исторіи міровданія. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Богдановъ. Основные элементы историч. взгляда на природу. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 2 р.
- Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англій съ XIII по IX вѣкъ. Пер. съ англ. В. Каткова. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 3 р.
- В. Соловьевъ. Въ Стамбулъ и Элладу. Казань. 1899 г.
- И. Стещенко. Хуторни сонеты. Кіевъ. 1899 г. Ц. 10 к.
- D-г Hans Nirschkron. Болѣзни желудка и кишекъ. Пер. съ нѣм. Вильна. 1899 г. Ц. 50 к.
- Д-ръ Г. Нуссбаумъ. О вліяніи душевной дѣятельности на болѣзненные процессы. Пер. съ польск. д-ра Розенталя. Вильна. 1899 г. Ц. 50 к.
- Проф. Г. Г. Байзенъ. Комментарій къ трагедіи Гёте «Фаустъ». Съ портр. Гёте. Пер. съ нѣм. А. Шкловскаго. Елисаветградъ. 1899 г. Ц. 75 к.
- Г. Спенсеръ. Сочиненія. Полный переводъ пров. по послѣднимъ англ. изд. Подъ общ. ред. Н. А. Рубакина. 2 т. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. по подпискѣ 7 р. за 7 т. Допускается рассрочка.
- Проф. А. Proust и проф. G. Ballet. Гигіена нейрастеника. Перев. Г. Львовича. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 1 р.
- А. Кролюницкій. Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Л Шахрай. Краткая исторія Израіля для еврейскаго юношества. Одесса. 1899 г. Ц. 40 к.
- Его-же. Исторія Израіля для еврейскаго юношества отъ макед. владыч. до нашихъ временъ. Вып. IV и посл. Одесса. 1890 г. Ц. 70 к.
- Волостные итоги. Изданіе Екатеринославской губернской земской управы. 1899 г.
- Проф. Лампертъ. Жизнь прѣсныхъ водъ. Пер. съ нѣм. подъ редак. д-ра зоологін Н. А. Холодковскаго и кандидата ест. наукъ И. Кузнецова. Съ 12-ю табл. въ краскахъ, фотот. и мног. политипожами. В. III и IV. Подп. цѣна на все соч. въ 10 вып. 6 р. Изд. Девриена. Спб. 1899 г.

К. Каутскій. Аграрный вопросъ. Вып. II. Изд. В. Головкина «Общественные вопросы». Харьковъ. 1899 г.
 Н. Блиновъ. Батюшка въ селѣ. Разсказъ. Вятка. 1899 г.
 Ольга Алларъ. Та самая. Разсказъ для дѣтей. М-ва. 1898 г. Ц. 40 к.
 Н. Игнатъева. Басни и притчи разныхъ странъ. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 30 г.
 Изданія С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества. «Издатель». Спб. 1899 г. № 1.
 Д. Маминъ Сибирякъ. Зимовье на студеной. Ц. 5 к. № 2. Исповѣдь. Ц. 3 к. № 3. Приемышь. Ц. 3 к. № 4. Малиновыя горы. Ц. 7 к. № 5. Савка. Ц. 5 к. № 6. Горой. Ц. 5 к. № 7. Старый воробей. Ц. 3 к. № 8. Васька Забалуй. Ц. 3 к. № 9. Постоянко. Ц. 3 к. № 10. Конь «Разбойникъ». Ц. 7 к. № 11. П. Засодимскій. Отъ сохи къ ружью. Ц. 5 к. № 12. Мирское дятѣ. Ц. 4 к. № 13. Черныя вороны. Ц. 4 к. № 14. Оедька Вазлаенокъ. Ц. 10 к. № 15. Весь вѣкъ для другихъ. Ц. 3 к. № 16. Дождалась тетка Аксинья. Ц. 7 к. № 17. К. Станюковичъ. Смерть на кораблѣ. Ц. 5 к. № 18. Н. Позняковъ. На бѣдность. Ц. 3 к. № 19. Переполохъ. Ц. 5 к. № 20. Заломъ. Ц. 3. № 21. В. Немировичъ-Данченко. Забытый рудникъ. Ц. 6 к.
 Л. Штеинъ Нурокъ. Правила для бевошибоч-

наго выговора при чтеніи вслухъ и слухъ. Диктовки франц. яз. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
 Н. П. Балминъ. О народныхъ домахъ. Харьковъ. 1899 г.
 — Проспектъ кооперативнаго книжнаго магазина въ Харьковѣ.
 Поль Гиро. Частная и общественная жизнь римлянъ. Пер. съ франц. подъ ред. С. Моравскаго. Съ 107 рис. въ текстѣ. Спб. Изд. Пантелъева. 1899 г. Ц. 3 р.
 Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1893 г.
 Д-ръ Германъ Гохтъ. Руководство по клиническому изслѣдованію при помощи лучей Рентгена. Пер. подъ ред. проф. Л. Левшина. Съ 66 рис. въ текстѣ. М-ва. Изд. Мамонтова. 1899 г. Ц. 3 р. 75 к.
 Гемфру Уордъ. Хельбекъ изъ Баннисуэля. Ром. въ 5 книгахъ. Пер. подъ ред. Л. Гуревичъ. Спб. Библиотека «Живни» 1899 г. Ц. 1 руб.
 Отчетъ Московскаго общества содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій за 1898—99 г. М-ва. Статистическій сборникъ по Ярославской г. Вып. I и II. 1899 г. Ярославль.
 В. М. Соколовъ. Историческій обзоръ народнаго образованія въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губ. Тула. 1899 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

О политикѣ и социологіи въ современной Франціи.

По поводу изданія Bulletin du comité des travaux historiques et scientifiques. Congrès des sociétés savantes de 1898. Section des sciences économiques et sociales.

I.

Предъ нами одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ, какія только выпли за послѣднее время во Франціи. Впечатлѣніе на первый взглядъ неожиданное: книга—официальное изданіе министерства народнаго просвѣщенія, сборникъ ученыхъ докладовъ, прочитанныхъ на сѣздѣ специалистовъ. Правда, это специалисты по исторіи, социологіи и политической экономіи—наукамъ, по существу, жизненнымъ и даже практическимъ. Но вѣдь извѣстно,—идеаломъ весьма многихъ «специалистовъ» считается такъ называемая чистая наука, т. е. совершенно неприкосновенная интересамъ дня и даже времени, парящая на высотѣ сверхчеловѣческаго безстрастія. Претензіи эти въ области общественныхъ знаній естественно остаются неосуществимыми, и чистая ученость является только новымъ видомъ лицемерія или шарлатанства. Но и такая совершенно неотразимая судьба не мѣшаетъ время отъ времени раздаваться напыщеннымъ декламаціямъ изъ какого-нибудь педантскаго закоулка и призывать историковъ и социологовъ къ ролямъ анатомовъ и физиологовъ.

Во Франціи подобное самообольщеніе также нерѣдко находило своихъ жертвъ. Извѣстно, что именно въ этой странѣ возникла идея объ исторіи какъ *соціальной физикѣ* и о политикѣ, какъ точной наукѣ, съ собственными чуть не математическими формулами и рѣшеніями. Такъ мечталъ еще Кондорсе, одинъ изъ самыхъ страстныхъ и слѣдовательно, менѣе всего научныхъ пророковъ совсѣмъ не научнаго восемнадцатаго вѣка. Мечты, слѣдовательно, на первыхъ же порахъ сталкивались съ непримиримымъ противорѣчьемъ, и ему не суждено было исчезнуть до нашихъ дней.

Ни одна историческая и философская литература не создала столько математически стройныхъ теорій, не установила столько логическихъ принциповъ государственнаго порядка, сколько французская, и ни въ одной странѣ, кромѣ Франціи, съ такой стремительностью чистыя теоріи не вносились въ жизнь, какъ силы разрушительныя и созидательныя. Всѣ многочисленныя французскія конституціи можно свести къ нѣсколькимъ отвлеченнымъ формуламъ, добытымъ не историческимъ опытомъ, а логическимъ

разсудкомъ. И эти формулы становились выше всякаго опыта, осуществлялись часто съ фанатической послѣдовательностью, подчиняли своей власти самыя почвенныя преданія и священные заветы. Естественно, французскіе историки должны на всякую теорію смотрѣть, какъ на воплощъ жизненный процессъ, равносильный какимъ угодно повелительнымъ фактамъ. Отсюда—неуклонное стремленіе французской науки пользоваться культурными идеями и философскими выводами, какъ творческими силами для современной дѣятельности. При такомъ настроеніи ученаго, его изслѣдованіе неминуемо должно принять характеръ политическаго трактата или даже публицистической рѣчи, а ученое засѣданіе—уподобиться своего рода парламенту.

Одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ примѣровъ, предъ нами.

«Отдѣлъ экономическихъ и социальныхъ наукъ» представилъ множество работъ въ высшей степени разнообразнаго содержанія, но среди нихъ можно насчитать не больше трехъ, къ которымъ большая, просвѣщенная публика могла бы отнестись сравнительно равнодушно. Да и здѣсь встрѣчаются темы, явно подсказанныя живымъ политическимъ интересомъ, напримѣръ, докладъ о первыхъ кооперативныхъ ассоціаціяхъ въ греціи конца XVIII-го вѣка. Сравнительное равнодушіе къ подобному докладу можетъ быть оправдано развѣ только крайней ограниченностью сцены, гдѣ совершались изучаемыя явленія,—отнюдь не самими явленіями, выбранными для изученія. Но и такія задачи—исключеніе. Весь официальный сборникъ наполненъ статьями и дебатами, способными составить украшеніе самаго живого политическаго органа.

Рабочему вопросу ученый съѣздъ вообще удѣлилъ очень много вниманія, не отступая передъ основательнымъ обсужденіемъ даже второстепенныхъ задачъ, напримѣръ, о водвореніи на родину поденщиковъ и слугъ, переселяющихся изъ деревень въ столицу и не находящихъ здѣсь достаточнаго заработка. Докладчикъ объяснилъ, что уже въ теченіе тридцати лѣтъ въ Парижѣ возникаютъ особыя «землячества», занимающіяся судьбой пришлыхъ рабочихъ. Нѣкоторыя имѣютъ свои отдѣленія въ провинціяхъ, напримѣръ, землячество, во главѣ котораго стоитъ извѣстный изслѣдователь рабочаго вопроса—Левассеръ, предсѣдательствовавшій на конгрессѣ, въ отдѣлѣ экономическихъ и социальныхъ знаний. Въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ докладъ объ экономическихъ условіяхъ, регулирующихъ заработную плату, и вообще почти вся политическая экономія на съѣздѣ была посвящена пролетариату. Но ни одинъ докладчикъ не представилъ на этотъ разъ ученой работы общаго, широкаго содержанія: пренія все время оставались въ предѣлахъ частныхъ явленій социальнаго быта рабочаго класса.

Другой характеръ нашли доклады, и особенно обсужденіе ихъ въ области политики и социологіи. Здѣсь предъ нами цѣлый рядъ существенныхъ фактовъ, ярко и оригинально освѣщенныхъ. Они должны войти положительнымъ капиталомъ въ политику и социологію нашего времени. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ, чтобы въ новѣйшей французской литературѣ первостепенные вопросы современной демократіи были поставлены такъ ясно и разрѣшены такъ безпристрастно, какъ это сдѣлано профессоромъ Бри, по самому простому поводу.

Профессоръ взялъ своей темой *Вліяніе общественнаго договора*

Руссо. Тема до послѣдней степени разработанная, можно сказать, ученическая, но ученый докладчикъ лишній разъ оправдалъ правило, что интересъ и значительность бесѣды зависитъ не столько отъ темы, сколько отъ талантности и вдумчивости изслѣдователя.

Общественный договоръ Руссо,—произведеніе, повидимому, въ высшей степени ясное и общедоступное. Современники революціи разсказываютъ, что выдержки изъ трактата цитировались самими заурядными ораторами и въ Парижѣ, и въ провинціяхъ. И дѣйствительно, изъ книги можно извлечь не мало изреченій—поразительныхъ по своей энергіи и простотѣ. Достаточно умѣть читать по-французски, чтобы проникнуться политическими идеалами женеваго философа.

Что, на примѣръ, можетъ быть проще идеи *народнаго самодержавія*? И за нее схватились страстно и слѣпо народные вожди революціи. Стремленіе столь естественное послѣ вопіющаго безправія старой монархіи! И цѣль такая законная и убѣдительная: самъ народъ долженъ управлять страной и располагать своимъ благополучіемъ. Однимъ словомъ теорія, повидимому, справедливая, нравственная и политически-мудрая.

И до сихъ поръ не мало читателей и даже ученыхъ толкователей, искренне считающихъ Руссо творцомъ демократическаго принципа, въ его чистой, культурной формѣ. На самомъ дѣлѣ—Руссо съ полнымъ правомъ можно считать аристократомъ и создателемъ не демократической свободы, а единоличнаго деспотизма. Эта истина остается тайной только для тѣхъ, кто политическія разсужденія читаетъ все равно какъ романы и поэмы, останавливаясь на самыхъ эффектныхъ и художественныхъ частностяхъ и привязывая къ нимъ свое общее впечатлѣніе. У Руссо, дѣйствительно, безпрестанно повторяется слово *народъ*, весьма часто восхваляются его духовныя совершенства, и въ результатѣ тотъ же народъ является государемъ и правителемъ, безусловно неограниченнымъ и самодержавнымъ.

Этого мало. Чтобы окончателно загнипотизировать своихъ романтически-настроенныхъ читателей, философъ украшаетъ народную власть совершенно идеальными свойствами. Она, эта власть—«всегда постоянна, неизмѣнна и чиста, вѣчно справедлива, независима отъ чьей бы то ни было личной воли».

Таковъ идеалъ великой теоріи,—переведите его на практическій и общечеловѣческій языки,—и вы, вмѣсто свободы и демократіи, получите вѣчто чудовищное, получите деспота со властью *философски* обоснованной и *этически* развитой, слѣдовательно,—законной и неотразимой.

И это превращеніе—не фокусъ, любопытный только въ отвлеченномъ разсужденіи, это самая могучая, богѣзенная традиція современной Франціи. И теперь въ печати и въ парламентѣ существуетъ чрезвычайно шумная и дѣятельная партія такъ называемой *плебисцитарной республики*. Въ теченіе послѣдняго времени партія развиваетъ въ высшей степени горячую дѣятельность. Митинги чередуются съ газетными статьями, направленными противъ современнаго парламентаризма—во имя «единственной истинно-народной республики»,—т. е. прежде всего во имя выбора президента прямой подачей голосовъ. Это одна программа *пересмотра конституціи*. Другая—родственная ей, хотя и заключаетъ

нѣкоторые противорѣчивые пункты: именно совершенное упраздненіе президентской власти и сената, учрежденіе одной палаты—облеченной законодательной и исполнительной властью, непрерывное функционированіе этого всемогущаго представительства, низведеніе министровъ до уровня простыхъ слугъ собранія, точнѣе его рабовъ, служителей на посылкахъ. Это также—истинно народная республика, и обѣ эти формы—законныя дѣйства политической мудрости Руссо, потому что обѣ онѣ должны осуществлять идею народнаго самодержавія.

Такъ именно убѣждены пламенный патриотъ Деруледъ, «непримиримый» Рошфоръ и самые громогласные представители французской національной чести и военной доблести. Деруледъ, мѣсяцъ тому назадъ, на многочисленномъ миттингѣ въ Парижѣ зывалъ: «Францію хотять погубить, ее надо спасать,—и истинный народъ (le vrai peuple) выполнить эту задачу». Послѣ рѣчи миттингъ, въ количествѣ пяти тысячъ парижскихъ патриотовъ, принялъ такую резолюцію: «республиканская партія, стремящаяся уничтожить самодержавіе парламента и возстановить сомодержавіе народа, принимаетъ наименованіе республиканской плебисцитарной партіи. Республиканская плебисцитарная партія считаетъ своимъ принципомъ—избраніе или переизбраніе президента непосредственно народомъ и для народа».

Эта резолюція увѣчалаъ, между прочимъ, возгласомъ: «да здравствуетъ національное самодержавіе!»

Понимали ли эти пять тысячъ патриотовъ смыслъ своихъ постановленій и возгласовъ? На слѣдующій день послѣ миттинга ихъ постарался вразумить извѣстный бонапартистскій депутатъ и журналистъ—Кассаньякъ. Онъ откровенно заявилъ, что плебисцитарная республика не что иное какъ военная диктатура или имперія. И это поученіе настолько же искренне, насколько и справедливо.

А между тѣмъ оказывается, спустя почти полтараста лѣтъ послѣ Руссо, все еще можно смѣшивать самодержавіе народа, т. е., по его толкованію, непосредственное участіе народа въ управленіи государствомъ,—съ республиканской свободой. И этому смѣшенію не предвидится конца: до такой степени оно укоренилось въ сознаніи французовъ со временъ великой революціи.

Разсчитывалъ ли самъ Руссо на такой результатъ своей идеи?

Философъ, увлеченный призракомъ самодержавнаго народа, узаконилъ неограниченное всемогущество государства, т. е. совершенно уничтожилъ личную свободу, вообще право личности. Государство, воплощающее самодержавный народъ, по мнѣнію Руссо, всегда непогрѣшимо и не нуждается ни въ какихъ гарантіяхъ относительно своихъ подданныхъ, потому что его дѣйствія всегда законны.

Но дальше слѣдуетъ вопросъ, какъ же эти дѣйствія возможны, если государство состоитъ изъ многомилліоннаго народа?

У Руссо имѣется вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: правительство должно быть тѣмъ сконцентрированнымъ, тѣмъ обширнѣе государство. Правительство, разумѣется, создается самодержавнымъ народомъ и имъ же можетъ быть уничтожено,—но вѣдь и то, и другое легко только на словахъ, особенное устраненіе разъ созданной власти. Оно невозбранно воспринимаетъ на себя самодержавіе

своего неувеличиваемаго творца и повелителя, т.-е. просто представляеть всемогущій народъ.

Такъ это и совершалось во Франціи неоднократно, могло бы совершиться и въ наши дни, если бы партія плебисцитарной республики добилаь осуществленія своей программы.

Самодержавный французскій народъ безпрестанно воплощался то въ комитетѣ общественнаго спасенія, то въ какомъ-нибудь революціонномъ временномъ правительствѣ, то просто въ якобинскомъ клубѣ, то, наконецъ, въ лицѣ диктатора гражданскаго вѣдомства, вродѣ Робеспьера, или диктатора—генерала. Городъ Парижъ, т. е. городская дума, всегда была на пути къ самодержавію на основаніи политики Руссо. Въ революціи сорокъ восьмого года Парижъ объявлялъ себя «представителемъ всего населенія Франціи», и грозилъ защищать его интересы въ случаѣ, если «разрозненныя массы народа поддадутся обману». Истину и ложь, конечно, оцѣнивали тѣ же лица, говорившія именемъ Парижа и всей націи. Другой вопросъ, насколько была вѣрна эта оцѣнка,—для насъ важно видѣть, какъ легко на практикѣ самодержавный народъ сокращается до небольшой кучки энергическихъ политиковъ.

Припомните теперь полномочія, какими облакаетъ Руссо своего государя,—и вы получите до послѣдней черты политическіе принципы якобинцевъ и вполнѣдствіи Бонапарта. «Нація все въ правѣ дѣлать у себя въ странѣ; то, чего желаетъ большинство,—справедливо, меньшинство всегда виновато, даже если бы нравственно оно и было право».

Какихъ насилій нельзя оправдать подобной формулой? И замѣчательно, что именно идеями Руссо очень часто французскіе государственные люди пытались оправдать мѣры явнаго произвола. Всякій разъ, когда рѣчь шла о какомъ-нибудь новомъ исключительномъ законѣ, народные министры слѣшили сослаться на общепризнаннаго законодателя революціи. Руссо допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ диктатуру даже единоличную, какъ это было въ древнемъ Римѣ для того, чтобы сконцентрировать силы государства противъ опасности.

Легко представить, какъ легко пользоваться подобнымъ принципомъ ловкимъ политикамъ въ нужныхъ обстоятельствахъ и легко именно потому, что можно прикрыться великимъ радикальнымъ авторитетомъ.

И Руссо несомнѣнно радикаленъ. Никто изъ его современниковъ не отличался такой смѣлостью отвлеченныхъ построеній, такой неустрашимостью выводовъ, такой отвагой натиска не только на извѣстныя формы общегитія, а даже на самую человѣческую природу. И вотъ эта именно стремительность Руссо смотрѣть на человѣческую личность, какъ на математическую единицу, т.-е. полное отсутствіе психологіи, отнимаетъ у него всякое право считаться политикомъ.

II.

Какъ политическій мыслитель Руссо не понималъ ни личности, ни толпы, точнѣе—не желалъ даже и мыслить о нихъ, какъ о живыхъ и историческихъ явленіяхъ. Задача, при такихъ усло-

віяхъ, упрощалась до послѣдней степени, но рѣшеніе получалось воплѣтъ противоестественное. При общей политической незрѣлости французской націи во время первой революціи—Руссо былъ самымъ подходящимъ учителемъ по простотѣ и ясности своей политики. Но и позже эта нація не успѣла накопить достаточно государственнаго ума и опытности, чтобы порвать съ злополучными завѣтами.

Въ первой четверти нашего столѣтія одинъ изъ самыхъ блестящихъ парламентскихъ ораторовъ и журналистовъ Франціи, Бенжамэнъ Констанъ, горько укорялъ своихъ соотечественниковъ въ неизлѣчимой близорукости относительно политическаго идеализма Руссо. «Всякій разъ, говорилъ Констанъ, когда желаютъ провести законъ противъ свободы, опираются на авторитетъ Руссо. Я заявляю, что Руссо, высказавшій не мало свободныхъ идей, являлся въ то же время руководителемъ тѣхъ, кто желалъ установить деспотизмъ... Не слѣдуетъ довѣряться мнѣніямъ пылкаго, но непросвѣщеннаго друга свободы, жившаго въ эпоху, когда еще не существовало истинной свободы. Не слѣдуетъ его считать образцомъ для тѣхъ людей, которые приобрѣли право судить о свободѣ цѣной тридцатилѣтнихъ тяжелыхъ испытаній».

Но этого мало. Констанъ не сказалъ самаго главнаго. Понятія Руссо о свободѣ были воспитаны швейцарской средой, т. е. женевскими республиканскими законами и преданіями. Философъ все время думалъ о своей Женевѣ, составляя свой *Общественный договоръ*, т. е. по образцу небольшого скромнаго города мечталъ построить идеальное государство. Руссо питалъ восторженное чувство къ провинціальнымъ порядкамъ и всему строю жизни швейцарской протестантской общины. Во имя этихъ порядковъ онъ, напримѣръ, страстно нападалъ на тлетворное вліяніе театра и драматической литературы. Ради патріархальныхъ нравовъ сектантскаго захолустья онъ готовъ былъ произнести смертный приговоръ всякому новому культурному движенію и виновниковъ этого движенія осудить, какъ враговъ первобытной простоты и нравственности. Пока такая проповѣдь не выходила изъ предѣловъ личной морали, она имѣла извѣстный положительный смыслъ для парижскаго общества восемнадцатаго вѣка, но женевская политика, рассчитанная на городское самоуправленіе, менѣе всего могла служить основой какому бы то ни было государственному строю. А ею то именно и вдохновился философъ, пользуясь еще притомъ наиболѣе древними постановленіями, приближая свое идеальное государство къ швейцарскому быту XIV и XV-го вѣковъ.

Легко представить, какіе практическіе результаты могли получиться послѣ подобнаго—гораздо болѣе романтическаго, чѣмъ философскаго упражненія ума! Если бы Франція мгновенно могла распасться на сотни самостоятельныхъ республикъ, покоящихся безслѣдно съ своей исконной національной централизаціей, тогда каждая республика, можетъ быть, кое чѣмъ и воспользовалась бы изъ предписаній Руссо, воспроизвела бы на французской почвѣ нѣчто похожее на швейцарскій кантонъ или женевскую городскую общину. Но пока милліоны французовъ, населявшіе страну, могли представить только одно нераздѣльное правительство—въ столицѣ, до тѣхъ поръ идеи Руссо могли быть осуществимы только

или комитетомъ общественной безопасности, или диктаторомъ, что по существу одно и то же.

Мы видимъ, на какомъ элементарномъ, истинно-школьническомъ недоразумѣніи выросло сооруженіе Руссо. Онъ вообразилъ только, что человѣческая личность всюду тождественна, что вѣка исторической жизни, вѣка естественныхъ и культурныхъ вліяній—ничто передъ всемогущимъ словомъ законодателя, что женевскую хартію XIV-го вѣка можно приспособить къ какому угодно народу и времени. Политика путемъ одной лишь математики, безъ всякаго вмѣшательства психологіи: такова тайна простоты, стройности и поразительной популярности идей Руссо. Все это—на сколько вопросъ касается личности.

Едва ли не гибельнѣе заблужденія философа касательно толпы, массы,—силы, еще богѣе существенной въ государственной жизни, чѣмъ личность. Здѣсь Руссо до конца не могъ выбиться изъ противорѣчій. Съ одной стороны, какъ прирожденный врагъ всего привилегированнаго, какъ авторъ идеи народнаго самодержавія, онъ долженъ видѣть въ народѣ идеалъ политическихъ добродѣтелей. И дѣйствительно, позднѣйшіе пламенные демократы у Руссо могли въ изобилии черпать самыя смѣлыя словословія въ честь народа. Онъ—неподкупенъ, неизмѣнно справедливъ, недоступенъ никакой нравственной порчѣ.

Женевскій гражданинъ именно на этихъ данныхъ основывалъ свое представленіе о недѣлимой и непогрѣшимой народной волѣ. Это—одно понятіе нашего политика о народѣ. Другое—совершенно обратное,—и здѣсь сказывается исконная черта всѣхъ романтическихъ мечтателей—наклонность къ аристократическому героизму.

Въ томъ же *Общественномъ договорѣ*, гдѣ народная воля возводится въ религиозный догматъ, нарисованъ величественный демоническій образъ законодателя, сверхъестественной силой увлекающаго гражданъ будущаго государства. Это отнюдь не демократическая идея, это больше, чѣмъ плебисцитарный диктаторъ, это—папа, облеченный двумя властями.

Идея у Руссо—не случайная. Она вызвана прирожденными аристократическими наклонностями философа. На его языкѣ, помимо громкозвучащаго слова *народъ*, *le peuple*—имѣются мѣтѣ почтенныя выраженія—*толпа* и даже *чернь*—*la multitude*, *la populace*. Эти выраженія якобинцы несомнѣнно признали бы аристократическими и автора ихъ *подозрительнымъ*, т. е. достойнымъ гильотины. И Руссо представилъ бы не мало весьма краснорѣчивыхъ данныхъ въ этомъ направленіи. Что сказалъ бы Робеспьеръ, когда его учитель сталъ бы объяснять, что «взбунтовавшаяся чернь» въ порывѣ ослѣпленія можетъ казнить невиннаго, что народъ, впавшій въ анархію, можетъ подчиниться *соблазнителю* и до послѣдней степени «отягчить свои цѣпи»? Развѣ не пришлось бы Робеспьеру въ этой черни узнать уличныя шайки Парижа, а въ соблазнителѣ самого себя?

И все-таки Робеспьеръ искренно убѣжденъ, что осуществляетъ предписанія автора *Общественнаго договора*, казня аристократовъ и безбожниковъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что самъ Руссо почувствовалъ бы невыразимое отвращеніе предъ подобной практикой своего ученія,—и все-таки онъ высказалъ принципы, какими могъ воспользоваться деспотъ и террористъ.

Такъ жалка бываетъ участь человѣческой воли и такъ немощна человѣческая мысль даже не въ порывѣ временнаго увлеченія, а десятилѣтїями, почти вѣками, пока многочисленныя тяжелые опыты не излѣчатъ загнипнотизированнаго ума цѣлыхъ поколѣній! Много лѣтъ назадъ Прудонъ произнесъ, казалось бы, смертный приговоръ надъ трактатомъ Руссо. Никто строгаго судью не заподозритъ въ реакціонныхъ недоразумѣнїяхъ или въ непониманїи предмета, но многіе ли даже поклонники прудоновскаго ума и политическаго направленія осмѣлятся раздѣлить слѣдующій взглядъ на государственную мудрость Руссо?

«Къ стыду XVIII вѣка,—говоритъ Прудонъ,—*Общественный договоръ* Руссо—образцовое произведеніе ораторскаго жонглёрства, вызывавъ восторгъ, превозносился до небесъ, считался уложеніемъ общественныхъ вольностей. Члены учредительнаго собранія, жирондисты, якобинцы, кордельеры считали его оракуломъ, и даже въ настоящее время этой книгой вдохновляются самыя усердныя преобразователи политической и соціальной науки. Но всякое заблужденіе общественной совѣсти влечетъ за собой кару. Слова Руссо стѣбли Франціи больше золота, больше крови, больше позора, чѣмъ возмутительное царствованіе придворныхъ Людовика XV. Наше отечество, всегда терпѣвшее отъ иноземныхъ влїяній, обязано Руссо кровавыми междоусобицами и разочарованїями 1793 года».

Это очень рѣзко. Не надо забывать, что фантастическое упражненіе Руссо не возымѣло бы ни малѣйшаго жизненнаго влїянія, если бы Людовики не оставили концу восемнадцатаго вѣка общества и націи, совершенно безпомощныхъ въ рѣшенїи насущныхъ политическихъ вопросовъ, съ полнымъ отсутствїемъ политическаго опыта и, слѣдовательно, доступныхъ очарованію какой угодно теорїи. Но это соображеніе только объясняетъ фактъ и нисколько, разумѣется, не оправдываетъ Руссо: судъ Прудона по существу справедливъ.

Но этого мало,—онъ настоятельно необходимъ даже въ наши дни, и французскій ученый понялъ именно современное значеніе своей темы. Намъ, иностранцамъ, трудно представить, до какой степени французы—эти прославленные революціонеры и нововводители—крѣпко держатся старыхъ національныхъ теоретическихъ формулъ. Примѣровъ можно набрать сколько угодно во всякій болѣе или менѣе горячїй моментъ политической борьбы, хотя бы, напримѣръ, въ самый послѣдній.

Въ то время, какъ «націоналисты» будто безсознательно кричать о плебисцитарной республикѣ и снова выдвигаютъ на сцену идею самодержавїя народа *противъ* самодержавїя парламента,—въ это самое время газеты безпрестанно печатаютъ пароли и лозунги борьбы, именуя ихъ *mots de combat*. Что же это за *военные кличи*? Ничто иное, какъ выдержки изъ сочиненїй Руссо и Монтескьѣ.

Вотъ, напримѣръ, изреченіе изъ *Духа законовъ*, въ высшей степени краснорѣчивое, когда вопросъ идетъ о борьбѣ арміи съ гражданскимъ строемъ государства. «Когда арміей управляетъ законодательный корпусъ и частныя обстоятельства мѣшаютъ правительству сдѣлаться военнымъ, необходимо одно изъ двухъ: или, чтобы армія уничтожила правительство, или, чтобы правительство ослабило армію».

А вотъ другая истина, высказанная Руссо:

«Нѣкоторые считаютъ себя невинными только потому, что сумѣли схоронить концы».

И такъ безъ конца. Современная печать ведетъ партійную борьбу аксіомами изъ трактатовъ XVIII вѣка, все равно какъ министръ реставраціи старался исключительный законъ провести съ помощью авторитета Руссо. Въ высшей степени любопытная черта! Слова Константа прозвучали въ пустынѣ, гнѣвъ Прудона вспыхнулъ и погасъ безъ отвѣта, даже уроки истории прошли безсѣдно, такъ прочны теоретическіе авторитеты тамъ, гдѣ, повидимому, съ такой легкостью мѣняются правительства.

Кассаньякъ, откровенный бонапартистъ, говоритъ Деруледу: вы смѣшны въ своей наивности, добиваясь затѣмы одной республики другою при помощи военной силы, т. е. генерала. Но вѣдь реакціи никогда не происходятъ вполонину. И какой же глупый генералъ очиститъ Елисейскій дворецъ отъ президента и Бурбонскій отъ депутатовъ только затѣмъ, чтобы дать мѣсто другимъ хозяевамъ? Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ самолично позаботится занять хозяйское мѣсто и не станетъ справляться, что патріоты совсѣмъ другое понимали подъ именемъ плебисцитарной республики.

Даже бонапартистъ оказывается мудрымъ политикомъ! Но несравненно болѣе авторитетные голоса не сумѣли выгнать французскихъ политиковъ отъ вѣкового недуга. Профессоръ Бри явно направлялъ свою рѣчь противъ этого именно недуга. Какъ почти всѣ ученые и вообще *intellectuels* современной Франціи, онъ противникъ демократіи, и умѣетъ ловко пользоваться своимъ чувствомъ и своими обширными свѣдѣніями въ старыхъ и новыхъ политическихъ теоріяхъ. Въ одномъ мѣстѣ доклада онъ дѣлаетъ эффектное сопоставленіе статьи новѣйшей демократической газеты съ выраженіями Руссо въ *Общественномъ договорѣ*: идеи оказываются тождественныя и одинаково вѣстныя для демократическаго принципа.

Газета писала слѣдующее съ поразительной откровенностью мысли и рѣзкостью тона: «количество—высшій законъ демократіи, законъ неумолимый, законъ страшный, иногда роковой, но законъ основной, котораго невозможно поколебать. Законъ-количество можетъ имѣть иногда послѣдствія неразумныя и удручающія. Масса склонна увлекаться, отдаваться необдуманнѣмъ дѣйствіямъ. Она, подобно безумному или ребенку, можетъ рвануть себя собственными руками, она можетъ даже попасть въ пропасть, которую сама же вырыла. Но чтѣ дѣлать? Количество—все: оно—нашъ судья, нашъ принципъ, нашъ законъ. Оно всегда право. Нѣтъ власти противъ него. Оно нашъ всеобщій богъ, богъ вѣчно справедливый, вѣчно совершенный. Во многихъ случаяхъ это становится нелѣпостью, но въ этой нелѣпости—наша сила».

Мы знаемъ, Руссо также иногда высказывалъ отчаянныя сужденія о толпѣ, обвинялъ ее въ слѣпотѣ; однажды даже рѣшился высказать, будто толпа рѣдко понимаетъ, чтѣ такое благо.

И все это не помѣшало Руссо провозгласить ту же массу верховнымъ государемъ, также всегда справедливымъ и законнымъ. Спустя больше чѣмъ столѣтіе идея осталась такой же свѣжей и вошла въ завѣты національной французской политики.

Теперь спросите у всякаго, кто лишень способности доходить до такихъ логическихъ геркулесовыхъ столбовъ, захочетъ ли онъ быть подданнымъ подобной демократіи? Она— по необходимости и весьма часто—*нелпа* и въ то же время по существу права и по власти всемогуща... Возможно ли помирить всѣ эти истины, одинаково непогрѣшимыя для послѣдователей Руссо? Мыслимо ли допустить, чтобы *количество* всегда составляло силу и представляло право? Нѣтъ нужды и основаній защищать *качество* столь же случайное, какимъ случайно бываетъ количество. Но значить ли это, что единственный выходъ—всякое качество приносить въ жертву количеству? И развѣ это дѣйствительно политическій принципъ и соотвѣтствуетъ демократическому идеалу?

Отвудь нѣтъ. Толпу нельзя отождествлять съ народомъ, какой угодно многочисленный миттивгъ съ націей. Это было возможно въ какой-нибудь древней республикѣ, гдѣ городская площадь дѣйствительно могла вмѣстить весь правоспособный народъ; въ новомъ государствѣ всякое количество въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ будетъ выражать только *свои* настроенія, и они могутъ совершенно не соотвѣтствовать національнымъ, самое большее—они будутъ выражать образъ мыслей извѣстной округи, можетъ быть, одного какого-либо сословія даннаго города или мѣстности, вообще, это будутъ рѣшенія *частныя*, слѣдовательно, не государственныя и не политическія. При такихъ условіяхъ демократія никогда не осуществитъ своего культурнаго назначенія и создастъ общественный строй даже менѣе удовлетворительный и справедливый, чѣмъ при другихъ формахъ правленія. Воля націи разобьется на множество отдѣльныхъ, даже противоположныхъ, постановленій многочисленныхъ организованныхъ или неорганизованныхъ массъ, и государство впадетъ въ анархію, если не явится сильная, по необходимости, деспотическая рука, способная плебисцитомъ подмѣнить мнимую самодержавную волю народа.

Но именно плебесдитъ меньше всего народная воля. Здѣсь рѣшеніе опредѣлено заранѣе и оно *внушается* народу свыше и извнѣ, вопросъ идетъ только о *количествѣ* голосовъ, даже не принявшихъ внушенія, а лишь присутствовавшихъ при провозглашеніи высшей воли. И вотъ такая-то демократія до сихъ поръ считается идеальной государственной формою у наследниковъ восемьдесятъ девятого года!

Въ дѣйствительности политическое значеніе демократіи должно быть совершенно другое, не имѣть ничего общаго съ *олократіей*, т. е. съ властью толпы и преобладаніемъ количества. Истинная демократія и есть въ сущности господство аристократіи т. е. избранныхъ умовъ и талантовъ. Политическій смыслъ ея заключается какъ разъ въ торжествѣ *качества*, такъ какъ она признаетъ преимущества только за неоспоримыми личными достоинствами. Не будь этой основы демократическаго строя, онъ не заслуживалъ бы такой упорной вѣковой борьбы, какую выдержала по пути къ нему западная Европа. И представить, что результатъ этой борьбы нелѣпое, слѣбое самовластіе арифметическаго числа, преобладаніе сборища невѣжественныхъ, случайныхъ политиковъ надъ идеями какого угодно мудреца или отборнѣйшаго меньшинства по разуму и опыту! Это и будетъ чистѣйшій

деспотизмъ, потому что деспотическая власть является какъ разъ представительницей стаднаго количества, основывается на «увлеченной и неосмысленно дѣйствующей массѣ».

Самыя простыя справки съ историческими фактами могутъ съ полною ясностью подтвердить эти истины. Но онѣ не существуютъ для французскихъ демократовъ, воспитавшихся на *Общественномъ догворѣ*, и трудно вообразить болѣе опаснаго врага для политическаго прогресса, чѣмъ подобные слѣпорожденные друзья «народнаго самодержавія».

Демократія по самой своей сущности подлежитъ необходимому неограниченному культурному развитію. Въ настоящее время еще ни одно европейское государство не обладаетъ дѣйствительно политической демократіей и не будетъ обладать ею до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не останется ни одного гражданина, не освѣдомленнаго одинаково основательно въ общихъ и частныхъ вопросахъ отечественной политики и неспособнаго, слѣдовательно, дѣйствовать безотчетно, въ качествѣ простой математической единицы.

Легко представить, какъ отдаленно и трудно достижима эпоха такого всенароднаго политическаго развитія. Но она рано или поздно должна настать, и первымъ шагомъ къ ней было открытіе свободныхъ путей образованія и общественной дѣятельности для всѣхъ силъ и талантовъ, безъ различія происхожденія и состоянія.

Французскіе демократы не знаютъ и даже не могутъ представить этой перспективы. Для нихъ демократическая политика осуществляется въ самомъ фактѣ всеобщей подачи голосовъ, въ приравненіи всѣхъ гражданъ, какъ избирателей и какъ законодателей, къ одному уровню гражданина, удовлетворяющаго извѣстнымъ юридическимъ условіямъ для права голосованія. Здѣсь, дѣйствительно, все дѣло въ количествѣ, и многочисленныя проявленія современнаго демократическаго строя во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ характеризуютъ именно эту безусловно отрицательную основу политики. Она—не безусловная принадлежность вообще демократіи, она только спутникъ ея несовершеннаго, незаконченнаго политическаго и культурнаго развитія, и съ теченіемъ времени негѣпныя увлеченія массы, склонность народа, подобно ребенку, наносить себѣ раны собственными руками, должны исчезнуть, и въ болѣе развитой демократіи, на примѣръ, англійской, эти явленія гораздо рѣже, чѣмъ на континентѣ.

Во Франціи напротивъ, готовы навсегда узаконить негѣпность и безуміе, навсегда помириться со всемогуществомъ количества, считая его *богомъ и силой*. И таково мнѣніе не одного какого-либо запальчиваго радикальнаго листка: въ этихъ идеяхъ воспитанъ французскій республиканскій политикъ, и естественно его демократія пугаетъ людей болѣе разсудительныхъ и свѣдущихъ и, пожалуй, иногда можетъ невольно подсказать мысль о «новомъ варварствѣ»—мысль, столь художественно развитую Ренаномъ. Другого вывода невозможно сдѣлать изъ выше приведенныхъ разсужденій демократической газеты. Власть количества какъ такового, безотносительно къ качеству единицъ, несомнѣнно власть страшная, некультурная и, слѣдовательно, враждебная или, по крайней мѣрѣ, равнодушная къ культурѣ.

Очевидно, понятія о демократіи должны быть измѣнены въ корнѣ и совершенно оторваны отъ вѣковой теоретической почвы, созданной политическими разсужденіями Руссо. Мы видѣли—у самого философа мелькали искры истины, въ тѣ минуты, когда онъ совершенно безнадежно судилъ о толпѣ, даже болѣе жестоко, чѣмъ она заслуживаетъ. Но эти сужденіе у женеваго гражданина были скорѣе плодомъ его нравственнаго пессимистическаго настроенія, чѣмъ политической вдумчивости. Иначе онъ позаботился бы провести мрачныя изліянія въ согласіе съ своими принципами и внесъ бы поправку въ свое историческое изображеніе народа, какъ государя. Для этого надлежало быть только психологомъ и немного историкомъ. Но Руссо энергично отвергалъ самую идею прогресса, слѣдовательно, не могъ мыслить исторически, а отсутствие психологіи въ его политикѣ являлось именно національной французской чертой, какъ бы Прудонъ ни изобличалъ Руссо въ иностранномъ происхожденіи.

Мы вышли изъ рамокъ доклада профессора Бри, но вопросъ, затронутый ученымъ, слишкомъ жизненный и объемлющій, современная французская практика слишкомъ тѣсно связана съ нимъ, и это должно оправдать наше отступленіе.

Непосредственно послѣ доклада о Руссо,—началось продолжительное и въ высшей степени оживленное обсужденіе еще болѣе сложнаго вопроса *Объ отношеніяхъ психологии и соціологии.*

III.

Первымъ ораторомъ выступилъ Тардъ, членъ Парижскаго соціологическаго общества, имя, довольно извѣстное у насъ, — но, какъ весьма многія заграничныя знаменитости, стяжавшее въ нашемъ отечествѣ совершенно незаслуженную славу. Такова ужъ участь русскаго интеллигента, и особенно *пишущаго*, выбивающагося изъ силъ вкусить самаго свѣжаго и легкаго европейскаго просвѣщенія! Самостоятельная умственная провѣрочная и критическая работа—задача слишкомъ тяжелая, и при извѣстной публикѣ даже неблагоприятная; гораздо проще нажать себѣ научный капиталъ по газетнымъ рецензіямъ и журнальнымъ статейкамъ и переводамъ, и ужъ потомъ—съ неотразимымъ авторитетомъ—выкрикивать славу того или другого интереснаго незнакомца и съ беззавѣтной отвагой и самодовольствіемъ дикаря, выучившагося «образованнымъ» словамъ, защищать его честь—все на основаніи тѣхъ же источниковъ изъ библиографическихъ замѣтокъ, разныхъ разностей, «серьезныхъ» приложений далеко не всегда грамотныхъ переводовъ.

Такимъ путемъ и Тардъ попалъ у насъ въ большія фигуры. На конгрессѣ эта фигура оказалась довольно жалкой,—и вполне справедливо.

Удивительный соціологъ въ концѣ XIX-го вѣка выступилъ съ ученой новостью, опровергнутой по крайней мѣрѣ семьдесятъ лѣтъ назадъ. Къ сожалѣнію, противники Тарда не вспомнили столь давняго происхожденія своихъ возраженій,—впечатлѣніе получилось бы еще болѣе внушительное.

Тардъ чрезвычайно горячо вздумалъ доказывать, что никакой такъ называемой *коллективной психологии* и *соціального со-*

знанія, какъ явленій отличныхъ отъ индивидуальной психологіи— не существуетъ, что только индивидуальное сознание—*реально*, а другое я, я толпы и массы—«химера». Соціологія, по этому толкованію—ничто иное какъ наука о личной психологіи въ ея видоизмѣненіяхъ и проявленіяхъ при взаимномъ столкновеніи личностей: «соціологія,—объявлялъ Тардъ,—психологія личностей увеличенная, и преобразованная и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ реализованная», такъ какъ индивидуальное я, вступающая въ отношенія другими такими же я,—проявляетъ черты, находившіяся раньше въ скрытомъ состояніи. И Тардъ усиливался провести параллель между всѣми соціальными фактами и явленіями личнаго нравственнаго міра. Получается рядъ совершенно произвольныхъ аналогій, напоминающихъ софистическіе приемы доказательства средневѣковыхъ схоластиковъ,—напримѣръ, обычай—аналогичны инстинктамъ, революція—извѣстнаго рода разстройству нервныхъ центровъ, отсутствіе патриотизма—недугу, имеющему «абуліей», болѣзненнымъ безволіемъ. Въ результатѣ—соціологія—психологія, *распространенная* только въ томъ смыслѣ, что она изучаетъ идеи и чувства не одной личности, а многихъ,—предметы же и методъ изученія тождественны.

Аналогіи Тарда, какъ и большинство аналогій, рѣшительно ничего не объяснили и не доказали, наоборотъ, соціологу представили слѣдующія неопровержимыя соображенія. Всѣ онѣ были направлены на выясненіе одной и той же истины: рядомъ съ чѣсто психологическими явленіями существуютъ соціологическія, явленія *другого* порядка и требующія особаго метода для своего изученія, т. е. существуетъ соціологія, не какъ видоизмѣненная психологія, а какъ наука вполне самостоятельная и оригинальная.

Это очевидно изъ самаго простаго разсужденія.

Представимъ человѣка, одареннаго всѣми способностями и свойствами, подлежащими изученію психолога,—какимъ путемъ этотъ человѣкъ образовалъ бы общество вмѣстѣ съ другими, какъ изъ атомовъ возникъ бы организмъ? При единственномъ условіи,—если каждый атомъ обладаетъ особыми *соціальными* способностями, когда психологическая личность въ то же время и соціологическая. Вотъ эти-то способности и ихъ развитіе и подлежатъ изученію соціолога.

На первый взглядъ это разграниченіе кажется несущественнымъ, а между тѣмъ грубѣйшія заблужденія политической мысли основаны именно на смѣшеніи индивидуальной психологіи съ соціологіей. Это также вполне очевидно.

Представьте: личность лишена соціальныхъ инстинктовъ, она только индивидуальна и по природѣ не социальна; чтобы объяснить возникновеніе общества,—остается прибѣгнуть къ теоріи договора, иначе переходъ отъ атомнаго состоянія къ органическому—непонятенъ.

И дѣйствительно, всѣ сторонники общественнаго договора—крайне индивидуалисты, т. е. имъ невѣдома *соціологическая часть* человѣческой природы. Таковъ именно Руссо!

Мы можемъ теперь оцѣнить, на какомъ уровнѣ стоитъ соціологія, отождествляемая съ психологіей личности, и какая тѣсная связь между политической незрѣлостью и соціологическимъ старовѣріемъ?

Тардъ отрицалъ существованіе особой коллективной психологіи, «тайнаственного я, отличнаго отъ индивидуальнаго».

На это отрипаніе отвѣтили еще сенъ-симонисты и не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ новѣйшіе оппоненты Тарда. Основателямъ социологіи приходилось бороться съ очень давними философами, именно съ людьми XVIII вѣка. Уже въ началѣ нашего столѣтія велась жаркая полемика на ту самую тему, какую разбиралъ послѣдній събѣдъ французскихъ ученыхъ. Фактъ, достойный стоить рядомъ съ политикой плебиспитарныхъ республиканцевъ!

Сенъ-симонистскій журналъ *Производитель* помѣстилъ рядъ статей, объяснявшихъ предметъ и цѣли новой науки—социологіи. Прежде всего пришлось выдѣлить ее изъ круга другихъ наукъ и установить ея точку опоры. Это легко было сдѣлать, доказавъ, что рядомъ съ индивидуальнымъ человѣкомъ существуетъ социальный—*l'homme social*. У него своя психологія, свои нравственныя задачи, свои цѣли жизни. Это ясно изъ слѣдующаго наблюденія: инстинкты и способности у всѣхъ людей по существу одинаковы, хотя могутъ быть и различны по силѣ и количеству, но социальныя организации въ высшей степени разнообразны. Очевидно, общество не является только выраженіемъ индивидуальныхъ психическихъ задатковъ, его развитіе подчинено другимъ законамъ и никакія комбинаціи чисто индивидуальныхъ страстей, инстинктовъ и идей не объясняютъ разнovidностей политическаго строя.

Надо, слѣдовательно, предположить, что не только личности воздѣйствуютъ другъ на друга, но и *организованное цѣлое* оказываетъ могущественное вліяніе на отдѣльныхъ членовъ этого цѣлаго въ высшей степени разнообразное, въ зависимости отъ мѣстностей и эпохъ. При такихъ условіяхъ изученіе психологіи личности можетъ представить только самыя общія и совершенно недостаточныя данныя для опредѣленія основъ социальной организаціи. Только путемъ прямого и непосредственнаго изученія самаго общества, какъ цѣлаго, можно выяснить политику и нравственность данной среды, понять стадіи ея развитія и установить его цѣли.

Вообще эти цѣли не совпадаютъ съ индивидуальными, такъ же, какъ социальная психологія не совпадаетъ съ личной. Личность, взятая сама по себѣ, стремится къ самоудовлетворенію, и исключительно съ личной точки зрѣнія социальный прогрессъ долженъ бы заключаться въ накопленіи только личнаго счастья. Въ дѣйствительности, это не единственная цѣль общества и государства. Если социальное состояніе въ извѣстныхъ отношеніяхъ есть состояніе постоянного самоудовлетворенія личностей, оно въ то же время и столь же необходимо—состояніе непрестанныхъ личныхъ жертвъ *).

Естественно, сенъ-симонисты горячо возставали противъ склонности многихъ историковъ изучать историческаго человѣка «въ замкнутой сферѣ индивидуальности», опредѣлить на основаніи одной личной психологіи его обязанности и права,—будто онъ долженъ жить и дѣйствовать на уединенной скалѣ,—и родоначальники социологіи обращали такую рѣчь къ психологамъ-политикамъ:

*) Le Producteur. 1826, t. II, p. 358, 158, t. III, 132—3.

«Психологи, остерегайтесь у индивидуальной совѣсти искать принциповъ поведенія вмѣсто того, чтобы изслѣдовать совѣсть человѣческаго рода въ различныхъ фазахъ его прогрессивнаго развитія, иначе у васъ получится мораль отвлеченная и неполная. Въ ней не будутъ приняты въ расчетъ различныя необходимости, создаваемые временемъ и средой, и потому такая мораль не сумѣетъ охватить важнѣйшей основы человѣческаго существованія,—отношеній человѣка къ обществу, безпрестанно видоизмѣняющихся подъ вліяніемъ цивилизаціи *)».

Буквально то же самое говорили социологи на конгрессѣ. Они только пользовались нѣкоторыми терминами, еще неупотребительными у ихъ первоучителей. Такъ вмѣсто *соціальной морали* они говорили *положительное право* и доказывали, что личная мораль основывается на психологіи, а положительное право—на социологіи, и они не совпадаютъ другъ съ другомъ, потому что у нихъ цѣли различны. Личная нравственность стремится къ совершенствованію индивидуальностей, положительное право—къ развитію соціальныхъ фактовъ, къ совершенствованію функций общественныхъ, органами которыхъ являются—церковь, государство, семья. Принципы личной нравственности можно признавать абсолютными, принципы положительнаго права всегда относительны—въ зависимости отъ соціальныхъ и культурныхъ условій,—и Кантъ, напримѣръ, признавалъ, что право неизмѣнно стремится стать нравственностью, вѣчно оставаясь лишь на пути къ цѣли.

Изъ всего этого очевидно, что общество представляетъ особое психологическое цѣлое, съ собственными фактами и цѣлями развитія, представляетъ фактъ вполнѣ *реальный*, и въ противоположность утвержденіямъ Тарда,—*самостоятельный* рядомъ съ личнымъ нравственнымъ міромъ cadaго изъ своихъ членовъ. И *коллективная психологія*, сѣдовательно, не «химера», а положительное наглядное явленіе, требующее особаго и тщательнаго изученія.

До какой степени индивидуальная психологія и соціальная—предметы для ученая различныя, показываетъ простѣйшій фактъ. Для *психолога*—любопытнѣйшее и важнѣйшее явленіе нравственнаго міра—вопросъ о свободной волѣ, между тѣмъ какъ для социолога, для изслѣдователя коллективной психологіи высшій интересъ представляютъ акты *дисциплинированной* воли, дѣйствія, подчиненныя высшему соціальному принципу. Это въ жизни цѣлаго общества, въ наблюденіяхъ надъ толпой—то же самое: предъ социологомъ рядъ психологическихъ явленій, одушевленныхъ часто безотчетной страстностью, рядъ явленій, какія даже Руссо и его ученики должны признать невмѣяемыми съ точки зрѣнія личнаго здраваго смысла и личнаго чувства справедливости.

Отрицать коллективную, соціальную психологію, какъ самостоятельную отрасль науки о человѣческомъ духѣ, значитъ заранее признавать несуществующими важнѣйшія силы цивилизаціи и закрывать глаза на вопіющіе повседневыя факты, въ результатѣ—значитъ возвращаться къ наивной политической мысли прошлаго вѣка.

Тарду пришлось выслушать весьма неприятныя вещи по поводу своихъ самыхъ громкихъ открытій. Напримѣръ, извѣстно,

*) Ib. t. III, 330—1.

съ какимъ эффектомъ Тардъ провозгласилъ громадное социальное значеніе *подражательности*. Истина не была личнымъ открытіемъ Тарда. Его предупредилъ весьма давній и не особенно прогрессивный философъ—Малебраншъ. Выразился онъ очень просто, не помышляя ни о какихъ научныхъ принципахъ: въ нашемъ мозгу заключается естественная наклонность къ подражанію, потому что она необходима для общежитія. Чтобы люди вступили другъ съ другомъ въ какія-либо связи, необходимо, чтобы они походили другъ на друга физически и умственно.

Такъ просто рассуждалъ старый моралистъ. Новѣйшій социологъ фанатически схватился за общезвѣстный фактъ и создалъ изъ него «принципъ» въ высшей степени неудачно. Подражательностью Тардъ вздумалъ объяснить всѣ социальныя явленія. По его мнѣнію, всякое общество существуетъ только потому, что люди подражаютъ одинъ другому, *социальное тождество* съ понятіемъ *подражаемое*. Въ подражанія существуетъ только *изобрѣтеніе, преобразовательная инициатива*, и на этихъ основахъ, заключаетъ Тардъ, складывается социальная организація.

Чрезвычайно просто,—къ сожалѣнію, представляется немедленно еще болѣе простой вопросъ. Процессъ подражанія предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ: одно—кто подражаетъ, и другое—кому подражаютъ, т. е. предполагаетъ уже *заранѣе данное общество*. Чтобы человѣкъ могъ осуществить свою естественную наклонность къ подражанію, онъ долженъ уже находиться въ социальныхъ отношеніяхъ съ другимъ. Выходить, слѣдовательно, подражаніе, относительно социальной организаціи,—не предыдущее, а послѣдующее, не основа, а результатъ. Это совершенно ясно,—и лишній примѣръ, какъ мало примѣнимы въ области социологическихъ явленій ресурсы личной психологіи.

Противъ теоріи Тарда можно провести и еще одно не менѣе убѣдительное соображеніе.

Если въ социальной организаціи господствующая сила подражаніе,—откуда же получается такое разнообразіе социальныхъ силъ—церковь, государство, семья? Тардъ отвѣтитъ,—отъ разнообразія индивидуальныхъ психическихъ способностей. Но вѣдь психическая способность, соответствующая церкви—*вера*, государству—*воля*, семьѣ—*любовь*,—изъ нихъ отнюдь не вытекаютъ логически извѣстныя организованныя учрежденія. Для этого необходимо, чтобы *вера* была непремѣнно религіозной, *воля*—политической, *любовь*—родительской и половой. Но такія качества могутъ быть созданы только *общеніемъ*, социальными инстинктами, т. е. самимъ обществомъ. И здѣсь, слѣдовательно, *социальность* предшествуетъ извѣстнымъ психическимъ функціямъ, а вовсе не объясняется ими.

И это соображеніе доказываетъ необходимость особой психологической науки, располагающей болѣе сложнымъ матерьяломъ, чѣмъ азбучныя индивидуально-психологическія наблюденія Тарда.

Для психологіи открываются новыя и широкіе пути. Она должна оказать великія услуги политикѣ и праву. Разъ мы признаемъ реальность *социальнаго сознанія*, социальной души,—мы должны употребить всѣ усилія опыта и отвлеченной мысли—изучить эту душу. Это изученіе приведетъ насъ къ вопросамъ—о *психологіи толпы*, о *духѣ времени*, о *состояніи нравовъ*,—вообще къ

важѣйшимъ вопросамъ культуры и общественной нравственности. Оно покажетъ намъ, что помимо общечеловѣческихъ психологическихъ явленій,—существуютъ еще частныя—психологіи,—*національныя сословныя, временныя и мѣстныя*, т. е. существуетъ, напримеръ, психологія англичанина и рускаго, француза ХVІІ-го вѣка и француза конца нашего столѣтія. *Соціальная душа* имѣетъ такъ же свою исторію, какъ и индивидуальная,—и этой исторіей искони пользовались политики, моралисты и историки. Когда Ливій оплакивалъ простоту и благородство старинныхъ республиканскихъ нравовъ и сравнивалъ съ этими доблестями нравственный упадокъ своего времени.—онъ былъ въ это время соціальнымъ психологомъ. Былъ имъ и Тацитъ, укорявшій своихъ современниковъ добродѣтелями полудикихъ германцевъ.

Но у этихъ историковъ соціальная психологія служила только средствомъ для поучительной проповѣди,—а не для объясненія разнообразныхъ пережвѣнъ, происходящихъ съ теченіемъ вѣковъ въ соціальную душу народа. Наше время, провозгласившее соціологію наукой, должно навсегда устранить случайность и порывочность соціологическихъ наблюденій, возвести ихъ въ правильную научную систему, обставить всѣми данными, какія человѣческій умъ выработалъ до сихъ поръ для изученія фактовъ и осмысливанія ихъ общими выводами.

Такой путь приведетъ насъ къ самымъ плодотворнымъ результатамъ. Мы окончателно, *фактически и логически*, убѣдимся, что внезапности и произвольные перевороты такъ же немислимы въ соціальній душѣ, какъ и въ индивидуальной, что общество какъ и личность долго и часто безсознательно воспринимаетъ идеи, впечатлѣнія, настроенія, все это заключаетъ въ себѣ скрытую силу, и эта сила, рано или поздно, должна проявиться. Ничто не проходитъ безслѣдно—одинаково и въ общественной психикѣ и въ личной: это должно стать основой не только историческихъ выводовъ, но и нашей общественной дѣятельности.

Мы должны помнить, что всякое наше публичное слово и дѣйствіе увеличиваетъ собой нравственный капиталъ общества—положительный или отрицательный, входитъ въ этотъ капиталъ безъ вѣдома даннаго поколѣнія, становится сначала *соціальнымъ подсознаніемъ*—*la subconscience sociale*,—но настанетъ время,—оно непременно перейдетъ въ сознаніе и вызоветъ то, что мы называемъ преобразовательными или революціонными движеніями.

Французскіе соціологи, вѣрные своимъ жизненнымъ задачамъ, всѣ свои пренія направили на первостепенныя культурныя нужды современности. Они привели въ неразрывную связь соціологическое ученіе съ политическими идеями ихъ, изъ докладовъ выяснилось, съ какимъ трудомъ исчезаютъ самыя, повидимому, наглядныя предразсудки,—вродѣ теоріи общественнаго договора. Даже на съѣздѣ слышались голоса, правда очень слабыя, въ защиту взглядовъ Руссо на происхожденіе общества. Немного труда стоило выяснитъ истину, признанную за аксіому еще Аристотелемъ,—о прирожденныхъ соціальныхъ инстинктахъ человѣка,—и выставить на видъ бездоказательность договорной организаціи первобытнаго общества. Еще труднѣе оказалось отвоевать для соціологіи независимую область научнаго изслѣдованія, доказать, что *общество*—нѣчто совершенно отличное отъ *человѣка* и что кол-

деятельная психологія или социальное сознание имѣютъ право на самостоятельное мѣсто рядомъ съ индивидуальной психологіей.

Одинъ изъ докладчиковъ чрезвычайно искусно пояснилъ основной принципъ социологіи. Онъ результатъ социальной организациі сравнилъ съ химическимъ процессомъ. Химическую комбинацію можно назвать истиннымъ обществомъ различныхъ химическихъ атомовъ. Но эта комбинація не простой агломератъ, образовавшійся путемъ сочетанія элементовъ, сохранившихъ свою природу. Совершенно напротивъ. Произошло *преобразование*, даже больше—*пресуществованіе*—*transsubstantiation*. — и продуктъ комбинаціи, ассоціація атомовъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ элементы ее образовавшіе, нѣчто отъ нихъ совершенно отличное.

Таковы же отношенія и отдѣльныхъ личностей къ обществу.

Намъ неоднократно приходилось говорить о политическомъ и культурномъ значеніи коллективной психологіи — именно для нашего демократическаго времени. Психологія эта, въ полномъ смыслѣ,—наука будущаго, и она должна лечь въ основу будущихъ политическихъ системъ. Несомнѣнно, — каждая изъ нихъ менѣе всего будетъ походить на *общественный договоръ* Руссо и представить другой идеалъ демократической власти, не имѣющей ничего общаго съ обоготвореніемъ количества.

Въ ожиданіи такого будущаго, французскіе социологи, послѣ теоретическаго анализа социологіи, представили множество социологическихъ фактовъ и заключеній первостепенной важности. Здѣсь было уже откровенное царство публицистики и докладчики безпрестанно сбивались на тонъ парламентскихъ ораторовъ. И это зависѣло не столько отъ темперамента ученыхъ, сколько отъ простого красворѣчія цифръ и жизненныхъ явленій.

Главное вниманіе, какъ и естественно ожидать, было удѣлено едва ли не самому жгучему вопросу современнаго французскаго быта,—разложенію семьи, въ результатѣ—грозному пониженію цифры рожденій и недалекому обезлюденію страны.

IV.

Факты представлялись докладчиками безъ всякой внутренней связи: каждый говорилъ о предметѣ, имъ изученномъ. Но духъ времени, очевидно, мощно направилъ это изученіе на болязненный недугъ страны,—и въ общемъ получалась цѣльная и необыкновенно внушительная картина, обильно иллюстрированная цифрами и юридическими документами.

Напримѣръ, одинъ докладчикъ сдѣлалъ очень простую работу. Министерство юстиціи недавно опубликовало документы касательно бракоразводнаго закона 1884 года, и докладчикъ представилъ его результаты.

Съ перваго же года дѣйствія новаго закона до послѣдняго времени количество бракоразводныхъ процессовъ растетъ въ громадной пропорціи и въ еще сильнѣйшей—снисходительности судей. Въ послѣдніе годы 86% просьбъ получали удовлетвореніе. Но здѣсь, еще не вся бѣда; главное несчастье страны въ томъ, что разводы умножаются преимущественно среди рабочаго класса. За десять лѣтъ количество ихъ *утририлось!* И эта участь тя-

гоѣтъ исключительно надъ городскимъ пролетаріатомъ, а такъ какъ въ этой средѣ браки вообще становятся все рѣже и рѣже, въ будущемъ надо ожидать едва ли не полного исчезновенія законныхъ семей рабочаго класса. Онъ предпочитаетъ свободные союзы,—и они до такой степени уже успѣли войти въ нравы, что многія кооперативныя общества и учрежденія взаимопомощи признаютъ «сожительницъ»—*les compagnes*—на одинаковыхъ правахъ съ законными женами.

Судьба дѣтей при такихъ условіяхъ въ высшей степени печальна. Легкость развода и незаконность брачныхъ союзовъ губительно отражается на количествѣ дѣтей и еще губельнѣе на ихъ нравственномъ воспитаніи. Среднее сословіе, какъ извѣстно, избѣгаетъ многочисленныхъ семей по чисто-матеріальнымъ соображеніямъ. Остается одно сельское населеніе: оно—единственная надежда страны. Но съ теченіемъ времени городское населеніе разрастается на счетъ сельскаго, подрывается, слѣдовательно, и эта надежда. Естественно, краткій докладъ о бракоразводномъ законѣ вызвалъ у слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе и призывъ докладчика помочь бѣдѣ, встрѣтилъ единодушное сочувствіе. По мнѣнію докладчика, ни въ одной странѣ не происходитъ въ настоящее время такого рѣшительнаго и быстрого разложенія семейнаго начала, какъ во Франціи. Участь націи, разумѣется, самая плачевная, но существуетъ ли средство—спасти семью какими бы то ни было государственными мѣрами тамъ, гдѣ сама жизнь стремится разрушить ее? Очевидно, недугъ таится въ основной организаціи общества, а не въ частныхъ законахъ.

Другое общественное явленіе, еще болѣе страшное, отмѣчено цѣлымъ рядомъ докладовъ и всесторонне выяснено продолжительными преніями, вопросъ объ алкоголизмѣ. Онъ неразрывно связанъ съ вопросами о нравственномъ и физическомъ вырожденіи и о повышеніи преступности. На всѣ эти темы съѣздъ представилъ множество документальныхъ данныхъ и въ общемъ нарисовалъ удручающую драматическую перспективу большого общества.

Во Франціи алкоголизмъ сравнительно недавняго происхожденія. До пятидесятыхъ годовъ недугъ былъ неизвѣстенъ: населеніе пило виноградную водку, и даже въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ говорили о пьянствѣ, но не объ алкоголизмѣ. Въ 1855 году выработка вина оказалась крайне бѣдной, и одновременно въ продажѣ появилось громадное количество алкоголя; въ слѣдующія десятилѣтія потребление его съ одного литра на человека дошло до пяти литровъ. Доктора забили тревогу, стали публиковать подробные анализы алкоголическихъ напитковъ, доказывали вполне наглядно, какой страшный ядъ заключается въ любимѣйшемъ напитокѣ французовъ—въ абсентѣ, сколько бѣдствій причиняетъ этотъ ядъ своимъ жертвамъ и ихъ потомству; голосъ этотъ звучалъ и продолжаетъ звучать въ пустынѣ. Издавались даже законы противъ пьянства, но судьи опасались примѣнять ихъ: до такой степени порокъ сталъ популярнымъ,—приходилось опасаться негодованія народа на строгость наказаній за любимое удовольствіе.

Одинъ изъ докладчиковъ, по профессіи публицистъ, весьма картинно изобразилъ современное значеніе кабака въ обществен-

ной жизни Франціи. «La halte au cabaret»—остановка у кабака, важнѣйшій моментъ въ повседневной жизни рабочаго и всей его семьи. Здѣсь онъ забываетъ свою усталость, согрѣвается отъ холода, мирится съ своей женой, оказываетъ рѣдкія ласки своему ребенку, давая ему допить свой стаканъ.

Но все это только внѣшность зла, неизмѣримо мрачнѣй его сущность.

Наука давно удостовѣрила, что алкоголизмъ слѣдуетъ считать глубочайшей причиной нравственнаго и физическаго вырожденія населенія. Въ мѣстностяхъ, наиболѣе пораженныхъ недугомъ, рождаемость понижается и преступность усиливается. Отъ пьяницы рождается пьяница и преступникъ; эта аксіома вновь была подтверждена на съѣздѣ, и докладчики наперерывъ приводили множество примѣровъ поразительной яркости. Врачи съ долготѣнейшей практикой въ алкоголическихъ мѣстностяхъ, уголовная статистика—единодушно доказывали, какое неотразимое бѣдствіе виситъ надъ страной, зараженной алкоголизмомъ.

Одинъ докладчикъ развернулъ по истинѣ трагическую картину въ полномъ смыслѣ новѣйшаго явленія,—самоубійства дѣтей и юношей, ниже шестнадцатилѣтняго возраста. Потомство алкоголиковъ уже является на свѣтъ безнадежно пессимистическимъ, съ неизлѣчимо-мрачными настроеніями, съ отчаянными понятіями о жизни—даже раньше, чѣмъ были испытаны какія бы то ни было несчастія. Прирожденное нервное разстройство мѣшаетъ естественному развитію организма, и одновременно съ новымъ рожденіемъ въ міръ появляется новый патологическій субъектъ, тѣмъ болѣе опасный, что манія на почвѣ алкоголизма не поддаются излѣченію.

Предъ нами рядъ исповѣдей молодыхъ преступниковъ и онѣ поражаютъ полной безпросвѣтностью человѣческой души и мысли.

Одинъ сознается, что убить все равно кого, было его *idée fixe*; онъ не могъ отдѣлаться отъ нея, будто отъ внушенія. *Рубитъ голову*,—ему казалось величайшимъ наслажденіемъ. Съ первой минуты сознанія, онъ только и мечталъ объ *ударахъ ножа*. И при первомъ же удобномъ случаѣ несчастный совершаетъ убійство съ цѣлью похитить восемь франковъ! Онъ сынъ алкоголической семьи.

Другой, также сынъ алкоголика, рассказалъ на судѣ еще болѣе любопытную исторію. У него страсть къ преступленію развилась на почвѣ маніи величія. Ему нестерпимо хотѣлось заставить публику говорить о себѣ. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что его имени нѣтъ въ газетахъ, его не проносятъ публично съ любопытствомъ или ужасомъ. Онъ долженъ хотя бы на нѣсколько минутъ разыграть эффектную роль, пусть сценой будетъ даже эшафотъ. Но онъ заставитъ толпу смотрѣть на чего, удивляться ему и спокойно подставить свою голову подъ ножъ гильотины.

И этотъ типъ молодыхъ людей, даже дѣтей, ищущихъ шумной популярности путемъ преступленій, является все болѣе распространеннымъ. Народился особый видъ *сверхчеловѣка*, убѣжденнаго въ своемъ героическомъ призваніи не на основаніи какихъ-либо талантовъ и подвиговъ, а въ силу болѣзненнаго, навязчиваго представленія.

Онъ не поддается никакому лѣченію. Недужный субъектъ стихійно идетъ къ своей цѣли и совершаетъ преступленіе съ величайшимъ наслажденіемъ, рассказываетъ о немъ съ гордостью и безъ малѣйшаго проблеска раскаянія, даже мысли о нравственномъ качествѣ своего дѣйствія.

Что остается обществу дѣлать предъ такими врагами, обличающими свои антисоціальныя страсти неудержимо и въ то же время обдуманно? Наслѣдственный алкоголикъ не можетъ быть посаженъ въ сумасшедшій домъ. Онъ держитъ себя кѣкъ вполне здоровый человѣкъ, можетъ даже отличаться извѣстной талантливостью, способностью логически и убѣдительно разсуждать, проявлять въ особенности большой артистическій талантъ, съ эффектомъ и расчетомъ, и за всѣми этими качествами скрывать неотомимую жажду крови, быть немощнымъ рабомъ темной органической силы и подъ ея внушеніемъ не различать ни добра, ни зла.

Богѣе опасное противообщественное бѣдствіе трудно представить. И въ то время, когда общество не обладаетъ никакими предупредительными мѣрами самозащиты, оно умѣло выработать не мало поощрительныхъ.

Та же литература является услужливой спутницей алкоголизма. Порнографія во Франціи процвѣтаетъ въ печати, въ публичныхъ зрѣлищахъ, и неуклонно развращаетъ молодыхъ поколѣнія. Развращеніе начинается очень рано, на школьной скамьѣ, и является вполне законченнымъ къ юношескому возрасту.

Оно характеризуется крайнимъ пониженіемъ нравственной энергии, силы сопротивленія предъ чувственными инстинктами. Субъектъ постепенно становится невмѣняемымъ не потому что онъ утратилъ способность различать отрицательныя идеи и поступки отъ положительныхъ, а потому что у него исчезла нравственная сила владѣть своими идеями и поступками. Усиленное развитіе чувственныхъ наклонностей всегда сопровождается вырожденіемъ воли: болѣзненно чувственный субъектъ находится въ положеніи *наименьшаго сопротивленія*, *minous resistentiae*, становится безхарактернымъ, безличнымъ, приноситъ въ жертву минутному наслажденію какіе угодно принципы и обязательства. У него всѣ другія способности развиваются въ интересахъ животнаго самоудовлетворенія, — хитрость, отвага служатъ цѣлямъ соблазна, насилія.

Это психологія, точно установленная и безпрестанно подтверждаемая многочисленными примѣрами изъ жизни.

Нѣтъ нужды напоминать, какую грозную задачу ставятъ эти явленія наукѣ и законодательству.

Большинство уложеній сурово относится къ пьянству. Законы англійскіе, американскіе, австрійскіе и французскіе признаютъ полную отвѣтственность за преступленія, совершенныя въ состояніи опьяненія. Авторитетнѣйшіе юристы безсознательность пьянаго, если она существуетъ, признаютъ безусловно добровольной, слѣдовательно наказуемой.

Все это вполне справедливо, можетъ быть, даже было бы еще справедливѣе усиливать наказанія за преступленія, совершенныя въ пьяномъ видѣ, такъ какъ въ такомъ преступленіи заключается двойное нарушеніе принциповъ общественнаго порядка и нрав-

ственности. Такъ именно смотрѣли на вопросъ въ древности, предьявляя самыя настойчивыя требованія чувству человѣческаго достоинства и силѣ человѣческаго разума.

А между тѣмъ, древность не имѣла даже отдаленнаго представленія о томъ, что мы называемъ алкоголизмомъ. И намъ въ точности извѣстны величайшія общественныя и, слѣдовательно, политическія бѣдствія, связанныя съ недугомъ. На сколько же строже должно быть законодательство при такихъ условіяхъ и на сколько долженъ казаться намъ презрѣннѣе и ненавистнѣе человѣкъ, предающійся пьянству и своей личностью вносящій въ общество ужасъ библейской кары, даже болѣе страшной, потому что потомство алкоголика раньше полнаго исчезновенія причиняетъ непоправимыя бѣдствія всему обществу, распространяетъ заразу вырожденія вглубь и вширь и способенъ растлѣть самый здоровый социальный организмъ.

И все-таки врядъ ли одно законодательство въ силахъ устранить или даже ограничить растлѣніе.

Сѣздъ единогласно призналъ алкоголизмъ «страшнымъ бичомъ» и настаивалъ на необходимости средствъ спасенія. Нѣкоторые докладчики предложили рядъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ, но президентъ присоединился къ другому рода предложеніямъ, имѣвшимъ въ виду не государственную регламентацію, а общественную инициативу.

И это сознаетъ само общество, оно только не выработало цѣльнаго единаго плана борьбы, не организовало великаго крестоваго похода противъ врага. Президентъ высказалъ мысль о необходимости особаго конгресса для обсужденія вопроса объ алкоголизмѣ, конгресса не для выработки репрессивныхъ мѣръ, а для организаціи общественной борьбы съ возрастающимъ зломъ. Подобная организація была бы великимъ подвигомъ патріотизма.

Желаніе, особенно краснорѣчиво звучавшее среди ученыхъ, посвятившихъ свой трудъ и свои силы настоятельнѣйшимъ политическимъ социальнымъ нуждамъ своего отечества. Ни одна сессія современной французской палаты не могла бы сравниться значительностью поднятыхъ и разъясненныхъ вопросовъ, благородствомъ истинно-патріотическихъ настроеній съ собраніемъ историковъ и социологовъ. И этимъ фактомъ доказывается жизненность и непрерывное развитіе національной французской мысли, несмотря на всѣ болѣзненные явленія современной политической борьбы.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*How the English Workman lives*» Ernst Duckershoff. (King and Son). (Как живет английский рабочий). Очень интересная книга, излагающая взгляды германскаго рабочаго на жизнь английских рабочих. Автор—уроженец рейнских провинцій съ десятилѣтняго возраста вынужденъ былъ самъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и юношей сдѣлался углекопомъ въ Вестфальскихъ рудникахъ. Въ 1890 году онъ былъ избранъ делегатомъ на конференцію рудокоповъ въ Галле и за это былъ уволенъ. Затѣмъ онъ перебрался въ Англiю, гдѣ началъ работать въ Нью-кастльскихъ рудникахъ. Въ книгѣ онъ излагаетъ впечатлѣнія, которыя на него произвела жизнь английскихъ рабочихъ, и какъ «человѣчскій документъ», его книга пожалуй имѣетъ больше значенія для социальной науки, нежели наблюденія людей, стоящихъ внѣ рабочаго класса и ради опыта пожелавшихъ испытать жизнь рабочаго. Сравнивая жизнь и положеніе англійскаго и германскаго рабочаго, авторъ высказывается въ пользу Англiи. Жилища рабочихъ и условія работы въ Англiи гораздо лучше и авторъ говоритъ: «Ни одинъ нѣмецкiй рабочий, попавшій въ Англiю, не станетъ стремиться на свою родину». Но за то авторъ громитъ женъ англійскихъ рабочихъ и ставитъ имъ въ примѣръ нѣмецкiя женщины, хотя въ то же время онъ отзывается съ похвалою о чистотѣ и уютности внутренняго устройства жилищъ рабочихъ. Авторъ очень сочувственно отзывается объ англійскихъ законахъ, которыя одинаковы для всѣхъ и говорятъ, что свобода, существующая въ Англiи, предрасполагаетъ рабочихъ къ хладнокровному образу дѣйствiй и размышленiю.

(Daily News).

«*Histoire abrégée de l'astronomie*» par Ernest Lebon. Paris. (Gauthier-Villars). (Краткая исторiя астрономiи). Въ этой, сравнительно небольшой книгѣ, собраны масса фактовъ и свѣдѣній, которыя мы бы напрасно стали искать въ классическихъ руководствахъ, излагающихъ только результаты, добытые наукой, но не касающіеся

ея исторiи. Этотъ пробѣлъ пополняетъ теперь книга Лебона, гдѣ рядомъ съ портретами шестнадцати астрономовъ и биографіями всѣхъ тѣхъ, кто оставилъ какой-либо слѣдъ въ астрономической наукѣ, систематически излагаются успѣхи астрономiи, съ самаго начала возникновенія этой науки вплоть до нашего времени.

(Journal des Débats).

«*Delinquenti che scrivono*» Lino Ferriani (Omarini ed Como). (Преступники, которые пишутъ). Ученый авторъ этой книги принадлежитъ къ школѣ Ламброзо и съ точки зрѣнія этой школы изучаетъ психику преступника во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Онъ собралъ въ своей книгѣ больше шестисотъ письменныхъ документовъ, которые выясняютъ характеръ преступника, дѣль и мотивы преступления и т. д. По мнѣнію Ферриани частная корреспонденція преступниковъ можетъ служить драгоценнымъ указаніемъ для социальной профилактики. (Revue de Revues).

«*The Reminiscences of a Bashi-Bazouk*» by Edward Vizetelly. With illustrations by Georges Monbard (Arrowsmith). (Воспоминанiя башибазука). Авторъ принималъ участіе въ качествѣ башибазука въ русско-турецкой войнѣ 1877 г. Въ своихъ воспоминанiяхъ онъ передаетъ свои личныя впечатлѣнія и свое мнѣніе о туркахъ, которыхъ онъ хорошо изучилъ и о другихъ подвластныхъ Турціи народностяхъ. Приговоръ его относительно армянъ очень суровъ; онъ говоритъ, что они обладаютъ всеми недостатками турокъ, но не имѣютъ ни одного изъ ихъ добрыхъ качествъ. Очевидно всѣ симпатiи автора находятся на сторонѣ турокъ, которыхъ онъ защищаетъ отъ обвиненія въ жестокости, говоря, что они поступали съ подвластными имъ побѣжденными народами, не хуже и не лучше другихъ побѣдителей-европейцевъ и подкрѣпляя свои слова многочисленными примѣрами изъ новѣйшей европейской исторiи. Но, помимо этой апологiи турецкаго народа и защиты его отъ огульныхъ обвиненiй, книга можетъ зани-

тересовать читателей, так как изобилует любопытными и драматическими эпизодами изъ время русско-турецкой компании.

(Literary World).

«*The evolution of the Idea of God. An Inquiry into the origins of Religion. By Grant Allen. (Grant Richards). (Эволюція идеи божества; опытъ изслѣдованія происхожденія религіи).* Авторъ заданъ пѣлю изслѣдовать какими путями возникло и выработывалось постепенно въ сознаніи человѣка понятіе о божествѣ. Онъ говоритъ, что сношенія человѣка съ вѣдшимъ міромъ неизбѣжно должны были повести къ обожествленію силъ и явленій природы и такимъ образомъ было положено начало идеѣ божества, которая затѣмъ подверглась извѣстной эволюціи. Что касается происхожденія политеизма, то въ этомъ отношеніи авторъ является болѣе или менѣе послѣдователемъ взглядовъ Спенсера. Книга написана популярно и со свойственно автору талантливостью; въ ней много высказываются оригинальныхъ взглядовъ.

(Literary World).

«*The Marmon prophet*» by Z. Dougall. (A. and C. Black). (Мармонскій пророкъ). Очень интересная и вполнѣ безпристрастная исторія возникновенія мормонизма, написанная въ формѣ романа, освѣщающая одинаково ярко, какъ качества, такъ и недостатки мармоновъ и ихъ жизнь на берегахъ Соленяго озера.

(Literary World).

«*Round the World on a Wheel*» by I. F. Fraser. One hundred illustrations (Methuen and Co). (Вокругъ свѣта на колесѣ). Въ этой книгѣ авторъ описываетъ очень любопытное и богатое всевозможными приключеніями путешествіе вокругъ свѣта, которое онъ совершилъ, вмѣстѣ съ двумя спутниками, на велосипедѣ. Въ общемъ они проѣхали 20.000 миль. Путешествіе продолжалось два года и конечно за это время путешественникамъ пришлось перенести много лишеній и испытать опасностей, въ особенности трудно имъ пришлось въ Китаѣ. Однако путешествіе по европейскимъ государствамъ тоже не обошлось безъ неприятностей, хотя это и были неприятности совершенно иначе чѣмъ тѣ, которыя они испытывали въ Китаѣ, Персіи, Вирманіи и др. мѣстахъ.

(Literary World).

«*Le mariage, la genèse et son évolution*» par L. Tillier. Paris. (Бракъ, его генезисъ и эволюція). Авторъ резюмируетъ, сравниваетъ и классифицируетъ всѣ доктрины, высказанныя по поводу вопроса о происхожденіи брака разными писателями, изучавшими его и указываетъ противорѣчія, встречающіяся въ этихъ выводахъ. По многимъ вопросамъ авторъ высказываетъ свои соб-

ственные взгляды и выводы и результаты своихъ личныхъ изслѣдованій въ этой области. Такъ какъ авторъ избѣгаетъ научныхъ терминовъ, то книга его читается легко и можетъ быть названа популярнымъ изложеніемъ вопроса о происхожденіи и эволюціи брака.

(Journal des Débats)

«*Le Féminisme*» par Kaethe Schirmaches (Colin et Co). (Феминизмъ). Маленькая брошюра, въ которой сообщаются статистическія свѣдѣнія о положеніи женскаго вопроса во Франціи, Англіи, Швеціи, Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Journal des Débats).

«*La Psychologie des Saints*» par Henri Joly. (Психологія святыхъ). Увлекательно написанная книга, изобилующая чрезвычайно интересными фактами и свѣдѣніями и затрогивающая одинъ изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ человѣческой психологіи.

(Journal des Débats).

«*Insects; Foes and Friends*» by W. Egmont Kirby (Partridge and Co). (Насѣкомыя; враги и друзья). Въ этомъ небольшомъ сочиненіи авторъ знакомитъ читателей съ характеристикою общезвѣстныхъ насѣкомыхъ привадежащихъ или къ числу друзей, или къ числу враговъ человѣчества. Книга прекрасно иллюстрирована.

(Bookseller).

«*Ueber den Kampf der Humanität gegen die Schrecken des Krieges*» par prof. Friedrich v. Esmarch (Deutsche Verlagsanstalt). (О борьбѣ человечества съ ужасами войны). Второе, переработанное и значительно дополненное изданіе небольшого сочиненія знаменитаго хирурга, въ которомъ излагаются способы облегчить страшныя послѣдствія войны и участь раненыхъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*Lives of Great Italians*» by Frank Hartridge (Fisher Unwin). (Жизнь великихъ итальянцевъ). Въ предисловіи къ этой книгѣ заключающей въ себѣ біографію великихъ итальянцевъ, авторъ говоритъ, что жизнь великихъ людей всегда представляетъ общій интересъ, конечно соответствующій заслугамъ великаго человѣка и той степени драматизма, которая встрѣчается въ его жизни. Въ послѣднемъ отношеніи Италия занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ жизнь ея великихъ людей тѣсно связана съ ея національною исторіей и поэтому въ біографіи великихъ итальянцевъ интересъ представляетъ не только центральная фигура, но и фонъ картины и вся окружающая обстановка. Въ книгѣ помѣщены біографіи Данте, Петрарки, Макіавеля, Микель Анджело; Галилея, Альдейри, Кавура и Виктора Эммануила.

(Literary World).

«*The Heart of Asia*» by Francis Henry Skrine and E. D. Ross. (Methuen and Co). (Сердце Азии). Въ этой книгѣ, представляющей совмѣстный трудъ заключается чрезвычайно цѣнный матеріалъ для всѣхъ, интересующихся центральною Азіей и политикой. Въ началѣ книги помѣщенъ краткій очеркъ греческаго періода и затѣмъ читатель знакомится съ послѣдующими эпохами, аббасидовъ, саманидовъ, газнавидовъ, сельюковъ и монголовъ, вплоть до перваго нашествія русскихъ и ихъ постепеннаго распространенія въ центральной Азіи и подчиненія ея своей власти. Книга заканчивается 1895 г. Докторъ Россъ, профессоръ персидскаго языка, обработалъ историческій матеріалъ для этой книги. Книга пре-

красно иллюстрирована рисунками, слѣданными съ картинъ Верещагина и снабжена подробными картами.

(Athaeneum).

«*Morale Sociale*» *Leçons professées au Collège libre des Sciences Sociales. Préface de M. Emile Boutroux prof. Bibliothèque generale des Sciences Sociales. (Felix Alean). prix: 6 fr. (Соціальная нравственность)*. Въ этой книгѣ заключаются четырнадцать лекцій, прочитанныхъ въ «Collège libre des Sciences Sociales» въ Парижѣ въ теченіе истекшаго учебнаго семества. Темы, затронутыя въ лекціяхъ, весьма разнообразны, но всѣ вращаются въ области соціальнаго долга и нравственности.

(Journal des Débats).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Psychological Review». — «Deutsche Revue». — «Revue de Paris». — «Nineteenth Century». — «Nouvelle Revue».	28
19. ДАРОВОЙ ОБЪДЪ ДЛЯ БѢДНЫХЪ УЧЕНИКОВЪ ВЪ БОРО. Чарльса Морлей. Перев. съ англійскаго Н. Кургановой.	35
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Ботаника. Выдѣленіе тепла въ цвѣтахъ Victoria regia. — Бактеріологія. Къ вопросу о взаимодѣйствіи между бактеріями и зараженнымъ ими организмомъ. — Зоологія. 1) О движеніи инфузорій. — 2) Обоняніе птицъ. — Физика. Телеграфированіе безъ проволокъ. Д. Н. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.	42
21. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «М. Е. Салтыковъ», А. Н. Пыпина. — Публицистическая дѣятельность Щедрина въ 60-ые годы. — Его общественные взгляды. — Мнѣніе о реформѣ печати и о «направленіяхъ». — Взглядъ на молодое поколѣніе вообще. — Его отрицательное отношеніе къ Писареву и «вислоухимъ». — «Тома Гордѣевъ» г. Горькаго. А. Б.	59
22. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Соціологія. — Философія. — Естествознаніе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	71
23. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. О политикѣ и соціологіи въ современной Франціи. Ив. Иванова	100
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	122

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. Эдмонда де-Амичиса. Переводъ съ итальянскаго Ел. Колтоновской. (Продолженіе).	51
26. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный Морицомъ Вильомомъ, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Могиланскаго и Д. Н. Нелюбова. Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Окончаніе).	247
27. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕРЦОГА СЕНТЬ-СИМОНА. Пер. съ франц. Со статьей Сентъ-Бэва о герцогѣ Сентъ-Симонѣ.	1

При этомъ номерѣ прилагается каталогъ книгоиздательства О. Н. Поповой.

„МІРЪ ВОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНИЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ известнѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятія *мелкія рукописи* и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятія статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятія же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтового расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣчную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недельнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) *Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно съ контору редакціи*. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ по *сторжкамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ

С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C038552560

